

**ЯПОНИЯ:
150 лет революции Мэйдзи (1868-2018)
«ISSUES OF JAPANOLOGY» №7**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES
«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №7

**ЯПОНИЯ:
150 лет революции Мэйдзи**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES
«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №7

**ЯПОНИЯ:
150 лет революции Мэйдзи**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

УДК 008+94+821.521+811.521+292/299
ББК 63+70/79+81/83+85+86 (5Япо)

*Печатается по рекомендации
Научной комиссии Восточного факультета СПбГУ*

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ И СОСТАВИТЕЛИ:
А.В.Филиппов, Н.А.Самойлов, Е.М.Османов

РЕЦЕНЗЕНТЫ: канд. ист. наук Сеницын А.Ю. (МАЭ РАН, Кунсткамера),
канд. филол. наук Туранская А.А. (ИВР РАН)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
докт. ист. наук Филиппов А.В., докт. ист. наук Самойлов Н.А.,
канд. ист. наук Османов Е.М., канд. ист. наук Щепкин В.В.,
канд. филол. наук Ибрагим И.С., канд. ист. наук Маранджян К.Г.,
канд. ист. наук Боголюбов А.М.

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов
Печатается в авторской редакции

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ: 150 лет революции Мэйдзи. Исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые 150-ой годовщине революции Мэйдзи [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №7]. – СПб. – Изд-во Art-xpress, 2018. – 849 с.

Коллективная монография посвящена 150-ой годовщине буржуазной революции Мэйдзи (1868-2018). В ней нашли отражение различные аспекты жизни традиционной и современной Японии, всесторонне и многогранно охарактеризованы полтора столетия движения Японии по пути обновления.

Авторский коллектив объединил как известных российских японоведов, так и зарубежных учёных. Присущий востоковедению комплексный подход позволил создать многоплановую картину эволюции японского общества, в которой представлен весьма широкий круг вопросов (язык и литература, история и культура, политика, экономика и международные отношения). Оценка и интерпретация исследуемых проблем, их глубокий анализ – в полной мере позволяют составить целостный и динамичный образ сегодняшней Японии.

Монография адресована не только востоковедам, но и студентам, аспирантам, специалистам в области культуры, политики, международных отношений, а также широкому кругу читателей, интересующихся прошлым и настоящим Японии. Материал приводится на русском, японском и английском языках.

ISBN 978-5-4391-0369-0

© Авторский коллектив, 2018
© Восточный факультет СПбГУ, 2018
Все права защищены

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

150 лет революции Мэйдзи в Японии (сохранение традиций или мировое лидерство?)

«...размышляя... как жить в эпоху перемен...»
[конфуциева ли мудрость, китайская ли поговорка,
задумчивость ли усомнившегося атеиста]

2017 и 2018 годы, по воле судьбы, стали великими юбилеями для России и Японии. 100-летие Великой Октябрьской социалистической революции у нас (7 ноября 1917), 150-летие буржуазной революции Мэйдзи в Японии (3 января 1868). При этом 2018 год объявлен в обеих странах «годом перекрёстных культур России и Японии». Для обеих стран названные события стали вехой, обозначившей **начало новейшей истории**. Обе страны вошли в «эпоху перемен», неузнаваемо преобразившую жизнь. Оба свершения остаются темой дискуссий, выявляя неувовимо схожие нюансы оценок. Для Японии – старт нового времени *киндай* 近代, обозначившего погружение в модернизацию *киндайка* (по сути – ввод страны в рамки общемирового сообщества), т.е. став по-своему первым этапом новейшей истории (2-ой этап тогда можно отсчитывать с 1945). Прежде чем определиться с терминами – стоит обозначить отношение к спорным темам и порой общих «акцентах» даваемых оценок. Так, в Японии «политический процесс в период отречения сёгуна (октябрь 1867 года) до реставрации императорской власти (январь 1868 года) был удивительно оторванным от народного движения»¹. Думается, это донельзя перекликается с ленинским высказыванием о

---

¹ Так П.П.Топеха написал в Предисловии к одной из самых значимых книг о революции Мэйдзи – как в Японии, так и в России [ТОЯМА Сигэки. Мэйдзи исин: Крушение феодализма в Японии. М.: Изд-во Иностран. лит., 1959. С.17]. В Японии как актуальный труд послевоенного периода, когда был насущно необходим труд, дающий новые оценки событиям Мэйдзи – работа появилась в 1955, а в СССР была переведена и издана уже через четыре года, в 1959.

декабристах – «страшно далеки они от народа»². В Японии речь идёт не только о «реставрации» власти монаршей династии (подобно восстановлению на престоле неких «государевых» семейств Европы); двухтысячелетняя история японской императорской династии уникальна при любом повороте темы. У нас столетие назад произошёл не «октябрьский переворот», а Великая Октябрьская социалистическая революция, давшая начало и новой общности (советскому народу), и череде важных свершений. Равно и в Японии произошла чрезвычайно значимая буржуазная революция, коренным образом изменившая все стороны жизни общества (и революция эта была неизбежна из-за целого комплекса «внутренних неурядиц и внешних осложнений» *найю-гайкан* 内憂外患). Сколь разносторонним и важным было это влияние – демонстрирует живой интерес к теме всех участников настоящей коллективной монографии, посвящённой 150-ой годовщине революции Мэйдзи в Японии.

Крайне важно определиться с терминологией в отношении событий Мэйдзи. В *отечественной исторической науке* существует вполне сложившийся набор понятий и терминов, от которого неуместно отказываться. В советский период исходили из определения, применённого В.И. Лениным в сводке главных событий мировой истории – «1868-1871: Япония. (Революция и преобразования)». В итоге, на практике устоялось осторожное использование *своего рода клише «незавершённая буржуазная революция Мэйдзи в Японии»*. Последнее основательное обобщающее монографическое исследование, посвящённое именно этому сложнейшему терминологическому вопросу – издано Н.Ф. Лещенко в 1984³. Она акцентировала внимание читателей на

² Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч., 5 изд. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 21. С. 261.

³ Лещенко Н.Ф. «Революция Мэйдзи» в работах японских историков-марксистов. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. С.120.

значении работ А.А.Гальперина, Н.И.Конрада, Е.М.Жукова и др. Учебники по истории Японии 1939 и 1988, Очерки новой истории Японии 1958, многотомная Всемирная история, Большая Советская Энциклопедия и Советская Историческая Энциклопедия – долгие годы являлись изданиями, где приведены выверенные понятия и определения по японской истории. Особо значим вклад в оттачивание понятийного аппарата со стороны П.П.Топехи (что особо отмечено Н.Ф.Лещенко)⁴. В частности, именно его перу принадлежит и предисловие к изданию 1959 г. русского перевода книги ТОЯМА Сигэки «Мэйдзи исин (Крушение феодализма в Японии)», подготовленному под редакцией Г.И.Полпаловой и не утратившему своего значения поныне. Революция социальная (согласно БСЭ) – это «коренной качественный переход во всей социально-экономической структуре общества», а основная цель буржуазной революции – в уничтожении феодального строя, создании буржуазного государства⁵. Исходя из реалий сегодняшних – вполне можно обойтись без ремарки «незавершённая». Пристальное изучение революций заставляет задуматься о присутствии «незавершённости» в любой из них, что не мешает считать их революциями. Более того, понятие «буржуазная революция Мэйдзи» фигурировало во множестве работ, посвящённых 100-летию Мэйдзи – это даёт достаточные основания для именно такого определения. В различных аспектах тема привлекает внимание отечественных учёных и поныне, будучи разрабатываемой в

---

⁴ Там же, с. 94-95.

⁵ Большая Советская Энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/> (дата обращения: 25.01.2018).

монографиях А.Н.Мещерякова⁶, В.Э.Молодякова⁷, А.А.Толстогузова⁸ и др.

С началом перестройки в издательской деятельности были утрачены многие традиции в редактировании научных изданий. Перечислять публикации, где из-за недостатков редакционной работы фигурирует производное от английского языка выражение «реставрация Мэйдзи» – судя по всему, нет особого смысла. Конечно, власть японской императорской династии была восстановлена, реставрирована. Однако, значение произошедших перемен в жизни страны было именно революцией, обеспечившей для Японии движение по пути развития нового капиталистического общества, а не просто восстановившей власть конкретного правящего дома (при всей уникальности непрерывной императорской династии Японии). Соответственно, «калька» с английского языка «реставрация» для отечественной науки со сложившимся понятийным аппаратом – представляется неоправданной и даже неприемлемой в русскоязычной научной литературе. Для трудов на английском же языке – появление определения как «реставрации» связано с особенностями перевода (а даже не трактовки) термина японского.

В исторической науке Японии применяем термин **Мэйдзи-исин** 明治維新, что буквально переводимо как «обновление Мэйдзи» (Мэйдзи – букв., «просвещённое правление», девиз годов правления императора Муцухито в 1868-1912). В описательном смысле «обновление» в значительно более полной мере отражает суть всеобъемлющих перемен в жизни общества, нежели просто реставрация. В самой Стране Восходящего Солнца осмысление историчес-

---

⁶ Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С.736.

⁷ Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: Идеология и политика. М.: Вост. лит., 1999. С.319.

⁸ Толстогузов А.А. Японская историческая наука : очерки истории. М.: Вост. Лит. РАН, 2005. С.566.

кого места событий Мэйдзи тесно связано с «дискуссией о характере капитализма в Японии» 日本資本主義論争, пик которой пришёлся на 1927-37. Оппонентами стали близкая к КПЯ «лекционная группа» *кōдзаха* и «рабочее-крестьянская группа» *рōнōха*; дебаты прервало ужесточение тоталитарного режима, рост национализма и Вторая мировая война. Тем не менее, марксистские подходы к оценке событий в японской исторической науке сильны и сегодня. Хотя о том не принято заявлять во всеуслышание, однако, достаточно взглянуть на многотомные серии по истории Японии, выпускаемые различными издательствами – методика периодизации и деления на тома в целом свидетельствует о следовании весьма удобному марксистскому формационному подходу (феодализм, капитализм), равно как и привычной для европейца схеме древность-средневековье и т.д. Вопрос же о существовании в Японии и иных традиционных подходов к периодизации – выходит за рамки заявленной здесь тематики. Современная оценка, приведённая в разделе по Мэйдзи-исин в 17-томном японском историческом справочнике по национальной истории издательства Ёсикава-кōбункан⁹ – прежде всего определяет эти события как «значительнейшую реформу» *итидай-хэнкаку* 一大変革, по сути, фактически подтверждая упомянутое ещё ленинское определение. Завершая 9-страничный раздел и останавливаясь на разноплановых оценках в значимости этих событий, ТАНАКА Акира 田中彰 приводит 4 варианта определения для литературы на английском языке (Meiji Restoration, Meiji Revolution, Meiji Ishin, Meiji Reform), т.е. оставляя, в зависимости от контекста, приемлемыми формулировки – **реставрация, революция, Мэйдзи-исин и реформа**. Так что, обратившись сегодня к теме 150-летия Мэйдзи в рамках коллективной монографии на русском

---

⁹ Кокуси дайджитэн = [Энциклопедический] словарь по истории Японии. Т.13. Токио: Ёсикава-кōбункан, 1992. С.722-729. 国史大辞典. 第13巻. 東京: 吉川弘文館、1992年。

языке – более чем обоснованно оперировать термином *буржуазная революция Мэйдзи*.

9 декабря 1867 был опубликован официальный указ о восстановлении императорской власти *Осэй-фукко-но дайгō-рэй* 王政復古の大号令¹⁰. Несколькими днями ранее, 3 декабря 1867 в Киото вассальными княжествами было одобрено решение правительства сёгуна об отречении в пользу императора. Месяцем позже, 3 января 1868 в присутствии совсем юного императора Муцухито (род.1852) были оглашены важнейшие рескрипты нового режима (реставрация власти императора, создание нового правительства при отказе от системы управления сёгуном и т.д.)¹¹. Новый девиз годов Мэйдзи официально провозглашён позже, 9 сентября 1868¹². Детали всех событий блестяще описаны в упомянутом труде ТОЯМА Сигэки, доньше обычно фигурирующего первым в списках наиболее авторитетных работ по Мэйдзи-исин¹³. Таким образом, как в этом сочинении, так и в появляющихся в последнее время на русском языке новых

¹⁰ Во избежание встречающихся неточностей – датировка приведена по вышеупомянутому Кокуси дайджитэн (Том 2, 1980. С. 460). Сравн.: История Японии / Под ред. Д.В.Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2015. С.256.

Несовпадения в датах чаще связаны с тем, что первый год нового девиза правления Мэйдзи – это одновременно и последний год прежнего девиза Кэйō. Подобные нюансы чаще всего достаточно уточнять по справочнику Кōдзиэн, но в данном случае более уместно обратиться к самому авторитетному печатному изданию по истории Японии – 17-томному Кокуси дайджитэн (оставляя в стороне в том числе также часто противоречивые материалы из сети Интернет).

¹¹ См. напр.: ТОЯМА Сигэки. Указ. соч., с.190-191; Лещенко Н.Ф. Указ. соч., с.3.

¹² Кокуси дайджитэн = [Энциклопедический] словарь по истории Японии. Т.13. Токио: Ёсикава-кōбункан, 1992. 国史大辞典. 第13卷. 東京: 吉川弘文館、1992年。С.721. (Ссылка приведена, поскольку в литературе фигурирует достаточно много разночтений по поводу датировки начала девиза)

¹³ Кокуси дайджитэн = [Энциклопедический] словарь по истории Японии. Т.13. Токио: Ёсикава-кōбункан, 1992. С.729. 国史大辞典. 第13卷. 東京: 吉川弘文館、1992年。

трудах по истории Японии приводится немало важных подробностей и по связанной с этими событиями гражданской войне, и по реформам в политике, экономике, практически во всех сферах. Всё это в итоге до неузнаваемости изменило жизнь Японии, выведя страну на передовые рубежи в рамках мирового сообщества.

150-летие революции Мэйдзи, событий Мэйдзи-исин – на сегодня снова привело к появлению в Японии множества новых публикаций, посвящённых этой значимой дате. Помимо массы изданий, связанных с региональными исследованиями (местная история городов и регионов – весьма популярна в стране), интересно появление публикаций, где вместе упомянуты 100-летие русской революции и 150-летие Мэйдзи¹⁴. Представляется любопытным и проявление интереса к жизнеописаниям «инноваторов хайтека эпохи Эдо... заложивших фундамент для Мэйдзи-исин»¹⁵ (ноябрь 2017). Ряд изданий посвящён попыткам в очередной раз в целом обдумать и осознать значение Мэйдзи, а некоторые авторы (ИНОСЭ Наоки, ИСОДА Митифуми) призывают задуматься, что все великие свершения последовавших полутора столетий – оставили «неизменной саму суть души Японии и японской культуры»¹⁶. Стоит особо

---

¹⁴ Напр.: статья ТАКАХАСИ Сэйитирō «150 лет Мэйдзи-исин и 100-летие русской революции» в 38-ом расширенном осеннем выпуске журнала Кирон-21 (Интеллектуальность и креативность) за 2017 год [高橋誠一郎。「明治維新 150 年」と「ロシア革命 100 年」// 季論 21. 第 38 号。2017 年秋特別増大号].

¹⁵ Эдо-дзидай-но хайтэку иннобэтā рэцудэн. «Мэйдзи-исин»-о цукутта эндзиниа-гати-но фйрудо-гайдо = Биографии инноваторов хайтека эпохи Эдо (отраслевой справочник инженеров, заложивших фундамент для Мэйдзи-исин). Токио: Гэнсися, 2017. С.224. 江戸時代のハイテク・イノベーション一列伝「明治維新」を創ったエンジニアたちのフィールド・ガイド。東京：言視舎、2017 年。224 頁。

¹⁶ ИНОСЭ Наоки, ИСОДА Митифуми. Мэйдзи-исин-дэ каваранаката Нихон-но какусин = Мэйдзи-исин, не изменившая глубин японской души. Токио: РНР-кэнкюдзё, 2017. С.302. 猪瀬直樹、磯田道史著。明治維新で変わらなかった日本の核心。東京：RHP 研究所、2017 年。302 頁。

отметить солидный объём ряда этих изданий – по две-три сотни страниц.

В развитие только что сказанного можно поставить вопрос – Япония сегодня это **страна самобытной традиционной культуры** или же **признанный мировой лидер**? Вряд ли ответ может быть однозначным. С одной стороны, уникальность культуры и бережное отношение японцев к ней очевидны, но налицо и постоянные изменения, проявляющиеся в экономике, политике, культуре, стереотипах поведения, корпоративной культуре, образе жизни и манере общения. С другой стороны, быстрый вход Японии в круг великих держав (незвизрая на ряд феодальных пережитков) на рубеже XIX-XX в., участие во Второй мировой войне, послевоенная разруха и «экономическое чудо»... К 1968 по экономической мощи страна прочно заняла 2-ое место в капиталистическом мире. Страна во всех отношениях соответствует высочайшим критериям оценки, включая и сферу культуры и образования (хотя, конечно, вопросы и сложности возникают как и везде).

Весьма различные мнения по поводу сложнейшего пути, пройденного Японией за минувшие полтора столетия после революции Мэйдзи – обусловили потребность обратиться к этой теме в рамках предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии. В целом, авторы не ставили перед собой задачу осветить какие-либо неотмеченные ранее подробности Мэйдзи-исин. По-прежнему актуален вышеупомянутый труд ТОЯМА Сигэки. Нынешний читатель может обратиться и к таким основательным изданиям, как 2-томник по истории Японии под ред. А.Е.Жукова 1998 г., Истории Японии под ред. Д.В.Стрельцова 2015 г. и др. Однако, 150-летие революции Мэйдзи – это и повод по-новому взглянуть на череду свершений страны во всём их многообразии. Появление данной монографии, подготовленной отечественными и зарубежными японоведами из разных стран – сумеет по-новому приблизить нас к глубинам понимания истинного значения революции

Мэйдзи, разноплановости её воздействия как в укреплении традиций и самобытности, так и в отношении устремлённости к модернизации, современности, желанию и способности Японии всегда соответствовать самому передовому, что есть в мире сегодня. Именно это и стремился отразить состав авторов коллективной монографии, объединённых стремлением воплотить в тексте эту сложнейшую мозаику, палитру жизни Японии, которая вполне может заиграть новыми светом и красками, преломлёнными призмой времени. И мнения авторов из разных стран действительно способствуют складыванию такого многогранного впечатления.

Коллективная монография состоит из 7 глав, отражающих влияние революции Мэйдзи на жизнь Японии. **Первая глава** посвящена корням Мэйдзи-исин и историческим реалиям в канун революции. **Вторая** – влиянию Мэйдзи на японскую культуру, быт и образование. **Третья** – демонстрирует разнообразные элементы жизни общества на фоне политических изменений за минувшие полтора столетия. В **главе четвёртой** – изучается влияние Мэйдзи на литературу Японии. **Пятая глава** – освещает аспекты отношений России и Японии, где в том числе отражены и нюансы, связанные с известными деятелями истории. Эволюция японского языка в разных его проявлениях – представлена в **главе шестой**. Наконец, в завершающей коллективную монографию **седьмой главе** – продемонстрировано как «открытая миру Япония» смогла выдвинуться на передовые рубежи мирового сообщества благодаря активной внешней политике за полтора столетия после Мэйдзи-исин.

Нюансы долгого пути длиной в полтора столетия – в обновлении японской жизни, быта, культуры, политики экономики – освещаются авторским коллективом, который объединил исследователей из Москвы, Петербурга, Новосибирска, Красноярска, Владивостока, Казани; в подготовку публикации внесли существенный вклад учёные из Японии (Токио, Киото, Осака, Саппоро) и ряда других стран (такие

города, как Рим, София, Белград, Астана), где влияние Мэйдзи на жизнь Японии вызывает живейший интерес. Все материалы публикуются в авторской редакции (на русском, японском и английском языках), что позволяет более полно отразить разнообразие суждений и взглядов, высказанных в ходе международного научного симпозиума, посвящённого 150-летию революции Мэйдзи в Японии и проходившего на Восточном факультете Санкт-Петербургского госуниверситета 2-3 марта 2018 года. В содержании указаны только имена авторов по параграфам каждой из глав, а подробные сведения (аффилиация) – приведены в конце издания.

Хочется выразить надежду, что книга поможет появлению новых и новых исследований по Японии, способствуя ещё более глубокому и адекватному её видению, поможет развеять следы недопонимания в восприятии культуры и жизненных реалий в том числе сегодняшнего дня. Дальнейшее же движение жизни и науки поможет добавить нечто новое и будущим поколениям исследователей.

ГЛАВА 1

Корни Мэйдзи-исин и исторические реалии мэйдзийской Японии

Революция Мэйдзи: 100 и 150 лет спустя (Н.И.Конрад и парадоксы его «прогресса»)

В 1968 г. отмечался столетний юбилей революции Мэйдзи. В Японии он праздновался с небывалым размахом. С тех пор утекло целых 50 лет. По случаю 150-летия таких пышных торжеств, похоже, уже не предполагается. Однако это вовсе не значит, что историческая значимость революции уменьшилась. Эти события свершились раз и навсегда, изменить их нельзя. Однако те люди, которые размышляют о них, продолжают меняться, изменяются их установки и ракурсы. Меняются поколения, увеличивается и расстояние, с которого они смотрят на Японию 1868 года. Что-то видно лучше, что-то хуже. Но никто еще не подверг сомнению, что в результате революции судьба Японии изменилась самым решительным образом.

Пятьдесят лет назад Н. И. Конрад опубликовал статью «Столетие японской революции», в которой представил свой взгляд на это событие. Н. И. Конрад был не только академиком, он был тонким и знающим человеком. Именно ему принадлежит подзабытое ныне первенство: первым в мире он перевел «Исэ моногатари» — один из основополагающих текстов японского средневековья. Перевел тонко, изобретательно и своеобразно, создав переводческий образец, с которым сверялись все будущие исследователи и переводчики японской литературы. Язык для переводов старой японской литературы еще не выработался, пришлось быть первопроходцем, который под влиянием голодного, кровавого и вольного воздуха первых лет большевистской революции не стеснялся экспериментировать с родным языком. В предисловии к «Исэ моно-

гатари» Н. И. Конрад так объяснял идеи своего перевода: «Принципов, положенных в основу перевода, очень немного, и они очень несложны: верность подлиннику в образах его, в последовательности этих образов и в эмоциональном их содержании. Поэтому я сознательно жертвую иногда правильным ходом русской фразы для создания того специфического эмоционального контура, который, как мне казалось, существует в японском тексте»¹.

Потом Н.И.Конраду всю оставшуюся жизнь пришлось приспособливаться к изменяющимся вкусам коммунистического режима, сушить свой слог, корезить мысль. Коммунисты посадили его в тюрьму, они выжимали из него сок, но и Конрад при любом случае выжимал из ситуации все возможное. Он буквально «протаскивал» японскую классическую (аристократическую!) литературу через рабоче-крестьянскую цензуру, приписывая этой литературе самые разные смыслы, отвечающие требованию очередного советского дня. В работах 20-х годов он по-честному говорит об эстетизме, утонченности и гедонизме своей любимой хэйанской литературы. В 30-х годах «Повесть о Гэндзи» превращается у него в «полноценный реалистический роман»². После войны, когда советская идеология принялась хвалить все народное, он стал утверждать, что японская аристократическая поэзия является продолжением поэзии народной. «Народное творчество было источником поэзии литературной не только в историческом отношении, но и в том смысле, что последняя, даже став самостоятельной отраслью поэтического творчества, продолжала пользоваться разнообразными образами и приемами, созданными в народной поэзии»³.

---

¹ Исэ-моногатари. Перевод и предисловие Н. Конрад. «Всемирная литература», 1921. С. 34.

² Восток. Сборник первый. Литература Китая и Японии. Academia, 1935. С. 11.

³ Японская поэзия. Сост. и пер. А.Е.Глускина и В.Н.Маркова. М.: "Гослитиздат", 1954. С. 4.

Сейчас можно лишь понимающе-снисходительно улыбнуться такой поворотливости, но дело-то делалось: несмотря на репрессии, расстрелы и цензуру, сам Н.И. Конрад, его коллеги, ученики и последователи много сделали для того, чтобы японская аристократическая литература расцвела советский культурный пейзаж.

Н.И. Конрад был человеком с широким кругозором, размышлял не только о литературе и культуре — история тоже входила в круг его интересов. И столетие революции Мэйдзи не оставило его равнодушным. В статье «Столетие японской революции» он итожит свои размышления⁴. С тех прошло полвека, наука двигалась — предположительно вперед. Имеет смысл посмотреть, откуда она отправлялась и куда успела добраться.

Н.И.Конрад не был оголтелым коммунистом, но общая интеллектуальная атмосфера заставляла его — как вольно, так и невольно — придерживать базовых марксистских взглядов на историю. Одной из главных аксиом этого дискурса является фаталистическое учение о социально-экономических формациях, в соответствии с которым все общества «обречены» пройти одни и те же стадии — от первобытности до коммунизма. Такое понимание исторического процесса было одним из изводов мощнейшего дискурса, который овладел Европой в новое время. Этот дискурс называется «прогресс». Несмотря на возражения некоторых скептиков и ретроградов, он является абсолютно доминирующим и сегодня. В свое время, которое особенно отчетливо обнаружилось в XVIII веке, «прогресс» совершил настоящий переворот в европейских умах. Традиционное общество (в том числе и европейское) считало утраченным идеалом прошлое, прогрессисты же полагали, что настоя-

---

⁴ Н.И.Конрад. Столетие японской революции // Н.И.Конрад. Избранные труды. М., «Наука», 1974. С.188-199. Ссылки на это издание приводятся в круглых скобках в основном тексте данной статьи.

щее лучше прошлого, а будущее — лучше настоящего. Все прогрессистские теории являются европоцентричными, ибо признают за норму Европу. Не случайно поэтому, что находившиеся в конфликтных отношениях советские и «буржуазные» историки согласно квалифицировали революцию Мэйдзи как «прогрессивное» (положительное) событие, которое приобщило Японию к «мировой» (т. е. западной и единственно возможной) цивилизации. Марксистские и «буржуазные» мыслители расходились в оценке будущего (является или нет коммунизм высшей стадией прогресса), но их взгляд на японское прошлое демонстрирует удивительное единодушие: Япония эпохи Токугава есть застойное государство и — слава Прогрессу! — хорошо, что его больше не существует.

При таком подходе полностью выпадает из поля зрения тот неотменимый факт, что после подавления симабарского восстания 1637 г. (в котором Н.И. Конрад по мистическим причинам видит пролог буржуазной революции) Япония вступила в полосу стабильности и мира. Основателю сёгунской династии Токугава Иэясу и его потомкам удалось сформировать такую систему, которая доказывала свою прочность в течение двух с половиной веков: страна не знала ни внешних, ни внутренних войн, мятежей не случалось. Крестьянские «восстания», о которых с таким жаром говорили марксистские историки, принимали форму петиционного движения. При этом крестьянские челобитные не требовали невозможного. По большей части «бунтовщики» просили избавить их от произвола местного чиновника. Случалось, что такие петиции подавались с нарушением субординации, через голову непосредственного начальника, что было строжайше запрещено. В таком случае типичным исходом являлась казнь зачинщиков и удовлетворение их требований. Ссылка Н.И. Конрада на сопровождавшееся погромами рисовых лавок выступление Осие Хэйхатино (1837 г.), в котором ученый видит свидетельство революционного потенциала

«народных масс», продолжалось два дня и производит впечатление не столько размахом (в нем участвовало около 300 человек), сколько своей исключительностью. В любом случае легитимность власти сёгуна или даймё под сомнение никогда не ставилась. Этому способствовало и то обстоятельство, что элита предъявляла достаточно высокие требования по отношению к себе, что помогало значительно минимизировать коррупцию и беззаконие. Ни одна из «передовых» европейских стран не могла похвастаться таким длительным социальным миром, что не мешало западным историкам клеймить режим Токугава как «реакционный» и «застойный».

Главная задача Конрада состояла в том, чтобы показать единообразие исторического процесса в Европе и в Японии. Страстное желание видеть в Японии западный аналог подвигает Н. И. Конрада на утверждение о том, что сёгунат Токугава представлял собой абсолютистский режим. Это, разумеется, большая натяжка. При абсолютизме некто (как правило, монарх) обладает неограниченной властью. Японский император такой властью явно не обладал. Обладал ли ей сёгун? Вряд ли можно ответить на этот вопрос утвердительно. Может ли считаться власть абсолютистской, если в стране не существует общегосударственных налогов? В Японии они отсутствовали. При абсолютистской власти учреждаются общенациональная армия, единая судебная система, проводится единая экономическая политика. Все институты и правила имеют тенденцию к унификации и централизации. Однако при власти Токугава мы не наблюдаем ничего подобного. Суть абсолютизма — это «объединяй и властвуй», суть токугавского правления — «разъединяй и властвуй», фрагментирование общества на сословия, княжества и территории с разными обычаями и статусом. Сёгуны Токугава не пытались достичь чрезмерной централизации и унификации. Общим курсом по отношению к княжествам была не их интеграция, а фиксация того типа отношений, который существовал при Иэясу. Это

было не только политическое, но и мировоззренческое убеждение: Иэясу завещал своим потомкам оставлять без изменения нравы и обычаи провинций, входивших в Японию, заявив: то, что хорошо для одних, не подходит другим.

Н.И. Конрад реализовывал свою идею о единообразии исторического процесса на Западе и Востоке где только мог, в том числе и в усиленно продвигаемой им теории «восточного Ренессанса», которая любопытна лишь своей запоминающейся оригинальностью. Находясь в добровольном плену у своего марксистского холизма, Конраду приходится обосновывать тезис, что революция Мэйдзи была не столько результатом иностранного вмешательства, сколько следствием внутреннего развития страны во время периода Токугава. «Что же помогло Японии сто лет назад совершить эту, столь необходимую для дальнейшего экономического и социального развития революцию?» — спрашивает автор (с. 189). И отвечает, что несмотря на наличие благоприятной международной обстановки, которая отвлекала силы западных держав от Японии, главным является внутренний фактор: «Разумеется, прежде всего условия внутри страны, наличие в самом японском обществе сил, созревших для революционных действий». При таком подходе провокационная роль Запада, прямое вмешательство которого и спровоцировало гражданскую войну, отходит на второй план. Такой подход — вольно или невольно — оправдывает «передовой» западный экспансионизм, который принес столько горя «отсталому» Востоку.

Н.И. Конрад полагает, что «буржуазная революция в Японии не была ни случайностью, ни историческим парадоксом. Страна подошла к ней вполне подготовленной: она имела развитую экономику, национальный рынок в отношении многих видов товаров, хорошие пути сообщения, развитую банковскую систему; в ней была многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция; в ней действовали различные течения общественной мысли, образовавшие идеологическую почву для револю-

ционных преобразований. Наконец, к тому времени японское общество уже сложилось в то целое, которое на этом этапе социального развития историки называют нацией» (с. 195).

В вышеприведенной оценке слишком многие положения выглядят чрезвычайно спорными. Японские крестьяне действительно обладали достаточно высокой производительностью труда, что позволяло им кормить около 30 миллионов человек. Однако это было достигнуто прежде всего за счет интенсификации трудового процесса, ни о каком научно-техническом прогрессе или промышленной революции речи не шло. Института науки не существовало, ученые-голландоведы (рангакуся), о которых с такой пристрастной любовью впервые написал Дональд Кин в 1952 году («The Japanese Discovery of Europe»), были настолько немногочисленны, что говорить об их влиянии на общую ситуацию было бы по меньшей мере не дальновидно. Однако Н. И. Конрад, будучи представителем конкурирующей, казалось бы, исторической школы, полностью согласился с Кином — оба они стояли за прогресс. И это при том, что в самой Японии никакого понятия о «прогрессе» выработано не было (считалось, что «золотой век» остался в далеком прошлом, следовало пытаться хоть как-то соответствовать ему, но это признавалось за непосильную задачу). Никакого «национального рынка», разумеется, тоже не существовало и не могло существовать: страна была разделена на две с половиной сотни княжеств, во многих из них существовала своя денежная система. Рынок основывается на свободном движении товаров и людей. Однако японцы были приписаны к своему месту жительства, дороги были узки, колесно-гужевого транспорт отсутствовал, строительство крупных кораблей запрещалось. В Осаке и вправду имелась рисовая биржа, каботажное перевозки действительно имели определенное распространение, но, разумеется, не могли обеспечить существование «национального рынка». Утверждение о существовании «японской нации» не соответствует действительности. Идентичность

человека определялась не через «нацию», а через род, семью, деревню, провинцию, княжество. Само слово «японец» появляется в токугавских текстах чрезвычайно редко. Это и неудивительно: страна была закрыта для въезда и выезда, а потому ситуация встречи (а значит и противопоставления) «японца» и «иноземца» случалась чрезвычайно редко. Школа «национального учения» (кокугаку), из которой в период Мэйдзи вырос японский национализм, была периферийным течением, не пользовавшимся государственной поддержкой.

Итого: никаких внутренних предпосылок для буржуазной революции не существовало, и без воздействия внешнего фактора она не могла бы состояться. Однако внутри самурайского сословия существовали силы, которые совершили политический переворот. Это были княжества, которые противостояли Токугава и потерпели поражение два с половиной века назад. Сёгунат подвергал их дискриминации, присвоив оскорбительный статус «внешних» (тодзама). Их жажда мести никуда не делась, но она пребывала долгое время в латентном состоянии. Именно представители этих княжеств (прежде всего, Сацума и Тёсю) при поддержке Великобритании и свергли династию Токугава. Именно они пришли к власти и управляли страной следующие полвека. Эти самураи и осуществляли революционные по своему характеру реформы, которые превратили страну из феодальной в капиталистическую. Роль в осуществлении буржуазной революции горожан («буржуазии») и крестьян близится к нулю. «Многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция», о которой говорит Н.И. Конрад, — это прежде всего самураи из юго-западных княжеств.

Чрезвычайно любопытно, что, рассказав о предпосылках революции Мэйдзи, Н.И. Конрад ни словом не обмолвился о том, что же она собой представляла. Ничего не сказано и о тех действительно масштабных преобразованиях, которые были осуществлены после политического переворота. Не сказано, возможно, потому, что было так

непросто состыковать свойственный коммунистам положительно-поэтический образ понятия «революция» с тем, что случилось потом.

Если говорить в двух словах, случилось следующее: Япония действительно совершила удивительный прыжок из феодализма в капитализм, провела индустриализацию, создала более-менее современную экономику, ввела учебную (всеобщее обязательное начальное образование) и воинскую повинность, ускоренными темпами построила японскую нацию, стала конкурентоспособной на мировой империалистической арене, превратилась в «нормальное» империалистическое милитаризованное государство, начала серию победоносных войн, приобрела колонии. Все эти «приобретения» сопровождалось безжалостным разрушением локальных культур и прежней социальной среды обитания, нарастанием националистических настроений, увеличением количества психических расстройств и самоубийств.

Встроившись в западную парадигму «прогресса», Япония стала участником глобалистского проекта со всеми вытекающими приобретениями, потерями и проблемами. Спору нет: не вступи Япония на путь модернизации (вестернизации), она неминуемо стала бы чьей-то колонией. Но и цена независимости вышла тоже исключительно высокой. Стоило ли забывать об этом, говоря о «прогрессивном» значении революции Мэйдзи? А ведь об этом как-то не было принято говорить. Если посмотреть правде в глаза, не принято и сейчас. Диссиденты, безусловно, имеются, но на то они и диссиденты, чтобы их голоса тонули в восторженном информационном шуме.

И дело вовсе не в марксизме, который перестал сегодня пользоваться былой популярностью, а в самой концепции «прогресса», которая с трудом воспринимает факты, которые не вписываются в стройную теорию. Господствующая в нынешней Японии схема исторического

развития страны в новейшее время была подсказана вовсе не советской (марксистской), а американской историографией с ее пиететом перед «демократией». Согласно этой схеме, Япония начиная с 1868 года развивалась поступательным и желательным образом. Логическое продолжение правления Мэйдзи — это «демократия Тайсё». Эта концепция появилась уже после войны, в 1950-х годах. Вершина этой демократии — всеобщее (для мужчин) избирательное право, закон о котором был принят в 1925 году. Все бы и шло так же хорошо и поступательно, утверждают сторонники теории «демократии Тайсё», но только кучка милитаристов обманула находящийся на верном пути добрый японский народ, он стал их жертвой. Результат: превращение национализма в основу государственной идеологии; успешное строительство тоталитарного общества, единомыслие в котором намного превосходило единомыслие, достигнутое при других тоталитарных режимах; война против половины мира, закончившаяся жестоким поражением. Как и в нацистской Германии, японский тоталитаризм вошел в силу вполне демократическим путем, пользуясь широчайшей народной поддержкой. Но об этом тоже не слишком принято говорить.

Революция Мэйдзи была, как и всякая революция, чрезвычайно сложным и многомерным явлением. В рассуждениях ее безоговорочных хвалителей (равно как и немногочисленных хулителей) присутствует непризнание многообразия мира и желание упростить его. Мечтая о будущем, шолоховский Макар Нагульнов говорил: «Вот как поломаем все границы, я первый шумну: "Валяйте, женитесь на инакокровных!" Все посмешаются, и не будет на белом свете такой страмоты, что один телом белый, другой желтый, а третий черный, и белые других цветом ихней кожи попрекают и считают ниже себя. Все будут личиками приятно-смуглявые, и все одинаковые». Такой подход лишает возможности получать интеллектуальное и

эстетическое удовольствие от созерцания многообразия мира. Идеальной является ситуация, когда всякая теория подвергается опровержению, ибо в области человеческих отношений абсолютно правильных теорий не существует. А революция — это из области человеческих отношений. Теория прогресса, безусловно, имеет под собой веские основания. Но, доведенная до абсурдистской огульности, она превращается в абсурд, и тогда ее объяснительные возможности оставляют желать много лучшего.

**Император и подданные в эпоху Хэйан
в трудах ученых периода Мэйдзи:
на примере воззрений Кумэ Кунитакэ**

29 июля 1912 г. скончался император Мэйдзи (1867–1912). Известие о его смерти вызвало в обществе шок. Потрясение было настолько велико, что люди пребывали в полнейшей растерянности. Японские газеты в один голос возвещали о величайших заслугах императора, сравнивая его с иноземными властителями, которые начертались на памяти, как великие реформаторы. Иностранные издания с упоением отзывались об императоре. Примером изобилующего восторженными формулировками панегирика, где представлена высокая оценка деяний императора, может быть названа и статья «Смерть императора Мэйдзи», опубликованная 30 июля 1912 г. в британской «Таймс»:

«Со смертью императора Муцухито Япония потеряла монарха, почитаемого наравне с богами, мир — одного из лучших своих представителей, а Великобритания — верного и надежного союзника... Он был последним героем эпохи Мэйдзи, человеком, который возглавил революцию... Пред ним стояла труднейшая задача. Он был частью золотого наследия, отпрыском великих правителей, которых на протяжении трех столетий практически держали в заключении... Ему посчастливилось, и его освободили в юности, когда сёгунат еще не успел привить ему свои идейные установки. Он взшел на престол в четырнадцать лет, когда нация пребывала в смятении. Огромное влияние на него оказали два мудрых наставника — Сандзё Санэтоми и Ивакура Томоми, малоизвестные в Великобритании, но высокопочитаемые в Японии...

Для западных государств император всегда был загадкой... Это был скромный и откровенный человек с высокими и чистыми идеалами; человек, преданный своему долгу и государству. Он не позволял себе предаваться отдохновению, не прельщали его развлечения или светская

жизнь. Мрачные тревоги детских лет и монастырская дисциплина с молодых ногтей лишили его какой-либо предрасположенности к праздному образу жизни, а главенствующее прилежание состояло в служении государству... Время его правления навсегда останется самым памятным периодом в истории Японии. Под его руководством Япония сбросила оковы, так долго сдерживавшие ее, и заняла свое законное место среди великих мировых держав. Он наблюдал весь этот процесс с самого начала, помогал направлять его, посему память о нем навсегда будет храниться в анналах истории Востока. За время его правления Япония не только претерпела удивительное преобразование и подчинила Китай, но и смогла превзойти одну из величайших европейских государств. Независимо от того, что ждет ее в будущем, Япония никогда не сможет добиться успехов равных тем, которых она достигла во время правления почившего Императора»¹.

После реставрации Мэйдзи правительство санкционировало ряд последовательных мер, направленных на создание такой системообразующей конструкции как национальный миф. Национальный миф представлялся творцам мэйдзийской государственности подвижным, динамичным образованием, компоненты которого формировались постепенно в процессе становления национальной культуры. Одним из основополагающих компонентов этого конструкта стала концепция власти японского императора, оформленная таким образом, чтобы не только обосновать легитимность владычества правителя, но и мотивировать закрепление за ним в дальнейшем всей полноты государственной власти.

Реализовывая великий замысел, император Мэйдзи в 1869 г. провозгласил свою волю по восстановлению традиции общегосударственного летописания, которая была

---

¹ Mochizuki K. The late Emperor of Japan as a world monarch. Tokyo: 1914. P. 10–12.

прервана в 887 г.² В императорском рескрипте предписывалось: «Составление истории — вечный и бессмертный канон, величайшее деяние предков...[но] предприятие прервалось, и к большому разочарованию не было продолжено...». В тексте документа с горечью и разочарованием констатировалось, что этот серьезный недостаток должен быть подвергнут исправлению, ибо только так возможно устранить «злонамерение» сёгуната, «насаждающего свою власть» с эпохи Камакура³.

Магистральная идеологическая целеустановка императорского двора, направленная на обоснование справедливости восстановления императорской власти и выступающая в качестве орудия противостояния разнообразным конфликтам, заключалась в пестовании моральных принципов в духе различения (и противопоставления) «цветущего [и цивилизованного]» и «варварского», «родного» и «иноземного». Реализация сложнейшей задачи требовала гигантского упорства и величайшей осторожности, наличия строго выверенных идеологических принципов, а потому первым главой департамента по составлению «правильной истории» государства по праву стал наставник самого императора — Сандзё Санэтоми (1837–1891)⁴.

Не менее значимый участок работ доверили Ивакура Томоми (1825–1883), который пестовал юного принца Муцухито еще до вступления его на престол, а также был

---

² Именно до 887 г. доведено повествование финальной из «шести национальных историй» (Риккокуси). Публ. текста см.: Нихон сандай дзидзуроку (Истинные записи о правлении трех государей Японии). Т. 1–2. Токио: 2009.

³ Мэйдзи тэнно ки (Записи императора Мэйдзи). Под ред. Министерства императорского двора. Токио: 1968–1977. Т. 2. С. 95.

⁴ Мэйдзи тэнно ки. Указ. соч. Т. 2. С. 95. На труд «Дай Нихон хэннэн си» (История хронологии Великой Японии) возлагались большие надежды в деле обоснования идеи сохранения института монархической государственности в условия конституционного строя. Подр. см.: Сэки Юкихико. Микадо-но куни-но рэкисигаку (Историческая наука государства императора). Токио: 1994.

инициатором указа о восстановлении императорской власти (провозглашен 3 января 1868 г.). Намерение состояло в создании грандиозного свода «Тайсэй киё» («Важнейшие записи великого правления»), где император и его сиятельный двор были бы представлены в виде центральной составляющей японской цивилизации, основным двигателем национальной истории. Начертанное высоким стилем творение должно было засвидетельствовать волеизъявление императорского дома вести к вящей славе и процветанию японский народ, даже в лихую годину, когда император и его семья были отдалены от власти, стойко перенося тяготы и радея за судьбу империи⁵.

На призыв своего монарха откликнулись представители академической науки. Это были государственные служащие, на плечи которых была возложена грандиозная задача организации историописания. Среди плеяды высоких мастеров значимое место занимает Кумэ Кунитакэ (1839–1931). В должности чиновника Департамента по написанию истории он, всегда критически относившийся к своей деятельности, со всем присущим ему усердием пытался исполнить свой долг перед отечеством и неоднократно его рассуждения оказывались полезны для политико-идеологических построений. Однако стремление познать истину, дабы поставить науку на службу государственному строительству, способствовали тому, что справедливые с точки зрения взвешенного подхода выводы Кумэ Кунитакэ были восприняты как нежелательные (и даже опасные) для правящего режима. Против него началась хорошо спланированная кампания по обвинению в подрыве устоев государственной идеологии (в первую очередь принципов

---

⁵ Подробнее см.: Акимото Нобухидэ. Тайсэй киё-но кэнкю (Изучение «Важнейших записей великого правления») // Синтогаку, № 64. 1970. С.32–51. Труд был опубликован в издательстве «Общества просвещения» после смерти Ивакура Томоми. Тайсэй киё (Важнейшие записи великого правления). Под ред. Ивакура Томоми. Токио: 1912.

«кокутай») и «великой непочтительности» в отношении императора и императорского двора. Обличительные письма в адрес Кумэ Кунитакэ потекли полноводной рекой. Он был уволен с государственной должности, а работа по созданию «Дай Нихон хэннэн си» прекращена⁶. Впоследствии он преподавал в частном университете Васэда, отказавшись от идеи государственной службы, но сохраняя желание доискиваться до сути проблемы, устанавливая истину посредством изучения исторических свидетельств⁷. И, обладая аурой свободного от политического давления ученого, Кумэ Кунитакэ взялся за новую работу с большим энтузиазмом.

Источником вдохновения при написании настоящей статьи стал труд Кумэ Кунитакэ «История Японии в ранний Хэйан, созерцаемая с обратной стороны»⁸. Генеральный план «истории с обратной стороны» (рэкиси-но урамэн), где сформулированы основные принципы анализа источников, содержится в программной статье (1910 г.)⁹. В завершённом виде концепция «истории с обратной стороны» представлена в работе «Обратная сторона Японии»¹⁰. Кумэ

⁶ Кано Масанао, Имаи Осаму. Нихон киндай сисо си-но нака-но Кумэ дзикэн (Инцидент с Кумэ в истории японской общественной мысли нового времени) / Кумэ Кунитакэ рэкиси тэсакусю. Бэкан (Собрание исторических сочинений Кумэ Кунитакэ. Отдельный том). Токио: 1989. С. 220–231.

⁷ Киндай юмэйдзин-но сиин итиран (Обозрение причин смерти известных людей нового времени). Под ред. Хаттори Тосиро. Токио: 2010. С.11.

⁸ Кумэ Кунитакэ. Хэйан сёки урамэн-ёри митару Нихон рэкиси (История Японии в ранний Хэйан, созерцаемая с обратной стороны). Токио: 1911.

⁹ Кумэ Кунитакэ. Рэкиси-но урамэн (История с обратной стороны) // Мита гаккай дзасси. Т.3., № 6, 1910. С. 705–715.

¹⁰ Кумэ Кунитакэ. Ура Нихон (Обратная сторона Японии). Токио: 1915. Обстоятельное предисловие к этому эпохальному произведению написал премьер-министр Окума Сигэнобу, который был основателем университета Васэда. Определяя замысел книги, Окума Сигэнобу подчеркивал, что «в эпоху, когда нация развивается с внешней стороны», пора «обнаружить обратную сторону». «Обратная сторона» — это не только «отдаленные уголки», но и «целый мир». Поскольку «великая

Кунитакэ полагал, что первостепенная роль при осуществлении исследования принадлежит историческому источнику. Приступая к написанию истории, надлежит провести ряд предварительных критических процедур, дабы избавившись от недостоверных свидетельств, создать «плацдарм» для дальнейших гипотетических реконструкций. Источник — это лишь первичный материал; сырье, которое само по себе не позволяет осмыслить картину прошлого. Необходим исследователь способный при помощи строго выверенного метода составить себе представление об исторической реальности. В качестве такого метода признавалась научная филологическая критика, функционирующая в согласии с усердным изучением архивных документов¹¹.

Поскольку история рассматривает общество в динамике, то и растолковывать ее надлежит на основе общих исторических законов. Эмпирический подход не должен ограничиваться только критическим изучением источников. Однако ученый не должен отстраниться от собственного Я, дабы позволить вразумительно обнаружиться историческим

история нашего народа разворачивалась от Идзумо, что в Сангин, до Ямато», то «обратную сторону Японии» можно трактовать с точки зрения исторической географии. В то же самое время «ура Нихон» имеет самое непосредственное отношение к идеологии, ибо являет неотъемлемую компоненту системы ценностей. Там же. С. 1–14.

¹¹ Кумэ Кунитакэ. Хэйан сёки...Указ. соч. С. 305–306. Речь идет о принципах исторического изыскания в духе разработок Леопольда фон Ранке (1795–1886), с которыми ознакомил японское академическое сообщество Людвиг Рисс (1861–1928), обучавшийся при наставничестве Л. фон Ранке и прибывший в Японию в 1887 г. Свои взгляды ученый обобщил в труде: Riess, Ludwig. *Historik. Ein Organon geschichtlichen Denkens und Forschens*. Berlin und Leipzig: 1912. Критика документов исторического свойства, базировавшаяся на основании первоклассной филологической подготовки, знании языков и понимании их развития, нашла благодатную почву для культивирования в японской академической среде, ибо сообразовывалась с давней исследовательской традицией.

силам как таковым (к чему призывал Людвиг Рисс)¹². Он обязан взрастить в себе волеизъявление фантазии и, используя силу воображения, прозорливо проникать в суть явлений, чтобы скомпенсировать недостаток источникового знания. Принцип прозорливости исторической науки (сигаку-но кацуган) предполагалось реализовать в формате «истории с обратной стороны»¹³. «Обратная сторона» обладает всепроникающим характером, пронизывая все стороны жизни общества. На ход тех или иных исторических процессов способны оказывать колоссальное воздействие даже те явления, которые, как может представляться на первый взгляд, такового влияния обнаруживать не должны¹⁴.

Речь идет о начертании перспективы историко-культурологических изысканий, создании объяснительной схемы, где восприятие и истолкование компонентов повседневности и религиозной культуры, оказывающих масштабное побуждение на политические, экономические и социальные аспекты развития государства и общества, создает высокую вероятность постижения исторической реальности, приближения к осознанию ее первоизданной сути. «Обратная сторона» не ограничивается универсальными законами истории, а акцентирует внимание на потаенных, сокрытых

---

¹² Надобно констатировать, что Л. Рисс привнес нечто новое в методологические построения своего учителя, ибо Ранке были чужды глобальные обобщения, к которым призывал Рисс. Более того Л. фон Ранке призывал исследователей делать ставку на творческую самостоятельность, возрождая исторические персоналии и события. Подр. см.: Ritter, Moriz. Leopold von Ranke seine Geistesentwicklung und seine Geschichtsschreibung. Stuttgart: 1896.

¹³ Кумэ Кунитакэ отстаивает насущную необходимость не только адекватного прочтения источника, но и непрременность всеобъемлющего видения, «зоркого глаза» историка. Только так можно достигнуть успеха в штудиях. Результаты исканий Кумэ Кунитакэ в области методологического инструментария ученого см.: Кумэ Кунитакэ рэкиси тэсакусю (Собрание исторических сочинений Кумэ Кунитакэ). Т. 3. Сигаку. Сигаку хохорон (Историческая наука. Методология истории). Токио: 1990.

¹⁴ Кумэ Кунитакэ. Рэкиси-но урамэн . Указ. соч. С. 706.

от обычного взгляда механизмах истории, открывая читателю мир незримой причинной взаимообусловленности. Определение роли женщин в истории (в противоположность устоявшимся убеждениям, что на первом плане неизменно пребывают мужчины); немаловажность рассмотрения соотношения внутренних и внешних влияний на японскую цивилизацию; обозрение истории страны не только из столицы, но и с периферии; перспективность изучения всех сторон жизни императорского двора и придворного общества — вот далеко не полный список направлений исследовательского поиска ученого¹⁵.

Исполняя свой долг на ниве исторического просветительства, Кумэ Кунитакэ предлагает собственное видение «истории императоров» в раннехэйанский период. Ключевыми фигурами его повествования стали император Сага (809–823), Ниммё (833–850) и Сэйва (858–876). Красной нитью через всю работу проходит утверждение о великости Японии в период «государства, основанного на законах» (рицурё дзидай). Период ричурё рассматривается в качестве образца, к которому надлежит стремиться. Восхищение высоким стилем «шести национальных историй» проявляется не только в красоте языка, которым написана работа Кумэ Кунитакэ, но и в постоянном апеллировании к текстам летописных сводов (утонченный стиль автора насыщен параллелизмами и скрытыми цитатами).

В то время как вступление на престол императора Сага было омрачено политическим инцидентом 809 г., он предстает у Кумэ Кунитакэ в образе мудрого правителя, верительным знаком которого были добродетельность, священная преобразующая сила и всеохватная грозность.

---

¹⁵ В работе «Обратная сторона Японии» предметом исследования становится периферийное сообщество, наблюдаемое с разнообразных ракурсов. Многогранному анализу подвергнуты не только документы общегосударственного свойства, но и актовая документация отдельных провинций (Тамба, Тадзима, Идзумо, Хоки, Инаба и т. д.).

Будучи явленным в человеческом теле божеством, обеспокоенным за судьбу страны, он был связан неразрывной нитью со своими подданными, представляя для них непревзойденный пример подражания. Он сознательно передал власть своему младшему брату Дзюнна (823–833). Взывая к тексту летописного свода, Кумэ Кунитакэ демонстрирует побуждение Сага о благополучии подданных и процветании государства¹⁶.

Добровольно уступив царствие Ниммё (старший сын Сага), Дзюнна засвидетельствовал приверженность принципам преуспевания державы. В предисловии к летописному своду «Нихон коки» сказано: «Предшествующий и последующий великие и высокие августейшие правители [Сага и Дзюнна] словно два Солнца на одном небосклоне. Сущность различна, но сияют одинаково. Чуткие и прозорливые, выдающиеся и добродетельные [они] приносили пользу людям, бескорыстно заботясь о благе других. Кормили лошадей и были пастырями несмышленных (т.е. вскармливали народ и руководили им. — М.Г.). Варили маленькую рыбешку, [не сдирая кожи и не вынимая внутренностей], аки почтенные судьи (т.е. мастерски управляли государством. — М. Г.). Нравы народа обильно напитались сияющей культурностью, а выющиеся растения широко распространились (т.е. люди были щедро облагодетельствованы и пребывали в достатке. — М. Г.)... Наш нынешний правитель (Ниммё. — М. Г.) наделен совершенной красотой Неба и Земли и способен охватить благородный космос до мельчайших частиц. Обретя нефритовую печать, он сиянием озарил Поднебесную. Взирая на драгоценный план, умиротворил страну. Со времени его восшествия на престол настал период великого мирного правления в государстве. Человеческое и сыновняя почтительность стали сами собой таковы»¹⁷.

¹⁶ Кумэ Кунитакэ. Хэйан сёки...Указ. соч. С. 44–46.

¹⁷ Нихон коки (Поздние анналы Японии). Токио: 1982. С. 1.

Властвование Сага (как императора и отречшегося правителя), тем не менее, не было лишено недостатков. Его «величайшая ошибка» состояла в неспособности просчитать долгосрочную перспективу при учреждении Куродо докоро (Канцелярия государя), вследствие чего император выпустил из своих рук административные функции, сохранив лишь круг ритуальных обязанностей¹⁸. Другой стратегический просчет, оказавший существенное влияние на судьбу страны, имеет отношение к событиям 842 г., когда при странных обстоятельствах принц крови Цунэсада (сын Дзюнна) был лишен статуса наследника престола, а новым наследодателем становится внук Ниммё (правнук Сага) — принц крови Корэхито (будущий император Сэйва). Формально он был отстранен по причине «слабого здоровья», но это печальное событие, произошедшее через несколько дней после смерти Сага, напоминало грубое попрание тех принципов, на которых зиждилась престонаследование. Именно с этих времен обнаруживаются угрожающие явления, порушившие идеал императорского правления¹⁹.

Уже при Монтоку (850–858) наблюдается недопустимая близость к божественному властителю сановников из дома Фудзивара. Воцарение Сэйва определяется как время, когда «императорский трон был злодейски похищен», а император насильственно лишен власти²⁰. Вина за это возлагается на Ниммё, Монтоку и Сэйва²¹. Хотя в

¹⁸ Кумэ Кунитакэ. Хэйан сёки...Указ. соч. С. 46–47, 51–52.

¹⁹ Там же. С. 93–94, 265, 303–304.

²⁰ В летописи, между тем, Сэйва дается высокопарная характеристика: «Манеры августейшего императора были изящны. Он был торжественен и спокоен, как божество; снисходителен, добр и великодушен. Давал рассудительные советы... Обладал энергичным темпераментом и избытком возвышенных качеств царственной величавости». Нихон сандай дзицуруку. Указ. соч. Т. 2. С. 183.

²¹ Кумэ Кунитакэ. Хэйан сёки...Указ. соч. С. 127–128, 129, 143–144.

дальнейшем правители допускали немало упущений²², начало конца величия императорской державности было положено в IX в.²³

Соблюдая академическую строгость и подытоживая рассуждения об истории императорского дома, Кумэ Кунитакэ констатирует, что такой бессовестный политический инструментарий (акурацу сюдан) был свойственен придворному обществу уже в далеком прошлом. В те незапамятные времена «женская половина дворца и дом Фудзивара, противоборствуя друг другу, подвергали опасности императорский престол». Волевыми усилиями отдельных правителей, например, Дайго (897–930), Судзаку (930–946) и Мураками (946–967), удалось восстановить могущество императорской власти. В целом, однако, унаследованная от божественных прародителей многовековая традиция императорского правления, на которую дерзнули поднять руку лукавые слуги, не возрадившие в себе верноподданные идеалы и учинившие посредством насилия преступное отрешение микадо от наиважнейших властных компетенций, пресеклась²⁴. Кумэ Кунитакэ предстает перед читателем как патриот; благомыслящий подданный, пронесший сквозь все невзгоды идею достославной истории Японии; чувство ответственности перед японским народом за результаты своих трудов; высокий порыв и сердечное стремление приносить пользу Родине; убежденность, что его скромные старания окажут содействие обоснованию возрождения института императорской власти, внесут вклад в дело устройства великой державы.

---

²² Там же. С. 215–219, 259, 295–296.

²³ Там же. С. 248–249.

²⁴ Там же. С. 304–305.

**Образ легендарной государыни Дзингү
в период Мэйдзи:
актуализация мифа о «корейском походе»¹**

Миф играет важную роль в конструировании политической идеологии и манипулировании общественным сознанием. Степень его актуализации различается в зависимости от исторической эпохи. Японские мыслители разных эпох неоднократно возвращались к мифу о «корейском походе» государыни Дзингү, впервые изложенному в древних мифологических хрониках «Кодзики» (712) и «Нихон сёки» (720), каждый раз адаптируя содержание мифа к конкретным историческим событиям и определенной идеологии.

Так, в памятниках конца XIII – начала XIV вв., после первого иноземного вторжения на Японские острова — нападения монголов в 1274 и 1281 гг. — мы обнаруживаем сюжет о «корейском походе». Этим событием начинается «Наставление глупым детям о Хатиман» («Хатиман гудōкин»), хроника святилища Ивасимидзу и священная история культа божества Хатиман, почитаемого как воплощение легендарного государя О:дзин, «усмирившего» Корею, находясь в чреве матери — государыни Дзингү. В рассуждениях об «истинных правителях» Японии монах Нитирэн (1222–1282) также часто упоминает Дзингү, покорившую Корею.

Во время военной экспедиции на Корейский полуостров Тоётоми Хидэёси (1537–1598) один из воинов писал в своем дневнике о том, что Япония — это «страна мужественных божеств, их мужественность передается и людям, и по показателю мужественности Япония превос-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках научного проекта «История культа японского божества Хатиман и его место в религиозном мировоззрении японцев», № 16-01-50114.

ходит другие страны». И доказательством служит завоевательный поход Дзингү².

В период Мэйдзи (1868–1912), когда шла разработка национальной идеологии и проводилась политика колонизации, актуализация древнего мифа о «корейском походе» во главе с могущественной японской воительницей достигла наивысшей степени.

Суть древнего мифа следующая. Когда государь Тю:ай пребывал в местности Касии на острове Кюсю во время военного похода против местного племени *кумасо*, он обратился к божествам. Устами его супруги Дзингү божество сообщило о своем намерении передать государю богатые земли за морем в «западной стороне»³. Государь не поверил в существование этих земель, прервал ритуал, а наутро скончался. После его смерти Дзингү вновь обратились к божествам, и ей был дан ответ, что «западную страну» должен усмирить ребенок, который находится в ее чреве, — будущий государь Ёдзин. Ослушание государем Тю:ай божественной воли, а также нарушение порядка проведения ритуала, вызвавших гнев божества и ставших причиной гибели правителя, в поздних толкованиях мифа отсутствуют. При помощи божеств Дзингү собрала войско и пересекла море. Увидев «божественное войско», правитель Силла (яп. Сираги) подчинился Японии. Вань других корейских государств Пэкче (яп. Кудара) и Когурё (яп. Кёкури) последовал его примеру. Так государство Силла стало «конюшной», *мимакаи*, а Пэкче — «заморской житницей», *вата-но миякэ* Японии.

² Мещеряков А.Н. *Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения*. М.: «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 172–173.

³ Кодзики. Записи о деяниях древности. В 2 т. СПб.: Шар, 1994. Т. 1. Пер. Е. М. Пинус. С. 80; Нихон сёки – Анналы Японии. Пер. и комм. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. В 2 т. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. С. 262.

Эти события обозначаются в японских письменных памятниках как «покорение трех корейских государств» (*санкан сэйбацу*), реже как «покорение Силла» (*сираги сэйбацу*). Большинство современных исследователей не связывают этот миф с историческими реалиями⁴. Более того, некоторые исследователи считают, что миф был создан с целью скрыть факт происхождения первых правителей Японии, одним из которых был Оэзин, от материковых воинов-всадников, завоевавших остров Хонсю⁵.

Составитель «Хатиман гудōкин», следуя замыслу произведения, добавил новые элементы к истории о «корейском походе». Например, в этих священных хрониках сообщается, что Дзингū победила «вражеские страны» на Корейском полуострове в сражении, и они стали «собаками Японии»⁶. Кроме того, подробнее, чем в древних хрониках описывается подготовка к походу и содействие божеств⁷.

В учебниках истории периода Мэйдзи, например в «Краткой истории [Японской] империи» (*Тэйкоку сёси*, 1893), легендарный поход «мудрой и отважной» Дзингū и

---

⁴ Исключением является работа Акима Тосио [Akima 1993].

⁵ См.: *Эгами Намио*. Киба миндзоку кокка (Государство народа всадников). Токио: Тёбō кōронся, 1967; *Ledyard, Gari*. Galloping along with the horses: Looking for the founders of Japan. *The Journal of Japanese Studies* 1/2 (1975): 217-54.

⁶ Хатиман гудōкин (Наставление глупым детям о Хатиман) // Дзися энги (Предания о происхождении буддийских храмов и синтоистских святилищ). Серия: Нихон сисо: тайкэй (Основные произведения японской мысли). Т. 20. Токио: Иванами, 1975. С. 170–205, 208–273.

⁷ О разных вариантах помощи локальных божеств см.: *Дулина А.М.* Герменевтика японского сакрального текста: на примере памятника XIV в. «Наставление глупым детям о Хатиман» («Хатиман гудōкин») // *Asiatica*. Труды по философии и культуре Востока. Вып. 10. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества. 2016, С. 90–97.

подчинение Кореи «стране божеств» Японии трактовался как исторический факт⁸.

Если сравнить с учебником истории для начальной школы, изданном Министерством образования Японии в 1943 г., то в нем акцент сделан не на самом завоевании, а на последующих событиях: с материка в Японию хлынул поток переселенцев, жаждущих получить защиту японских божеств, а благость и милосердие японского императорского дома распространились на покоренные земли⁹. Такое толкование истории в учебных пособиях служило цели легитимировать завоевательную политику Японии, которая после аннексии Кореи приобрела территории не только на островах, но и на материке, и стала колониальной державой.

В качестве инструмента пропаганды в период Мэйдзи использовалось изображение государыни Дзингū на денежных купюрах, марках и открытках. Так, в 1878 г. была выпущена 10-йеновая купюра с портретом Дзингū, выполненным Эдуардо Киоссоне (1833–1898), итальянским живописцем и гравером на службе японского Монетного двора. Изначально лицо государыни имело европейские черты (возможно, это отражало стремление приобщиться к западной цивилизации). После 1887 г. изображение Дзингū на купюрах не использовалось. В 1908 г. появились марки стоимостью в пять и десять йен с изображением Дзингū. За основу вновь было взято изображение государыни гравером Киоссоне. В 1910 г., когда Корея стала колонией Японии, японским генерал-губернаторством в Корее была выпущена серия открыток: портрет Дзингū на фоне святилища Касии.

Реакцию японского общества на завоевательную политику правительства можно проследить в том числе по

---

⁸ Тэйкоку сёси (Краткая история [Японской] империи). Сост. Ямагата Тэйзабуро. В 3 т. Токио: Бунгакуся, 1893. Т. 1. С. 12.

⁹ Сётōка кокуси (История страны для начальной школы). Токио: Момбусё, 1943. С. 22.

вотивным табличкам *эма*, на которых запечатлена Дзингү: в военном облачении на корабле в окружении воинов, либо на берегу после успешного завершения похода. Исследователь Ричард Андерсон провел анализ табличек в префектурах Ямагути и Фукуока (юго-западная Япония) и пришел к выводу, что *эма* с изображением Дзингү подносились святилищам и храмам главным образом в годы японо-китайской (1894–1895) и русской-японской (1904–1905) войн, а также в период обсуждения завоевательной экспедиции в Корею (*сэйкан-рон*) в 1873 г.¹⁰ Этот факт демонстрирует представление японцев периода Мэйдзи о том, что японские боги не только оберегают японцев – жителей «страны богов», но и оказывают им помощь в колониальной политике.

Таким образом, древний миф о «корейском походе» государыни Дзингү прошел разные этапы актуализации, которая достигла наивысшей степени в период создания национальной идеологии в эпоху Мэйдзи. Также «воскрешение» героев древних мифов отражало стремление японского правительства поднять патриотический дух и оправдать завоевательную политику. Популяризованный в период Мэйдзи образ Дзингү был продуктом политической идеологии и символом «богатой страны – сильной армии» (*фукоку кёхэй*) и японского колониализма.

---

¹⁰ Richard W. Anderson. *Jingū Kōgō "Ema" in Southwestern Japan: Reflections and Anticipations of the "Seikanron" Debate in the Late Tokugawa and Early Meiji Period*, *Asian Folklore Studies*, Vol. 61, No. 2 (2002), pp. 247–270.

**Учебные пособия для военнослужащих
как источники по идеологическому воспитанию солдат
японской императорской армии (период Мэйдзи)**

Создав в 70-е гг. XIX столетия вооруженные силы, основой которых, в отличие от ранее существовавших самурайских воинских формирований, стали представители простого народа, основная масса которых были выходцы из крестьянского сословия, правительство столкнулось с серьезной проблемой. Ее суть заключалась в том, что, несмотря на исторически имевший место достаточно высокий уровень общей грамотности японского населения, в новых исторических реалиях японцы не могли угнаться за существующими темпами вестернизации, что порождало не только различные мифы относительно западного образа жизни и технических средств, но и вызывало определенные сложности, связанные с организованной на европейский лад армейской жизнью.

Заслуживает внимания сам процесс внедрения этих новых знаний. Так, в 1875 г. военным руководством была разработана инструкция, в соответствии с которой, каждый новобранец при поступлении в гарнизон получал пакет документов, в числе которых были и правила прохождения службы, некоторые разделы которых предусматривали разъяснения относительно тех или иных новшеств, с которыми бывшие крестьяне были абсолютно незнакомы. Кроме того, командному составу всех рангов предписывалось не реже, чем раз в неделю проводить собрания, на которых надлежало не только отвечать на вопросы военнослужащих, но и проводить определенную тематическим планом беседу, в ходе которой солдатам разъяснялись насущные политические и экономические вопросы, международная ситуация и западные достижения как в области военного дела, так и в организации служб.

Принимая во внимание, что одной из задач вооруженных сил было формирование у военнослужащих определенной идеологической системы ценностей, отвечающей целям и потребностям государства, правительство весьма скрупулезно подходило к разработке различных уставов, предписаний, мануалов и прочих документов, предназначенных для обучения военнослужащих.

Первые печатные материалы массовых тиражей, предназначенные для обучения военнослужащих, появились в войсках практически одновременно с началом формирования вооруженных сил на основе Закона о воинской повинности. Из документов такого рода наиболее известны материалы, разъясняющие порядок освобождения от службы, которые, учитывая стремление большинства мужского населения избежать призыва на службу в первые годы Мэйдзи, пользовались огромной популярностью в обществе. В качестве примера стоит отметить работу «Тэхэй мэньэки ёроку» («Разъяснения по вопросам освобождения от отбывания воинской повинности»), которая на протяжении 70-х гг. являлась настольной книгой во многих семьях, где были лица призывного возраста.

В отличие от характерных для 70-х гг. работ, акцентировавших внимание на том, как избежать призыва, составляемые по большей части людьми, отбывшими воинскую повинность, работы 80-х гг. носили совершенно иной характер. С завидной регулярностью выходила «Памятка военнослужащему», составляемая различными авторами. Наибольшую популярность имела «Памятка» составленная в 1886 г. Насчитывавшая 88 страниц книжка была карманным спутником для многих солдат японской императорской армии. Ее автор в 1877 г. был призван на службу, которую проходил в первом инженерном полку при токийском гарнизоне. После демобилизации он основал издательство Косэйдо 厚生堂, которое специализировалось на выпуске печатной продукции для военнослужащих. До

своей смерти в 1915 г. он издал более 100 работ, посвященных различным сторонам военной службы, которые имели большую популярность в обществе. В предисловии к своей «Памятке» он писал: «Процветание или упадок, жизнь или смерть семьи неразрывно связаны с судьбой государства. Гармония может быть достигнута только при взаимной заботе. Военнослужащие сами должны осознать, что государство — это их дом, а весь народ — семья. Защищая государство, солдат защищает могилы своих предков. (墳墓)». Таким образом, новобранцам доступно и без излишней напыщенности разъяснялась важность и значимость службы, для чего использовались существующие с детства в сознании каждого японца такие основополагающие конструкты, как родные места (фурусато), могилы предков (фумбо).

До японо-китайской войны каждая воинская часть издавала собственные материалы, учитывавшие именно свою специфику и предназначенные только для «своих». Даже такие важные вопросы, как обращение с оружием, обращение к командиру, походное построение и т. д. в учебных пособиях различных полков разъяснялись по-разному, а в большинстве случаев (особенно в первую половину периода Мэйдзи) данные правила озвучивались командирами устно.

Чему же учили эти пособия? Общим для всех было наличие в начале самого текста и комментариев к «Императорскому указанию военнослужащим» 1882 г. Как правило, пособие подразделялось на несколько разделов, первый из которых был посвящен правилам поведения в казарме. При этом, данные правила были построены в виде вопросов солдат и ответов командира — т. е. по подобию устных ответов. В данном разделе были например такие вопросы: «Что надлежит сделать, если из окна казармы начнет просачиваться жидкость?». И, соответственно, ответ был следующий: «Если просачивается жидкость или попада-

ют твердые предметы, либо что-либо стучит о раму, ни в коем случае нельзя зажигать лампу без разрешения». На вопрос «Где разрешено справлять нужду?» был дан такой ответ: «Большую и малую нужду следует справлять только в отхожем месте».

Второй раздел был посвящен отношениям военных с гражданскими лицами. «Военнослужащий не должен проявлять высокомерие и заносчивость по отношению к гражданским лицам. В противном случае его сочтут вульгарным и грубым». Кроме того, в данном разделе большое внимание уделялось понятию долга: военный — защитник народа, которого высоко ценит общество. Таким образом, преследуя цель укрепления дисциплины, посредством разъяснений, содержащихся в данном разделе, идеологи стремились укротить характерный до японо-китайской войны буйный дух военных.

В третьем разделе речь шла об обращении солдат с оружием. Так, составленное в форме вопросов и ответов одно из пособий дает разъяснения по функциям стрелкового оружия, названиям и роли его основных частей. Вопрос: «что такое винтовка?». Ответ: «В широком смысле винтовка это инструмент для защиты страны, а в узком — средство самозащиты». Через такое объяснение солдаты должны были соотносить свою жизнь и судьбу с судьбой и существованием государства, что, в конечном счете, способствовало формированию чувства «внутреннего национализма».

Следующий раздел подобных пособий, как правило, был связан с отношением солдата с государством, и часто назывался «отношения между мной и государством» (私と国家との関係). В данном разделе были, например, такие вопросы, как: «Как следует поступить, если ты, отбыв действительную воинскую повинность, по возвращении в свои родные места увидел, что родители очень больны, а ты попал под призыв резервистов?». Идеологически правиль-

ным ответ на такой непростой вопрос был таким: «Поскольку для военного важным является честная и преданная служба, то даже если родители больны, следует немедленно пойти на службу, так как ты незаменим для государства, олицетворяющего твоих предков и родителей». Под влиянием таких разъяснений, солдат проникался мыслью, что государство — главная ценность и что на службу во имя его надлежит идти, даже оставив больных родителей.

Однако, по мере роста уровня образованности японцев, упрочения роли вооруженных сил в обществе и государстве после победы над Китаем, повышения статуса военнослужащего, ужесточения цензуры и т. д., издание учебных пособий в полках прекратилось. На смену этим материалам пришли общегосударственные пособия, над составлением которых трудились видные создатели и проводники военной идеологии. Такие пособия выходили вплоть до поражения Японии в войне на Тихом океане и сыграли огромную роль в формировании в солдатах верности, храбрости, беззаветной преданности и презрения к смерти.

В качестве примера можно рассмотреть трактовку понятия «патриотизм», представленную в «Учебнике для солдат» 1895 г. «Патриотизм — любовь к своей стране — нашей Великой Японии, управляемой непрерывной императорской династией. Патриотизм помог нам избежать вторжения иностранных держав после открытия страны, стать процветающим и известным в мире государством. Наши предки, защищают нас, поскольку они любят и гордятся Великой Японией». Данный отрывок по своему пафосу явно отличается от более приземленных фраз учебных пособий и памяток, издаваемых до войны с Китаем. Если до японо-китайской войны необходимость создания вооруженных сил объяснялась необходимостью сохранения суверенитета Японии, то с середины 90-х гг. ответ на вопрос «для чего нужна армия?» звучал несколько иначе. Автор

многочисленных работ по войне с Китаем Идота Икитаро так говорит об этом: «Причина существования в государстве вооруженных сил заключается в том, что они не допускают причинения нам обид другими странами, гарантируют гармонию, способствуют нашей славе за рубежом и подобно ограде обеспечивают спокойствие внутри страны»¹. Вообще представление о том, что армия — забор, ограждающий общество от всех бед, был достаточно популярен. Так, в работе «Гундзин докухон» об общественной роли вооруженных сил говорится следующее: «Армия подобна стене склада или ограде вокруг дома. Если у склада не будет стены – сохранить товары не удастся. Если не будет ограды у дома – ночью в него легко могут проникнуть воры. Именно поэтому мужчины нашей страны должны отбывать долг воинской службы и нести ответственность за защиту империи». Таким образом необходимость наличия вооруженных сил и отбывания воинской повинности объяснялась простыми понятными выражениями.

Еще одна категория учебных пособий появилась в конце 80-х гг., когда значительно повысился уровень грамотности населения. По мере увеличения численности вооруженных сил, все больше и больше военнослужащих писали письма родным и знакомым. Естественно, что этом массовый поток нужно было не просто контролировать, что достигалось с помощью цензуры, ни и направить его в нужное с точки зрения государственной идеологии русло. Это было действительно важно, поскольку посредством писем шло взаимодействие военной и гражданской частей японского общества и от того, какие иероглифы и выражения будут в них использованы, зависело очень многое.

---

¹ 金城堂 1901. С. 30.

Первый в истории японской императорской армии сборник образцов писем от военнослужащих был издан в 1888 г. под названием «Образцы писем военных» – «Гундзин бункан» 軍人文鑑. Сборник состоял из сгруппированных по тематике писем и отдельных выражений для повседневного употребления. Так в разделе «Письма другу из казармы» присутствует, например, такой текст: «Я очень счастлив, что мне выпал столь почетный и счастливый шанс стать солдатом нашей армии. Советую тебе от всего сердца поступить так же». Интерес представляет и тот факт, что многие образцы писем написаны якобы с театра военных действий, в качестве которого выступают территории в Китае или Корее с указанием реальных населенных пунктов, написанных весьма оригинально (Тайвань записан как 大湾 вместо 台湾, Нинбо 倭播 вместо 寧波, Нанкин 南金 вместо 南京 и т.д.). Включение в книгу образцов писем такого содержания является прямым подтверждением того факта, что еще за пять лет до войны с Китаем Япония всю к ней готовилась.

Можно привести еще один пример письма, представленный в разделе «Письма родителям по прибытии в казарму»: «По сравнению с той сельскохозяйственной работой которую вы делаете, армейская служба — весьма легкое и приятное занятие. Здесь вкусно и сытно кормят, казарма просторная и чистая. У меня удобная постель и хорошая одежда». Такое письмо должно было вызвать в уме у получивших его родителей идеалистическую картину службы сына и чувство гордости за него. Поэтому письмо никоим образом не должно было давать даже намека на армейские лишения и опасности. Принимая во внимание, что такого рода письма читали не только их адресаты, но и соседи, мифическая картина полной идиллии получала широкое распространение, что в значительной степени способствовало росту уважения к армии и военным в обществе.

Большое число различных особых наставлений и инструкций появилось в годы японо-китайской войны. Во многом данный факт связан с тем, что на волне официальной пропаганды торжественные речи по радостным (победы японского оружия) и печальным (похороны погибших солдат) событиям стали массовым явлением в японском обществе. В годы этого военного конфликта мэйдзийские идеологи полностью осознали значимость таких мероприятий для поддержания и культивирования патриотических настроений в обществе. Несомненный интерес в этой связи представляет составленная Ито Ёдзиро работа «5000 поздравлений с победой, используемые в военное и мирное время», вышедшая в 28 году Мэйдзи в издательстве Хосино бунсэйдо. Представляющая собой набор заготовок речей и вариантов предназначенных для печати текстов, книга получила широкое распространение в армейской среде. В предисловии к ней говорилось: «В последнее время от вас — военнослужащих дивизий, полков, батальонов и рот, особенно в письменных обращениях, часто поступают просьбы о составлении и корректировке триумфальных поздравлений и напутствий, ответных речей, поздравительных выступлений на открытии мероприятий, связанных с чествованием военных (благодарность за службу, за проявленную верность и храбрость) и гражданских лиц (оказание помощи солдатам через пожертвования) предназначенных для публикации во фронтовых журналах. Однако если вы — военнослужащие, составляющие эти и подобные им тексты, сначала хорошо их вычитаете и приложите к их составлению свое сердце, проникшееся духом описываемых событий, движения ваших кистей станут более свободными, и ваши тексты будут весьма удачными».

Следует заметить, что в годы японо-китайской войны торжественные траурные речи по случаю смерти военнослужащих звучали достаточно часто. Поэтому, как в силу специфики смертей (основная масса гибели была

вызвана не ранениями, а болезнями), так и в силу их распространенности, они носили достаточно специфический характер. Заслуживает внимания надгробная речь по покойному старшему офицеру второго ранга Мацуока Такэнуки, помещенная в 1896 г. в 15 томе популярной в Японии «Обиходной энциклопедии» в статье «Правила торжественных выступлений». «Сегодня, 5 декабря 1894 года председатель общества поддержки солдат Ацута Косио Мики, почтительно поднеся ритуальное сакэ, провожает душу Мацуока Такэнуки... Грустно! Река Ялуцзян, где воин намеревался проявить свой пыл, защищая нашего императора, стала местом его внезапного недуга. Теперь отважная душа безмолвствует. Как печально!». Можно предположить, что в энциклопедию данная речь попала из какого-то наставления, изданного «Обществом поддержки солдат Ацута».

Конечно, несмотря на все пропагандистские усилия, смерть воина для его родственников и знакомых была тяжелой утратой. Исходя из этого, составители подобных инструкций большое внимание были вынуждены уделять формированию «правильного» восприятия внезапной смерти близкого человека, которая всегда вызывала широкий общественный резонанс. Здесь уместно привести отрывок из «утешительной речи для семей павших», помещенной в составленном Иваи Сёдзиро руководстве «Примеры поминальных речей для военнослужащих сухопутных войск и флота», изданном в 1900 г.

«В конечном счете все люди смертны — все рано или поздно должны умереть. Однако, когда отмеренное небом время подходит к концу, и столько народа молится за умершего, это должен быть или очень знатный человек, или один из величайших героев. Но когда смерть приходит на войне, вопреки судьбе, и человек принимает ее во имя преданности Родине, то такую смерть славят не только 40 миллионов соотечественников, но и множество иностранцев. Воистину нет чести выше». Учитывая время выхода данного издания, можно предположить, что данная речь могла

прозвучать на воображаемой организованной родственниками и друзьями годовщине смерти солдат, погибших во время подавления восстания ихэтуаней в Китае. Исходя из текста речи, очевидно, что она была призвана показать, что смерть на поле брани представляет собой не просто самопожертвование ради своей страны, но является своего рода личной выгодой для военнослужащего, поскольку при обычной смерти простого человека никто не служит погребальную панихиду такого масштаба.

После победы Японии в войне с Китаем, тон материалов, предназначенных для воспитания военнослужащих, несколько изменился. Несмотря на то, что общетеоретические идеологические конструкты остались без изменений, образ врага подвергся кардинальному пересмотру. Если накануне и в годы японо-китайской войны основная задача заключалась в укреплении патриотизма японских солдат, что зачастую достигалась антикитайской риторикой, то в условиях подготовки и ведения войны против России возобладала антироссийская риторика. Так, в ряде учебных материалов говорилось о том, что задача Японии — защитить Китай от русской экспансии на Дальнем Востоке. Тезис о защите Китая был вполне оправдан в том смысле, что после своего поражения он не мог составить какую-либо серьезную конкуренцию Японии. «Если падет Китай, сможет ли наша страна сохранить свою независимость? Вероятно нет. Поэтому, наказав эту страну (агрессора), мы спасем Китай и обеспечим собственную безопасность». Таким образом, солдатам внушалось, что поддержка и защита Китая связана с независимостью и обеспечением безопасности самой Японии. Идеологи стремились позиционировать себя в качестве защитников корейцев и маньчжур от «ядовитого жала змеи» в лице России.

Важный вопрос, волновавший японское общество в преддверии войны с Россией, заключался в том, сможет ли Япония победить столь великую страну? Ответ на него также можно найти в различных мануалах для военнослужащих. Так, в изданном в 1902 г. сборнике

большой раздел был посвящен тому, как исход войны зависит от вооруженных сил: «Существует мнение, что чем больше численность вооруженных сил, тем вероятнее их победа над противником. Однако это неверно. Исход войны зависит от подготовки войск. Это явно продемонстрировала наша недавняя победа (имеется в виду конфликт с Китаем). Превосходя по уровню подготовки и моральному духу противника, мы, несмотря на его численное превосходство, победили». Таким образом, солдатам внушалась мысль, что даже малыми силами при их правильной подготовке и организации можно разгромить превосходящего по силе противника. Данный тезис естественно был весьма актуален накануне и в ходе войны с Россией и являлся одним из способов идеологической подготовки к ней японского общества. Таким образом, главная идеологическая доминанта, базировавшаяся на опыте войны с Китаем, заключалась в том, чтобы убедить общество, что исход войны не зависит от потенциала, возможностей и ресурсов государства и рассеять, таким образом, опасения по поводу будущего противника и исхода войны.

Продуманность материалов, четкое планирование каждого, даже самого незначительного шага, во многом стали основой дальновидности и прозорливости японцев, которые до сих пор поражают исследователей. Так, в воодушевлявших солдат материалах периода русско-японской войны, четко прослеживается не только уверенность в победе Японии, но и описывается триумфальное возвращение воинов, чему посвящены целые разделы. Так, изданные в середине 1904 г. «Речи, предназначенные для встречи и проводов военных» «Согэй гундзин сюкусай эндзэцу» 送迎軍人祝祭演説 содержали раздел «Торжественные речи по случаю триумфального возвращения воинов» 兵士の凱旋祝文. Одна из представленных там речей содержала следующий фрагмент: «Наши воины выполнили большую задачу в деле разгрома России и восстановили мир на Дальнем Востоке, благодаря

чему мы высоко вознеслись в мире. Теперь они, веселясь и ликуя, с триумфом возвращаются домой».

После русско-японской войны сложился стереотип, что «хороший гражданин — хороший солдат, а хороший солдат — хороший гражданин». По сути, это и определяло характер всего японского общества, в основе которого лежали уже исключительно морально-нравственные категории, характерные для военной среды. Поэтому мужчине, не прошедшему службу без объективных на то причин, был не только закрыт путь во многие профессии, но и общество рассматривало его как изгоя. По аналогии с известной поговоркой «Кто не Тайра — тот не человек» «Тайра ни арадзу моно ва хито ни арадзу» 平らにあらざるものは人にあらず, в конце периода Мэйдзи появилась поговорка «Кто не служил, тот не человек» «Ню:эй о синай хито ва хито ни арадзу» 入営をしない人は人にあらず, как нельзя лучше определявшая отношение общества к службе и армии в целом.

Завершая анализ материалов, предназначенных для военнослужащих императорской армии, следует сказать несколько слов и о более приземленных, но в тоже время крайне важных, а, по сути, основополагающих вещах — денежном и продовольственном довольствии солдат.

Преследуя цель создания военизированного общества в определенном смысле этого слова, японские идеологи учли и негативные стороны общественного восприятия военного института в первую половину исследуемого периода и во второй его половине смогли полностью устранить эти отрицательные моменты. Определенную роль в этом процессе сыграли и учебные материалы. Так, до японо-китайской войны распространенным явлением были денежные переводы военнослужащим от родителей. Данный факт мешал формированию благоприятного образа вооруженных сил, поскольку армия в сознании народа рассматривалась как место, где человек терпит определенные лишения, преодолеть которые и помогают

присылаемые деньги. К тому же, отрыв даже небольшой суммы из и без того скудных доходов, вызывал общественную антипатию. Поэтому, уже к началу русско-японской войны денежные переводы солдатам были запрещены.

Еще одним слагаемым формирования благоприятного образа вооруженных сил стала пропаганда благополучного продовольственного довольствия военнослужащих. Солдатские мануалы особо подчеркивали, что армейский паек вполне достаточен и разнообразен, сбалансирован по составу и вкусовым качествам. Солдатам внушалось, что правительство заботится о них, а в обществе складывалось отношение к армии как к месту, где вкусно и сытно кормят, что также играло немаловажную роль в формировании общего восприятия вооруженных сил. Принимая во внимание, что пища обычных крестьян была довольно простая и скудная, разнообразие еды в армии являлось одним из второстепенных, но достаточно важных стимулов пойти в солдаты.

Проанализированные материалы позволяют сделать вывод о том, что учебные пособия для солдат, являясь важным инструментом идеологического воспитания, занимали большое место в жизни японского общества периода Мэйдзи. Составители данных материалов учитывали все возможные стороны службы, пытались дать ответы и разъяснения на все вопросы духовного, правового и практического характера. Они регулировали каждый шаг солдата, формировали его сознание и образ мышления. Можно с уверенностью сказать, что ни в одной армии мира в тот период не было такого количества предназначенных для военнослужащих печатных материалов. Кроме того, специфичной чертой многих из этих мануалов было то, что они были рассчитаны не только на военную, но и на гражданскую аудиторию и охватывали, таким образом, все японское общество.

Эпоха Мэйдзи: годы просвещения

Во второй половине XIX в. под мощным влиянием западной цивилизации в Японии наступила эпоха реформ, получившая название «*Мэйдзи исин*» — обновление Мэйдзи. Стремясь избежать колонизации со стороны технологически более развитого Запада, японские элиты вынуждены были стремительно модернизировать буквально все области национальной культуры: сферы материального производства, образования, административной организации, транспортно-го сообщения, медицины, науки, языка¹.

Ещё предпоследний сёгун Токугава Иэмоти (1846-1866) докладывал императору: «Наши главные и неотложные задачи состоят в том, чтобы перенять сильные стороны варваров, использовать выгоды от торговли с ними, создать большой флот и армию, применить тактику “использования одних варваров против других”»². В данном пассаже речь идёт о двух смыслообразующих лозунгах эпохи. Первый — “*сонно дзёи*” (почитание императора — изгнание варваров), под знаком которого произошло возвращение императора в политическую жизнь страны, отражал консервативные тенденции в обществе, требование определённых кругов самурайства и крестьянства “вернуться к старым добрым временам”, когда сакральные функции верховного жреца и государственная власть принадлежали императору. Второй лозунг — “*фукоку-кёхэй*” (богатая страна — сильная армия) сформулировал сам сёгун Иэмоти, воспитанный в строгом соответствии с конфуцианскими

¹ См.: Скворцова Е.А. Западный ветер перемен в Стране восходящего солнца // Человек, № 4, 2017. С. 52-66; Она же. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией // Вопросы философии, № 7, 2012. С. 52-63.

² Цит. по: Тояма Сигэки. Мэйдзи исин то гэндай (Обновление Мэйдзи и современность). Токио: Иванами сётэн, 1969. С. 178.

требованиями, предъявляемыми к государственному чиновничеству.

Таким образом, обозначился главный парадокс эпохи: восстановление традиционного жизненного уклада (возвращение на политическую сцену императора и связанного с ним синтоизма, провозглашение общинного идеала единства «государственного тела» — «*кокутай*») проходило на фоне активного внедрения в общественное сознание Японии западных социально-экономических и духовных ценностей (научной рациональности, свободы, индивидуализма, юридического равенства и прав человека). Самураи, занявшие ключевые позиции в бюрократических, силовых (армия, флот, полиция), научных и образовательных структурах, привнесли в них «самурайские ценности: дисциплину, порядочность, верность и воинственность < ... > В результате введения всеобщего начального образования и всеобщей воинской повинности эти ценности были распространены уже на всё общество»³. Япония очень быстро по историческим меркам сумела войти в когорту наиболее технически оснащённых наций мира и стала первой державой Азии.

Капитализм западного типа не был органичен для социокультурной ситуации в Японии. Рациональность здесь имела иную направленность — в традиционной экономической деятельности рационализм коррелировал с необходимостью сохранения и упрочения в обществе интеграционных тенденций. Предпринимательство, успешно развивавшееся в Японии в эпоху Токугава (1603-1867), опиралось на тип личности, ставившей интересы общего выше эгоистических интересов. Превозносились такие качества, как умеренность и аккуратность, бережливость и честность,

---

³ Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, Рипол классик, 2006. С. 702.

трудолюбие и аскетизм, верность долгу и почтительность к старшим. В качестве главных антиценностей традиционно выступали эгоизм и сопутствующие ему “три яда”: алчность, гнев и заблуждения. Перед Японией фактически встала задача совмещения ценностей западной протестантской этики с привычными традиционными ценностями своей национальной культуры. Западное понятие “прогресса” ориентировалось на индивидуализм, оно касалось всех сфер человеческой жизни: материального производства, науки, искусства, морали. Казалось бы, государственные деятели Японии стояли перед выбором “или-или” — либо верность традиции, либо буржуазные реформы.

Тем не менее, страна пошла своим путём, путём *совмещения первого и второго*. Лозунг “*буммэй кайка*” — “цивилизованность и просвещённость” стал главным лозунгом начального периода (1868-1878) эпохи Мэйдзи. Выходцы из самурайского сословия взяли на себя нелёгкую задачу информирования японского народа о том, что же представляли собой передовые страны Запада, как организована их бытовая и политическая жизнь. Таким представителем мэйдзийского просвещения был Фукудзава Юкити (1835-1901), получивший образование сначала в частной школе г. Осака, а затем съездивший в Европу и в 1866 г. написавший бестселлер «Жизнь на Западе». В дальнейшем Фукудзава создал первый японо-английский словарь. Один только этот учёный создал около 1500 работ, описывающих и истолковывающих тот социально-политический идеал, который он видел на Западе; им же, или при его активном участии был основан журнал “*Мэйроку дзасси*” (Журнал общества “*Мэйрокуся*”). В соответствии со своими либеральными убеждениями Фукудзава принадлежал к группе оппозиционеров-*дзайя*, критиковавших правительство в области вопросов образования и социальной политики. Учёный полагал, что не бюрократы, а просветители должны взять на себя цивилизующую роль: «Выступать

на общественной арене раньше и впереди других — поистине наша обязанность»⁴.

Однако главным ресурсом в деле просветительства и цивилизации обладала другая группа интеллектуалов — “*канрё гакуся*” (учёные-бюрократы), отстаивающая “просвещение сверху”. Получившие образование за рубежом, отдававшие все силы служению Родине, эти люди были выдающимися общественными деятелями и яркими публицистами, такими как Като Хироюки (1836-1916), Мори Аринори (1847-1889), Иноуэ Тэцудзиро (1855-1940) и Ниси Аманэ (1829-1897). Они критиковали феодальные устои сёгуната и пропагандировали капиталистические идеи, но при этом, как ни парадоксально, ратовали за сохранение абсолютной монархии.

Догнать западную культуру даже в техническом отношении было невозможно без усвоения базовых оснований западной экономики и политики. Успехи в материальной сфере оказались неразрывно соединены с социально-политической ситуацией Запада, благоприятной для развития капиталистического способа производства, создававшего богатые страны с сильными армиями. Юридическое равенство людей перед законом, являясь необходимым условием развития капиталистических отношений, требовало создания условий для личной самореализации каждого японца, осознания японцами понятий “права”, “суверенитета”, “демократии”, “общества” и “свободы”. При этом ни одно из данных понятий, будучи даже многократно употреблённым в текстах составителей обновлённых словарей и энциклопедий, не смогло бы принести нужный эффект вне культурного и политического контекста.

---

⁴ Фукудзава Юкити. Гакумон-но сусумэ (Призыв к знаниям). Токио: Тикума сёбо, 1966. С. 46.

Японская культура говорила с человеком на конфуцианском языке “долга-ответственности”, “сыновней почтительности и ритуала”, а не права и свободы. Свобода, “*дзю*” — слово китайского происхождения — на Дальнем Востоке традиционно имело чёткую коннотацию своеволия и эгоизма в ущерб общественному интересу. Поэтому, наряду с переводом английского *Liberty* или *Freedom* как “*дзю*”, существовало несколько вариантов перевода. В планы активистов “*Мэйрокуся*” входила задача переломить отрицательные коннотации понятия “свобода”, заместив их положительными смыслами. Такие просветители, как Накамура Кэйю и Фукудзава Юкити утверждали, что свобода — это не распущенность или неуважение к традициям. Целью каждого человека должно стать развитие его индивидуальных способностей на благо всего общества. Такое качество они называли “*фурийдому*”. Свобода в их понимании — это новая форма социального развития, направляющая таланты каждого к прогрессу передового коллективного целого.

Между тем, понятие “свободы” имело в США и Англии два смысла: *Liberty* и *Freedom*. Первый означал “право на гражданские свободы”, когда власть защищала свободу слова, совести, печати, собраний. Второй относился к свободе волеизъявления и мог означать как положительную (личностная самореализация), так и отрицательную (аморализм, преступность) направленность. Кроме того, существовало консервативное и либеральное понимание свободы. Консервативное интерпретирует свободу в качестве свободы гражданской, подразумевающую свободу личности от тирании, как госструктур, так и большинства. Либеральная трактовка свободы подразумевает право всех социальных меньшинств на равенство в самовыражении. Японские просветители остановились на консервативном варианте. Так, Ниси Аманэ считал, что живущий в обществе человек не может быть полностью свободным от исполнения общественного долга, поскольку именно от

общества он получает “три сокровища” своей жизни: здравоохранение, благосостояние (еду, жильё, одежду) и знания (передаваемые от предыдущих поколений)⁵. Свобода, по Ниси, всегда ограничивается долгом. Поначалу склонявшийся к либеральному варианту, Фукудзава Юкити также пришёл к выводу о необходимости ограничения свободы самовыражения личности долгом — “сёку”. Иероглиф “сёку” (долг, обязанности) подразумевает два главных свойства: а) не создавать опасности для других; б) подчиняться закону. Предложенное Фукудзава Юкити словосочетание “дзю” для перевода термина «свобода» окончательно утвердилось в результате бурных дискуссий о свободе печати и собраний, а также ожесточённых споров о проекте конституции.

Столь же многозначным, как и понятие “свободы”, на Западе было и понятие “права”, имеющее существенные различия в англо-американской и континентальной трактовке. С этим фактом пришлось вплотную столкнуться японским просветителям в процессе работы над новым политическим лексиконом для своей страны. Политическая лексика, наряду с теорией гражданского и международного права, попала в поле зрения японских исследователей. Постепенно, в ходе дебатов по поводу национального собрания и народных прав (1874-1884), понятие права — “кэн” в японском языке дифференцировалось. Появились, известные и по сей день, такие стандартные иероглифические сочетания, как: “кэнри” — право; “сюкэн” — суверенитет, королевская власть; “коккэн” — государственный суверенитет; “токкэн” — привилегия; “минкэн” — народные права.

Таким образом, в процессе работы над новым политическим лексиконом для Японии выяснилось, что и сам

⁵ Ниси Аманэ. Дзинсэй самбо сисэцу (Теория трёх сокровищ человеческой жизни) // Нихон-но мэйтё (Знаменитые произведения Японии). Т. 34. Токио: Тюокоронся, 1972. С. 229-257.

Запад далеко не един в понимании собственных политических основоположений. Задачей японских интеллектуалов было подобрать вариант, не просто самый прогрессивный, но оптимальный для конкретной японской социокультурной среды того времени. Чтобы вновь созданная терминология заработала, потребовалась общественная “обкатка” целого пучка новых японских терминов для западных понятий в публичных выступлениях, на страницах периодики, в ожесточённых дискуссиях и дебатах. Выяснилось, что понятия неразрывно связаны с историческим и социокультурным контекстом.

Свою образовательную деятельность многие из просветителей эпохи Мэйдзи начали с переводов тех работ западных классиков, которые считали насущно необходимыми простым японцам в период перехода страны от феодализма к капитализму. В 1871 г. Накамура Кэйю перевёл “Самопомощь” шотландца Сэмюэля Смайlsa, изобилующую примерами успешной личной инициативы людей Запада. В книге подчёркивалась важность инициативности, ценность индивидуальной успешности и самоуверенности — тех качеств, в которых остро нуждались жители японских островов. В том же году Накамура завершил перевод “Принципа свободы” Дж. Ст. Милля.

В 1872 г. Фукудзава Юкити опубликовал “Призыв к знаниям”, где писал: «Душа вещей — человек; благодаря разуму и рукам своим он научился делать одежду, пищу, строить дома. Разве не заслуживает он свободы и суверенитета, чтобы радоваться жизни, не вторгаясь в свободу другого?»⁶. Ему ответил основатель японской социологии Като Хироюки: «Суждения Фукудзава-сэнсэя либеральны. Либеральные идеи имеют, конечно, право на

---

⁶ Фукудзава Юкити сю (Сочинения Фукудзава Юкити) // Гэндай нихон бунгаку дзэнсю (Полное собрание произведений современной японской литературы). Токио: Тикума сэбо, 1967. С. 158.

существование... Но если они чрезмерны, то могут привести к ущемлению прав государства, а это, в свою очередь, чревато тем, что само государство может не устоять»⁷. Как видим, ещё в 1870-е гг. в среде самих реформаторов находились трезвые головы, способные притормозить простые либеральные решения. В итоге даже самые активные сторонники полной реформы языка, в том числе и политического, пришли к передаче новых смыслов старым испытанным способом: комбинации “канго” — китайских иероглифов с добавлением записи терминов с помощью “ромадзи” — латиницы и “окуриганы” — боковой транскрипции одной из фонетических азбук.

Если мы попробуем сравнить европейское и японское Просвещение, то выяснится, что на Западе оно связано с борьбой свобододлюбивых интеллектуалов против влияния церкви на социальную, политическую и культурную жизнь. Они предлагали новую веру — веру в науку, чьими жрецами были авторы французской Энциклопедии. Процессы же просветительских преобразований эпохи Мэйдзи неразрывно связывались с укреплением синтоизма как государственной религии, где император выступал божественным потомком и главным жрецом верховного солярного божества *Аматэрасу омиками*. Наряду с этим продолжали использоваться и конфуцианская этика, и буддийское мировоззрение, укоренившиеся в стране со времён владычества Токугава. В эпоху Мэйдзи такая практика была продолжена. Широкое распространение получили идеи обновленческой синтоистской школы “*Мито*”, провозгласившей необходимость возвращения Японии на “истинный путь древности” и реализации принципа “*сайсэй итти*” (единства политики и религиозного культа) в едином государственном организме “*кокутай*”.

---

⁷ Мэйдзи кэймо сисосю (просветительские идеи эпохи Мэйдзи) // Мэйдзи бунгаку дзэнсю (Полное собрание сочинений литературы эпохи Мэйдзи). Т. 3. Токио: Иванами сэтэн, 1967. С. 59.

Поначалу реформаторы Мэйдзи, следуя западным учителям, полагали, что раз капиталистические экономические и политические отношения прогрессивнее феодальных, то значит и индивидуалистическая мораль буржуазного общества превосходит феодальную, общинную, основанную на личной зависимости и ответственности. Одной из главных ценностей западной цивилизации считался “прогресс”, заключающийся в том каждое последующее состояние социокультурного Целого практически всегда лучше предыдущего. Идея прямолинейного прогресса во что бы то ни стало была глубоко чужда дальневосточной цивилизации. Она, как и японская культура, обращалась к человеку на конфуцианском языке долга-ответственности, сыновней почтительности и ритуала, а не свободы и права. И в этом пункте японские интеллектуалы Мэйдзи, желавшие родине только добра, схватили самую суть цивилизационных различий дальневосточной и западной духовных парадигм.

Свобода западного индивидуума, его якобы неотъемлемые “естественные права” (суверенитет, частная собственность), устремлённость к счастью обладания, эгоцентризм виделись традиционалистски воспитанным японцам ничем иным, как разновидностью злых страстей, как, скажем, самолюбие, алчность и зависть, которые резко порицались и Конфуцием, и, тем более, Буддой. Следовательно, с точки зрения большинства японцев, ни о каком бесстрастном и объективном знании здесь не могло быть и речи. Но, несмотря на очевидную для дальневосточного интеллектуала ущербность гоббсовского индивидуализма, несмотря на явную недостаточность регулирования общественных отношений только в русле юридического равенства (закрывающего глаза на неравенство фактическое), японским реформаторам приходилось считаться с преимуществом Запада в науке и технологиях, а вследствие этого критически отнестись к конфуцианской этике.

Однако вовсе отвергнуть этические ценности предыдущих эпох было невозможно из-за их укоренённости в широких слоях народа, поэтому политические дискуссии на тему народных свобод, в том числе представительства в парламенте, свободы печати, собраний, совести и т.п. неизменно упирались в проблемы морали. Японские интеллектуалы, особенно те из них, которые входили в состав правительственных структур, фактически оспаривали индивидуализм и неограниченную свободу действий, прокламируемые английским либерализмом XIX в., полагая, что никакой очевидности здесь нет. “Свобода” здесь, как и в традиционном Китае, ассоциировалась со своеволием и анархией, наносящими вред общественному порядку. В результате перед просветителями встала задача соединения, казалось бы, несоединимого: индивидуализма с общинностью, свободы с долгом, интеграции с дифференциацией, апологетики утилитаризма и научной рациональности с мифологией Синто. Каждый раз сочетание принципов определялось “наощупь”, при параллельном поиске адекватного описания и определения главных смыслов реформ в соответствующих понятиях и терминах.

В заключение отмечу, что практика модернизации Японии в эпоху Мэйдзи являла собой противоречивый набор, казалось бы, несовместимых характеристик, но в целом оказалась весьма успешной, хотя осуществлялась зачастую вопреки западным образцам.

Трансформации в японской исторической традиции новейшего времени

В новейшее время Япония предприняла две успешные попытки политических трансформаций — в период Мэйдзи и в период послевоенных демократических реформ 1945–1947 гг. Обе эти попытки модернизации первоначально приняли форму институциональных реформ, которые на более позднем этапе дали мощный толчок глубинным общественно-экономическим преобразованиям. Успех трансформаций в обоих случаях был обусловлен специфической исторической моментом. Ключевым фактором успеха явилось внешнее давление — угроза иностранного порабощения в первом случае и иностранная военная оккупация во втором. Важную роль играл и субъективный фактор, выразившийся в политической воле руководства страны реализовать институциональные реформы.

Мэйдзийский период занимает особое место в политической истории Японии. За небольшой по историческим меркам период, исчисляющийся несколькими десятилетиями, страна совершила колоссальный рывок в своем развитии, преодолев многовековую отсталость и войдя в число крупнейших акторов мировой политики. Коренное преобразование политического строя, завершившееся созданием полуабсолютистского режима, означало вхождение страны в важный этап ее истории — становления модернистского государства. Суть политической трансформации Мэйдзи заключалась в создании модернистского государства, которое бы обеспечило Японии путь в клуб «цивилизованных стран».

Модернистские государства возникали в мировой истории неоднократно, являя собой ответ на вызовы, связанные с размыванием социальной и институциональной основы феодализма. Дезынтеграция традиционных

институтов феодального общества (сельских общин, свободных муниципий, религиозных фракций), происходившая в условиях развития торгово-денежных отношений и активного наступления торгово-промышленного капитализма, таила в себе риск ослабления политической власти и, в конечном счете, распада государства. Создание модернистских государств явилось формой ответа на угрозы национальной безопасности и создания нового социального порядка. В Европе этот процесс, проходивший в XVI–XVII вв., принял форму централизованных абсолютистских монархий. Эти монархии, проявившиеся в виде национальных государств (или «государств-наций»), позволили консолидировать силы для противостояния внешним угрозам и эффективного решения проблем национальной безопасности. Их появление сопровождалось ростом национального самосознания и формированием наций, объединенных общностью географических, экономических, исторических, культурно-цивилизационных, национально-психологических и политических условий. Особенно важную роль в формировании наций играла национально-психологическая самоидентификация, т.е. ощущение принадлежности к национальному государству, противопоставленному внешнему враждебному миру («мы-они»).

Результатом трансформационных процессов эпохи Мэйдзи стало появление единой японской нации. Как и в европейских странах, в Японии необходимость в ускорении процесса национальной самоидентификации заставила лидеров мэйдзийских преобразований активно использовать националистические лозунги.

Японский опыт построения модернистского государства имеет существенные отличия от опыта европейских стран. Прежде всего, преобразования были проведены не в рамках логики внутренней эволюции (хотя трудно отрицать способность токугавского режима к проведению ограни-

ченных реформ, в том числе и в сфере государственного управления), а в жестких условиях угрозы внешнего порабощения. Большую специфику имела и конфигурация движущих сил этой модернизации, основу которой занимали реакционные, с точки зрения нормативной теории, слои общества — маргинализируемая часть самурайского сословия, представлявшая княжества Сацума и Тёсю. С этой точки зрения политические преобразования Мэйдзи, которые привели к ликвидации сёгунского режима и установлению единоличной власти императора, напоминают, скорее, дворцовый переворот, совершенный недовольной частью правящего класса, пытающейся вернуть свое место у кормила власти. Сходство с консервативным переворотом навевают и установки мэйдзийских реформ начального этапа, среди которых выделялся лозунг *сонно дзёи* — «уважение императору — изгнание варваров». Даже укоренившееся в мировой историографии название «реставрация Мэйдзи», по крайней мере, внешне навеивает ассоциации с политической реакцией.

Спецификой мэйдзийских преобразований явилось то, что никакого серьезного кризиса традиционных институтов, включая деревенскую общину, в Японии периода становления модернистского государства, в отличие от Запада, не происходило. Наоборот, эти институты выступили в качестве идейной опоры нового режима и позволили перейти к новой политической модели с наименьшими социальными и политическими издержками.

Лозунг восстановления власти императора как идейный лейтмотив политической модернизации был выбран не случайно и явился итогом длительных дискуссий внутри антисёгунской коалиции. Проблема заключалась в том, чтобы обеспечить легитимизацию новой власти в глазах населения, без которой было бы невозможно мобилизовать его на решение поставленных правительством задач. В середине XIX в. подавляющее большинство

населения Японии проживало в сельской местности, а его сознание определяли «традиционные ценности», основанные на конфуцианской морали. Реформаторы понимали, что заставить людей с должным пиететом воспринимать непонятные для них термины «государства» и «нации» будет достаточно сложно. Решение было найдено в том, чтобы найти такую модель правления, которая была бы хорошо ложилась в мировоззренческую систему координат японских крестьян и воспринималась ими в качестве приоритетной по отношению к традиционным институтам — деревенскому сообществу и семье. Институт императора в этой связи представлялся в качестве естественного главы всех японцев, подобно тому, как в каждой семье есть глава (отец). Все японцы должны поэтому питать к императору безграничное уважение и выполнять долг верности, аналогично тому, как в семьях дети выполняют сыновний долг по отношению к родителям. Эта концепция политической верности и сыновнего долга концептуализировалась в понятии «государства-семьи», которое сохраняло свою актуальность вплоть до окончания II мировой войны.

Важным постулатом этой концепции стало положение о присущей японской модели государственности гармоничности и бесконфликтности — сущностных характеристик идеальной японской семьи. Как отмечали авторы изданной в Токийском университете коллективной монографии «Правительство и политика в Японии», «Мэйдзийское государство уходило своими корнями в концепцию государства-семьи. Одной из особенностей данной концепции было то, что государство рассматривалось как одна большая семья, которая идеализировалась как абсолютно гармоничная субстанция. По этой причине государство было вынуждено предпринимать усилия для того, чтобы исключить любую возможность конфронтации

и конфликта, возникающих внутри общества»¹. Таким образом, государство выступало своего рода макрокосмом семьи, а непрерывная история императорской династии, ведущей свое начало прямо от создавших Японию богов, позволяла японцам найти ответы на извечные вопросы бытия, построить понятную им космогоническую картину мира.

Другой стороной такого подхода стала идеализация патриархального уклада сельской жизни, который правительство Мэйдзи представляло в виде эталона социальных отношений. Учитывалась также такая особенность японской национальной психологии, как стремление избегать открытых конфликтов при решении споров. В бесконфликтном государстве практически отсутствует политическая сфера, которая является публичным методом урегулирования споров, возникающих вследствие борьбы интересов разных слоев общества.

В дальнейшем традиции бесконфликтности (решения конфликтов неформальными методами, например, с помощью *нэмаваси*) проявилась в феномене «консенсуальной демократии», дожившей до конца XX в. Хотя подобная концепция утрирует суть проблемы до некоей упрощенной схемы, она позволяет понять причины слабого развития политической сферы Японии по сравнению с другими западными странами.

В целом политическая модель Мэйдзи основывалась в большей степени на традиционных японских ценностях, нежели на стремлении внедрить принципы политического устройства западных стран, которое имело, скорее, второстепенное значение — доказать Западу право Японии войти в «клуб избранных». Следует отметить, что ставка на «японские ценности» выступает и в современной Японии

---

¹ Abe Hitoshi, Shindo Muneyuki, Kawato Sadafumi. The Government and Politics in Japan. Tokyo Univ. Pb., 1994. P. 4.

сильной и действенной альтернативой курсу на рыночную либерализацию и на строительство социал-демократической модели общества всеобщего благоденствия².

Политическая трансформация Мэйдзи была достаточно эффективной, а принятая модель политического устройства позволила правительству консолидировать нацию для решения стоявших перед страной стратегических задач. Монархоцентристская политическая модель явилась действенным средством централизации управления и мобилизации сил. Важно и то, что в результате преобразований был полностью ликвидирован разрыв между номинальной и реальной властями, который проявлял себя на протяжении многих веков в условиях параллельного существования императорской системы и сёгунского правления. Институт императора достаточно быстро стал орудием для легитимации курса правительства на проведение радикальных реформ во всех областях. Во многом благодаря этим реформам Японии удалось достичь стратегических целей превращения в развитое государство, равное по своему статусу империалистическим странам Европы. Особенно успех Японии очевиден в сравнении с опытом соседнего Китая, где попытки реформ, последовавшие за крахом цинского режима в 1911 г., не привели к сопоставимому с Японией результату.

Продолжателем мэйдзийской реформаторской традиции считаются демократические реформы послевоенного периода. Особенность этих реформ заключается в том, что их реализация проводилась в условиях иностранной военной оккупации, в связи с чем в их мотивации важное место занимали внешнеполитические соображения. Для США, выступивших инициатором и вдохновителем демократического процесса, важно было устранить

---

² Стрельцов Д. В. О месте и роли консерватизма в японской политике // Япония: свет и тени. М., 2008. С. 157-159

военную угрозу со стороны Японии, минимизировать даже теоретическую возможность появления нового милитаристского режима, для чего создать прочные основы для развития демократии в стране.

Реформы были направлены на коренную демилитаризацию и демократизацию Японии. В процессе реформ было необходимо демонтировать те характерные черты довоенной (мэйдзийской) политической системы Японии, которые позволили установиться тоталитарному политическому режиму. Речь в первую очередь шла о таких рудиментарных чертах домодернистского государства, как полуабсолютистская монархическая система, отсутствие четкого разделения властей и распределения властных полномочий между отдельными политическими институтами, гипертрофированная роль бюрократии, и в первую очередь военной, слабость правового регулирования политической деятельности и подчиненное место представительных органов в системе политической власти.

В целом констатируя успех послевоенных трансформаций как этапа перехода к демократическому обществу, следует отметить, что политическая модернизация оккупационного периода была успешной далеко не во всем. Общественное сознание не успевало за ходом реформ. Многие меры носили половинчатый характер, а некоторые преобразования не соответствовали ожиданиям масс, политическая культура которых формировалась десятилетиями. Например, по этой причине оккупационные власти были вынуждены пойти на сохранение, пусть и в ослабленном виде, института императора, понимая, что привлечение Хирохито к ответственности за военные преступления может стать дополнительным фактором социального хаоса.

Некоторые идеи оказались нежизнеспособными. Так, идея создания полностью автономной системы местного самоуправления по американскому образцу больше

соответствовала американским реалиям, а именно — сложившимся в стране демократическим традициям, а также географическим условиям (большие расстояния и насущная необходимость в сильной местной власти). Поэтому многие положения первоначального проекта, подготовленного оккупационными властями, были в дальнейшем сняты.

Не удалось в ходе реформ полностью преодолеть и такие системные характеристики японской политической культуры, как отсутствие традиций гражданского общества, слабость общественного контроля над правительством, неразвитость политических партий как институтов представительной демократии, а также гипертрофированная роль бюрократии, выполняющей, по сути, политические функции в системе государственной власти. Партиципативное сознание, несмотря на все усилия реформаторов, так и не укоренилось в широких слоях японского электората, который предпочитал голосовать не за программно-идеологические платформы, а за конкретных депутатов, вне зависимости от их партийной принадлежности. В политической практике послевоенного периода закрепился феномен «партийно-индифферентного, персонально-ориентированного электората».

Что касается трансформационных процессов Японии, проходивших в постбиполярный период, то они, в отличие от предыдущих исторических этапов, не носили лавинообразного характера. Это был длительный, постепенный и достаточно противоречивый процесс, протекавший не в линейной форме, а в виде сложной траектории, с множеством откатов назад и даже возвращений на исходные позиции. Во многом это было связано с тем обстоятельством, что Япония с 1970-х гг. перестала развиваться по модели догоняющего развития, объективно перейдя к решению задачи удержания глобального экономического лидерства.

Сложившаяся в Японии в послевоенный период политическая система, в рамках которой главную роль при принятии решений играет бюрократия центрального правительства, была «заточена» на решение задач именно догоняющего развития. По сути, в ее основе лежит идея о национальной мобилизации, необходимой для выживания в условиях жесткой внешней конкуренции. Институционально государственное управление страны осталось в эпохе предвоенной и военной мобилизации, что дало повод назвать его «системой 1940 г.». Политическая власть в рамках этой системы играла вторичную, вспомогательную роль.

Трансформационные процессы шли одновременно по нескольким направлениям. Прежде всего, это создание более эффективной системы государственного управления, лучше отвечающей потребностям общества. Это укрепление политических институтов и создание действенной системы политического представительства, позволяющей в полной мере использовать потенциал демократии. Здесь ключевую роль, помимо всего прочего, играет модернизация нормативно-правовой базы политической системы — принципов избирательной системы, законодательства, регулирующего работу парламента и иных институтов представительной демократии, политических партий, общественных организаций и т.д. Следует также упомянуть о формировании жизнеспособной системы политических партий как ключевых акторов политического процесса, способных обеспечивать на политическом уровне интересы разных слоев японского общества.

Это, наконец, реформа системы принятия политических решений, которая должна обеспечить право голоса не только крупных корпоративных структур и хорошо структурированных политических объединений, но и социальных меньшинств.

Значение трансформационных процессов эпохи Мэйдзи заключалось в том, что в политической практике Японии закрепились традиции авторитаризма. Наиболее наглядным из негативных для дальнейшего исторического развития Японии последствий от прихода такого типа политиков стала военная катастрофа середины XX в., в которую ввергла страну порожденная мэйдзийской политической системой авторитарная власть. Следует отметить и то, что в результате мэйдзийской трансформации Япония оказалась на качественно более высоком уровне развития, чем ее азиатские соседи, что в условиях того времени породило у нее соблазн использовать свое экономическое и научно-техническое превосходство для достижения регионального господства путем внешней агрессии.

В свою очередь, анализ послевоенных демократических реформ второй половины 1940-х гг. дает основания утверждать, что эти реформы имели решающее значение для дальнейшего развития всей политической системы. Результаты этих реформ, которые были с одобрением восприняты народом Японии, определили развитие политической системы страны на весь послевоенный период.

Особенность трансформационных процессов на современном этапе общественного развития заключается и в том, что она в меньшей степени обусловлена внешним давлением, а в большей — внутренними потребностями, в первую очередь экономическими (окончательным исчерпанием потенциала догоняющего развития, переходом экономики и общества в постиндустриальную стадию и т. д.). Институциональные изменения не требуют такого же радикализма, как это было бы в случае прямой угрозы иностранного порабощения или в условиях иностранной военной оккупации. С этой точки зрения современный этап не сопровождается коренной ломкой традиционных политических институтов. Кроме того, его особенность заключается в его незавершенности и противоречивости,

что не позволяет давать его результатам однозначные оценки.

Процесс политического реформирования пока еще не завершен, а Япония находится в поиске оптимальной модели общественного развития. Очевидно, что послевоенная модель развития, основанная на жестком государственном контроле и регулировании, на доминировании на политическом поле одной партии, уже изжила себя и объективно стала тормозом экономического и социального развития. В практическом плане трансформационные процессы, как можно предположить, приведут к формированию в стране новой системы государственного и политического управления, которые будут основаны на новых принципах.

Эволюция роли европейцев в модернизации Японии

За последние 150 лет Япония прошла через два периода масштабных политических и социально-экономических изменений: период Мэйдзи (1868-1912 гг.), когда страна превратилась из феодального государства в аграрно-индустриальную державу, и послевоенный период (1945-1970-е гг.)¹, за который был сделан мощный рывок, выдвинувший Японию в число ведущих экономик мира. Оба периода были отмечены значительным иностранным влиянием: импортом технологий, кадров, в целом принципов политического, экономического, промышленного, социального устройства. Если в эпоху Мэйдзи ключевую роль в модернизации Японии играли европейцы — Великобритания, Франция, Германия, Голландия, наряду с США, то в послевоенный период — безраздельно США. Рассмотрим эволюцию роли европейцев в модернизации Японии и причины, по которым в послевоенное время их роль была сведена практически к нулю.

Инициатором «открытия» Японии в 1854 г. стали США, однако европейские страны в полной мере воспользовались выгодами торговли с «новым» государством в Восточной Азии. В 1854-1855 гг. были подписаны т.н. «неравноправные торговые договоры» между Японией с одной стороны и Англией, Францией, Голландией, Пруссией — с другой². Первоначально европейцы, как и американцы, вызывали в японцах страх и недоверие, ведь страна была «открыта» насильственно, и японцы знали, какая участь постигает незападные страны, столкнувшиеся с западной цивилизацией. Перед их глазами были примеры

---

¹ Данный период обозначен условно: его начальной границей служит год окончания Тихоокеанской войны, а конечной — 1970-е гг., ознаменовавшиеся двумя нефтяными кризисами, после которых период высоких темпов экономического роста в Японии считается оконченным.

² Эйдус Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968. С. 72.

Китая, Индии, Филиппин и других азиатских стран, превратившихся в колонии или полукolonии европейских государств и США. Япония выбрала путь заимствования и адаптации всего того, что определяло западную силу и мощь — в первую очередь, в военной сфере³. При императоре Мэйдзи страна начала масштабную вестернизацию, поставив целью встать вровень с западными державами. В этот период в Японию активно приглашались иностранцы, в первую очередь из Великобритании, в качестве советников недавно созданных министерств и преподавателей в учебных заведениях: например, в 1875 г. в стране работали около 500 иностранцев⁴. Ежегодно несколько сотен студентов отправлялись в западные страны, чтобы освоить различные специальности, в Европу, Америку и Россию отправлялись дипломатические миссии во главе с ведущими государственными деятелями⁵.

Европейское влияние в Японии достигло пика в 1870-1880-е гг. Японцы старательно копировали все европейское — от машин и паровых турбин до цилиндров и пенсне, чем порой вызывали у европейцев снисходительную улыбку. Взаимоотношения Японии и Европы в этот период строились по линии ученик-учитель. Японцы вели себя как «прилежные ученики», а европейцы — как «благожелательные учителя». При содействии Великобритании, Франции и Пруссии строился японский флот, обучался личный состав армии и флота, создавались шелкоткацкие и хлопкопрядильные фабрики, проводились телефонные линии, производились автомобили, трамваи и поезда⁶. Таким образом, главной функцией европейцев стало наставничество, и эта доминанта определила внимательность, с которой японцы

---

³ Носов М.Г. Европа и Азия: политика, экономика, безопасность. М., 2010. С. 48.

⁴ Wilkinson E. Misunderstanding. Europe vs. Japan. Tokyo, 1980. P. 115.

⁵ Эйдус Х.Т. Очерки новой и новейшей истории Японии. М., 1955. С.33-34.

⁶ Носов М.Г. Указ. соч. С. 48-49.

изучали западный образ жизни, политическое устройство и культуру Запада, их технологические достижения. Европейцы же, наоборот, продолжали смотреть на японцев как на умелых, но все же учеников, сохраняли представление о превосходстве собственной цивилизации и не слишком заботились о том, чтобы по-настоящему изучить и понять японский образ жизни и самих японцев⁷. В дальнейшем этот разрыв — хорошее понимание японцами европейской жизни и практически полное отсутствие реальных представлений о Японии у европейцев, будет только усугубляться, вплоть до разгара торговых конфликтов 1960-70-х гг.

После первого периода эйфории от изучения всего западного и желания во всем подражать европейцам, японцев по мере углубления знакомства с европейским образом жизни постигало все большее разочарование. Европейские страны не спешили отменять унижительные для Японии условия "неравноправных договоров"⁸: подписание торговых договоров на равных условиях состоялось только в 1889 г. с США, Германией и Россией, и лишь в 1894 г. — с Великобританией⁹. Все больше образованных японцев отправлялись в европейские страны и убеждались, во-первых, в расхождении между идеализированным образом Европы, представленным в книгах, и действительностью, а во-вторых, в дискриминационном отношении европейцев к азиатам¹⁰. Постепенно восхищение всем европейским сменялось отрицанием европеизации и пропагандой возвращения к национальным началам, что в дальнейшем создаст благоприятную почву для развития национализма.

---

⁷ Wilkinson E. Op. cit. P. 85.

⁸ Эйдуэс Х.Т. История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968. С. 93-94.

⁹ Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б. История Японии. XX век. М., 2009. С. 12.

¹⁰ Wilkinson E. Op. cit. P. 126-127.

Тем временем, усвоив европейские образцы в различных сферах жизни, в том числе военной, Япония сумела создать армию и флот на уровне ведущих стран того времени. С победами над Китаем в 1895 г. и Российской Империей в 1905 г., с аннексией Кореи в 1910 г. Япония встала в один ряд с европейскими колониальными державами. Преследуя цель присоединить новые территории, открывающие доступ к ресурсам, первая и единственная колониальная держава в Азии добивалась также того, чтобы ведущие государства Европы и США признали ее равной себе.

Однако западные страны не видели в Японии равного партнера, несмотря на то, что она в 1902 г. заключила союзнический договор с Великобританией и по уровню военной мощи практически сравнялась с западными государствами. Подтверждением того, что Японию не признали «великой державой», стал отказ включить положение о «равенстве рас» в Устав Лиги Наций на Парижской мирной конференции 1919 г.¹¹ На Вашингтонской конференции 1921 г. японская дипломатия потерпела новое поражение: утвержденными на этой многосторонней встрече договорами был фактически положен конец союзу Токио и Лондона, Япония потеряла привилегии в Китае, которых добилась на конференции в Париже¹². Стало очевидно, что европейские державы и США видят в Японии не партнера, а конкурента за влияние в Азии, которого необходимо ослабить. С этого периода начинается противостояние — сначала экономическое и дипломатическое, а затем и военное. Таким образом, из «учителя и ученика» отношения Европы и Японии превратились в отношения соперников.

В период войны на Тихом океане из европейских держав только Великобритания воевала напрямую с Япони-

---

¹¹ Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркаръян С.Б. Указ. соч. С. 75.

¹² Там же. С. 84-85.

ей. Французский Индокитай и Голландская Индия оказались в положении колоний без метрополии, и японские войска получили над ними контроль еще до начала войны на Тихом океане¹³. После поражения Японии в войне страна была оккупирована войсками США. Формально в Штаб оккупационных войск, взявший на себя ответственность за возвращение Японии на рельсы мирного развития, из западных государств должна была входить также Великобритания, однако США удалось добиться того, чтобы принимать решения единолично. В 1951 г. был подписан Договор о безопасности, создававший военно-политический союз Токио и Вашингтона. Во всех других сферах жизни — экономике, промышленности, культуре, — Япония также оказалась привязана к США: именно оттуда, а не из европейских стран, как в эпоху Мэйдзи, приезжали консультанты и преподаватели, именно туда стремилась поехать учиться японская молодежь.

Европейские страны, лишившиеся всех своих колоний, были вынуждены сосредоточить силы на послевоенном восстановлении и внутреннем развитии, и, как следствие, потеряли международное влияние, которое они имели до войны. Для Японии роль европейцев как «учителей» оказалась окончательно утраченной, а японо-европейские отношения вступили в длительную стадию отсутствия интереса друг к другу. Причин, по которым это произошло, несколько:

1. Главным геополитическим союзником для Японии стали США. Именно они служили источником технологических, финансовых и кадровых ресурсов, в альтернативе которому Япония не нуждалась.
2. Европа после войны испытывала идеологический вакуум и нуждалась в новом масштабном проекте. Таким проектом стала европейская интеграция, достигшая

---

¹³ Там же. С. 165.

кульминации в создании Европейского Союза. На развитие отношений с Японией у европейских стран в начальный период после войны не было ни средств, ни мотивации¹⁴.

3. Географическая отдаленность определяла сложности для взаимной торговли: Япония сосредоточилась на торговле с соседними азиатскими странами и США, а Европа — на внутренней и трансатлантической торговле.

Итак, в послевоенный период Япония и Европа имели мало общего, будучи сосредоточенными на решении внутренних проблем и налаживании прежних хозяйственных связей. Япония представляла собой аграрно-индустриальное общество, нуждавшееся в тотальной модернизации: начиная от инфраструктуры, разрушенной в ходе войны, заканчивая повышением технологического уровня производства; европейские страны в то время уже обладали развитыми экономиками.

В дальнейшем японо-европейские отношения будут строиться конфликтно: период 1960-1970-х гг. был практически целиком посвящен решению торговых споров, вызванных значительным превышением японского импорта в Европу над европейским экспортом в Японию. В отдельные годы дефицит Европы в торговле с Японией превышал 30 млрд. долларов США¹⁵. Среди причин такого дисбаланса, во-первых, активная производственная стратегия Японии в сочетании с практикой протекционизма, и, во-вторых, отсутствие у европейцев продуманной торговой стратегии в

---

¹⁴ Gilson J. Japan and the European Union: a partnership for the twenty-first century. New York, 2000. P. 12.

¹⁵ Value of Japan Imports/Exports by Principal Country (Area) of Origin/Destination (1962-2004). Statistics Bureau of Japan. URL: <http://www.stat.go.jp> (дата обращения: 15.11.2017).

отношении Японии и понимания, как в действительности функционирует ее рынок.

В основе этого явления лежит как раз тот разрыв в понимании друг друга, который зародился в период Мэйдзи и со временем никуда не исчезал, а только усугублялся. Японцы, с момента "открытия" страны усвоив навыки активного изучения всего, что определяет силу и благосостояние западных стран, сформировали ясное представление о том, что такое западная культура, как работает их производство и потребление. Европейцы же, утвердившись в понимании собственной культуры как превосходящей над всеми остальными, не заметили, как японцы обыграли их на своем же поле — экономическом¹⁶.

Именно период торговых конфликтов дал европейцам тот импульс, который позволил по-новому взглянуть на восточноазиатского партнера, увидеть в нем не просто подражателя, а самобытного деятеля, творчески применяющего западные практики. Если в начальный период 1960–1970-х гг. реакция европейцев на успехи Японии была почти исключительно отрицательной, ее образы ассоциировались с агрессией и продолжением войны¹⁷, то позже, к 1980-м гг., в Европе рождается новое понимание Японии. Европейцы начинают отправлять туда миссии, изучать, как устроено японское производство, инициировать совместные программы¹⁸. На этом этапе снова проявляется линия "учитель-ученик", но теперь она работает уже в другую сторону: Европа из высокомерного и снисходительного учителя превращается в старательного ученика.

---

¹⁶ Wilkinson E. Op. cit. P. 86-87.

¹⁷ Ibid. P. 70-76.

¹⁸ Например, масштабная европейская программа по обучению руководителей в Японии под названием Executive Training Program, созданная при содействии японской Федерации экономических организаций Кэйданрэн, функционировала в течение нескольких десятилетий с 1979 по 2015 годы.

Труды европейцев не пропали даром: накал торговых конфликтов спал к середине 1990-х гг., и в японо-европейских отношениях установился ровный, бесконфликтный диалог. Япония «доросла» до уровня постиндустриальных западных держав и столкнулась с теми же проблемами, с которыми Европа была хорошо знакома: старение населения и сокращение рождаемости, необходимость поддерживать высокий уровень социального обеспечения на фоне уменьшения налоговой базы для пополнения бюджета, необходимость привлекать иммигрантов для восполнения нехватки рабочей силы, оказывать помощь развитию беднейшим регионам мира. На некоторое время Япония стала для Европейского Союза главным партнером в Восточной Азии и единственной страной в этом регионе, близкой по уровню экономического развития. Однако к середине 2000-х гг. начало ясно обозначаться смещение европейских приоритетов в Восточной Азии от Японии к Китаю, что было продиктовано продолжительной рецессией в первой и стремительным экономическим ростом во втором. Тем не менее, Япония остается важным «стратегическим партнером» Европейского Союза в Азии, и единственным азиатским партнером европейских государств, США и Канады в рамках Большой семерки.

Подводя итог, следует отметить, что отношения Японии и европейских стран за последние 150 лет прошли два больших этапа. Первый из них, хронологически ограниченный революцией Мэйдзи и Тихоокеанской войной, характеризуется развитием отношений по линии "учитель-ученик", когда европейцы играли роль доброжелательных и одновременно снисходительных учителей, а японцы — прилежных учеников. Постепенно, с первыми военными успехами Японии и экономической экспансией в страны Азии, эти отношения начали трансформироваться в отношения соперников, пока не перешли в стадию прямых врагов в Тихоокеанской войне. Второй этап, начавшийся с окончанием войны и продолжающийся по сегодняшний

день, представляет собой эволюцию отношений от полного равнодушия друг к другу в начале периода, через отношения соперников на экономическом поле, к установлению равного партнерства к концу 1980-х – началу 1990-х гг. Сегодня Япония и Европейский Союз, не имея принципиальных конфликтов, находятся в поиске новых, более эффективных форм сотрудничества, вариантом которых стало заключение двух всеобъемлющих договоров в сферах экономики и политики: договора о свободной торговле и договора о стратегическом партнерстве¹⁹. Удастся ли сторонам воплотить эти инициативы, покажет самое ближайшее время.

---

¹⁹ EU - Japan Summit: leaders give green light to landmark economic and strategic partnership agreements. Brussels, 6 July 2017. European Commission. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-17-1927_en.htm (дата обращения: 27.11.2017).

**Создание меньшинства:
взгляды японских интеллектуалов и политика Японии
в отношении айнов в XVIII–XIX вв.**

Айны — этническое меньшинство Японии (около 25 тыс. чел.), представили которого проживают на самом северном острове страны — Хоккайдо, а также в столичном регионе. С началом переустройства всех сторон государственной жизни по европейскому образцу в 1860-х гг. японское правительство, с одной стороны, взялось за построение национального государства, приступив к ассимиляции этнических меньшинств страны, с другой — провозгласило себя империей и, как следствие, ощущало необходимость наличия колоний и подчиненного населения, этнически отличного от японцев. В такой двойственной ситуации в 1899 г. и появился «Закон об охране бывшего коренного населения Хоккайдо», номинально являвшийся актом позитивной дискриминации, нацеленным на предоставление айнам равных с этническими японцами прав, а на деле оказавшийся законодательной основой для почти столетних притеснений¹. На наш взгляд, такие неоднозначные последствия данного закона были обусловлены, во-первых, глубоко укоренившейся в японской политической культуре политизированностью этничности — так, еще на ранних этапах формирования японской государственности в VII–IX вв. правящей элитой предпринимались меры по ограничению политических прав китайских и корейских иммигрантов. Однако в еще большей степени имела значение сложившаяся к концу XIX в. ситуация, при которой айны воспринимались как основное этническое меньшинство на территории Японского архипелага, на которое была направлена цивилизаторская деятельность

---

¹ Лишь с выходом в 1997 г. Закона о поддержке айнской культуры начались изменения в законодательном положении айнов, завершившиеся официальным признанием их этническим меньшинством Японии в 2008 г.

центрального правительства. В данной статье мы бы хотели показать, как менялось восприятие айнов японскими властями и в среде интеллектуалов в XVIII–XIX вв., и выяснить, какое влияние оно оказало на принятие «Закона об охране бывшего коренного населения Хоккайдо».

Политика Японии в отношении айнов в XVII — 1-й пол. XIX вв.

Айны Хоккайдо, Курильских островов и Сахалина на протяжении XIV–XIX вв., сохраняя политическую независимость, вели торговые отношения между собой и с другими народами, населявшими регион Охотского моря: айны Сахалина — с нивхами, орочами, нанайцами, айны Хоккайдо — с населением северных районов Японии, айны Курильских островов — с камчадалами, а с начала XVIII в. и с русскими.

К XVI в. территорию южной оконечности о. Хоккайдо поставил под свой контроль японский военный дом Какидзаки. В 1599 г. глава дома вступил в прямые вассальные отношения с завершившим объединение страны Токугава Иэясу (1543–1616), получив при этом новое фамильное имя Мацумаэ. Новообразованному княжеству было предписано обеспечивать охрану северных пределов Японии, поскольку считалось возможным нападение с севера племен чжурчжэней, которые вели в этот период объединительные войны на материке. Взамен дому Мацумаэ даровалось монопольное право контролировать торговлю с айнами. Именно тогда айны Хоккайдо впервые стали объектом законодательного регулирования со стороны японского правительства. Лицензия с черной печатью Токугава Иэясу закрепляла за ними право на свободу передвижения.

Спустя некоторое время в рамках мероприятий по усилению контроля в южной части о. Хоккайдо были выделены т. н. «земли японцев» (яп. *вадзинти* 和人地), на которые распространялись японские законы. Остальные земли, где основное население составляли айны, получили название «айнских земель» (яп. *эдзоти* 蝦夷地). Кроме

того, береговая линия айнских земель была поделена на торговые участки, которые передавались вассалам дома Мацумаэ в качестве платы за службу. Каждый вассал имел право отправлять в свой участок суда для торговли с местным населением. Айнам же было запрещено покидать места своего проживания (до тех пор айны сами приезжали для торговли в г. Мацумаэ). Эти изменения были закреплены в тексте новой лицензии с черной печатью 4-го сёгуна Токугава Иэцуна, где уже не содержалось пункта о свободе передвижения айнов².

С начала XVIII в. вассалы дома Мацумаэ стали передавать свои права на торговлю с айнами купцам за фиксированную плату. Это дало начало системе сдачи торговых участков на откуп. Купцы в погоне за прибылью стали диверсифицировать свою деятельность в айнских землях, перейдя от торговли к организации рыболовных хозяйств, при этом айны нанимались на сезонные работы, получая в качестве оплаты рис, вино, табак и другие японские товары. Ко второй половине XVIII в. эта система распространилась на всю территорию острова Хоккайдо.

К этому времени русские первопроходцы, продвигаясь с Камчатки вдоль гряды Курильских островов, привели в подданство население архипелага — курильских айнов — вплоть до о. Уруп. В 1778–1779 гг. состоялись первые контакты русских и японцев в северо-восточной оконечности о. Хоккайдо. Предложение россиян об установлении прямых торговых отношений с японцами было отвергнуто, однако чиновники княжества Мацумаэ разрешили вести торговлю через курильских айнов, которые могли приезжать с о. Уруп на Хоккайдо и торговать с местными айнами. Княжество Мацумаэ попыталось сохранить визит русских в тайне, однако к началу 1780-х гг. слухи о нем достигли столичных интеллектуалов и чиновников центрального правительства.

---

² Kamiya Nobuyuki. Japanese Control of Ezochi and the Role of Northern Koryo // Acta Asiatica. No. 67. Tokyo: The Toho Gakkai, 1994. P. 49–68.

Визит российского посольства А.Лаксмана в 1792–1793 гг. и посещение гаваней Хоккайдо кораблями британской экспедиции У.Брутона в 1796–1797 гг. убедили центральное правительство Японии в необходимости перевода айнских земель под свое прямое управление. Этот перевод был осуществлен поэтапно: в 1799 г. под временное, а с 1802 г. под постоянное управление перешли восточные земли айнов (тихоокеанское побережье Хоккайдо, а также Кунашир и Итуруп); в 1807 г. под прямое управление были переведены и западные земли айнов (запад Хоккайдо), а также Сахалин. Земли княжества Мацумаэ на юге о. Хоккайдо также были изъяты, само княжество переведено на северо-восток о. Хонсю. Такое положение сохранялось до 1821 г., когда в связи со снижением угрозы со стороны западных держав княжеству Мацумаэ были возвращены территории Хоккайдо и прилегающих островов.

Что касается политики в отношении коренного населения в период прямого управления центральным правительством, то на первом этапе предпринимались меры по японизации айнов и поощрению земледелия среди них, однако, натолкнувшись на недовольство, японское правительство быстро отказалось от этих мер и фактически вернулось к системе отдачи торговых участков на откуп крупным купцам. Всё больше айнов задействовалось на рыболовных хозяйствах, теряя возможность поддерживать традиционный жизненный уклад. Это усугублялось и усилившейся нагрузкой на природную среду, нарушавшей складывавшийся веками хрупкий баланс между ней и человеком.

Тем не менее, вплоть до середины XIX в., пока на переговорах с российским посланником Е. В. Путятиным не встал вопрос о разграничении земель к северу от Японии, айны не рассматривались японским правительством в качестве своих подданных. Несмотря на большое количество регулятивных актов в отношении айнов, для японского правительства в течение первой половины XIX в. первичным

оставался вопрос о контроле над территориями, куда потенциально могли проникнуть представители России и других европейских государств, айны же рассматривались как неотъемлемый элемент этих территорий. Отчасти это находит отражение в утвердившемся к этому времени наименовании айнов — «коренное», или «местное» население (яп. *додзин* 土人), вместо распространенных до тех пор слов «эдзо» (яп. 蝦夷) или «идзин» (яп. 夷人).

Одновременно с постепенным включением северных пределов Японии и их населения в орбиту внимания центрального правительства в течение XVIII–XIX вв., айны стали привлекать к себе интерес и многих столичных и провинциальных интеллектуалов. Одни из них посвящали айнам и их землям отдельные сочинения, другие упоминали о них в несвязанных напрямую с проблемой освоения северных земель текстах.

Пожалуй, наиболее типичный образ айнов, который был распространен в японском обществе в период Эдо, мы находим в «Описании Эдзо» государственного деятеля и мыслителя Араи Хакусэки (1657–1725)³. Имевшиеся в его распоряжении сведения об айнах и их землях он систематизировал с неоконфуцианских позиций, сделав при этом акцент на отличиях в обычаях и культуре. Хакусэки не свойственен путь к пониманию чужой культуры, при котором смысл и функции обычаев айнов определялись бы с опорой на айнское общество. Он пытался уместить их в сложившуюся систему оценок, носителем которой он являлся как конфуцианец. Значительный отпечаток наложило и то, что его сочинение написано по-китайски с большим количеством штампов (например, 左衽 «запахиваются справа налево», 被髮長鬚 «беспорядочно свисающие

---

³ Щепкин В. В. Айны в государственной системе Токугава: взгляд сквозь волосы // История и культура традиционной Японии 6. М.: Наталис, 2013. С. 281–289.

волосы и длинные бороды»), которые вольно или невольно помещали обычаи айнов в категорию варварских в рамках дихотомии цивилизованного центра и варваров (кит. *хуа и чжи бянь* 華夷之辨).

Стоявший на иных доктринальных основаниях ученый-нативист Мотоори Норинага (1730–1801), комментируя один из древнейших японских текстов «Кодзики», соотносил упомянутых в нем *эмиси* с современными ему айнами, настаивая на их коренном отличии от японцев с точки зрения этнической принадлежности. В этом смысле он мало отличался от конфуцианца Хакусэки. В то же время Норинага признавал для айнов возможность стать подданными японского императора, как это случалось в древности⁴.

Контраст вышеизложенным взглядам составляет восприятие айнов самобытным японским мыслителем Андо Сёэки (1703–1762). Описывая общество и быт айнов, он делает их наглядным примером для своей исторической концепции, согласно которой все общества изначально проживают в мире природы, и лишь позже некоторые из них вступают в мир закона. Критично относясь к современному ему японскому обществу, яркому примеру «мира закона», Сёэки идеализирует простой и более человечный «мир природы» айнов, в котором нет места алчности, роскоши и коварству⁵.

В 1780-х гг., когда вопрос об айнах стал прочно увязываться с проблемой взаимоотношений с Россией и возможного освоения Хоккайдо, японские мыслители обратились к европейскому опыту колонизации новых

---

⁴ *Кодзима Кёко* 児島恭子. Эмиси, эдзо кара аину э Эмиси・エゾからアイヌへ [От эмиси и эдзо к айнам]. Токио: Ёсикава кōбункан 吉川弘文館, 2009. С. 149–150.

⁵ *Кикүти Исао* 菊池勇夫. Аину миндзоку то нихондзин アイヌ民族と日本人 [Айны и японцы]. Токио: Асахи симбунся 朝日新聞社, 1999. С. 219–221.

земель и покорения «диких» народов. Кудо Хэйсукэ (1734–1801) в своем сочинении «Изучение сведений о Камчатке» на основе голландских источников подробно осветил характер колониальной политики Российской империи и поднял вопрос об освоении Хоккайдо, открытии торговли с русскими и важности подчинения айнов Хоккайдо во избежание проникновения на остров русских⁶. Хаяси Сихэй (1738–1793), изучавший колониальный опыт европейских стран и вдохновленный деятельностью российской императрицы Екатерины II, предлагал пересмотреть отношение к населенным айнами землям и считать их частью японского государства, а по отношению к айнам вести миролюбивую политику просвещения⁷.

Дальше других из всех, занимавшихся проблемой политики в отношении айнов, пошел известный исследователь северных земель, участник нескольких правительственных экспедиций Могами Токунаи (1754–1836). Он заявлял, что айны не являются другим народом, а имеют общие с японцами корни; причины же их отличий лежат в том, что в древности они не были затронуты учением мудрецов, не соблюдали законы и сохранили дикие нравы. Таким образом, он видел в них жителей отдаленных окраин Японии, до которых в свое время не дошло благотворное влияние цивилизации, а потому считал необходимым это исправить. Такая позиция служила своего рода идеологическим основанием для включения земель айнов в состав японского государства, сторонником чего был Могами Токунаи⁸.

---

⁶ Щепкин В. В. «Изучение сведений о Камчатке» (1783 г.) — первое в Японии сочинение о России // История и культура традиционной Японии 8. М.: РГГУ – «Гиперион», 2015. С. 297–310.

⁷ «Эдзо си» («Описание Эдзо») Хаяси Сихэя (вступительная статья и перевод с японского языка В.В. Щепкина) // Письменные памятники Востока, 2011, №1 (14). С. 5–17.

⁸ Кикүти Исао. Указ. соч. С. 227–230.

Как видно, общим для всех мыслителей является признание в той или иной степени отличности айнов от японцев и их более низкого (в европейском понимании) или далекого от центра (в традиционном китайском понимании) положения в дихотомии цивилизованности и дикости. Помимо айнов в дискурсе периода Эдо по вопросам этнических отличий нередко упоминались также жители королевства Рюкю и корейцы, и те и другие также помещались ниже японцев в воображаемой иерархии цивилизованности. Однако именно айны, вероятно, в силу их наибольшей отличности, занимали в этом дискурсе главенствующее место. Примечательно, что Хаяси Сихэй, описавший в своём сочинении «Общий обзор трех стран» все три упомянутых народа, большую его часть посвятил именно айнам. Неслучайно поэтому, что в следующий период японской истории первые внешнеполитические шаги правительства будут направлены в сторону айнов и их земель.

Политика Японии в отношении айнов в период Мэйдзи

С заключением договоров о торговле и дружбе с США, Россией и другими западными державами в середине 1850-х гг. Япония вступила в новый период своего исторического развития. В результате экономического кризиса, политической нестабильности, гражданских войн военное правительство дома Токугава пало, на смену ему в 1867–1868 гг. пришло новое правительство Мэйдзи, взявшее курс на модернизацию и построение национального государства по образцу европейских держав. В этот период вопрос о статусе айнов обрел новую актуальность, при этом его восприятие претерпело определенные изменения. Если на начальном этапе вопрос об айнах тесно связывался с территориальным размежеванием с Российской империей, то после заключения в 1875 г. Петербургского договора, снявшего взаимные противоречия, он стал рассматриваться как внутригосударственная проблема.

В 1871 г. правительством Мэйдзи был принят закон о книгах посемейных записей. Одновременно претерпела изменения старая система деления подданных Японии на сословия: теперь выделялись лишь три сословия: высшая аристократия (яп. *кадзоку* 華族), нетитулованная аристократия (яп. *сидзоку* 士族) — в нее вошли представители существовавшего в период Токугава сословия воинов (яп. *буси* 武士), и простой народ (яп. *хэймин* 平民). Айны стали причисляться в посемейных книгах к последнему из них, наряду с обычными японцами. Однако уже в 1878 г. Бюро освоения Хоккайдо (яп. *кайтакуси* 開拓使), правительственный орган, управлявший Хоккайдо и прилегающими островами в 1869–1882 гг., направило в свои подразделения директиву о необходимости унификации названия для айнов, предложив использовать для этого формулировку «бывшие коренные жители» (яп. *кю:додзин* 旧土人). Вот текст этой директивы:

«Что касается бывших людей *эдзо*, то в книгах посемейных записей и других подобных документах к ним, разумеется, необходимо относиться как к представителям простого народа, однако в случаях, когда уполномоченные лица стоят перед необходимостью отделить [айнов от японцев], то поскольку наименование их не установлено [единообразно], они используют такие названия как «древний народ», «коренные жители», «бывшие коренные жители», что представляется неудобным. Поэтому отныне в случае необходимости отделить [айнов от японцев], следует использовать название «бывшие коренные жители». При этом, во избежание препятствий для будущих проверок увеличение или уменьшение численности бывших коренных жителей следует вычислять отдельно»⁹.

⁹ Кайтакуси дзигё хёкоку фуруку 開拓使事業報告附録 [Приложение к отчетам о деятельности Бюро освоения]. Т. 1. Токио: Министерство финансов Японии, 1885.

Слово «бывшие» в этом названии не означало, что с айнов снимается выделявшее их среди подданных Японии название «коренные жители», а лишь указывало на тот факт, что «коренными жителями» их называло «бывшее» правительство бакуфу (оно ввело это наименование в 1856 г. в качестве официального директивой заместника Хакодатэ, разделявшей айнов на «чиновных» (яп. *якудодзин* 役土人), т. е. получивших должность от японского правительства, и «рядовых» (яп. *хэйдодзин* 平土人) коренных жителей)¹⁰. Таким образом, несмотря на смену официального наименования, выделительный его аспект сохранялся. Для чего же необходимо было законодательное отделение айнов от этнических японцев? Обратимся к содержанию политики нового правительства Мэйдзи в отношении айнов.

В 1869 г. на о. Хоккайдо было ликвидировано разделение на земли японцев и земли айнов, сам остров получил свое современное название, и тогда же было учреждено Бюро освоения Хоккайдо. Политика Бюро в отношении айнов сводилась к следующим пунктам: 1) освобождение от феодальных стеснений и долгов; 2) «японизация» через внесение в книги посемейной регистрации, смену обычаев и имен; 3) отмена права пользования лесами и полями, приостановка предоставления частной собственности на землю; 4) ограничения на охоту и рыбную ловлю¹¹. С одной стороны, все эти пункты были направлены на уравнивание айнов в правах с японскими переселенцами на Хоккайдо. Вся территория Хоккайдо была объявлена государственной собственностью, и теперь и японские переселенцы, и

¹⁰ Хиротани Такио 広谷多喜夫. Додзин косё ни цуитэ 『土人』呼称について [О наименовании «додзин»] // Кусиро танки дайгаку киё 釧路短期大学紀要 [Вестник колледжа Кусиро], №12, 1985. С. 27–41.

¹¹ Сэкигүти Акира 関口明, Табата Хироси 田端宏, Кувабара Масато 桑原真人, Такидзава Тадаси 瀧澤正. Аину миндзоку но рэкиси アイヌ民族の歴史 [История народа айну]. Токио: Ямакава сьуппанся 山川出版社, 2015. С. 144–150.

коренные жители айны должны были получать земли на общих условиях. Однако освоение Хоккайдо подразумевало в первую очередь развитие там земледелия и животноводства, в чем айны значительно уступали японцам, а земли предоставлялись именно под эти цели. В то же время из-за многочисленных запретов на традиционные обычаи айнов, включая использование традиционных орудий охоты и рыбной ловли, подрывался сложившийся за многие столетия образ жизни местного населения, что в конце концов приводило к физическому сокращению численности айнов. Таким образом, в целом политика Бюро ставила айнов в невыгодное по сравнению с японскими переселенцами положение.

В 1882 г. Бюро освоения Хоккайдо было ликвидировано, сам остров был поделен на три префектуры — Хакодатэ, Саппоро и Нэмуру. Спустя еще четыре года, в 1886 г., префектуры были объединены в одну губернию Хоккайдо с центром в Саппоро при сохранении отделений в Хакодатэ и Нэмуру. Новые власти осознали слабые места предшествующей политики и взяли курс на стимулирование занятий земледелием среди айнов и развитие их образования. Первая задача выполнялась в основном путем выделения айнам денежных средств для освоения новых земель, а также предоставления сельскохозяйственных орудий и семян. Однако при этом активно поощрялось и переселение на Хоккайдо японцев из внутренних районов Японии: за пятнадцать лет с 1869 по 1884 г. население острова выросло с 40 до 220 тысяч человек, а в следующие пятнадцать лет — до 800 тысяч. Для того чтобы предоставить переселенцам подходящие участки для земледелия, власти Хоккайдо проводили мероприятия по отбору мест для поселений, что вынуждало айнов покидать привычные для жизни места. В результате власти, наряду с отбором мест для японских поселений стали определять и участки для проживания айнов, которые назывались «землями с перспективой освоения бывшими коренными жителями» или даже «резер-

вациями для бывших коренных жителей». Положение айнов усугублялось также распространением эпидемических заболеваний, неурожайными годами, а также принудительным переселением больших групп айнов с Сахалина на Хоккайдо и с северных Курильских островов на о. Шикотан после подписания в 1875 г. Петербургского договора с Россией, по которому Япония отказывалась от своих претензий на южную часть Сахалина в обмен на Курильские острова к северу от Итурупа.

С начала 1890-х гг. в губернаторстве Хоккайдо и усилиями отдельных членов японского парламента стали разрабатываться проекты «Закона о защите бывшего коренного населения Хоккайдо», что завершилось принятием одноименного закона 1 марта 1899 г. Данный закон состоял из 11 основных и 2 дополнительных статей. Статьи 1–3 регулировали предоставление айнам участков для земледелия и связанные с этим права. Статьи 4–7 предоставляли возможность малоимущим айнам получать техническую и финансовую помощь для ведения хозяйства и решения других бытовых вопросов. Статья 8 устанавливала источники финансирования для целей, содержащихся в предыдущих статьях. В статье 9 предписывалось строительство начальных школ в поселениях айнов. Статья 10 регулировала вопрос управления совместным имуществом айнов. Статья 11 устанавливала уголовную ответственность за неисполнение закона¹².

Хотя данный закон, исходя из названия, был нацелен на оказание помощи «бывшему коренному населению», находившемуся в нужде, по сути он стал лишь логичным завершением предшествующих тридцати лет политики по ассимиляции айнов. Традиции, интересы и мнение айнов не учитывались: им не оставлялось права выбора рода дея-

---

¹² Ямакава Цutomу 山川力. Мэйдзикаки айну миндзоку сэйсакурон 明治期アイヌ民族政策論 [Политика в отношении айнов в период Мэйдзи]. Токио: Мирайся 未来社, 1996. С. 112–115.

тельности, запрещались айнские обычаи, налагалась обязанность изучать японский язык и менять айнские имена на японские и т. д. Однако при этом самим принятием этого закона айны официально выделялись в отдельную группу по этническому признаку, чему способствовала распространившаяся к тому времени практика отмечать айнов в книгах посемейных записей иероглифом «土» (от официального названия *кю:додзин* 旧土人).

Японский автор Ямакава Цугому обращает внимание на тот факт, что принятие «Закона о защите бывшего коренного населения Хоккайдо» пришлось на период между Японо-китайской и Русско-японской войнами, обозначенный резким ростом имперского сознания в правительственных кругах и широких общественных слоях Японии¹³. По результатам первой из них Япония получала от Китая Тайвань, победа во второй открывала для Японии путь к аннексии Кореи, произошедшей в 1910 г. Политика, принятая японскими властями в отношении населения Тайваня и Кореи, имела много общего с тем, что происходило в течение второй половины XIX в. на Хоккайдо с айнами. По большому счету, именно успешный опыт «освоения» Хоккайдо был взят за основу в колониальных проектах на Тайване, в Корее, а позже и в Маньчжурии. В то же время деятельность японских властей в колониях оправдывалась их цивилизующей миссией по отношению к другим народам Азии. Айны и принятый в отношении них закон стали, таким образом, первым опытом японского империализма, для видимости и пропаганды успехов которого сохранение айнов как меньшинства было необходимо¹⁴.

---

¹³ Там же. С. 115–116.

¹⁴ Подробнее об этом см. Мещеряков А.Н. *Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 340–371.

В этом смысле показательно участие айнов в качестве солдат в Русско-японской войне. Всего в ней приняло участие 63 айна¹⁵. Особенную известность получил айнский солдат по имени Китакадзэ Исокити, награжденный орденом Золотого коршуна. Сведения о нем поместили в предназначенные для айнских детей учебники — как достойный подражания пример служения японскому императору, несмотря на этническую принадлежность. Кроме того, о его заслугах писали японские газеты, особо подчеркивая его айнское происхождение — ведь подданство айнов и принадлежность населенных ими земель более столетия оставались одним из камней преткновения в российско-японских отношениях. Таким образом, двойственность политики японского правительства в отношении айнов состояла, с одной стороны, в насильственной смене жизненного уклада айнов, их «японизации», а с другой — в намеренном сохранении их как этнического меньшинства для идеологических целей.

---

¹⁵ *Сэкигути Акира* и др. Указ. соч. С. 218–220.

(KIMURA Takashi)

明治維新が造りだした「日本国民」という型枠

Рамки понятия «японская нация»,
сформированные революцией Мэйдзи

1 明治維新の核心部分および本論文の構成

明治維新は、今なお数多くの解明されるべき課題を提供している。日本では今日でも専門書や研究論文だけでなく、明治維新に関連する各種の教養書や人物評伝、歴史小説などがつぎつぎに出版され、昨今の全般的な出版不況下においてなお例外的な活況を呈している。

大切なのは諸課題を貫く問題の核心はどこにあるかである。維新勃発時点では、徳川幕府側の勢力がかならずしも頑迷な守旧派で、歴史的に反動的な役割のみを演じていたわけではない。近代化の必要を認識していた点では、むしろ薩長同盟やその後ろ盾となった宮中の公家勢力よりも先んじていた。二百年以上続いた世襲身分制の門閥的制約は崩れはじめていた。幕府の各種機関に下級身分から採用された「専門職官僚」たちは、緊迫した東アジアの状勢に通じ、国家的レベルでの意志決定システムの変革、「泰平」の世が続きすっかり陳腐化してしまった国防体制の立て直し、そのための対外貿易による国力強化などに取り組もうとしていた。徳川幕府は欧米列強からの要求に応じて伝統的対外政策を、勅許を待たずに変更したため、武士階級全体に排外的ナショナリズムが一举に高揚した。明治維新の発端は、これを反幕府勢力が取り込み政治エネルギーとして吸収したことに起因する。王政復古という、一見近代化に逆行するかにみえるステージから踏み出した明治政府であったが、ごく短期間のうちに廃藩置県、秩禄処分、地租改正、殖産興

業、国民皆兵、義務教育、憲法発布、国会開設などなど、明らかに西欧先進国に範をとった施策を実現させていった。

さて、近代化の指標となるものは何か。日本の「近代化」についていうなら、生産手段が飛躍的に発達した、交通網が整備され市場が一気に広まった、列強に伍しうる軍事力が備わった、初等から高等までの教育機関が作られたなどといった、いわばハードウェア的な側面ではなく、「国民国家 (Nation State)」がきちんと確立したかどうか、指標とならねばならない。とはいえ、封建的分領制を脱して、一国の全領土を統治できる主権が確立され、これを継続的に維持しうる官僚機構と軍事組織が備わった国家、つまり「主権国家」に変わったというだけでは、まだ「国民国家」に到達したとはいえない。そのためにはこの国家にふさわしい「国民」が同時に生まれていなければならないからである。

徳川時代の日本人にとって「国」とは、彼らが先祖代々生計を立てていた「藩」の領内のことであった。維新から 30 数年を経た日露戦争時には、「ここはお国を何百里、離れて遠き満州の…」という軍歌が歌われた。この「国」は「大日本帝国」の意味であった。「お国のために死ぬ」というのも同じく日本を指している。しかし、日本人の意識の古層には今日なお「故郷」と同義の「クニ」があり、それは以前の「藩」と重複している。薩摩、会津、下総、津軽などなど、昔の藩名が現地では今でも生活用語として生き続けているのである。これは原日本人がごく短期間にまったく異質の「日本国民」に作り変えられたことの証であろう。

本論文は明治維新という、日本史におけるおそらく最大の出来事（それに匹敵するものは第 2 次世界大戦に

における日本の敗戦)の結果、「日本国民」を生み出すために用意された「型枠」、そのねらいと結果、さらにその後遺症等を明らかにするために執筆する。これこそが明治維新研究の核心部分をなすテーマであると考えられるからである。

まず、「国民」を鑄だす型枠を明治政府が捻出する以前、「素材」としての一般的日本人はどんな様相を呈していたか、支配階級であった武士階級との関係はどうなっていたかについて触れる(第2章)。つぎに明治政府が行った諸制度改革のうち、「国民」を鑄だす型枠として最初に作ったのが「国民皆兵制と軍人勅諭」であったことを検証する(第3章)。ついで議会を開設せざるを得なくなった明治政府が主導的に作り上げた「大日本帝国憲法」の内包する矛盾と、それを繕うための「疑似的理論装置」としての「万世一系史観」が発揮した型枠としての機能を論じる(第4章)。次に、第3の型枠としてその後の日本の歴史において致命的影響を及ぼした「教育勅諭」が、いかなる経緯で生み出され、それがどのような結果を生み出したかを、先行研究に依拠しながら明らかにする(第5章)。最後に憲法について民法を制定した明治政府にとって、そもそも期待する「国民」とは、フランス民法が想定するような独立した「個人」からなる人間集団ではなかったことを明らかにする。まず「家」という基礎的集団に臣民全員を帰属させ(幕藩体制下では武士階級において一般的だった形)、そのために、「家」単位ごとに名字を決めさせ(それまで名字を持つのは、原則的として武士階級のみ)、あらたに創設した戸籍制度によってこの「家」を法的に支えるしくみが作られたことに言及する。これが第4の型枠であった。しかし、最後に夏目漱石のある講演会での発言を取り上げ、これほど執拗かつ万全を期して作られたは

ずの型枠をもってしても、理性的な個人が出現することを阻止できなかったことに触れ、日本の近代化が極めて歪んだものではあったが、それでもやはり日本なりの近代を作り出したのだと結論する（第6章）。

2 明治維新を推進した武士階級出身者と一般民衆の関係

徳川時代中央政府の機能を担った幕府でも、分領の統治を担った地方各藩でも、その政治権力は世襲の武士階級に独占されていた。武士の出自は「武人」つまり軍人であったが、徳川時代その多くは実質的に文官としての役割を担った。二本の太刀を帯びていたが（身分証明手段）、それを使う機会は生涯を通じてほとんどなかった。明治維新後武士身分は解体されて「士族」となった。しかし身分的特権は与えられず、その他の「平民（元の農・工・商民）」と実質的には同等の市民権しか与えられなかった。明治維新以後も身分的特権を維持できたのは、将軍や旧藩主たちと宮中に仕えた公家たちで（加えて明治維新の元勳と呼ばれた人々）、彼らは西欧の貴族制度を真似て「華族」を名乗った。華族は国家から物質的にも身分的にも特別の待遇を受けた。一方士族はそれまで与えられていた禄高に応じて公債が支給されることになったがやがて償還期限をむかえ、廃刀令（1876年）とともに、それまで有した一切の特権を失った。明治維新の一大事業に積極的に参画し力を発揮したのは、主に地方の下級藩士（下士）であった。彼らは上級藩士（上士）に比べて俸禄は極めて低く、農民や町人より貧しいものもいた。しかし上級武士層を含めても武士階級（維新後共に「士族」の族称を受ける）が全人口 3,480 万人に占める割合はわずか 5.7%にすぎなかった。残りのうち 93.4%

までが平民（なお平民中農業従事者は8割を超えた）によって占められていた。

では維新の主役たちは一般民衆をどのような存在として見ていたのであろう。「明治維新は下士と豪農・豪商層の運動によって推進された。近世的な身分制度を打ち破り、民衆的な力を権力がくみ取れるようになったとき、維新は成立したのである」¹とする吉田俊純の主張がある。「尊皇攘夷」を唱えた吉田松陰に関する通説を批判するこの研究者は、「私はここで松蔭と後期水戸学との関連について論及し、それが奇兵隊諸隊に結実されるに至ったことを論じようと思う」²と述べている。これは基本的には遠山茂樹の、高杉普作の発案になる奇兵隊（農民など、武士以外の身分から成る非正規部隊という意味）についての歴史解釈を踏襲するものであろう。だが、遠山は「彼らの武力構成の努力が、年貢軽減をスローガンとする耕作農民へのアピールによって、その動員を企てるに置かれたこと。その結果は下級武士・地主層の指導部と一般農民との結合が意外に弱いことを暴露し、幕府軍の討伐を受けるや、農民の離散ないし反抗によって脆くも消滅した」³とし、「討幕派が耕作農民の革命的エネルギーを組織し、その階級的利害を代表する資格」⁴がないことの証だとしている重要な指摘を、吉田は見落としているのである。維新運動に邁進した下級武士たちの民衆観もまた、おそらく遠山の慧眼のとおり、優

¹ 吉田俊純『水戸学の研究 明治維新史の再検討』、明石書店、2016、204頁。

² 同書、128頁。

³ 遠山茂樹『明治維新』、岩波全書、1951、140頁。

⁴ 同所。

越意識に貫かれていたに違いない。だから彼らは運動の展開を有利にするため農民を引き込もうとするときは、常套手段として年貢を半額にすると約束したが、当初の目的が達成されれば農民たちを捨て置いて羞じるところがなかった。

通商条約締結後に日本の土を踏んだ欧米の人々は、幕末期の日本の庶民に対して、予断と偏見に満ちた眼差しを向け、その印象を世界にふり撒くものが多かった。幕末・維新期の日本の状態をリアルに把握しようとする井上勝生^{いのうえかつお}は、ハリスとオールコックという、この時期の代表的な外交官の観察を紹介している。それによれば当時の日本女性たちや子供たちが、外国人を見ても少しも怖じけることがないばかりか、ハリスに同行した米国人画家が混浴公衆浴場に入り込んでスケッチをはじめても、裸の男女は一向に驚かないことに、この画家は逆に驚嘆している。⁵ これらの例は 3,400 万人以上の江戸末期の日本庶民のうちの、ごくごくわずかな例に過ぎないけれど、ここに描かれた民族的特質の一般性は疑う余地がない。つまり日本庶民には「攘夷思想」は無縁だったのである。当時天皇は京都の御所の奥深くひそみ、民衆の前にけっして姿を見せなかった。天皇の存在が庶民には意識されなかったのだから「尊皇思想」が芽生える可能性もなかったのである。

例外はある。伊勢松坂の商家に生まれたが、家業を継がず京に出て医学を修め、さらに独自の文献学的研究方法を切り拓いた本居宣長^{もとおりのりなが}である。かれは本邦ではじめて『古事記』を解説し、日本神話の全貌を知った。だが

⁵ 井上勝生『幕末・維新 シリーズ日本近現代史Ⅱ』、岩波新書、2006、100-102 頁参照。

神話世界に描かれた天皇の「祖先たち」が実在したものと信じ、「日本＝神州」論を提唱した。本居にはそもそも「史料批判」の方法が欠如していたのである。朱子学批判者荻生徂徠らの影響によって国学の道に進んだ宣長は、賀茂真淵との交流を通じてその国学の研究領域を広げてゆく。儒教思想的偏重を「漢意（からごころ）」として批判しはじめ、それを徹底的に排除した日本本来の学問を構築しようとした。この日本型ナショナリズムは日本の儒学的伝統を継承する一拠点であった「水戸学派」にも影響を及ぼした。水戸藩では二代藩主光圀の提唱をうけて、独自の「日本史研究」がなされていたが、混迷する幕末期の政情の中で、『大日本史』的史観に本居史観が上書きされ、「国体論」と命名される特異な「尊皇思想」が形成された。しかしこのように難解な「学説」が一般民衆に広まったとはどうてい考えられない。当時の日本庶民の大多数には「国体論」も「尊皇思想」もまったく縁のないものの見方だったのである。

3 地租改正、徴兵制、軍人勅諭

戊辰戦争（明治政府樹立後、1868年から1869年に新政府軍が旧幕府勢力と奥羽越列藩同盟を相手に戦った内戦）以後、維新後の処遇に憤慨した武士たちが蜂起した明治7（1874）年の佐賀の乱や、薩摩藩の不平武士が起こした明治10（1877）年の西南戦争を例外として、ほぼ旧武士階級全体は比較的従順に「士族」という無特権の族称を受け入れた。

ここで明治新政府は、士族に限らず平民からもリクルートするという、軍事的な能力主義に依拠した国軍創設

に舵を切った。大砲や小銃に熟練するには、適正な訓練さえうければ短期間でも可能なことは、^{ぼしん}戊辰戦争や西南戦争での実戦経験が証明していた。明治維新後の絶対的財政難下で、近代国家に必須の国軍創設という課題を遂行するためには、確実な税徴収制度と、国民皆兵を原則とした徴兵制度を確立する以外に道はないと判断したのである。

このような予期せぬ状況を、明治政府のもとで「平民」の族称を授かった昨日までの日本の民衆は、はたして抵抗なく受け入れたであろうか。

^{ぼしん}戊辰戦争はとりわけ東北地方の人々に長らく深い怨念を抱かせる結果となった。幕府から京都^{しゅごしよく}守護職（朝廷警護と都および周辺地方一帯の治安維持を管轄する機関の長官）に任せられた松平^{かたもり}容保が藩主を務めていた会津藩は、天皇を^{そんすう}尊崇する心の^{しんし}真摯さでは他藩にひけをとらないと自負していた。それなのに「賊軍」の汚名をきせられ、防衛戦に加わった少年兵を含む藩兵たちが官軍の圧倒的な砲撃と銃撃にさらされ屍となって累々と横たわり、非武装の領民や女性たちまでもが残虐行為の犠牲になったといわれる。その恨みは代々受け継がれてきた。今日でも山口県（長州藩）や鹿児島県（薩摩藩）の人が、福島県（会津藩）の人と結婚することになった場合など、陰に陽に様々な抵抗を受ける覚悟しなければならないという。当初徴兵制ではなく志願兵を採用してはどうかという案も出たが、「これに応ずるのは薩長土などの『旧諸強藩』の藩兵であって、敗戦した東北諸藩の藩兵はこれを忌避して対立が生まれる」⁶という反論が出たという。

⁶ 加藤陽子『徴兵制と近代日本』、吉川弘文館、1996、45頁。

当時の全国的な国民心理を考慮すれば、徴兵制は唯一残された選択肢であった。身分制の枠をこえた兵卒徴募が可能なことは、長州征伐軍を迎え撃つなか試行錯誤を経験していた長州藩出の大村益次郎ますじろうやその後任の山形有朋ありともには周知のことだった。

明治 6 (1873) 年 1 月「徴兵令」が發布された。同年 7 月「地租改正条例」が布告される。地租改正とは、農地の実際の所有者（本百姓と地主で、小作人や水飲み百姓は対象外）に地券を発行して担税者を特定し、地価を規準に一定律の税率をかけて確実な税収を得るための制度である。地券の売買が可能になったこと、換金性の高い農産物の作付けを自由に選択でき、また収穫が増えれば定額の税金を差し引いた実質収入の増加が認められたことなど、日本の農業に資本主義的原理が導入される道を拓くことになった。人口の 8 割以上は農民であったから、明治維新後の日本の存立は経済的基盤も、軍事的基盤もひとえに平民の最大多数を占めた農民が支えることになった。しかし明治維新は農民の階級的欲求を満たすためのものではなく、絶対主義的性格を色濃く帯びた変革であった。幕末から明治初期にかけてひんぱんに起きていた百姓一揆が常態化すれば、新政府はたちまち存亡の危機を迎えることになったであろう。実際、地価の 3%という地租は江戸時代の年貢と比較しても高額だったので、たちまち大規模な地租改正反対の一揆が起こった。明治政府は 4 年後の明治 10 (1877) 年、税率を 2.5%に下げる妥協を強いられた。最初の本格的反政府運動であった自由民権運動が一時激しい高揚をみせた背景にも、この高額な地租に対する全国的反発があったといわれる。自由民権運動は、政権中枢から排除された板垣退助いたがきたいすけらが

民選議院設立を要求して起こした国民運動で、70年代には士族や知識人から地方の豪農層までも加わるほどの全国的な規模にまで発展した。運動の中心的指導者の一人であった植木枝盛が明治14(1881)年「日本国憲法草案」を起草すると、これに撃破する目的で同年10月、天皇は国会開設の勅諭を発する。さらにこの翌年初めには軍人精神を鼓舞するための「軍人勅諭」が発表される。明治23(1890)年に国会を開設するとの勅諭、それを法的に裏付ける^{きんていけんぽうはつぷ}欽定憲法発布の予告、そして軍人勅諭は、明治維新以降のこの時期に特有な政治的文脈のもとで出現したのであった。

新政府は「徴兵告諭」と「全国募兵の詔」を発した。有無を言わず「二〇歳の男子を徴兵検査と抽選で選んで三年間、常備軍(現役兵)に編成し、<...>常備軍のあとは第一次後備役(のちの予備兵)、ついで第二後備役(のちの後備兵)に就くとする」⁷とし、その結果「徴兵令施行後、戦争に正規軍として現役兵四万六〇〇〇人の動員が可能になった」⁸。

この新しい軍隊に「期待される軍人にそなわるべき資質」はどのようなものであるべきかを考えた人物がいた。陸軍卿・山県有朋である。梅田正己^{うめだまさみ}によれば、「『軍人勅諭』は、山県の意を受けて<...>^{にしあまね}西周が起草し、それを井上毅^{こわし}が修正し」た⁹ものだという。軍人勅諭

⁷ 井上勝生『幕末・維新 シリーズ日本近現代史Ⅱ』、岩波新書、2006、197頁。

⁸ 同所。

⁹ 梅田正己『日本ナショナリズムの歴史 II 「神権天皇制」の確立と帝国主義への道』、高文社、2017、113頁。

は「我が国の軍隊は世々^{よよ}天皇の統率し給う所にぞある」¹⁰という文言で始まる。神話的存在の「神武天皇」即位が「二千五百有余年」前であったとして史実を大胆に捏造し、武家に大権を奪われ700年も続いたその後の不本意だった時代に触れ、ついに徳川将軍による大政奉還を経て国家の統一がなり、古代の制度を取り戻すことになったが、それは文武の忠臣たちのおかげであったとする。今後は自分が軍隊を統率する大権を握り、中世以降の過ちを繰り返さないとの決意を表明し、「朕は汝等^{なんじら}軍人の大元帥なるぞ。されば、汝等を股肱と頼み、汝等は朕を頭首と仰ぎてその親しみは特に深かるべき」¹¹と宣言する。

この歴史総括は、天皇権力と武家権力の間で日本独特の微妙なバランスが何世紀にもわたって保持され、「戦国時代」でさえ無に帰することはついになかったことを故意に無視している。それこそが他の国々に類を見ない国全体の安定的存続を保障し続けた原因であったという事実を、不等に貶めた解釈といわなければならない。兵隊検査を受けた大多数の若い日本人男子は、日本の歴史について基礎知識がまるでなかった。このような特異な歴史観を暗唱させられる中で、柔らかい彼らの脳にこの^{しんけんこくしかん}神権国史観は乾いた土に水が浸透するように吸い込まれたにちがいない。

軍人勅諭にはこのあと、日本国民（ここでは徴兵された若い男子たち）の思考様式の枠組みを決定すること

¹⁰ 同書、114頁。

¹¹ 同書、115頁。

になる、重要な5項目が続く。第1項目は「忠節」で、
「一、軍人は忠節を^{ひとつ}尽^{つくす}を本分とすべし」という文言で始
まる。しかし問題はそのあとの「死は鴻毛よりも軽しと
覚悟をせよ」という非人道的文言である。いざ戦争にな
れば補充のため、予備役のものたちには召集令状が郵送
されてきた。郵便料金は当時1銭5厘であったから、新兵
にたいして古参兵はきまって「お前らの命はただの1銭5
厘だ」と言い放ったそうだが、その根拠は軍人勅諭のこ
の第1項目にあった。第2項目は「礼儀」で、とりわけ
「下級の者は上官の命を^{めい}承^{うけたまわ}ること実は直ちに朕が命を
^{うけたまわ}承^{うけたまわ}る義なりと心得よ」で結ばれる。この項目を「論拠」
にして軍隊内では上級兵による新兵いじめが日常的に起
こり、理不尽な暴行事件や陰湿ないじめが絶え間なかつ
た。犠牲者となった兵はやがて下級の兵たちに「しかえ
し」を繰り返していくようになる。このあと、「武勇を
^{どうと}尚^うぶべし」、「信義を重んずべし」、「質素を旨とすべ
し」の3項目が続く。

こういった「軍規」が他の近代国家の諸軍隊の基準
から大きく逸脱するものであったことは明白であろう。
だが、日本の近代化とはまさにこういった「前近代性」
を内包しながらすすめられる宿命にあったのである。

4 欽定大日本帝国憲法が内包する矛盾、 起因となった非合理性の源泉

しかしだからといって、明治憲法に代表される立憲
主義確立過程の全体を「半近代性」と規定するのは拙速
であろう。それは旧体制を代表した幕藩体制に萌芽的に

見られた立憲主義への志向性をもって、すでに「近代性」が始まっていたと見做すことができないのと同様である。ただ、この時代的大転換をはさむ二つの体制間の連続性と非連続性を分析することによって、日本の近代化過程がたどった、なかんずく「量的変化」が「質的变化」に転化した際の、特殊な性格を正確に把握することが重要なのである。

日本的近代の特質を、50年をこえる日本政治外交史研究での各論的テーマの追求を離れ、「総論的なレベルで」での見解をまとめた三谷太一郎はこの問題について、「明治憲法が想定した権力分立制というのは、幕府的存在の出現を防止することを目的とし、そのための制度的装置として王政復古の理念に適合すると考えられ」たものであって、「この権力分立制の下では、いかなる国家機関も単独では天皇を代行しえ」¹² なかったと指摘する。その上で三谷は明治憲法が「表見的な集権主義的構成にもかかわらず」、そもそも「分権主義的」特質という根本的欠陥をはらんでおり、「最終的に権力を統合する制度的な主体を欠いていた」とする¹³。これは後に見るように、憲法の立案者であった伊藤博文がもっとも拘泥していた問題、すなわち天皇権力の絶対主義的性格の外見を装いつつ、同時に「天皇の無答責姓」を条文に巧みに盛り込まねばならないという二律背反的な要素を、設計図自体が抱え込んでしまっていたことを意味しているのである。三谷はこの点についてさらに分析を深め、天皇が「常時、権力を統合する政治的な役割を担う存在」では

¹² 三谷太一郎『日本の近代とは何であったか ― 問題史的考察』、岩波新書、2017、68頁。

¹³ 同書、71頁参照。

ないこと、内閣総理大臣もその地位は極めて脆弱で、「閣内においては軍部大臣はもちろん、制度上は独立して天皇に直結している個々の閣僚に対する統率力も弱く、したがって内閣全体の連帯責任は、制度的には報償されてはい」なかったとして、これが「明治憲法体制下の日本の政治の大きな特徴であった」¹⁴と、その本質的性格付けを行っている。

この憲法は天皇について、第1条から第17条までにおいてその地位や権限を細かく規定している。第1条には「大日本帝国ハ万世一系ノ天皇之ヲ統治ス」とあり、第3条には「天皇ハ神聖ニシテ侵スヘカラス」と書かれていて、国家や国民に対して極めて「超越的」な存在であることが強調されているが、第4条「天皇ハ国ノ元首ニシテ統治権ヲ総攬シ此ノ憲法ノ条規ニ依リ之ヲ行フ」、第5条「天皇ハ帝国議会ノ協賛ヲ以テ立法権ヲ行フ」とあるとおり、天皇がかならずしも憲法の埒外にあるのではなく、また議会の意向を無視して絶対的にその権限を行使できるのでもないことが謳われている。

明治中央政府は「^{だじょうかん}太政官」とよばれる統治機構を設けて発足した。以後何度も組織改編を重ねたが、それは政体のあり方をめぐって政府内部でながらく方針が定まらなかったからであろう。明治18(1885)年に出された太政官通達69号により太政官は廃止となり、あらたに内閣制度が発足した。内閣制度は内閣総理大臣と各省大臣からなるもので、明治14(1881)年に明治天皇によって「国会開設の詔」が発せられたのを受け、伊藤博文ら政

¹⁴ 同書、72頁。

権中枢の人物たちが立憲主義体制のあらたな政府機構を作る準備機関として作り出したものであった。

国会開設がいよいよ政治日程に上ると、世間では様々な憲法草案が現われだした。明治政府は民間において自由に憲法草案を作成すること禁じる一方、国会開設に先立って、天皇の名によって国民に憲法を与える、つまり欽定憲法きんていけんぽうを發布する方針をたて、伊藤が率先してこの任にあたった。明治天皇によって憲法調査を命じられた伊藤は随員とともに渡欧し、ベルリン大学やウィーン大学で公法学者や憲法学者から直接講義と助言を受けたが、憲法のなりたちにはそれぞれの国に特有の歴史や行政の具体的事情があり、その深い理解が不可欠であることを知ったという。

のちに枢密院すうみつゐん（明治憲法草案審議のため設置された天皇の最高諮問機関で、内閣からは独立していた）で憲法案の審議を開始したさい伊藤は、「憲法制定の大前提は『我国の基軸』を確定することにあることを指摘し、『ヨーロッパには宗教なる者ありてこれが機軸を為し、深く人心に浸潤して人心此に帰一』している事実」に注意を促し」とし、「ヨーロッパにおいてキリスト教が果たしている『国家の機軸』としての機能を日本に於いて果たしうるものは何か。これが憲法起草者としての伊藤の最大の問題だった」¹⁵と三谷太一郎は指摘している。

伊藤にとって「キリスト教」の代替物は一つしかなかった。「日本にしかない」そして「誰もが異論を唱えることのできない」もの、それが「万世一系の天皇」だ

---

¹⁵ 同書、214頁。

ったのである。明治維新推進の主力勢力であった「草莽の志士」たちの多くは、2章で紹介したとおり、一般民衆とは違って尊皇攘夷思想をいだいていた。自由民権運動に邁進した人々ももとはといえばかつての「志士」であったから、心情的には相通じるところがあっても不思議はない。だから、いわゆる「開明派の憲法草案においても『神武帝ノ正統タル今上皇帝陛下ノ皇裔』あるいは『皇統一系万世無窮天地ト悠久ナルハ我ガ日本建国ノ大本』¹⁶というように政府の鼓吹する天皇像と重なっていい」という。「国体論」研究者の一人は、「幕末の切迫した対外危機に直面したとき、多くの知識人は日本のアイデンティティを皇統の連続性にもとめ、日本は万国に優越していると強弁して、ペリー来航による失われた自尊心を取り戻そうとした」¹⁷と、その思想的源泉を日本ナショナリズムの発生によって説明している。

この「思想」が非理知主義の系列に属することは疑いない。今日生きている人たちにはかならず父と母がおり、その父や母にもたしかに父と母がいる。天皇家の人々だけでなく、現実には誰もがはるかずっと昔の祖先まで、系統が途切れることなく続いてきたのはまちがいない（だからこそ今の自分がある）のである。

天皇主義者たちは「男系」による系統が途絶えず続いてきたことをもって、驚嘆すべき「希有なる」現象のように思いこんでいるが、「男系で繋がった系統」は、

¹⁶ 梅田正己『日本ナショナリズムの歴史 III 「神話史観」の全面展開と軍国主義』、高文社、2017、299頁。

¹⁷ 米原謙『国体論はなぜ生まれたか 明治国家の知の地形図』、ミネルヴァ書房、2015、92頁。

直系でなくてよいのだから、統計学的な確率でいえば無数といってよいほど見つかるはずである。

天皇主義者のなかには、初代の「神武天皇」の DNA（おそらく“皇胤”のことを現代風に言い換えたのだろう）が今上天皇（第 125 代）まで受け継がれていることを、このうえなく尊いことであるかのように主張するものがある。しかし、歴代天皇に平均して二人の男子が生まれてきたとすれば、その DNA は 2 の 125 乗分の 1 にまで拡散され、見方を変えれば 2 の 125 乗倍に希薄化されて受け継がれていることになるのである。ざっと計算しても、第 27 代目でその数は現在の日本の人口をこえ、36 代目で現在地球上に住む総人口に匹敵する数に到達する。したがって「平均して二人の男子が生まれてきたとすれば」とした、仮定そのものに問題があることは明らかである。上代や中世の時代は医療水準がきわめて低く、天皇家であつても幼児死亡率がかなり高かつた。とうぜん皇胤の拡散と希薄化は一気にスロ-ダウンする。また皇后になるような方々はごく限られた家柄の出であつたろうから、皇胤の拡散も数的に限られた範囲でしかなされなかつたであろう。一方逆のケースもある。貴族支配に代わつて武家の進出がはじまる時代になると、平家も源氏もそれぞれ先祖は天皇の系統に繋がっていることを主張し（真偽の程はさておき）始める。このように、皇胤の際限ない拡散は現実におこっていたとみられる。こうしてみると皇胤の拡散と希薄化の実際は、天文学的とはいえないまでも、とてつもない数になることは疑いえないのである。つまり、天皇主義者たちの主張は、「イワシの頭も信心から」と同等レベルの信仰心をもって、「万世一系」

という虚像を、実像に変えろと要求しているに等しいのである。

憲法の第 1 条を「大日本帝国ハ万世一系ノ天皇之ヲ統治ス」と書き起こすのに、松蔭の思想的影響を受けていた伊藤にとって躊躇するところはなかった。問題は第 3 条の「天皇ハ神聖シテ侵スヘカラス」である。伊藤が参照したとされるプロイセン王国憲法では、「第四三条によって『国王の地位 (Die Person des Königs) は侵すことができない(unverletzlich)』と規定されて」おり、「プロイセン王国憲法第四三条にいう“unverletzlich”を『神聖シテ侵スヘカラス』と訳し、これをもって天皇の身位を規定した」¹⁸と、三谷太一郎は推定している。

しかし「侵してはならないのは『信書の秘密』(第三三条)や『所有権』(第九条)さらに『住居』(第六条)についても同様」だとし、この点では明治憲法もこれらをなぞっているとしている¹⁹。こうして「神聖にして」が伊藤の創作であったことが暴露される。

「神聖ニシテ侵スヘカラス」という条文中の「ニシテ」はどういう意味であろう。「神聖なので」と理由を述べたものなのか、「神聖であり不可侵でもある」という並列的關係を述べたものなのか、意味が判然としない。これに関しては伊藤博文自身が『憲法義解』という書を著して、「天皇の『神聖不可侵性』について、『法律は君主を責問するの力を有せず、^{せきもん}独り不敬を以てその身体^{ひと}を干瀆すべからざるのみならず、併せて指斥言議^{あわ しせきげんぎ ほか}の外に

¹⁸ 三谷太一郎『日本の近代とは何であったか — 問題史的考察』、岩波新書、2017、222頁。

¹⁹ 同所参照。

あ
在る者とす』(ルビ — 木村) との見解を明らかにして」
いるという²⁰。すなわち天皇の『神聖不可侵性』は政治上
法律上の責任が問われない無答責を意味するだけでなく、
天皇の『神聖不可侵性』に触れることは、議会における
言論の自由の範囲に含まない、しかも天皇の『神聖不可
侵性』は単に消極的防御的ではなく、より積極的な倫理
構造的道德的あるいは半宗教的絶対性を含意していたと
いうのである²¹。つまり、この段落のはじめに設定した二
択の疑問自体が完全に的外れであったということになる
のである。

明治憲法がこのような神がかり的構造を持っており、
新しい装いをほどこした国が「神国」とよぶにふさわし
い、この上なくありがたい、地上のどこにも類を見ない
国であることを「万世一系の天皇」の「赤子」である国
民にあまねく感得(「理解」ではない)させるためには、
「童蒙婦女子」(当時はこのような差別的表現が当たり
前に使われていた)を想定した、別の手段が必要だとい
うことになったのであろう。「教育勅語」が發布され
たのは憲法発布の翌年、第一回総選挙の実施と第 1 回帝国
議会招集の間の期間にあたる、明治 23 (1890) 年、10 月
30 日のことであった。

5 明治憲法補填装置としての教育勅語

明治憲法の第一条と第三条、この二つの天皇条項の
間の法理論的な自己矛盾は覆い隠しようもない。そこで

---

²⁰ 同書、224 頁。

²¹ 同所参照。

憲法外で「『神聖不可侵性』を体現する天皇の超立憲主義的な性格を積極的に明示したのが『教育勅語』だった」²²というのが三谷の見解である。

教育勅語の発案は「山県有朋ありとも総理大臣からなされたもので、その作成はしかるべき人物に委ねられた。最初に文部省の委嘱により草案作成に着手したのは『西国立志編』さいごくりっしへん（原著はサミュエル・スマイルズの “Self Help”）の訳者として名の通った中村正直まさなおであった。中村は幕末にイギリス留学を経験しており、西洋の思想にも造詣が深かった。彼が執筆した草案は「忠孝をもととするとしながら、西欧思想によって道德の根源を明らかにする性格をもっていた」²³とされる。しかしこれを目にした法制局長官井上毅こわしが中村案に強い反対をとなえて廃案にもちこみ、自ら筆をとる決意をした。対立点はまさに「神」をどうとらえるかにあった。このあと井上は明治天皇の侍講元田永孚もとだながざねとともに、自分たちの共有する「思想的」立脚点に基づく案作りを開始する。教育勅語成立史研究の泰斗海後宗臣かいごときおみは、「中村草案も、元田草案も教育勅語成立の歴史を明らかにするためには、その性格を十分に究めなければならない」とし、上記の中村草案に続いて、「元田草案は儒教思想によるもので、五倫三徳一誠で道德の内容をまとめようとしている。井上はこれらによらずに、東洋道德を基としながら、市民生活の倫理もそれに組み合わせ国家興隆の目標にも適合するよう

²² 同書、226頁。

²³ 海後宗臣『教育勅語成立史の研究』（発行者海後宗臣）、1965、337頁。

にして道徳の内容を組み立ててきている」²⁴と、三者の違いを簡潔にまとめている。

最終的に井上が主導権を握って「教育勅語」の成案がなった。山県宛の書簡で井上は、「今日の立憲政体の主義によると君主は臣民の良心の自由には干渉しないことになっている。それがあつたのに今ここに勅諭を發して教育の方向をしめすのについてはこれを政治上の命令と區別して、君主の社会上における著作公告と看なければならぬとしている」²⁵と、あえて「勅語」の形をとつた理由を述べている。井上がこの理由に込めた主觀的願望は皮肉にも、後述するように、むしろそれを裏切る結果を導くきっかけを作つてしまつた。そもそも發案者である山県総理の理解では「軍人勅諭」と「教育勅語」は二つで一つのもだつたという認識だつたらしい。海後は山県の回顧談を手がかりに、このあたりの微妙な事情を次のように推定している。「山県も <...> 兵備の必要と共に教育による愛國心養成についても考へていた。従つて教育の根本方向を定めるための勅諭があることを強く支持して、これを在任中に成立させようとして熱意をかたむけたことは明らかである」²⁶と。

教育勅語が發布されると、翌日直ぐに文部大臣はその扱ひを具体的に指示した訓示を公布した。そこには宗教行事の手順のような「奉戴ほうたい手順」が示されていた。このような「しくみ」を考え出したのが文部省内の誰であるかはわからないが、政治化させてはならないとする井

²⁴ 同書。

²⁵ 同書、346頁。

²⁶ 同書、352頁。

上毅の意図とは正反対のベクトルをもった力が、成案成立から発布までのわずかな期間に生まれ、したたかに作用したのは間違いない。

この時作成された^{とうほん}謄本は三万枚だった。これより少し前に明治天皇・皇后両陛下の肖像写真、いわゆる「御真影」も全国の小・中学校に下賜され始めていたという²⁷。中村正直がイギリス留学で知ったキリスト教の「神」も、儒学に造詣の深い^{もとだながざね}元田永孚の理解する中国的「天」も、目には見えない絶対的超越者であって、あくまでも現に存在する「万世一系の天皇」を意識していた伊藤博文や井上毅の目指すところとは原理的に相容れないものがあった。「蒙昧な臣民」に肌身でそのありがたさをわからせようとする意図においては、たしかに宗教的理念の「神」や「天」に相通じる一種の「超越性」を目指してはいたのだが、この二人にとって大切なのは、あえて言い換えるなら「臣民が君主に対して抱き続ける持続的・心理的一体感」であって、それを実現させうるものとしての「巧みな装置」だったのである。

しかし、そもそも「万世一系の天皇」はどこまでも虚像であって、それを実像として扱うためには宗教的外皮を^{なま}被せる以外に道はなかった。教育勅語を全国の小・中学校（後には、高等教育部門にもばらまかれる）に送りつけ、その扱いをどんな宗教よりもうやうやしく、かつありがたく扱うよう指示したのは^{よしかわ}芳川文部大臣その人か、あるいは高位の文部官僚の誰かだろうが、その人物は伊藤や井上の意図をそのように^{そんたく}忖度して（それが必

²⁷ 梅田正己『日本ナショナリズムの歴史 II 「神権天皇制」の確立と帝国主義への道』、高文社、2017、135頁参照。

ずしも意に沿うものではなかったことを知ってか知らずか)、訓示したのであろう。

教育勅語は全文 350 字と比較的短いのだが、極めて難解な漢語が多く、わかりやすく解説してもらわなければ、一般国民はとうてい理解できなかつたであろう。しかしやがて 1930 年代に入り日本の軍国主義化が日を追って激しくなると、小学四年生にたいして全児童に全文を暗唱させよとの教育指導がなされた。歴代天皇の名を暗唱させられるようになったのもこの頃からである。暗唱能力という、クラスのなかでお互いに目に見えやすいかたちで能力を競い合わせることによって、臣民としての忠誠心を植え付けさせようとする露骨な手段だったことは明白である。能力の劣るものは劣等な「臣民」であることを日毎自覚させられなければならなかつたであろう。

「親孝行」、「兄弟、夫婦の和合」、「友人同士の絆」といった儒教道徳と並んで、「謙虚と慎み深さ」、「博愛」、「学業の励み」、「技能や知能の向上」、「徳や才能」、「社会貢献」、「任務の率先実行」、「憲法尊重」「法の遵守」といった、井上があえて加えたと思われる、市民的義務に目覚めさせようとする項目もある。しかしこれらは教育勅語の眼目ではない。以下に示す眼目にこそ井上の巧みな計算が隠されているのである。教育勅語には軍人勅諭にも大日本帝国憲法にも使われていない特殊な用語がはじめて登場する。つまり「国体」という言葉である。この言葉は後に論証するように、概念規定が全くなされないまま幕末から「知識人」のあいだに流布していた。井上毅は大胆にも、「国体」の定義らしきものをはじめて打ち出したのである。その内容をわかりやすく言い換えれば次のようになるだろう。

まずこの日本という国は、歴代天皇の先祖が遙か遠い昔に国作りを始められたもので、この間にこの国には深くて厚い徳が樹立された。天皇にしたがってきた我が国の民は忠と孝という優れた資質をよく身につけ、全員が心をつにして何世代にもわたってその美しい行いを実行してきた。それこそがこの国の「国体」の真価を花ひらかせたものであり、我が国で行う教育というものもまた、そのような深い源泉を持っているのである、と。

「国体」は神話史観に依拠している。フィクションを我が国が最も誇るべき「真実」であるかのように言いくるめているのである。児童にも、児童を通じて明治政府からのメッセージが伝わることを期待されたはずの父母たちも、そのトリックは見抜けなかったであろう。日本では昔から国民全体が例外なく美德を身につけていたなどということは、とうてい考えられない。考えられたとすればナルシズムの極みというべきである。手の内を明かせば、これは井上や元田の「ほめ殺し効果」をねらった策謀だった。なぜそのような手の込んだ手段が必要だったかという、それは「国体」というものが、一般民衆にはさっぱり訳の分からないものだったからなのである。

国体論を様々な視点から研究してきた米原謙^{よねはらけん}は、「水戸学^{みづのがく}の『国体』という観念は、儒教の名分論^{めいぶんろん}と万世一系の皇統意識が結合したところに成立した」とし、「『国体』は列強の接近による危機感を尊皇攘夷的ナショナリズムとして表現する格好の語になってい」²⁸ ったと、そ

²⁸ 米原謙『国体論はなぜ生まれたか 明治国家の知の地形図』、ミネルヴァ書房、2015、39頁。

の起源を明らかにしている。米原は続けて「国体」と言う語がこの時期、具体的にはどのような意味合いで使われていたか、その用例にあたり、「(1) 国家の体面あるいは国威、(2) 国家の気風、(3) 伝統的な国家体制、(4) 万世一系の皇統を機軸とする政教一致体制」²⁹の四種に分類している。「国体」という語は幕末以来半世紀をへて徐々に、この分類の 4 種類目の意味に収斂^{しゅうれん}していったのである（その途中の時期には公家出身の岩倉具視を例外として、実際には明治政府の文書や政府高官たちの書き残したものに「国体」の文字がほとんど見当たらない）。

さて、教育勅語の本当の「眼目」は、じつは「国体の精華」を謳^{うた}うことではなかった。これはあくまでも導入部であり、「目眩まし」手段だったのである。実は徳目の列挙に続く「一旦緩急アレハ義勇公ニ奉シ以テ天壤無窮ノ皇運ヲ扶翼スヘシ」という一文こそが、勅語発布の目的に関わる中心的内容だったのである。つまり国家に外国との戦争が避けられないような危機が生じたときは、自ら進んで勇気を発揮して国のために立ち上がり、そのようにして、これまで^{かえい}この国を築いてきた主人である天皇家の命運が幸多くその先も永遠に続くように、助けて支え続けなくてはならない、ということを訴えているのである。

日本全国の学校には御真影と教育勅語謄本をまつる特別な施設として奉安殿^{ほうあんてん}が作られた。日本は関東大震災のような大地震や、それにともなって起きる大津波、毎年何度も襲ってくる台風、あちこちで起きる火山爆発な

²⁹ 同所。

ど、自然災害が数多く発生する国である。そのうえ第二次世界大戦も末期になると、日本全国のあらゆる都市が米軍機によって連日連夜の空襲を受けた。「木と紙と土」で作られた日本家屋を攻撃するには極めて効果的だということで焼夷弾（ナパーム弾）が投下され、大空襲によって東京、大阪、名古屋などの大都会は焼き尽くされてしまった。災害が発生すると、連絡をうけた校長や責任教師は奉安殿にかけつけ、御真影と教育勅語謄本を身体にくくりつけて逃げなければならなかった。1890年からは1945年までに殉職^{じゆんしよく}した校長たちはかなりの数に上る。関東大震災時だけで殉職教師の数は41名、そのうち東京での焼死者は13名、うち8名が「御真影を守護したり」、「御真影奉遷^{うつ たてまつ}（遷し奉る）ための奮戦中」での死であったと伝えられる³⁰。本土大空襲の規模からすれば、おそらく奉安殿関連の殉職者総数はそれをはるかに上回ったに違いない。御真影下賜の問題を調べ上げた岩本努の労作に基づけば、米軍機の空襲が原因で「御真影のために殉職した教師の数は総数二〇名にのぼる³¹」という。明治政府が作り出した「模範的日本国民」の型枠は、このような忠君愛国型の教師までも生み出したということが出来るであろう。

³⁰ 梅田正己『日本ナショナリズムの歴史 III 「神権天皇制」の確立と帝国主義への道』、高文社、2017、202頁参照。

³¹ 同書、204頁。

6 家＝戸籍制度と「個人」の否定、 歪んだ近代国家なりの「近代性」

さて、天皇が書名する公式文書には篆書で「天皇御璽」と彫られた大きな金印が押される。その上には「睦仁」（明治天皇）とか「裕仁」（昭和天皇）のように、名前だけが書かれている。天皇には氏名や姓名の、「氏」とか「姓」にあたるものがそもそもない。氏はもともと「うじ」、すなわち血縁関係でまとまった家族群のからなる大きな集団をさす名であった。姓は「かばね」と呼ばれる、古代の豪族が世襲した称号のことであった。どちらも天皇から家臣に下賜されるものであったから、天皇自身にはもともと氏も姓もなかったのである。時代が下るとこれらの集団がしだいに「家」単位の小さなまとまりで暮らすように変わったが、大きな血縁集団の共通名はそのまま続いた。

時代が下って武家支配の時期が長く続くと、武士階級は家ごとに「名字」（古代の氏・姓に代わる、血縁関係や配偶関係で結ばれた小集団の名称）を名乗るようになった。ただし、それはかならずしも一生続くわけではなく、とりわけ出世をしたような場合には、より高位の（主君の姓の一部を採り入れるとか、崇高な意味合いを持つ漢字を使うとかして）名字に変える、あるいは主君から新たに授かる、などということもしばしば見られた。武士の間では長子相続が一般的であったため、次男以下は養子縁組によって他の名字を名乗ることもひんぱんに起こった。しかし、いずれにせよ名字は武士階級に特有の「符丁」であって、農・工・商の身分のものには許されなかった。しかしこれでは商人が取引する際などに不便

をきたすので、「屋号」を名乗って個人識別の手段とするようになった。

明治政府は国民を「個人」単位ではなく、「家」ごとに管理・統制しようとした。政府の統治機構に関与したほとんどのものが、たとえ下級だったとはいえ、もとは武士階級の出自であったから、その人間観・社会観からすれば当然であった。「お家大事」という言葉があるように、彼らが最も大切にしたのは「家名」であった。武士の「家」は、同じ名字で括られる複数の家族集団として存在し、その間の上下関係は厳しく保たれていた。本家の戸主は分家における婚姻や相続、財産管理についても強い発言権を持っていた。これに対して一般の人々にはるかに自由に振る舞っていた。結婚や離婚、職業選択や転業など、都市住民のほとんどは「個人として」（つまり家の掟に縛られることなく）身の処し方を決めることが出来たのである。もっとも農民の場合は農村共同体単位で生産に従事し生活していたため、集団的な締め付けはそれなりにきつかったであろうが。

明治政府は憲法だけでなく民法の制定にも着手しなければならなかった。最初参考にしたのはフランス民法典であった。そのためフランス人の法学者であるポアソナードが招聘された。穂積^{ほづみ}八束^{やつか}らをはじめとする日本人法学者は、ポアソナードの作成した民法案にたいして「西洋的な個人主義に汚染されて日本古代の『醇風美俗』^{じゅんふうびぞく}を損^{そこ}なうものである (ルビー 木村)」として、攻撃したため、「明治国家における家制度の根幹となる『一家一氏一籍』の原則を」規定した「第二四三条 戸主トハ一家ノ長ヲ謂ヒ家族トハ戸主ノ配偶者及ヒ其家ニ在ル親族、

姻族ヲ謂フ 戸主及ヒ家族ハ其ノ家ノ氏ヲ称ス (ルビ 一木村)³²は未施行に終わったという。1998年7月に民法は正式に施行されたが、その第七三二条において「戸主ノ親族ニシテ其家ニ在者及ヒ其配偶者ハ之ヲ家族トス」というように、規定が変わったと説明される³³。しかし今日の日本語感覚からすれば、どこがどう変わったのか一向に解らない。謎を解く鍵は、ボアソナードが理解する「家」が「個人主義に毒された」もので、法編纂過程において日本側が抱いていた「家」の概念とは相容れないものだったという点にあったのである。遠藤はこれについて、「つまり民法にいうところの『家』とは、そのまま『戸籍』という概念で読み替えられる概念であったことを理解せねばならない。そして、『其籍ニ在ル』つまり同じ戸籍に入ることは『其家ニ従属スル』ことと同義であるというのが立法者の意図であった」³⁴として、問題の核心部分を説明している。

どうやらこの「家」概念は、「国体」とも密接に関連する中心的概念であることがわかってくる。遠藤はその核心部分に触れて、「とにかく明治民法施行が契機となり、個人は家に帰服する結果として戸籍に編入され、之を以て正しき『日本臣民』の証を得るという規律が日本社会に生まれつつあった。<...> 家は『万世一系』の皇統を機軸にした『国体』の私的領域における縮図であり、家の維持こそは『国体』の安寧^{あんねい}をもたらすものであると

³² 遠藤正敬『戸籍と無戸籍 『日本人』の輪郭』、人文書院、2017、148頁。

³³ 同書、149頁。

³⁴ 同書、148頁。

いう思想が萌芽を見せていた」³⁵と的確に指摘している。
 また遠藤は新見吉治にいみよしはるの「庶民の系譜」に関する見解を受けて、「つまり戸籍は、遠い過去の先祖から現在の子孫へと連綿と続く家族の系譜なのである。この家族観が、過去と未来とを永遠に一体化する『天壤無窮』を本旨とする『皇統』になぞらえることによって、『家』と『国体』が直結した日本独特の家族思想へと昇華するものとなる」³⁶と、日本国民を一つの型枠にはめ込むための、最終的装置ができあがったことを明らかにしている。

家制度と、個人として目覚めつつあった近代的市民としての日本人の間における葛藤は、明治期から始まる近代日本文学の格好の主題となった。そして、決して「国体」や「家制度」に押しつぶされない人間も出現するようになった。曲がりなりにも近代の外貌を呈し始めた明治の日本は、世界的規準に比しても臆する必要のない、才能溢れる個人を次々に輩出してきたのもまた事実である。

大正 3 (1914) 年の末、夏目漱石は「私の個人主義」と題する講演を行い、時代の風潮に真っ向から異をとる言をえている。「一体国家といふものが危なくなれば誰だつて国家の安否を考へないものは一人もいない」としながら、「けれども其日本が今が今潰れるとか滅亡の憂き目にあふうとかいふ国柄でない以上、さう国家々々と騒ぎ廻る必要はない筈です」³⁷とふだん思っていることをたんたんと、しかし勇敢に述べている。さらに講演を終えるのに先だつて、「だゞもう一つ御注意まで

³⁵ 同書、149-150 頁。

³⁶ 同書、155 頁。

³⁷ 夏目漱石『夏目漱石集(一)』(現代文学大系 13)、筑摩書房、昭和 39 (1954) 年、486 頁。

に申し上げて置きたいのは、国家的道德といふものは個人的道德に比べると、ずっと段の低いものの様に見える事です。元来国と国とは辞令はいくら八釜しくつても、徳義心はそんなにありやしません。詐欺をやる、誤魔化しをやる、ペテンに掛ける。滅茶苦茶なものであります。だから国家の平穩な時には、徳義心の高い個人主義に矢張り重きを置く方が、私にはどうしても当然のやうに思はれます」³⁸と断言してしている。この講演が行われたのは、同年 8 月 23 日ドイツに対して日本が宣戦布告し、9 月には日本軍が山東省に上陸を開始、そして 11 月 7 日青島のドイツ軍要塞を占領した直後であったことは、きわめて示唆的である。歪められた近代化日本であっても、このような醒めた理性を生み出す可能性は残されていたことの、まぎれもない証であるということが出来るだろう。

---

³⁸ 同所。

(CIAPPARONI LA ROCCA T.)
TWO DIARIES FROM YOKOHAMA: a note

In 1999 I was asked to present a paper at an international conference about Italians in Meiji Japan¹ and my research brought to the discovering of two series of diaries. The first was by Pietro Savio (1838-1904),² a merchant of silk cocoons who at first was employed about a year at the Italian Consulate (August 1867-November 8) and next a few months (1868-9) at the Legation. There he helped the Italian Plenipotentiary Minister and Extraordinary Envoy, Vittorio Sallier de La Tour (1827-1894), the first resident in Yokohama and in charge for China and Japan, to organise and realize the first official foreign mission of *semaio*³ to the silk district, around Maebashi, where only diplomats, given permission, could travel. May be it was the occasion for him to choose the new activity of *semaio*, also because his job at the Legation had a close as a new Secretary⁴ had arrived from Italy.

He wrote one of the few diaries about *bakumatsu* end, the only one in Italian as unfortunately diplomats did not. Really he could not interpret the events, even if he had gained a suitable knowledge of the Japanese and so could

---

¹ The Proceedings in CIAPPARONI LA ROCCA T.-P.FEDI-M.T.LUCIDI (eds.), *Italiani nel Giappone Meiji (1868-1912)*, Roma, Centro Stampa Università, 2007.

² His life and part of the six diaries in CIAPPARONI LA ROCCA T., *Cav. Pietro Savio di Alessandria: Giappone e altri viaggi*, Roma, S.G.I., 2013. In the whole he left six diaries with memories of his travels to Australia, India, China, Japan (with a kind of auto biography), Africa, South and North America, Mediterranean sea and North Europe. And two albums of photos.

³ Merchants of silk cocoons: the silk worms had in Europe a disease that was threatening the silk industry, especially important in France and Italy: that is why the international name is in Italian.

⁴ Francesco Galvagna (1840-1902). Born in what was at the time the Austro-Hungarian Empire, he left officially to study abroad and instead joined the Italian patriots. He too take part in the silk mission.

receive information from Japanese people: he came from a merchant family, with an education but not the background and the interest in the matter, but he gives little daily news interesting to get in touch with the life at the time in Yokohama. For instance, the fear and the behaviour when a ronin attack was foretold: he writes that in those eventualities people brought money and precious items on board of the ships in the roadstead and Italians on land went to the Swiss Consulate, the Siber house. Hermann Siber (1842-1918) was a merchant associated with Caspar Brennwald (1838-1899), he too of a Swiss family but born in Italy, where it was engaged in silk production. Their society spanned in various field of commerce and still now is on the active list as DKSH,⁵ acronym where the name of the 'Italian' founder has now disappeared. He also gives as address of the Legation at first the same Siber's one, European city 90, and this stresses the link between the two countries but through personal interests; and, after a few months, in Benten 1, what is to be identified with the former office of the Holland which had been transferred meanwhile to Edo.

He also writes that he worked for the Spanish Minister, José Heriberto García de Quevedo (1819-1871), helping him to prepare the Treaty with Japan. Probably he just copied the documents for the translation for which de Quevedo thanks the French Legation, which had helped before, in 1866, the Italian Envoy François-Victor Arminjon (1830-1897) in the same task.

Savio seems to admire the wife of the Italian Minister, ms. Mathilde Ruinart de Brimont (1838-1911), that describes in such eulogistic words:

«The countess de La Tour, born countess [marquess] de Brimont in Paris fauburg St, Germain, was a member of the most refined aristocracy of that big metropolis; young still,

---

⁵ Diethelm Keller Siber Hegner holding.

shapely, she had refined figure. Unusually gifted, she spoke various languages, painted with great skill and performed music perfectly. Her courage and coolness could compete with anyone even being not a woman, and more than that, in many occasions she showed more courage than people of the stronger sex.» And, as an attack by ronin was foretold by the authorities and her husband was in Ōsaka while Savio had to go and inform other Italian people in the town, he reports she said while in bed pregnant: «*Take my revolver, charge it and put it on my bedside table, then go to the French Legation and ask for two men who should mount guard to my door. Go to perform your duty and God help you.»*

She was French and Italy was, not in the Italian Minister's mind but in governmental policy,⁶ strictly tied to France.

He writes, still about ms. Sallier:

«The countess de La Tour, a lady fearless and renowned as rider, endowed with youthful vitality, did not care for the dangers one could meet on Tokaido, even if the Minister ordered to refrain from going there. From the Legation was possible to reach the Tokaido in 25 minutes at a good trot. I followed her until the place allowed and there I reminded her of the order. But she showed her golden revolver with a mother-of-pearl handle in the right side of her saddle and asked me about the mine. Once I said yes, she started galloping and I had no other choice than following her».

A portrait very unusual for a young lady of the high society.

Another interesting note is about the famous fire of the ship 'America': he reports that people were drunken, but he did not give in the champagne and at 4 in the morning, when the fire started, could escape from flames:

---

⁶ Sallier did not agree with French policy in favour of the Tokugawa and was the first to present the Credential directly to the Emperor instead of the shogun.

«The night before, rejoicing for the Japan by then near, there had been a big orgy in the American style. The steward in chief, notwithstanding the time would not allow following the rule, had to open the champagne cellar and spirits that were offered on the deck in silver tray and these, once empty, were cast in the sea».

The second series of writings diary-like about which I refer here is the ms. Sallier's one:⁷ while Savio in life published two books on Japan, one as a report from the mission in the area of silk cocoons breeding⁸ and one with an encyclopaedic attitude about Japan: history, politics, and the like⁹ with appended the translation of a popular story and one more report about a new travel in the inner region, his Yokohama-mate Mathilde Sallier de La Tour, later known for her paintings, one of which portrays the Italian Queen Margherita - a royal family member she frequented (the Savoia are from Turin, the city of her husband), did not. But she anyway wrote a lot of letters during her travels, in Italy, toward and in Japan, and these ones are the first women diaries of this kind as far as it is known. She wrote also many stories unpublished, and from the Seventies, when came back from Japan, became a special friend to the French writer and diplomat Arthur de Gobineau (1816-1882), who left his manuscripts to her.¹⁰ So we can guess that she was well

---

⁷ An introduction to them in CIAPPARONI LA ROCCA T., "I diari giapponesi di M.me Sallier de La Tour", *Atti del XXVII Convegno Venezia, AISTUGIA 2002*, pp.191-202. The full text, in French, is still unpublished but it should be in Japan next year. Some sheets are letters or do not have a title, others do: Travel in the silk area, Travel in the inner sea, Yokohama.

⁸ SAVIO P., *La prima spedizione nell'interno del Giappone e nei centri sericoli effettuatasi nel mese di giugno dell'anno 1869 da Sua Eccellenza il Conte de La Tour. ...*, Milano, E. Treves, 1870.

⁹ SAVIO P., *Il Giappone al giorno d'oggi nella sua vita pubblica e privata, politica e commerciale...*, seguito da O-kiku-san, romanzo giapponese, Milano, Fratelli Treves, 1875.

¹⁰ She in turn had them stored at the University of Strasburg, where are now.

acquainted with writing and her style is vivid and interesting. My translations here do not give her justice, please forgive and just enjoy her attitude toward scenery and natives.

About the western criticism to the Japanese usages, she comments:

«It is necessary to accept that these people see the reality in a different way, and they are not always wrong. I understood this when for the first time a Japanese woman helped me to dress for a soirée: she was astonished to see that I was undressing myself, what they do to take a bath, much more natural».

And about the western usages:

«If you put three Englishmen in a desert isle, within fifteen days they will organize a Club, a ground for cricket and one for races; if they are Americans it will be a bar; if French people, a café and a billiard».

During the voyage in the inner area of Japan, she too wrote a diary but very different from the one Savio did: it is he in his diaries that wrote about this text and gave me the spur to find it out. Her attention to the places is definitely feminine, as we can read about a room where they were guest:

«The honour room¹¹ was always reserved to us: their floor was about 10 centimetres higher and the straw mats, very fine, hemmed by a white fabric with drawing in bleu, while in the other room are black»,

and attentive to nature, with a free expression of her sensations and sentiments:

«Here we are in a shadowy path, next on a beautiful road skirted on both sides by oats and barley in full bloom. Little groves of trees artistically placed here and there break off the symmetry of the picture, the narrow horizon is limited by

---

¹¹ It should be the *honjin*, the officially appointed inn where usually the shogun representatives were hosted.

wooded hill.....How nice to feel the true country! we were, at least I was, deeply moved, the sun was setting and I was seeing Japan open just in front of me, a sanctuary closed up to now whose bronze door were demoished at our foots».

While navigating in the Seto sea, she ‘paints’ the scenery:

«I was stricken by the splendour of the colours of the vegetation; at the time the leaves were not yet fallen and their hues extremely various shaped a wonderful bunch».

She also reports about incidents that Savio leaves out:

«Two of our bettō, allowed to bring the sword as retainers of an important daimyō, at once used them and one of them wounded seriously the other’s arm»,

or, arriving in a village, they do not find ready for the night to spend there :

«For the first time we had to suffer from the bad willing of the Japanese. The yakunin¹² climed that no orders had come and did not consent us to visit the rearing area of yama-mai. So Victor¹³ asked for the Government official in charge for the mission lodgement and complained seriously».

We find also amusing happenings in one of which Savio is the ‘hero’:

«We had a black pony which did not want to be ridden by foreigners; Savio, who rid it during the voyage, tried every way to go up: letting oneself down from the roof of the stable or wrapping up his eyes or jumping on it from a Japanese porch. One day he couldn’t succeed with these devices. We were in a large court-yard of a temple and the interpreter¹⁴ went up the pony, caressed it and whispered something to Savio, who put his foot in the left stirrup where the interpreter’s one still was,

---

¹² Government official.

¹³ The Italian Minister, her husband.

¹⁴ Nakajima, a Japanese.

next simultaneously Savio went up and the other down. The pony looked so surprised and the scene was so silly that we all burst with laughing».

The two diaries found do not change the knowledge of the 'big' history of the time but certainly give a new insight at least, but non only, in 'secondary' history of the Italian community in Yokohama, as in them the protagonists of the voyage to the silk cocoons area are disclosed in their attitude, and they all are figures well known at the time in the town. Ms. Matilde Sallier de La Tour reveals herself the painter she will be and a fine narrator, her ability in music is told by Savio, whose statement is confirmed by a French traveller who was in Yokohama at the time;¹⁵ the «little Italian Minister», as Ernest M. Satow (1843-1929) defines him,¹⁶ shows his steady authoritativeness (the *yakunin* who did not want to host them were punishes at once and the services given) and Ferdinando Meazza (1838-1913), a very renowned *semaio*,¹⁷ is described as a painter and man of artistic culture.¹⁸

---

¹⁵ De GABRIAC A., *Tour humoristique autour du monde. Inde, Chine, Japon*, Paris, Miche Lévy, 1872, pp. 290-291.

¹⁶ SATOW E., *A Diplomat in Japan*, Filadelfia, J.B.Lippincott, 1921, p. 20. Sallier never complied with his colleagues ideas, French or English, and they resented it. Strangely enough, his only friend there was the Prussian von Brandt, representative of Austria, the country Italy had fight so many times to become a unified one.

¹⁷ He went to Middle East to buy silk cocoons but was taken in Bukhara and jailed for six months, then rescued with the help of the Russian Court, where he was known as before he had traded in Moscow for five years.

¹⁸ He possessed a fine collection of art and in Milan founded and presided a cultural and patriotic association (*Società Artistica Patriottica*), A part of his collection of Japanese potteries were sold to Enrico Cernuschi and now are in the Museum this one realized in Paris.

(BERTELLI, Giulio Antonio)

**The activity of Italian trader Giacomo Farfara and his trips
in northern Japan during the Boshin War (1868-69)
-Focusing on Italian and Japanese primary sources-**

1. Introduction

The Italo-Japanese Treaty of Amity and Commerce was signed on August 25th, 1866, and the first Italian Minister, Count Vittorio Sallier de La Tour (1827-1894) and his wife Mathilde (1838-1911) arrived in Japan in the summer of 1867, a few months before the fall of the Tokugawa *bakufu* and the start of the Boshin civil war (1868-69). One of the main goals of his mission was to protect and encourage the activity of the many Italian silkworm-egg traders who were visiting Japan in those years to buy healthy silkworm-eggs, since a large scale epidemic of a severe silkworm disease (known as *pebrine*) appeared around the 1850s was threatening the European silk industry.

1. Jules Brunet

When the Tokugawa shogunate fell and its allies started the Boshin war against the Imperial troops, some members of the first French Military Mission in Japan (previously hired by the Shogunate in order to modernize its troops), led by the young officer Jules Brunet (1838-1911), decided not to betray the shogunate, and to fight until the end on its allies' side. In the last phase of the war, when most of northern Japan's domains surrendered, Brunet and the other French officers (who were considered deserters and had no intention to head back to Yokohama, putting in an embarrassing position the new

French minister Maxime Outrey¹, who already stood on Meiji government's side) actively cooperated with Tokugawa vice-admiral Enomoto Takeaki (1836-1908) in occupying the island of Ezo (actual Hokkaidō) and founding there the so-called Ezo Republic. This situation lasted until the final battle (*Goryōkaku no tatakai*), which brought the Tokugawa allies to defeat, ended Brunet's dream and doomed the ephemeral Republic to oblivion.

It is known that during the Boshin civil war many foreign weapon traders were active, taking advantage of chaos especially in the domains of Northern Japan allied with the Tokugawa, where neither the fallen Shogunate nor the Meiji government had any control over the situation. For this reason, any trader was able to trade freely in any port of northern Japan despite the treaty restrictions.

In this context, I would like to focus on the mysterious figure of the Italian trader Giacomo Farfara. Few is known about him: he was apparently from Livorno, he had a brother whose name was Nino, and he is known for having worked for more than a decade (from the late 1860s until at least the 1880s) as a silkworm-egg trader (his company, *Farfara & Grenet*, was based in Milano, but had also branches in Yokohama and Paris). He probably arrived in Japan for the first time in 1866 or 1867, supposedly in his thirties, and his activity during the first years in Japan appears to be closely linked to a French commercial house: *A.Fabre, Boerne & C*, located at n.81 in Yokohama².

The recent discovery of new Italian and Japanese primary sources (a travel journal and a few letters written by Farfara himself, and other diaries, accounts and memoirs

---

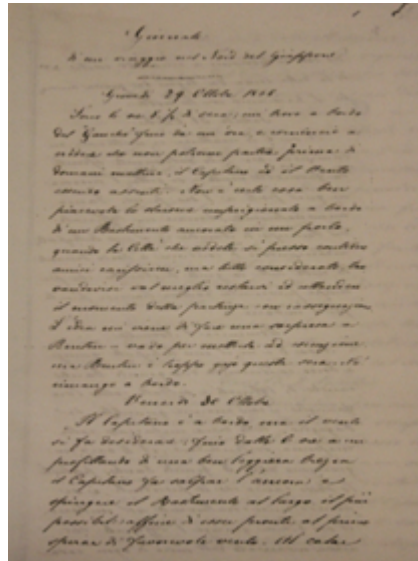
¹ He succeeded to Léon Roches in April 1868.

² For further information on Farfara, Sallier de La Tour and the Italo-Japanese relations in general, see also: Bertelli (2016), Ciapparoni La Rocca (2013), Zanier (2006), etc.

written by Japanese traders and officials who had contacts with him in 1868 and 1869) about Farfara and his position in Japan around 1868 shows us that he was much more than a regular silkworm-egg trader, casting a spotlight on some previously unknown sides of his activity. In this paper, based mainly on these primary sources, I would like to focus mainly on Farfara's role in Japan during a crucial phase of the Boshin civil war and underline the historical importance of his activity.

2. Giacomo Farfara

3. Farfara's Journal (1st page)

2. Farfara's travel journal – an Italian primary source

The most important Italian primary source we can rely on is a travel journal and two letters, all handwritten in Italian by Farfara himself between October 1868 and January 1869, and sent to Countess Mathilde Sallier de La Tour, the French wife of the Italian Minister Plenipotentiary in Yokohama. This 57 pages-long handwritten journal's title is "Giornale di un viaggio nel Nord del Giappone" ("Journal about a trip in

Northern Japan”) and it is divided into three parts, each one delivered to Countess Sallier de La Tour in a different moment³.

The content of this journal is extremely interesting. In it, Farfara writes about an adventurous trip in Northern Japan on a British sailship, the “Gaucho”, leaving the port of Yokohama on October, 30th 1868, and heading for Miyako [宮古], a city located in the Nambu (南部)⁴ domain (actual Iwate prefecture).

First of all, Farfara talks about embarking from Yokohama many Japanese passengers and three French military officers: Eugène J. J. Marlin, François A. Fortant⁵ and a third person probably named Duval⁶, who were heading for Miyako to reunite with their captain, Jules Brunet. Farfara had also to provide a temporary lodgement in that city for them. Farfara also had a Japanese interpreter, whose name appears as “Matobe”.

On its way to Miyako, the *Gaucho* faces an extremely powerful typhoon. In this occasion, the night of November 9th Farfara begs the captain to tie him to the main mast of the ship: in this way he challenges the storm and describes this experience in a romantic way.

---

³ For details about the manuscript and its contents see (Bertelli, 2016).

⁴ Also known as the Morioka domain.

⁵ For details see Okada; Polak(1988), pp.81-88

⁶ The manuscript is not clear in this point. No members of the French Military Mission were named Duval; probably Farfara misspelt the name.

After fighting with the strong winds and streams, the Gaucho arrives in Miyako, where the Japanese passengers and the three French military are disembarked. Here Farfara sends two couriers to Brunet to inform him of his arrival, and another to Nambu ministers Oshima and Yamamoto (their last names are not mentioned in the Journal) to settle their “business”. And for the first time in the journal, on November 17th he writes about the main purpose of his mission: unloading in Miyako (Kuwagasaki - 鍬ヶ崎) harbour a considerable amount of weapons and ammunition. Farfara also visits, after a horse trip, some copper mines in the surroundings of Miyako. But right after Farfara unloaded the weapons from the Gaucho, the Nambu domain’s Minister of Finance (Kanjō bugyō 勘定奉行) called “Katabira Shiguedi” visited him to announce that the Nambu *daimyō* surrendered to the new government. This new situation prohibited to Nambu domain to receive the weapons,

3. farfara's itinerary map

troops (despite Nambu surrendered, it wanted to keep the weapons ready for a possible counterattack). After a long negotiation, Katabira

convinces Farfara to reload the weapons on the *Gaicho* and bring them to Hachinohe domain.

On the day Farfara was planning to sail to Hachinohe (November, 27th) the entire Tokugawa fleet (including the admiral ship *Kaiyō-maru*) arrived in Miyako. Here Farfara shook hands with Brunet, who personally went to visit him on that morning. After a long chat about their latest adventures and achievements, Brunet invites Farfara aboard the *Kaiyō-maru* for a formal meeting with the Tokugawa vice-admiral Enomoto Takeaki. Enomoto spent some time to talk with Farfara especially about the proposal concerning the occupation of Ezo, made by the former to the Meiji government, and asked him if he could send a translation of this request to the Foreign ministers (as Farfara writes, a copy of the translation was supposed to be sent enclosed to the *Journal*, but unfortunately it has not been found). Farfara also allows himself to give some advice to Enomoto in order to have his proposal accepted by Foreign ministers. Then he spends almost the whole day with Brunet and the French officers. And the first part of the *Journal* ends here.

The second part of the journal starts with the trip to Hachinohe. Once arrived there, Farfara sees a Hizen imperial ship close to the port. And, against his expectations, Farfara receives an extremely cold and impolite welcome by the local officials: they don't even allow him and the Captain of the *Gaicho* to have a walk on the beach, probably worried about having the weapon shipment found by Hizen soldiers, and they order him to head back to Miyako. Farfara, fuming with anger, refuses, until "*Asakits, a very intelligent man, through whom the Company I belong to entered in contact with Nambu Government*" arrives, and convinces him to head back to Miyako.

After his arrival in Miyako, Farfara has a new negotiation with Katabira, who asks him to bring the weapons to Hakodate and receive, as a means of payment

for the weapons, different merchandises, such as oxen, silk, *awabi*, seaweed and copper, the latest to be shipped in Noheji (野辺地), a town located inside the Aomori bay. But shortly after receiving the news of Enomoto and Brunet's successful occupation of Ezo, the Miyako officials ask Farfara to leave the weapons in Miyako, as they would have convinced the Meiji government that they could have needed them in case of a counterattack by Tokugawa forces.

After unshipping the weapons and shipping all the merchandises (silk, *awabi* and more than an hundred oxen) in Miyako under the snow, the *Gaucho* ships for Hakodate. During this trip, the *Gaucho* encounters a terrible seastorm, and near Shiriyazaki (Kirasaki in the manuscript), it gets blown on one side getting damaged and risking to crash on some rocks. The captain kept calm and succeeded to push the ship out of peril, saving the lives of Farfara and everyone else who was on it. Many oxen died in this occasion, and were thrown to the sea. After arriving in Hakodate on December 26th, finally Farfara is really happy to be alive and to talk about his odyssey with his employer: the frenchman Antoine Fabre, owner of A.Fabre, Boerne & C. He also meets once again with Brunet: in Farfara's opinion the French officer was excessively optimistic about the Ezo occupation. So Farfara warns him to be cautious.

During his stay in Hakodate Farfara is informed that his interpreter Matobe lost his mind and was saying strange things; he probably had a nervous breakdown caused by the extreme experiences he undergone during the last, perilous trip of the *Gaucho*. For this reason Farfara decides to send him back to Yokohama for hospitalization.

On January 1st, 1869 Farfara is extremely happy to receive, in the desolated port of Hakodate, a letter from Countess Sallier de La Tour; he responds immediately and he starts to prepare his trip to Noheji. This is where the second part of the journal ends. The third part is extremely brief

(only four pages), and goes until January 15th, talking about the copper shipping in Noheji.

In the two letters to the Countess (the first written on January 1st, the second on January 27th, 1869), Farfara, in a very confidential tone, reports about Brunet's activity in the North and the occupation of Hakodate, and about rumors of a possible Imperial attack. He is also expressing his doubts about the success of Brunet and the Tokugawa, also because he is convinced that the British minister Parkes would never accept Ezo occupied by them. He writes also that Roy, the commander of the "Venus", a French warship stationing in Hakodate, prohibited his officers to visit Brunet and Fabre's house, indicating that the new French Minister Outrey totally abandoned the Tokugawa cause. He also sent a brief letter to Minister Sallier de La Tour telling him that he would be back to Yokohama soon to tell him personally the latest news from the North.

3. Farfara's activity on Japanese sources

Reading Farfara's journal and letters leaves us with many doubts and unanswered questions. Who was Farfara exactly? Why was he keeping in touch with the Italian Minister's wife? Where did the weapons come from? What was the context he was acting in? What were his purposes? Who were the Japanese people mentioned in the journal and to what extent did they deal with him?

The key figure who can help us to answer to some of these questions, and particularly those related with commerce, is indeed the mysterious man named "Asakits" who convinces the recalcitrant Farfara to sail back to Miyako from Hachinohe. This person can be identified with Shirosawa Asakichi (城澤朝吉, 1825-1907)⁷, a wealthy trader

---

⁷ Known also as Iseya Asakichi (伊勢屋朝吉).

operating mainly in the Kitakami area of Nambu (Morioka) domain.

First of all, in his diaries⁸ we can frequently find Farfara⁹ and Fabre¹⁰'s names, we have reports of Farfara's troubles in Hachinohe (December 6-7) and the Gaucho's perilous trip (as he took part to it from Dec.8) in the storm near Shiriyazaki. But we find also the *kanji* names useful to identify the other Japanese people appearing in Farfara's journal, in order to expand the research and gather new information. Of course we find the Nambu Finance Ministers Katabira Shigeji (帷子繁治), Ōshima Sōzaemon (大島惣佐衛門), better known as Ōshima Takatō (大島高任, 1826-1901)¹¹, and Yamamoto Kanjirō (山本寛治郎), and we can identify also the interpreter (appearing as "Matobe" in Farfara's journal) as Sakagami Motobē (坂上元兵衛). Also, we find names of other prominent Nambu officers who had close contacts with Farfara and Fabre, such as Ueyama Moriko (上山守古) and Shichinohe Gonbē (七戸権兵衛). And we find out that Asakichi had also contacts with Schnell (スネル, probably Edward), the famous Prussian weapon trader settled in Niigata.

Asakichi's diaries and the documents related to the people mentioned above are extremely important, because they clarify the context of Farfara's activity. They confirm him

---

⁸ Kitakami City (Ed.), Kitakamishi-shi, Kitakamishi-shi kankō-kai, 1968-1986, Vol. 12, pp.366-447

⁹ Farfara appears in Katakana as "Farahāru" (ファラハール) or "Farūharu" (ファルーハル)

¹⁰ Fabre appears in Katakana as "Fuwaburu" (フワブル) or "Hāfuru" (ファーフル).

¹¹ Ōshima was a mineralogist from Morioka, and is famous for being the founder of Japanese modern iron and steel manufacturing industry. In the 1850s he built, for the first time in Japan, a western-style blast furnace in Kamaishi (Iwate).

as a trusted member of the French commercial house A. Fabre, Boerne & C, and they provide information about the deal between Nambu domain and this company, being Asakichi the main intermediary between the two parts. We find out that Asakichi in July 1868 for 65515 mexican dollars had bought from Fabre two thousands guns to be brought to Miyako harbour (Nambu) on board of a non specified British sailship (maybe the Gaucho) rented for 110 dollars; this should have been Farfara's first trip to Miyako (he mentions a "previous trip" in the journal). In this occasion, in order to justify to the authorities the shipping of the weapons (recklessly shipped from Yokohama under the strict surveillance of the new government) Fabre declared to the *Saibanshō* that the weapons were broken, and had to be sent back to France for repairing. In September Asakichi bought from Fabre another load of weapons (about one thousand between guns and rifles) and ammunition, probably the ones brought to Miyako by Farfara on the "Gaucho" at the time he wrote the *Journal*. According to the biography of the silk merchant Ōtani Kōzō, in 1868 Fabre was also selling weapons to Matsushiro domain (Nagano)¹².

Farfara, as he writes on his journal, after bringing the weapons to Nambu domain and shipping oxen, awabi, silk and other goods, heads to Noheji to ship copper (one of the main products of the region). A report by Katabira Shigeji¹³ reveals the existence of a deal (signed on April, 15th, 1868) between the Nambu domain (Asakichi) and Fabre for copper in exchange for weapons. This deal was aiming to sell 25000 piculs¹⁴ of Nambu copper to China in a five year span.

---

¹² See Ozaki (1914), pp.37-46

¹³ Ōshima Shigenobu (ed.), *Ōshima Takatō Gyōjitsu*, Sanshūsha, 1938, p.622-635

¹⁴ This sum is expressed in 2500000 *kin* (斤) on Japanese documents. 1 *picul* (60 kg.) is equivalent to 100 *kin*.

The sum to be anticipated from Fabre to Asakichi (Nambu domain) as a deposit was settled on 17 Mexican dollars for one *picul* of copper¹⁵. After shipping the copper, Fabre and Farfara had to resell it for higher prices in Hong Kong and Shanghai, in exchange for a commission fee (the 5% of the sales proceed) and the interests on the deposited sum (which, of course, had to be returned to Fabre after the copper was sold). In a crucial phase of Boshin war, from summer to autumn 1868, the Nambu domain had an urgent demand for weapons, for this reason the sum anticipated by Fabre for selling copper in China was used by the Nambu domain to buy Fabre's weapons, turning the deal into a *de facto* exchange of copper for weapons, and creating for Fabre and Farfara an enormous and extremely favorable business, which continued for some time. According to Asakichi's diaries, Farfara is still in Miyako in July 1869, right after the end of the war. At that time he receives a visit from Asakichi, who is asked by some Nambu officials to lend them the gargantuan sum of 700 thousand *ryō* in order to stop the *kunigae* (transferring of landlord to another domain) of the Nambu *daimyō*. Asakichi, who could not advance this sum immediately, talks to Farfara about the matter, and Farfara accepts on the spot to anticipate the money to Nambu domain with the guarantee of Asakichi, telling him he could take the money in Tokyo or Yokohama. This episode shows us how much Farfara and Asakichi trusted each other, and what kind of amounts of money Farfara could handle in Japan.

4. In conclusion

Farfara had indeed strong business interests in northern Japan, especially during the war, though he doesn't seem to be a wholehearted Tokugawa supporter. He appears

---

¹⁵ A 27 gram Mexican silver coin, largely used as trade currency in Eastern Asia.

doubtful about the possibility of Enomoto and Brunet having the situation in Ezo accepted by the Meiji Government, and despite the friendship and sympathy, he criticizes, with rational and realistic arguments, Brunet's incautious optimism and Nambu officials' confidence in a possible counterattack. And the Boshin war in fact ended exactly as Farfara believed, with the Tokugawa allies' defeat. For these reasons we can suppose that he was not supporting Tokugawa allies because he believed in their victory, but he had to do so mainly because they were his business partners.

When the Boshin civil war started, the Italian Minister Vittorio Sallier de La Tour, who was required by the Italian government not to interfere with Japan's internal affairs and other powers' interests in the Far East, had to keep neutrality, and of course, with a notification published in February 1868, he discharged any responsibility of the Legation over Italian subjects involved in "direct and indirect" war operations. Farfara was proficient in French, but he wrote his journal in Italian. We can suppose that Farfara, in order to avoid any direct involvement of the Italian Minister in his activity, wrote the journal and the letters to Countess Mathilde, who was French, in Italian to indirectly provide first-hand, reliable information (extremely rare at that time) to her husband about the situation in the North. For this reason, it can be said that Farfara also acted as an informer for the Italian Minister, who probably already planned to organize in 1869 his expedition in the inner silk districts of Japan¹⁶, and wanted to know as soon as possible if the civil war was close to an end.

Very few is known, both in Japan and overseas, about the foreign weapon traders in Japan, such as Schnell, Fabre and Farfara during the Boshin war and still many unpublished documents have yet to be discovered and analyzed to cast a

---

¹⁶ For details see Ciapparoni La Rocca (2013), Savio (1870).

light on them and their shadowy but extremely interesting activity. Farfara's journal itself is an extremely detailed source about the situation in the North during the Boshin civil war; he is one of the few foreigners who could observe closely Enomoto and Brunet's actions in this crucial phase of the war. And this feature alone makes this source extremely valuable. The Japanese sources, also very precise and accurate, provides us some important details useful to verify the contents and clarify the context of the *Journal*, bringing new information about the most obscure side of the Boshin war.

ESSENTIAL BIBLIOGRAPHY

- Arminjon**, Vittorio (1869), *Il Giappone e il viaggio della corvetta Magenta*. Genova: R.I. Sordomuti.
- Adachi**, Yoshio (1984), *Kaishō Schnell to Boshin Niigata kōbōsen*, Niigata: Toriyano shuppan
- Bertelli**, Giulio Antonio (2015), *Gaikōshi kenkyū no shinshiten – 1868 nen no Niigata kaikō mondai to chūnichī Italia gaikōkan*, in Aratake K. et al., *Nihonshigaku no frontier vol.1*, Tokyo: Hōsei daigaku shuppanyoku
- Bertelli**, Giulio Antonio (2016), *Italia shōnin Giacomo Farfara no mikan nisshi – Boshin sensōji (1868-69 nen) no kita Nippon no tabi yori -*, in *Italia gakkaiishi vol.66*, Kyōto, Italia Gakkai, pp.21-52
- Ciapparoni** La Rocca, Teresa (2013), *Cav. Pietro Savio di Alessandria: Giappone e altri viaggi*, Roma, Società Geografica Italiana
- Fujimoto**, Jitsuya (1939), *Kaikō to kiito bōeki* (3 voll.), Tokyo, Tōkō Shoin
- Grassi**, Fabio (1987), *La formazione della diplomazia nazionale*, Roma, Istituto poligrafico e zecca dello Stato
- Ishii**, Takashi (2008), *Boshin sensō ron*, Tokyo, Yoshikawa Kōbunkan
- Kitakami-shi** (ed.) (1986), *Kitakamishi-shi*, Kitakamishi-shi kankō-kai, Vol. 12
- Okada**, Shin'ichi; Polak, Christian et al. (1988), *Hakodate no bakumatsu-ishin: Furansu shikan Brunet no sketch 100 mai*, Tokyo, Chūō Kōronsha

- Ōshima** Shigenobu (ed.)(1938), *Ōshima Takatō Gyōjitsu*, Sanshūsha
- Ozaki**, Waisen (1914), *Sankai ijin Ōtani Kōzō*, Tokyo, Dainipponsanshikai
- Savio**, Pietro (1870), *La prima spedizione italiana nell'interno del Giappone*, Milano, Treves
- Zanier**, Claudio (2006), *SEMAI - Setaioli italiani in Giappone*, Padova, CLEUP

ГЛАВА 2

Преобразования Мэйдзи и их место в японской культуре

Памятники эпохи Мэйдзи из коллекции Государственного Эрмитажа

Эпоха *Мэйдзи* (1868-1912) стала одним из важнейших, поворотных периодов в истории Японии. Страна встала на путь широкомасштабной модернизации, которая охватила все сферы жизни, нашла отражение в политике и культуре, проникла в сферу бытовых отношений. Выйдя из изоляции, Япония стала проявлять интерес к зарубежному опыту, традициям, жизни в разных странах. Данные преобразования нашли отражение в искусстве, выборе тем и сюжетов различных произведений, которые вызывали интерес у художников и заказчиков¹.

В собрании Государственного Эрмитажа эпоха Мэйдзи представлена достаточно разнообразно. Наиболее ценные экспонаты связаны с путешествиями великих князей и цесаревича Николая в Японию (1891). Во время путешествия членам императорской семьи удалось посетить разные города страны Восходящего солнца и привезти в столицу Российской империи дары, произведения искусства, которые были изготовлены японскими мастерами конца XIX века специально для высоких гостей.

Интересными экспонатами, связанными с данными событиями можно назвать ковер с изображением охоты, панно кавасимской мануфактуры с изображением охотничьих собак, различные свитки, монеты.

---

¹ Подробнее об этом см.: История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. М: Институт востоковедения РАН, 1998. Т. 2. 1868 -1998; Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009.

Преобразования в эпоху Мэйдзи отражены и на веере из коллекции отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Веер с изображением бухты с кораблями поступил в государственный Эрмитаж в 1926 году. Он поступил из бывшего собрания музея барона Александра Людвиговича Штигица (1814—1884) — крупнейшего российского финансиста, промышленника, управляющего Государственным банком России (1860—1866), мецената, благотворителя, а также известного коллекционера восточного искусства².

Данный веер представляет собой овальный экран на бамбуковой основе. Его размеры — 40 см в длину и 7 см в ширину. На нем изображен город-порт Циндао. На экране отчетливо видны военные строения, ряд канонерских пушек, городские здания. Автором хорошо прорисован холм, на котором реет флаг Германской Империи (Ил.1).

Сверху на экране расположена иероглифическая надпись, которая читается как «Полная карта Зеленого Острова — (Циндао). Иероглиф 青 (цин) означает японски «зелёный», а 島 (дао) — «остров». Рядом расположены три печати. Самая левая печать — это печать Военного министерства Японии, вторая — Цензурского Министерства, самая нижняя печать — имя автора (Ил. 1).

Возможно, автором экрана веера является некий господин Кусигава. Как следует из монографии Георга Штейнмэтца «Германские колонии в Циндао, Самоа и Южной Африке»³ [3] в 1908 г. мастер Кусигава по договоренности с Германским Представительством побывал в бухте Циндао, где и выполнил ряд зарисовок топографического и художественного характера. Работы мастера Кусигава находились в бывшем доме германского Губер-

² Кудрина Ю. А. Л. Штигиц - финансист, предприниматель, меценат. //Иные берега.№4 (44) 2016.

³ George Steinmetz. The Devils Handwriting Precoloniality and the German Colonial state in Qingdao, Samoa and Southwest Africa.

натора Циндао вплоть до 1966 г., а затем, в годы культурной революции в Китае бесследно исчезли. Сохранился только один свиток, выполненный художником, который сегодня представлен в музее Культуры и искусства города Циндао⁴.

Веер из собрания Эрмитажа интересен как оригинальная работа мастера Кусигава, но, безусловно, и как пример декоративно-прикладного искусства Японии XIX в., произведение, которое отразило важные этапы в жизни страны Восходящего солнца, Германии и Китая. Веер относится к типу популярных круглых цельных вееров, которые в Японии называются *утива*. Они имели разнообразную форму каркаса: круглую, овальную, и даже квадратную, на которую с обеих сторон наклеивалась бумага. Также подобные веера, как правило, имели деревянную ручку. Формы веера в их традиционном историческом виде, скорее всего, появились в Китае и затем были заимствованы японскими мастерами.

Довольно часто во времена Великой японской Империи веера использовали в качестве сигнального инструмента. Как правило, это были мужские веера.

В коллекции Государственного Эрмитажа представлены веера подобной формы. Они не имеют отношения к военному делу и являются оригинальными произведениями художественного творчества, на них изображены жанровые сценки, цветы, традиционные японские пейзажи.

Город Циндао, который изобразил художник на веере, имеет достаточно интересную историю. В конце XIX – начале XX вв. он входил в сферу интересов великих держав, участвующих в переделе мира. Отметим, что к концу XIX в. Китай был поделен на сферы влияния между крупнейшими империалистическими державами. Британия получила в

---

⁴ Ibid.

аренду Гонк-Конг, Франция — Гуанси, Россия — Порт-Артур.

Город Циндао, изображенный на веере, в начале XX в. стал колонией Германии. Он располагался на востоке провинции Шаньдун, на берегу Жёлтого моря и являлся важнейшим портом, военной базой и промышленным центром. Циндао был передан Германии в составе территории по концессии в 1897 г. Предлогом к передаче был так называемый инцидент Цзюйе. В 1897 г. два немецких миссионера были убиты в восточном Шаньдуне, и немецкое правительство начало военное наступление в северо-восточном Китае, а затем направило ультиматум императору, требуя защиты христиан. В результате данных действий Циндао был взят в аренду Германией на 99 лет⁵.

После официального утверждения в Китае немцы превратили Циндао в стратегически важный порт. Здесь базировалась немецкая Императорская Восточно-азиатская крейсерная эскадра, проводящая военные операции по всему Тихому океану. Отметим, что корабли Германского Императорского флота отчетливо видны на веере. Правительство осуществило планировку улиц и создало фактически современный план города. Здесь был построен и пивоваренный завод, который функционирует и сегодня и производит 12 % всего китайского пива. Можно сказать, что немецкое влияние распространилось на всю провинцию Шаньдун, в которой возникли предприятия с немецким капиталом. За те семнадцать лет, что Германия владела Циндао, немцы успели превратить его в процветающий европейский город.

После начала первой мировой войны (1914 г.) наступил новый период в истории города. Японский флот при участии британских союзников две недели осаждал Циндао,

---

⁵ История Японии. Т. II. 1868-1998. М., Институт востоковедения РАН.

а затем оккупировал порт, который почти на целое десятилетие стал принадлежать Японии⁶.

Однако в 1926 г. по Парижскому договору Циндао был возвращён Китайской республике⁷.

Новый период территориальной экспансии Японии в Циндао начинается в 1938 г. и завершается в 1945 г. Только после окончания второй мировой войны город вновь стал частью Китая и сегодня является важнейшим портом, военной базой и промышленным центром КНР⁸.

На веере из коллекции Эрмитажа изображена береговая часть города Циндао в то время, когда он находился под немецким Морским управлением в период его экономического расцвета. Данные городские виды в то время украшали многочисленные фотокарточки и свитки. Однако изображение береговой линии Циндао на веере можно рассматривать как пример достаточно оригинальный. Примечательно и появление веера в японской коллекции. Очевидно, Циндао вызывал значительный интерес у Японии еще в конце XIX в. Веер демонстрирует план бухты находящейся за пределами Японии в Китае, во время создания Великой Японской Империи, когда Япония приступила к территориальным захватам и власти страны подробно изучали новые земли, которые обладали особым стратегическим значением.

В Китае и сегодня вспоминают период присутствия Германии в городе Циндао. В музее истории и культуры города в 2008 г. была открыта выставка, в подготовке которой приняли участие две страны — Германия и Китай. На экспозиции можно было увидеть материалы, которые

---

⁶ Там же. С. 259–261.

⁷ Полонский И. Шаньдунский вопрос и многострадальный порт Циндао // Военное обозрение <https://topwar.ru/106860-shandunskiy-vopros-i-mnogostradalnyy-port-cindao.html>

⁸ Там же.

позволили реконструировать данный важный «немецкий» период истории города. Среди экспонатов были карты, рисунки, открытки с видами города в XIX-XX вв.

Конечно, отношение к данному периоду в жизни города-порта в Китае и Германии различны. Германия придает особое значение своему присутствию на острове, тогда как Китай, напротив, считает, что время зарубежного присутствия на Циндао было достаточно сложным и драматичным. Однако, стоит отметить, что китайцы сознательно сохранили немецкую архитектуру в Циндао, а некоторые промышленные объекты, построенные немцами, продолжают работать и сегодня, что является своеобразным признанием успехов города в немецкий период его истории.

Таким образом, веер из коллекции Государственного Эрмитажа можно назвать ценным историческим источником, интересным примером декоративно-прикладного искусства Японии эпохи Мэйдзи, связей Германии и Китая в период бурных, поворотных событий мировой истории.

Ил. 1. Веер с изображением бухты Циндао.
Государственный Эрмитаж. Хранение Отдела Востока.
Инвентарный ЯР-345

Традиционные искусства Японии как отражение социально-политической обстановки в стране

Несмотря на то, что школы традиционных японских искусств в их современном понимании сформировались в Японии только в период Эдо (1603-1868), история профессионального обучения различным искусствам в Японии насчитывает много столетий. И можно сказать, что формы этого обучения, как и сами искусства, являлись ярким отражением не только социальных, но и политических процессов, происходящих в Японии на протяжении разных эпох.

Еще в эпоху Хэйан (794-1185) в среде аристократов бытовало обучение различным изящным искусствам. Однако нельзя говорить о создании какой-то централизованной системы обучения, так как занятия носили строго индивидуальный и даже эксклюзивный характер. Мастерское владение тем или иным искусством рассматривалось как привилегия, на основании умения сочинять стихи и прозу, писать картины и т.д. складывалось мнение и о человеке в целом. Естественно, знатоки искусств не стремились раскрывать свои секреты всем желающим, хорошо осознавая свои преимущества. Тем не менее, уже в это время существуют целые династии, например, профессиональных гадателей, когда определенные навыки и умения сохранялись внутри одного рода, таким образом, не становясь общественным достоянием. В дальнейшем таких династий становилось все больше, и можно сказать, что такая преемственность знаний в рамках одной семьи, передающаяся от главы рода его наследнику, стала одной из основных черт системы измото — основополагающей системы школ традиционных японских искусств.

В эпоху Камакура (1185-1333) политическая обстановка в стране резко изменилась. С установлением сёгуната Минамото ведущую роль в стране стали играть военные — буси. Несмотря на то, что формально столицей оставался

Киото, в котором находилась резиденция императора, ставка сёгуна была перенесена в восточную часть Японии в город Камакура. Таким образом была подчеркнута независимость военного правительства бакуфу от императорской столицы. Император продолжал выполнять свою роль первосвященника синто, исполнял религиозные функции и отправлял различные ритуалы, однако реальная власть в стране находилась в руках бакуфу, хоть формально сёгун по-прежнему назначался приказом императора. Были созданы первые своды законов, в которых на первое место ставились воины, а между сюзереном и вассалами установились прочные вертикальные связи.

Естественно, в эпоху больших перемен социальная структура общества тоже претерпела изменения, являясь отражением процессов, происходящих в политической жизни страны. В первую очередь, это заметно на примере японской семьи, которая именно в период Камакура приобрела такую структуру, которую мы называем "структурой традиционной японской семьи": четко выраженная иерархия, зависимость боковых ветвей семьи от основного рода, строгая линия наследования и т.д. Можно сказать, что подобная форма практически без изменений существует и сейчас, и все эти черты ярко проявляются на примере уже упомянутой системы измото, вплоть до обычая усыновления в случае отсутствия прямого наследника.

Нельзя не отметить и растущее влияние дзэн-буддизма, особенно популярного в среде воинов. Самураям импонировали такие черты этого учения как достаточный аскетизм, необходимость полагаться лишь на себя самого для преодоления трудностей и достижения цели, строгость и т.д. Естественно, что и многие искусства, практикуемые в среде воинов, развивались под влиянием дзэн. Речь идет не только об изящных искусствах, но и о боевых, которым обучались и для практического применения, и для укреп-

ления духа. Поэтому в период Камакура можно впервые говорить о возникновении школ, направленных не на индивидуальное, а на групповое обучение. Однако каждая из этих школ была очень закрытой, обучаться в ней могли только представители определенного рода, а все секреты мастерства были военной тайной.

Естественно, в таких школах упор делался не на достижение просветления (оно служило неким недостижимым идеалом). Акцент при обучении делался на постоянном повторении установленных упражнений и сосредоточении на самом процессе передачи мастерства и обучения, причем, как со стороны ученика, так и со стороны учителя. Подобное повторение упражнений, при котором раз за разом оттачивается мастерство, в дальнейшем было перенято и «мирными» искусствами, например, искусством чайной церемонии, где ученики повторяют за учителем разработанные упражнения — ката (型) — стремясь приблизиться к уровню преподавателя. В дальнейшем это привело к тому, что в традиционных японских искусствах основным содержанием творческой деятельности представляется передача опыта от мастера к ученику (ученикам), а не продукт этой деятельности, «произведение искусства» как таковое.

Таким образом, можно сказать, что социальные и политические изменения эпохи Камакура нашли свое непосредственное отражение в развитии традиционных японских искусств.

В эпоху Муромати (1336-1573), с одной стороны, продолжалось развитие боевых искусств, так как в период Сэнгоку (сражающихся провинций) от умения сражаться зависела жизнь, однако с другой стороны, произошел расцвет "мирных" искусств. При этом покровительство таким искусствам оказывалось на самом высшем уровне: влиятельные самураи оказывали материальную поддержку мастерам и коллекционировали предметы искусства,

большой честью считалось пригласить к себе выдающихся деятелей культуры. Сам Тоётоми Хидэёси (1536-1598) — правитель Японии — устраивал чайные церемонии, покровительствовал художникам и даже сам участвовал в представлениях театра Но. Конечно, это придало значительный стимул к развитию многих видов искусств. Некоторые исследователи объясняют это желанием самураев отдохнуть от постоянных сражений, обрести покой и умиротворение. Нужно отметить, что влияние дзэн-буддизма ничуть не ослабло, но наоборот, возросло. Иллюстрацией может послужить создание чайной церемонии в стиле ваби, когда на смену пышным интерьерам и роскошной утвари пришла простая керамика и скромные чайные домики.

При этом для эпохи Муромати характерны черты, которых не было в предшествующие периоды. Связаны они с влиянием внешней культуры на традиционную культуру Японии. Во-первых, это, конечно, появление европейцев в Японии. Помимо материальных новшеств, таких как огнестрельное оружие, географические карты и т.д., впервые попавших в Японию, нельзя недооценивать влияние Запада на духовную и научную жизнь страны. В первую очередь, это появление и распространение христианства в Японии, за которым последовало появление новых знаний и развитие наук. Несмотря на то, что христианство довольно быстро стало запрещенным учением в Японии, оно успело оставить значительный след в истории страны.

Вторым внешним стимулом к развитию различных японских искусств стали корейские походы Тоётоми Хидэёси. Как известно, они закончились поражением японского войска, однако вернувшиеся на родину самураи привезли с собой многих корейских мастеров: гончаров, каллиграфов, книгопечаталей. Таким образом, в традиционную культуру Японии были привнесены новые элементы, и до сих пор существуют династии — потомки этих корейских деятелей искусств.

Можно сказать, что к окончанию периода Муромати традиционные японские искусства приобрели тот вид, который они, в целом, имеют и сейчас, но при этом они еще не были доступны для большей части населения Японии, по-прежнему оставаясь дорогостоящим занятием, не рассчитанным на большое количество учеников. Однако база для дальнейшего развития и распространения среди широких масс населения была заложена уже в это время, что и подтвердилось в дальнейшем.

Влияние политических и социальных изменений любой эпохи на культуру неоспоримо, однако никогда прежде оно так ярко не проявляло себя, как в эпоху Эдо. Власти в эту эпоху стремились взять под контроль все слои населения, используя самые разнообразные средства.

В качестве официальной идеологии было избрано неоконфуцианство. Его особенностью является убежденность в незыблемости строгой вертикальной иерархии, как на семейном, так и на государственном уровне. При этом проводились параллели между семьей и государством, когда страна называлась большой семьей, а ее правитель — главой этой семьи.

Было издано большое количество законов и уложений, вплоть до бытовых мелочей регулирующих жизнь японцев: существовали даже запретные цвета одежды, а сами японцы были разделены на четыре сословия (военные, крестьяне, ремесленники и торговцы), среди которых воины были самыми привилегированными, а торговцы считались низшим слоем населения.

Благодаря системе "пятидворок" жители страны следили друг за другом, а со стороны государства надзор осуществлялся благодаря системе мэцукэ — полицейского сыска.

Однако в такой обстановке тотального контроля традиционные искусства Японии вышли на новый уровень развития, во многом благодаря подобному взрыву импульсу

так называемой городской культуры. Именно в это время происходит стремительный рост городов и резкое увеличение городского населения. Появилось много новых (либо произошла трансформация старых) искусств, отвечающих вкусам горожан: театры, новые жанры литературы, гравюры и многое другое. Все еще существовала традиция покровительства выдающимся мастерам искусства, благодаря которой многие виды искусств в то время процветали.

При этом многие горожане были достаточно зажиточными, и могли уже тратить свои сбережения не только на содержание своей семьи, но и на развлечения, которые раньше были доступны только высшим слоям населения. Многим хотелось заниматься икэбана, чайной церемонией, каллиграфией. Власти умело воспользовались таким желанием большого количества желающих изучать искусства, оказав поддержку созданию школ традиционных искусств, во главе которых стали иэмото — руководители этих школ. При этом школы, помимо своей функции обучения желающих, выполняли еще и функцию контроля над своими учениками, а иэмото нес личную ответственность перед властями.

Таким образом, можно сказать, что школы традиционных японских искусств, какими мы привыкли их видеть, сформировались, в том числе, благодаря поддержке властей как часть проводимой в то время внутренней политики, а традиционные японские искусства, стали широко распространены в обществе, благодаря все увеличивающемуся количеству не только учеников школ, но и учителей, получивших лицензии от иэмото и готовых продолжать преподавание.

Глобальные перемены японского общества в эпоху Мэйдзи (1868-1912) не могли не затронуть сферу культуры, однако подробнее о влиянии политических и социальных процессов Японии на школы традиционных искусств рассказывается в публикации "Японские традиционные

искусства и действия иэмото в период Мэйдзи (1868–1912)¹, поэтому сейчас ограничимся лишь кратким напоминанием, что в первой половине периода Мэйдзи, когда Япония стремительными темпами перенимала западный опыт, японские традиционные искусства переживали непростые времена, и иэмото приходилось буквально бороться за выживание своих школ. Однако во второй половине этого периода, когда в Японии уже полным ходом шли процессы модернизации, и помощь Запада уже не была столь необходимой, произошло возвращение интереса к национальной культуре, и роль, которую занимали искусства, возглавляемые иэмото, в обществе, снова стала значительной.

После побед, одержанных в японо-китайской и русско-японской войнах, Япония встала на путь национализма и милитаризма, и традиционные искусства в такой обстановке выступали инструментами правительственной идеологии, подчеркивая уникальность Японии. Некоторые из них были введены в школьное расписание в качестве обязательных предметов. Государство оказывало поддержку крупнейшим школам, а их главы постепенно начали становиться знаменитостями. Во многом этому способствовало развитие газет, радио и телевидения.

Значение традиционных искусств в Японии трудно переоценить: неслучайно уже после Второй мировой войны во время американской оккупации Японии все боевые искусства были запрещены, равно как и многие театральные пьесы, касающиеся воинской доблести и славы самураев. Однако впоследствии такие ограничения были отменены, и сейчас количество занимающихся различными видами японских искусств неизменно растет.

---

¹ Борисова А.А. Японские традиционные искусства и действия иэмото в период Мэйдзи (1868–1912) // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. №2. СПб: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 102-107.

Основной особенностью развития школ традиционных японских искусств во 2-й пол. XX в. можно назвать их выход на международную арену. Развитие технологий СМИ, международных экономических связей и т.д. привлекло внимание к аутентичной культуре Страны восходящего солнца, а благодаря Олимпийским играм 1964 г. многие иностранцы смогли побывать в Японии и познакомиться с этой страной.

Думается, что в настоящее время интерес к японской культуре не снижается. Естественно, на них оказывают влияние мировые процессы, например, глобализация. Во многих странах открываются филиалы крупных школ традиционных искусств, а преподавателями становятся уже и иностранцы. Главы школ посещают различные международные мероприятия, и каждый раз любое их выступление становится важным событием. Можно отметить поворот развития школ в сторону открытости и некоторой либерализации, однако правила проведения обучения, отношения между учителем и учениками, подчинение иэмото и сохранение традиции, как и передача титула главы школы по наследству, остаются неизменными.

Таким образом, можно сказать, что традиционные японские искусства на протяжении всей истории Японии являлись ярким отражением исторических процессов в политической и социальной жизни общества, реагируя на изменения и подстраиваясь под них, что позволило не только сохранить традиционную культуру Японии, но и привлечь к ней внимание последователей со всего мира.

Формирование категории «красота» в эпоху Мэйдзи. Архаические и новаторские представления

Интеллектуалы эпохи Мэйдзи (1868-1912) столкнулись с необходимостью осмысления и перевода важных понятий европейской культуры, отсутствующих в японских словарях. Формирование понятия «искусство»¹ (*бидзюцу* 美術) в западном смысле этого слова происходило в эпоху Мэйдзи, когда само понятие «красота» 美 (*би*) подверглось в японском контексте интерпретации, как в традиционном, так и в современном смысле. Писатель и литературный критик Кобаяси Хидэо (1902-1983) писал в 1942 г., что до периода Мэйдзи японцы остро ощущали красоту цветов вишни, но у них не было универсальной концепции красоты. Об отсутствии универсального понятия «красота», о распадении его в японской традиции на отдельные представления: 哀れ *аварэ*, 雅 *мияби*, 幽玄 *югэн*, 侘び *ваби*, 寂び *саби*, 風流 *фүрю*, 意気 *ики*, 渋み *субуми* писали многие европейские и японские авторы, например, Стив Один².

Еще в XVIII в., когда в Японии пришлось создавать первые словари, например, нидерландско-японский словарь «Харума Вагэ» (*ハルマ和解*, японское издание нидерландского словаря Doeff-Halma Dictionary, 1796), ученый голландской науки *рангакуся* 蘭学者 Инамура Санпаку (1758-1811) выбрал для перевода голландского слова «красота» «*schoonheid*» слово *бирэй* 美麗. Иероглифы 美 и

¹ О формировании понятия «японское искусство» см. книгу: О.И.Макарова. Искусство Японии на рубеже XIX-XX веков: взгляды и концепция Окакура Какудзо. М.: изд-во РГГУ, 2005.

² “Those who have discussed the aesthetic attitude have confined their observations to a specific artist or thinker. They have failed to recognize it as a recurrent motif running throughout the Japanese tradition.” (p. 103). In: Steve Odin, *Artistic Detachment in Japan and the West: Psychic Distance in Contemporary Aesthetics*. Honolulu: Honolulu University Press. 2011. P. 332.

麗 в японской литературной традиции ассоциировались с чем-то прекрасным, привлекательным, хорошим. Иероглиф 美しい (красивый, прекрасный) впервые появляется еще в первых двух строчках заглавного стихотворения антологии VIII в. «Собрание мириад листьев» (*Манъёсю*):

Ах, с корзинкой, корзинкой прелестной в руке,
И с лопаткой, лопаткой прелестной в руке,
О, дитя, что на этом холме собирает траву,
Имя мне назови, дом узнать твой хочу.³

(Перевод А.Е.Глускиной)

В X в. поэт Ки-но Ёсимоти (ум. 919) использовал слово 美 *би* в китайском предисловии к «Собранию старых и новых песен Японии» (*Кокинвакасё*, X в.) в сочетании «прекрасные пейзажи» 美景 (*бикэй*). Прилагательное 美しい в эпоху Хэйан (IX-XII в.) ассоциировалось с прекрасными объектами природы. Использовалось также существительное *уцукусиса* (美しさ). В «Записках у изголовья» (*Макура-но сōси*, X в.) писательница Сэй Сёнагон приводит широко известный список «прекрасных вещей» 物 (*уцукусики моно*). В историческом повествовании «Великое зеркало» (*Оокагами*, 1119) слово 美しき употребляется в том же контексте, описывается впечатление, производимое прекрасным объектом вкупе с «красивым» стихотворением: «Хоть я и обошел всю столицу, но ничего не нашел, и только в одной усадьбе где-то на западе столицы обнаружил прекрасное дерево, усыпанное цветами. Принялся выкапывать его, а тамошний управляющий передал мне послание, которое попросил привязать к сему дереву. Я подумал, что это, верно, неспроста, и отнес его во дворец. Государь изволили

³ Манъёсю. Собрание мириад листьев. Т.1. М.: Главная редакция восточной литературы, 1971, с. 67.

взглянуть и спросил: «Что это?». Женской рукой там было написано:

Приняла с благоговением
Государеву волю,
Ну а спросит меня соловей,
Куда его дом подевался,
Что промолвлю в ответ?

Когда государь прочитал эти строки, они показались ему удивительными, и он повелел разузнать, чей это дом. Оказалось, что живет там дочь мастера Цураюки. Государю стало стыдно, и он выразил сожаление»⁴.

Для голландского слова «прекрасный» «schon» Ивамуре Санпаку выбрал иероглиф ёси 好 シ как обозначающий что-то приятное для взгляда, ёси (ёки)–многозначный термин, означает хороший в противоположность плохому, ценный, счастливый.

Составляя «Словарь трех языков» (三語便覧 Санго бэнран, 1854), ученый французской науки Мураками Хидэтоси (1811-1890) перевел слово “beauté” иероглифом 美. Американский японист М.Ф.Марра считает, что это первое употребление иероглифа би для обозначения понятия «красота» в эпоху Мэйдзи⁵. Сочетание бирэй Мураками применяет для перевода французского слова «gentil» (изящный, деликатный) и читает его как 綺麗になる (きれいになる). По сведениям Марра, первый в Японии философский словарь «Глоссарий философии» (Тэцугаку дзиши, 1883) под редакцией Инода Тэцугава и Арита Нагао регистрирует два слова для перевода понятия «прекрасный»: 華美 каби «цветущая красота, красота расцвета», 富麗 фурэй «щедрая красота». В ранние годы

⁴ Оокагами. Великое зеркало. Пер. с яп. яз, исследование и коммент Е.М.Дьяконовой. СПб.: Гиперион, 2000. С. 171.

⁵ Marra M.F. The Creation of the Vocabulary of Aesthetics in Meiji Japan. In: Essays on Japan. Between Aesthetics and Literature. Leiden, Boston: Brill, 2010. P. 27.

эпохи Мэйдзи определение красоты было текучим и многозначным, специалисты называют такие термины: 奇麗ナル事 *кирэй нару кото* «быть странно прекрасным», 光沢 *кōтаку* «блестящий», 微妙 *бимэ* «очарование», 秀麗 *сюрэй* «исключительная, превосходная красота», 佳麗 *карэй* «хорошая, правильная красота» (фактически это тавтология *ка* – красивый, прекрасный, хороший, *рэй* – прекрасный). 美麗 *бирэй* – это самое употребительное слово для обозначения красоты в ранние годы эпохи Мэйдзи (70-е гг. и начало 80-х гг.), считает крупнейший специалист по переводу терминов, исследователь в области теории перевода Янабу Акира. Позже примерно в середине 80-х гг. оно было заменено на слово 美 *би*, которое стало стандартным переводом для понятия «красота». Так писатель-реформатор Цубоути Сёё (1853-1935) в 1886 г. написал несколько статей под общим названием «Что есть красота?» 「美とは何ぞや」.

Ведущий японский ученый Янабу Акира⁶ говорит о 6 концепциях красоты, существовавших до эпохи Мэйдзи в классическую пору развития традиции: 1, 2. концепции 花 *хана* «цветок» и 幽玄 *югэн* «скрытая красота» Дзэами (1363?-1443?); 3. концепция 侘 *ваби* – «простота», «опрошение», «бедность» мастера чайной церемонии Рикю (1522-1591); 4, 5. 風雅 *фūга* «изящество», 寂 *саби* «печаль одиночества», «безыскусность» поэта хайку Мацуо Басё (1644-1694). 6. 物の哀れ *моно-но аварэ* («очарование вещей») конец эпохи Хэйан, сформулировано деятелем Школы национальной науки Мотоори Норинага (1730-1801). Эпоха Мэйдзи призвала к жизни новое, более универсальное понимание красоты в европейском смысле, воплотившееся в категории *би*, близкое к французскому «*beauté*», английскому «*beauty*» и голландскому

⁶ Янабу Акира. Хонъякуго сэйрицу дзидзё [Принципы формирования языка перевода]. Токио: Иванами сётэн. 1982. Р. 17.

«schoonheid». Именно это новое понимание красоты и некоторые производные от него (например, новое для японцев понятие «идеал» 理想 (*рисō*), почерпнутое из философии Платона, и производное — «идеальная красота» 理想てきな美 *рисōтэкина би* и проч.) сыграли неожиданную роль в трансформации традиционных жанров японской поэзии *танка* и *хайку* в эпоху Мэйдзи.

Категория красоты *би* 美 в понимании Масаока Сики — это сложное, неоднородное понятие, не имеющее аналога в западной культуре. Масаока Сики (1867-1902) поэт, прозаик, критик, литературовед, поэтолог, создатель оригинальной теории жанра *хайку*, основатель литературной школы, крупнейший знаток традиционной поэзии, но и инициатор нового отношения к литературе. В трактатах о поэзии: "Беседы старца Дассайсё о *хайку*" (獺祭書屋俳話 *Дассайсёоку хайва*, 1893), "Основы *хайку*" (俳句大要 *Хайку тайё*, 1895), "Вопросы и ответы на темы *хайку*" (俳句問答 *Хайку мондо*;, 1896), "Поэт Бусон" (俳人蕪村 *Хайдзин Бусон*, 1897), "Слово о *хайку*" "Старый пруд" (古池の句の便 *Фуруикэ-но ку-но бэн*, 1898), "Беседы о *хайку* на ложе болезни" (病床俳和 *Бёсё хайва*, 1901), чтобы анализировать природу *би*, он на разных уровнях расчленяет его на бинарные оппозиции, используя новую западную терминологию, которая выглядит для него инструментом оживления традиции, ухода от повторений, от того духа *цукинами* 月並み («повторения одного того же из месяца в месяц»), которого он хотел избежать. Так, красота для него может быть "позитивной" 積極てきな (*сэккёутэки*) и "негативной" 消極的な (*сёккёутэки*). Позитивная красота - в тех произведениях искусства, "замысел которых величественный 壮大 (*сōдай*), блестяще-прекрасный 艷麗 (*энрэй*). *Энрэй* понимается Масаока Сики как «внешняя красота», (в противоположность 幽玄 *юэн* — «теневого» или «сокровенной красоте»), она же — «живая» 活発 (*каппацу*), «оригинальная» 奇形 (*кикэй*)".

Негативная красота — это красота произведений искусства, "замысел которых древне-изящный 古雅 (*ко:га*), содержит сокровенную красоту 幽玄 (*югэн*), печаль одиночества 寂 *び* (*саби*), покой 沈静 (*тинсэй*), легкость 軽み (*каруми*), хрупкость 細み (*хосоми*)" ⁷.

Сам Масаока Сики отдает предпочтение первой группе категорий, полагая, что развитие *хайку* пойдет в сторону большей объективности, от природной красоты к человеческой, будет развиваться "сложная красота", построенная на необычных образах. Как теоретик он тяготел к позитивной, яркой, живой, полной движения и силы красоте, "очевидной" 艶麗なる美 (*энрэйнару би*), в его терминологии, как красив хвост павлина, пышный цветок пиона, и считал, что будущее за ней. Как поэт он, оставаясь в плену традиции, ценил более негативную красоту, блеклые краски, глухие звуки, вещи "печального ареала", осень, зиму...

Заметим, что многие определения Масаока Сики взяты из традиционных поэтик, например, "изящный" и "простонародный" — по-японски 雅 *га* и 俗 *дзоку* означало в древности и раннем средневековье то, что относилось к императорскому дворцу (*га*) и все, что находилось вне его (*дзоку*), позже эта оппозиция получила другие значения, например, «высокое» и «вульгарное». Кроме таких определений замысла стихотворения Масаока Сики полагает, что замысел может быть субъективным и объективным, причем под субъективностью он понимает описание души, сердца, сокровенных мыслей (*こころ* *кокоро*), а под объективностью воспроизведение в мысленных образах объективных предметов "так, как они есть" *そのまま* (*соно мама*). Замысел может быть "природным", "изначальным"

⁷ Масаока Сики сю. (Собрание соч. Масаока Сики) // Гэндай нихон бунгаку дзэнсю (Полное собрание произведений современной японской литературы). т.11. Токио: Кадокава бунко, 1928. С. 495.

天地的な意匠 (тэнтитэкина исё) и "созданный человеком" 人事てきな意匠 (дзиндзитэкина исё); в первом сосредоточены явления и картины природы, небо, земля, в последнем — воплощено все человеческое: дела, чувства, воспоминания. Оба типа замысла имеют существенные различия, но для художника равноценны. Многослойное, многоплановое понятие *би* содержит два противостоящих друг другу полюса, вокруг которых группируются различные категории жанра. Причем эти категории находятся в состоянии постоянного взаимовлияния, взаимопроникновения, так что не следует однозначно воспринимать противопоставление двух групп категорий. Сложная внутренняя структура понятия *би* легко поддается членению на разных уровнях восприятия. И это членение, содержащее пару понятий («природное и человеческое», «простое и сложное»), не только разъясняет природу понятия *би*, но и отражает различные направления развития поэзии *хайку*.

Основные тенденции цветовой культуры эпохи Мэйдзи

Революция Мэйдзи 1868 г., положившая конец более чем 250-летнему правлению клана Токугава в Японии, коренным образом изменила не только политический строй страны, её законодательную, административную, экономическую системы, но и вызвала переворот в сфере культуры и искусства, также как и в повседневной жизни людей. Разумеется, подобные изменения не могли не затронуть и цветовую культуру страны.

Одной из самых важных реформ, которые оказали влияние на цветовую ситуацию, стала отмена многочисленных указов о запрете на роскошь, изданных в эпоху Токугава, одним из пунктов которых было табу на ношение “благородных” цветов неблагородными сословиями, – таким образом, формально цвет перестал ассоциироваться с определённым социальным классом, как то было ранее. Случилось так, что примерно в это же время на Западе были получены синтетические красители на основе анилина. По сравнению с органическими красителями они обладали значительными преимуществами – стоимость их была относительно низкой, а получаемые с их помощью оттенки были более яркими и насыщенными. Очень скоро после открытия эти технологии были завезены и в Японию¹. В частности, уже в 1859 г. в Киото одна иностранная компания открыла красильню, где стали применять красновато-фиолетовый мовеин – первый из полученных синтетических красителей, а в 1862 г. подобные технологии начал вводить на своём предприятии японский красильщик Идзуцуя Тадаскэ. Однако, несмотря на всё возрастающую доступность искусственных красителей и отмену запретительных актов, потребовалось немало времени для того, чтобы такие цвета,

---

¹ Нагата Ясухиро. Иро-но тэтэ – иромихон то бункэнрэй-дэ цудзуру сикимэй гайдо. Токио: Сёгакукан, 2002. С. 18.

как *пурпурный* и *алый*, получили распространение среди простых обывателей².

В одном из журналов начала эпохи Мэйдзи часто можно встретить упоминания следующих модных цветов женской одежды: *виноградно-серый*「*будō нэдзуми* 葡萄鼠」, *сине-сливовый*「*ханада умэиро* はなだ梅色」, *бледно-пурпурный*「*фудзииро* 藤色」. Все три цвета входят в фиолетово-лиловую гамму, тем не менее, первые два из них представляют собой сероватый и тускло-синий оттенки соответственно, оставшиеся в наследство от времён Токугава. Лишь ближе к концу Мэйдзи *пурпурный* в его более насыщенных оттенках окончательно укрепитесь в одежде, быте и сознании японцев. Так, в одном из номеров “Токийского экономического журнала” от 1904 г. в рейтинге модных тенденций того времени *пурпурный* цвет безоговорочно занял первую позицию. Среди других цветов, снискавших в то время большую популярность, особо следует выделить пришедший с Запада *оливковый* цвет「*орйбуиро* オリーブ色」. Этот цвет не был совершенно новым, по оттенку он был близок существовавшему издревле *зелёно-коричневому* цвету「*угуисиуро* 鶯色」, но всё же они не были идентичны. Следует отметить, что популярным он стал не сразу: когда кимоно *оливкового* цвета впервые выпустили в продажу в Токио, особого резонанса это не вызвало. Однако в регионе Кансай – там всё новое всегда воспринимались быстрее и охотнее, – он сразу же стал самой модной тенденцией в женском гардеробе. Лишь после этого его популярность распространилась на всю страну и, в частности, захватила и Токио – существуют свидетельства, что в некоторых магазинах одежда этого цвета занимала больше половины всего ассортимента.

² Parmal P. The Impact of Synthetic Dyes on the Luxury Textiles of Meiji Japan // Textile Society of America Symposium Proceedings. University of Nebraska, 2004. Pp. 399-400.

В эпоху Мэйдзи были переосмыслены некоторые из давно известных японской нации цветов. Так, происходит выделение как самостоятельного *оранжевого* цвета 「*орэндзиширо* オレンジ色、*дайдайширо* 橙色」. Если обратиться к источникам предшествующих лет, то в своём труде по ботанике “Сёкутаку кэйгэн” 「植学啓原」, увидевшем свет в 1833 г., учёный-голландовед Удагава Ёан ещё описывает его как *померанцево-жёлтый* 「*дайдайки* 橙黄」, а Аоти Ринсо, также изучавший голландские науки, в книге “Кикай канран” 「気海観瀾」 упоминает о нём как о *тёмно-жёлтом* 「*фукаки* 深黄」. Таким образом, в конце эпохи Эдо его ещё рассматривали как оттенок *жёлтого*, и выделение *оранжевого* как самостоятельного цвета происходит лишь в эпоху Мэйдзи. И это лишь один из примеров того, как постепенно расширилось цветовое сознание японцев³.

В первые годы эры Мэйдзи также была установлена единая форма одежды для различных социально-профессиональных групп. В конце 1880-х г. по западной традиции в *белое* облачились медсёстры и другие работники официальных медицинских учреждений. Фабричные рабочие надели спецодежду *тускло-голубого* цвета уже с конца 1870-х гг. Единая школьная форма впервые была введена в 1872 г. в Осацкой школе английского языка и представляла собой сшитый из шерстяной материи *светло-коричневой* гаммы костюм западного образца. Разумеется, такая форма была скорее исключением, чем правилом, и в обычных школах, где преподавание велось на японском языке, на учениках чаще всего можно было увидеть традиционные брюки хакама *тёмно-синего* цвета. Отметим, что вышесказанное касалось лишь мальчиков, однако та эпоха также стала свидетелем зарождения нового для

³ Коматия Асао. Сикисай-но хаккэн. Токио: Нихон хōсō сюппан кёкай, 1992. С. 45.

Японии социального явления – женских школ, и, следовательно, появления девочек-школьниц. Для них цвета форменной одежды стали своеобразным знаком отличия и символом самоутверждения. Первым из таких цветов стал *пурпурный* «*мурасаки* 紫» – впервые хакама такого цвета была введены в Женской школе Атоми «*跡見女学校*» в конце 1870-х гг., и впоследствии этому примеру последовал ряд других школ. Ещё больший резонанс вызвало введение в 1889 г. в Школе для девочек-аристократок «*華族女学校*» хакама *тёмно-красного* цвета «*эбитяиро* 海老茶色». Этот яркий, получаемый при помощи синтетических красителей цвет сразу же бросался в глаза, выделялся на фоне всё ещё преобладающей блеклости костюма большинства городских обывателей, что поначалу было очень непривычно и потому вызвало бурную критику. Однако со временем всё большее число женских школ заимствовало эту практику, и в простонародье девочек-учениц даже стали называть Эбитя-сикибу, что представляет собой игру слов и отсылает к японской поэтессе и писательнице эпохи Хэйан Мурасаки-сикибу.

Возник вопрос и о введении новой военной формы – особенно остро необходимость таких изменений была осознана во время Сацумского восстания 1877 г. Вопреки надеждам правительства на то, что начавшееся в конце января восстание быстро сойдёт на нет, боевые действия неожиданно затянулись, и с наступлением лета правительственные войска, согласно регламенту, переоделись в летнюю форму *белого* цвета. Это обернулось для них большой неудачей, так как одежда белого цвета была очень заметна и делала солдат удобной мишенью для противника, вооружённого огнестрельным оружием. Однако каких-либо существенных изменений в этой сфере не произошло вплоть до начала Русско-японской войны. Тогда вышел официальный правительственный указ, в котором говорилось о непрактичности и “неэстетичности” *белого* цвета в условиях войны, и цветом формы командующего состава

устанавливался *глубокий тёмно-синий* «*катиуро* 褐色», а рядовых солдат – защитный *буро-коричневый* «*тякассёку* 茶褐色». На волне успехов японской армии и среди гражданского населения эти цвета стали завоёвывать всё большую популярность. Так, после победы Японии в войне с Россией всю страну буквально заполонил *тёмно-синий* цвет, и даже его название стали записывать как «*катиуро* 勝色» – “цвет победы” (по созвучию японских иероглифов «*褐*» – “тёмно-синий” и «*勝*» – “победа”). То же самое можно сказать и о «*тякассёку* 茶褐色» – в 1907 г. одним из самых модных предметов гардероба стала *коричнево-бурая* накидка в военном стиле⁴. В произведениях писателей эпохи Мэйдзи также можно встретить многочисленные упоминания новых цветообозначений, связанных с культурными реалиями той эпохи, как то:

- *Янтарный* «*кохакуиро* 琥珀色» – в Японии янтарь издавна считался благородным камнем и служил для изготовления декоративных украшений, однако первые упоминания о “янтарном цвете” встречаются лишь ближе к концу эпохи Мэйдзи⁵.

«Из небольшого керамического чайничка [он] медленно, по две-три капли наливал на дно чашки жидкость *янтарного* цвета, отливающую зеленоватым оттенком» (Нацумэ Сосэки “Трава у изголовья”, 1906)⁶.

- *Льняной* «*амаиро* 亜麻色» – в Японию льняная культура была завезена из Европы в годы Гэнроку (1688-1704), однако впервые в производственных

⁴ Коматия Асао. Сикисай-но хаккэн. Токио: Нихон хосо: сюппан кёкай, 1992. С. 76-81.

⁵ Цукада Исаму. Сикисай-но бигаку. Токио: Кинокуния сётэн, 1978. С.143.

⁶ 「朱泥の急須から、緑を含む琥珀色の玉液を、二三滴づつ茶碗の底へしたたらす」 草枕 (1906) 〈夏目漱石〉

масштабах лён стали выращивать в первые годы Мэйдзи с началом активного освоения Хоккайдо. Именно тогда в языке и закрепилось это наименование, хотя вначале его в основном можно было встретить лишь в художественных переводах зарубежной литературы, где льняной чаще всего употреблялся как эпитет к цвету волос⁷.

«Высокий мужчина во цвете лет, с *льняным* вихром на голове и мутно-сладкими глазами» (И.С. Тургенев “Три встречи”, перевод на японский выполнен Фтабатэй Симэй, 1888-1889)⁸.

- Цвет *нэгиси* 「*нэгиси 根岸*」 представляет собой блеклый оттенок болотного цвета, и он берёт своё название от квартала Нэгиси района Тайто города Токио, где начали производить высококачественную краску для стен этого цвета – отсюда и пошло его второе, шутовое название – *цвет свежеокрашенной стены* 「*намакабэиро 生壁色*」.

«О-Танэ [облачилась в] одеяние из узорчатого крепа *цвета свежеокрашенной стены*, украшенное фамильным гербом» (Одзаки Коё “Много чувств, много горя”, 1896)⁹.

Однако не вызывает удивления и то, что в литературных произведениях того времени всё ещё часты упоминания и традиционных цветов с поэтическими названиями. Так, писатель Танидзаки Дзюньитиро, истинный ценитель японской красоты, обладавший тонким чувством прекрас-

⁷ Нагата Ясухино. Иро-но тэтё – иромихон то бункэнрэй-дэ цудзуру сикимэй гайдо. Токио: Сёгакукан, 2002. С. 54.

⁸ 「鶏冠めかして亜麻色の前髪をたてた、快い曇眼の、背の高い、壮年の男」 – めぐりあひ (1888-1889) 〈二葉亭四迷訳〉

⁹ 「お種は生壁色の小紋縮緬の紋服に」 – 多情多恨 (1896) 〈尾崎紅葉〉

ного, в короткой повести “Тайна” (1911) надевает на свою героиню “манто *небесно-голубого* 「*сораиро* 空色」 *цвета*”. Известный поэт и литературный критик Исикава Такубоку пишет эссе “Похороны”, и в одном из его эпизодов упоминает “девушку лет восемнадцати”, которая обычно носит “незамысловатые европейские платица *цвета утренней зари* 「*акэбоноиро* 曙色」 или *бледно-зелёного цвета* 「*асамидори* 浅緑””. В поэзии годов Мэйдзи были особенно сильны позиции *пурпурного* 「*мурасаки* 紫」 и *алых* оттенков *красного* 「*курэнэй* 紅」. Нагляднее всего это проявляется у трёх поэтов-модернистов – Масаока Сики, Ёсано Тэкан и Ёсано Акико, в чьём творчестве в плане цветоупотреблений и их толкований можно проследить чёткие параллели с классической поэзией эпохи Хэйан.

В сборнике Масаока Сики “Песни бамбукового селения” (1904) есть следующее пятистишие:

Как он похож
На цветущую девушку,
Этот алый 「紅」 пион –
В чьей тени так сладко
Мне дремлетя...

Оно посвящено цветам у изголовья больного Сики, он написал это стихотворение незадолго до своей кончины. Главная ось этой танка проходит между больным поэтом и цветущим, полным жизни цветком. Однако увядание вскоре ждёт и его – ведь век его ещё короче, чем век человеческий. Такую трактовку *алого* как чего-то прекрасного, но недолговечного можно считать прямой отсылкой к хэйанской литературной традиции.

В поэтическом творчестве супругов Ёсано *алые* и *пурпурные* оттенки встречаются несравнимо чаще, чем у других поэтов той эпохи. Так, в сборнике Ёсано Тэкан “Пурпур” содержится 26 случаев употребления подобных

слов, а в сборнике “Спутанные волосы”, принадлежащим перу его жены, количество их употреблений доходит до 47. Здесь они несут особую семантическую нагрузку – выступают как символ искренней и страстной любви, в которой нет места поддельным чувствам.

Этот цветок!

С улыбкой тихой на устах

Передай его подруге,

Тем дай ей знать,

Что она – тот самый цветок “мурасаки” 「紫」!

(Ёсано Тэкан, сборник “Пурпур”)

Опять же этот приём был позаимствован у поэтов Средневековья (например, они часто вводили в ткань своих стихотворений эпитет “*пурпурные* рукава”, что в переносном смысле означало “рукава, скрывающие страстную любовь”), так что подобная трактовка стихотворений супругов Ёсано отнюдь не является чем-то новым¹⁰.

Таким образом, главными достижениями в сфере цветовой культуры эпохи Мэйдзи можно считать отмену вышеупомянутых “запретительных” указов на роскошь, а также внедрение в красильную промышленность синтетических красителей, благодаря которым стало возможным получать более яркие оттенки, чем при помощи органических веществ. В тот период появляется большое количество новых оттенков, одновременно идёт процесс переосмысления некоторых из давно известных японцам цветов, что, в свою очередь, находит отражение как культурный феномен в произведениях художественной литературы тех лет.

---

¹⁰ Сулейменова А. М. Цветообозначение пурпур (мурасаки) в японской поэзии нового времени // Вестник ТГПУ, № 9 (87). Томск: изд-во Томского педагогического университета, 2009. С. 172-175.

Музыкальный мир эпохи Мэйдзи. Модернизация в звуках

Эпоха модернизации Японии, именуемая периодом Мэйдзи (1868-1912), последовавшая после более чем двухвековой изоляции страны от окружающего мира и положившая начало интенсивному развитию современного японского государства, может рассматриваться как масштабный исторический эксперимент, сопровождавшийся комплексом политических, военных, индустриальных, агрономических мероприятий, опиравшихся на точный стратегический расчет и оригинальные тактические решения.

Японский эксперимент, как и любой другой, был достаточно болезненным: направленные на обновление общества шаги, предпринимаемые правительством, сталкивались с объективными трудностями различного свойства, а также с инерцией сознания и властью традиций. Противостояние старого и нового, революционного и традиционного, «западного» и «почвенного» (то есть национального, исконно японского) было особенно ощутимым в области культуры и искусства, в частности, в области музыки. Западная музыкальная культура, проникая в меняющееся общество, была необычна, незнакома, порой даже неприятна слуху, но вместе с тем отражала веяния нового времени и сама по себе, как считали приверженцы западного искусства, несла энергию обновления.

Западная музыка, однако, на начальном этапе модернизации рассматривалась не как абсолютная ценность, способная полностью заместить бытовавший в то время многоуровневый комплекс традиционной музыки, но как совокупность знаний и навыков, имевших прежде всего практическое назначение. Западная музыкальная модель на данном этапе как независимая форма искусства не осознавалась. Действия властей, в результате которых

начала заимствоваться музыка Запада, имели четкую прагматическую мотивацию, исходящую не из эстетических или художественных критериев, а из приоритетных направлений государственной политики. По образному выражению Ури Эпштейна, *«западная музыка, по сути, вошла в Японию через черный ход, — подобный тому, что в богатых домах предназначен для прислуги, в то время как хозяева и их высокопоставленные гости пользуются парадным подъездом»*¹.

Мы выделяем три направления реформистской деятельности японского государства, сопровождавшиеся заимствованием западной музыкальной культуры: (1) преобразование армии и флота по западному образцу; (2) реформа дошкольного, начального, среднего, высшего образования; (3) разрешение христианской проповеди. В результате реализации этих государственных проектов осуществлялись заимствование и ассимиляция западной музыки в стремительно меняющемся японском обществе, порождая как противоречивые тенденции, так и интересные примеры коллаборации японской и западных музыкальных культур. Об этих примерах и о некоторых ярких музыкальных явлениях, бытовавших в Японии в эпоху Мэйдзи, пойдет речь в настоящей статье.

Сразу отметим, что ценнейшим источником звукового облика японской музыкальной культуры периода модернизации является коллекция граммофонных записей, сделанная Фредериком Гайсбергом, звукоинженером американской граммофонной компании «The Gramophone Company» в Токио в 1903 г.² Помимо большого количества записей традиционной музыки (придворного оркестра *гагаку*, ансамблей традиционных инструментов – цитры

---

¹ Eppstein, Ury. The Beginnings of Western Music in Meiji Era Japan. Studies in the History and Interpretation of Music // Edwin Mellen Press, 1994. P. 5.

² Коллекция была переиздана на 11 компакт-дисках в 2003 г.

кото, лютни *сямисэн*, флейты *сякухати*, монологов и диалогов театров Но и *кёгэн*, пьес *нагаута* театра *кабуки*, устных сказов *ракуго* и т.д.), Гайсберг записал также несколько образцов музыки нового типа. Среди них особый интерес представляет так называемая *суйсогаку* – музыка духовых военных оркестров.

Военная музыка началась в Японии с небольшого оркестра барабанов и флейт голландского образца, созданного одним из крупнейших знатоков военного дела Такасима Сюхан (1798-1866), который еще летом 1841 г. провел первые в истории японской армии показательные строевые учения на плацу Токумаругахара в Эдо. В состав оркестра вошли трубы и барабаны, а также японская бамбуковая флейта *синобуэ*, заменившая европейскую флейту-траверс. Поскольку Такасима считал маршевую музыку важной частью обучения военному делу, по его инициативе в пехотных войсках стали создаваться оркестры *котэкитай* («оркестр из барабанов и флейт») или *котай* («оркестр из барабанов»). Основная роль таких оркестров заключалась в подаче звуковых сигналов во время строевой подготовки. Такие оркестры явились начальным этапом усвоения европейской музыки в военной сфере.

Событием, за которым последовало широкомасштабное заимствование военной музыки, принято считать визит в Японию в 1853 г. американского коммодора Мэттью Колбрайта Перри (1794-1858), который положил конец многолетней изоляции страны и одновременно продемонстрировал новый для Японии вид музыкального искусства – военный духовой оркестр. С началом непосредственных контактов с представителями иностранных государств, заключением торговых соглашений с Америкой, Россией, Голландией, Францией, Англией и, как следствие, с началом регулярных визитов западных посольств и делегаций, в 1850-1860-х гг., согласно девизу *фукоку кёхэй* («Богатая страна – сильная армия»), началась реорганизация

японской армии и военно-морского флота по западным образцам. В 1869 г. в Йокогаме был создан духовой оркестр из 30 молодых самураев клана Симадзу под руководством английского капельмейстера Джона Уильяма Фентона (1828-1890?). Уже в 1870 г. оркестр, получивший название *кайхэйтай*, начал публичные выступления и стал широко известен как музыкальный коллектив нового типа. Его преемником явился созданный в мае 1871 г. Японский оркестр ВМФ; уже с августа 1871 г. коллектив сопровождал своей музыкой военные парады и торжественные гражданские церемонии (например, пуск первой японской железнодорожной линии в 1872 г., открытие токийского театра Синтоми-дза в 1878 г. и др.), а также играл на концертах и балах в зале приемов Рокүмэйкан, построенном в 1883 г. Святитель Николай Японский в своих «Дневниках» за 1885 г. упоминает об участии духового оркестра в траурной церемонии прощания с российским посланником А.П.Давыдовым³.

В 1875 г., согласно предписанию Управления церемоний императорского двора, музыканты придворного оркестра *гагаку* также начали изучение западной музыки. В ноябре 1876 г. этот оркестр, названный *Кунайсё сикибусёку гагакубу кангэнгаку* («Оркестр духовых и струнных инструментов»), дал свой первый концерт в честь дня рождения императора Мэйдзи, во время которого были исполнены произведения в японском и в западном стиле.

Среди западных музыкантов, сыгравших важную роль в становлении в Японии военной оркестровой музыки, упомянем немецкого капельмейстера Франца Эккерта (1852-1916), работавшего в Японии в качестве преподава-

---

³ «Было погребение А.П.Давыдова, нашего посланника. Православная процессия соблюдена до поставления гроба в вагон... Со стороны японского правительства была оказана полная любезность; была вся официальная знать и много войск с музыкой» [Дневники Святого Николая Японского. В 5 т. СПб: Гиперион, 2004. Т. 2. С. 283].

теля с 1879 по 1899 гг., одного из создателей японского государственного гимна «Кими га ё». История создания гимна сама по себе необычайно интересна и изобилует неожиданными поворотами и парадоксальными фактами; начиная с 1870-х гг. мелодия гимна в разных интерпретациях, в том числе в исполнении духового оркестра, становится одним из музыкальных символов эпохи⁴.

К началу 1890-х гг. музыка военных духовых оркестров укоренилась как новый музыкальный жанр, а духовой оркестр как исполнительский коллектив нового типа нес на себе двоякую функцию – церемониальную и концертную. Публичные выступления духовых оркестров, – как, например, в столичном парке Хибия, – собирали значительную аудиторию и пользовались большой популярностью. Изображения медных духовых инструментов и музицирующих на них оркестрантов можно было встретить на гравюрах, книжных и журнальных иллюстрациях, в школьных учебниках и настольных играх.

Победы в китайско-японской (1894-1895 гг.) и русско-японской (1904-1905 гг.) войнах усилили в японцах чувство национального патриотизма, что привело к дальнейшему росту популярности музыки военных оркестров и к созданию новых жанров военной музыки. К ним можно отнести церемониальные песни *гирэйка*, лирико-драматические песни *гинзэй* и *сигин*, военные песни *гунка* и песни *раппа-буси* («песня трубы»). Так, в 1905 г. была очень популярна *гунка* «Гайсэн» («Возвращение с победой»):

Радуйтесь и ликуйте, сражение выиграно!

Многотысячный враг повержен.

Радуйтесь и ликуйте, сражение выиграно!

---

⁴ Подробнее об этом см.: Клобукова (Голубинская) Н.Ф. «Пусть во веки веков длится век...» Из истории создания государственного гимна Японии // Проблемы музыкальной науки, 2015, №2 (19). С. 60.

Пойте и радуйтесь.
Все враги нашей страны повержены,
И так будет всегда!
Поднят с гордостью флаг нашей страны
Мы возвращаемся домой,
Радуйтесь и ликуйте, сражение выиграно!
Пойте и ликуйте, сражение выиграно!⁵

Песни *рата-буси* могли исполняться как в инструментальном варианте, так и с текстами различного содержания, с преобладанием военной тематики: «Я обнял упавшего военного товарища и приподнял его, тихо позвал его по имени, тихо напел победную песню, и его глаза заволокли слезы»⁶.

Помимо военных песен *гунка*, в 1900-х гг. начал формироваться и обретать популярность жанр уличных песен *энка*⁷. Эти песни имели ярко выраженную политическую направленность и использовались уличными агитаторами и активистами Движения свободы и народных прав для того, чтобы обойти правительственный запрет публичных выступлений. Считается, что слово *энка* происходит от словосочетания *эндзэцу-но ута*, что означает «речевая песня». Среди популяризаторов *энка* в первую очередь следует упомянуть имя театрального актера Каваками Отодзиро (1864-1911). Каваками не был актером, закрепленным за конкретным театром *Но* или *кабуки*; пропагандист идей движения за права горожан *дзию минкэн ундо*, он создал свою независимую театральную труппу, в составе которой исполнял песни и скетчи на

⁵ Ута то ото дэ цудзуру Мэйдзи (Эпоха Мэйдзи в песнях и звуках) // Буклет аудио CD. Токио: King Record Co., Ltd, 2008. С. 15.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ В 1920-е гг. песни *энка* приобрели популярность как сентиментальные эстрадные баллады-миниатюры; политизированное начало из них ушло. В таком виде песни *энка* популярны в Японии по сей день.

злбодневные темы⁸. Его остроумные песенки получили название *отэкэпэ-ута*, из-за часто повторяющегося в них припева «*отэкэпэ, отэкэпэто, пэппоппо*». Особым успехом пользовались песни, описывающие современные нравы:

Я не знаю ничего о работе хозяина гостинцы,
Но у меня модная прическа-хвост.
Язык стал китаизированный,
Перестали справлять первый день нового года
И обзавелись европейскими собаками.
Вам это не идет, прекратите.
Вы ничего не знаете,
Но напускаете на себя ученый вид,
Гордитесь европейскими вещами
И не пьете больше саке.
Вместо него вы пьете пиво, брэнди, бэлмот
И едите непривычную европейскую еду,
А потом вас рвет, но вы держите это в тайне.
С умным лицом пьете кофе,
Как все это странно... 9

Среди песенок *энка*, критикующих упадок современных нравов и отход от традиционных ценностей, немалой популярностью пользовались так называемые *хаикара-буси*, название которых происходило от искаженного английского

---

⁸ Театральная труппа под руководством Каваками Отодзиро и его жены Сада Якко (1872-1946), замечательной актрисы, певицы и танцовщицы, в 1899-1902 гг. гастролировала в Соединенных Штатах, Англии, Германии, Франции, где ее выступление было особо объявлено как завершающее мероприятие культурной программы Всемирной Парижской выставки. В 1900 г. в Париже Фредерик Гайсберг сделал несколько грамофонных записей труппы; записи были переизданы на CD в 1997 г. Труппа дала также несколько представлений в России – в Москве и Санкт-Петербурге, вызвав немалый интерес и неоднозначную реакцию критиков.

⁹ Ёмигаэру Опэкэпэ. 1900 нэн пари банпаку Каваками итидза (Ожившие песни опэкэпэ. Гастроли труппы Отодзиро Каваками в Париже в 1900 г.) // Токуо: EMI Records, 1997. С. 20.

выражения *high collar*, «высокий воротник», в значении «франт, денди». Так называли приверженцев западных модных веяний, к которым относились езда на двухколесных велосипедах, ношение очков в золотой оправе, а также увлечение западной литературой и игрой на западных музыкальных инструментах. Например, увлечение игрой на скрипке к началу XX в. было настолько популярным, что получило название *вайорин рюко* («скрипичная лихорадка») ¹⁰. Скрипка зачастую использовалась для аккомпанемента песенкам *хаикара* вместе с традиционным *сямисэном* и ударными инструментами.

Сейчас на западе столицы в Мэдзиродай

Все носят золотые очки по последней моде.

Все студентки теперь держат в руках тома Байрона и Гёте.

Все теперь говорят о натурализме.

Модник едет на велосипеде, не держась за руль,

Считая, что так он экономит время.

Еле-еле удерживается в седле.

И пока я говорил ему, что это опасно, вот он уже падает ¹¹.

Звуковой облик военных песен существенно повлиял на популярную музыку эпохи Мэйдзи; многие популярные песни, повествуя о больших и малых событиях стремительно меняющейся японской жизни, унаследовали четкий маршеобразный ритм и строгую куплетную форму. Одной из самых знаменитых песен эпохи модернизации является, без сомнения, по сей день известная всем японцам от мала до велика песня «Тэцудо-но ута» («Песня о железной дороге»), написанная в 1900 г. композитором Оно Умэвака (1869-1920) на стихи ученого и поэта Овада

¹⁰ Mehl, Margaret. Not By Love Alone: The Violin in Japan, 1850-2010 // The Sound Book Press, 2014. P. 32.

¹¹ Ута то ото дэ цудзурэ Мэйдзи (Эпоха Мэйдзи в песнях и звуках) // Буклет аудио CD. Токио: King Record Co., Ltd, 2008. С. 14.

Такэки (1857-1910) в честь 10-летия открытия железнодорожной линии Токайдо. В песне 66 куплетов, и каждый из них представляет собой описание достопримечательностей одной из станций железнодорожной линии Токайдо, следующей от Токио через Киото и Осака до конечной станции Кобэ. *«Паровоз издал гудок, и поезд стремительно вылетел со станции Симбаси; луна над горой Атаго будет моим спутником в пути»*¹² – таково содержание первого куплета. Текст песни можно считать своеобразным путеводителем, обращающим внимание пассажиров на красоты природы за окном поезда и совершающим краткие экскурсии в историю старинного дорожного тракта – и все благодаря поезду, величайшему достижению западной цивилизации, *«дававшему нам крылья, чтобы лететь от станции к станции»*¹³.

«Песня о железной дороге» получила распространение не только как популярная, но и как школьная; начало же школьной музыке было положено в 1880-х гг., когда в японских школах были введены уроки музыки и пения. Во время этих уроков ученики младшей и средней школ разучивали под аккомпанемент фортепиано или фисгармонии песни из трехтомного сборника *«Сёгаку сёка сю»* («Школьные песни для начальной школы»). Сборник был подготовлен Комитетом музыкальных исследований (*Онгаку торисирабэ гакари*), предшественником современной Токийской академии музыки, под руководством двух человек, с сотрудничества которых фактически началась японская школьная музыка. Это один из деятельнейших японских музыкальных просветителей Исава Сюдзи (1851-1917) и приглашенный специалист Лютер Уайтинг Мэйсон (1818-1896) – американский педагог, композитор, считав-

¹² Teruyo Nogami. *Waiting on the Weather: Making Movies with Akira Kurosawa* // Stone Bridge Press, Inc., 2006. P. 29.

¹³ Jilly Traganou. *The Tokaido Road: Travelling and Representation in Edo and Meiji Japan* // Routledge, 2004. P. 136.

шийся видным для своего времени авторитетом в области школьного музыкального образования. Мэйсон вел уроки музыки в начальной школе, детском саду при Токийском педагогическом училище и самом училище, а также занимался с группой из 22-х студентов при Комитете, преподавая западную гармонию, теорию музыки, методику обучения музыке, пение, игру на фортепиано и органе. В основу новых для Японии детских песен *сёка* был положен принцип *ва-ё сэттю* («смешение западного и японского»): к известным западным мелодиям подбирались японские стихи, затем песни апробировались и «доводились до ума» на занятиях со студентами. Мелодии песен заимствовались как из классических западных произведений¹⁴, так и из американского и европейского фольклора. Так, известная шотландская народная песня «Auld Lang Syne» («Старое доброе время») послужила прототипом для песни «Хотару-но хикари» («Огни светлячков»), популярной по сей день.

В качестве авторов стихов и консультантов привлекались японские придворные поэты и известные знатоки литературы, которые, как представители консервативных школ, пытались привнести в тексты *сёка* формы, приемы и образы, характерные для канонической японской поэзии. Поэтому тексты песен в основном рисовали красоту окружающего мира и картины природы. Однако в тематике песен, в соответствии с возобладавшими к концу 1870-х гг. в японском обществе морально-нравственными воспитательными тенденциями, можно было встретить и тексты с нравоучительным смыслом, написанные в русле так называемых «пяти моральных связей» (*горин*):

¹⁴ Например, песня «Миватасэба» («Если окинуть взглядом»), популярная в эпоху Мэйдзи под названием «Мусундэ хираитэ» («Взявшись за руки, пойдем»), была написана на мелодию из балетной «Пантомимы» оперы Жан-Жака Руссо «Деревенский колдун» («Le Devin du Village»). В основу мелодии песни «Фудзи-но яма» («Гора Фудзи») была положена главная тема из второй части симфонии №53 «L'Imperiale» Йозефа Гайдна; и т.д.

父子親あり	Фуси син ари	Любовь между родителями и детьми,
君臣義あり	Кунсин ги ари	Чувство долга между государем и подданными,
夫婦別あり	Фуфу бэцу ари	Различие в обязанностях между мужем и женой,
長幼序あり	Тёё дзё ари	Порядок между старшими и младшими,
朋友信あり	Хою син ари	Верность между друзьями ¹⁵ .

Одна из написанных в 1880-е гг. школьных песен так и называется – «Горин-но ута» (автор музыки – Лютер Уайтинг Мэйсон).

Среди прочих песен – «Аогэба тотоси» («Почтительно взирая»), «Манаб-но кои» («Любовь к учению»), «Макото ва хито-но мити» («Путь человека – правда»), «Сумэра микуни» («Страна императора»), «Сакаюку миё» («Прцветающий правитель»), «Таноси варэ» («Мы радуемся») и т.д. Все эти песни, как писал Исава Сюдзи, ставят своей целью *«моральное воспитание, развитие интеллекта и физическое совершенствование; из них самым важным для младших школьников является формирование нравственного характера. Музыка, происходящая из самой природы человека, обладает удивительным воздействием, формируя должным образом нравственный облик мужчины»*¹⁶.

Необходимо подчеркнуть, что в процессах создания всей песенной культуры и формирования ее звукового облика определяющим фактором, без сомнения, явилась христианская музыка. С самого начала эпохи Мэйдзи заимствованные христианские ценности начали играть огромную роль в становлении новой японской культуры;

¹⁵ Цит. по: Мэн-цзы. Предисл. Л.Н.Меньшикова // СПб: Петербургское востоковедение, 1999. С. 83. Мэн-цзы (372-289 до н.э) — великий древнекитайский философ периода Сражающихся царств (V-III вв. до н.э.), последователь Конфуция.

¹⁶ Eppstein, Ury. The Beginnings of Western Music in Meiji Era Japan. Studies in the History and Interpretation of Music // Edwin Mellen Press, 1994. P. 64.

«широкое распространение христианских идей и их воздействие выразилось в создании новой литературы, музыки, этических концепций, законодательных проектов, улучшающих жизнь общества»¹⁷. Мелодика, ритмика, манера пения христианских гимнов (яп. *самбика*, или *самби-но ута*, тж. *сэйка* – гимны, «песни-славословия»)¹⁸ повлияли на облик всей зарождавшейся песенной музыки. Кроме того, помимо распространения в японском социуме общехристианских идей и выполнения собственно молитвенной функции, церковные гимны и их хоровое исполнение пропагандировали идею коллективного пения как средства достижения духовного единения всех членов общины. Стиль хорового пения был новым для японской музыкальной культуры и разительно отличался от традиционных унисонных вокальных стилей (хорового пения буддийских молитв *сёмё*, хорового пения *дзюнтай* театра Но и т.д.).

Еще одним важным свойством христианских гимнов было то, что практически все они исполнялись в мажорной тональности и зачастую использовали трехдольный ритм, не характерный для японских песен. Непривычное для японского слуха сочетание музыкальных характеристик рождало в слушателях ощущение энергии, жизненной силы, что вполне отвечало духу времени. Возможно, этим объясняется популярность христианских гимнов среди неверующих, а также то влияние, которое музыка гимнов оказала на зарождающуюся в Японии на рубеже XIX–XX вв. популярную песенную музыку. Как писал очевидец эпохи Аллен Фауст, «к началу 1910-х гг. девять из десяти популярных песен, которые можно услышать в Японии, являются переделанными христианскими гимнами, на

¹⁷ Harris, Merriman C. Christianity in Japan // Cincinnati: Jennings and Graham, New York: Eaton and Mains, 1907. P. 80.

¹⁸ Термин *самбика* употребляли, как правило, протестанты, *сэйка* – католики и православные.

мелодии которых положены светские стихи. Американцам очень странно слышать уличную песенку на мотивы «There is a fountain filled with blood»¹⁹ или «There is a happy land, far, far away»²⁰. Песня «Happy land», или «Есть на небе земля счастья», в японском варианте «Ганосики куни ва тэн ни ари»²¹, была одним из первых христианских гимнов, переведенных на японский язык и получивших широкое распространение. Заметим также, что христианские гимны способствовали привнесению в японскую музыку нового для нее средства музыкальной выразительности, а именно западной гармонии – качества, традиционной японской музыке не свойственного. Мелодии гимнов пелись в сопровождении фортепиано или фисгармонии; аккомпанемент состоял из аккордовых последовательностей, задающих тональность, темп и ритм всего гимна. «С помощью христианской музыки в сознании японцев укоренилось понятие гармонического пения гимнов, что, однако, было странным для них, поскольку они не понимали, почему четыре или пять голосов должны петь вместе на разной высоте и какой голос при этом является правильным»²².

¹⁹ «Течет фонтан крови», стихи Уильяма Купера.

²⁰ Faust, Allen Klein. Christianity as a Social Factor in Modern Japan // Lancaster, Pa. Steinman & Foltz, 1909. P. 40.

²¹ Написан в 1838 г. шотландским композитором Эндрю Янгом на собственные стихи. В 1889 г. на мелодию гимна неизвестным автором были сочинены стихи в честь принятия Конституции; гимн стал известен как *гирэйка* (песня-поклонение) «Кэмпо хаппу» («Опубликование Конституции»). Интересно, что о.Николай Японский запретил хору Токийского Воскресенского собора петь этот гимн: «11 февраля... дана будет Конституция. Школы будут расставлены по пути парадного поезда Императора... и будут петь народные гимны... Для этого сегодня стали было разучивать на четыре голоса японские стансы – переложенные на ноты одного из протестантских молебных гимнов: вяло, усыпительно, мертво, - все на низких нотах с полутонами. Мерзость!.. Остановив спевку, я велел завтра спеться «Спаси, Господи, люди твоя» – и... пригодно для нашего прекрасного, пока единственного в Японии, хора пропеть полной грудью» [Дневники Святого Николая Японского. Т. 2. С. 310].

²² Faust. Op. cit. P. 40.

Однако японцы были упорны в постижении нового для них вокального искусства; популярность хорового пения и публичных концертов неуклонно росла. Так, на известной гравюре Ёсю Тиканобу «Кангэнгаку гассо» («Концерт европейского оркестра», 1889) изображено исполнение хором и инструментальным ансамблем песни «Ивама-но симидзу» («Чистая вода Ивама»), из сборника песен «Мэйдзи сёка», который издавался с мая 1888 по апрель 1892 г. под редакцией Овада Такэки²³.

Мы кратко рассмотрели лишь некоторые музыкальные явления, появлению которых мы обязаны эпохе японской модернизации. Однако, основываясь даже на столь немногочисленных примерах и их перспективном анализе, можно сделать вывод, что процессы, происходившие в Японии в эпоху Мэйдзи, кардинальным образом изменили весь ход развития японской музыкальной культуры и породили целый калейдоскоп интереснейших жанров, стилей, направлений, которые по сей день не перестают удивлять музыковедов и «музыкалюбков» всего мира.

---

²³ Эгакарэта онгаку. Сэйё гакки то дэатта нихон кайга (Нарисованная музыка. Западные музыкальные инструменты на японских рисунках). Каталог выставки // Кобэ: Издание городского муниципального музея, 2003. С. 37. За роялем предположительно Урю Сигэко, известная как баронесса Урю (1862-1928), жена известного адмирала Урю Сотокити (1857-1937), участника Русско-японской войны. Баронесса Урю с 1882 г. преподавала в Токийской академии музыки игру на фортепиано и вела оркестровый класс, а также была ассистенткой Лютера Уайтинга Мэйсона в 1880-1882 гг.

«Путь Чая» в эпоху Мэйдзи – на перекрестке двух путей

Эпоха Мэйдзи — уникальный период кардинальных реформ и перемен в истории Японии, когда за очень короткий промежуток времени закрытая феодальная страна вышла из самоизоляции и стала крупной мировой державой.

Искусство «Путь Чая» в эпоху Мэйдзи не могло остаться незатронутым, новые веяния коснулись и этой древнейшей культурной традиции. В то время одновременно с модернизацией во всех отраслях и активным усвоением всего нового в Японии происходила утрата интереса ко всему национальному и традиционному, отказ от всего, что символизировало косность прошедшей эпохи Средневековья. За бесценно сбывались не только произведения искусства – мечи, кисти для каллиграфии, тушечницы, кимоно, но и чайная утварь, ценность которой была непонятна многим людям, далеким от этой традиции. Большинство людей, мало знакомых с практической стороной чайного искусства, не видели, в чем заключена красота неказистых и непритязательных предметов чайного обихода, не понимали их эстетической ценности и значимости.

В первой половине эпохи Мэйдзи положение чайных мастеров было плачевным – многие ученики уходили, классы пустели, чайная деятельность сворачивалась. Если раньше чайные мастера работали под патронажем даймё и крупных представителей военного сословия, то теперь, когда их не стало, чайные мастера оказались не у дел. Роль патрона стали выполнять главы чайных школ – оиэмото. Возглавляя школы искусства Тядо, они прилагали колоссальные усилия по поддержанию древних традиций «Пути Чая». Стараясь хоть как-то продержаться в это «смутное» время, они заботились о своих учениках, а также о сохранении и продолжении традиций. Одновременно с этим, веяния нового времени воспринимались и по-новому

переосмысливались наиболее прогрессивными представителями чайного сообщества.

В 1872 г. одиннадцатый патриарх чайной школы Урасэнкэ Сэн Гэнсицу Гэнгэнсай (1810-1877) вводит в чайный обиход новый стиль подачи чая – за столом по-европейски. Он разрабатывает особую форму стола и стульев, за которыми мастер чая может принимать гостей, при этом сами гости также могут располагаться по-европейски, сидя на стульях. Покрытые черным лаком стол и стулья своими строгими и лаконичными формами прекрасно вписывались в концепцию «формальных чаепитий в гостиной» и соответствовали всем классическим канонам эстетики «Пути Чая». Этот вид чайной церемонии за столом получил название «рюрэй-сики» и впервые был продемонстрирован гостям Международной выставки национальных достижений, проводившейся в 1872 году в Киото. В древнюю столицу съехалось множество иностранных гостей; все они смогли по достоинству оценить новшество Гэнгэнсая, попробовав чай перед представлением «Мияко одори» («Столичные танцы гейш»), которое проводилось в районе Гион Нёкоба¹. Впоследствии стиль «рюрэй-сики» стал чрезвычайно популярным среди мастеров Чая и был перенят представителями других чайных школ. Стиль «рюрэй-сики» используется и поныне, дав рождение новым стилям с использованием столов и стульев.

Постепенно, примерно со второй половины эпохи Мэйдзи вместе с коренной перестройкой всего традиционного японского общества при наметившихся новых тенденциях поиска нового, типично японского «духа», прежде всего «восточного» или «азиатского», началось постепенное возвращение к национальным корням. На фоне впечатляющих успехов Японии на военном фронте (Японо-китайская война 1894-95 гг. и

---

¹ Сэн Сосицу. Танамоно-но кокорэ то азукай (Чайные полки «тана». На что обращать внимание и как пользоваться). Киото, 1992. С. 49.

Русско-японская война 1904-05 гг.) возрастание патриотического духа заставило японцев по-новому посмотреть на достижения прошлого. Обращаясь к своим истокам, японцы пытались обнаружить национальную идею и осознать свою идентичность, в том числе посредством практики чайного действа. Работы Оакура Какудзо (1863–1913), писателя, критика, художественного эксперта эпохи Мэйдзи подводят итог новым веяниям. В своих книгах — «Идеалы Востока», «Пробуждение Японии» и особенно в работе «Книга о чае» — писатель стремится показать, что в некоторых областях жизни, особенно в культуре, Япония достигла высот, недоступных Западу: «Япония — это музей культуры и цивилизации Азии. История японского искусства стала историей идеалов Азии». Активный сторонник сохранения основ традиционной японской культуры, Оакура пишет: «В ней (философии чайной церемонии — прим. А.К.) воплощается истинный дух восточной демократии, так как все ее приверженцы ощущают себя аристократами вкуса»².

Именно во второй половине эпохи Мэйдзи начинается возрождение интереса и к чайной культуре. Иностранцы были одними из первых, кто открыто выказывал этот интерес. Они активно посещали антикварные салоны и рынки, скупали чайные раритеты — чайные чаши, свитки, вазы, лаковую посуду. В Америке же, так же как и в Европе, возростал спрос на художественные изделия из Японии; коллекции многих западноевропейских музеев стали пополняться экспонатами из антикварных лавок Токио, Киото, Нагасаки и других городов. Дипломаты, путешественники, торговые представители западноевропейских компаний — все они стремились найти в Японии то, что так отличало эту страну от всего западного и восточного мира, что помогало полнее почувствовать «изюминку» чисто японского духа. Именно поэтому японские власти

---

² Оакура Какудзо. Чайная церемония в Японии. М., Центрполиграф, 2014. С. 38.

предлагали иностранцам (особенно высокопоставленным дипломатам и крупным торговым представителям) такие развлечения, как вечера с гейшами, японские танцы, чайная церемония. Зачастую иностранные гости не видели разницы между гейшами и мастерами чайной церемонии, готовившими для них чай. Но многие отмечали, что убранство чайной комнаты не отличается роскошью, лишено привычной декоративности и достаточно скромно, а само действо начисто лишено элементов развлечения и игры. Многие иностранные посетители отмечали, что чайная церемония – «развлечение» довольно долгое и скучное, лишенное какого-либо смысла, при этом, однако, подчиненное какому-то внутреннему порядку. Наиболее внимательные замечали, что каждое движение чайного мастера было отточено и строго регламентировано, но постичь суть происходящего им было не под силу.

Бэйзэл Холл Чемберлен (1850-1935), крупнейший исследователь Японии в конце XIX века, приглашенный преподаватель Токийского императорского университета, в своей книге «Японские реалии» писал о чае, которым потчевали его самого и его спутников: «...Чай этот из самых нежных и молодых побегов и почек; это чай самого лучшего качества. Подается этот чай только по празднику или по случаю каких-либо торжеств. В чашу сначала кладется одна щепотка порошка чая, поверх него наливается горячая вода, затем все хорошенько перемешивается до состояния жидкой кашицы, похожей на шоколад. Затем чай пьют»³. Вероятно, делает вывод Танака Х., «...Речь идет о густом чае «койтя», который в эпоху заката сёгуната подавали по особым редким случаям. При этом участники церемонии (Чемберлен со спутниками) сами присутствовали на ней, имея возможность видеть все своими глазами, а не получали заранее приготовленный и принесенный им напиток»⁴.

³ Нихон тяною дзэнси. Дай-сан-кан. Киндай (История «Тяною» в Японии. Том 3. Новое время). Киото, 2013. Т. 3. С. 63.

⁴ Там же.

Однако сами японцы со второй половины эпохи Мэйдзи стали осознавать «Путь Чая» в первую очередь как национальное культурное явление особого порядка. Всё более главенствующую роль стала играть духовная значимость и философская глубина Тяною. Наиболее востребованными в этот период оказались конфуцианские принципы иерархии, строгого подчинения и уважения старших младшими. Классы вновь стали наполняться желающими изучать «Путь Чая», при этом в большинстве своем это были молодые женщины. Чайная церемония стала считаться прекрасной возможностью приобрести хорошие манеры, которым должны были научиться молодые девушки перед замужеством. Все больше стало появляться зажиточных людей, которые приобретали чайную утварь, которая раньше продавалась за бесценок. Теперь же предметы чайного обихода стали снова высоко цениться, обладание ими стало снова приравниваться к наличию у человека высокого социального статуса.

Во второй половине периода Мэйдзи в искусстве «Пути Чая» стали стали видеть воплощение истинного национального духа. Танака Сансё в 1898 году на церемонии открытия Национального научного общества по изучению «Пути Чая» сказал, что именно «Путь Чая» является моральной доктриной, проникнутой истинно национальным духом. Таким образом, в то время, когда многие иностранцы писали именно о внешней ритуальной стороне Тяною, внутри страны самими японцами Чай осознавался как стержень национальной самоидентификации. В условиях, когда требовалось определить особое место «Пути Чая» в национальной японской культуре, не только ученые и последователи практического освоения этой традиции, но и многие простые японцы поддерживали это утверждение и верили в незыблемость и значимость «Пути Чая» как основы японского национального духа, на которой зиждется самосознание нации.

В последующие годы, в конце эпохи Мэйдзи и затем в течение первой половины XX века традиция Тяною претерпела большие изменения. «Путь Чая» перестал быть элитарным искусством, привлекая простых людей. ореол избранности и недоступности искусства «Пути Чая» уходил в прошлое, и вот уже молодые девушки по всей стране стали посещать курсы чайной церемонии, считая знания в этой области совершенно необходимыми. Знание теоретических и овладение практическими основами чайного искусства стало синонимом хороших манер и умения держаться в обществе, той школой, которую должна пройти каждая уважающая себя японка пред тем, как выйти замуж. Одновременно с этим владение искусством Чая все более стало восприниматься как профессия. Всё явственнее стал проявляться коммерческий аспект; плата за занятия и получение сертификатов и удостоверений квалификации мастера чайной церемонии стали ощутимой строкой бюджета японской семьи. Если в первой половине эпохи Мэйдзи наставниками чайного искусства были в основном мужчины, то теперь, вместе с популяризацией Тяною все больше женщин стремилось овладеть этим искусством. Как итог среди наставников Тяною тоже стали преобладать не мужчины, а женщины. А в самих занятиях, помимо практических, всё большее внимание стало уделяться теоретическим аспектам. Ученики чайных классов изучали историю «Пути Чая», генеалогию чайных патриархов главных школ, эстетические и философские основы Тяною. Среди чайных школ того времени наиболее заметной стала активная деятельность трех школ рода Сэн – школа Омотэсэнкэ, Урасэнкэ и Мусякодзисэнкэ. Представители именно этих трех школ приобрели наибольший вес в чайном мире Японии. Их лидирующие позиции сохраняются и по сей день. Сегодня Омотэсэнкэ и Урасэнкэ – наиболее известные и влиятельные чайные школы Японии, деятельность которых известна не только в стране, но и за ее пределами.

Первые рестораны европейской кухни в Японии в эпоху Мэйдзи

Тема японской культуры питания периода Мэйдзи, в том числе и европейского влияния на становление современной японской кухни, весьма популярна в японоведении. Из фундаментальных работ стоит в первую очередь упомянуть книгу польской исследовательницы Катажины Цвертка «Современная японская кухня. Продукты питания, власть и национальная идентичность»¹. В японской историографии достаточно известной является работа Ё: Маэнобу «Возникновение западной кухни в период Мэйдзи»². Что касается современного отечественного японоведения, то обнаружить работы, посвященные месту и значению западной культуры питания в Японии во второй половине XIX - начале XX вв., пока не удалось.

Интерес японцев к иностранной гастрономии проявился задолго до наступления эпохи Мэйдзи. Основополагающие ингредиенты японской кухни — соевый соус, паста-*мисо*, соевый творог-*тофу* — были завезены на остров из Китая еще до наступления эпохи средневековья; первые европейцы, прибывшие на японские острова в XVI веке, познакомили жителей архипелага с новыми блюдами, получившими название «*намбан рёри*»³, и с новыми способами приготовления пищи (жарка в масле и на масле, печение кондитерских изделий и т.д.). Иными словами, к середине XIX века японская кухня представляла собой

---

¹ Katarzyna Cwiertka. *Modern Japanese Cuisine: Food, Power and National Identity*. London: Reaktion Books/University of Chicago Press, 2006.

² Маэнобу Ё: Мэйдзи сэйё рёри кигэн (Возникновение западной кухни в период Мэйдзи). Токио, 2000.

³ *Намбан рёри* — «блюда южных варваров». Японцы так называли население юго-восточной Азии, а также испанцев и португальцев. К *намбан рёри* относятся блюдо *тэмпура*, кастильский бисквитный кекс — *касутэра*, карамель — *контэйто* и др.

достаточно сложное соединение автохтонной, китайской и европейской кулинарных традиций. Расширению ассортимента продуктов питания во многом способствовала и возросшая мобильность населения в эпоху Токугава (1603-1868), так как знакомство с обычаями и вкусовыми привычками разных провинций страны влекло за собой формирование региональной кухни и становление системы общественного питания. Современная британская писательница Кэролин Стил, размышляя об особенностях системы общественного питания в Европе и Америке, утверждает: *«Рестораны стали настолько неотъемлемой частью городского ландшафта, что сама мысль о том, что они появились сравнительно недавно, может показаться нелепой»*⁴. Совершенно иная ситуация наблюдалась в Японии периода позднего средневековья. Известно, что к 1804 г. в г. Эдо насчитывалось более 6 тысяч заведений, торгующих готовой едой, т.е. примерно один ресторан на 170 жителей. Реальные показатели были намного выше, так как статистика не включала сведения о количестве разносчиков еды в столице и не учитывала рестораны в веселых кварталах⁵. Другая запись свидетельствует о том, что в 1860 г. представители почти 4 тысяч столичных ресторанов, специализирующихся на блюдах из гречневой лапши-соба, собрались вместе, чтобы обсудить проблему растущих цен на продовольствие⁶.

Однако несмотря на гастрономическое любопытство японцев, наличие некоторых элементов западной кулинарии в японских блюдах и развитую систему общественного питания, до середины XIX века на острове не существовало ни одного ресторана западной кухни. Политический курс

---

⁴ Кэролин Стил. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь / пер. с англ. М.: Стрелка, 2014. С.307.

⁵ The Cambridge World History of Food. V(2), ed. by Kenneth F. Kiple. Cambridge University Press, 1999, p. 1181.

⁶ Op. cit.

самоизоляции и, как следствие, ряд запретов, с которыми столкнулись китайцы и голландцы, ограниченные в своих передвижениях по стране искусственным островом Дэдзима в бухте г.Нагасаки, исключал развитие любой инфраструктуры, ориентированной на иностранцев. Подписание неравноправных договоров о «дружбе и торговле» в 1858 г. ознаменовало окончательный крах политики самоизоляции и значительно расширило права иностранцев в Японии, а последующие события реставрации императорской власти в 1868 г. привели к наступлению новой эры «просвещенного правления» – эпохе Мэйдзи (1868-1912). Новый политический курс, направленный на широкомасштабную модернизацию страны, подразумевал не только переосмысление западных традиций, но и ускоренное внедрение различных достижений западной цивилизации. К тому же, для процесса вестернизации в Японии на ранних этапах было характерно заимствование преимущественно внешних форм и копирование западного стиля жизни: одежда, внешность, бытовое поведение японцев, культура питания и другие составляющие традиционной повседневной жизни подлежали немедленному преобразованию на западный манер.

18 августа 1871 г. при императорском дворе впервые были поданы блюда западной кухни, а уже через несколько месяцев (4 ноября 1871 г.) состоялся официальный приём для иностранных дипломатов в честь дня рождения императора, где гости могли отведать блюда высокой французской кухни, приготовленные знаменитым французским поваром Луи Бежэ⁷. Оба этих пышных застолья должны были наглядно продемонстрировать европейским странам, что отныне западная культура питания признана неотъемлемой частью повседневной жизни императора и его приближенных. В январе 1872 г. произошло еще одно

---

⁷ Katarzyna Cwiertka. Op. cit. P.13.

«революционное» событие, подчеркивающее отказ Японии от собственных традиций: император Мэйдзи попробовал и оценил вкус говядины, тем самым положив конец многовековому запрету на употребление мяса. В то время, как правящие круги видели в этом символическом акте очередной этап вестернизации Японии, реакция общества на снятие запрета, связанного с буддийской моралью, была неоднозначной. Пожалуй, самым ярким примером действий оппозиции можно назвать попытку 10 монахов вторгнуться в императорский дворец. В японской прессе о данном инциденте умолчали, дабы не скомпрометировать авторитет императора, зато британская газета *The Times* расценила этот инцидент как неудавшуюся попытку политического убийства⁸. Действительно, известно, что монахи требовали изгнать иностранцев, будто бы заставивших императора отведать мясо и тем самым «загубить душу». Они не скрывали, что в случае необходимости могли бы решиться и на убийство императора⁹. Вскоре было зафиксировано еще несколько выступлений, что вынудило власти размещать в прессе официальные заявления, что отныне отказ от мяса будет расцениваться как неподчинение воле императора¹⁰.

Все изменения в повседневном укладе японцев неизменно находили свое отражение в художественной прозе эпохи Мэйдзи. К примеру, известный писатель и публицист Канагаки Робун в своем произведении «Агуранабэ» (1871, рус. «Беседы о разном вокруг сковородки с мясом») писал: *«Я повторю еще раз, что тот, кто не ест говядины, будь то солдат или земледелец,*

---

⁸ Watanabe Zenjiro. The Meat-Eating Culture of Japan at the Beginning of Westernization. http://www.kikkoman.co.jp/kiifc/foodculture/pdf_10/e_002_007.pdf. 30.11.2017. P. 8.

⁹ В итоге, пятеро из них было убито охраной на месте, пятеро - тяжело ранено, а затем арестовано.

¹⁰ Watanabe Zenjiro. Op. cit. P. 8.

художник или торговец, ученый или невежа, богач или бедняк, – тот самый настоящий мужлан»¹¹. Таким образом, в рамках проводимого политического курса под лозунгом «Цивилизация и Просвещение»¹² употребление в пищу ингредиентов и блюд иностранной кухни фактически стало означать принадлежность к «цивилизации», то есть к Западному миру.

Под западной кухней (*сэйō рёри*) в середине XIX века японцы понимали не конкретные блюда французской, английской или немецкой кухонь, а скорее – отдельные кулинарные элементы (степень прожарки, способ запекания и др.), способ сервировки, порядок подачи блюд или интерьер ресторана: *«В каждой комнате стеклянные окна, тканые занавески. В центре стоят один-два больших стола, каждый застелен белой скатертью. Приправляют блюда солью и маслом. На столе стоят стеклянные чаши, слева и справа два маленьких ножа и две ложки. Это и называется западная кухня»¹³.*

Однако именно французская высокая кухня (*haute cuisine*) была принята за кулинарный эталон. Дело в том, что в XIX веке происходит формулирование основ, становление и расцвет французской кухни, создателями которой принято считать целую плеяду выдающихся мастеров кулинарного искусства: Жана Антельма Брийя-Саварена (1755-1826), Мари-Антуана Карема (1784-1833), Адольфа Дюгере (1805-1884), Огюста Эскофье (1846-1935). Британский социолог Стивен Меннелл называет XIX век временем французской кулинарной гегемонии, господствовавшей за пределами Франции не только в Англии и

---

¹¹ Фредерик А. Повседневная жизнь Японии в эпоху Мэйдзи. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 232.

¹² *Бунмэй кайка* (яп.)

¹³ Такасу Бокухо. Хакодатэ хандзёки (Записи о процветании Хакодатэ) // Оки Синдзо (отв. ред.) *Фудзоку сэй* (Обычаи и нравы). Токио: Иванами сётэн, 1990. С.200.

почти во всех европейских державах, но и к концу столетия – в Северной Америке¹⁴. Кэролин Стил упоминает, что кухня легендарного отеля «Савой» в Лондоне была оборудована в конце XIX века под руководством Огюста Эскофье, именно на ней великий мастер готовил банкеты для монархов и создавал свои знаменитые десерты – «Мельбу» с персиком для оперной певицы Нелли Мельба и «Павлову» с малиной для примы-балерины Анны Павловой¹⁵. Японцы, пристально следившие за модными иностранными веяниями и тенденциями, переняли и эту: отныне японский император и его окружение могли сами отведать французские блюда и угостить ими иностранных послов и именитых гостей, не привыкших к сырой рыбе и рису. Следовательно, японцы не только создавали благоприятный образ своей страны в глазах иностранных представителей, но и подчеркивали сходство императорского двора с его европейскими аналогами.

После заключения неравноправных договоров число иностранцев, пребывающих в Японии, неуклонно росло: в 1860-е гг. в стране проживало несколько сотен европейцев, а к концу века – уже порядка пяти тысяч¹⁶. Одна из главных трудностей, с которой сталкивались впервые оказавшиеся в Японии европейцы, заключалась в отсутствии привычного для них рациона. Подтверждение этому можно найти почти в любых путевых заметках второй половины XIX века. Пожалуй, одной из самых известных и часто цитируемых в западной историографии характеристик японской культуры питания является высказывание британской исследовательницы XIX века Изабеллы Бёрд (1831-1904): *«Совершенно очевидно, что кроме нескольких гостиниц в излюбленных*

---

¹⁴ Stephen Mennel. All Manners of Food: Eating and Taste in England and France from the Middle Ages to the Present. UK: Oxford, 1985, pp. 134-135.

¹⁵ Кэролин Стил. Указ. соч. С.211-212.

¹⁶ kałarżyna c wleŕłka. o P. сІТ P.35.

местах отдыха, построенных специально для иностранцев, найти хлеб, масло, мясо, молоко, мясо птицы, кофе, вино и пиво не представляется возможным. Свежая рыба – явление так же достаточно редкое. Вряд ли кому-нибудь удастся прожить на рисе, чае, яйцах и абсолютно лишенных вкуса овощах. Продукты необходимо привозить с собой, поскольку немногие, и после длительных тренировок, способны заглатывать и переваривать то рыбное и овощное убожество, которое и называется «японской кухней»¹⁷. Бейзил Холл Чемберлен (1850-1935) – один из самых выдающихся британских японистов, филологов, переводчиков, профессор Токийского императорского университета – в своем «Пособии для путешественников по Японии» деликатно подчеркнул: «Тот, кто когда-либо с надеждой взирал на японскую кухню со стороны, после соприкосновения с горькой действительностью не мог не отметить, как сильно ухудшилось его душевное состояние и испортилось настроение»¹⁸. Безусловно, первые рестораны западной кухни, как и первые гостиницы, выстроенные в колониальном стиле, были ориентированы, прежде всего, на европейцев и возникали вблизи крупных портов – Йокогама, Нагасаки, Хакодате. Считается, что самый первый ресторан иностранной кухни в Японии открыл в 1863 г. рядом со своим домом на окраине г.Нагасаки Кусано Ёкити (ок.1840 - ок.1886), перенявший кулинарное мастерство у голландцев. Заведение называлось «Ирабаяси-тэй»¹⁹, поскольку находилось неподалеку от синтоистского святилища Ирабаяси Вакамия, и не было рассчитано на большое количество посетителей: только на шесть человек, при этом гостей убедительно просили предупреждать о своем визите

¹⁷ Isabella L. Bird. Unbeaten Tracks in Japan. Rutland, VT, 1973, p. 19.

¹⁸ Basil Hall Chamberlain, W. B. Mason. A Handbook for Travellers in Japan. London, 1891, p. 10.

¹⁹ По другим источникам – *рёрин-тэй* [良林亭].

за несколько дней²⁰. Вскоре место было переименовано в «Дзиё-тэй»²¹ и стало настолько популярным среди европейцев, что к концу 60-х гг. Кусано Ёкити открыл одноименные сетевые заведения в Киото, Осака и Кобэ, а в 1879 г. один из его ресторанов посетил бывший президент США Уилисс С. Грант (1822-1885) во время своего визита в Японию²². Таким образом, Кусано Ёкити принято считать первооткрывателем западной кухни в Японии, а на месте самого первого ресторана «Ирабаяси-тэй» в Нагасаки в наши дни можно увидеть памятную доску.

В столице должность шеф-поваров первых европейских ресторанов обычно занимали либо иностранцы, либо японцы, освоившие кулинарное искусство за границей. Так, упоминавшийся выше французский шеф Луи Бежэ (даты жизни неизвестны) был специально приглашен в ресторан при первом европейском отеле в Японии – «Цукидзи». Хотя в 1872 г. гостиница закрылась из-за серьезного пожара, его популярность была настолько велика, что ему сразу предложили место в «Гранд Отеле Йокогама»²³. Вскоре Луи Бежэ стал владельцем легендарного «Кобе Ориентал Отель», который в конце XIX в. считался самой роскошной гостиницей во всей Азии²⁴. Блюда французской кухни от шефа Бежэ, поданные в ресторане в г.Кобе, воспел в своих путевых заметках Редьярд Киплинг (1865-1936), побывавший в Японии в 1889 г.: *«Великолепные Мосье и Мадам Бежэ! (...) Я бы написал целую передовую статью о Вашем картофельном салате, бифштексах, жареной рыбе, о Вашем персонале – хорошо обученных японских официантах в голубых трико, похожих на маленьких гамлетов, разве что без бархатных накидок, исполняющих даже не*

²⁰ http://www.uwosh.edu/faculty_staff/earns/etchu.html. 30.11.2017.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ <http://www.ndl.go.jp/france/en/column/s2.html>. 03.03.2017.

²⁴ Там же.

произнесенные вслух желания. Нет, это должна быть целая поэма, баллада о хорошей жизни»²⁵. О популярности знаменитого французского повара, «отца французской кухни» в Японии, свидетельствует и тот факт, что он готовил праздничные угощения при дворе императора Мэйдзи (1852-1912)²⁶.

«Сэйёкэн» – один из самых ранних ресторанов западной кухни – открылся в Токио в 1874 г. неподалеку от Токийского университета. Его шеф-поваром был некий Нисио Масукити (1846 ?), который обучался кулинарному мастерству в Париже под руководством кулинарного критика, одного из основателей высокой французской кухни Жоржа Огюста Эскофье (1846-1935), удостоенного титула «король поваров и повар королей»²⁷. Нисио Масукити, а вслед за ним и его любимый ученик Судзумото Тосио (1890-1967), а затем и другие известные японские повара постигали секреты западной кулинарии по французским кулинарным пособиям и руководствам. Бестселлером того времени считался учебник по кулинарному искусству Жоржа Огюста Эскофье – «Кулинарный гид» (*Le Guide Culinaire*, 1903). В данном пособии, которое до сих пор принято считать «библией французской кулинарии», были собраны основные рецепты французских поваров, послужившие фундаментом для современной европейской кухни, а также подробное описание правил приготовления множества изысканных и сложных блюд. Судзумото Тосио, проработавший долгое время шеф-поваром в гостинице «Кобе Ориентал Отель» у знаменитого Луи Бежё, создал подробное руководство для

---

²⁵ Rudyard Kipling. *The Complete Works (Illustrated)* // [https://books.google.ru/books?id=4HGeCgAAQBAJ&pg=PT6684&dq=kipling+japan+beg eux&hl=ru&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=kipling%20japan%20begeux &f=false], 2015. 22.07.2017.

²⁶ <http://www.ndl.go.jp/france/en/column/s2.html>. 03.03.2017.

²⁷ Там же.

японских поваров, основываясь на «Кулинарном гиде» О. Эскофье²⁸.

В то время как посетителями первых ресторанов иностранной кухни в городах-портах, таких как Нагасаки или Йокогама, были европейцы, столичные рестораны открывались для представителей японской политической элиты. Самым первым заведением в Токио, где можно было отведать блюда западной кухни, принято считать ресторан Микавая, который в 1867 г. был перенесен в столицу из г.Йокогама. Среди исследователей существует мнение, что в рамках политики вестернизации данный пример можно рассматривать как символический акт намеренного нарушения культурных и политических границ между Японией и Западом, так как перенос ресторана Микавая свидетельствовал о допуске западной культуры в столицу²⁹. Посещение подобных заведений накладывало определенные обязательства на японцев: они должны были являться в европейском костюме и быть знакомы с западными манерами и этикетом, так как кроме непосредственно самих новых блюд и продуктов японские посетители сталкивались с незнакомой им мебелью, посудой, сложной сервировкой и пр. Блюда заказывались не по отдельности, а курсом: к примеру, ресторан «Сэйёкэн» предлагал набор блюд, включавший в себя хлеб, суп, жаренную во фритюре или запеченную рыбу, тушеную дичь, тушеное мясо, овощи, запеканку из мяса или птицы, а на десерт - мороженое³⁰. В то время как порция лапши в обычном уличном японском ресторане стоила 1-3 сен, а 10 кг риса можно было

---

²⁸ Там же.

²⁹ Henry D. Smith II. The Edo-Tokyo Transition: In Search of Common Ground // Japan in Transition from Tokugawa to Meiji, ed. M.B. Jansen and G. Rozman. Princeton, NJ, 1986, p. 354.

³⁰ Katarzyna Cwiertka. Op. cit. P.45.

приобрести за 67 сен, обед или ужин в ресторанах западной кухни обходился посетителям в 35–100 сен³¹.

Неудивительно, что высокие цены в европейских ресторанах во многом способствовали появлению первых кулинарных сборников, повествующих о том, как приготовить блюда западной кухни в домашних условиях. В то время, как меню в ресторанах *haute cuisine* составлялось на французском языке, в кулинарных изданиях конца XIX-начала XX в. названия европейских блюд были переведены на японский: суп – *суимоно* («то, что пьют»), бифштекс – *якинику* («жареное мясо»), крокеты – *кидзами нуку ири но тэмпура* («тэмпура из рубленого мяса»), сэндвич – *сэйбэнтō* («западное блюдо для «перекуса»)³².

Созданный в 1903 г. писателем-просветителем Гэнсай Мураи (1863-1927) гастрономический роман «Наслаждение от приема пищи»³³ вскоре стал своеобразным бестселлером, так как в отличие от учебных пособий для поваров или инструкций по западному этикету для представителей элиты, роман был обращен к широкому кругу читателей. Автор не только приводил рецепты иностранных блюд, но и рассказывал, чем можно заменить редкие и дорогие ингредиенты или как сочетать западные кулинарные компоненты с исконно японскими блюдами. «*Высшие слои [общества] не знают границ [в кулинарии], но и низшие также их не знают*»³⁴. По мнению Гэнсай Мураи, японцы не должны рассматривать иностранные продукты как деликатесы, доступные только избранным представителем общества, при определенных кулинарных знаниях каждый японец сможет сам у себя дома приготовить блюда

---

³¹ 1 сен = 0.01 йены

³² Japanese Foodway. Past & Present. Ed. By Eric C.Rath and Stephanie Assmann. University of Illinois Press, 2010, p.132.

³³ Мураи Гэнсай. Куи дōраку (Наслаждение от приема пищи). В 2х томах. Токио: Иванами сётэн, 2005.

³⁴ Мураи Гэнсай. Т.2. Указ. соч. С. 187.

западной кухни. В романе «Наслаждение от приёма пищи» были представлены более шестисот неяпонских кулинарных рецептов, в том числе упоминались отдельные блюда американской, итальянской, французской, русской, немецкой кухонь. Известно, что некоторые рецепты автор узнал во время своего путешествия в Америку, где он жил в семье русских эмигрантов, однако большая часть рецептов была ему рассказана поварами первых ресторанов западной кухни в Японии³⁵.

Пример романа «Наслаждение от приёма пищи» показывает, что в начале XX в. западная кухня в Японии уже не сводилась к блюдами французской *haute cuisine*. Действительно, с 90-х годов XIX в. необычайную популярность приобрела британская кухня, что было связано с численным превосходством британцев на территории Японии, а также с тем фактом, что английские блюда готовились намного проще, чем французские, и ингредиенты были дешевле и доступней, чем, к примеру, печень гуся или утки для блюда фуа-гра. Так, в 90-х годах в европейских отелях на завтрак подавали вареные яйца с ветчиной и беконом, омлет, ростбиф и другие блюда английской кухни. По некоторым данным, к началу XX века в Токио насчитывалось уже около полутора тысяч ресторанов западноевропейской кухни³⁶, ориентированной по ценовой категории на более широкие массы, чем первые заведения, предлагающие французские блюда.

Любопытным является и тот факт, что с 2008 г. по самому влиятельному из ресторанных рейтингов – «Красному гиду Мишлен» – столица Японии находится на первом месте среди «городов-гурманов». По данным за

---

³⁵ более подробно см. Наливайко О.А. Гэнсай Мурай и его гастрономический роман «Наслаждение от приема пищи» // История и культура традиционной Японии (9), т. 65. СПб: Гиперион, 2016. С. 301-309.

³⁶ Katarzyna Cwiertka. Op. cit. P.49.

2017 г. в Токио расположены 16 ресторанов с рейтингом «три звезды», 54 с рейтингом «две звезды» и 161 заведение с «одной звездой»³⁷. Из 231 «звездного» ресторана в Токио подавляющее большинство предлагают посетителям блюда традиционной японской кухни, а также «высокой» японской кухни – *кайсэки рёри*; однако на втором месте по популярности находятся именно французские рестораны (53 ресторана)³⁸. Таким образом, можно утверждать, что французская кухня, господствовавшая при дворе европейских монархов в XIX веке, повлияла на становление западной кулинарии в Японии в эпоху Мэйдзи, когда в рамках политики вестернизации Япония перенимала все модные западные веяния и тенденции. Актуальность данной гастрономической традиции можно наблюдать и в наши время, когда среди всех ресторанов западной кухни в Японии французскую кухню по-прежнему принято считать неким кулинарным эталоном.

---

³⁷ <https://www.finedininglovers.com/blog/news-trends/michelin-guide-tokyo-2017/>. 01.07.2017.

³⁸ Там же.

**Развитие художественного образования
в Японии 2-й пол. XIX в.
в контексте идеи «Цивилизация и просвещение»**

Образование всегда является одной из ярких характеристик того или иного общества. По тому, как этот процесс организован, на какие принципы он опирается, можно судить об устремлениях и идеологии, сформировавшихся на той или иной территории. В частности, художественное образование во многом определяет характер культуры, указывая перспективы ее развития. Любопытная ситуация наблюдается в случаях, когда культура сталкивается с принципиально новыми задачами и вынуждена искать новые способы их решения.

В подобном положении оказалась и японская культура в эпоху Мэйдзи. Во 2-й пол. XIX в. Япония пережила коренной исторический перелом, связанный с прекращением двухсотлетней изоляции. Под воздействием контактов с Западом страна и ее общество начало стремительно меняться. В этот период новый взгляд был сформирован и на искусство, а для реализации соответствующих требованиям времени идей, было необходимо пересмотреть и принципы подготовки мастеров.

Художественная школа, как особый образовательный институт, появилась в эпоху, идеи и ценности которой формировались под девизом «Цивилизация и просвещение». Отмена феодального строя, открытие страны для контактов с Западом, обнаружили потребность как можно скорее достигнуть необходимого для успешной конкуренции с другими державами уровня развития.

С этой целью, Япония стремилась узнать как можно больше о формах общественного устройства, организации торговли и производства на Западе, прилежно изучая и осваивая все передовые достижения. Провозглашались задачи консолидации нации, укрепления позиций Японии как суверенного государства. Преодоление последствий

длительной культурной изоляции не представлялось возможным без новых идеологических установок, поэтому эпоха Мэйдзи характеризовалась активной просветительской деятельностью в самых разнообразных сферах.

Выдающимся представителем японского просветительства по праву считается Фукудзава Юкити (1835-1901). Его труды «Положение дел на Западе», «Призыв к науке», «Рассуждение о цивилизации» и др. были призваны подвергнуть критике феодальную идеологию и подтолкнуть общество в сторону ускоренного развития, которого можно было добиться, прежде всего, путем образования и постижения практической науки. Знаменитыми стали рассуждения Фукудзавы о том, что человек изначально не может быть выше или ниже другого, так же как и целый народ не может быть возвеличен или угнетен по отношению к остальным. Согласно просветителю, плоды цивилизации в равной степени доступны всем и каждому, не зависимо от происхождения и уровня достатка.

Для скорейшего приобщения людей к новейшим научным достижениям правительство Мэйдзи инициировало масштабную реорганизацию системы обучения. Началось активное развитие сельских школ, благодаря которым базовое образование стало доступным для максимального числа людей. Параллельно создавались новые средние и высшие учебные заведения. Специализированные училища занимались подготовкой специалистов в области медицины, педагогики, иностранных языков и др. Потребность государства в квалифицированных специалистах в определенных сферах, в особенности стимулирующих научно-технический прогресс, являлась главным мотивом для их создания. Именно с этим и было связано появление в Японии новых учебных заведений художественной направленности.

В этих условиях становление японского художественного образования явилось достаточно динамичным процессом, отразившим основные идеи своего времени.

«Переход на капиталистический путь развития при сохранении монархии и пережитков феодальной организации общества создавал предпосылки для небывалой сложности и многообразия направлений, группировок, объединений, как общественно-политических, так и литературно-художественных»¹.

Так, постепенно знакомясь с европейской культурой, японцы заметили, что на Западе уже давно устоялся неизвестный у них на родине принцип деления искусств на «изящные» и «прикладные». Для того, чтобы определить эти две сферы и провести четкую грань между искусством и ремеслом, в японский язык были введены новые слова – «когэй» для обозначения предметов имеющих утилитарное назначение, и «бидзюцу» для определения предметов сугубо эстетического свойства. Анализ сущности этих понятий позволил рассмотреть вопрос об иерархии видов искусства с иной стороны, подтвердил необходимость задать новое положение «бидзюцу» и «когэй» в рамках культуры.

До периода Мэйдзи было принято считать возвышенными и элитарными, как правило, произведения буддистских монахов или придворных мастеров, в то время как самобытная культура горожан считалась более приземленной и бесхитростной. «Предметы религиозного искусства воспринимались только как предметы культа, их эстетические характеристики имели гораздо меньшее значение. Светское искусство (например, всемирно известные сейчас гравюры укиё-э) воспринималось как низкий жанр, недостойный серьезного обсуждения»². Новая классификация искусств в определенной мере была призвана исправить сложившееся положение.

¹ Николаева Н.С. Япония - Европа. Диалог в искусстве. М.: Изобразительное искусство, 1996. С. 199.

² Макарова О. И. Создание концепции «японского искусства»: Эрнест Фенолоза и Оакура Тэнсин // Вопросы философии, №2, 2009. С. 145.

В конце XIX в. проблема взаимодействия художественного и функционального была как никогда актуальна не только в Японии, но и на Западе, однако на Востоке имели место и свои особенности. По словам М. Герасимовой, в западной культуре «занятие искусством и все, что с ним связано было над обыденностью, своего рода особым случаем. Японцы же не стремились возвыситься над повседневностью, это было бы нарушением естественного хода событий, но в силу своих убеждений и поверий вносили в трудовую деятельность элемент, который на Западе назвали бы творчеством»³. Традиционная японская культура не отделяет искусство от ремесла, поэтому усвоение понятий «бидзюцу» и «когэй» происходило не сразу и нуждалось в дополнительных пояснениях.

Знакомство с западноевропейским искусством «призывало человека посмотреть внутрь себя, рассказало о том, что бывает внутренний мир художника, непохожий на все остальное, и что всякий мир может быть изображен через призму собственного «Я». Для японца, привыкшего не выделять себя из окружающего мира, именуемого Природой, стремиться забыть свое «эго», пытаться слиться с объектом, с которым он имеет дело, это означало по-новому взглянуть на мир и на свое место в нем»⁴.

Все это свидетельствует о начале процесса осмысления искусства («бидзюцу») как особого вида деятельности, отделения его от ремесла и народного творчества. Менялся и статус самого творца. Отмена жесткой системы сословий изменила отношение к художнику как к человеку низкой профессии, а также предоставила возможность заниматься искусством для широкого круга людей. По сему, потребова-

---

³ Герасимова М.П. Формирование понятия «художественная культура» в Японии // Японское общество: изменяющееся и неизменное. М., АИРО-XXI. 2014. С. 159.

⁴ Там же. С. 175.

лось соответствующе организовать и подготовку специалистов в художественной сфере.

В Японии традиционно «основой обучения какому-либо мастерству была форма наставничества, непосредственной передачи опыта и профессиональных «секретов» от отца старшему сыну или усыновленному ученику. Наставник-иэмото был важнейшим звеном в сохранении и передаче традиционной культуры во всем ее объеме, начиная от духовных, религиозных и моральных принципов и до практических навыков ремесла, будь то каллиграфия, живопись, керамика, искусство актера или стихосложение»⁵. Этот механизм лежал в основе формирования знаменитых средневековых школ и направлений в искусстве, в рамках которых происходило воспроизводство уже усвоенных стереотипов, что не всегда способствовало формированию подлинной творческой индивидуальности.

Примером новой модели обучения искусству стали первые художественные учебные заведения периода Мэйдзи.

По приглашению правительства в Японию прибыла группа итальянских мастеров, которым предстояло стать наставниками для нового поколения японских художников. Италия была представлена японцам как страна, имеющая многовековые традиции в области искусства и занимающая в ней лидирующее положение. Именно этим был мотивирован выбор учителей. Ими стали живописец Антонио Фонтанези (1818-1882), скульптор Винченцо Рагуза (1841 - 1928) и архитектор Джованни Каппеллетти (1835-1887).

В ноябре 1876 года под эгидой министерства общественных работ было открыто первое в Японии художественное учебное заведение, организованное по западной модели - Техническая школа изящных искусств

---

⁵ Николаева Н.С. Япония - Европа. Диалог в искусстве. М: Изобразительное искусство, 1996. С. 201.

(Кōбу бидзюцу гаккō), где Фонтанези возглавил класс живописи, Рагуза — скульптуры, а Каппеллетти — рисунка.

Как отмечает Н.С. Николаева: «Приезд профессионального преподавателя из Европы можно назвать историческим событием для судеб живописи западного стиля в Японии, так как впервые возникла живая связь с традицией европейского искусства и впервые японцы могли учиться не по книгам, а так же, как они учились у мастеров национальных школ, непосредственно у наставников, что было органично для их сознания»⁶.

Среди множества учебных пособий в Японию были привезены написанные маслом картины и гипсовые слепки со знаменитых статуй. Также вводились и новые методы обучения, например, рисование с натуры. Безусловно, осваивались и чисто ремесленные навыки — грунтовка холста, смешивание масляных красок.

Учебный процесс подразделялся на три уровня. Первый — трехлетний подготовительный курс, рассчитанный на начинающих. Далее следовало обучение в классах живописи и скульптуры для тех, кто смог добиться определенного мастерства на предыдущем этапе.

Техническая школа изящных искусств приняла более 50 учеников, среди которых, значилось и 6 женщин. Являясь одним из отделений Имперского инженерного училища, Техническая школа изящных искусств была призвана служить сближению искусства с промышленностью, способствовать индустриальному развитию Японии. Однако в процессе обучения эти задачи постепенно отодвигались на второй план. К примеру, Антонио Фонтанези был пейзажистом близким к барбизонцам, и многие ученики предпочитали следовать его примеру, изучая живописные приемы. Под влиянием итальянца в Японии начало

---

⁶ Николаева Н. С. Япония - Европа. Диалог в искусстве. М: Изобразительное искусство, 1996. С. 205

формироваться особое направление живописи в западной манере – ёга.

Справедливости ради, нужно отметить, что на начальном этапе японцев привлекала именно изобразительная, «техническая» сторона европейского искусства, его способность натуралистически достоверно передавать окружающий мир. В этом отношении карандашный рисунок мог ассоциироваться с черчением, а пейзажная живопись с картографией. Так, стремление заимствовать у Запада лишь то, что имеет практическое применение, выражалось и в восприятии европейского искусства. «Работы первых японских художников западного стиля отличались наивностью мировосприятия и реализмом, граничащим с натурализмом»⁷. Мастерам ёга потребовалось некоторое время, чтобы исправить это положение, и научиться свободно пользоваться европейскими техниками.

В 1880-х гг. в противовес интенсивной европеизации в обществе нарастали реакционные настроения. Усилились консервативные тенденции, из-за чего ощутимо возросло внимание к традиционной культуре. Живопись ёга была подвергнута критике и постепенно, исчезла с государственных выставок.

В 1878 г. Антонио Фонтанези покинул Японию, а учебное заведение начало постепенно приходить в упадок. Но, тем не менее, оно вошло в историю как важный опыт становления в Японии художественного образования.

Следующий этап был связан с возрождением японской эстетики и приемов искусства. Значительное влияние на него оказали писатель и художественный критик Оакура Какүдзо (Тэнсин) (1862-1913), а также американский философ и знаток Востока Эрнест Феноллоза (1853-1908). Считается, что «Оакура и Феноллоза стояли у

---

⁷ Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры. Конец XVI начало XX века М: Наука, 1986. С. 243.

истоков формирования представлений о том, что будет названо «искусством» применительно к японскому материалу. После этого возникло две возможности обращения с «японским искусством»: консервация и музеефикация – или живое продолжение традиций»⁸. Первое заключалось в том, что при содействии Феноллозы были сохранены многие сокровища национальной культуры, которые оказались невостребованными в период увлечения западными новшествами. Были восстановлены многие пришедшие в запустение буддистские храмы, а их архитектура, внутреннее убранство и утварь стали предметами пристального изучения. Второе же, заключалось в активной общественной и просветительской деятельности Окакуры и Феноллозы. Регулярные выступления в печати позволили вопросу о сохранении национальных традиций надолго оставаться в плоскости широкого обсуждения.

В 1887 г. они стали основателями Токийской школы изящных искусств (Тōкё бидзюцу гаккō), где главными принципами были провозглашены повышение авторитета японской культуры и сохранение традиционных форм искусства. Проводилось обучение японской живописи на ширмах и шёлке, деревянной скульптуре и некоторым ремеслам, например работе с металлом и изготовлению лаков. Так родилось направление нихонга (японская живопись) как альтернатива заимствованному искусству.

Живопись нихонга конца XIX в. опиралась на старые образцы и формы, пользовалась приемами условности и стилизации. «В известном смысле особенности нихонга с ее образно-символическим языком были моделью национального художественного сознания. Даже в выборе сюжетов, их повторяемости проявлялись свойства творческого метода мастеров традиционной живописи. Они преломляли свое индивидуально-личностное видение мира

---

⁸ Макарова О.И. Создание концепции «японского искусства»: Эрнест Феноллоза и Окакура Тэнсин // Вопросы философии, №2, 2009. С. 152.

сквозь определенные канонические стилевые приемы и особенности языка этого искусства»⁹.

О приверженности традициям красноречиво говорит тот факт, что в качестве преподавателя живописи в токийскую школу изящных искусств был приглашен Хасимото Гахо (1835-1908) – известный художник и один из последних представителей стиля знаменитой школы Кано, основанной еще в XV веке. Помимо этого, в учебном заведении регулярно читались лекции по эстетике и истории искусства Востока. Этим занимался лично Эрнест Фенолоза, желавший дать своим студентам представление о высоком духе японской национальной традиции, наставить их на путь сохранения и приумножения собственной культуры.

Однако, даже при таком радикальном повороте в сторону консервативности, культуре было сложно противостоять духу времени. Росло число художников, которые могли обучаться в Европе. Возвращаясь, они приносили в Японию новые идеи и знания. В 1896 г. под влиянием молодых мастеров, вернувшихся после обучения за границей Токийская школа изящных искусств приросла и отделением западной живописи. Его возглавил художник Курода Сэйки (1866-1924), который имел ценный опыт обучения мастерству живописи в Париже, и занимался популяризацией ёга. Благодаря этому, мастера стиля нихонга могли разнообразить свое творчество некоторыми приемами западного искусства, такими как пространственное построение. В то же время, их оппоненты могли сочетать принципы европейской академической манеры с основными положениями японской эстетики. Однако некоторое взаимовлияние двух систем все же не привело к их окончательному слиянию. Так, ёга и нихонга начали формировать две базовые линии развития японского

---

⁹ Николаева Н.С. Япония - Европа. Диалог в искусстве. М: Изобразительное искусство, 1996. С. 222.

искусства, дополняя и обогащая друг друга, а Токийская школа изящных искусств и по сей день известна как Токийский университет искусств.

Художественное образование нового типа оказалось востребованным в процессе перестройки японского общества и отвечало основным идеям, которые подразумевались под девизом «Цивилизация и просвещение». В первых учебных заведениях, готовивших профессиональных деятелей искусств, практиковались европейские методы обучения, а также, давалось представление о культуре западных стран. Именно здесь во многом выразился сложный процесс взаимодействия в Японии традиций и современности, всегда являвшийся источником плодотворной среды для творческих исканий самого разного толка.

Новые художественные школы оказались органично вписаны в систему образования, создаваемую в период Мэйдзи, что сделало их доступными для многих людей. Впервые была предпринята попытка воспитать самостоятельную творческую личность. В недрах технической школы изящных искусств и Токийской школы изящных искусств происходило не только обучение определенным приемам мастерства, но и протекало культурологическое и философское осмысление тех перемен, которые принесла с собой эпоха Мэйдзи, велись дискуссии о том, каким должно быть современное искусство.

Непосредственное знакомство с культурой Запада обогатило творческий диапазон молодых японских художников, кроме того, данный факт способствовал и переосмыслению собственного наследия. Параллельное существование европейских и традиционных техник и методов определили направление дальнейшей эволюции искусства Японии, где и по сей день существуют мастера, как западного стиля, так и восточного.

Герб кикү-мон до и после Революции Мэйдзи

Бурный водоворот реформ, модернизация, переход от ремесленно-мануфактурного-производства к фабрично-заводскому, формирование национального государства и пр. – это неполный список того, с чем в исторической науке связано понятие Революции Мэйдзи. Изменения коснулись всех сторон жизни японского государства и общества, провели рубеж между отсталой феодальной страной и бурно развивающейся индустриальной державой, между «традиционной» и «современной» Японией. В стороне не осталась и японская культура, некоторые элементы которой были «изгнаны» из жизни простых японцев волной вестернизации: изменились одежда, утварь и др. предметы быта – традиционные материальные носители гербов; после упразднения феодального строя канула в Лету система 参勤交代 *санкин котай*, а вместе с ней и обширный свод церемоний, где гербы играли не последнюю роль. Вопрос о дальнейшем существовании геральдики стал как никогда актуален.

Однозначно оценить последствия Революции Мэйдзи для развития японской геральдической системы до сих не представляется возможным. Однако точно можно сказать одно: события 1868 г. навсегда изменили историю герба 菊紋 *кику-мон* (букв. «хризантема») – родового символа императорской семьи. Чтобы определить, насколько сильное влияние на положение императорского герба оказала буржуазная революция есть смысл кратко рассмотреть, каким был исторический путь *кику-мон* до нее.

Условно становление хризантемы в качестве герба императорской семьи можно разделить на четыре этапа:

1. До Реставрации Кэмму (до 1333 г.). Хризантема существует в формате популярного в аристократической среде узора, который наносят на одежду, утварь, повозки и пр.

2. 30-е гг. XIV в. – 1868 г. Хризантема, будучи любимым декоративным узором императорской семьи на протяжении уже более чем трех поколений, постепенно приобретает наследственный статус и трансформируется в родовой символ.
3. С 1868 по 1945 г. Особое положение хризантемы в качестве официального герба императора закреплено законодательно; это первый в истории Японии опыт планомерного законодательного регулирования норм использования герба, которое затронуло территорию всего Японского архипелага.
4. После 1945 г. Императорский герб теряет большинство своих привилегий, но остается одним из самых статусных и почитаемых символом японской культуры.

До Реставрации Кэмму (兼務維新 Кэмму исин).

Первое свидетельство особого отношения императорского рода к хризантеме зафиксировано в памятнике «Классифицированные сообщения династийных хроник» (類聚国史 *Руйдзю кокуси*)¹, согласно которому в октябре 797 г. император Камму 桓武天皇 (737–806) сложил стихотворение, в котором воспел красоту хризантемы. В том же памятнике упоминается, что столетием ранее в 9-й день 9-го лунного месяца 685 г.² впервые состоялся

---

¹ Составлена Сугавара-но Митидзанэ 菅原道真 (845–903) в 892 г. на базе Шести национальных историй (六国史 *Риккокуси*).

² Нумата Райсукэ в монографии «Японская геральдика» (日本紋章学 *Нихон монсёгаку*, 1968 г.) указал, что впервые Фестиваль хризантем прошел в 807 г., однако в памятнике «Классифицированные сообщения династийных хроник», представленных в электронной коллекции на сайте Национального института японской литературы (ссылка приведена ниже), указан 685 г. Подробнее см.: *Нумата Райсукэ. Нихон*

Фестиваль хризантем (重陽節会 *Tēē сэтиэ* или 菊花の宴 *Кикка-но эн*), и с тех пор он проводился регулярно и вплоть до эпохи Мэйдзи дошел практически в неизменном виде.

О важности почитания хризантемы много писали и впоследствии. Например, левый министр Минамото-но Тосифуса 源俊房 (1035–1121) в своем дневнике 水左記 *Суйсаки* (1062–1108) высказал мнение, что хризантема обладает безусловным верховенством над другими цветами, а Фестиваль хризантем – это проявление глубокого чувства восхищения и почитания³. В поэтической антологии 本朝無題詩 *Хонтэ мудай-си* (1162–1164)⁴ хризантема превозносится как королева всех цветов.

Высокий статус хризантемы среди других растений способствовал превращению этого цветка в сезонный узор, пик популярности которого пришелся на IX–XI вв. Упоминания об узоре из хризантем на кимоно встречается в «Дневнике эфемерной жизни» (蜻蛉日記 *Кагэро никки*, 954–974), в «Дневнике Мурасаки Сикибу» (紫式部日記 *Мурасаки Сикибу никки*, 1008–1010), в «Повести о процветании» (栄花物語 *Эйга моногатари*, 1028–1107), а также на живописных свитках «Иллюстрированный свиток ежегодных церемоний» (年中行事絵巻 *Нэндзю гэдзи*

монсёгаку [日本紋章学]. Японская геральдика. Токио: Дзинбуцу брайся, 1968. С.313; Электронная коллекция Национального института японской литературы // 類聚国史 *Руйдзю кокуси*. URL: http://base1.nijl.ac.jp/iview/Frame.jsp?DB_ID=G0003917KTM&C_CODE=0098-021902 (дата обращения 26.11.2017).

³ Нумата Райсукэ. Нихон монсёгаку [日本紋章学]. Японская геральдика. Токио: Дзинбуцу брайся, 1968. С. 313.

⁴ Автор антологии неизвестно, но наиболее вероятным претендентом считается Фудзивара Тикамицу. По одной из гипотез Фудзивара Тадамару также мог участвовать в процессе составления антологии.

эмаки-моно, вторая половина XII в.)⁵, «Путешествие министра Киби в Китай» (吉備大臣入唐絵巻 *Киби-дайdzин нитто эмаки*, кон. XII – нач. XIII вв.), «История святилища Китано Тэндзин» (北野天神縁起 *Китано Тэн-дзин энги*, нач. XIII в.) и пр. В трактате «Записки о главном» (大要抄 *Тайёсё*, между 1212 и 1223 гг.) зафиксировано, что Фудзивара Санэакира 藤原実明 (1152–1223) наносил изображение хризантемы на свою повозку⁶.

Начало процесса трансформации хризантемы в императорский герб связывают с именем императора Го-Тоба 後鳥羽天皇 (1180–1239), питавшего глубокую любовь к этому цветку. Он украшал ею личные вещи, включая одежду и повозки, на бумагу 懷紙 *кайси* и даже на холодное оружие^{7,8}. Эту традицию продолжили император Го-Фукакуса 後深草天皇 (1243–1304), император Камэяма 龜山天皇 (1249–1305) и император Го-Уда 後宇多天皇 (1267–1324), в результате чего узор из хризантем приобрел наследственный признак и естественным образом трансформировался в символ, прочно ассоциирующийся с императорской семьей. Однако использование символа *кику* было скорее частным, чем публичным. На официальных приемах в императорском дворце преобладали изображения луны и солнца.

⁵ Электронная коллекция Национальной парламентской библиотеки // 年中行事 *Нэндзё гёдзи*. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2610700> (дата обращения 26.11.2017).

⁶ Нумата Райсукэ. Нихон монсёгаку [日本紋章学]. Японская геральдика. Токио: Дзинбуцу орайся, 1968. С. 313.

⁷ Электронная коллекция Национальной парламентской библиотеки // 羽倉考 *Хагурако*:. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/754812> (дата обращения 26.11.2017).

⁸ Электронная коллекция Национальной парламентской библиотеки // 陽春廬雜考 *Ёсюн розаккё*. URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/995344> (дата обращения 26.11.2017).

⁹ Нумата Райсукэ. Указ. соч. С. 35.

30-е гг. XiV в. – 1868 гг. Традиция наносить узор из хризантем на императорскую собственность была продолжена преемниками императора Го-Уда, что нашло отражение в «Ясном зеркале» (増鏡 *Масу кагами*, вторая половина XIV в.): например, в тексте уделяется внимание тому, что вход в императорский дворец предваряли двери, украшенные хризантемами¹⁰. В эпоху Камакура представители аристократии и военного сословия уже активно пользовались гербами для маркировки собственности, в т. ч. дворцов, усадеб, павильонов и пр. Появление хризантемы на входе в императорский дом вполне может указывать на трансформацию узора в герб.

В 1333 г. после падения сёгуната Камакура старший сын императора Го-Дайго 後醍醐天皇 (1288–1339), принц Моринага 護良親王 (1308–1335) выпустил указ о награждении рода Асака 安積氏 за верную службу и доблесть, проявленную в борьбе со сторонниками сёгуната. Награда была отмечена гербом 十六弁菊紋 *дзёроку-бэн кикү-мон* (букв. «шестнадцатилепестковая хризантема»). Это был первый документально зафиксированный пример пожалования от императора, отмеченного специфическим символом¹¹.

Обострившаяся борьба между императором Го-Дайго и кланом Асикага за обладание всей полнотой государственной власти привела к появлению новых прецедентов пожалования герба *кикү-мон* за верную службу и проявленную храбрость, в том числе посмертно. Один из таких примеров – судьба Кусуноки Масасигэ 楠木正成 (1294–1336), знаковой фигуры в военной истории Японии. Он сложил свою жизнь в борьбе с кланом Асикага за идеалы Реставрации Кэмму; в стычке с отрядом Асикага Тадаёси 足利直義 (1306–1352) он попал в окружение и предпочел

¹⁰ Там же. С. 331.

¹¹ Там же. С. 331.

самоубийство плену. После его смерти род Кусуноки получил от императора герб 菊水 *кикусуй* (букв. «хризантема на воде»). Хризантема – символ неувядающей юности и долголетия, и император Го-Дайго пожаловал этот гербовый символ семье своего вассала со словами: «Чтобы его имя оставалось в памяти людей тысячи лет»¹². Есть и другая версия, согласно которой хризантема, изображенная на гербе, символизирует императора, а вода, что держит ее на плаву, – образ самого Кусуноки Масасигэ^{13,14}.

После урегулирования династического кризиса количество пожалований не только не сократилось, но и напротив возросло, и продолжило расти на протяжении XV–XVI вв. До нас дошло бесчисленное количество свидетельств о даровании императором гербов *кику-мон* и *桐紋 кири-мон* (букв. «павловния»)¹⁵ за выдающие заслуги на протяжении периода Сэнгоку 戦国時代 (1467–1590), в том числе первый специализированный геральдический справочник «Все известные семейные гербы» (見聞諸家紋 *Кэммонсё ка-мон*)^{16, 17}.

¹² *Ка-мон* кара нихон-но-рэкиси-о сагуру [家紋から日本の歴史を探る]. Изучение японской истории через семейные гербы. Токио: Гомосёбё, 2006. С. 47.

¹³ Судзуки Тоору. *Ка-мон дэ ёмикаку нихон-но-рэкиси* [家紋で読み解く日本の歴史]. Понять историю Японии с помощью семейных гербов. Токио: Гакусё кэнкёся, 2003. С. 78.

¹⁴ Уже в эпоху Мэйдзи образ Кусуноки Масасигэ был воскрешен в памяти потомков идеологами Революции Мэйдзи, чтобы вдохновлять борцов с правительством Токугава; герб *кикусуй* стал символическим воплощением храбрости и верности идеалам Японской империи.

¹⁵ Неофициальный герб (替紋 *каэ-мон*) императорской семьи, который также прочно ассоциировался с верховной властью в государстве.

¹⁶ Также известен как «Список геральдических символов мужей из области Хигасияма» (東山殿御紋帳 *Хигасияма тонного монтё*), или «Гербы на ширмах годов Эйсё» (永正幕紋 *Эйсё баку-мон*), или «Геральдические символы на полевых ширмах Асикага» (足利幕紋 *Асикага баку-мон*). Составлен между 1454 и 1460 гг.

Несмотря на высокий авторитет хризантемы в период господства военного сословия неправомерное присвоение *кику-мон* вовсе не было редкостью. Не только представители военной элиты, но и синтоистские святилища, и буддийские храмы были замечены в присвоении этого символа. Пример такого неправомерного использования герба *кику-мон* зафиксирован в хронике «Записи о событиях после войны Онин» 応仁後記 *Онин коки* (вторая половина XV в.): хозяин замка Фусэтэ-дзэ 臥蝶城 – Окости Бидзэн 大河内備前 созвал представителей военного сословия провинций Тоотоми¹⁸ и Микава¹⁹, и во время этой встречи он использовал присвоенный герб *кику-мон* или 菊一揆 *кику икки* (букв. «мятежная хризантема»).

На протяжении эпохи Сэнгоку количество подобных прецедентов продолжало расти, поэтому в целях их предотвращения императорский двор обнародовал указ о запрете использовать герб *кику-мон* без разрешения императора²⁰. Этот запрет был продублирован Тоётоми Хидэёси в 1591 г. указом о запрете использования гербов *кику* и *кири* в городе Нара и в 1595 г. «Приказом для замка и призамкового города Осака» (яп. 大阪城中壁書 *Осака-дзэ тьюкабэсё*). Ношение одежды с изображениями павлонии и хризантемы было разрешено лишь ограниченному кругу лиц, для остальных использование этих гербов было запрещено. Лица, которым была пожалована одежда с

¹⁷ Среди прочих герб *кику-мон* был пожалован родам Уцуги 宇津木氏 и Накамура 中村氏, роду Мори 毛利氏, роду Хатано 波多野氏 и роду Уэсуги 上杉. Подробнее см.: Электронная коллекция Национального института японской литературы // 見聞諸家紋 *Кэммонсё ка-мон*. URL: http://base1.nijl.ac.jp/iview/Frame.jsp?DB_ID=G0003917KTM&C_CODE=0091-028904 (дата обращения 26.11.2017).

¹⁸ Западная часть совр. преф. Сидзуока.

¹⁹ Восточная часть совр. преф. Айти.

²⁰ *Нумата Райсукэ*. Указ. соч. С.332.

символами *кику* и *кири*, могли свободно носить её, однако наносить эти символы на другую одежду или окрашивать и чинить полученные в подарок вещи с этими гербами они не имели права²¹.

С наступлением эпохи Эдо 江戸時代 (1603–1868) запреты, выпущенные Тоётоми Хидэёси, потеряли свою силу. И чем больше укреплялась власть правительства *бакуфу*, тем меньше становилось влияние императора, а вместе с тем понемногу терял силу указ о запрете на использование герба *кику-мон*. Участились случаи присвоения герба *кику-мон* не только среди даймё, но и среди самураев, служивших под началом могущественных военачальников и крупных феодалов.

В составленном в эру Кансэй 寛政 (1789-1801) специализированном издании «Исправленный генеалогический справочник годов Кансэй» (яп. 寛政重修諸家譜 *Кансэй тёсю сёкафу*)²² зафиксировано около 70 родов, использовавших герб *кику-мон*: Кира 吉良氏, Кицурэгава 喜連川氏, Могами 最上氏, Аракава 荒川氏, Мори 毛利氏, Уэсуги 上杉氏, Маэда 前田氏, Мацусита 松下氏 и др. Происхождение герба *кику-мон* у большинства родов, описанных в «Исправленном генеалогическом справочнике годов Кансэй», по-прежнему неизвестно.

В составленном в 1837 г. списке аристократических родов 雲上明覧 *Ундзё мэйран* (1837) изображение

---

²¹ Упоминания об этом встречаются в хронике «Записи храма Тамон-ин» 多聞院日記 *Тамон-ин никки*, которая является составной частью «Истории храма Кофуку-дзи» 興福寺縁起 *Кофуку-дзи энги* – одного из древнейших летописных сводов в Японии. Подробнее см.: *Тикано Сигэру, Такасава Хитоси*. Ка-мон-но дзитэн [家紋の事典]. Энциклопедия семейных гербов. Токио: Токиодо, 2012. 358 с.

²² Электронная коллекция Национальной парламентской библиотеки // 寛政重修諸家譜 *Кансэй тёсю сёкафу*. url: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2609334> (дата обращения 26.11.2017).

хризантемы использовали как буддийские храмы – Нинна-дзи 仁和寺, Дайкаку-дзи 大覚寺, Дзэго-ин 聖護院, Мансю-ин 曼殊院 и 33 храма вокруг Киото (三十三寺院 *Сандзюсан-дзинин*), так и аристократические роды – Минасэ 水無瀬, Ситидзэ 七条, Матидзири 町尻, Сакураи 櫻井, Ямаи 山井, Хирохата 広幡²³. Известно также, что синтоистские святилища Исэ-дзингу 伊勢神宮, Уса Хатиман-гу 宇佐八幡宮, верхнее и нижнее святилища Камо-дзиндзя 賀茂神社 получили специальное разрешение на использование герба *кику-мон*²⁴. В конце эпохи Эдо запрет на использование гербов *кику-мон* и *кири-мон* ослаб настолько, что их начали использовать даже ремесленники и торговцы²⁵.

С 1868 по 1945 гг. На закате эпохи Эдо противостояние между сторонниками императора и приверженцами сохранения власти *бакуфу* перешло в горячую фазу. В войне Босин 戊辰戦争 (1868 г.) генералам, выступившим на стороне императора, были пожалованы флаги из золотой парчи с императорским гербом. Когда враг был разбит, а очаги сопротивления подавлены, к императорскому гербу в полной мере вернулись былая слава и уважение. Укреплению положения хризантемы среди других гербов также способствовали своевременно принятые законодательные акты.

- №195 от 28 марта 1868 г. «...запрещается воспроизводить надписи и изображения, используемые в императорском

²³ Электронная коллекция Национальной парламентской библиотеки //雲上明覽 *Ундзэ мэйран* и т.п.: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2610134> (дата обращения 26.11.2017).

²⁴ Подробнее см.: *Нива Мотодзи*. Син-мон сōран [神紋総覧]. Обзор гербов синтоистских святилищ. Токио: Коданся, 2016. С. 51.

²⁵ Упоминания об этом также встречаются в памятнике 屠龍工随筆 *Торюко дзуйхицу* (1724–1778). Подробнее см.: *Нумата Райсукэ*. Указ. соч. С. 333.

дворце, а также наносить изображение кики-мон на светильники, утварь и пр. предметы на продажу»²⁶.

- №216 от 28 февраля 1869 г. «Запрещается пожалование религиозным институтам материальных носителей с символом кики-мон, а также размещение вышеуказанного символа в интерьерах и экстерьерах религиозных институтов при реставрации и реновации»²⁷.
- №802 от 25 августа 1869 г. (Палата Большого государственного совета (太政官 Дайдзёкан)) «Герб кики-мон утвержден в качестве геральдического изображения императорской семьи»; №803 от 25 августа 1869 г. (Палата Большого государственного совета) «Храмам и святилищам запрещается использовать герб кики-мон»²⁸.
- №981 от 10 октября 1869 г. (Управление делами государства в отсутствие императора (留守官 Русукан)) «Исправить герб кики-мон на предметах, пожалованных религиозным институтам императорской семьей и нижестоящими лицами»²⁹.

---

²⁶ Подробнее см.: *Кики то кири – кōки нару монсё-но сэкай* [菊と桐一高貴なる紋章の世界]. Хризантема и павловния: мир статусных гербов. Токио: Тōкё сүпан, 1996. С. 32–35; Электронная коллекция Национальной парламентской библиотеки // 法令全書 *Хōрэй дзэнсё*. URL: <http://dl.ndl.go.jp/search/searchResult?viewRestrictedList=0&detailSearchTypeNo=A&publisher=%2F%22E5%86%85E9%96%A3%E5%AE%98%E5%A0%B1%E5%B1%80%22%2F&biblevelSearch=1&title=%2F%22E6%B3%95E4%BB%A4%E5%85%A8E6%9B%8%22%2F&materialTypeList=0%7C1%7C2%7C4%7C5%7C6%7C7%7C8%7C9%7C92%7C13%7C15%7C16%7C1> (дата обращения 26.11.2017).

²⁷ *Мэйдзи нэнкан хо:рэй дзэнсё* [明治年間法令全書]. Все законы и постановления эпохи Мэйдзи. Токио: Хара сёбо, 1987. Т. 2. С. 101.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 329.

²⁹ Там же. Т. 2. С. 401.

- №205 от 17 марта 1870 г. «Запрещается жертвовать в храмы и святилища предметы с изображением императорского герба кикү-мон»³⁰.
- №285 от 17 июня 1871 г. «Использование герба кикү-мон запрещено»; №286 от 17 июня 1871 г. «Герб кикү-мон утвержден в качестве императорского герба»³¹.
- Указ от 1880 г. (Министерство внутренних дел) «Запрещается изображать герб кикү-мон на товарах для продажи».
- Указы от 1900 и 1904 гг. (Министерство внутренних дел) «О надзоре за использованием герба кикү-мон» дублировали предыдущие запреты на несанкционированное использование императорского герба³².
- Указ №7 от 1926 г. (Палата Большого государственного совета) «О церемониале при императорском дворе», который касался императорского герба, церемониального устава, расположения мест для членов императорской семьи во время церемоний и пр., и указ Управления императорского двора (宮内庁 Кунай-тё:) «О порядке использования императорского герба и его производных» подтверждали высокий статус герба кикү-мон и запрещали его использование кому-либо, за исключением императора^{33, 34}.

---

³⁰ Там же. Т. 3. С. 124.

³¹ Там же. Т. 4. С. 251.

³² *Кикү то кири – кōки нару монсё-но сэкай* [菊と桐一高貴なる紋章の世界]. Хризантема и павловния: мир статусных гербов. Токио: Токё: сюпан, 1996. С. 32–35.

³³ *Ко:сицу дзитэн* [皇室辞典]. Императорский словарь. Токио: Токё дōсюпан, 1980. С. 225–226.

³⁴ *Кикү то кири – кōки нару монсё-но сэкай* [菊と桐一高貴なる紋章の世界]. Хризантема и павловния: мир статусных гербов. Токио: Токё: сюпан, 1996. С. 32–35.

- Указ Министра внутренних дел от 1929 г. «О правилах использования герба кикү-мон и его производных» дублировал предыдущие запреты³⁵.

Декретом Палаты Большого государственного совета от 1869 г. всем святилищам, за исключением Исэ-дзингу, Уса Хатиман-гу, верхнего и нижнего святилища Камо-дзиндзя, запрещалось использовать герб *кикү-мон*, однако через два года (1871 г.) и они лишились специального права на использование символа хризантемы. Никто в государстве, кроме членов императорской семьи, не имел права публично или непублично использовать герб *дзюроку-бэн кикү-мон*. Даже святилище Исэ-дзингу, которое всегда обладало особыми привилегиями по сравнению со всеми другими религиозными институтами и организациями, было вынуждено свести к минимуму использование хризантемы в декоре интерьера и экстерьера сакрального комплекса.

Однако уже в 1879 г. декрет был пересмотрен, и святилища государственного и провинциального значения (官国幣社 *Канкокухэйся*) получили право использовать *кикү-мон* на постоянной основе: «Допускается использование *кикү-мон* в качестве декоративного элемента на могильных плитах, фонарях в архитектурном комплексе и на прилегающей к буддийским храмам и синтоистским святилищам территории»^{36, 37}. Некоторые святилища сменили свои оригинальные гербы на хризантему, другие же начали использовать *кикү-мон* вместе с оригинальными гербами. Со временем сила наложенного запрета начала ослабевать, и другие храмы и святилища под предлогом

³⁵ Там же. С. 32–35.

³⁶ Подробнее см.: *Нива Мотодзи*. Син-мон сōран [神紋総覧]. Обзор гербов синтоистских святилищ. Токио: Коданся, 2016. С. 52.

³⁷ *Мэйдзи нэнкан хо:рэй дзэнсё* [明治年間法令全書]. Все законы и постановления эпохи Мэйдзи. Токио: Хара сёбо, 1987. Т. 7-1. С. 409.

сохранения традиция и культурно-исторического наследия начали привлекать изображение хризантемы в качестве декоративно элемента, несущего глубокое сакральное значение. Послабление в отношении святилищ и храмов не коснулись частных лиц, для которых несоблюдение запрета на использование герба *кику-мон* грозило административной, а в некоторых случаях и уголовной ответственностью вплоть до окончания Второй мировой войны.

С началом эпохи Мэйдзи была также реформирована практика пожалований герба *кику-мон* в качестве награды за преданную службу. Поскольку указы Палаты Большого государственного совета и других государственных органов закрепили за императором исключительное право на единоличное обладание этим гербом, потребовался пересмотр принципов наградной системы. В результате практика предоставления прав на обладание и использование герба *кику-мон* в личных целях трансформировалась в награждение медалями и орденами с изображением хризантемы, т. е. пожалование материальных носителей императорского герба. Некоторые из этих наград передавались в личную собственность награждаемого и его потомков, другие же необходимо было вернуть государству после смерти их владельца³⁸.

Влияние Революции Мэйдзи на развитие герба *кику-мон* можно кратко описать следующим образом:

1. Сокращение количества владельцев герба *кику-мон* до одного – правящего императора;
2. Сокращение количества материальных носителей герба *кику-мон* и сфер его применения;
3. Укрепление высокого авторитета хризантемы как в геральдической системе, так и в японской культуре в целом;

---

³⁸ Подробнее см.: Розанов О. Н. Япония: история в наградах. М.: РОССПЭН, 2001. 128 с.

4. Первый за всю историю существования геральдики в Японии опыт планомерного законодательного регулирования использования герба на территории всего Японского архипелага;
5. Создание наградной системы, основанной на пожаловании материальных носителей герба кикю-мон, вместо права на обладание им.

После окончания Второй мировой войны, когда прежняя Конституция и указы утратили силу, а оккупационное правительство начало борьбу с пережитками имперского милитаризма, вышеописанные запреты потеряли свою силу и герб *кикю-мон* пережил своеобразное «возрождение». Хризантема все чаще начала появляться в качестве символа традиционной культуры или элемента дизайна в повседневной жизни людей, буддийские храмы и синтоистские святилища с большим энтузиазмом отнеслись к возможности нанести этот символ на стены, инвентарь и сакральные предметы³⁹.

Сегодня Управление императорского двора высказывает пожелание к гражданам Японии об ограничении использования хризантемы (от 12 до 24-лепестковой) в качестве семейного герба. Но поскольку использование символа *кикю-мон* в Японии последние 150 лет было ограничено в первую очередь законодательно, и лишь во вторую – благодаря почтительному отношению граждан и их доброй воле, контролировать этот процесс сейчас без законодательного регулирования не представляется возможным.

---

³⁹ Подробнее см.: *Нива Мотодзи*. Син-мон сōран [神紋総覧]. Обзор гербов синтоистских святилищ. Токио: Коданся, 2016. С. 50–51.

**Оомия-коэн –
литературно-парковое «открытие» Европы**

Сегодня нет, наверное, человека, который не слышал бы хоть что-нибудь о японских садах. По этим садам не гуляют, ими любят, в них размышляют о жизни и просто наслаждаются постоянно меняющимися картинами природы. Это созерцательные сады. И еще — своего рода произведения искусства, создатели которых также почитаемы как выдающиеся художники и композиторы. Можно без преувеличения сказать, что искусство создания японских садов уже давно вышло за границы самой Японии, и найдется немало европейских стран, где созданы настоящие японские сады, являющиеся большой ценностью и достоинством. А ведь еще сравнительно недавно сад, как и многое другое «японское», считалось экзотикой, существующим только в далекой и неведомой стране.

Самим же европейцам, наверняка, показалось бы невероятным, что их сады, а точнее — парки также представляться чем-то экзотическим. Для тех же японцев. Парки, по которым можно гулять, в которых можно пить кофе и даже кататься на лодке, 150 лет назад совершили один из поворотов в сознании японцев, познакомившихся в конце XIX в. с европейской культурой, в том числе и с европейским садово-парковым искусством.

В этой связи особый интерес представляет история создания и развития парка Оомия (Оомия-коэн), который находится сравнительно недалеко от Токио, в соседней от столицы префектуре Сайтама. Оомия — это название достаточно большого города этой префектуры, крупного железнодорожного узла, поэтому, хотя название парка и воспринимается как имя собственное, на самом деле имеет значение «Парк [города] Оомия».

Этот парк — прекрасный пример того, как в конце XIX в. после «открытия» страны для Европы и мира, японцы

начали быстро осваивать достижения европейской цивилизации, заимствовать неизвестные им доселе предметы и явления. Именно на этой волне возникло желание не только приобщиться к европейской моде, но и к формам досуга.

Интересно, что идея создания парков в европейском стиле принадлежала японскому правительству. Как отмечает С.А.Мостовой, после перенесения столицы страны в г. Эдо и переименования его в Токио в 1869 г., облику столицы стали уделять большое внимание, а правительство «по примеру западных стран включило в программу государственных реформ создание общественных парков»¹.

Однако первая проблема, с которой столкнулось правительство, было отсутствие свободных больших площадей. В связи с этим, указом 1873 г. всем префектурам страны предписывалось указать на территории, принадлежащей им, места, где возможно будет создать парк в европейском стиле. При этом оказалось, что самые большие площади нередко принадлежат синтоистским и буддийским храмам. Начался процесс изымания земель в пользу парков для прогулок. Именно так в одной только преф. Сайтама возникли любимые по сей день местными жителями парки Кайракуэн около синтоистского святилища Цутиномия (г.Урава) и Нарита – на месте бывшего замка Оси (г.Гёда). Однако самый большой парк возник в г.Оомия около известного синтоистского храма Хикава-дзиндзя.

Этот храм истари владел большими землями. Однако это была не ухоженная территория, а довольно дикая и заболоченная местность. Считается, что когда-то у храма было во владении красивое зеленое плоскогорье, которое под влиянием эрозии почвы и разливов реки Арагава превратилось в болотистую низменность и заросло дикой порослью. Тем не менее, там произрастали и красная сосна,

---

¹ Мостовой С.А. Сады новой и старой столиц в период модернизации Японии конца XIX – начала XX в. // «Россия и АТР», 2015, № 4 С. 198.

и символы японской осени – кусты с нежными розовыми цветами — *хаги*, и трава с крупными метелками — *сусуки*.

Эти почти девственные леса считались «прихрамовой рощей» храма Хикава-дзиндзя. И именно они были переведены в государственную собственность. В результате реформы у храма Хикава-дзиндзя из 276 тысяч кв. метров изъяли 198 тысяч кв. метров. Эти изъятые земли и стали территорией парка Оомия-коэн, который на момент открытия представлял собой довольно дикий лес и даже сначала назывался «сосновым парком».

Решение о создании парка было принято в 1884 г., и уже в следующем 1885 г. он был открыт под названием Хикава-коэн. Надо сказать, что сначала идея открыть парк около храма Хикава-дзиндзя нашла больше сторонников, нежели противников. Местным жителям импонировало то, что их «малая родина» получила статус общепризнанного достопримечательного места, описанного в «Атласе достопримечательностей Эдо» и определенное там как «святилище у станции Оомия под названием Хикава». Там же указывалось, что этот храм является главным святилищем всей провинции Мусаси – большой территории, сегодня объединяющей несколько префектур страны. Однако было и немало противников открытия нового парка. Они выступали также против строительства железной дороги и изъятия земель у храма.

Но процесс создания в г. Оомия европейского парка уже было нельзя остановить. И очень скоро парк стал чрезвычайно популярен не только среди жителей префектуры Сайтама. Посмотреть на новый необычный парк и погулять среди огромных сосен приезжали и жители столицы, и жители других токийских пригородов. Количество отдыхающих в парке стремительно росло благодаря тому, что еще в 1883 г. была открыта железнодорожная ветка Уэно — Куматани, на которой

быстрыми темпами началось строительство станции Оомия, открывшейся для пассажиров в 1885 г.

Парк отвечал всем требованиям и представлениям того времени о европейской форме досуга. В нем открылись спортивные площадки, можно было покататься на лодке по пруду, при входе одна за другой стали открываться кофейни. Но при этом сохранялось и то, что было привычно для японского взгляда и вкуса: в парке посадили деревья сакуры, чтобы он стал местом любования, а в непосредственной близости к парку и на его территории появились небольшие чайные домики и даже гостиницы в японском стиле. Считалось также, что у парка Оомия есть особый кулинарный изыск, и потому все кофейни и другие заведения общественного питания, находящиеся там, были чрезвычайно популярны.

Не исключено, что именно желание приобщиться к чему-то новому и модному, привлекало в парк Оомия самых известных литераторов. Можно даже сказать, что уже в конце XIX — начале XX вв. парк превратился в своего рода литературный клуб, где если и не собирались специально все известные писатели того времени, то часто гуляли, черпали вдохновение, назначали друг другу встречи. Именно поэтому парк много раз становился местом действия их литературных произведений.

Одной из первых оставила свои впечатления о парке Оомия известная писательница Хигути Итиё (1872-1896), которая в 1892 г. посетила парк и так написала в своем эссе «Обрывки творчества»: «Во всех газетах журналисты наперебой описывают парк Оомия, что находится в Сайтама, как место странное, интересное, модное, изящное и со вкусом, но не лучше ли поехать туда самим, чем вот так описывать его?»².

---

² 大宮公園と文学者たち。埼玉文学館、1999。P.7.

Можно сказать, что «приглашал» своих читателей в парк Оомия и писатель Таяма Катай (1872-1930), которому принадлежат мало известные нашему читателю произведения — путеводители «Однодневные прогулки» (1918), «Путешествие на один-два дня. Пригороды Токио» (1920) и «Окрестности Токио. Приятные однодневные поездки» (1923). В «Путешествии на один-два дня. Пригороды Токио» он восклицает, рассказывая о парке Оомия: «Чем ехать в Хаконэ, намного интересней остаться здесь!»³. А в заметках «Окрестности Токио. Приятные однодневные поездки» так описывает свои впечатления от этого парка: «Парк Оомия — тихое и милое место. Особенно я люблю его ранним летним утром. Все вокруг освещено солнцем — луг будто золотистый, вода на рисовом поле — совсем голубая, а на ветвях сосен — утренняя роса... Вот бы поместить действие одной-двух глав романа сюда! В маленькой гостинице — юноша и девушка. Они полны любви друг к другу...»⁴.

Вероятно, такие же мысли приходили и другим писателям. Именно поэтому местом действия некоторых сцен для своих произведений выбрали парк Оомия многие из них. Так, например, Куникада Доппо (1871-1908) в почти автобиографичном рассказе «Третий» (1903) повествует о непростых отношениях мужчины и женщины. Известно, что Доппо писал его почти «с натуры» — в основе сюжета лежат отношения самого писателя и его жены Сусуки Нобуко. Хорошо зная и любя парк Оомия, Куникада Доппо делает его самым счастливым местом для своих героев — уже почти расставшихся возлюбленных: именно туда оба они возвращаются в своих снах.

Парк Оомия стал и местом вдохновения для одного из героев небольших литературных зарисовок «Развлечение» (1909) известного писателя-эстета Нагай Кафу (1879-1959).

³ Там же.

⁴ 東京近郊一日行楽. 博文官 1923. P.89.

Именно здесь после долгой прогулки герой делает первые наброски для своего будущего романа⁵. И это не случайно. Нагаи Кафу, будучи знатоком и ценителем как европейской культуры, так и атмосферы старого Эдо, нередко выбирал местом действия для своих произведений или «европеизированные» уголки столицы, или, наоборот, те, что сохранили дух старой Японии. «Как и вся японская интеллигенция того времени, — отмечала Н.И.Чегодарь. — он читал Золя и Ибсена (на английском языке). Произведения Золя произвели на Кафу такое впечатление, что он начал изучать французский язык, чтобы иметь возможность прочитать их в подлиннике»⁶.

В период своего увлечения Золя в 1901-1903 гг. Нагаи Кафу написал несколько рассказов, в которых в большой степени чувствовалось влияние великого французского мастера. Рассказ «Честолюбие» (1902) был одним из них. Парк Оомия как любимое место прогулок главного героя становится еще и местом кульминации рассказа — именно во время столь изысканной прогулки «в европейском стиле», на которой герой мысленно отключается от японской действительности, он и получает сообщение от жены — фирма, в которой он служил, прекратила свое существование. Мечты, навеянные парком Оомия, рассеялись, а реальность вступила в свои права⁷.

Не оставил без внимания парк Оомия и известный писатель Мори Огай (1862-1922), также считавшийся одним из знатоков европейской культуры — будучи по специальности врачом, он два года пробыл на стажировке в Германии. Герои его известной повести «Юноша» (1913), написанной в свое время под влиянием романа Нацумэ Сосэки (1867-

⁵ 荷風全集〈第6巻〉歓楽・すみだ川. 岩波書店, 1992.

⁶ Чегодарь Н.И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М., 2004. С.86.

⁷ 荷風全集〈第2巻〉野心・地獄の花. 岩波書店, 1993.

1916) «Сансиро» (1908), гуляют по парку Оомия. В повести упоминается и синтоистский храм Хикава-дзиндзя, и пруд, и чайный домик, существующие до сих пор: «Они подошли к главному зданию святилища Хикава... Затем вышли к пруду, что был справа от него»⁸. Там герои увидели небольшой чайный домик, и он им обоим очень нравится, как и весь открывшийся их взору пейзаж. Сегодня это небольшой ресторанчик в японском стиле под названием «Итиноя». И его нынешние хозяева утверждают, что именно их заведение было описано в повести «Юноша».

Вероятно, пообедать в парке Оомия считалось в то время модным, может быть, даже престижным делом. Сохранились, например, сведения о том, что известный поэт Масаоки Сики (1867-1902), который в 1890 г. впервые посетил парк Оомия и остановился в маленькой гостинице «Под сенью сосен», затем пригласил туда Нацумэ Сосэки. Вместе они провели там два дня, гуляли и посещали местные ресторанчики, которые особенно славились своей кухней. О своем приезде в парк Оомия Масаока Сики оставил воспоминания в созданном незадолго до смерти собрании эссе-*дзуйхицу* «Капля туши» (1902):

«... прибыл в парк Оомия, и когда добрался до гостиницы с названием «Под сенью сосен» и заселился там, от тишины и прохлады, что проникала сквозь огромные сосны, ощутил счастье. Что здесь здорово, так это еда и заросли хаги...»⁹

Поэт потом не раз возвращался в парк Оомия, где в те времена было, вероятно, особое сочетание его совершенно разных ландшафтных сторон. В одной части он полностью отвечал стилю европейского парка с широкими дорожками и лодочными прогулками, в другой же — все еще напоминал дикий лес с остатками первозданной природы, с

⁸ Цит. по: 大宮公園と文学者たち。埼玉文学館、1999。P.11.

⁹ 正岡 子規。墨汁一滴。岩波文庫、1984。P. 47.

цветущим лугом и зарослями высокого кустарника. Считается, что Масаоки Сики написал немало стихотворений, помещенных в разные сборники, под впечатлением от парка Оомия. Вот только одно из них:

Шагнул...

Но дороги домой не нашел

В зарослях хаги.¹⁰

Не исключено, что именно это «сочетание несочетаемого» привлекало японскую интеллигенцию в парк Оомия. В Музее истории и этнографии преф. Сайтама хранится уникальное издание. Оно датировано 1899 годом. Его создатели — два известных человека того времени: художник Асаи Тю (1856-1907), крупнейший пейзажист школы европейской живописи — *ёга*, и популярный журналист и политический деятель, владелец газеты «Япония» Куда Катунан (1857-1907). Он же был и основателем одного из популярных в то время кружков-салонов «Общество вечной чистоты» («Тёсэйкай»). «Под маркой» этого общества Асаи Тю и Куда Катунан и создали свое удивительное произведение — «Свиток о досуге в парке Оомия «Общества вечной чистоты». Поводом для его создания стала вечеринка, которую устроил Асаи Тю в парке Оомия перед своим отъездом в Европу на стажировку. Именно тогда приятели и решили запечатлеть времяпровождение своих друзей в парке. В результате Асаи Тю нарисовал целый свиток картинок, на которых были изображены бытовые сцены охоты, пирушек и прогулок. Вероятно, все действующие лица были узнаваемы, тем более, что Куда Катунан написал пояснения к этим картинкам: «Конец ноября 1899 г. Устроили пирушку на целый день и ночь», «...наконец, сели в поезд и приехали в Оомия, с удовольствием устроили пирушку в парке...»¹¹.

¹⁰ 大宮公園と文学者たち。埼玉文学館、1999。P.8.

¹¹ Там же. С. 9.

Конечно, сегодня почитателей парка Оомия интересует не только, как именно проводили время тогда еще совсем молодые будущие известные японские писатели и художники, но и как во времена их молодости выглядел сам парк. Среди рисунков Асаи Тю есть изображения его друзей. Вот, например, участники кружка «Тёсэйкай» обедают в уютной харчевне. Лица хоть и прописаны схематично, но все настолько разные, что, конечно, воспринимаются как портреты реальных людей. Но по большинству рисунков можно составить вполне достоверное впечатление об облике самого парка, который на многих из них напоминает лес. С некоторой долей условности эти рисунки вполне могли бы стать иллюстрацией, например, к «Запискам охотника» И.С.Тургенева. Вот два по виду охотника на рассвете пробираются сквозь высокую траву. Небо только начинает светлеть. Впереди радостно бежит собака. А вот целая компания любителей дальних прогулок с небольшой поклажей на перекинутых через плечо то ли зонтах, то ли палках движется неторопливой вереницей по лесной опушке и как раз проходят мимо старого дерева с большим дуплом¹².

Можно сказать, что именно необычная природа парка Оомия манила к себе его почитателей. И почти все они отмечали красоту огромных сосен, что росли на берегу пруда. Сосны отражались в воде, что придавало парку и грандиозность и камерность одновременно. Известный публицист и автор многочисленных эссе-*дзуйхицу* Тэрада Торахико (1878-1935) в одном из своих сборников эссе «Дорожные записки с природы» несколько раз описывал природу парка Оомия: «Утром, наспех собрав кисти и краски, отправился в парк Оомия. Уже подходя к парку, неспешно прошелся от пастбища, что было позади него, до огородов с бататами. Сделал зарисовки. И уже в половине четвертого был на станции», «...когда я вошел в парк не с

¹² Там же.

главного входа, то увидел, как из густой высокой травы будто вырастают сосны. Прямо под ними собрались девочки-школьницы. А издалека показалось, будто в траве распустились цветы. Красиво!»¹³.

Сегодня парк Оомия по-прежнему центр культурной жизни префектуры Сайтама. Вокруг него расположились стадион, бассейн, музей... Конечно, он обновлен, но все равно кажется, что за 150 лет мало что изменилось. Огромные сосны по-прежнему смотрятся в пруд, деревья сакуры, посаженные при открытии парка, если и заменены на более молодые, то все равно стоят на своих местах, а заросли *хаги*, воспетые Масаока Сики, будто специально высаживаются здесь, чтобы опять кто-то не смог найти дорогу домой... Появившись как «модное и странное» явление, парк Оомия стал неотъемлемой частью жизни города; он хранит память о тех, кто удивляясь ему, воспел его, и меняется вместе с новыми поколениями и эпохой.

---

¹³ Там же. С.12.

Куни дзукуси как японская игра в «города»

Понятие *куни дзукуси* 国尽 – «перечисление названий провинций страны» часто встречается в названиях сочинений, географических карт, серий гравюр¹.

Появление понятия *куни дзукуси*, вероятно, определено условиями развития Японии в конце эпохи Токугава. В истории страны этот период был одним из самых сложных и противоречивых. Он был отмечен глубоким социально-экономическим кризисом и многочисленными стихийными бедствиями (землетрясениями, наводнениями, тайфунами, эпидемиями, голодом). Для преодоления перечисленных явлений и их тяжелых последствий были проведены три группы реформ, вошедших в историю по названию девизов правления – Кёхо (1716-1745), Кансэй (1787-1793) и Тэмпо (1841-1843). Однако ни социально-экономические, ни политические реформы не только не дали ожидаемых результатов, но вызвали недовольство в обществе и, в конечном итоге, явились катализатором Реставрации Мэйдзи в 1868г.

Принято считать, что к середине XIX в. грамотность в Японии была сопоставима со странами запада и составляла около 45% мужского и 15% женского населения. Грамотность была неравномерной не только с гендерной, но и социальной точки зрения². Почти в каждом княжестве существовали школы *ханко*, в которых учились представители самурайского сословия; простолюдины, преимущественно в городах, имели возможность посещать *тэракоя*³.

¹ 福沢諭吉、世界国尽 (1869). 無筆重寶國尽案内 (1840-43). 歌川国吉、江戸錦いまよ国尽 (1852)、(Утагава Куниёси. Эдо нисики имаё куни дзукуси). 国貞、大日本詩織 国尽 (1853). Утагава Куниёси. (Кунисада. Дай нихон сиори куни дзукуси).

² Гришелева Л.Д. Формирование японской национальной культуры. Конец XVI – начало XX вв. М.: Наука, 1986. с. 152. Лещенко Н.Ф. Япония в эпоху Токугава. М.: ИВРАН, 1999. с. 194.

³ К 1860 г. за пределами столицы насчитывалось около 255 школ *ханко* 藩学校. Они существовали до 1871 г. К середине XIX в. действовало

Обширный список предметов (классическая филология, музыка, китайская наука, астрономия, география, история, рангаку), преподававшихся в *ханко* давал возможность получить хорошее среднее образование, *тэракоя* же учили чтению, письму и арифметике, а также давали практические навыки. Во второй половине периода Токугава в стране был «книжный бум», издавались книги разных жанров, появление многоцветной печати, позволявшее добавить иллюстрации, сделало их более привлекательными для широкого читателя. Немалую часть книжных новинок составляли географические сочинения. Список карт и географических сочинений 1821 г. включал 900 наименований, большая часть которых была напечатана и издана коммерческими тиражами⁴.

Повышенное внимание к географической составляющей в это непростое время не удивительно для японской культуры. Природа, география страны исконно рассматривались народами, как основа их собственной идентичности. Возможно, для островных народов эти факторы имели большее значение, чем материковых. С древности комплекс верований жителей японских островов иллюстрирует данное утверждение, а язык формулирует и уточняет его. Географический компонент был важнейшим и в мифологии, и в поэзии, и в произведениях изобразительного искусства, и даже в развлечениях⁵. Внимание к географии своей страны усиливалось в сложные, критические периоды истории. Оно

около 15000 школ *тэракоя* 寺子屋. После Реставрации Мэйдзи и введения обязательного начального образования они были заменены государственными.

⁴ Marcia Yonemoto. Mapping Early Modern Japan. Berkley: University of California Press, 2003. p. 6.

⁵ В период Эдо в настольных играх *сугороку-э* появились игры, посвященные путешествиям по стране, а к концу периода – мировой географии и путешествиям вокруг света. См. Шарова А.Б. Игры *сугороку* – знакомство с далекими странами. История и культура традиционной Японии 10. СПб: Гиперион, 2017. Сс. 332-345.

лежит в основе императорского мифа, концепции «божественной страны» синкоку⁶ и т.д. Представляется, что термин *куни дзукуси* ещё одно проявление данной особенности.

В словаре японского языка термин *куни дзукуси* объясняется, как список названий всех провинций страны, упорядоченный для более легкого запоминания и используемый в рукописных книгах⁷. В Большом словаре Сансэйдо написано, что слово *куни дзукуси* возникло в период Муромати и использовалось в *тэракоя*. Вероятно, ученики должны были учить наизусть 60 с лишним названий провинций, как таблицу умножения. В период Эдо и до начала эпохи Мэйдзи создавались школьные тетради-прописи названий провинций страны. Понятие также обозначало один из видов шуточных, простонародных *дзаттай* (тип *хайкай*), в которых использовались названия провинций⁸. Обращает внимание, что в исторических словарях статей, посвященных понятию *куни дзукуси*, не обнаруживается. В словаре 1932 г. информация о таком понятии отсутствует; в словаре 1988 г. имеется статья об одноименном произведении Фукудзава Юкити, а в энциклопедии национальной истории 90-х гг. XX в. сочинение упоминается лишь в общей статье о философе⁹.

Основными источниками нашего исследования являются географическая карта неизвестного автора и сочинение крупнейшего философа эпохи Мэйдзи Фукудзава Юкити (1835-1901), в названии которых использовано понятие *куни дзукуси*. Оба источника, изобразительный – карта и

⁶ Синкоку 神国.

⁷ Нихонго дайджитэн (Большой словарь японского языка). Токио: Коданся, 1989. с.552. Нихонси дзитэн (Словарь японской истории). Токио: Кадокава сётэн, 1988. с. 536. Кокуси дайджитэн (Энциклопедия национальной истории). Токио: Ёсикава кобункан, 1991.Т. 12. с. 73-74.

⁸ Сансэйдо супа дайджитэн (Очень большой словарь Сансэйдо). Токио: Сансэйдо, 2013. (электронный словарь).

⁹ Кокуси син дзитэн (Новый словарь национальной истории). Токио, 1932.

письменный – учебное пособие для начальной школы, сосредоточены на географическом пространстве, первый посвящен японскому архипелагу, второй расширяет границы понятия до мира в целом. Обращает внимание, что оба произведения рассчитаны на широкую, не искушенную образованием аудиторию.

Сочинение Фукудзава упоминается во множестве, как посвящённых философу работ, так и общих исследований периода Мэйдзи¹⁰, в то время, как карта для неграмотных привлекала внимание ученых существенно реже¹¹.

Рассмотрим карту Японии Мухицу тёхо кунидзукуси аннай (1843-1846) «Драгоценное исчерпывающее описание провинций [всей] страны для неграмотных»¹². Карта Японии для неграмотных была составлена в 40-е годы XIX в., во время или сразу после реформ Тэмпо (1841-1843), которые среди прочего вводили ограничения на передвижения крестьян, частоту паломничеств, образование, изучение рангаку и др.

Форма японского архипелага на карте довольно условно повторяет форму японских островов типа Гёки. На карте изображены все провинции страны, их названия

¹⁰ Tessa Morris-Suzuki. Re-inventing Japan: Time, Space, Nation. London: Routledge, 1998. Akiko Uchiyama. Fukuzawa Yukichi's representation of the "Others" // Agents of Translation. Ed. John Milton, Paul Fadio Bandia. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamin Publishing, 2009. pp. 63-82. Akiko Uchiyama. Assimilation or Resistance? Yukichi Fukuzawa's Digestive Translation of the West. // Translation and Translation Studies in the Japanese Context. Ed. Nana Sato-Rossberg, Judy Wakabayashi. London: Bloomsbury, 2012. pp. 73-91.

¹¹ Пока удалось обнаружить лишь короткую аннотацию Миёси Тадаёси и Онода Кадзуюки в каталоге картографической коллекции муниципального музея Кобэ. Нихон котидзу корэкусэн. Токио: Кавадэ сэбо 2014. Сс. 64-65.

¹² Мухицу тёхо кунидзукуси аннай (1843-1846) «Драгоценное исчерпывающее описание провинций [всей] страны для неграмотных» 無筆重寶國尽案内.

обозначены рисунками, легенда и количество уездов в провинциях записаны иероглифами. В легенде перечислены провинции по областям. Исследователи-хранители музея Кобэ полагают, что карту можно не только отнести к категории иллюстрированных, а благодаря игре слов и картинок в названиях провинций рассматривать ее и как развлекательный ребус. Так, названия провинций Ямасиро и Ямато согласно изображениям трактуются соответственно, как «замок на горе» и «стрела, поразившая цель»¹³. Интересна запись названия провинции Иё на Сикоку – на пространстве провинции нарисованы колодец и герб одной из пожарных команд в Эдо¹⁴. Нумерация пожарных команд в Эдо обозначалась не цифрами, а знаками азбуки *ироха*. По мнению исследователей-хранителей карты, разгадать шифр, ребус были способны лишь жители столицы, которым была известна система нумерации пожарных дружин¹⁵.

Основным принципом, по которому мастер выбирал предметы для изображения, была омонимичность названий провинций и соответствующих по звучанию предметов, действий и пр. Представляется, что подбор изображений не случаен, а составляет своеобразную азбуку в картинках. Так, например, для изображения звука «и» автор использовал изображение колодца 井. В названия провинций Идзу, Исэ, Ига, Идзумо, Ивами, Инаба включен рисунок колодца. Изображение «картины» 絵 соответствовало звуку «э», встречается в названиях провинций Эттидзэн, Эттю и Этиго. Для слога «сэ» в названиях Сэтцу и Исэ художник выбрал рисунок спины человека 背. Для слога «ми» в названиях провинций Ооми, Мино использовалось изображение веялки 箕. В некоторых случаях автор использовал омонимичные слова. Например, в названиях провинций Ава (Токайдо и

¹³ «山 яма-гора» и «城 сиро-замок». «矢 я-стрела» и «的 мато-цель».

¹⁴ «井戸 и-колодец» и герб [纏] дружины よ組.

¹⁵ Миёси Тадаёси, Онода Кадзуюки. Нихон котидзу корекусён (Коллекция старых карт Японии). Токио: Кавадэ сэбо, 2014. с. 65.

Нанкайдо) и Авадзи – два слога «а-ва» нарисованы «горстью просяных зерен» 粟, в Авадзи для обозначения звука «дзи» добавлен «кобылка [музыкального инструмента] кото» 琴柱. Название провинции Кавати объяснить не просто. На карте нарисованы «река (кава 川)» и «небольшое кольцо к древку для крепления знамени (ва 小輪)». Миёси Тадаёси и Онода Кадзуюки в предложенной ими расшифровке названий записывают Кавати двумя иероглифами 川乳 (кава – ти), что представляется логичным, поскольку в других провинциях слог «ти» изображен контуром женской груди, например, Этидзэн, Этиго¹⁶. Таким образом, либо разгадка сложнее, чем кажется на первый взгляд, либо на имеющейся в нашем распоряжении копии карты рисунок слога «ти» не виден или утрачен.

Пособие Фукудзава Юкити по географии «Сэкай куни дзукуси», было написано, чтобы познакомить простых людей, в первую очередь «женщин и детей» с мировой географией¹⁷. Сочинение молодого автора завоевало популярность, превратилось в бестселлер. В 1870 г. писатель, журналист Канагаки Робун (1829-1894) сочинил небольшую пародию, в которой названия 5 континентов заменил пятью главными кварталами развлечений в Эдо, включив знаменитые дома и имена гейш¹⁸. После введения обязательного начального образования в 1872 г. сочинение Фукудзава стало школьным учебником.

Оно состояло из шести томов: 1. Азия, 2. Африка, 3. Европа, 4. Северная Америка, 5. Южная Америка и Океания, 6. Приложения. Источниками работы Фукудзава

---

¹⁶ Там же, с. 64.

¹⁷ Сайто Хидэхио. Предисловие. // Фукудзава Юкити «Сэкай куни дзукуси» дэ сэкай-о манабу (Изучение мира с помощью сочинения Фукудзава Юкити «Страны мира»). Токио: Минерва сёбо, 2017. с.I

¹⁸ Helen Hardacre, Adam L. Kern. *New Directions in the Study of Meiji Japan*. Leiden: Brill Academic Pub, 1997. p. 221.

были географические и исторические труды британских и американских исследователей, основу составила «Система современной географии» крупного американского географа и картографа Августа Митчелла¹⁹. Исследователь наследия японского философа Акико Утияма выявляет сходство некоторых частей учебника Фукудзава и географии Митчелла. Она отмечает, деятели Мэйдзи Исин полагали, что расширение представлений, знаний о мире, будут способствовать пониманию достижений западной цивилизации. Это сочинение отвечало потребностям Японии, недавно открывшей себя миру²⁰.

Фукудзава многое сделал, чтобы превратить текст в доступный, легко читаемый детьми и малознакомыми с дальними странами и культурами соотечественниками. Книги были написаны крупным каллиграфическим почерком, известным по тетрадам с прописями, а ритмический стиль 7-5 слогов позволял читать текст вслух и помогал запоминанию. Текст в оригинале разделен на две части, основную, написанную крупно, ритмическим стилем и примечания – более строгим почерком и насыщенного информацией. Текст сопровождается иллюстрациями, большая часть которых размещена в примечании. Множество иллюстраций также облегчали понимание. Каждый том завершается картой одного из пяти континентов. Последний шестой том представляет общий очерк, в котором автор объясняет основные понятия географической науки, а также пишет о физической и гуманитарной географии²¹. Это сочинение молодого автора приобрело популярность у читателей, и было переиздано в 1872 г., затем в сокращен-

---

¹⁹ S. Augustus Mitchell. A System of Modern Geography. N.-Y.; Butler and Co, 1860.

²⁰ Akiko Uchiyama. Assimilation or Resistance? Yukichi Fukuzawa's Digestive Translation of the West. p. 81.

²¹ Фукудзава Юкити. Сэкай куни дзукуси (Страны мира) URL : http://www.wul.waseda.ac.jp/kotenseki/html/bunko11/bunko11_a1835/ind ex.html 20.12.2017

ном виде в 1875 г. Репринтное издание оригинала был опубликован Музеем японской литературы нового времени в 1968 г., а комментированное издание вышло в 2017 г.²²

Представленный первичный небольшой обзор двух произведений, в названии которых авторы использовали понятие *куни дзукуси* позволяет наметить ряд сходств при кажущемся различии рассматриваемых источников. Создавая карту для неграмотных, художник не только представлял зрителю родную страну, но, рисуя традиционные, знакомые простому японцу предметы, явления, расширял представления о языке. Сочинение Фукудзава является адаптированным для восприятия простых японцев географическим и историческим текстом о странах мира, написанным на основе исследований западных ученых. Оба произведения в упрощенной, игровой форме знакомили детей и неискушенных знаниями жителей островов, как с особенностями своей страны, так и загадочным окружающим миром. Авторы использовали одни и те же, привычные простому японцу способы объяснения – иллюстрации, особенности разговорного языка, игровой компонент.

---

²² Фукудзава Юкити-но «Сэкай кунидзукуси» дэ сэкай о манабу (Познание/изучение мира с помощью сочинения Фукудзава Юкити «Сэкай кунидзукуси»). Ред. Сайто Хидэхико. Токио: Минерва сэбо, 2017.

**Реформы математического образования
в эпоху Мэйдзи: место для японской математики в
эпоху модернизации страны по европейской модели**

Введение

Существует огромное количество работ рассматривающих реформы в японском образовании периода Мэйдзи. Подавляющее большинство исследований превозносило темпы модернизации страны и восприятия западных моделей Японией. Для японских авторов эпохи Мэйдзи это обуславливалось идеологическим заказом правительства: в первые десятилетия – объяснить и доказать обществу цели реформ и необходимость «учиться у Европы» (напр. Фукудзава Юкити), затем показать исключительность и избранность Японии в регионе, обосновать право вести за собой по пути прогресса другие страны Азии. Для западного исследователя важно было поддержать всеобщность исторического (социально-экономического) развития и вписать в него историю Японии. Образ реформ Мэйдзи сформировался и окончательно закрепился. В том числе это касалось и математики.

Только в последние десятилетия появляются исторические работы освещающие ситуацию, когда «модернизированный на бумаге» аспект – например начальное математическое образование по западному образцу – на практике был воспринят с запозданием. Но таких исследований мало. На данный момент подробнее всего этот вопрос удалось осветить математику Кандзи Уэно¹.

---

¹ Kenji Ueno. From Wasan to Yozan. Comparison between Mathematical Education in the Edo Period and the One after the Meiji Restoration // Mathematics Education in Different Cultural Traditions- A Comparative Study of East Asia and the West. The 13th ICIMI Study. ed. By Frederick K.S. Leung, Klaus-D. Graf, Francis J. Lopez-Real. NY: Springer, 2006. P. 65-79; Kenji Ueno. Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration // ZDM Mathematics Education Vol. 44. (2012 Aug). Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 2012. P. 473–481.

В эпоху Мэйдзи японская наука и образование постепенно заимствует и копирует западные образцы. Рассматривая эти процессы на уровне социокультурных изменений в стране в целом тезис верный. Однако, на уровне истории отдельной отрасли науки математики количество оговорок уже не позволяет пренебрегать деталями. Сложилась ситуация, когда с одной стороны историки уже представили реформы Мэйдзи едва ли не как мгновенное поглощение японской культуры европейской. С другой стороны, почему после рецепции европейского математического образования и замещения японской математической школы европейской в XIX в., во второй половине XX в. и сейчас, и в США и в Европе авторы продолжают писать о «японском опыте» и необходимости «учиться» у Японии? Например, статьи Джулии Витсбурн (Великобритания)², Мосвольд Вилла (Голландия)³, Гюндель Шомер⁴ (Германия), Дуглас Эрбах

---

² Julia Whitburn. Improving Mathematics Attainment: Lessons From Abroad? National Institute of Economic and Social Research (1997) [Электронный ресурс]: University of Leeds. URL: <http://www.leeds.ac.uk/educol/documents/000000502.htm> (дата обращения: 06.06.2016); Julia Whitburn. The Teaching of Mathematics in Japan: An English Perspective // Oxford Review of Education. Vol. 21, No. 3 (Sep., 1995), pp. 347-360 [Электронный ресурс]: JSTORE URL: https://www.jstor.org/stable/1050877?seq=1#page_scan_tab_contents (Дата обращения: 26.04.2017).

³ Mosvold, R. (2008) Real-life connections in Japan and the Netherlands: National teaching patterns and cultural beliefs // International journal for mathematics teaching and learning, July 2008. P. 1-18. [Электронный ресурс]: Universitetet i Stavanger. URL: <https://brage.bibsys.no/xmlui/bitstream/handle/11250/185486/Real-life%20connections%20in%20Japan%20and%20the%20Netherlands.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (Дата обращения: 05.06.2016)

⁴ Gundel Schumer. Mathematics education in Japan // Journal of Curriculum Studies. Vol. 31 (1999). P. 399-427 [Электронный ресурс]: JCS URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/002202799183061?journalCode=tcus20> (Дата обращения: 22.11.2017)

(Швеция)⁵, и Кэйт Джонс (США)⁶. Были опубликованы целые монографии такие, как «The Japanese school: lessons for industrial America»⁷.

Не рассматривая особенности современного преподавания математики в Японии, в работе представлены только некоторые аспекты реформ образования Мэйдзи на примере математической науки, чтобы показать процесс восприятия европейского математического образования на практике не как копирование европейских моделей, но как синтез заимствований и японской национальной школы. Представлена история взаимодействия новой европейской модели и сохранявшейся длительное время традиции. Поэтому также рассматривается ситуация до реформ Мэйдзи в конце эпохи Эдо и ставится акцент на элементах *васан* – счётах *соробан*, и *сангаку*.

Для того, чтобы понять суть вопроса и связь средневековой японской традиции и современности, нужно обратить внимание, во-первых, на популярность счётов *соробан* и «японской ментальной арифметики» для детей – тенденцию последних десятиков лет в Азии (с 1993 г.⁸) и

---

⁵ Douglas Öhrbom. Japanese method to improve mathematics in school [Электронный ресурс]: University of Gävle URL: <http://www.hig.se/Ext/En/University-of-Gavle/Arkiv/Externa-nyheter/2016-02-06-Japanese-method-to-improve-mathematics-in-school.html> (Дата обращения: 25.09.2017)

⁶ Jones K. A comparison of the teaching of geometrical ideas in Japan and the USA. Mathematics Teaching 159. Proceedings of the British Society for Research into Learning Mathematics, 17(3, 1997). P. 65-68. [Электронный ресурс]: <https://pdfs.semanticscholar.org/298e/93d1cbdd5d5ce6fd95875261ac418d751da64.pdf> (Дата обращения: 26.04.2017)

⁷ Duke Benjamin C. The Japanese school: lessons for industrial America. NY: Praeger, 1986. xx, 242 p.

⁸ Чайка М. Китайские педагоги научили детей решать сложнейшие примеры с молниеносной быстротой [Электронный ресурс]: Первый канал. Архив выпуска (04.04.2013) URL: https://www.itv.ru/news/2013-04-04/72333-kitayskie_pedagogi_nauchili_detey_reshat_slozhneyshie_primery_s_molnienosnoy_bystrotoy (Дата обращения: 22.11.2017)

последних пяти (первая школа открылась в 2013 г.)⁹ лет в России. Во-вторых – на задачи из японской геометрии *сангаку*, заинтересовавшие математиков-любителей за пределами Японии ещё в 90-х. «Старая японская теорема» (1991 г.) в научно-популярном журнале «Квант»¹⁰ превратилась уже в коллекцию из 70 задач сайта¹¹ «Sangaku: Reflections on the Phenomenon» (2017 г.). Далее рассмотрены именно исторические особенности реформы образования в эпоху Мэйдзи, которые обусловили сохранение этих двух традиционных для японской математики *васан* элементов.

Сангаку и математическое образование в эпоху Эдо

В эпоху Эдо основными центрами изучения математики являлись Киото и Осака. Затем вместе со школой Сэки Такакадзу центр перемещается в столицу Эдо. Помимо частных математических школ в каждой провинции *хан*, существовали школы для детей военного сословия *ханкō* (藩校) где вместе с китайской классической литературой мальчиков обучали элементарным вычислениям. Правила и программы обучения отличались в зависимости от провинции, где-то обучение начиналось с 7, где-то с 11 лет.

Почти в каждом городе и некоторых деревнях существовали храмовые школы *тэракоя*, где преподавали священнослужители, бывшие военные или отошедшие от дел чиновники на пенсии. Можно отметить, что в таких школах девочки также могли обучаться. Возраст для начала обуче-

---

⁹ Соробан школа устного счёта URL: <https://soroban.ru/about-school/> (Дата обращения: 28.10.2017)

¹⁰ Хонсбергер Р., Старая японская теорема // Научно-популярный физико-математический журнал «Квант» № 7 (1990), издается с января 1970 года [Электронный ресурс]: Архив номеров «Кванта» URL: http://kvant.mccme.ru/1990/07/staraya_yaponskaya_teorema.htm (Дата обращения: 23.06.2016).

¹¹ Sangaku: Reflections on the Phenomenon [Электронный ресурс]: cut-the-knot URL: <http://www.cut-the-knot.org/pythagoras/Sangaku.shtml> (Дата обращения: 25.08.2017)]

ния строго нигде не устанавливался, но обычно обучение начинали с 6-7 лет. Главными предметами в таких школах была каллиграфия и счёт. Однако довольно часто преподаватели занимались с детьми дополнительно, в том числе и математикой. В конце периода Эдо количество *ханкō* и *тэракоя* увеличивается, а учёба стала важной частью быта, охватывающей большинство японских детей¹². Повсеместное распространение таких школ позволяет предполагать очень высокий средний уровень грамотности населения в Японии того времени (выше большинства европейских стран)¹³. Затем можно было продолжить обучение в специализированной частной школе *сидзюку* (примерно с 14 лет). И, наконец, в 17-18 лет можно было поступить в обучение к известному учителю (например, в школу Сэки).

Помимо профессиональных школ в эпоху Эдо широкое распространение получила любительская математика. Японские математики-любители, составив сложную задачу, вырезали её на деревянных дощечках, раскрашивали чертежи (как правило, это были геометрические задачи) и вывешивали в синтоистских или буддийских храмах¹⁴. Такие таблички с задачами назывались *сангаку* (算額, счётная доска). В Европе только в XVII в. уходит традиция «вызова на задачу», когда математик бросал публичный вызов коллегам, предлагая решить сложную задачу, сохраняя в секрете своё решение. Споры об открытиях Ньютона, теорема Ферма – пример того, что традиция «секрета школы» не уникальная японская черта.

¹² Kenji Ueno. From Wasan to Yozan. Comparison between Mathematical Education in the Edo Period and the One after the Meiji Restoration. P. 67.

¹³ Kenji Ueno. Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration. P. 475.

¹⁴ Фукагава Хидэотси 深川 英俊, Росман Тонй トニー ロスマン. Сэйнару сүгаку: сангаку. Сэкай га Тюмоку суру Эдо бунка тоситэ но васан 聖なる数学: 算額. 世界が注目する江戸文化としての和算. [Священная математика: Сангаку. Васан, как замеченный в мире культурный феномен эпохи Эдо]. Токио: Морикита, 2010. С. 17.

Подробно *сангаку* и особенности «храмовой геометрии» в Японии рассмотрены в исследовании Хидэотси Фукугава и Тонй Росмана «Священная математика: храмовая геометрия Японии»¹⁵. Здесь же важно отметить, что успехи математиков-любителей привлекали внимание профессиональных математиков, которые собирали задачи в сборники: такие как, например, неопубликованный «Сборник задач синтоистских храмов» (神社仏閣算額集, Дзинбё Буккаку Сангакусю), составленный Аида Ясуаки (会田安明, 1747-1817); и опубликованные – в 1790 г. «Математика из храмов» или «Священная математика» (神壁算法, Симпэки Сампё) Фудзита Кагэн (1772-1828), в 1836 г. работа Кобаяси Тадаёси – «Жемчужина математики» (算法瑚 = , Сампё Корэн)¹⁶.

Благодаря высокому уровню развития *васан* и любительской математики, японские учёные смогли быстро освоить и адаптировать европейскую математику. В эпоху Мэйдзи с каждым годом росло количество математиков *васан* и любителей изучающих западную математику и книги. Однако традиция *васан* была настолько сильна, что европейская структура аксиом и решения «элементов Эвклида», понимались поверхностно¹⁷.

Реформа начального математическом образовании 1872 г. Спор о соробан и место сангаку после реформ образования по европейскому образцу. Васан в новое время

Описывая реформы системы образования в Японии, нужно отметить, что в 1872 г. правительство Мэйдзи вводит преподавание европейской математики в начальной школе и запрещает использование *соробан* на занятиях. Разреша-

---

¹⁵ Там же; Fukagawa H., Rothman T. Sacred mathematics: Japanese temple geometry. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2008. xxiii, 348 p.

¹⁶ Fukagawa H., Rothman T. Sacred mathematics: Japanese temple geometry. P. 159.

¹⁷ Kenji Ueno. Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration. P. 173.

лись вычисления только на бумаге. Публикуются исследования по элементарной геометрии Кикуты Дайроку (菊池 大麓)¹⁸, где доказывалась важность логики, алгоритма решения, обоснования доказательств – то, чего была лишена традиционная японская математика *васан*¹⁹. В 1895 г. Фудзисава Рикитарō (藤沢 利喜太郎)²⁰, издает работу о методике преподавания математики в начальной школе. Кикуты и Фудзисава публикуют ещё ряд работ²¹, которые становятся основой реформ математического образования в Японии в первое десятилетие XX века.

Должно показаться, что история *васан* заканчивается с запретом использования *соробан* и реформами по западному образцу. Действительно открываются школы нового образца, университеты, переводятся европейские труды, студенты отправляются на стажировки в Европу. Однако, преподавателями обычно становятся учителя японской школы *васан*. Переняв европейские знания, они сохраняют традиции обучения. Уже с первыми реформами Мэйдзи, с 1870-х только начинается спор «о соробане» – фактически о старых и новых методах и модели преподавания математики в Японии.

Выше уже отмечалось большое количество школ *ханкō*, *сидзюку*, *тэракоя* в конце периода Эдо, и то, что в образование было вовлечено большинство японских детей. Высокий средний уровень грамотности населения и подготовки специалистов в *сидзюку* обусловило то, что многие математики самостоятельно осваивают достижения

¹⁸ Обучался математике в Британии, стал первым профессором математики в императорском университете Киото, затем ректором Токийского университета, министром культуры и образования Японии (1901-1903).

¹⁹ Kenji Ueno. From Wasan to Yozan. Comparison between Mathematical Education in the Edo Period and the One after the Meiji Restoration. P. 70.

²⁰ Ученик Кикуты, учился в Германии, один из первых японских учёных, чьи исследования выполнены по европейским стандартам.

²¹ Kenji Ueno. From Wasan to Yozan. Comparison between Mathematical Education in the Edo Period and the One after the Meiji Restoration. P. 78.

западной математики. Следовательно, поскольку перед началом реформ в стране уже существовало большое количество институтов и профессиональных кадров, реформируя образование, правительство Японии опиралась на существующие в стране.

Новое правительство Мэйдзи намеревалось создать новую современную державу по европейскому образцу, где ключевую роль играло бы образование. В сентябре 1871 г. основано министерство Культуры (оно же Образования). В конце 1871 г. оно создаёт, а в следующем году принимает Закон об образовании, устанавливающий основы современной системы образования²². Административная система заимствовалась из французской модели, с жёстким централизованным контролем и подотчётностью Министерству. Система институтов и учреждений строилась по американскому образцу: начальная школа (8 лет, в современной японской модели - 6 лет), средняя (6 лет, современная средняя школа – 3 года, и старшая – 3) и университет²³. На практике же большинство существующих уже школ просто включили в эту систему. Так *тэракоя* становятся общеобразовательными начальными школами, а созданная в 1870 г. бакуфу элитная специализированная школа «Кайсэйдзё» – национальным университетом (с 1886 г. императорским университетом). Большинство *ханко* трансформируются в общеобразовательные средние школы. После второй мировой войны на базе некоторых из них также будут созданы университеты.

В страну приглашаются западные советники. В том же 1872 г. с помощью американца Дэвида Мюррея была открыта Токийская педагогическая школа (東京師範学校, Токёсихангаккō). В которую на должность профессора был

---

²² Kenji Ueno. Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration. P. 477.

²³ Ibid.

приглашён Маккэрролл Скотт²⁴ – специалист, занимавшийся проблемами начального образования. В 1873 г. этой школой публикуется с 1-ого по 4-ый тома «Методических материалов по математике для начальной школы» (小学算術書, Сёгаку сандзюцусё), в 1875 г. – 5ый²⁵. В них излагались стандарты и программы по математике для японских начальных школ. В 1874 г. по образцу Токийской педагогической школы подобные институты были основаны в Осака, Сэндай, Нагоя, Хиросима, Нагасаки, Ниигата. Тогда же учреждается и женская школа (сейчас женский университет, Оханомидзу дзёси дайгаку, お茶の水女子大学). Главным преимуществом новой системы стало то, что поскольку все ученики в классе изучают предмет вместе по единой программе, у преподавателей исчезает необходимость тратить много времени на индивидуальные занятия.

Ещё не существовало японских пособий по европейской математике и предполагалось использовать переводы американских (например, работ Робинсона «*Rudiments of Written Arithmetic*»²⁶, «*Progressive Practical Arithmetic*»²⁷). В высшие учебные заведения активно приглашались и профессора из-за границы. С 1875 до 1879 в Кёбу дайгаккё (工部大学校, Национальный инженерный колледж) математику, механику и гражданское строительство преподавал Джон Пэрри²⁸.

Согласно упомянутому выше закону об образовании 1872 г. только западную математику надлежало преподавать в школах. В частности, в младшей школе арифметику

²⁴ McCarrell Scott

²⁵ Kenji Ueno. *Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration*. P. 477.

²⁶ Horatio Nelson, Robinson, Daniel W. Fish. *The Rudiments of Written Arithmetic*. NY, 1866.

²⁷ Horatio N., Robinson, Daniel W. Fish *Progressive Practical Arithmetic for Common Schools and Academies (Robinson's Mathematical Series)*. NY, 1874.

²⁸ Kenji Ueno. *Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration*. P. 478.

следовало объяснять, используя письменные алгоритмы, а не *соробан*. Поскольку для вычислений на *соробан* арабские цифры не требуются, Министерство образования отдельно подчёркивало важность обучения детей в европейской традиции и освоению европейского математического языка, указывая на его необходимость в современных науках и технологиях. А необходимость отказа от *соробан* и традиции *васан* аргументировалось невозможностью использования этих счётов в продвинутой математике и науках связанных с вычислением бесконечно малых величин²⁹. Эта точка зрения министерства была резонна. Но на практике оказалось, что в достаточном количестве в стране нет необходимых кадров – учителей, что могли бы преподавать европейские алгоритмы вычислений на бумаге. Даже освоив европейскую математику, большинство начали своё обучение и знакомство с основами математической науки в *тэракоя*, и как следствие вычисления на *соробан* и методы *васан* представлялись им более понятными и наглядными для объяснения основ новым ученикам.

В результате, уже в 1873 г. Министерство упраздняет запрет, но требует от преподавателей, использующих *соробан*, обучать и европейской арифметике. Согласно Уэно³⁰, по крайней мере, ещё десятилетие, почти везде продолжали преподавать, используя счёты. Тем временем, начинают публиковаться работы с арабскими цифрами, арифметикой с алгоритмами. И, как итог – с появлением материалов,

²⁹ Уэгаки Ватару 上垣渉. Мэйдзи Тёки ни окэру сюдзан но фуккё ундё ни кан сур у иккёсё 明治中期における珠算の復興運動に関する一考証 [Исследование по движению возрождения вычислений на счётах абак (Соробан) в середине периода Мэйдзи] // Миэ дайгаку кёйку гакубу кэнкё киё 三重大学教育学部研究紀要 [Известия исследователей Педагогического факультета ун-та Миэ]. № 51. Кёйку кагаку 教育科学 [Педагогические науки]. Цу: Миэ дайгаку кёйку гакубу сүгаку кёсицу, 2000. С. 6.

³⁰ Kenji Ueno. Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration. P. 477.

учителя в школах начинают всё больше уделять внимание западной математике³¹, а действительное положение вещей соответствовать прописанному в законе и распоряжениях Министерства. Однако, поскольку, *соробан*, так же как и европейская арифметика, представляет десятичную систему, но в сравнении с арифметикой на бумаге вычисления на нём производить проще, ученики часто сами не готовы были отказаться от его использования. По той же причине – вычисления на *соробан* производить было быстрее, чем на бумаге – и в быту люди чаще пользовались счётами³². Это обусловило существование множества *сидзюку*, обучающих *соробан* в XIX веке.

Среди математиков-любителей в Японии, интерес к *васан* никогда не исчезал полностью. Вместе с публикациями новых задач выходят и учебные пособия «счёт на *соробан*» с арабскими цифрами для начальной школы. Написание подобных работ сделалось довольно прибыльным делом вплоть до 1902 г., пока Министерство не запретило преподавать по неутвержденным правительством пособиям. Тогда, для контроля качества пособий правительство создает бюро контроля. Специалисты-авторы находят новую нишу – пособия для подготовки к экзаменам. Кроме того, талантливые математики, не желающие сражаться с бюрократией и доказывать квалификацию и профессионализм правительственным чиновникам, а так же их студенты, интересующиеся математикой, объединяются в кружки любительской математики. Сохранилась работа математика *васан* Сатō Нориёси. До реформ Мэйдзи с 1846 г. до 1872 г. он

³¹ Уэгаки Ватару. Мэйдзи ки но сўгаку дзисё ни окэру сўгаку якуго кигō но хёдзюнка ни цуитэ 明治期の数学辞書における. 数学訳語・記号の標準化について [К вопросу о математическом словаре эпохи Мэйдзи. Стандартизация слов и символов математического перевода] // Сўгаку кёикуси кэнкё 数学教育史研究 [Исследования истории математического образования]. № 14 (2014). С. 3-10.

³² Kenji Ueno. From Wasan to Yozan. Comparison between Mathematical Education in the Edo Period and the One after the Meiji Restoration. P. 77.

преподавал в школе «Сэйсикан» (*ханкō* в Фукуяма), но после реформы открывает частную школу-*дзюку* у себя в доме и активно составляет учебные пособия по *васан*³³. Подобным образом, в качестве любительской, геометрия *васан* продолжала существовать в *дзюку* ещё столетие. Соединившись с европейской математикой, *сангаку* органично вписалось в синтетическую геометрию – популярное в Японии направление любительской математики. Сначала как занимательные упражнения для ума для математиков-любителей в *дзюку*. А затем и в *дзюку*, готовящих абитуриентов к университету. Течение синтетической геометрии оставалось популярным вплоть до 1971 г.³⁴, когда Эвклидова геометрия была исключена из программы высшей школы под влиянием идей движения за реформацию математики³⁵.

С течением времени, уже в первые десятилетия XX в., в связи с тем, что для *соробан* не было³⁶ алгоритма вычисления дробей и пропорций (в традиции *васан* использовали счёт в уме для таких вычислений), сами учителя начали постепенно отказываться или ограничивать использование счётов в начальной школе. Тех, кто продолжал использовать, и обучал своих учеников счёту в уме и методам *васан*, становилось меньше, но они в частных и в государственных школах такие учителя оставались.

Согласно закону об образовании 1872 г. начальная школа делилась на две ступени: младшую начальную школу (4 года) и старшую начальную школу (4 года). Ученики обучались математике по 6 часов каждую неделю. Обучаясь математике и естественным наукам 8 лет, когда на практике

---

³³ Kenji Ueno. Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration. P. 478.

³⁴ Ibid.

³⁵ Takahashi Akihiko. Characteristics of of Japanese Mathematics lessons // APEC International Conference on Innovative Teaching Mathematics through Lesson Study, Tokyo, 2006. [Электронный ресурс]: Institute of Education Sciences (IES) URL: http://www.lessonresearch.net/characteristics_japanese.pdf (Дата обращения: 28.10.2017)

³⁶ Уэгаки Ватару. Указ. соч. С. 5.

половина времени уделялась вычислениям на бумаге и а половина работе в уме, запоминанию и устным вычислениям, выпускники начальной школы могли вычислять логарифмы в уме³⁷. Не следует понимать спор «о соробане», как противостояние двух точек зрения – правительства и научно-преподавательского сообщества. Ведущие роли в Министерстве занимали тогда учёные, часто имеющие опыт зарубежной стажировки и способные самостоятельно сравнить подготовку и умения выпускников японских и ведущих европейских школ. Осознавая преимущество сохранения некоторых традиций *васан*, таких как устный счёт, правительство не запрещало и даже поощряло сохранение *соробан* в некоторых случаях. Упомянутое выше бюро контроля, было призвано не запретить счёты, или использование *васан*, а повысить качество учебных пособий и уровень математической подготовки в начальной школе.

В некоторой степени своим сохранением в начальной школе японская математическая традиция обязана Фудзисава Рикитаро, который принес в японскую высшую школу немецкую модель образования, и ныне актуальную для некоторых университетов. В 1895 г. он публикует «Программу и педагогические методы арифметики для начальных школ (算術条目及教授法, Сандзюцу дзёмоку кёкё дзюхо), где поднимает вопрос о реформировании математического образования в начальной школе³⁸, поясняя, что оно должно преследовать цели применения в повседневной жизни. Он размежевал понятия математики и математики в начальной школе. Отмечая необходимость освоения европейской теории и логики в высшей школе, в начальной достаточно обучить считать. Настаивал на том, что в Японии есть собственная доказавшая свою эффективность традиция – спрашивать у студентов ответ и решение задачи, без предварительного теоретического обоснования и примеров от

³⁷ Kenji Ueno. Mathematics teaching before and after the Meiji Restoration. P. 478.

³⁸ Ibid. P. 479.

преподавателя. В 1905 г. новая система и *соробан* в качестве обязательных включены в программы³⁹ 3 и 4 классов начальной школы. Эта система просуществовала вплоть до реформы 1935 г., во главе которой стояли Феликс Кляйн и Джон Пэрри.

Заключение

Резюмируя итоги, нужно отметить – *соробан* сохранялся в начальной школе как обязательный до 1935 г. в силу следующих факторов. Во-первых, преподаватели, воспитанные в традиции *васан*, не видели преимуществ европейского метода, а на счётах объяснять было привычнее для учителя и понятнее ученикам. Во-вторых, вычисления на них были быстрее и привлекательнее чем «на бумаге» для японца и за пределами школы, в быту. И, наконец, в-третьих, пионеры и идеологи математических реформ по европейскому образцу Кикуги Дайроку и Фудзисава Рикитаро, а также Министерство Культуры (и Образования), чью политику в реформировании математического образования в начале эпохи Мэйдзи в значительной степени определяли эти деятели, оценив успехи обучающихся в сложных вычислениях, признали в ряде случаев эффективность традиционной японской методики. А также отметив востребованность у населения быстрых расчётов для бытовых нужд, упразднив счёты их из университетов и старшей школы, в начальной – сохраняют их.

Геометрические же задачи *сангаку* сохранялись вначале благодаря пику популярности в конце XIX в. среди математиков-любителей и их объединений – *сидзюку* на фоне ускоренного развития и прибыльности издательского дела. А в XX в. они просуществовали вплоть до 1970-х гг., включённые в изучение синтетической геометрии.

---

³⁹ Ibid. P. 480.

**Географическая энциклопедия «Ёти сиряку»
Утида Масао. Особенности описания Японии**

Сегодня имя Утида Масао не столь широко известно, однако он являлся яркой личностью в период Мэйдзи (1868-1912). Ему принадлежит авторство первой полной энциклопедии по мировой географии «Ёти сиряку» (輿地誌略, «Краткое описание мира»), которую вместе с трактатами Фукудзава Юкити «Гакумон но сусумэ» (学問ノススメ, «Поддержка в обучении») и Накамура Масанао «Сайкоку риссидэн» (西国立志編, «Европейское руководство как самому достичь успеха») было принято объединять под общим названием «Три [выдающиеся] книги эпохи Мэйдзи» (мэйдзи но сансё 明治の三書)¹. В этой статье мы бы хотели рассказать о личности Утида Масао и его энциклопедии, а также подробно остановиться на первом томе и рассмотреть, как автор описывает свою собственную страну.

В японской и западной историографии Утида Масао и его произведения посвящено не очень много работ. Часто его имя упоминается лишь вскользь вместе с именем Фукудзава Юкити. В отечественной историографии статей и исследований, посвященных судьбе и литературному наследию Утида Масао, пока найти не удалось.

Утида Масао родился в 1838 году в г. Эдо в семье *гокэнин*² Маннэн Сабуробэй 萬年三郎兵衛, однако впоследствии женившись, стал зятем и приемным сыном

---

¹ Масуно Кэйко. Миэру миндзоку, миэнай миндзоку. «Ёти сиряку» но сэкайкан [Видимые нации, невидимые нации. Мировоззрение «Ёти сиряку»]. Канагава дайгаку нидзю:иссэйки с ео пурогураму [Программа с ео двадцать первый век университета Канагава], 2006. С. 50.

² *Гокэнин* – мелкопоместные служилые дворяне, являвшиеся непосредственными наследственными вассалами военно-феодалных правителей средневековой Японии.

*хатамото*³ Утида Сюдзэн⁴. В 1862 году правительство *бакуфу* заказало в Голландии строительство военного корабля, который впоследствии получил название «*Кайё мару*» (開陽丸, «Открытие солнца»). В связи с этим, пятнадцать студентов были отправлены на стажировку в Голландию для обучения военно-морским наукам и искусству управления военным кораблем⁵. Среди пятнадцати отобранных студентов был и Утида Масао, которого назначили руководителем группы. В его обязанности входило: ведение переписки с Японией, заведование финансами, наблюдение за остальными студентами, а также за работами по строительству корабля. Помимо этого, он был обязан путешествовать и собирать материал⁶. За время стажировки он дважды ездил в Лондон и один раз побывал в Париже⁷.

Утида Масао вернулся в Японию в 1867 году. До 1868 года он служил в Военно-морском училище в Цукидзи⁸. После реставрации Мэйдзи (1868) Утида Масао работал в школе *Кайсэй* 開成学校, впоследствии переименованной в *Дайгаку нанко*: 大学南校, был советником по вопросам западной культуры и истории в министерстве образования⁹.

В 1872 году Утида Масао издал первый в Японии учебник по истории стран Европы и Америки для обучения правительственных чиновников, книгу «*Сэйё сиряку*» (西洋史略, «Краткая история европейских стран»). Пособие использовалось на протяжении всего периода Мэйдзи¹⁰.

---

³ *Хатамото* – непосредственные вассалы сёгунов Токугава, занимавшие средние административные посты.

⁴ Масуно Кэйко. Указ. Соч. С. 49.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Акимото Нобухидэ. Указ. Соч. С. 28, 31-38.

⁷ Икэда Ацуси «Ёти сиряку» то «Банкокусясинтё» [«Ёти сиряку» и «Банкокусясинтё»] // *Museum*. № 501, 1992. С. 29.

⁸ Акимото Нобухидэ. Указ. Соч. С. 55.

⁹ Gye Won Kim. *Op. Cit.* P. 51.

¹⁰ Там же.

В 1873 году Утида Масао оставил службу, решив сосредоточиться на переводческой и писательской деятельности¹¹. Именно в это время он активно работал над составлением географической энциклопедии «*Ёти сиракю*».

Скончался Утида Масао в 1876 году в возрасте 37 лет¹².

Главный труд Утида – энциклопедия издавалась на протяжении 9 лет: первый том был выпущен в 1871, последний – в 1880 году. В связи с кончиной Утида Масао в 1876 г., оставшиеся книги 3 тома были напечатаны его другом со времен службы в Министерстве образования Нисимура Сигэки 西村茂樹 (1828-1902)¹³.

Полное издание, 12 томов (однако самих книг было 13 книг), состояло из четырех частей. Первая часть включала в себя общие сведения по географии и описания Японии (1 том), Китая, Сибири, Индии, Южной и Юго-Восточной Азии (2-3 тома); вторая часть была посвящена Европе и России (4-7 тома); третья часть – Африке (8-9 тома), последняя четвертая часть – Северной и Южной Америке (10-11 тома) и Океании (12 том)¹⁴.

Описание каждой страны строилось по довольно четкому плану: географическое положение, политическое устройство, промышленность и сельское хозяйство, нравы и обычаи, отдельные города¹⁵. Каждая статья была также снабжена кратким историческим очерком страны.

В начале эпохи Мэйдзи именно география считалась «проводником» в европейский мир цивилизованности и

---

¹¹ Масуно Кэйко. Указ. Соч. С. 49.

¹² Там же. С. 49.

¹³ Масуно Кэйко. Указ. Соч. С. 50-51.

¹⁴ Gye Won Kim. Op. Cit. P. 52.

¹⁵ Масуно Кэйко. Указ. Соч. С. 50.

просвещения 文明開化¹⁶, поэтому издание географической энциклопедии представлялось особенно актуальным.

С введением в 1872 году в Японии всеобщего начального четырехлетнего образования¹⁷ «*Ёти сиракю*» наряду с другими пособиями использовалась в начальной школе на уроках географии¹⁸. Труд Утида Масао также служил учебником для студентов педагогических училищ¹⁹.

Во вступлении к первому тому автор сообщает читателям, что «*Ёти сиракю*» писалась им на основе известных в то время учебников по географии г-на Маккея, г-на Голдсмита и г-на Крамерса²⁰. Наличие большого количества иллюстраций также способствовало популярности «*Ёти сиракю*». Без учета карт их 376 штук. Другими словами, в 12 томах в среднем на каждой пятой странице встречается хотя бы по одному изображению.

Расскажем подробнее о первом томе «*Ёти сиракю*».

В первом томе 82 страницы²¹. На обложке тома приводится содержание, в котором четко выделяются пять больших разделов: астрономия, физическая география, страны мира, Азия, Япония.

---

¹⁶ Gye Won Kim. Op. Cit. С. 53.

¹⁷ История Японии. Т. II. 1868–1998. М., 1998. С.70.

¹⁸ Камэи Ю. Мэйдзики ни окэру тири но кёйкю. Сёгакукёйкю о тёсин ни. [Обучение географии в период Мэйдзи. Фокусируясь на обучении географии в младшей школе]. Бунка кёсё [Культурные обсуждения]: Journal of the Graduate School of East Asian Cultures, 4, 2015. Р. 133.

¹⁹ Масуно Кэйко. Указ. Соч. С. 50. Так, например, в брошюре педагогического училища префектуры Сайтама в разделе справочной литературы для преподавателей одно из четырех рекомендованных произведений географическая энциклопедия «*Ёти сиракю*». Пособие для студентов педагогического училища префектуры Сайтама URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/809950/4> (дата обращения: 29.09.2017).

²⁰ Масуно Кэйко. Указ. Соч. С. 50.

²¹ Однако на каждом развороте нумеруется только одна страница. Поэтому формально страниц 164.

В разделе «Астрономия» (страницы 8-20) освещаются такие темы, как: понятия долготы, широты, пояса, полушария; приводится изображение глобуса и иллюстрации в подтверждение тезиса, что земля имеет круглую форму; показано, как солнце освещает землю, рассказывается о вращении земли вокруг солнца и о планетах солнечной системы. Для наглядности, автор использует большое количество иллюстраций.

В главе «Физическая география» (страницы 20-32) рассказывается о морях, материках, горах и реках. Этот раздел также изобилует иллюстрациями: изображены морские впадины, горы, вулканы, острова, полуострова, проливы, направления ветров, приводятся схематические изображения рек с указанием их длины.

В разделе, посвященном «Странам мира» (страницы 32-63), автор останавливается на таких темах, как: расселение людей в разных частях света, язык, религия, формы правления. В отличие от двух предыдущих разделов в этом какие-либо иллюстрации отсутствуют.

В следующей главе представлено описание Азии в целом (страницы 63-67). Автора интересуют такие вопросы, как: ее месторасположения, границы, рельеф; какие страны входят в этот регион, как распределено население. Раздел предваряет подробная карта Азии. Одна из характерных особенностей энциклопедии состоит в том, что, начиная знакомить читателей с новым регионом, автор приводит карту этого региона.

Завершает первый том глава, посвященная Японии (страницы 67-82). По объему она относительно небольшая, особенно в сравнении главами, посвященными другим странам: Англия (4 том, страницы 35-76), Франция (5 том, страницы 1-42), Голландия (5 том, страницы 42-63). Рассказ о «Японской империи» начинается с ее географического положения, указывается, где и с кем она граничит, общая площадь страны и примерная численность населения.

Далее читателю предлагается взглянуть на подробную карту Японии, на которой обозначены провинции, моря, некоторые проливы и порты. На карте присутствуют изображения островов Хоккайдо и Сахалина. Любопытен тот факт, что это единственная иллюстрация во всем разделе, посвященном Японской империи. В свою очередь в главах, посвященным другим странам, помимо карт, довольно много изображений разного формата: Франция – 8 иллюстраций, Англия – 13 иллюстраций, Голландия – 5 иллюстраций.

Представив карту, автор обращается к теме административного деления Японии. На пяти страницах он коротко сообщает, какие провинции входят в каждый регион, сколько в каждой провинции уездов, какова численность населения и размер рисового налога *кокудака* 石高. Далее говорится, что, начиная со второго года Мэйдзи (1869 г.), князья от лица императора назначаются губернаторами в своих владениях. Три «столичными городами» называют Эдо, современный Токио, в провинции Мусаси, Киото в провинции Ямасиро, а также город Осака в провинции Сэтцу.

Следующий раздел посвящен горам, рекам и климату страны. Автор представляет список японских гор, после названия каждой горы указывает ее местоположение. В списке есть, например, горы Гассан, Татэяма, Сираяма. Первой в списке как самая высокая приводится гора Фудзи. Утида отмечает наличие большого количества вулканов в стране и сообщает, что «в былые времена, извергалась и Фудзи, и это иногда находило отражение в песнях прошлого»²².

Говоря о реках, автор отмечает, что «по причине обилия гор в Японии рек много, однако из-за ограни-

---

²² Утида Масао. Ёти Сиряку. I том. С. 66. URL: http://archive.wul.waseda.ac.jp/kosho/ru02/ru02_03306/ru02_03306_0001/ru02_03306_0001.pdf (дата обращения: 26.11.2017).

ченного количества земли, большими и полноводными они не становятся»²³. Утида Масао выделяет три крупных реки, Тонэгава, Синаногава, Кисогава.

Рассказывая о климате, автор сообщает, что «в среднем он умеренный». Тем не менее, «если сравнивать его с другими странами, находящимися на той же широте, то наблюдается довольно резкая смена жары и холода». Более того «и внутри страны в регионах, которые находятся приблизительно на одной широте, как, Кюсю (33 с.ш. 131 в.д. – прим. А.Ш.) и Оу (нынешний регион Тохоку 38.с.ш. 140 в.д. – прим. А.Ш.), климатические условия все равно отличаются. На всем южном побережье климат теплый. На севере же – холодный, а в горах в июле-августе можно даже наблюдать снег и лед»²⁴.

Далее автор предлагает небольшой исторический очерк страны. Читателю рассказывается, что японская императорская династия непрерывна и ведет свое начало с глубокой древности, начиная от первого императора Дзимму, установившего контроль над провинцией Ямато. С 13 года правления императора Камму (794 год – прим. А.Ш.) столицей стал город Хэйан-кё в провинции Ямасиро.

Киото (даны его координаты) «расположен на равнинной местности, окружен горами, через него протекает река Камогава». «По сравнению с Токио, город маленький <...> однако улицы города чистые и имеются несколько сотен величественных синтоистских и буддийских храмов. В городе производятся шелк и парча. Население города составляет приблизительно 374 тысячи человек»²⁵.

Далее Утида переходит к рассказу о Токио, первым делом сообщая координаты города. «Десять с лишним лет назад население составляло приблизительно более полутора

---

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Утида Масао. Указ. Соч. С. 67.

миллионов человек, а в настоящее время оно не превышает несколько миллионов»²⁶. «Хотя он является вторым крупным городом на Востоке после китайского Пекина, но поскольку большое количество свободных участков отдано под сады и парки, в сравнении с общей площадью, население небольшое»²⁷. Утида Масао пишет, что если сравнивать с прошлым, то домовые хозяйства в некоторой степени пришли в упадок, однако в Токио стала процветать международная торговля и открылось большое количество магазинов. Город сильно изменился: были учреждены университеты, больницы, школы, дома призрения («дома для бедных»), проведено электричество и т. д. Он с гордостью подчеркивает, что «с открытием железной дороги сообщение внутри страны стало более удобным, в других же странах Азии железной дороги еще не видели. Япония с каждым днем должна двигаться к просвещению, и говорят, что европейцы пристально за этим следят»²⁸.

Особое внимание автор уделяет краткой характеристике японского языка, он сообщает, что изначально «существовал свой язык, непохожий на другие»; «...1600 лет назад, вместе с китайскими иероглифами были заимствованы всевозможные науки и искусства <...> сейчас же используются не только китайские иероглифы, но и исконно японские знаки слоговой азбуки *годзюон*»²⁹, и в языке существуют большое количество смешанных слов-*канго*.

В Японии «производится, много искусных вещей, таких как шелк, керамика, лаковые изделия, которые были представлены другим странам и были награждены за свое изящество»³⁰. «Торговля с западными странами началась с того, что 327 лет назад приплыли первые португальцы. Со

---

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 68.

³⁰ Там же.

следующего года [португальцы] прислали торговые корабли и в Нагасаки, в регионе Кюсю, начали торговлю, а затем прибыли португальские священники, которые до периода Кэйтё (1596–1615 – прим. А.Ш.) обращали народ в другую религию. Одновременно с этим стали приплывать английские и голландские торговые корабли. В это время вследствие присутствия священников, обращавших в другую религию, и роста числа их последователей, разбойничьи шайки стали учинять поджоги и беспорядки, в конце концов, в период Кантэй (1624–1645 – прим. А.Ш.) на Кюсю произошло восстание в Симабара. После этого португальцев прогнали, и, несмотря на то, что в Нагасаки велась торговля с Голландией и Китаем, [кораблям] других стран было строго запрещено входить в [японские] порты». В период Каэй (1848 - 1854) был заключен договор о торговле с Америкой, затем был заключены договоры с Англией, Францией и Россией, а позже подписаны соглашения с Португалией, Пруссией, Швейцарией, Бельгией, Италией, Данией, Испанией, Австралией, Гавайями и другими странами. Среди городов и портов, ведущих торговлю с западными странами, Утида Масао называет Йокогама, Осака, Хёго, Хакодате, Ниигата³¹.

Далее читателя знакомят с островом Эдзо. О коренном населении, называемом айну, сказано, что они «занимаются охотой и рыболовством, с земледелием не знакомы, поэтому и злаки в пищу не употребляют». «У мужчин густые брови, в ушах они носят серебряные кольца»³², женщины делают татуировки. Айну не имеют письменности, фамилий, [восточного] календаря, не отмечают годы и месяцы. Вылавливают лосося, сельдь, горбушу и другие виды рыб, охотятся на медведей, оленей, орлов и т.д.

К северу от Эдзо находится Карафуто, указана его площадь. «Тисима – это множество маленьких островов,

³¹ Утида Масао. Указ. Соч. С. 68-69.

³² Там же. С. 71

расположенных к северо-востоку от Эдзо, европейцы, достигшие Камчатки, называют их Курильскими островами. Среди Курильских островов Итуруп – самый большой»³³.

В завершении главы, посвященной Японии Утида Масао рассказывает о государстве Рюкю. Он сообщает местоположение региона, его приблизительную площадь, а также, отмечает, что главный остров называется Окинава. Говорится, что климат теплый, снега и льда нет. «Государство Рюкю долгое время подчинялось Китаю и Японии <...> поэтому нравы и обычаи там смешаны, похожи и на китайские и на японские»³⁴.

В «*Ёти сиряку*» Утида Масао начинает рассказ о мировой географии с родной страны. Глава, посвященная Японии, несколько отличается от аналогичных глав про другие страны. Как уже было сказано выше, сразу бросается в глаза отсутствие иллюстраций, представлена лишь подробная карта страны. Описывая другие страны, Утида Масао уделяет внимание не только стране в целом, но и рассказывает о каждом крупном городе, иногда предлагая читателю план города, иллюстрации с его достопримечательностями. В описании Японии говорится лишь о Киото и Токио, остальные города практически не упоминаются. Описание других стран строится по принципу четкого разделения географии и истории: сначала идет географическое описание (примерно половина общего объема статьи), а в конце главы предлагается краткий исторический очерк. В случае Японии автор не выделяет историю, она не вынесена в отдельный раздел, а органично вплетена в «географическое» повествование.

---

³³ Там же. С. 72.

³⁴ Там же.

Культура оформления японских канализационных люков

История чугунных канализационных люков насчитывает более полутора сотен лет. Их появление обычно связывают с зарождением городских коммуникационных служб в наиболее развитых городах по всему миру в 1830–40-е гг. Как правило в нашем сознании люки или колодцы неразрывно связаны именно с канализацией, хотя существует множество других функций у данных подземных коммуникаций. Канализация – это система, существование которой люди предпочитают не замечать. Многие воспринимают ее как темное, зловонное и грязное место. Однако нельзя забывать и том, что канализация является незаменимым элементом инфраструктуры, обеспечивающим циркуляцию городской воды и быт жителей.

Предполагается, что в Японии первая крышка для канализационного люка появилась в Йокогаме в 1881 г. в том месте, где проживали иностранцы, и изготовлена была из дерева. Существует также упоминание о том, что в 1884 г. в Токио, в районе Канда, появилась уже первая чугунная решетчатая крышка люка, которая считается одной из самых старых в Японии. Круглая форма крышки люка, которая используется с конца эпохи Мэйдзи (1868–1912 гг.) пришла в Японию из западной Европы, предположительно за основу были взяты английские образцы. Возможно, благодаря этому, название канализационного люка в Японии берет свое начало из английского языка и передается словом マンホール *manhole*¹.

На сегодняшний день, как правило, крышки канализационных люков имеют круглую форму. Это связано с тем, что диаметр такой крышки одинаковый, какое бы направление не было выбрано, а значит провалиться она не может.

---

¹ *Исии Хидэтоси. Манхору. Исё га аравасу нихон-но бунка то рэкиси. (Крышки люков. Оформление, передающее японскую культуру и историю). Токио, Минэруба сёбо, 2017. С. 98.*

Существуют и квадратные крышки, но тогда при вертикальном подъеме, когда крышка поворачивается в направлении диагонали люка, она может соскользнуть и упасть внутрь. В Японии квадратные крышки люков используются для систем пожарной безопасности, так как отверстие относительно не глубокое и сразу под крышкой находятся все необходимые установки. Что касается канализационных люков, то крышки на них всегда круглые, так как каналы достигают в глубину более 10 м, а значит, при падении крышки достать ее будет достаточно тяжело. На самой крышке в Японии в основном указывают дату изготовления, вес, а также разновидность протекающих вод: грязные воды или дождевые воды².

Изначально рисунок на крышках люков разрабатывался для того, чтобы предотвратить скольжение. Учитывался и такой фактор, как вогнутость и выпуклость узора на крышке люка. Если выпукло-вогнутые элементы были слишком маленькие, то повышалась вероятность скольжения автомобилей, а в большей степени таких двухколесных средств передвижения, как мотоциклы и велосипеды. Если же указанные элементы были слишком большие, то повышался риск падения пешеходов. Для того, чтобы по возможности сравнить поверхность крышки люка с асфальтом, было решено брать в качестве стандарта рисунок выпукло-вогнутые элементы размером приблизительно в 6 мм. До того, как появилась первая дизайнерская крышка люка (1975–1976 гг.), существовало всего несколько стандартов узора или рисунка, в основном геометрические, которые были приняты повсеместно в Японии³.

Первая дизайнерская крышка для люка была изготовлена в честь проведения ЭКСПО в префектуре Окинава в 1975–1976 гг. Вместо геометрического узора на крышку нанесли незатейливое изображение маленьких рыб. Сегодня крышки люков превратились в рекламный инструмент для продвижения соответствующей местности, и каждый из

---

² Там же. С. 44.

³ Там же, С. 66.

1700 населенных пунктов самостоятельно разрабатывает уникальный дизайн.⁴ За рубежом преобладают в основном безликие виды крышек канализационных люков, так как отдается предпочтение скорее функциональности. Японцы же создали целую культуру оформления канализационных люков, передающих историю и культуру не только отдельного города или региона, но и страны в целом.

Совсем недавно для того, чтобы еще больше привлечь внимание людей к значимой роли канализационной системы, власти Японии решили запустить проект карточек с крышками люков. Этим занимается специально созданный Комитет планирования ГКР. ГКР – это аббревиатура от названия рекламно-информационной организации «Информационная платформа канализации», учрежденной по инициативе Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии. В деятельности ГКР принимают участие органы местного самоуправления, предприятия, задействованные в сфере канализационного сектора, средства массовой информации и т.д. ГКР занимается распространением информации о канализационной системе, выпускает карточки с изображением люков, проводит различные мероприятия и разрабатывает тематические сувениры⁵.

С 2014 г. в Японии начали также проводить «Манхору Саммит», собрание любителей канализационных крышек с представителями работающих в этой сфере организаций. Мероприятие широко освещается СМИ и считается весьма популярным. В апреле 2016 г. был запущен проект бесплатной раздачи специальных карточек с изображениями крышек канализационных люков, нацеленный на популяризацию канализационной системы.

На лицевой стороне карточки представлено фото крышки люка и даны ее географические координаты. На обратной стороне приведена информация о концепции

---

⁴ [Электронный ресурс]: <https://www.nippon.com/ru/views/b06304/?print=1>

⁵ Там же.

дизайна и описание самого изображения на крышке. Карточки может получить каждый желающий, но выдают их только в одном определенном учреждении, которое расположено в соответствующем населенном пункте. Как правило это муниципалитет, управление канализационной службы или информационное бюро для туристов, поблизости от которого находится канализационный люк. Помимо всего прочего, карточки снабжены множеством дополнительной информации – порядковые номера, номера региональных блоков, а также пиктограммы с сериями проекта. Это позволяет коллекционерам создавать тематические подборки, собирая, например, карточки региона Канто, или карточки с изображениями местных персонажей. В августе 2017 г. появилось 52 новых карточки, в результате чего общее количество видов достигло 222 видов, а суммарное количество отпечатанных карточек – миллиона экземпляров. В проекте участвует 191 орган местного самоуправления. Новые карточки планируется выпускать трижды в год⁶.

Около 60% приходящих за карточками людей – это жители других префектур, среди которых преобладают пожилые туристы – любители прогуляться по улицам города, а также девушки и иностранцы. Заполучив карточку с изображением крышки, многие направляются к канализационному люку, чтобы увидеть оригинал своими глазами. Муниципалитеты используют карточки в качестве инструмента регионального развития, выдавая вместе с ними карты достопримечательностей и предлагая информационные приложения о данной местности. Город Цукуба в префектуре Ибараки, например, выпустил карточку на английском языке для привлечения иностранных туристов. Сам факт существования серии карточек, в которой собраны воедино разрозненные до тех пор крышки люков, самостоятельно разрабатываемые местными властями, вызывает стремление стать обладателем коллекции. Карточ-

---

⁶ Там же.

ки и изображенные на них крышки канализационных люков стали одним из символов японской культуры⁷.

Изображения на крышках канализационных люков различаются в зависимости от города, префектуры, проходящих там праздников, характерных для местности традиционных видов искусства, производств, спортивных соревнований, культурных событий и многого другого. Более того, последнее время стали производить все больше и больше крышек люков с цветными рисунками и изображениями.

Например, на крышках люков в Токио, можно увидеть изображение цветов, птиц и деревьев, символизирующих или характерных именно для столицы Японии. Итак, цветком олицетворяющим Токио будет королевская вишня, деревом – гинкго, а птицей – чайка. Во всех городах и деревнях в Японии существуют свои канализационные системы и организации, которые ими руководят. Но что касается 23 районов Токио (или специальных районов), то они подвластны столице. По этой причине для более эффективной работы на всех крышках канализационных люков в 23 районах изображены символы Токио⁸.

Символами города Саппоро – четвертого по величине город Японии, важнейшего экономического, промышленного, образовательного и культурного центра Хоккайдо, которые будут изображены на крышках люков в данном регионе являются часовая башня, лосось, резвящийся в водах реки Тоёхира и кусты сирени. Каждый год Саппоро посещают около 13 млн. туристов, поэтому в рейтинге наиболее посещаемых городов этот город занимает верхние строчки⁹.

На крышке канализационного люка, который встретится в городе Осака, региона Кансай, будет непременно изображен пятиэтажный самурайский замок (Осакский

---

⁷ Там же.

⁸ *Исии Хидэтоси*. Указ. соч. С. 8.

⁹ Там же. С. 10.

замок), который играл ключевую роль в японской истории конца XVI — начала XVII вв. Деревом, символизирующим город, является сакура, а вот в качестве цветка, характерного для данной местности, выбраны аютины глазки. Город Нара, в свою очередь, хотя и находится в регионе Кансай, будет представлен на крышках люков совсем по-другому. Благодаря своей многовековой истории жителям Нара есть, чем гордится, поэтому в орнаменте крышки люка использовано изображение символа города — оленя, окруженного цветами префектуры Нара. Цветком города является вишня скромная (*Prunus verecunda*), которая была выбрана в качестве символа в марте 1968 г. Это дикая сакура гор местности Ёсино. Со средних веков самым популярным местом для ханами (японская национальная традиция любования цветами) остается гора Ёсино в префектуре Нара, где сто тысяч деревьев сакуры по очереди цветут почти месяц¹⁰.

Как мы видим из приведенных выше примеров по изображениям, представленным на крышках канализационных люков, можно изучать культуру и историю городов и префектур Японии в частности, а также всей страны в целом. Сегодня культура оформления крышек японских канализационных люков получила свое признание и за пределами Японии. Многие туристы, посещающие страну восходящего солнца, не остаются равнодушными к культуре и истории, которые можно наблюдать под собственными ногами, поэтому фотографируют и впоследствии выкладывают в интернет информацию и таком интересном культурном феномене. Подробное описание значений изображенного на крышках люков можно найти не только в бесплатно раздаваемых карточках, но и в различных сериях книг, посвященных данному культурному явлению, которые в большом количестве выпускаются по всей стране.

---

¹⁰ *Исии Хидэтоси*. Указ. соч. С. 29–31.

Основные изменения в костюме японцев в эпоху Мэйдзи

Масштабные преобразования в такой области культуры как костюм, произошедшие в эпоху Мэйдзи, представляют огромный познавательный, научный и практический интерес. И в наше время они служат источником творческих замыслов для художников-модельеров и дизайнеров разных школ и направлений. Изучению и осмыслению опыта проведенных реформ в данной области в эпоху Мэйдзи посвящено много публикаций отечественных и зарубежных специалистов-японистов¹. В данной работе предпринята попытка систематизации и анализа основных черт и особенностей процесса реформирования костюма, данной эпохи и оценка его художественных и эстетических свойств.

Временем начала реформы костюма можно считать 1871 г. – момента издания соответствующего распоряжения Императора, который гласит.

«Полагаем Мы, что одеждам следует меняться в лучшую сторону во времена перемен, а мужи государственные должны своим авторитетом определять их. Нынешние одеяния и головные уборы были определены по примеру установлений, существовавших в древнем (китайском) государстве Тан. Они скроены ниспадающими и оставляют впечатление слабости. Считаем это весьма прискорбным. В Нашей божественной стране с самого начала управление осуществлялось с опорой на военных. Сын Неба являлся

---

¹ Мещеряков А.Н. Открытие Японии и реформа японского тела// Новое литературное обозрение. 2009, №100. С.246-265; Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. 736 с.; Сигрейв С., Сигрейв П. Династия Ямато. М.: АСТ, Люкс 2005. 496 с.; Фредерик Луи Повседневная жизнь в эпоху Мэйдзи. М.: Молодая гвардия. Палимпсест. 2007. 320 с., илл.; Хованчук О.А. Японский национальный костюм (конец XIX-60-е годы XX В.) Вестник ДВО РАН. 2005, №4 С.70-79; Филиппов А.В. Реформа и традиция в Японии: противоречие-антагонизм или взаимосвязанное единение в рамках социума? // Кюнеровские чтения (1998-2000): Краткое изложение докладов. СПб.: МАЭ РАН, 2001. С.216-220.

главнокомандующим войсками, а люд поклонялся его обличию. Государь Дзимму [трад. 660-585 до н.э.] при совершении своих изначальных дел и государыня Дзинго [трад. 201-269] во время похода в Корею одевалась совсем не так как принято сейчас. Выгляда слабыми как можно управлять поднебесной хотя бы один день? Так что теперь Мы желаем решительно изменить установления относительно одежды и обновить их, возвратиться к временам предков и построить государство с почтением к военному. Вы, наши поданные, должны принять Нашу волю близко к телу»².

Как следует из этого и других источников реформа костюма проводилась «сверху» по инициативе высшей государственной власти и ее необходимо рассматривать в контексте общей реформы государства и общества, преследующего цель сделать государство сильным, поднять его престиж и избавиться от комплекса неполноценности³. Император и императрица личным примером показывали и демонстрировали новый образ государственного деятеля, образ нового человека, соответствующего устремлениям страны. Государственная политика страны, вставшей на путь цивилизационного развития, использовала костюм в качестве сигнала, который должен был демонстрировать окружающему миру развивающуюся, цивилизованную страну, готовую к сотрудничеству с Западом.

Но главной характеристикой рассматриваемого процесса изменений в области, такого важного элемента культуры как костюм, является заимствование. Эти заимствования происходили параллельно в самом костюме и сфере его изготовления на основе заимствования и модернизации текстильной промышленности Японии. Преобразования ткацкого и текстильного производства шло как в области технического переоснащения станков и

---

² См. сноску 1.

³ Мещеряков А.Н. Открытие Японии и реформа японского тела // Новое литературное обозрение. 2009, №100. С. 246-265.

механизмов, так и в производстве тканей, где появлялись технологии изготовления новых видов материалов, новых синтетических волокон и искусственных красителей.

Ограниченный объем не позволяет сделать анализ этого процесса во всей его полноте, многогранности и противоречивости, поэтому рассмотрены только некоторые, наиболее значимые, по мнению автора, черты и характеристики, отражающие основные тенденции заимствований в костюме.

Желая выглядеть цивилизованно, правящая верхушка, кардинально меняет образное решение костюма. На первый план выходит имиджевая функция костюма. Теперь образ Императора должен был вызывать расположение и уважение не только среди собственного народа, но и у стран Запада. Для этого необходимо было придать государю образ «мужественности», что создавалось в первую очередь за счет новой прически. Были отброшены старые знаки императорского имиджа в виде чернения зубов, подкраски губ красной и золотой красками, сбривания бровей и прорисовывания новых выше уровня их естественного роста. Короткие волосы на пробор, отращенные усы и борода позволили создать необходимый образ. «Растительность» налице, также подчеркивала, избранность императора, его неординарность, то есть то – «что ее обладатель – создание необычайное. Ведь в традиционной Японии усы и борода считались привилегией мудрых стариков»⁴.

Распоряжение Императора от 4 сентября 1871 г. выделило главное средство усиления Японии: «почтение к военному», поэтому реформа коснулась, прежде всего, военного костюма, который был заимствован из Франции (для сухопутных войск Японии) и из Англии (для военного флота). Состав костюма - одежда, головной убор, обувь – все было европейского образца.

---

⁴ Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. 736 с.

Император Мэйдзи как главнокомандующий японской армии, носил соответствующую форму. На фото (рис.1) он в необычном военном костюме на европейский лад, придуманный и изготовленный специально для него. Костюм сочетал в себе европейскую форму и традиционную японскую символику. Черный шерстяной приталенный сюртук, застегивающийся на крючки, был декорирован золотой вышивкой спереди с изображением стилизованных хризантем кикю-мон – символа солнца, герба императорской семьи, а сзади – изображением феникса – символ обновления, белые брюки декоративны золотыми лампасами. Фотография (Рис.1), сделанная в 1873 Утидо Куити, демонстрирует нам мужественный и воинственный образ, который читается таковым за счет военных атрибутов: меча, эполет и треуголки. Образность костюма стала подчеркивать гендерные различия, что четко отразилось в мужском и женском костюме. В 1886 жена императора – Харуко, впервые появилась на публике в европейском платье (рис.2).

Рис.1 Император Мэйдзи в военном костюме. 1873 г.

Рис.2 Императрица Харуко в платье западного покроя. 1886 г.

Ее образ транслировал взгляд на Европу. Она призывала, обратиться к древним традициям, ко времени до заимствования одежды китайской империи Тан и подчеркивала сходства древнего японского и европейского костюмов¹. Наряду с использованием европейской формы и ассортимента одежды, его художественная наполненность, осуществлялась за счет тканей, производимых в Японии.

В общении с внешним миром, на приемах императрица и ее окружение носили европейский костюм. Императрица Харуко заказывала одежду в Париже и Лондоне, поэтому была одета модно, но с национальным колоритом². Примечательным является платье со шлейфом из ярко-красного бархата, представленное на **рис.3**, которое отвечает модным трендам того времени. В нем ярко выражено заимствование европейского кроя, но колорит и декор является национальным. Лиф платья подчёркивает фигуру и талию, низ завершается шлейфом с богатым декором, модный рукав «фонарик», юбка «колокол» из белой ткани. Так сочетание красного и белого (цвета японского флага) в синтоизме обозначают благополучие, орнаментировано узором из хризантем.

---

¹ Сигрейв С., Сигрейв П. Династия Ямато. М.: АСТ, Люкс, 2005. 496 с.

² Левшова Н.А. Императрица Харуко. Жена Реформатора.

URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=732 (Дата обращения 20.11.2017)

Рис.3 Парадное платье императрицы Харуко

Сложный и многогранный процесс реформирования костюма характеризуется также и противоречиями, максимализмом и крайностями.

Слова в указе об одежде 1871 г. о «почтении к военному» привели к тому, что вся Япония оделась в униформу, начиная с военных и чиновников и кончая учащимися и даже купцами². Эти веяния коснулись и служащих женщин – машинисток, медсестер, кондукторов. Примером может служить реформа школьной одежды для девочек.

Изменения, произошедшие в бытовании школьной формы для девочек, наглядно представляют процесс изменения в государственной политике Японии по отношению ко всему Западному.

---

² Фредерик Луи Повседневная жизнь в эпоху Мэйдзи. М.: Молодая гвардия. Палимпсест. 2007. 320 с.

С 1886 г., когда было распоряжение носить европейское платье, это коснулось в том числе и участников образовательного процесса: дзёгаккусэй – так называли учениц в эпоху Мэйдзи,

Девушки – учащиеся изображенные **на рис.4** одеты в летние платья приталенного силуэта с длинными прямыми рукавами, в соответствии с европейской модой того времени. Верхняя юбка присборивалась с боков, так, чтобы видна была нижняя юбка с воланом понизу. Лиф платья спереди застегивался на ряд мелких пуговиц темных цветов, низкий воротник-стойка обрамлен сборкой, под воротником закреплен бант контрастного цвета. Головной убор – светлая шляпка с украшением из букета искусственных цветов. Прическа с прямым пробором.

Рисунок ткани мелкий, расположен по всему полю платья. Обувь – темные туфли, белые носки.

Рис.4 Школьная форма учениц в западном стиле. 1886 г.

Когда правительство осознало, что слепое копирование и поклонение Западу чревато потерей национальной идентичности, было восстановлено ношение женщинами традиционной японской одежды, это относилось и к учащимся. Теперь ученицы надевали плечевую халатообразную запашную одежду в несколько слоев, верхнее кимоно - с гербами (**Рис.5**).

Воротник нижнего кимоно был белый и прилегал плотно к шее. Одежду закрепляли на теле с помощью поясов, сзади повязывали бант на поясе оби, который был очень широкий и шился из плотной блестящей ткани. На ноги одевали гета и белые носки-таби. Волосы носили длинными и укладывали их узлом на макушке.

Рис.5. Школьная форма учениц японском стиле. 1900 г.

В начале XXв. школьная форма изменилась и стала микстом национальной и западной одежды (**Рис.6**). В ней имелись элементы, заимствованные как из иностранного

костюма, так и предметы одежды национального японского женского и мужского костюмов. В этом ансамбле соединялись мужские штаны хакама, в которые заправляли женское с широкими рукавами кимоно, состоящее из двух слоев. Хакама (женские) были неброских темных цветов, однако таких, которые мужчины в своей одежде не употребляли.

Рис. 6 Школьная форма учениц в смешанном стиле. 1906 г.

Кимоно носили неярких оттенков чаще с флористическим или геометрическим орнаментом – полоской, клеткой. Шили его из шелковых тканей, хлопка. Прическа – западная, в стиле «девушек Гибсона», когда длинные волосы слегка начесывали и укладывали в пучок на затылке. Привычный зонт из промасленной бумаги был заменен импортным шелковым с металлическими спицами. Обувь – черные кожаные ботинки со шнуровкой, на низком каблучке по западному образцу. Квадратный кусок ткани (фуросики) служил японцам для заворачивания и ношения вещей.

Появился пояс с пряжкой, на которой была выбита эмблема учебного заведения – по примеру западных.

Костюм в эпоху Мэйдзи (под словом «костюм» автор подразумевает принятое в современном дизайне костюма определение, что костюм — это то, что «держится на теле человека»: одежда, обувь, головные уборы, аксессуары, прическа, макияж, парфюм) стал одним из символов «цивилизованности». Еще одним знаком цивилизованности были новые прически. Женский образ дополняла «тибсоновская» прическа - начесанные волосы укладывали на затылке. Короткие стрижки женщинам запретили. Мужчины стриглись коротко и отпускали бороды и усы. Император подал в этом поданным пример. Он носил короткую стрижку, отпустил усы и бороду в викторианском стиле.

В эту же концепцию «цивилизованности» вписывается и все последующие изменения в области костюма: отмена сословного деления, предполагающая строгую регламентацию разрешения простолюдинам на ношение одежды из шелка, запрет татуировок.

Европейская одежда стоила дорого и поэтому ее могли себе позволить только богатые, так что знаками «цивилизованности» стали некоторые предметы, детали и аксессуары, свойственные европейскому костюму: мужские сорочки с пуговицами, женские блузки, пальто, шаали, шляпы-котелки, цилиндры, женские шляпки, туфли, ботинки, воланы на рукавах, воротники-стойки, накладные карманы, манжеты, бусы, броши, браслеты, часы на цепочке, наручные часы, галстуки, трости, зонты из ткани. Сюда же можно отнести и ткани, ввозимые вначале из-за границы, а позднее производимые на местных фабриках. Это, прежде всего шерстяные ткани, которые японцы не производили из-за отсутствия сырья – драп, фетр. Ввозились и ткани новой выделки из хлопка, шелка, синтетические ткани: колленкор, фланель, муслин, ботан, искусственный шелк, жаккардовые ткани,

отличающиеся яркими, стойкими расцветками из-за применения химических красителей.

Проведенный анализ показал, что изменения, произошедшие в японском костюме в эпоху Мэйдзи, происходили по инициативе государства с целью приобщения к западной цивилизации.

Основной особенностью процесса модернизации костюма японцев являются заимствования, направленные на утилитарные и функциональные характеристики костюма путем использования формы и кроя европейского костюма, европейских тканей, а также внешнего облика (образ европейского человека, прически, атрибуты, аксессуары, обувь т.д.).

Эстетическая привлекательность, художественная выразительность, образность костюма основывались на традиционных принципах японской эстетики, выработанных в предыдущие эпохи, которые отразились в семантике костюма. Основными средствами выразительности выступали цвет и декор. Соединение заимствованных новаций с традиционным, выработанным веками, понятием красоты обеспечили выполнение поставленной цели и способствовали зарождению современного феномена японского дизайна костюма.

(GRUBACIC Marko)

**Art, Identity and the Creation of Tradition
in Meiji-period Japan**

One of the issues of topical interest in history and theory of art is certainly the search for the so-called national identity in artistic expression. The presence of the excessively personal and local, sometimes referred to as *couleur locale*, whether it is an ingredient used to fake the authenticity of events through a conscious or unconscious “smuggling” of an otherwise superfluous, “personal”, and thereby “non-objective” dimension – or perhaps in the form of a narrative model based on the folk tradition – has long been the subject of intense theoretical discussions that deal with the relationship between the universal and the local, “own” and “alien”, domestic and foreign, general and particular identity. In addition, as cultural historians like Eric Hobsbawm (1917-2012) have demonstrated, art and literature may seem to belong to a sphere separate from politics, but in fact they are crucial to the formation of a nation-state¹.

In Japan, for example, the issue of national specificity and determination of mentality has been questioned with particular fervour in the sphere of arts after the Meiji Restoration (1868). From the direct, intuitive observation of life and national peculiarities, which was particularly widespread in European Romanticism; from the study of language, folk customs, traditions, legal opinions, handicrafts and costumes, all things national and in “local colour” have been feverishly collected - whether in literature, or in the past or else the present. The logic was simple. Where nations existed and developed in accordance with their recognisable

---

¹Melanie Trede, “Terminology and Ideology: Coming to Terms with ‘Classicism’ in Japanese Art-Historical Writing”, in: *Critical Perspectives on Classicism in Japanese Painting, 1600–1700*, ed. by Elizabeth Lillehoj, Honolulu: University of Hawai’i Press, 2004, p.26.

and unique spirit, where the states existed “from time immemorial” as the earthly images of Platonic ideas – there was art as the organic, life-imbued folk specificity, art as “the biology of blood and soil”. The issue of national identity would preoccupy artists and intellectuals in the early, middle and the late phase of the modern period. This was a *nativist* movement from which the spirit of the growing Japanese resistance to the influential Sinocentric, Neo-Confucian theories drew its strength. At this point, the contours of a national attitude towards culture have already started to take form, with aesthetic concepts such as *mono no aware* (“the pathos of things”, “the moving quality of experience”) being proclaimed as superior to the intellectual and moral views adopted from India and China.

The inherited idea about the Japanese people being homogeneous, pure and special, with an essence that is most clearly embodied in the image of the emperor, has always constituted the basis of “Japaneseness”, as this narrative suggests. Elements of this ideology, which were present as early as the time of the establishment of the ancient state of Yamato, were formulated more convincingly in the 17th and 18th centuries by intellectuals belonging to the school of the “national study” (*kokugaku*). To these apostles of the national spirit, nations appeared as historical facts that could no longer be divided and fragmented, so they perceived the state itself as an idea that can provide the advantages of a spiritual and metaphysical, that is, artistic reality. They codified the ancient myths about the original founders of the state of Yamato, taking the vanished “golden age”, when gods still spoke to men directly, as their apotheosis. It is the “*tennō*”, the emperor himself that embodies and maintains the continuity with those ancient, unblemished times. He

does so by preserving and enacting “the imperial way” (kōdō)².

At first only as a presentiment, later as an increasingly defined and pronounced spiritual opposition, the Japanese specificity in relation to China took on the meaning of a new and indivisible, spiritually and biologically founded reality. Up until then, the Japanese state was not imbued with the national spirit entirely. It was still equivalent to an alliance of tribes, an economy, manufactured goods; a far cry from an idea that organically permeates life in its entirety, an all-encompassing *corpus politicum mysticum*. In many aspects, this antagonistic relationship with China, this proudly proclaimed opposition to the traditional cultural mentor, would pave the way for Japanese interaction with the West³.

The formulations that appeared in opposition to the Sinocentric neo-Confucian theories and influences of the Chinese civilization, found in the works of the most important representative of nativist studies, Motoori Norinaga (1730-1801), would echo even more resonantly in reactions to Western influences in the 19th and 20th centuries. Motoori Norinaga endeavoured to prove the superiority of Japanese cultural tradition over other ethnic and national heritages in his study of *Kojiki* (712), the oldest historical writing on Japan. His arguments represent a prototype of the notion of international relations that would be present in numerous European nationalist projects from the 18th and the 19th centuries. However, what differentiates this kind of thinking from European cultural nationalists is call to foster two

---

² Gavan McCormack, “Kokusaika: Impediments in Japan’s Deep Structure”. in: *Multicultural Japan: Palaeolithic to Postmodern*. ed. by Donald Denoon et al., Cambridge: Cambridge University Press, 1996, p. 268.

³ Christine M.E. Guth, “Japan 1868-1945: Art, Architecture and National Identity”, *Art Journal*, Fall 1996, p.17

simultaneous forms of nationalism in Japan – Asian, that is, East Asian nationalism and nationalism characteristic solely of Japan⁴.

However, we should point out that the process of “Westernization” in Japan began with a sharp conflict with the tradition inherited from the Tokugawa period, including the so-called national teaching (*kokugaku*). The retrograde, feudal heritage that was to be rejected at any cost involved the long-adopted and deeply rooted legacy – ranging from the Chinese administrative system to the Buddhist religion. The search for a Japanese “essence”, the essence of the Japanese “spiritual etymon”, was continued under the aegis of – visual art. Activities of characters from myths and legends praised in art works of the Meiji period did not only serve to explain how Japan became what it is, but also to define and confirm the innate, authentic, native specificity and belonging to an imperial culture.

Even before it underwent numerous upheavals and faced many challenges due to its exaggerated appetites and territorial ambitions, both abroad and domestically, the Japanese empire saw in its nation a collective fable character and a promise of faithfulness to its roots, and in its past – a marriage between the nation and its myth. What is of some interest to us here is the fact that the broader discussions concerning individualism, national identity and culture in the Meiji period were accompanied by the struggle to define the purpose of art and the role of the artist in contemporary Japanese society. Meiji Government considered creating the image of Japan as a modern, internationally recognised nation as one of its most important goals, and it focused its attention on crafts and artistic products that were in great

---

⁴ Haruo Shirane, “Issues in Canon Formation”, in: Haruo Shirane and Tomi Suzuki, eds., *Inventing the Classics: Modernity, National Identity, and Japanese Literature* (Stanford: Stanford University Press, 2001), p. 14.

demand on the international market. Significant structural reforms, carried out under the slogan *bunmei kaika* (civilization and enlightenment), implied also an effort to shift art from the domain of aesthetics and integrate it in the sphere of trade, science and technology⁵. By engaging foreign artists to teach Western art techniques, and by sending Japanese artists to study in Europe, the Japanese Government strove to bridge the technological, intellectual and cultural gap between Japan and the West at an accelerated rate.

In terms of art, the Meiji period was marked by a struggle for supremacy between advocates of traditional painting and artists who fanatically, unreservedly, accepted the lessons of Westerners, primarily those provided by European impressionists – the trend that would eventually gain dominance on the art scene. In short, the cultural climate of the Meiji period was imbued with the modern dilemma of how to simultaneously absorb and master new and progressive art tendencies and define the national tradition. Gradually, these artistic trends would form two opposed but complementary painting styles: *nihonga* (Japanese pictures) and *yōga* (Western pictures).

The second half of the 19th century saw the emergence of one of the numerous paradoxes that marked the Japanese culture of the modern era. Namely, while Japanese artists were struggling in European studios to acquire the rigid academism that was despised by the local modernist circles, they thought they were absorbing lessons about the peak of the contemporary Western art. They thought that by doing this they would effectively break with the Japanese tradition, which they considered backward and restrictive. On the other hand, it was precisely the Japanese traditional art that

---

⁵ Ibid.

European avant-garde artists used as an abundant source of inspiration for creating artistic expressions that marked the development of modern art in the West, which, in return, would exert a strong influence on Japanese artists in the 20th century.

The dilemmas inherent in attempts to define the artistic identity can be best observed in the statements made by the historical protagonists and witnesses. At the very beginning of the 20th century, the famous intellectual Okakura Tenshin appealed for the awakening of Asian countries, which were literally struggling under the burden of Western colonialism. In his famous book *The Ideals of the East* (1902), written in English on the eve of the outbreak of the Russian-Japanese War, he was undoubtedly resorting to the Western colonial logic when he claimed that Japan deservedly occupied the privileged position of an enlightened cultural mentor of Asia:

“Asia is one. The Himalayas divide, only to accentuate, two mighty civilizations, the Chinese with its communism of Confucius, and the Indian with its individualism of the Vedas. But not even the snowy barriers can interrupt for one moment that broad expanse and love for the Ultimate and Universal, which is common thought-inheritance of every Asiatic race, enabling them to produce all the great religions of the world, and distinguishing them from those maritime peoples of the Mediterranean and the Baltic, who love to dwell on the Particular, and to search out the means, not the end, of life”⁶.

What is the essence of this message, which has left such a significant trace in the reception of Okakura’s work, one that certainly marked the entire 20th century? The formulations that follow are the closest way of defining this

---

⁶ Okakura Kakuzō, *The Ideals of the East with Special Reference to the Arts of Japan* (Rutland, Vt. And Tokyo: Charles E. Tuttle, 1970), p.1.

contribution - first of all, the contest with West should be conducted in a subtle manner: not by military power or material means, but through “love” and “art”. Also, the East is not merely an idea developed in the West, nor does it share the common fate of the colonised space. Neither is it a mere myth, but a living stage where fateful encounters and conflicts occur, as do understanding and misunderstanding, the love and suffering of the everyday contemporary world. It actually reflects an entirely *concrete identity*⁷.

But if, for a moment, we simply reverse his perspective, if we attempt to view Okakura’s “clash of civilizations” observed in a double mirror, we shall see that the Japanese art has been present in the West for a long time, where it has received the status of Hegelian “otherness”. Moreover, to the large extent it was considered as *avant-garde* in the West, either in the eyes of impressionists or in the eyes of Okakura’s mentor Fenollosa. Along with China, it has been established as an inexhaustible source of wondrous stimuli, first and foremost in the domain of poetry.

We must certainly consider such observations within the context of the times: at the beginning of the 20th century, Japanese military and colonial projects provided a stimulus to the growing nationalist movement, which would soon permeate the entire Japanese society. It is interesting to note that foreigners were also prone to essentialist views of art. Ernest Fenollosa (1853-1908), who came to Japan from Harvard University in 1878 to teach philosophy and political economy, became a tireless advocate of traditional Japanese art. For example, he saw in the artists of the Rinpa school, who returned to Japanese themes in a “natural” way, as saviours who preserved Japanese art from the “demonized,

---

⁷ Karatani Kōjin, “Japan As Museum: Okakura Tenshin and Ernest Fenollosa”, trans. Sabu Kohso, in: *Japanese Art After 1945: Scream Against the Sky*, ed. Alexandra Munroe (New York: H.N. Abrams, 1994), p. 35.

Chinese-influenced ‘medievalism’ of Ashikaga painting styles”⁸:

...“the Japanese School of impressionism”... [the Koyetsu-Korin school] attempts to give an overmastering impression, a feeling vague and peculiarly Japanese, as if the whole past of the race with all its passions and loves surged back in a gigantic race memory inwrought in the inheriting nerve – a patriotism as gorgeous and free and colossal as one’s grandest dreams”⁹.

As we see, the issue of the national specificity and determination of mentality was questioned with special intensity in the sphere of art. In the effort to discover and describe the collective and individual, spontaneous and mediated models of behaviour that were, primarily, revealed in the intellectual, emotional and activity-related processes, the beginning of 20th century brought a dilemma to Japanese artists: how to be a modernist, avant-garde artist and Japanese at the same time? The sculptor and poet Takamura Kōtarō tried to answer this question in his article entitled “Green Sun”, published in 1910, encouraging artists to overcome the dichotomy of Japan against the West, emphasising the priority of uninhibited personal expression:

“I was born Japanese. Just as a fish cannot live out of water, so I cannot live as a non-Japanese, even if I remain quiet about it. At the same time, just as a fish is unconscious that he’s wet in water, so at times I’m not conscious that I am Japanese... My psychological state when making art is, therefore, where only one human being exists. Thoughts of things like Japan don’t exist at all... From this standpoint, I’m hoping that Japanese artists will use all the *möglich* [possible]

---

⁸ Trede, *Terminology and Ideology*, p.40.

⁹ Fenollosa, Ernest, *Epochs of Chinese and Japanese Art*. Vol. 2. San Diego: Stone Bridge Press, 2007, p. 497.

techniques without any reservation. I pray that they will follow their inner urges of the moment and not be necessarily afraid that they may produce something non-Japanese. No matter how non-Japanese, a work made by Japanese can't avoid being Japanese"¹⁰.

A question of the so-called "melancholic division" among the Japanese, which presupposes a facile acceptance of Western institutions (without complete internalisation) and a simultaneous deep affection for the Japanese sentiment, was detected by the writer Natsume Sōseki (1867-1916). Sōseki, who is arguably the most popular writer in Japan even today, was quick to sense and accurately describe the dark side of Japanese modernisation. In his famous lecture delivered in 1911, published under the title of "The Social Development of Modern Japan", he criticised the lenience and inability of Japan to resist Western expansionism.¹¹ Sōseki held the view that Western societies evolved in a natural way, which is contrary to the Japanese experience. Japan's contact with the West after the Meiji restoration was in many ways different. When suddenly, after two centuries of isolation, the insular society opened its doors and confronted the Western civilization, it found itself in a state of shock.

Sōseki resorted to picturesque examples when he described the situation in which Japanese society found itself while being repeatedly splashed over by the waves of the Western cultural tide. With each new wave, the Japanese had an increasingly unpleasant feeling of living in a stranger's

---

¹⁰ Alex Danchev, *100 Artists' Manifestos: [from the Futurists to the Stuckists]*, (Penguin, London, 2011). Available at: http://americancyb.org/reader/kotaro_greensun.pdf (accessed on 18.5.2017).

¹¹ Midori Matsui, "The Place of Marginal Positionality: Legacies of Japanese Anti-Modernity", in: *Consuming Bodies: Sex and Contemporary Japanese Art*, ed. Fran Lloyd (London, GBR: Reaktion Books, 2004), pp. 143-144.

house. Even before they understood the nature of the preceding wave, they were splashed over again by another one. It was as if new dishes were constantly placed before them and removed just before they managed to taste them. All this led him to conclude that the autochthonous Japanese was a kind of a symmetrical opposite to a foreigner. Under such conditions, one can only expect people to become empty, frustrated and worried, Sōseki claimed ¹².

The case of the artist Murayama Kaita (1896-1919) can illustrate the smooth transition from the romantic cultural nationalism of late-Meiji “statist modernism” into the “cultural-nationalist fascist modernism of the 1930s” ¹³. His vigorous painterly expression combines two seemingly incompatible aspects – a search for personal identity through a powerfully sensual, autoerotic feeling expressed through the genre of self-portrait and the aggressive idea of national unification ¹⁴. Thus, in “My Psalms”(Waga shinen), dating from 1914, the author leads the reader into his unique psychology of blood, violence and nationalism. An obvious similarity to European nationalist tendencies can hardly be accepted as a supreme achievement of critical acumen:

“...There is no beauty other than blood.

...You, the strong and beautiful Yamato race!

...Courageous manly Yamato race. Return to your truth.
Return to the crimson of the sun.

Pursue your lovers like beasts. Break out of the grief-filled sick love of the centuries.

---

¹² Natsume Sōseki, “Social Development of Modern Japan”, (1911) http://www.grips.ac.jp/teacher/oono/hp/lecture_J/lec03.htm.

¹³ Roy Starrs. *Rethinking Japanese Modernism*, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011, p. 76.

¹⁴ Bert Winther-Tamaki, *Maximum Embodiment: Yōga, the Western Painting of Japan, 1912–1955*, University of Hawaii Press, 2012, p. 37.

Slaughter white women of Utamaro in blood. People of Yamato, eat flesh and fill yourselves with blood”¹⁵.

In these words we recognise Murayama’s appeals for a return to a mythical past. Using blood as a metaphor for an (imaginary) common heritage, origin and belonging to the pure Japanese nation, Murayama strives to erase the past, or to put it more precisely, to remove, throw out the infected layers of Japanese past and emphasise the aggressive, vital nature of the Yamato race.

Although the “Japanese past” is actually a stylised category, a romantic chimera that tirelessly produces the nostalgic utopianism of political heretics, it must be pointed out that revitalisation of cultural memory is, in itself, normatively neutral. However, in the interpretation of Japanese cultural nationalists, the reification and preservation of the autonomous, the national and the spiritual enables a pure understanding of the superior cultural essence of Japan. That cultural essence actually hibernates. It is perceived, in fact, as something that resides outside of history, which makes it immune and resistant to socio-historical transformations of any kind; something that has always been, and always will be present.

It would appear to us, however, that this also confirms the amazing resilience of a discourse which constantly makes use of the medical notions of “healthy” and “unhealthy” in the domain of political and cultural analysis in Japan. Therefore, this discourse may be compared to the psychoanalytical concepts of *displacement* and *suppression*: as in dreams, by escaping to the “good” past and a pure experience of nature, one suppresses not only the immediate encounter with “diabolical” mundane life but also the futility

---

¹⁵ Quoted from: Bert Winther-Tamaki, *Maximum Embodiment*, p.40.

of abstract philosophising; this “necessary anachronism” is actually required in order to subdue the “unhealthy” and, essentially, “useless” experience of mere theorising.

If now, towards the end of this brief analysis, we should answer the question of what most clearly reflects the crisis of modernism in Japan, then we might get closer if we indicate the need for defining the national identity as one of the causes of the somewhat hampered development of individualism and creative, critical thinking. The generality of such an observation, however, hides the challenges and possibilities of our own critical thinking. We shall see that the strategies of returning to the premodern and autochthonous tradition in the 20th century served as a powerful source of inspiration to artists who strove to achieve a “revolution in everyday life” by *aesthetic* means.

The reason for a continuous interest in the relationship between art and identity is to a large extent political or ideological in character. We know that such speculations could be spiritually refreshing, but not always convincing, for the “pedagogy of art” could only indirectly influence the mechanisms of profane history. It was capable of proposing to the world revolutionary development strategies and broader forms of collective participation – but also capable of receiving them and adapting them for its own purposes, if they were formulated elsewhere. In the end, all “personal” ideas and themes, all stylistic features and artistic specificities, aesthetic systems and “personal” creative functions have been, and always will be, only participants on an equal footing in the creation of a universal model of culture.

ГЛАВА 3

Трансформация японского общества и динамика политических процессов

The life of Japanese woman: contradictions of Meiji period (1868-1912)

Introduction

The Meiji period in Japan is known for the tremendous social and political improvements. The undertaken trial of Japanese government to turn from isolated feudal country to modern Japan has led to the complicated transformations, which affected all classes of the society. Adolescents both men and women took part in educational programs and went overseas to America and countries of Europe for education. The officials hoped that after the return, they will contribute to the development of Japan and share western ideas on modern achievements in technology, finance, legal system, science and culture. Apart from education many changes occurred in the spheres related to women.

The struggle for women's rights in Japan is widely discussed in the number of books and papers by modern researches. Most useful among them were the writings by Rebecca Copeland (*The Modern Murasaki: Writing by Women in Meiji Japan*, 2012) and Anderson (2011)¹. Similarly, numerous resources in English, Russian and Japanese languages examine western life-style and fashion, which were introduced to Japan, and the rise of women literature.

---

¹ Anderson, Marnie S. *A Place in Public: Women's Rights in Meiji Japan* / Harvard East Asian Monographs. Harvard University Asia Center, 2011. 266 p.

Tanaka Yukiko² and Copeland R. covered the novels and lives of forgotten first-women writers of Meiji era, the contemporaries of Higuchi Ichiyo. Russian professor Mezheriyakov A. N. (2009) overviewed the era, social changes and the role of the Emperor. The database provided a great opportunity to discover the background for this research. However, the information on contradictions of Meiji period based on the personalities and efforts of notable women stays uncertain and needs to be clarified likewise added by some facts primarily translated from Japanese language for this paper under the method of comparative analyses.

Women education and the image of “working woman”

Women education turned out to be the point of keen interest of many Japanese officials. Under the decision of Kuroda Kiyotaka (1840-1900), the second Prime-minister of Japan, and as a part of Iwakura mission five Japanese women sailed to study in America from Yokohama port in 1871. Among them there were Tsuda Umeko (1864-1929) and Oyama Sutematsu (1860-1919), who contributed to the development of Japanese women education.

At the beginning of Meiji period around twenty new schools for girls were established in Tokyo. Teachers from Japan and English speaking countries taught geography, history, English language, calligraphy, needlework (cutting and sewing) and etiquette. However, the idea of girls' marriage organization before their graduation from school was widespread in the Japanese society. Comparing with Edo period (1603—1868) the positive changes came to marriage organization: a lady from a high-ranking family selected the husband by his photo and could be rejected to marry him if his

---

² Tanaka, Yukiko. *Women Writers of Meiji and Taisho Japan: Their Lives, Works and Critical Reception, 1868-1926*. McFarland Publishing, 2000. 186 p.

appearance did not suit her. Thus, ladies paid a lot of attention to the appearance of a man and the society took ladies wishes and tastes into consideration.

The active development of education and increase of taught disciplines at schools revealed the lack of well-trained teachers. The decision to start teachers' training met set in society contradictions. A working woman was not considered as a desirable marriage partner and future "good wife and wise mother"³ as she has already been financially independent. Moreover, during Edo period some women occurred to inherit their family fortune and house. Therefore, they were not interested in the marriage from its economical side and this formed the negative image both of working women and her partner. People thought of man as about the one who ran after a woman with the money. In Meiji period the government changed the regulations and provided the eldest son of the family with the right to inherit family fortune. As a result, women legal rights were denied and educated women from wealthy families felt as the appendage to the men. From their point of view, the development of Japanese society has slowed down. Moreover, some high-ranking officials impeded women advancement.

After return to Japan Tsuda Umeko faced language barrier as she forgot spoken Japanese and could not keep everyday communication. She noticed the negative sides in the development of Japanese society. First, Japanese women had to accept the traditional role of "good wife-wise mother", did not obtain high posts and show in public. Many ladies, who went overseas for education, after the return to Japan were married to high-ranking man. For example,

---

³ Traditional role for women that represented the ideal behavior code for womanhood. Woman was expected to be a good wife with useful domestic skills and a wise mother who could raise sons to serve for the nation.

Oyama Sutematsu married Oyama Iwao, the Imperial Japanese Army general. Only spouses on high posts were evaluated in the society. However, educated women refused to accept the defeat. From the USA they brought to Japan the idea of marriage partners' equality and attempted to implement it to their life.

**Outstanding women of Japan and Western countries:
Tsuda Umeko, Alice Mabel Bacon and Yamamoto Yae**

In 1888 Tsuda Umeko and Oyama Sutematsu sent the invitation to American educator Alice Mabel Bacon (1858-1918) and asked her to serve as an English language teacher at the Gakushuin Women's school for Japanese girls from aristocratic families. Tsuda Umeko got acquainted to Alice M. Bacon during her stay in the USA. The Bacons household was selected by Japanese envoy Mori Arinori (1847-1889) as the residence for Oyama Sutematsu. Though Tsuda Umeko was not living in one house with Alice M. Bacon they became good and life-long friends.

After arrival to Japan Bacon started teaching at school and giving private lessons. She had an access into Japanese houses, observed and studied the hidden from man view aspects of Japanese women life. Bacon has become the first author who wrote about Japanese women, their thoughts, education, families, social and private life, prostitutes and common problems in the book "Japanese Girls and Women" (1891).

After the opening of Japan many western people, who arrived here, earned their living by writing articles on everyday issues in Japan. Primarily, they were men interested in men's topics and issues⁴. Bacon discovered shaded sides of

---

⁴ 砂田, 恵理加. アリス・ベーコンの「日本」と世紀転換期のアメリカ社会/博士号取得論文, 2012年. Sunada, Erica. Japan of Alice Bacon and American society / PhD thesis. URL: [<http://www.soc.hit-u.ac.jp/research/archives/doctor/?choice=summary&thesisID=287>]

living in Japanese society and houses. Her next book “A Japanese interior” (1893) shared with western public the information on Japanese house organization. Later she published a collection of Japanese fairytales “In the lands of the Gods: Some stories of Japan” (1905). Alice M. Bacon accepted that some of the stories copied those from the writings by Lafcadio Hearn (1850-1904)⁵, but she added three opening tales, that set in Russo-Japanese war (1904-1905). The first two – “The Favor of Hachiman” and “At the shrine of Fudo”, showed two mothers and abiding maternal love to their sons. The third one – “The Blue Flame” depicted the wife wish to die after her husband’s death. As Junko Umemoto has pointed out: “Bacon’s three original stories show remarkable insight into Japanese femininity at the turn of the twenties century that was rarely understood by ordinary Westerners”⁶ [p. 35].

Together with Tsuda Umeko and Oyama Sutematsu in 1900 Alice M. Bacon contributed to the establishment of *Joshi Eigaku Juku* (Women’s English Preparatory School), that was later known as “Tsuda college”, one of the most famous Japanese colleges for women in today’s Japan.

Before Bacon American educators have already traveled to Japan: Margaret Clark Griffis (1838-1913) and Illinoisan Dora E. Schoonmaker (1851-1934). As Elizabeth K. Eder noted, they entered the teaching profession “to escape the confines of locality, domesticity, poverty, and

---

⁵ In 1890 Lafcadio Hearn arrived to Japan as a newspaper correspondent, but made his living as a teacher. He became the first author who collected Japanese legends, ghost stories and opened them to western public.

⁶ Umemoto, Junko. *Images of Japanese Femininity from Alice M. Bacon’s In the Land of the Gods / Nitidai seikatuka kenkyuho*. V.37. 2014. P. 35-42.

dependence” [p.2]⁷. America’s educators rarely lived and worked in alternative culture.

The Japanese Ministry of Education enrolled Margaret Clark Griffis as a foreign expert to teach English in Tokyo *Jogakko* (Girl’s School), first public school for girls. The position was honorable, however in 1874 Griffis turned it down and recurred to the USA. Dora E. Schoonmaker established a school for girls and taught there from 1874-1879 [p.3]⁸.

Both of them contributed to the development of women’s education, but the close bonds to Tsuda Umeko and the first book about the agendas of Japanese women made Alice M. Bacon a famous educator and honorable figure in Japan. The authorities arose the monument near the main building of Tsuda college new campus in 2017 to show respect to her efforts⁹.

Among famous Japanese educators must be mentioned the prominent figure of Yamamoto Yae (1845-1932), called “Janna d’Ark of Bakufu”. During Boshin War (1868-1869) known as Japanese revolution she fought for samurai, against Meiji government in the defense of Aizu. Yamamoto Yae portrayed the image of *onna-bugeisha* (woman-samurai): she wore men clothes and haircut, shoot from two types of weapons (Geweer and Spenser rifles)¹⁰. After the defeat she

---

⁷ Eder, Elizabeth K. *Constructing Opportunity: American Women Educators in Early Meiji Japan* (Studies of Modern Japan). Lexington Books, 2013. 277 p.

⁸ Eder, Elizabeth K. *Constructing Opportunity: American Women Educators in Early Meiji Japan* (Studies of Modern Japan). Lexington Books, 2013. 277 p.

⁹ Asahi simbun online [<http://www.asahi.com/ad/tsuda-next/photo/vol4.html>]

¹⁰ 中村彰彦. 会津武士道. PHP 研究所, 2012. 272 ページ. Nakamura, Akihiko. *Warriors of Aizu*. PHP publishing, 2012. 272 p.

moved to Yamagata and then to Kyoto in 1871, where she held the position of substitute teacher in Kyoto Women's school. In the house of her English teacher she encountered Joseph Hardy Nijima (1843-1890), who visited their family back in Aizu, had American education, served as an interpreter for Iwakura mission, supported women rights idea and raised funds in the USA for the establishment of Christian college in Japan. In 1875 in Kyoto he founded a school, where Yamamoto Yae taught etiquette to students. A year later in 1876 Yamamoto Yae married Joseph Hardy Nijima according to Christian tradition. They ran a school, which later developed into Doshisha University. Their house was equipped by the latest western fashion: central heating and western-style toilet.

Yamamoto Yae addressed as equal to her husband in public. Japanese people called her “handsome guy”, “bad wife” and “lady first” for her constant deviation against Japanese patriarchal behavior codes. One of the students described her, as “she had the head and hands of human being, but the body of fantastic creature”. After the death of Joseph Hardy Nijima in 1890 she left teaching and went to serve in the Japanese Red Cross organization, where she served as a distinguished nurse during Sino-Japanese War of 1894 and Russo-Japanese war. Last year of her life she devoted to teaching tea ceremony and became a master. Japanese society judged Yamamoto Yae for charting her own course of life, that made her an outstanding person. In 2013 Japanese broadcasting corporation NHK set a one-year long historical TV drama Taiga and portrayed the figure of Yamamoto Yae.

Establishment of new “Japanese beauty” image

In Meiji period the image of “Japanese beauty” has been dramatically changed under the influence of Western countries culture and ideas. Traditionally high-ranking

Japanese beautiful woman was meant to wear blacken teeth and shaved off eyebrows as these features revealed the changes of her status. According to recognized standards after the marriage was determined she painted her teeth black; in the case of pregnancy, she shaved off the eyebrows. Nevertheless, these Japanese traditions were demolished under the influence of westernization. Western life style and clothes, white teeth and natural beauty came in fashion.

Surprisingly, but during the first years of Meiji period, especially in 1868, turning down to wear shaved off eyebrows and blacken teeth by the aristocrats was considered as deviation against the order. Some years later, in 1891, these traditional features of Japanese beauty image were banned by the decree of the government. The Empress helped people to overlive it by setting personal examples. Accordingly, in 1894 the Empress declined wearing shaved off eyebrows and blacken teeth. As common and high-ranked Japanese people considered the family of the Emperor to be the model to follow, they accepted the changes after the members of royal family. Russian professor of Japanese Studies stressed: “The formation of Japanese nation is closely bound with a figure of Meiji Emperor. He has been a center people grouped around. For this reason, we the destiny of the Meiji Emperor and Japanese nation cannot be considered apart. As he was their symbol, thought a human” [p.7]¹¹.

One of prerequisites for the banning old Japanese traditions has become the uncomplimentary articles and notes on “Japanese beauty” image composed by foreign people who inhabited Japan of Meiji period. From one point of view, they have discovered and opened new sides of unknown county for westerners, but from the other, they pushed obsessed with westernization politicians towards

---

¹¹ Мещеряков, А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М, 2009. 736 с.

turning down Japanese traditions. Many of them objected the comparison of blacken Japanese teeth with a black hole instead of the mouth.

Despite of short woman haircut ban as a symbol of a new times by the order in 1872 the government enthusiastically kept promoting western clothes for all ages and classes of the society. New western style school uniform was introduced to Japanese women's schools. The Empress contributed into the distribution of western clothes and lifestyle among the aristocracy. Though numerous Japanese women felt uncomfortably wearing the dress. Some of them fell down from the heels, others were displeased with a cut. During their visits to Rokumeikan¹² they preferred Japanese traditional *kimono* to western clothes.

The fashion for western hairstyle (knots) has come to Japan along with western clothes. In 1896 women established a special club, where they mastered the skills in western-style hair arrangement and invented several new hair knots. Japanese women were recommended to wear western hairstyle as Japanese hair were considered to be not aesthetic and bad.

Changes occurred in a beauty sphere. The minister of foreign affairs Inoue Kaoru (1835-1915) in 1880 honorably visited the performance of famous actor Nakamura Fukusuke in Kabuki theatre. The public noticed unnatural shaking of Nakamura's legs and arose debates about the harmful effect of white lead, which was actively employed for makeup by geishas and entertainers. The investigations adduced instant decrease of the prices in 1905 and ban of the lead in 1933. The actress Kawakami Sadayakko introduced western powder

---

¹² Rokumeikan was a symbol of Meiji period: two-story building in Tokyo. It became famous for parties and balls as well as the residence for the guests of government.

that western women commonly applied. They caused no damage to the health, had no bad effect and match the skin color. Soon powder occurred to replace white lead successfully.

Facial treatment was introduced to Japanese ladies after Russo-Japanese war. Newspaper correspondents highly evaluated it and called “the face hygienic culture”. Surprisingly, Japanese people utilised this phrase up to 1970. Manicure has come in fashion along with facial treatment. In saloons clients got hand massage and nail polishing services. As far as nail colors have not existed yet, women rubbed the cream into the nail.

Nevertheless, the extreme nationalism against western culture generated during the war and calls for turning back to traditional Japanese clothes were heard. Despite it, the Japanese government continued keeping the trace for westernization. The pictures dated by Meiji period demonstrates the officials wearing western style clothes in western interiors, school-girls in new uniform, geishas and actresses in dresses and hats.

The rise of women literature (joruy bungaku) in Meiji period

After a long break Japanese women writes reappeared in the literature. Undoubtedly, Higuchi Ichiyo (1872-1896) is considered as a forerunner and highly evaluated by the critics for her writings. However, the names of some other women, her contemporaries, were unfairly forgotten: Nakajima Shoen¹³ (1863-1901), Miyako Kaho (1868-1944) and Kimura Akebono (Eiko) (1872-1890). Nakajima worked in the emperor palace as a Chinese characters teacher for the Empress, published reviews, essays, prose fiction and poems in Chinese language in the *Jogaku zassi* (Women’s Educational Journal)

---

¹³ Her former name was Kimura Toshika.

and *Bungei Kurabu* (Literary arts club). She tended to be “conservative in style... and became notorious as the first female activist for the Popular Rights Movement” [p.39]¹⁴. Miyako Kaho publish a novel “Warbler in the Grove” (*Yabu no uguisu*, 1888) on the irony influence of westernization on women education. Akebono became famous for her novel “The Mirror of Womanhood” (*Fujo no kagami*, 1889) where she portrayed the ideal the image of woman. Kimura Akebono was criticized for her language: “unrealistic, considering the wide gap between the written language and spoken language in Japan” [p.159]¹⁵. As Copeland Rebecca L. suggested, “if Kaho is mentioned at all, she and her female contemporaries are generally described as negative foils by which to measure Ichiyo’s superior accomplishments. Kaho is dismissed as an imitator and hardly a serious writer” [p.2]¹⁶. Many of first women works were considered as imitations of male writings, thus not valuable literature and their names were forgotten.

Yosano Akiko (1878-1942), a famous *tanka* poetess, and Hiratsuka Raicho (1886-1971), activist for women rights, followed Higuchi Ichiyo. The famous feminist cite “in the beginning, woman was the sun” belongs to Hiratsuka Raicho. In the journal *Seito* (Bluestocking) (1911-1916) she discussed tabooed topics of “adultery”, “miscarriage”, “lust” and “same sex love”. As Yamamoto Yae Hiratsuka Raicho deviated against patriarchal society and *ie* system. She acted

---

¹⁴ Copeland, Rebecca. *The Modern Murasaki: Writing by Women in Meiji Japan / Asia Perspectives: History, Society and Culture*. Columbia University Press, 2012. 419 p.

¹⁵ Suzuki, Tomi. *Performing “Nation”: Gender Politics in Literature, Theatre, and the Visual Arts of China and Japan, 1880-1940* / ed. By Doris Croissant, Catherine Vance Yeh, Joshua S. Mostow. Brill Academic Pub, 2008. 445 p.

¹⁶ Copeland, Rebecca L. *Lost Leaves: Women Writers*. University of Hawaii Press, 2000. 304 p.

for equal rights with men and lived with her partner without being married to him.

First beauty contests

First beauty contests came to Meiji Japan along with western life-style and clothes. Primarily, Japanese beauties were chosen from the wives and daughters of high-ranking people. The pictures of eleven beauties from Bakufu and Meiji periods survived till nowadays. Among them: Ine who was the daughter of German father and Japanese mother called “the half-blood beauty”, “Miss Japan”, the photo of a beauty made by foreign photographer, “the star of the world – the first among Japanese actresses”.

However, the history knows the fact of a mayor’s daughter Suehiro Hiroko excluded from the girls’ school for winning the contest as the principal of the school considered the beauty contests as era’s moral decline [p.322]¹⁷.

Conclusion:

Numerous reforms of Meiji period led to the change of Japanese people life-style, yet women faced hardships in their efforts to contribute into the changes of woman position. Despite the opportunity to have education and work, they were expected to follow the husbands and codes of behavior set by patriarchal system. Some of the women went against old rules by setting personal examples (Yamamoto Yae, Hiratsuka Raicho). They acted for the place in public and established schools that turned out to be modern famous institutes. Several roots of positive aspects, which Japanese people have nowadays, originated in Meiji period and linked to outstanding personalities of women, though they were judged as deviators.

---

¹⁷ Huffman, James L. Creating a public: People and Press in Meiji Japan. University of Hawaii Press, 1997. 573 p.

(PETKOVA Gergana)

From Samurai to Otomen: 150 years of masculinity reform

In the last two decades the discourse on gender in Asia has spread to topics related to politics, nationalism, consumerism, and globalism. It is no longer a dichotomy dispute about male over female and female over male, but a study of more hybrid and multifaceted entities which transform the society and simultaneously are transformed by it. In the current essay we illustrate the dynamics in the understanding of gender in Japan from Meiji Restoration to present day via the examples of narrative genres, to see how they simultaneously reflect, form and search for the new image of masculinity.

Only a few decades ago gender issues made their way into the research topics of various fields exploiting mainly the theme of emancipation, feminism and gender equality. A great heap of research works appeared to claim the overwhelming examples of female inequality at work, at home, in arts and literature. The direction however has been shifting recently from establishing the model of the independent woman of today to fostering a new wave of masculinity movement, the men's rights movement. Social, cultural, political and economic factors have certainly affected this turn.

In 2005 the life studies scholar and modern philosopher Masahiro Morioka published his controversial and simultaneously very insightful study *The Confessions of a Frigid Man: A Philosopher's Journey into the Hidden Layers of Men's Sexuality* (translated also in English in 2017). In this book the author examines several phenomena in male sexuality, among which the Lolita complex, the mini-skirt and the school uniform fetishism and others, in order to draw important conclusions not only about the status of masculinity from a gendered perspective but also on the

process of transformation of masculinity in the recent years – in Japan and elsewhere.

In a study on historicizing military desires in Japanese anime Hiromi Mizuno states that “masculinity is not a fixed attribute of the male body, but a constantly negotiated social construction” (2007: 110). And this is so because human beings are subject to evolution. In their study on the evolution of human physical attractiveness, Steven Gangestad and Glenn Scheyd conclude that certain gender-bias features develop in human beings in order to secure “individual’s ability to successfully interact with the environment” (2005: 527) and these characteristics transform and change because they fulfill a specific function in the individual’s effort to make the best “life profit” under the given circumstances.

In other words, when samurai were the top class in Edo period, the ideals for masculinity were based on bushido laws – the education standards of self-control, confidence and resolve may be traced in the diaries of samurai houses from Tosa during late Edo, narrating children raising practices from first-hand (Roberts 2017). The masculinity was so highly esteemed that “for a man to express his close relationship with another young man made him manly, while to do so concerning women put him in danger of becoming ‘womanly’” (ibid. 55). Manliness is so much the focus of attention, that male prostitution “flourished” in Edo Japan (Leupp 2008: 135), while “at all levels of samurai society age graded, role-structured male-male sexual relationships were common, acknowledged and articulated” (ibid. 144). Man was center-staged during a long period of wars, followed by the time of samurai (warrior-bureaucrats), yet that male-centered society certainly started to experience changes after Meiji Restoration.

The Meiji era adopted the image of the “European dandy”, or as Jason Karlin states – “this genteel form of masculinity reconciled with (the) belief in progress and civilization” which filled the hearts and thoughts of Meiji government representatives (Karlin 2002: 41). The period was marked by serious conflict between the image of the “gentlemen”, called also haikara (from high-collar fashion) and the bankara (or rough modern ronin-type men). The supporters of haikara¹ believed that this fashion type and everything Western are markers for civilization, development, high-class and represented the government policy to become competitive to western countries in order to be considered as equals.

Naturally, as with the laws of Physics, every abrupt movement or change in the status-quo leads to a contraction and this westernization and feminization of manliness in Meiji Japan gave birth to the “opposing” party – the rise of the “masculine” man – rough, barbarian, physically fit and primitive. The bankara men were showing fists, naked chests and well-formed muscles and pleaded that the bushido philosophy is closer to the heart of Japanese people than any western idea would ever be. In newspapers and magazines government officials wearing western clothes were represented as monkeys (ibid. 53).

Japan opened to the world and Japanese government strived to become competitive to the Western countries on political, economic and industrial grounds. Nevertheless, these efforts opened the door to another transformation, hardly planned beforehand – the process of bifurcation, when masculine masculinity prevalent in Japan for several

---

¹ Although critics of that period claim that following fashion and etiquette only, without penetrating deeper in the essence of the image of the western man, by 1889 about 40% of the male population in Tokyo were wearing western costumes (Karlin 2002: 51).

centuries proceeding Meiji has been split into two: the masculine masculinity and the feminine masculinity. The feminine has finally found its way into the masculine – an expected result given the way it does on chromosome level, or the way we see it in the unity of Yin and Yan. It needed hundreds of years though, to become visible and acknowledged.

In one of his depth psychology researches of the Japanese soul and mind the Jungian scholar Hayao Kawai comes to the conclusion that the Japanese nation as a whole bears feminine traits (which would include all male and female individuals building the nation), while Western culture could be perceived as having male characteristics (Kawai 1982). This theory might be applicable to East Asian masculinity as well, and may explain phenomena like sobbing refined Japanese aristocrats from the tenth century, Medieval Korean intellectuals sonbi, and more recently - the protagonist of the popular Japanese serial *The Pink Boy* or *Otomen* (2006), who is a young man accomplished in the art of pen and sword, but hiding his secret interests in cooking and sewing.

Another interesting example can be found in the debut work of one of the best-selling authors in Japan and worldwide, Banana Yoshimoto's *Kitchen* (1988). The story depicts events from the life of the female protagonist who moves in the house of a young man, living with his mother. As the reader soon realizes, the mother in fact is the father of the boy, who has undergone surgery, in order to “replace” his lost wife in caring for the son. Similar examples turn upside down the “traditional” concept of masculine masculinity.

In the open discourse on social processes the Korean scholar Sun Jung speaks of the emergence of the “pan-East Asian soft masculinity” (2009). The wen-wu ideal (文武:

cultural attainment – martial valor) has become more hybrid and the image of the metrosexual protagonist of present day narratives would depict urban males who spend a lot of time and money cultivating their appearance (the same was said about haikara in Meiji Japan). And it does not mean that they are less competitive than the macho male. The era of the herbivorous boys has begun. First introduced as a term by Maki Fukusawa in October 2006, the “grass-eating” men are gentle, soft, caring, deprived of aggressiveness and sexual dominance.

The truth is that the idea of the beautiful man, or pretty boy is well known for centuries in China, Japan and Korea. Take for example the male actors of female parts in the Beijing opera and the Kabuki theatre. But the overwhelming examples of “softening masculinity”, of cute (*kawaii*) idols and pop-stars, appearing in Asian comics, animation, TV dramas and live shows, pop-music, magazines, etc., raise questions.

In a study of the male characters in the Japanese fairy tale (Petrova 2004), we have classified the *dramatis personae* in three main groups according to the relations within family circle, in society and in nature. The study found out that in the natural realm gender matters rarely if at all, in society masculinity is often associated with power, wealth and social hierarchy, while inside the family the male roles are defined by their relationships with other family members and gender is most clearly cut in the binomial of bride-groom and wife-husband. Gender, in this way, covers a wide spectrum of meanings from an absolute phenomenon in man-woman conflicts, via interchangeability in father/mother roles to completely irrelevant notion in human relation with nature. The folktale narrative proved that gender might work on functional level only to convey a certain message.

In 1962 Abe Kobo published his novel *The Woman in the Dunes* (Suna-no onna), which narrates the story of a male protagonist who gets entrapped (in fact a long-term imprisonment follows) by a woman living alone among the dunes. The protagonist is not only made to stay with her by force, but he is also made to work in order to survive. A year later, as if to resurrect the vitality of manliness, the Japan Broadcast Company NHK launched its Taiga Drama show – historical fiction TV drama serials, nailing the attention of Japanese audience every Sunday for over 50 years already.

Television, to use Andrew Painter's words "in Japan, as elsewhere, does not merely reflect society – it transforms it" (1993: 324). Moreover, it is one of the most popular mass media in the countries of East Asia, and TV drama serials maintain one of the highest rates of popularity compared to other TV programs. For example, in 2004 the Japanese NHK broadcast the Korean TV drama *Winter Sonata* (2002). According to statistics nearly 90% of the population claimed that they are more or less familiar with the plot (Hayashi and Lee, 2007: 200). TV sets are now everywhere – from bedrooms and bathrooms to open public spaces. Television is as much a private phenomenon (watched at home) as public (circulated in the society), or as Andrew Painter defines it in regard to Japan – it is "quasi-intimate" (1993).

That said, naturally comes the conclusion that TV may serve as means of influence. A study of popular Japanese TV shows undergone by Andrew A. Painter (1993) clearly shows "how television in Japan is crafted to attract and keep the attention of viewers in ways that are both culturally and ideologically significant" (ibid. 295). On the other hand, TV drama serials in East Asia are part of the national export within the ambition to make Eastern cultures more popular abroad. Cool Japan or the Gross National Cool is a clearly defined policy by the Japanese Ministry of Foreign Affairs. Joseph Nye defined the phenomenon as soft power in 1990,

and 27 years later China, Japan and Korea are spreading their cultural influence via the “soft” bridges of the TV drama. TV serials serve both the national and international purposes of cultural promotion.

Second, TV dramas are specially designed for the corresponding audiences, as the viewers might be thought of as “consumers of culture” (Hayashi and Lee, 2007: 198). Here market interests and foreseen profits dictate the details of the product. According to the gender of the audience, for example, much like the genre differentiation in comics and anime, TV serials “create” the image of the perfect man depending on who watches the drama serial. The Boys’ love genre of comics is created by women, and for women, even though it is about homosexual male relationships. In a production of a Japanese TV serial *You are My Pet* (Kimi-wa Petto, 2003), the bossy female protagonist bullies her “pet” – a young Japanese man, who is very cute and obedient.

To recapitulate, when we speak about masculinities in TV serials we need to keep in mind that television is a means for influence/propaganda; it is accomplishing national as well as international purposes and it is very much dependent on the market and the needs and interests of the viewers. On the other hand, as discussed earlier, masculinity might be differentiable and clearly defined or be in transformation and search of hybrid forms.

For all of the above reasons, the examples chosen hereafter to illustrate the new masculinity in Japan are TV serials. The prosperity of the Taiga (Big stream) drama, which summons Japanese TV audience every Sunday to illuminate historical events, offers an insight into the image of the perfect man from a “national perspective”. It very much stays in tune with the bushido, the bankara and the warrior philosophy in Japan for the last 600 years.

A good example is the Taiga drama *Gunshi Kanbei* (2014) about a well-known military strategist in the end of 16th century. Kanbei Kuroda is a man of strong will, quick brains, astonishing loyalty and outstanding strategic abilities. Even after months-long imprisonment the protagonist seems surrounded by purity despite the wounds and poor appearance. Everything that surrounds him is refined, clean and stimulating. His intellectual abilities bring to his master's prosperity and promotion, battle victories and political dominance. Kanbei Kuroda is depicted as a man par excellence. His relationship with his wife is at the background, the narrative is focused on the political life of Kuroda. The strategist is not the leader of the country, he is only the right hand man of the ruler Hideyoshi Toyotomi, still his figure is the embodiment of power. It seems that when war is at stage and heroic history is the playground, there could be no questioning of masculinities at all.

That is the message on national level. But in the process of national identification these dramas have their international resonance too. National ideals depicted in the examples above and alike strengthen the image of man as a man of power, wisdom and good manners. On the other hand it is a natural reaction to resist the economic and political dominance of the West (or other political and economic rivals). The problem is reflected in anime serials as well. Hiromi Mizuno examines two of them – *Space Battleship Yamato* (1974) and *Silent Service* (1996) to find that “both deal with complex desires for peace, the right to fight, to defend the nation, to determine the nation's own course, when Japan's peace, defense and future are in many ways in the hands of the world hegemonist, the United States” (2007: 105). The author defines Japan's position as “feminized” thanks to the strong connection scholars have found between masculinity and war, on one hand, and femininity and peace, on the other.

“A pacifist fantasy with masculine warriors” (ibid. 112) one would say, yet how is manliness going to develop hereafter? Take the example of the TV drama *My Perfect Darling* (2008). A female office worker cannot find herself a boyfriend so she ends up with a robot prototype to serve as a substitute. The robot is an emanation of the perfect man – great looks, top level physical qualities. He answers every whim of his mistress, as if he could even read her mind before she speaks. The robot is an Azimo-type of machine called Night, homophonous to the word describing a medieval noble warrior in Europe, a man of valor and high values – the knight.

As it turns out, the realities in the Japanese society cannot offer an appropriate human partner, so the woman is dating a robot. Or at least this is what female audiences in Japan are happy to see on screen. The audience of the serial is by no surprise female. Then would it mean that the image of the perfect man could be seen as a realization of Sigmund Freud’s wish-fulfillment. The good looks of Night and his perfect behavior in regard to the female protagonists might be examined as originating in depth-psychological wish-fulfillment, but they are also a kind of protest.

The Japanese female literati of the 10th and 11th centuries who gave birth to the first novel in the world literary history and to a great number of poetry and prose masterpieces, were silenced almost to present day. In China, Korea and Japan in 17th-19th c. there were books considered “unsuitable for women” (Kornicki, 2005). Today, in Japan working moms are not the predominant part of the female population – the majority still quit career path to give birth and never return to climb up the company ladder. Television at least can satisfy “the desire for escapism” (Ming, 2003), may be because reality is very far away from the “perfect” robots and male-pets.

Yet the new image of the “perfect” (hybrid) man is greatly supported by male population in the East as well. The historical heritage of hybrid masculinity is one explanation. In the East much more smoothly than in the West, hybrid masculinities are socially accepted. But the wish-fulfillment reaches out further to touch the male population who sees in the image of these perfect hybrid men an ideal to follow. Because these figures do not simply answer the women’s secret wishes, but they also raise a voice of protest on the part of the male population as well. After decades-long dominance of machos and Rambos, of samurai and soldiers, it is now time to offer an alternative – be it hybrid, herbivorous or otomen-type. And it may also bring to a positive turn in man-female relationship as a whole.

In the social dynamics of the 21st century gender roles might be expected to further develop and change. And if we borrow the adaptationist theory from biologists and apply it to interpret the transformation masculinity has been undergoing through the centuries, we shall come to interesting conclusions. If masculinity adapts to the surrounding environment in order to ensure higher vitality and survival success, then the presence of Oto-men, Pet-men and Robot-men in the narrative genres (which reflect reality as much as they reflect wishes and fantasies), would mean that the essence of masculinity has reformed substantially. One might expect that with the processes of globalism, feminism, and egalitarianism worldwide, the concept of manliness would further enrich with new traits which would ensure higher adaptability to the changing surrounding environment.

BIBLIOGRAPHY

- Abe**, 1962: 阿部公房『砂の女』新潮社
Fukusawa, 2006: Fukusawa M. Soshoku Danshi.
<http://business.nikkeibp.co.jp/article/skillup/20061005/111136/>
(accessed on 29.06.2017)

- Gangestad and Scheyd, 2005. Gangestad, Steven and Glenn J. Scheyd. The Evolution of Physical Attractiveness. In Annual Review of Anthropology. Vol. 34 (2005). P.523-548.
- Hayashi and Lee**, 2007: Hayashi, Kaori and Eun-Jeung Lee. The Potential of Fandom and the Limits of Soft Power: Media Representations on the Popularity of a Korean Melodrama in Japan. - Social Science Japan Journal, Vol. 10, N 2. P.197-216.
- Jung**, 2009. Jung Sun. The Shared Imagination of Bishonen, Pan-East Asian Soft Masculinity. URL : <http://intersections.anu.edu.au/issue20/jung.htm> (accessed on 29.06.2017)
- Karlin**, 2002: Karlin, Jason G. The Gender of Nationalism: Competing Masculinities in Meiji Japan. In The Journal of Japanese Studies, vol. 28, N1. P.41-77.
- Kawai**, 1982: 河合隼雄『昔話と日本人の心』岩波書店.
- Kornicki**, 2005. Kornicki, Peter. Unsuitable Books for Women? "Genji Monogatari" and "Ise Monogatari" in Late Seventeenth-Century Japan.- Monumenta Nipponica, 60(2), p.147-193. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/25066367>
- Leupp**, 2008: Leupp, Gary P. Capitalism and Homosexuality in 18th Century Japan. In Historical Reflections, vol. 33, N1, 18th Century Homosexuality in Global Perspective (Spring 2008). P.135-152.
- Ming**, 2003: Ming, Lisa Leung Yuk. "Love Generation", "Sleeping Forest", and the Urban "Dream": Rural Myth in Japanese TV Dramas. – Journal of Narrative Theory. Vol. 33, N 1. P.81-97.
- Mizuno**, 2007: Mizuno, Hiromi. When Pacifist Japan Fights: Historicizing Desires in Anime. In Mechademia, vol. 2m Networks of Desire. P.104-123.
- Morioka**, 2017: Morioka, Masahiro. Confessions of a Frigid Man: A Philosopher's Journey into the Hidden Layers of Men's Sexuality. Tokyo: TPP.
- Nye**, 1990. Nye, Joseph S. "Soft Power." In Foreign Policy, no. 80, 1990. P.153-171.
- Painter**, 1993: Painter, Andrew. Japanese Daytime Television, Popular Culture, and Ideology. – The Journal of Japanese Studies, Vol. 19, N 2. P.295-325.

Petrova, 2004: Petrova, Gergana. Male Characters in the Japanese Fairy Tale: Classification and Analysis. Zurich: UZH Dissertationen.

Roberts, 2017. Roberts, Luke S. Growing up manly: Male Samurai Childhood in Late Edo-Era Tosa. In Child's Play. Eds. Sabine Fruestueck and Anne Walthall. University of California Press. P.41-59.

Yoshimoto, 1988. 吉本バナナ『キッチン』福武書店.

Формирование основ конституционного права Японии эпохи Мэйдзи

Невозможно избежать изучение истории Японии этого периода Мэйдзи-исин (реставрация, реформация) без рассмотрения истории принятия Конституции Японии, поскольку итоги этой реформации под лозунгом *вакон ёсай* – «японский дух – западная техника»¹ были закреплены в Конституции Японии 1889 года².

Позволю себе здесь привести цитату из лекции Оэ Кэндзабуро, которую он привел в качестве примера отношения обычных людей к принятию первой Конституции Японской империи, которые, по его словам, страшно радовались ее введению, несмотря на то, что никаких выгод она им не принесла. И так, в местечке Асака Хирано (сегодня Мита), жила в 19-м году эры Мэйдзи древняя старушка, лет ей было около ста. Она переехала сюда одна и с большим трудом подняла клочок земли. Ее старший брат, когда узнал, что на открывшейся сессии парламента была принята конституция, пришел в такой восторг, что бежал по тропинке рядом с их домом как сумасшедший³. По словам Оэ, «именно тогда «отказ от войны» и «верховная власть принадлежит народу» – два краеугольных камня в фундаменте новой конституции – естественно вошли в душу и стали моральной основой всей моей жизни»⁴. Конституция любой страны является правовым каркасом выстраивания, не без усилий, отношений между государством и обществом.

Считается, что первым этапом становления японской науки конституционного права – это период изучения зарубежных конституционных доктрин, когда в 1866 г. два

---

¹ Молодяков В.Э. Япония в меняющемся мире. Идеология, История. Имидж. М., 2011. С. 84.

² URL: <https://www.digital.archives.go.jp/DAS/pickup/view/detail/detail/Archives/0101000000/000000001/00> (дата обращения 28.11.2017).

³ Оэ К. Обращаюсь к современникам: Худож. публицистика. М.: Прогресс, 1987. С. 31.

⁴ Там же. С. 31.

японских юриста Цуда Мамити и Ниси Аманэ опубликовали прослушанные ими лекции на юридическом факультете Лейденского университета в виде изданий по публичному праву зарубежных стран, по естественному праву и по философии права. Благодаря этим изданиям японская правовая культура познакомилась с такими понятиями как деспотия, автаркия, ограниченная монархия, конституционная монархия⁵.

В апреле 1868 г. был провозглашен и законодательно оформлен принцип «единства ритуала и управления». Этот политический документ ознаменовал собой возврат к древнейшему сакральному понятию единства царских и божественных функций. Он неоднократно упоминался в императорских указах и закреплял принцип «*кокутай*» со времен возникновения японской государственности и связывался с именем легендарного императора Дзимму, взошедшего на престол, как утверждалось, в 660 г. до н. э. и считавшегося родоначальником японской императорской династии. Именно благодаря принципу «единства ритуала и управления» у японского народа развивалось восприятие императора как «живого бога». Закрепление идеи исключительности и божественности японской нации продолжалось уже введением новых государственных символов – гимна и флага. Слова гимна Японии («Ты – весь мир») были взяты из поэтической антологии X в. «Собрание старых и новых песен Ямато».

Отсчет начала периода Мэйдзи начинается с отставки в 1867 г. последнего сёгуна Токугава Ёсинобу, когда политическая система правления *сёгуната*⁶ (*бакуфу*) прекратила свое существование, а императором Японии стал Муцухито.

---

⁵ Современное буржуазное государственное право. М., 1987. Т. 1. С. 217.

⁶ Сёгунат – военно-феодалная система правления Японии, при которой император выполнял только церимониальные функции, а реальная власть принадлежала военному правителю – сёгуна. Должность сёгуна при этом передавалась по наследству. Такая система просуществовала с XII-XIX вв. [Япония от А до Я]. М., 2000, с.438]

3 января 1868 г. был издан *Манифест о реставрации императорской власти*, после которого последовали события, известные как реставрация Мэйдзи⁷. Результатом этих событий и стало рождение «новой Японии»⁸. Можно сказать, что основы процветания Японии в современном мире были заложены свержением сёгуната и последующими реформами, осуществленными новой властью⁹. В соответствии с Манифестом, была учреждена новая система государственного управления, получившая название *сансёку* («три должностных ранга»). Во главе правительства стоял председатель, который руководил двумя группами советников – старший и младший. Это и были 3 ранга высших должностных лиц¹⁰.

В начале XIX в. структура японского общества с развитием товарно-денежных отношений стала постепенно меняться, а статус сословий совершенно перестал соответствовать действительному положению вещей.

В Манифесте было указано, что весь народ «будет участвовать в общественном обсуждении», то есть что при ведении государственных дел будет учитываться мнение общества. Однако этот документ не содержит какой-либо концепции конституционного строя. Поэтому в государственных органах, среди официальных лиц и внутри общественных движений в последующие годы возникал целый ряд концептуальных соображений о путях перехода к конституционному государству и о формах конституционного строя.

Еще одним важнейшим документом, после провозглашения которого начался этап построения конституционного права в Японии, является *«Клятва пяти*

---

⁷ Исторический период Мэйдзи (1868-1912 гг.) – назван по девизу правления императора Муцухито – «Просвещенное правление». [Япония от А до Я. М., 2000. С. 314]

⁸ История Японии. М., 1999. Т. 2. С. 11.

⁹ Там же. С. 26.

¹⁰ История Японии. М., 1999. Т. 2. С. 30.

пунктов»¹¹ (или «Высочайшая клятва в пяти статьях»), которая была прочитана от имени императора Муцухито в 1868 г. заместителем главы правительства Сандзё Санэтоми перед алтарем.

Приведем ниже новый перевод этого текста:

1. Все решения по управлению государством должны приниматься в ходе принародно созываемых собраний и в результате открытых дискуссий.
2. Люди как высших, так и низших сословий должны быть единодушны в стремлении следовать курсом правительства по управлению государством.
3. Как с военными чинами, так и с гражданскими лицами необходимо обращаться так, чтобы они могли реализовывать свои устремления, не испытывая притеснений.
4. Устаревшие методы и обычаи необходимо разрушать, и общество должно идти дорогой справедливых законов мироустройства.
5. Знания должны заимствоваться у всех наций мира, дабы укрепить основы Империи.

Во исполнение беспрецедентных исторических реформ в нашей стране, я приношу обет богам неба и земли и, утверждая новую политику этой страны, открываю путь к сохранению национального единства. Призываю свой народ сплотиться и приложить все усилия для достижения вышеуказанных целей¹².

Значительным этапом формирования конституционной доктрины в Японии явилось «движение за свободу и народные права» в середине 70-х – начале 80-х годов XIX в. По словам В.Н. Еремينا, период формирования правовой системы Нового времени как раз и заканчивается прекращением этого движения¹³. Именно это движение, в свою оче-

---

¹¹ URL: http://www.archives.go.jp/exhibition/popup_jousetsu_19_2/0706_02_01.htm

¹² Перевод с японского: Д.Коваленин (май, 2017). Данный перевод представлен здесь впервые. По всей видимости, перевод, который в настоящее время доступен в сети Интернет, сделан с английского языка.

¹³ Еремин В.Н. История правовой системы Нового времени. М.: Росспэн, 2010. С. 174.

редь, ускорило процесс принятия Конституции в 1889 г. и образования парламента в Японии. Так, отправляющей точкой в формировании японской конституционной идеологии считается 1874 г., когда движением была подана Правительству петиция с требованием образования избираемого населением представительного органа. В 1870 г. первый премьер-министр Японии Ито Хиробуми был направлен в США для ознакомления с американским конституционным правом и с этого момента началась активная деятельность по разработке японской конституции. В тот период в наиболее полном виде официальная конституционная идеология основывалась на том, что проводимые реформы должны преследовать главную цель – укрепить императорскую власть.

Первым инициатором проекта конституции был Кидо Такаёси, который в июле 1873 г. представил меморандум о выдвигении проекта конституции, но который не был в результате принят¹⁴.

Один из проектов конституции был выработан в палате старейшин. Авторы проекта выступали за парламентаризм. Однако правительство, император, Ито Хиробуми и его советник Ивакура Томоми восприняли этот проект как духовную поддержку «движения за свободу и народные права» и как нечто несовместимое с философией государственного строительства «кокутай» и обычаям японского народа. В противовес этой позиции Ивакура и Ито выдвинули также концепцию государственного строительства, главная идея которой заключалась в полной независимости государственной власти от волеизъявления народа. Окончательным выражением концепции Ивакура-Ито получила в документе «Меморандум о создании конституции», представленный Иноуэ Коваси в котором содержались основы будущего конституционного устройства Японии и Конституции 1889 г. с принципами прусского конституционного

---

¹⁴ Akita G. Foundations of Constitutional Government in Modern Japan (1868-1900). Harvard University Press, 1967. С. 9.

права: автономия императорского двора и выведение его за рамки конституционного права; предоставление широких полномочий императору; ответственность членов кабинета перед императором, а не парламентом; двухпалатная структура парламента; цензовое избирательное право.

Конституция Мэйдзи была официально провозглашена 2 февраля 1889 г., вступила в силу 29 ноября 1890 г. и действовала до принятия и вступления в силу послевоенной Конституции. Основным принципом Конституции было провозглашение суверенитета династического монарха (династия непрерывна на вечные времена) – императора. Он наделялся важными прерогативами, руководил вооруженными силами, устанавливал мир и объявлял войну. Конституция предусматривала создания тайного совета при императоре – высшего консультативного органа при императоре. Конституция наметила реальный шаг вперед в направлении участия народа в делах государства. Положения о правах и свободах сопровождалась указаниями на то, что они предоставляются «в пределах закона», то есть, не являются неотъемлемыми и могут ограничиваться текущим законодательством. Однако эти права и свободы были уже конституционным закреплением гражданского статуса, обретенного японцами благодаря отмене феодализма.

В целом же, главной задачей в области конституционного права в то время перед правящими кругами была цель сосредоточить и сохранить за собой власть, при этом, не позволяя населению участвовать в политическом процессе и не оставляя места для проблем прав, которая не находила конкретной разработки, либо рассматривалась только с точки зрения превалирования государственной власти. «Таким образом, официальная наука конституционного права в Японии, уже в самом начале своего становления строила свои доктрины на принципах абсолютизма и этатизма. Данная позиция не могла не быть противоречивой из-за концептуального несоответствия конституционализма и превалирования императорской власти. «Делались попытки снять противоречия, обращаясь к сфере иррационального,

к некой уникальной политико-культурной традиции японского государства, существующей вне времени и вне общественно-экономической формации»¹⁵. Такой иррационально-мистической концепцией упомянутая доктрина «кокутай», которой была проникнута вся наука конституционного права Японии вплоть до 1945 г.

Так, на основе теории «кокутай» государственный строй, центральным звеном которого является император, осуществляющий «общее руководство» верховной властью признается извечным. При этом, принцип разделения властей, по сути, полностью отрицался, парламент имел право только обсуждать законы, а не устанавливать. Органы трех разделяемых ветвей формально состояли при императоре и служили скорее вспомогательными инструментами реализации его власти. Какой-либо контроль парламента за исполнительной властью не допускался. Признавалась лишь прямая ответственность отдельных министров, а не кабинета в целом перед императором. Косвенный контроль парламента над исполнительной властью мог иметь место лишь на стадии предварительного обсуждения каких-либо проблем и в таких пределах, чтобы не затрагивать основы «кокутай». При этом для того, чтобы сохранить Японию и японский народ независимой нацией, японцам предстояло в кратчайшие сроки овладеть достижениями европейцев, причем не только в сфере техники и технологии, но и в строительстве современного государства. Это предполагало освоение огромного массива политических, экономических и иных идей, непривычных, а то и чуждых японскому сознанию. Чтобы справиться с этой задачей и одновременно сохранить свою самобытность, японцы нуждались в собственной «национальной идее», которая могла бы поддержать чувство национального достоинства и ощущения ценности собственной культуры. Ей и стала идея божественного происхождения нации, персонифицированной в императоре, которая и ранее

---

¹⁵ Современное буржуазное государственное право. М., 1987. Т.1. С. 221.

поддерживала в Японии политическую преемственность и духовное единство. Поэтому восстановление императорской власти было вполне логичным лозунгом борьбы национально-ориентированных сил с изжившим себя режимом сёгуната, борьбы против угрозы потери национальной независимости. Реставрация Мэйдзи ознаменовала собой возвращение к правлению императора как к древней, истинной традиции. Это в полной мере соответствовало духу японской истории, в которой явственно прослеживается принцип преемственности. Новые элементы, как правило, добавлялись к старой структуре, вызывая перестройку всей системы. Если на Западе новая ступень развития достигалась отрицанием предыдущей, то в Японии – путем обновления традиций¹⁶. Принцип преемственности также четко прослеживается и в истории законодательства Японии. Это способствовало тому, что преобразование в японском обществе, даже весьма серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов. Решение проблем путем компромисса – явление, характерное для Японии. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировоззрения – понятия гармонии (*ва*).

Провозглашение Конституции 1889 г. завершило предысторию формирования японской науки конституционного права. Первое систематическое изложение конституционного права Японии принадлежит Ходзуми Яцука, который придерживался той идеи, что «право является продуктом национального духа, и поэтому Япония должна иметь свою собственную правовую доктрину. Его итоговая двухтомная работа «Краткий очерк конституционного права» (1910 г.) стала той основой, на которой воспитывались многие поколения японских юристов. Он стремился «вписать» японскую конституционную модель в общемировую систему конституционного права. С этой целью он внес в японскую конституционную доктрину ряд новых понятий, в частности понятие «политический режим» (*сэйтай*),

¹⁶ История Японии. М., 1999. Т. 2. С. 28.

призванное объяснить те существенные изменения, которые все же произошли в политической системе страны после падения клана Токугава. Ходзуми, признавая разделение властей в конституционной монархии, ни коим образом не связывал этот принцип ни с ограничением власти императора, ни с усилением демократических тенденций через парламент, ни тем более с конституционным обеспечением прав человека¹⁷. Ходзуми переходил к апологии японской монархии заявляя, что государство есть одна большая семья, или общность отдельных семей. Власть в отдельных семьях осуществляется их главами, император же выступает в качестве единой большой семьи – нации (эти тезисы Ходзуми впоследствии активно использовались националистическими кругами в Японии в период военно-фашистской диктатуры). В качестве же связующего звена между «кокутай» и «политический режим» он вводил понятие «независимого суверенитета». Заслуживает внимание также концепция Минобэ Тацукинти, профессора Токийского университета, с 1920 г. читавшего курс конституционного права, в основу которой было положено известное положение о государстве как юридическом лице: «Конституция 1889 г. представляет определенную компетенцию каждой части государственного организма и всем его частям, сохраняя таким образом должную связь между отдельными частями и устанавливает функции таковых; между тем, с другой стороны, монарх отправляет свои собственные функции в согласии с установлениями конституции мы убеждаемся таким образом, что теория абсолютной монархии, которая когда-то преобладала в Риме не может быть признана конституционным принципом».

Период «демократии Тайсё» (1912-1926 гг.) (после смерти императора Мэйдзи императорскую власть наследовал его сын Ёсихито, годы правления которого и получили название Тайсё. Эти годы заняли особое место в истории Японии и в формировании ее политической культуры) был

---

¹⁷ Современное буржуазное государственное право. М., 1987. Т.1. С. 226.

отмечен прогрессивным развитием политической науки и науки конституционно права. Этот период характеризовался также развитием широкого общественного движения, основывающегося на совершенно новых для Японии ценностях, которые главным образом связаны с нетрадиционным постановлением вопроса о взаимоотношении индивидуума и общества, о ценности бытия человека, о почти закономерном противостоянии интересов личности и государства. Человек являлся только принадлежностью к большой традиционной семье. Слова для обозначения индивидуальности не существовало. Термин «кодзин» (индивидуальный, личный, частный) появился в японских словарях лишь в 1890 г.¹⁸ Видным представителем японской политологии первой трети XX в. явился Ёсино Сакудзо (1878-1933 гг.), в работах которого говорилось о двух смыслах демократии: юридическом и политическом. Он уделял особе внимание конкретной политической действительности Японии и, вместе с тем, приоритет конституции над действующим законодательством. 20-е годы XX в. были периодом подъема науки конституционного права в Японии, выражавшаяся в общей тенденции демократизации конституционного права и толерантной внутривнутриполитической обстановкой внутри страны. Некогда оппозиционная теория Минобэ была официально признана властями.

Один из известных исследователей права Японии правильно отмечал, что решение ввести конституционное правление в период Мэйдзи было принято как в ответ на требования изнутри общества, так и по собственному убеждению японских правящих кругов, согласно которому известное участие народа в государственном управлении сделало бы государство более сильным¹⁹.

---

¹⁸ История Японии. М., 1999. Т.2. С. 247.

¹⁹ Еремин В.Н. История правовой системы Нового времени. М.: Росспэн, 2010. С. 195.

Традиции, условия и формы перехода от эпохи Хэйсэй к эпохе нового императора Японии

История японской хронологии и проблемы, возникшие после выступления императора Хэйсэй об «отставке»

«Японская хронология» — это своеобразное явление, называемое японским термином *гэнго*: 元号, согласно которой счет времени в стране ведется по годам правления японских императоров. Все официальные внутренние документы ведутся по этой схеме. Имеется список всех членов императорской династии по «мифологической» схеме, ведущей отсчёт с 660 г. до н.э. и до сегодняшнего дня¹.

В новой истории страны отмечены всего 4 «эпохи»:
эпоха Мэйдзи (*Мэйдзи дзидай* 明治時代, 1868-1911, 44 года)
эпоха Тайсё (*Тайсё дзидай* 大正時代, 1912-1925, 14 лет)
эпоха Сёва (*Сёва дзидай* 昭和時代, 1926-1988, 63 года)
эпоха Хэйсэй (*Хэйсэй дзидай* 平成時代, 1989-2018, предп. 30 лет)

Нынешний японский император Хэйсэй выступил с видеообращением к японскому народу 08.08.2016 и попросил об «отставке» (*тэнно но тайи* 天皇の退位). За последние 200 лет это случилось впервые после того, как в конце эпохи Эдо (1603-1867 гг.), предшествующей эпохе Мэйдзи, так же ушёл в отставку император Кокаку 光格. Основу современного Обращения монарха составило объяснение причин «добровольной отставки» от исполнения государственных и общественных обязанностей (*кōсёку дзиккō* 公職実行).

О том, что из себя представляли эти «обязанности» в 2016 г., можно судить по отчету Управления Императорского Двора (УИД 宮内庁 *кунайтё*):

---

¹ С.В.Неверов, К.А.Попов, Н.А.Сыромятников, Н.И.Фельдман, М.С.Цын. Большой японско-русский фонетический словарь / Под ред. академика Н.И. Конрада. В 2-х томах. 4-е издание. М.: Живой язык, 2007, т.2. с.606-609.

Император Хэйсэй:

- (1) 1031 раз занимался подписанием документов, доставленных из парламента, или приложением к ним фамильной печати;
- (2) получал верительные грамоты от 36 иностранных послов;
- (3) послов из 15 стран приглашал на чайные церемонии;
- (4) утверждал на официальных церемониях на свои посты 97 министров и др. высокопоставленных чиновников;
- (5) совершил официальные визиты внутри столичного округа 41 раз, а в местные органы власти в 33 городах, поселках и деревнях – 11 префектур;
- (6) 19 раз проводил внутрисемейные праздники Императорского Дома)².

Все обязанности Императора Хэйсэй делятся по протоколу на 3 неравномерно распределённых раздела: государственные, общественно-официальные и частные. Наибольшее число дел относится к «государственным обязанностям». В будущем они должны перейти под управление **НОВОГО** императора. К ним относятся:

- назначение премьер-министра, кабинета министров и Верховного судьи,
- изменение Конституции, обнародование законов, правительственных указов и договоров,
- открытие сессии парламента, роспуск палаты представителей и провозглашение указов о проведении всеобщих выборов в нее,
- утверждение назначений и увольнений министров без портфеля и других высокопоставленных чиновников; а также верительных грамот Чрезвычайным и Полномочным Послам и Советникам-Посланникам,
- утверждение всеобщей амнистии, особой амнистии, смягчения наказания, отмены исполнения наказания и реабилитации,
- прием и аккредитация иностранных послов и посланников.

---

² Ёмиури симбун 20.05.2017

УИД – рабочий орган правительства по подготовке ритуала «добровольной отставки» императора

Перед законодательством Японии встал целый ряд проблем. Их в рабочем порядке пытается отрегулировать Управление Императорского Двора - УИД, которое в составе правительства Японии направляет всю хозяйственно-управленческую деятельность Императорского Дома. Политические вопросы относительно императорской семьи решаются в правительстве и парламенте Японии. Вот почему уже через 2 месяца, т.е. 17.10.2016 состоялось первое заседание «Совета полномочных представителей» Императора по вопросу о сокращении его «нагрузки при исполнении общественных обязанностей»³.

17 марта 2017 г. парламентский заместитель председателя палаты советников и парламентский заместитель палаты представителей японского парламента предложили премьер-министру Абэ совместный проект о «развертывании дискуссии» по возникающим проблемам. Правительство Японии, обсудив вопрос на своем заседании, 19.05.2017 приняло решение об Особом законопроекте по проблеме реализации отставки и представило ее парламенту. Парламент поручил дальнейшее обсуждение двум комитетам: по административным вопросам — в палате представителей; в комитете по специальным проблемам — в палате советников. В результате в июне 2017 г. принят **Особый законопроект**. В нём излагаются дальнейшие процедуры и сроки их реализации. На основе мнений и обсуждения мелких деталей и подробностей со стороны УИД конкретные проекты будут разработаны в течение 2018 г. А проблемы, которые предстоит решить, выглядят следующим образом -

- (1) Изменение места жительства здравствующей императорской четы, не снимающей с себя «титула Императорских Величеств», а только выражающей желание «снять с себя бремя

---

³ Там же

- исполнения общественных обязанностей». Церемония? Куда переезжать? Ремонт нового помещения? Перевозка вещей? Временная резиденция на период ремонта?
- (2) Вступление на престол Наследного принца: Церемония? Когда?
  - (3) Переезд в резиденцию императорского дворца Наследного принца (кōтайси 皇太子) с семьей.
  - (4) Определение статуса следующего Наследного принца в лице младшего брата нынешнего Наследного принца.
  - (5) Изменение названия эпохи правления императора (кайгэн 改元). Когда? Как? Какое название?
  - (6) Пересмотр основного документа «Статута Императорского Двора» кōсицу тэмпан 皇室典範.
  - (7) Изменение статуса женщин-членов императорской семьи дзёсэй канкэ 女性官家.

Не имея прецедентов до сих пор, УИД исследует и разрабатывает технологические пути решения всех проблем. В частности, предполагается для решения социальных проблем создать «подразделения Высочайшего Императорского Величества 上陛下»⁴ и «подразделения его Преемника» и определить их штатное расписание и количество персонала. В связи с главными целями – отставка Императора и вступления на престол его наследника в 2018-2019 гг., а также в связи со сменой названия эпохи правления – появляется множество других задач. Например, разработка церемониала и процедур, регулирование по времени их реализации, подбор системно значимого названия новой эпохи⁵.

Политическая программа будет определяться пока не принятым Правительственным Рескриптом. С самого начала правительство решило идти по пути того, чтобы в соответствии с речью, произнесенной Императором в августе прош-

---

⁴ Намечаемое будущее обращение к уходящему в отставку Императору. — Прим. автора.

⁵ Ёмиури симбун 20.05.2017. Онодзава Кихидэ, Ёсида Тосиюки. Социальный отдел.

лого года, провести церемонию «в 30 году Хэйсэй (2018 г.)». Обсуждалась программа о проведении процедур вступления на престол нового императора и смены названия эпохи правления в первый день 2019-го года. В основе обсуждения лежит проблема, как «разделить с датой смены названия эпохи⁶ даты отставки нынешнего Императора и вступления на престол будущего императора». А именно, уход с престола одного и вступление на престол другого – проводить в последнюю декаду декабря 2018 г., а смену названия эпох — проводить в первый день 2019 года. Но декабрь и январь – это месяцы, когда у императорской семьи много мероприятий – внутрисемейные богослужения для детей и другие церемонии Двора.

И в УИД более склонны считать, что церемонию вступления на престол нового императора лучше проводить в первый день нового финансового года, т.е. 1 апреля 2019 г. А другое предложение сводится к тому, чтобы и день вступления на престол нового императора и день начала новой эпохи развести на разные даты.

История решений о смене названий императорской эпохи (предстоящая смена названия и связанные с ним проблемы)

В Законе об установлении названия новой эпохи 元号法 *гэнгōхō* записана единственная формулировка: «Хронология новой эпохи устанавливается только тогда, когда уже произошла передача престола»⁷. Эта церемония по срокам отделяется от даты вступления на престол. Она может быть проведена в день, благоприятный для отсчета этого периода.

Острым является и вопрос о публикации **даты смены** названия эпохи правления императора на новое название. В правительстве обсуждается вопрос и о том, чтобы дату сме-

---

⁶ 足元 年改元 *юэн кайгэн*.

⁷ Ёмиури симбун 20.05.2017.

ны названия эпохи опубликовать за полгода⁸. При этом там исходят из опыта истории того, как происходила смены названий с эпохи Сёва на эпоху Хэйсэй.

В 1979 г. принят Закон о японской хронологии. На его основе за 10 лет до кончины императора Сёва была создана комиссия для внесения предложений по названиям новой эпохи. После кончины императора, наступившей в результате тяжелой болезни 07.01.1989 г. в 6.33 час утра, премьер-министр Такэсита конфиденциально обратился к ученым с просьбой обсудить имеющиеся на тот момент проекты *нового названия новой эпохи*. И уже 08.01.1989 г. в 14.35 мин. обнародован и вступил в действие Правительственный Рескрипт, согласно которому и произошла смена названия «эпоха Сёва» на сочетание «эпоха Хэйсэй».

В качестве критериев отбора для названия новой эпохи устанавливались правила: (1) *название должно состоять из двух иероглифов*; (2) *не должны применяться прежние названия эпох или иероглифы из них*; (3) *исключается дописывание окуригана к ним азбукой кана (в виде дополнительных чтений или окончаний)*.

В правительстве были отобраны 3 названия: Хэйсэй 平成, Сёбун 修文 и Сэйка 生化. Большинство поддержало как «призыв к миру в новую эпоху» название Хэйсэй, иероглифы которого означали «сближающий, спокойный, умиротворение⁹». Описание смысла двух других названий выражалось в цитатах из древних источников:

(1) из «Исторических записок» («Ши цзи») 史記

Сёбун 修文: «Спокойно внутри (страны) - так же будет и вне (страны)».

内平らかに外なる Ути тайрака ни сото нару.

⁸ Ёмиури симбун, 20.05.2017. Отдел политики. Тадзима Одзи 田島大志

⁹ デジタル大辞泉 (Дэджитару Дайдзисэн). 東京・小学館・2009年・ Большой электронный толковый словарь. Токио: изд. Сёгакукан, 2009

(2) из древнего китайского текста «Шуцзин» 書經

Сэйка 生化: « Спокойно на Земле – попадешь на Небеса!».

地平らかに天なる Ти тайрака ни ама нарую.

В настоящее время в правительстве обсуждается следующий проект сроков наступления новой эры:

- уход в отставку нынешнего императора в конце 2018 г.
- вступление на престол нового императора в первый день 2019 г.
- смена названия эпохи его правления 1 апреля 2019 г.

От последней даты зависит решение многих проблем, касающихся всего уклада жизни японского народа. Это:

- перенос государственных праздников – Дня рождения императора,
- дизайн и производство календарей,
- изменение печатных изображений на денежных купюрах и монетах,
- перепрограммирование расчетных компьютерных систем,
- продажа ж-д билетов с новой символикой.

Календарь и государственные праздники

Дни рождения императоров:

29 апреля: Император Сёва, в настоящее время праздник «День Сёва» 昭和の日 Сёва но хи

23 декабря: Император Хэйсэй, ныне праздник «День рождения Императора» 天皇の誕生日 тэннō но тандзёби

23 февраля: Наследный принц

Если изменение названия эпохи, которое последует за церемониями и ухода в отставку с престола, и после вступления на престол нового Императора, произойдет «1 января 2019 года», то чрезвычайно высока вероятность того, что оба Дня рождения станут государственными праздниками.

---

¹⁰ Ёмиури симбун 20.05.2017 (перевод автора статьи)

С другой стороны, если отставка с престола и вступление на престол придутся на день наступления первого дня финансового года «1 апреля 2019 года», то день 23 февраля 2019 года останется будничным днем.

Публикация календарей

Японская Федерация Объединений и Ассоциаций по публикации календарей сообщила, что тиражи **календарей на 2018 г.** должны составить 200 млн экземпляров на сумму 20 млрд иен. Но если изменение названия эпохи предполагается на 2019 г., надо приступить к разработкам для печати календарей с новым названием уже в середине 2017 года. А подготовка к продажам — в начале следующего 2018 года. Если к осени сего года название новой эпохи не будет опубликовано, то можно опоздать с определением их дизайна и соответственно с их производством.

В прошлом при переходе к эпохе Хэйсэй (1989 г.), изготовление **монет и купюр** с напечатанными иероглифами 平成 смогло начаться только спустя месяц со дня изменения названия эпохи. Но к тому времени уже было произведено 274 млн монет с датой «64-й год Сёва» 昭和64年, а не «1-й год Хэйсэй 平成元年», как полагалось бы.

Задачи возникают и в связи с изменениями введенных символов новой эпохи в **компьютерных системах**. Начиная с периода Мэйдзи/めいじ, были введены правила вносить в денежные документы, а позже и в компьютерные системы написанные латиницей заглавные буквы для обозначения каждой новой эпохи: для эпохи Heisei — буква H и для эпохи sHwa — буква s.

Согласно сведениям Японской Ассоциации банков, предполагается, что в банковской сфере будут произведены изменения в компьютерных программах. То же должно произойти и на железных дорогах Японии в системах печатания разовых и универсальных проездных билетов. Но

в любой из этих сфер к конкретной подготовке еще и не приступали. Отсюда и пожелание всех заинтересованных ведомств по поводу быстрее решения проблемы 改元 *кайгэн* изменения названия эпохи.

«Женская проблема»

и статус второго сына в Императорском Доме

В дискуссии между правящей партийной коалицией и оппозиционными партиями по проблеме «государственных функций женщины в императорской фамилии»¹¹ подразумевается, что женщины, родившиеся в императорской семье, после замужества имеют возможность продолжать оставаться в этой семье. По сообщениям члена политического отдела редакции газеты *Ёмиури симбун* Аmano Юкай¹², в ныне действующем Статуте Императорского дома констатируется: *«Когда женщина императорского семейства объявляет о своей помолвке с лицом, не являющимся императором, а принадлежащим к тем, кто находится вне императорской семьи, она отделяет свою личность от императорской фамилии»* (статья 12)¹³.

Обсуждение этой проблемы поднимается ныне потому, что обостряется тенденция к сокращению членов императорской семьи. В семье Императора – 7 незамужних женщин, включая старшую дочь Наследного Принца принцессу Айко¹⁴ (15 лет). Если старшая дочь принца Акисиноно мия (второго сына в семье Императора) принцесса Мако (25 лет) выйдет замуж, останется 6 «девочек». Принцесса Мако в мае 2017 г. как раз объявила о своей помолвке с «простолюдином», со своим однокурсником по вузу, т.е. не «членом императорской фамилии».

¹¹ 女性官家じよせいいかんけ – прим. переводчика.

¹² 天野雄介あまのゆうかい собств. имя автора статьи в газете - прим. переводчика.

¹³ Ёмиури симбун 20.05.2017.

¹⁴ 愛子様 あいこさま принцесса Айко – прим. переводчика.

С другой стороны, мужская часть императорской фамилии, которая имеет право на наследование престола, это всего 4 человека. К ним относятся: Наследный Принц (57 лет), его младший брат Принц Акисино-но мия (51 год), старший сын последнего - принц Хисахито (10 лет)¹⁵, а также весьма преклонного возраста младший брат нынешнего Императора — принц Хитати-но мия (81 год)¹⁶. Если «исход» женщин из состава императорской фамилии будет продолжаться и далее, имеется опасность появления трудностей в выполнении всех «общественных функций», возлагаемых на семейство Императора.

В 2005 г. Совещание компетентных лиц, учрежденное кабинетом Коидзуми, опубликовало отчет, добавив в него признание и согласие о допуске женщин к исполнению обязанностей Императрицы. Тем самым оно значительно расширило полномочия по выполнению «государственных функций женщинами» Императорского Дома. В октябре 2012 г., когда было время правления Демократической партии, кабинет Нода¹⁷ опубликовал официальное положение об «урегулировании спорных вопросов» в системе существования Императорского Дома. В них четко определялась необходимость учреждения «официальных функций женщин» Императорской Фамилии. Было предложено реализовать, например, такие положения, как:

- по желанию женщин из императорской семьи они могут и после замужества оставаться членом Императорского Дома (учреждение статуса принцессы¹⁸);
- даже если они выходят из императорской фамилии, они могут продолжать поддерживать деятельность Императорского Дома.

¹⁵ 悠仁様 ひさひとさま принц Хисахито – прим. переводчика.

¹⁶ 常陸宮 ひたちのみや Принц Хитати но мия - прим. переводчика.

¹⁷ 野田内閣 のだないかく кабинет премьер-министра Нода, 民主党 みんしゅどう Демократическая партия - прим. переводчика.

¹⁸ 宮家 みやけ статус принцессы – прим. переводчика.

Пришедший в декабре 2012 г. на смену кабинета Нода премьер-министр Абэ Синдзо окончательно отменил дискуссию о выполнении «официальных» функций женщинами императорской фамилии.

В нынешней ситуации, когда предстоит вступить на престол Наследному принцу при жизни его отца, «уходящего в отставку», возникает новая проблема, которая формулируется в УИД как появление титула «Его Высочество, принц, следующий за императором 皇嗣殿下». То есть речь идет о новом Наследном принце, которым станет нынешний второй сын Императора Акисино-но мия. В Статуте Императорского Дома основным постулатом определено, что следует считать «следующим за императором» 皇嗣 члена императорской семьи, который занимает 1-е место в очередности наследования престола. Но в нем нет указания на то, как обращаться к младшему брату Императора в случае, если он становится «следующим за императором» 皇嗣. В истории были случаи, когда братья императора становились либо «наследным принцем» 皇太子 こうたいし, либо «младшим братом с правом наследного принца 皇太弟 こうたいおとうと». Но если Акисино-но мия станет «Наследным принцем», то он войдет в единое «внутреннее пространство с поколением, рожденным одновременно с императором» 内廷皇族 ないていこうぞく. И тогда должно исчезнуть такое самостоятельное понятие, как «Дом принца Акисино-но мия». Но в процессе дискуссии ответственных лиц был сделан вывод о том, что «Дом Акисино-но мия» за почти 30 лет своей деятельности стал настолько близок японскому народу, что его существование целесообразней было бы сохранить.

Кроме того, в японских СМИ еще весной 2017 г. отмечалось, что 13 декабря 2018 г. истекает срок полномочий депутатов палаты представителей японского парламента. Есть мнение (руководства ЛДП) о том, что «следует избежать сближения дат церемонии отставки и выборов в парла-

мент»¹⁹. По-видимому, потребуется рассмотреть вопрос о стратегическом решении премьер-министра о роспуске палаты представителей, отмечала пресса.

Видимо поэтому досрочные выборы прошли в октябре 2017 г. Если кратко изложить их результаты, как написано в редакционной статье газеты «Майнити», цитирующей слова премьер-министра Абэ Синдзо на его пресс-конференции:

Это – третья подряд победа Либерально-Демократической Партии на выборах – впервые за последние полвека. За 60 лет с момента создания ЛДП при одном и том же председателе партии – первая убедительная историческая победа. Она является выражением прочной уверенности в удачном проведении и выборах председателя ЛДП, намечаемых на осень будущего года²⁰.

Однако авторы редакционной статьи опровергают или, вернее, подвергают сомнению «убедительность исторической победы» сравнивая количество голосов, полученных правящей Либерально-Демократической партией и двумя оппозиционными партиями – Конституционно-Демократической 立憲民衆党 *Риккэн-минсютō* и Партии «желаний» 希望の党 *Кибō-но тō*. Правящая ЛДП получила примерно 18 млн 520 тыс. голосов. А две оппозиционные партии вместе взяты больше: 11 млн 70 тыс. + 9 млн 660 тыс. голосов. Однако по официально опубликованным данным, расклад мест для депутатов от всех партий выглядит убедительно значимым именно для правящей партии ЛДП Японии.

На 465 мест в палате представителей прошли 313 депутатов как представители коалиции с ЛДП. Это 2/3 всего количества. Но если отделить только членов ЛДП, это будет всего 284 депутата + 29 депутатов от партии Комэйто в коалиции с ЛДП. Крупнейшими оппозиционными

---

¹⁹ Ёмиури симбун 20.05.2017.

²⁰ Майнити симбун 24.10.2017.

партиями стали Конституционно-Демократическая партия – 55 депутатов и партия «желания» - 50 депутатов. На три других оппозиционных партии приходится 25 депутатов: 12 – КПЯ, 11 — партия «реставрации» 維新党 *исинтō*, 2 – СДП 社民党 *сяминтō*. Независимые 無所属 *мусёдзоку* депутаты насчитывают 22 человека²¹.

Смена императора и его эпохи в ближайшие 2-3 года выдвигает ещё много других сложных проблем для деятельности правительства. Их решением занята не только исполнительная власть. Все её решения должны быть представлены в виде законопроектов и требуют обязательного принятия парламентом таких новых законов по каждой проблеме.

---

²¹ Майнити симбун 24.10.2017, с.1.

«Аниме-туризм»: использование элементов мультипликационных фильмов субъектами туристической деятельности для развития внутреннего туризма в Японии

В данном параграфе изложены результаты научного исследования, проведенного автором в 2017 г. на основе анализа сюжетов японских теленовостей на тему аниме-туризма, в частности, связанных с такими местами, как префектуры Аомори, Тоттори, Кумамото и др.

Объектом исследования являются элементы мультипликационных фильмов, используемые в качестве средства привлечения туристов субъектами туристической деятельности Японии. Предмет исследования: формы использования образов персонажей и места действия мультипликационных фильмов для привлечения внутренних туристов в города Японии.

Цель исследования заключается в рассмотрении методов и способов реализации программ по использованию элементов анимационных фильмов для привлечения туристов на конкретных примерах, полученных при анализе японских СМИ.

Аниме – это японская анимация, отличающаяся направленностью не только и не преимущественно на детскую, как это обычно бывает с мультипликацией, а в основном на подростковую, молодежную и взрослую аудиторию. Данный вид анимационных произведений характеризует чрезвычайно большое количество жанров и направлений – помимо стандартных для медиаккультуры жанров, заимствованных из литературы, таких, как детектив, фантастика, фэнтези, любовный роман и т.д., существуют так же те, в которых зрители делятся по полу или по возрасту (например, «сёнен» - аниме для парней-подростков или «дзёсэй» для женщин-домохозяек, для «сейнен», преимущественно ориентированный на студен-

тов), а так же ряд различных специфических графических приемов. Благодаря всем этим особенностям аниме обычно выделяют в отдельный жанр мультипликации, характерный именно для японской анимации¹. Фанатская база любителей аниме (преимущественно состоящая из молодежи) весьма значительна и продолжает расти не только в Японии, но и по всему миру.

Нередко места действия аниме срисовывают с реальных мест, прежде всего, разумеется, Японии. Так, например, прототипом местности, в котором проживает главный герой аниме «Тетрадь дружбы Нацуме», послужила префектура Кумамото – родина Мидорикавы Ю, автора манги, на основе которой сняли аниме². Действие популярного аниме «Дюрарара» разворачивается в Икебукуро – крупном районе Токио, а за прототип деревни Хинамидзава, которая является центром событий аниме «Когда плачут цикады» была взята историческая деревня Сиракава-го в префектуре Гифу – авторами были тщательно скопированы все пейзажи и достопримечательности этого места³. Также нередки случаи, когда реальных прототипов имеют сами персонажи аниме, причем это не обязательно люди – так, в браузерной игре и снятом на ее основе аниме «Танец мечей» основными персонажами выступают персонификации реально существующих мечей из различных исторических эпох Японии. Персонажей зовут именами, которые действительно носило данное оружие, и сохраняют определенные боевые характеристики прототипа, частично отражающиеся и на внеш-

---

¹ Катасонова Е.Л. Аниме вчера, сегодня, завтра // Япония. Ежегодник. 2007. С. 221-239.

² Знакомимся с городом через популярное аниме. Аниме-туризм в Хитоёси. (人気アニメで地域おこし ～人吉球磨のアニメツーリズム～). Видеосюжет. 2012 год, Хитоёси. <https://www.youtube.com/watch?v=uorRgZ6Lp-k>

³ Костин Семен. Паломничество к священным местам: аниме-туризм в Японии / DTF. 2017. <https://dtf.ru/8613-palomnichestvo-k-svyashchennym-mestam-anime-turizm-v-yaponii>

ности (например, вакидзаси - самые маленькие кинжалы самурая выглядят детьми, а катаны - выше и старше).

Аниме-туризм (アニメツアー) – это посещение фанатами тех самых мест, которые послужили прототипом для места действия популярных анимационных лент. Города и префектуры, где разворачивались события аниме, где жили его герои или их прототипы, а если быть еще точнее — конкретные места в городах, показанные в аниме-сериале, являются объектом посещения многочисленных фанатов. Из известнейших точек можно назвать, например, портовый город Йокогама, который послужил местом действия для многих анимационных произведений, в том числе полнометражная анимационная лента «Со склонов Кокурико»⁴.

В самой Японии явление аниме-туризма называют также «сэйти дзюнрей» (聖地巡礼)⁵. Буквальный перевод названия — «паломничество по святым местам». Собственно, сам термин «сэйти дзюнрей» носит религиозный оттенок, «дзюнрей» переводится как «паломничество», и это демонстрирует, что у самого явления аниме-туризма достаточно глубокие корни, уходящие в древние религиозные традиции. Паломничество в Японии распространилось с приходом буддизма, и обычно данные путешествия совершались по специальным маршрутам, в которые входило посещение храмов и священных мест. В настоящее время паломничества стали частью индустрии потребления — не только в качестве «сэйти дзюнрей», но и как, например, оздоровительные путешествия⁶.

---

⁴ Там же.

⁵ Праздник «паломничества по святым местам» аниме Free! В новостях префектуры Тоттори (アニメ Free! 聖地巡礼 イカ祭り いちおし NEWS とっとり). 2013, Тоттори. <https://www.youtube.com/watch?v=ts3VzdnM8XA>

⁶ Japan Anime Map / Japan National Tourism Organization. URL: <http://www.jnto.go.jp/eng/animemap/>

Антиме-туризм представляет собой не только предмет, но и средство маркетинга, подобно другим элементам массовой культуры. Так, например, широко распространено явление ситуативного маркетинга, когда образы из популярных продуктов медиаккультуры (сериалов, фильмов, игр и т.д.) используются для продвижения не имеющих к оригиналу прямого отношения товаров и услуг⁷. Такой маркетинг, как правило, направлен на фанатов конкретного медиапродукта, которые, активно потребляют любой контент, связанный с объектом увлечения. Использование аниме — это так же одна из мотиваций привлечения потока туристов, стратегия, созданная в ответ на возросшую популярность поп-культуры в современном обществе, в частности, в Японии⁸. О популярности феномена аниме-туризма говорит в том числе и факт «Японская национальная туристическая организация» (JNTO) запустила на сайте соответствующий раздел, созданный для привлечения в том числе и иностранных туристов (исходя из того, что у него есть англоязычная версия).

Программы по привлечению туристов посредством анимационных произведений состоят из следующих элементов: информационной поддержки, оказываемой СМИ, анонсами в социальных сетях, информационными плакатами и объявлениями⁹, ряда самих мероприятий¹⁰, а

---

⁷ Ситуативный маркетинг: оружие SMM-щиков. URL: <http://www.cossa.ru/152/100655/>

⁸ Бутова Г.К. Паломничества в современной Японии. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=909&Itemid=59

⁹ Автобусный тур «паломничества по святым местам» аниме Free! (アニメ Free! 参考ロケ地をボンネットバスで巡る聖地巡礼バスツアー). Видео-репортаж и анонс. 2017, Иваки. <https://www.youtube.com/watch?v=sdpigzBXR7I>

¹⁰ Праздник «паломничества по святым местам» аниме Free! В новостях префектуры Тоттори (アニメ Free! 聖地巡礼 イカ祭り いちおし NEWS とっとり). 2013, Тоттори. <https://www.youtube.com/watch?v=ts3VzdnM8XA>

также сопутствующие им дополнительные события, такие, как продажа соответствующих сувениров и украшение города соответственно тематике мероприятия¹¹. На основе аниме, место действия которого сделано по прототипу города, создаются специальные карты города для фанатов, на которых отмечены места, которые присутствовали в этом произведении — это могут быть как достопримечательности города, так и самые обычные улочки или кафе¹². Такие карты распространяются на станциях бесплатно, и сами по себе служат хорошим сувениром и объектом коллекционирования. Так же плакаты и листовки с аниме-персонажами располагаются в различных точках города, связанных с этим произведением и его героями (например, в поезде, идущем в сторону музея, у храма, который задействован в сюжете аниме и т.д.). При этом помимо информации развлекательного характера в подобные плакаты, карты и листовки обычно включают и полезную и интересную информацию о истории города и его достопримечательностях. Основная и главная привлекательность таких мероприятий для фанатов заключается в возможности побывать в местах, где бывали их любимые персонажи, происходили знакомые им события, погрузиться в атмосферу любимого аниме, и администрации городов прилагают все усилия для того, чтобы создать подобное ощущение¹³.

---

¹¹ Знакомимся с городом через популярное аниме. Аниме-туризм в Хитоёси. (人気アニメで地域おこし ～人吉球磨のアニメツーリズム～). Видеосюжет. 2012 год, Хитоёси. <https://www.youtube.com/watch?v=uopRgZ6Lp-k>

¹² Новостной репортаж NHK. «Доброе утро, Япония». «Продвижение достопримечательностей города посредством аниме-туризма. (NHK ニュース おはよう日本 アニメ・ツーリズムで観光客を誘致). Видеорепортаж. 2016, Аомори. <https://www.youtube.com/watch?v=xqEkvSazl3Q>

¹³ Знакомимся с городом через популярное аниме. Аниме-туризм в Хитоёси. (人気アニメで地域おこし ～人吉球磨のアニメツーリズム～). Видеосюжет. 2012 год, Хитоёси. <https://www.youtube.com/watch?v=uopRgZ6Lp-k>

В качестве мероприятий для программ по привлечению туристов посредством анимационных произведений могут выступать выставки, фестивали, квесты, викторины, инсталляции, создание специальных экскурсий. В качестве примера можно назвать «ралли» или «квесты» по объектам города, в процессе которых участники выполняют небольшие задания (отвечают на вопросы бланка, ставят специальные печати и т.п.), а в конце его получают небольшой памятный сувенир. Так, подобное проводилось по аниме «Бродячие псы литературы» (Bungou Stray Dogs), в котором прототипами главных героев послужили японские писатели XIX-XX вв., и представляло из себя квест по посещению различных точек, связанных с этими писателями¹⁴. Что касается выставок, то в 2016 г. в Ямагути выставке «Осаму Дадазай и Накахара Тюя», посвященной известным японским писателям XX в., в стенды были включены так же образы аниме-персонажей из аниме «Литературные гении», прототипами которых эти писатели и послужили¹⁵.

Программы по развитию внутреннего туризма, связанных с «сэйти дзюнрей», как правило, реализуются городскими и префектурными отделами по культуре и туризму совместно с культурными центрами городов (например, музеями и выставочными залами), а также самими студиями – производителями аниме. Объектами данных мероприятий является прежде всего молодежь. Так, представитель префектуры Аомори в одном из сюжетов отмечает, что хотя среди людей старшего возраста посещае-

---

¹⁴ Определены даты проведения ралли с печатями по Йокогаме по мотивам аниме «Бродячие псы литературы!» («文豪ストレイドッグス スタンプラリー in YOKONAMA」第3弾の開催が決定!) / 2016.09. - <http://bungo-stray-dogs.jp/tv/news/?news=news-yokohamastamp2>

¹⁵ «Влюбиться в этот город». Специальная выставка «Осаму Дадазай и Накахара Тюя» («このまちに愛たい」特別企画展「太宰治と中原中也」). Видео-анонс выставки. 2016, Ямагути. <https://www.youtube.com/watch?v=FUPbh16L1LU&t=6s>

мость города находится на уровне, молодежи среди посетителей города было очень мало, и именно это и стало поводом для реализации программ связанных с аниме-туризмом¹⁶.

Стоит отметить, что помимо информационной, развлекательной, рекламной, данные мероприятия так же несут образовательные функции, что важно с учетом того, что основная аудитория их – молодежь. Посредством популярных аниме-сериалов продвигается не только внимание к городам и регионам, но и повышение интереса к литературе, культурным традициям и праздникам, истории Японии, традиционным искусствам, спорту и так далее. Так, например, уже упоминавшееся выше вышедшее в 2016 г. на экраны Японии аниме «Бродячие псы литературы» прототипами героев которого являются японские писатели XIX-XX вв., такие, как Осаму Дадзай, Акутагава Рюноске, Миядзава Кэндзи и другие. Образы данных аниме-персонажей очень активно используются в настоящее время в музеях этих писателей, выставках, посвященных их творчеству и так далее¹⁷. Выпускаются и книги реальных писателей с персонажами аниме, прототипами которых они послужили, на обложках¹⁸. То есть эти действия призваны не только для привлечения новых посетителей в данные музеи, но и служат средством повышения интереса к чтению среди молодежи. То есть продукты поп-

---

¹⁶ Новости NHK. «Доброе утро, Япония». «Продвижение достопримечательностей города посредством аниме-туризма. (NHK ニュース おはよう日本 アニメ・ツーリズムで観光客を誘致). Видеорепортаж. 2016, Аомори. <https://www.youtube.com/watch?v=xqEkvSazl3Q>

¹⁷ Открытие совместного мероприятия музея Накахары Тюи и аниме «Литературные гении!» (文豪ストレイドッグス 中原中也記念館 コラボイベント開催 !!) / 2017.08. - <http://bungo-stray-dogs.jp/news/?news=collabo-nakahara>

¹⁸ Книги, выпущенные в результате сотрудничества издательства Кадокава и аниме «Бродячие псы литературы» (角川文庫 文豪ストレイドッグス | コラボカバー) / Kadokawa. - <https://store.kadokawa.co.jp/shop/e/epuo40103/>

культуры, в частности, аниме, могут использоваться в качестве средства не только для продвижения внутреннего туризма, но и как часть стратегии по развитию молодежной культуры в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что сами программы по использованию «сэйти дзюнрей» для продвижения внутреннего туризма состоят из таких элементов, как освещение в СМИ, социальных сетях и информационных листовках и объявлениях, тематические мероприятия и сопутствующие события, как, например, продажа тематических товаров или украшение города. В качестве основных мероприятий выступают выставки, фестивали, квесты, викторины, инсталляции, специальные экскурсии, которые проводятся совместным местной администрацией и культурными центрами в сотрудничестве с анимационными студиями.

Особенности формирования банковской системы Японии в последней трети XIX в.

Основная задача, которая стояла перед японской элитой во второй трети XIX в. заключалась в том, чтобы избежать колониальной зависимости от европейских стран и США. Именно руководствуясь решением этой задачи, правительство Мэйдзи проводило политические и экономические преобразования.

Одной из важнейших задач, стоявших перед правительством Мэйдзи, явилось создание промышленности по западному образцу. Это было необходимо для формирования военного потенциала, ничуть не меньшего, чем в западных государствах, а также для поддержания равноправного диалога со странами Запада. Для того, чтобы решить намеченные задачи, японскому правительству было необходимо совершить переход к новому хозяйственному укладу в сжатые сроки. Возникла необходимость копирования западных достижений, включая экономические институты. По этому пути и пошла Япония.

Следует отметить, что для Японии западная модель кредитно-денежных отношений не была абсолютно новым явлением. Многие элементы финансовой системы эпохи Мэйдзи, институты и инструменты, имели прототипы еще в период Токугава (1603-1867). Однако изменения, которые постигли Японию в середине XIX в. в связи с открытием страны для внешней торговли, и преобразования, последовавшие вскоре после прихода новой власти, а также увеличившиеся требования к концентрации капитала и необходимость их вложения в новые неизвестные прежде отрасли экономики – все эти факторы кардинально изменили ситуацию на финансовом рынке Японии. Не все крупные торгово-финансовые дома смогли приспособиться к новым условиям и приумножить свои капиталы; самыми известными из тех, кто сумел сохранить и приумножить свой бизнес, стали торговые дома Мицуи и Сумитомо.

Валютная система и развитие финансовых институтов в 1870-е гг.

Попытка создания первых японских банков западного образца была связана с необходимостью финансового сопровождения работы государственных торговых палат, созданных в крупных городах и портах. Эту работу стали выполнять девять меняльных контор, которым также было разрешено эмитировать свои собственные бумажные платежные средства. Эти компании работали по принципу акционерных банков и имели право печатать и пускать в оборот свои платежные средства. Но просуществовали они недолго. В августе 1871 г. система торговых палат была отменена, после этого в течение последующего года прекратили свою работу и связанные с ними меняльные конторы. Так закончилась первая попытка правительства Мэйдзи по созданию банков в Японии¹.

Следующая попытка создания банков была осуществлена в Японии на основе опыта, заимствованного у Соединенных Штатов Америки, где существовала децентрализованная система Национальных банков. Японский закон о Национальных банках (*кокуруцу гинко дзэрёй*) был обнародован в декабре 1872 г. Все национальные банки получали право осуществлять денежную эмиссию. Для обеспечения бесперебойной выдачи депозитов требования по резервам составляли 25% от суммы депозитов, при этом сами резервы должны были храниться в государственных облигациях. Закон предписывал, чтобы 2/3 акций были обеспечены золотом².

---

¹ Norio Tamaki. Japanese Banking. A History, 1859-1959. Cambridge University Press, 1995. P. 23; Ministry of Finance. Financial and Economic Annual of Japan. Issue 12. Tokyo: Government Printing Office, 1928. P. 8-13; Norio Tamaki. Japanese Banking. A History, 1859-1959. Cambridge University Press, 1995. P. 25.

² Мэйдзи нюсу дайзитэн (Сборник статей эпохи Мэйдзи). Майнити комюникэсэндзу, 1983-1986. С. 506-511; Ministry of Finance. Financial and Economic Annual of Japan. Issue 3. Tokyo: Government Printing Office, 1928. P. 25-57.

Однако в условиях незрелой финансовой системы с низким уровнем концентрации капитала высокие требования по резервам сильно затрудняли процесс открытия новых банков.

Первый токийский национальный банк (*Токио коку-ришу дайити гинко*) был создан в июне 1873 г. на основе акционерного капитала торговых домов Мицуи и Оно. За ним последовало открытие еще четырех банков Второй национальной банк Ёкогамы (август 1874 г.), Третий национальный банк Осака (октябрь 1873 г.), Четвертый национальный банк Ниигата (март 1874 г.), Пятый национальный банк Осака (декабрь 1873 г.). Однако уже в январе 1874 г. Третий национальный банк обанкротился. А осенью 1874 г. прекратил свою банковскую деятельность в составе Первого национального банка торговый дом Оно, так как не смог соответствовать изменившимся требованиям к резервам, в сторону увеличения³.

Кроме этого, в 1874 г. в стране начал разрастаться финансовый кризис. В июне произошло сильное падение японской иены относительно фунта стерлинга, стала нарастать инфляция. В этих условиях новые национальные банки вовсе перестали открываться. Суммарный номинал бумажных денег национальных банков в конце 1873 г. составлял 0,85 млн. иен, а в июне 1874 – 1,36 млн. иен. Однако далее началось снижение обращения этих банкнот, которое усилилось снижением их стоимости. В результате к июню 1875 г. общая их стоимость упала до 0,38 млн. иен. А в июне 1876 г. до 0,06 млн. иен.⁴

Для оживления банковского сектора в закон о Национальных банках (указ №106) в августе 1876 г. были внесены

---

³ Norio Tamaki. Japanese Banking. A History, 1859-1959. Cambridge University Press, 1995. P. 32-33.

⁴ Ministry of Finance. Financial and Economic Annual of Japan. Issue 13. Tokyo: Government Printing Office, 1928. P. 420-421.

поправки, которые сильно упростили работу банков. Особенно важным изменением было разрешения использовать в качестве уставного капитала облигации, которые самураи получали от государства как компенсации за потерю своих прежних доходов. В результате около 1/15 всех компенсационных самурайских облигаций (примерно 11,6 млн. иен) было вложено в уставной капитал национальных банков⁵. Процесс увеличения количества национальных банков стал стремительно развиваться, и в 1878 г. Правительство установило ограничение на выпуск бумажных денег в размере 34 млн. иен. В соответствии с этим решением в ноябре 1879 г. был зарегистрирован последний 153-ий национальный банк Киото.

Проблемы финансовой системы и создание Банка Японии

Однако к концу 70-х гг. XIX в. вновь стала нарастать инфляция, существенной причиной которой была беспорядочная эмиссия платежных средств различными правительственными учреждениями⁶. Меры, которые предпринимались Министерством финансов для стабилизации ситуации, не предлагали решения проблемы, а только временно смягчали остроту кризиса. Даже сам министр финансов Окума Сигэнобу отмечал, что они были «гибкими» и «адаптивными»⁷.

---

⁵ Patrick. H. T. External Equilibrium and Internal Convertibility: Financial Policy in Meiji Japan. Table 1. The Journal of Economic History. , 1965. Vol. 25, Is. 2. P. 187-213.

⁶ Поробнее о состоянии финансового рынка см.: Сборник документов по истории развития промышленности в первой половине эпохи Мэйдзи (Мэйдзи дзэнки сангё хатгэнси сирё). 19 том. Годовой отчет о состоянии рынка в 1880 году (Мэйдзи дзю сан нэн до сёкё нэнпо). Стр. 506; Norio Tamaki. Japanese Banking. A History, 1859-1959. Cambridge University Press, 1995. P. 37-38; Окада Сюнпэй. Теория торгового баланса Окума Сигэнобу [Окума Сигэнобу-но кокусай сюси кинко рон]. Часть 2. Бюллетень университета Сэйдзё, 1965. С. 28.

⁷ История экономики Японии, том. 3. Открытие портов и обновление. (Нихон кэйдзай си 3. Кайко то исин). Матадзи Умэмура, Юдзо Ямамото. Изд-во Иванами Сётэн. Стр. 159.

Из анализа документов Министерства финансов в исследуемый период, можно прийти к выводу, что Окума С. не связывал финансовый кризис с ростом денежной массы. Министр финансов полагал, что первопричиной повышения общего уровня цен на рынке являлся рост цены на рис, а это, в свою очередь, было связано с увеличением экспорта риса и сильным неурожаем. В рамках этой логики утверждалось, что избежать замедления денежного обращения можно было, наращивая денежную массу в экономике.

Однако в рамках этого понимания экономической ситуации кризис преодолеть не удалось, японская иена продолжала падать, цены росли, усугублялись проблемы с неконвертируемыми бумажными деньгами, сокращался объем обращающихся на рынке монет, пропасть между экономическим положением землевладельцев и остальных групп населения продолжала увеличиваться. С одной стороны, уровень благосостояния крестьян рос, потому что реальное выражение фиксированного земельного налога с января 1877 г. начало падать, в то время как цены на рис, основную продукцию крестьянских хозяйств, росли. С другой стороны, реальные доходы, тех представителей самурайского сословия, которые полагались лишь на государственные пособия, сильно сокращались. В реальном выражении снижался и уровень дохода государства, так как основная часть бюджета формировалась из сборов налога на землю⁸.

Смена финансовой политики Японии произошла только после отставки Окума Сигэнобу в октябре 1881 г. и назначения на должность министра финансов Мацуката Масаёси, который приступил к реализации собственной версии предотвращения дефолта, а именно к жесткой фискальной политике. Первым делом был отменен разраба-

---

⁸ История экономики Японии, том. 3. Открытие портов и обновление. (Нихон кэйдзай си 3. Кайко то исин). Матадзи Уэмэура, Юдзо Ямамото. Изд-во Иванами Сэтэн. Стр. 161.

тывающийся в недрах Министерства план по внутренним и международным займам. Далее началась активная подготовка документа «Годовой отчет о состоянии рынка за 1882 г.» (*мэйдзи 13 нэндо сёкё нэнпо*), в котором предлагался новый анализ причин разрыва между стоимостью бумажных денег и серебряных монет, а также роста цен.

В докладе текущая финансовая ситуация объяснялась исключительно обесценением бумажных денег. Новые меры стабилизации национальной валюты предполагали сокращение денежной массы (бумажных денег) и накопление запасов металлических денег (серебра), что должно было вернуть денежные средства к взаимной конвертируемости на стабильной основе.

В своих выступлениях Мацуката особенно подчеркивал важную роль центрального банка. В марте 1882 г. были опубликованы документы «План создания Банка Японии» (*нихон гинко сорицу-но ги*) и «Пояснения к плану создания Банка Японии» (*досорицу сюси-но сэцумэй*)⁹. В последнем документе разъяснялось, что целями создания Банка Японии являются урегулирование денежного обращения, поддержка квазибанков, снижение процентной ставки по кредитам, управление государственными доходами и расходами, дисконтирование иностранных векселей¹⁰. В июне 1882 г. был опубликован Закон «О Банке Японии» (*нихон гинко дзёрэй*), на основании которого 10 октября 1882 г. был открыт Банк Японии с уставным капиталом в 10 млн. иен¹¹. На центральный банк были возложены функции управления государственным долгом и эмиссии бумажных

---

⁹ Министерство финансов. История финансовой политики периода правления Мэйдзи. Т. 14. С. 13-27.

¹⁰ Умэмура Матадзи, Накамура Такафуса. Финансовая политика Мацуката и политика развития промышленности (Мацуката дзайсэй то сёкусан когё сэйсаку). Изд-во: Кокусай рэнго дайгаку, 1983. С.129-130.

¹¹ Газета Токио Нитинити, 16 июня 1882 года.

денег, выпускаемых под обеспечение золотыми и серебряными резервами.

После этого в 1883 г. последовали поправки к закону «О национальных банках», по которым деятельность национальных банков на прежних условиях ограничивалась периодом в 20 лет, в течение которых, постепенно теряя права эмитента, эти организации должны были превращаться в обычные частные банки. 26 мая 1884 г. был опубликован закон «О банковской конвертации» (*даккан гинко дзёрэй*), который фактически устанавливал монопольное право Банка Японии на выпуск банкнот, а также официально возвращал серебряный стандарт в валютную систему Японии. Следующим шагом Банка Японии с мая 1885 г. стало начало выпуска собственных конвертируемых банкнот и постепенная замена ими ранее выпущенных бумажных денег¹².

Изъятие из оборота денег, выпущенных национальными банками, началось немного позже. После создания Банка Японии в 1882 г. Национальные банки в 1883 г. лишились своей эмиссионной функции и со временем были переквалифицированы в обычные банки. К середине 90-х гг. банкнот национальных банков осталось только 6% от общего номинала платежных средств, находящихся в обороте¹³.

В результате к 1885 г. удалось создать фундамент развития современной кредитно-денежной системы Японии, добиться сбалансированного бюджета, восстановить конвертируемость бумажных денег в драгоценные металлы, сократить размеры государственного долга. Центральным органом банковской системы стал Банк Японии, который обеспечил стабильность процентной ставки кредитования и

¹² Като Тосихико. История японских банков [Нишпо гинкоси рон]. Изд-во Токийского университета, 1957. С. 66-67.

¹³ Norio Tamaki. Japanese Banking. A History, 1859-1959. Cambridge University Press, 1995. P. 75.

валютные резервы, благодаря чему с середины 80-х гг. в Японии начинается расцвет промышленного развития, продолвшийся примерно два десятилетия, все это время особенно активно шло строительство системы железных дорог, и развивалась хлопчатобумажная промышленность.

Структура финансовых институтов и их роль на начальной стадии индустриализации

К концу 80-х гг. помимо центрального банка в Японии успешно начали функционировать и другие финансовые институты. С 1876 г. стали появляться частные банки, деятельность которых была полностью связана с банковскими услугами, но по объему капитала они были гораздо меньше национальных. Первым право использовать термин частный банк для своих финансовых подразделений, отделенных от коммерческого бизнеса, получил торговый дом Мицуи, оставаясь единственным представителем на этом финансовом рынке в течение трех лет. Только с 1879 г. стали открываться и другие частные банки. Основная же волна открытий последовала с 1881 г. Крупнейшие достигали капитала в 500 тыс. иен, мелкие могли иметь в своем распоряжении от 10 тыс. иен до 20 тыс. иен¹⁴. Большинство из них были прямым продолжением финансовых институтов эпохи Токугава, но встречались и производители, объединяющие свои усилия, например, Торговый банк Надо (*Надо сёгё гинко*), который был основан группой производителей сакэ.

Кроме этого, были созданы квазибанки, т.е. компании, которые в большей степени занимались торговлей и в некоторых случаях производством, но в том числе деятельность которых была сопряжена с финансами. В основном они создавались мелкими или средними

---

¹⁴ Patrick. H.T. Japan 1868-1914. Ch. 8. Banking in the Early Stages of Industrialization. A study in comparative economic history. Oxford University Press, 1967. P. 260.

торговцами, землевладельцами и ростовщиками. Они могли быть различными по размеру, но в целом их объем капитала был гораздо меньше частных банков. Их деятельность была в основном привязана к портам или сельским районам, и была связана с торговлей рисом, шелком, чаем и местным производством, например, шелкопрядением, производством сакэ или агар-агара. Квазибанки могли продавать свое сырьё местным производителям в кредит. Это чаще всего был краткосрочный кредит под очень большие проценты. По предположению японского исследователя Асакура К. доходность от таких кредитов могла достигать 60% годовых¹⁵.

Важным этапом в эволюции банковской системы стал закон «Банковский акт», принятый в 1890 г. и введенный в действие в 1893 г. Он подразумевал унификацию банковской системы. По этому закону частные банки и квазибанки должны были изменить свой юридический статус на коммерческий банк или лишались возможности оставаться банком. В группу коммерческих банков с конца 1896 г. стали активно переводиться и национальные банки, срок действия лицензий которых к этому моменту начал подходить к концу. Процесс реорганизации национальных банков завершился к 1899 г.¹⁶ Еще одной причиной появления новых банков с 1895 г. послужила отмена закона, введенного в 1890 г., об ограничении выдачи кредита одному заёмщику на сумму превышающую 10% от капитала банка. После внесения этого изменения в банковское регулирование многие промышленные предприятия стали открывать свои собственные банки для самостоятельного ведения всех финансовых потоков компании. Например, в 1895 г. Открыли свои банки Мицубиси и Сумитомо. Новый закон О банках

---

¹⁵ Асакура К. История денежного обращения в Японии в первой половине Мэйдзи [Мэйдзи дзэнки нихон киню кодзоси]. Иванами сэтэн, 1961. С. 263.

¹⁶ Из 153 национальных банков только 122 были реорганизованы в коммерческие, из оставшихся 16 были поглощены другими банками, 15 – обанкротились.

не устанавливал ограничения на размер банков, что способствовало возникновению новой волны создания банков с небольшим уставным капиталом.

Таким образом, система коммерческих банков к середине 80-х гг., когда начался экономический рост, была сформирована и испытала в последующие пятнадцать лет расцвет, основанный на взаимном сотрудничестве с развивающейся промышленностью. с 1888 г. до 1901 г. количество банков выросло почти в 6 раз, чистые активы выросли в 4 раза, займы – в 6 раз, а депозиты – в 7,5 раз¹⁷. К 1901 г. количество зарегистрированных банков достигло своего максимального значения, 1867 банков, после чего началось их постепенное сокращение. При этом количество отделений банков по стране продолжало расти.

Кроме перечисленных, были созданы специализированные банки. Первым из них стал Инвалютный банк Ёкогамы (*Ёкогама сёкин гинко*), основанный в 1880 г. для финансирования международной торговли. Сделано это было для того, чтобы перехватить часть рынка обмена иностранной валюты, полностью монополизированного зарубежными банками. Сначала банк организовывался как частный, однако правительство, осознав его значимость, тоже внесло в уставной капитал одну треть от общей суммы, а также положило большую сумму на депозиты банка, которые на первом этапе его работы составили три четвертые от общего объема вкладов¹⁸. По мнению Сибусава Эйити первые операции банка оказались убыточными из-за отсутствия достаточного опыта его сотрудников. В результате банк некоторое время находился на грани банкротства. Но с 1882 г., когда был основан Банк Японии и

---

¹⁷ Patrick. H.T. Japan 1868-1914. Ch. 8. Banking in the Early Stages of Industrialization. A study in comparative economic history. Oxford University Press, 1967. P. 264. Табл. Рост японских коммерческих банков, 1888-1914.

¹⁸ Там же. P.267.

правительство приступило к активному развитию отношений с зарубежными странами, работе Инвалютного банка было уделено гораздо больше внимания. Банк Японии, с одной стороны, стал оказывать значительную финансовую помощь, с другой стороны, осуществлял жесткий контроль за расходованием средств. С этого момента началось существенное наращивание активов Инвалютного банка¹⁹.

Позже были созданы и другие специализированные банки: Японский ипотечный банк (*Нихон кангё гинко*, основан в 1897 г.), Промышленный банк Японии (*Нихон когё гинко*, 1902), Тайваньский банк (*Тайван гинко*, 1899), Корейский банк (*Канкоку гинко*, 1890), Банк освоения Хоккайдо (*Хоккайдо такусёку гинко*, 1900). Все специализированные банки были созданы по указанию правительства с целью финансового обеспечения государственных проектов. Ипотечный банк главным образом, занимался развитием сельского хозяйства, Промышленный банк поддерживал производственные и добывающие компании. Банк колонизации Хоккайдо финансировал проекты Хоккайдо, Тайваньский банк был связан с различными промышленными предприятиями Тайваня, а Корейский банк – с предприятиями Кореи и Манчжурии.

Еще одним важным в будущем финансовым институтом стала почтово-сберегательная система, основанная в 1875 г. (на десять лет позже создания такой же структуры в Великобритании). Задача этой системы заключалась в аккумулировании личных небольших сбережений населения. Первые годы почтово-сберегательная система оставалась незаметной на фоне остальных финансовых институтов. Однако в период с 1883 г. по 1889 г. объем депозитов значительно возрос.

Сберегательные банки по содержанию своей работы стали появляться в начале 80-х годов, однако юридически

---

¹⁹ Эйити С. Беседы дождливыми вечерами. Научная книга, 2002. С. 206.

оформились как вид банков в 1893 г., с выходом закона о сберегательных банках. Сберегательные банки предлагали более высокие ставки по депозитам по сравнению с почтово-сберегательными кассами, поэтому быстро стали привлекать большее количество средств на свои счета²⁰.

До середины 1880-х гг. вся банковская система в основном финансировала развитие аграрной промышленности, традиционного производства и торговли. Первый займ для создания крупного промышленного производства, Осакинской прядильной компании, был сделан только в 1882 г. у Первого национального банка. Теперь основная часть кредитов на нужды крупномасштабного производства выдавалась коммерческими банками, а финансирование мелких предприятий и сельского хозяйства осуществлялось только мелкими региональными банками²¹.

Таким образом, можно говорить о том, что в Японии довольно быстро оформилась банковская система, основные контуры которой уже были сформированы к концу 80-х гг. XIX в. Во главе системы был поставлен Банк Японии, который стал выполнять функции центрального банка. Банк Японии, имея достаточно влияния на остальные банки страны, уже к 90-м гг. наладил хорошо функционирующую систему управления финансовыми потоками, оперативно реагируя на неожиданно возникающие региональные потребности. Для решения подобных задач сферы ответственности ведущих банков были распределены географически, например, если в средствах нуждалась префектура Мияги, то ей оказывал помощь Первый банк, в Тюоку

---

²⁰ Arai, M. Development of Local Banking in Japan. Period of Development of Industrial Capitalism. Government Printing Bureau, 1958. P. 37-38.

²¹ Patrick. H.T. Japan 1868-1914. Ch. 8. Banking in the Early Stages of Industrialization. A study in comparative economic history. Oxford University Press, 1967. P. 262-263.

вкладывал средства банк Мицуи, в остров Кюсю – Мицубиси²².

Процесс создания архитектуры финансовой системы проходил стремительно и непоследовательно. Эта работа была сопряжена со многими трудностями выбора подходящей западной модели и ее адаптации. Однако все шаги правительства на каждом этапе были жестко подчинены задаче промышленного развития страны. Тактические же решения принимались в соответствии с текущими условиями.

В короткие сроки Японии удалось создать систему финансовых институтов, которая обеспечивала потребности нового хозяйственного уклада экономики. В качестве особенностей процесса формирования этой банковской системы следует, на наш взгляд выделить следующие моменты:

1. отсутствие общего плана реформирования банковской системы Японии у правительства Мэйдзи;
2. стратегия ускоренной апробации западной модели банковской системы;
3. отказ от политики предпочтения какой-либо одной из западных систем и практическое тестирование ряда существующих моделей, прагматичность подхода японцев к вопросу применения иностранного опыта вообще и выбора банковской модели в частности;
4. жесткое соотнесение заимствованных западных образцов финансовой системы с внутренними стратегическими задачами (в первую очередь с задачей импорта западных технологий и развития собственной промышленности) и их быстрая смена в случае их несостоятельности для достижений центральной задачи.

---

²² Эйити С. Беседы дождливыми вечерами. Научная книга, 2002. С.208.

Изучение западной финансовой системы и последующий опыт ее применения в японских условиях стал серьезным этапом, на котором японцы познакомились с законодательством европейских стран и США, причем не только на уровне теоретических исследований кабинетных ученых, но на уровне его практического применения действующими властями в реальных условиях.

В результате уже к началу XX в. была сформирована архитектура современной японской финансовой системы, было создано большинство финансовых институтов, которые функционируют и сегодня²³.

---

²³ Patrick. H.T. Japan 1868-1914. Ch. 8. Banking in the Early Stages of Industrialization. A study in comparative economic history. Oxford University Press, 1967. P.244-245.

**Пространство модерна в старой столице –
промышленные выставки в Киото в 1871-1895 гг.**

Всемирные, национальные и региональные промышленные выставки, отсчитывающие свою историю с Всемирной выставки 1851 г. в Лондоне, стали новым локусом в экономической, технологической, просветительской и рекреационной сферах. Японская политическая элита эпохи Мэйдзи очень рано увидела в промышленных выставках потенциал как для международного, так и для внутреннего продвижения японского модернизационного проекта. Посетивший Всемирную выставку 1862 г. в Лондоне Фукудзава Юкити не только перевел на японский язык само слово *exhibition* 博覧会, но и пропагандировал идею выставок в своей книге «Положение дел на Западе» 西欧事情, сравнивая выставки с «битвой без войны».

Политическому, экономическому, имиджевому аспекту Всемирных промышленных выставок, участию в них Японии посвящено немало исследований, однако выставки национального и регионального масштаба изучены в меньшей степени. Серьезным препятствием является скудость материалов, особенно на раннем этапе (1870-е годы). Здесь мы сосредоточим внимание на роли промышленных выставок в пропаганде и реализации модернизационного проекта в Киото – городе, пространство которого нагружено тысячелетней исторической памятью, переформулированной в эпоху Мэйдзи в духе имперской националистической риторики. Мы проследим процесс зарождения традиции ежегодных выставок в Киото в связи с формированием нового имиджа города и модернизацией городской инфраструктуры, а также рассмотрим, как 4-я Общенациональная Промышленная выставка 1895 г. изменила городской топос¹.

---

¹ Важнейшим источником для нас явился сборник документов, изданных Обществом Промышленных выставок в Киото в качестве подведения итогов тридцатилетней деятельности, см.: Кёто хакуранкай энкакуси (История развития промышленных выставок в Киото). Киото, 1903.

По-видимому, самая первая в Японии «выставка товаров» (*буссанкай*) развернулась в мае 1871 г. в Токио в храме Ясукуни Дзиндзя, который тогда назывался Сёконся (招魂社). Это было мероприятие Государственной высшей школы Дайгаку Нанко, из которой вырос Токийский университет. В марте 1872 г. в храме Юсима Сэйдо (湯島聖堂), в рамках подготовки Японии к участию во Всемирной выставке в Вене 1873 г. была организована выставка Министерства Просвещения (*Момбусё Хакуранкай*). В других городах страны, прежде всего в Киото, но и в Нагоя, Канадзава, Вакаяма, Хиросима, местные власти также пробовали выставлять продукцию регионов и изделия местных художественных ремесел, называя это словом *хакуранкай*.

По мере приобретения опыта участия во Всемирных выставках (в Вене, Филадельфии, Париже), по мере развития выставочной деятельности в префектурах, правительство Мэйдзи убедилось в необходимости регулярных общенациональных промышленных выставок. Такие выставки (*Найкоку кангё хакуранкай*) пять раз организовывались в эпоху Мэйдзи, первые три прошли в Токио (1877, 1881, 1890 гг.), четвертая в Киото (1895 г.), пятая в Осака (1903 г.)².

Киото стал площадкой первой «промышленной выставки» осенью 1871 г. Выставка проходила в храме Ниси Хонгандзи с 22 ноября по 22 декабря³. В отличие от Токио, где выставки организовывались при непосредственном участии государственных учреждений, в Киото первая выставка

Позже был издан исторический очерк, см.: Кёто хакуранкай кёкай сиряку. Киото, 1937. См. также: *Кунн Такэюки*. Хакуранкай но дзидай – Мэйдзи сэйфу но хакуранкай сэйсаку (Эпоха промышленных выставок – политика правительства Мэйдзи и выставки). Токио: Ивата Сёин, 2005.

² На русском языке про первые общенациональные выставки см.: *Мещеряков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис: Рипол Классик, 2006. С.363-366.

³ Здесь и далее датировка приводится по новому стилю, т.е. по григорианскому календарю.

была скорее коммерческим предприятием с участием частных капиталов. Устроителей выставки было трое: восьмой глава знаменитой купеческой семьи Мицуи Хатиросэмон (三井八郎右衛門, 1808-1885), создавший империю Мицуи в эпоху Мэйдзи, финансист Оно Рёскэ (小野善助, 1831-1887) – конкурент Мицуи, который в 1884 г. разорился, и потомственный торговец из Киото Кумагаи Наотаки (熊谷直恭, 1817-1875), специализировавшийся на благовониях и писчебумажных товарах. Кумагаи был значительной фигурой в деловых кругах Киото, и вполне логично, что продавец бумаги направил свои усилия на развитие школ – именно он создал в 1869 г. первую в Киото начальную школу, а вскоре их стало 64, в каждом квартале города. В дальнейшем государственные начальные школы сыграли свою роль и в организации выставок в Киото – именно в школы рассылались предназначенные для выставки товары и образцы, там они оценивались устроителями и хранились до начала выставки⁴.

Устроители первой выставки в Киото не имели ни времени, ни опыта, ни концепции отбора экспонатов. На этом историческом этапе Япония еще не могла гордиться успехами промышленной модернизации, и среди экспонатов были главным образом предметы искусства (живопись, каллиграфия, бронза, фарфор), а также редкости, вроде камней причудливой формы или двухголовой змеи.

Экспонаты выставки делились по рубрикам: японское, китайское, западное. «Западные» вещи (39 экспонатов) были предоставлены французскими гражданами, проживавшими в то время в Кобэ, а все остальные (166 экспонатов) были переданы на выставку ее инициаторами и устроителями. Особо ценных в историческом или художественном смысле вещей не было, и ни один из указанных в каталоге предметов не идентифицирован современными искусствове-

⁴ См.: Ёсида Мицукуни. Кёто но хакуранкай (Промышленные выставки в Киото) // Кёто но рэкиси. Т.8. Киото: Гакугэй сёрин, 1975. С. 127.

дами⁵. По-видимому, объективно наибольший художественный интерес представляли расписные стенные панели храма Ниси Хонгандзи, где проходила выставка.

Подобная распространенным в эпоху Эдо публичным демонстрациям редкостей и предметов старины, выставка 1871 г. себя окупила, количество посетителей превысило 11 000 человек, однако в дальнейшем ее никогда не называли «Первой промышленной выставкой в Киото». Эта слава принадлежит выставке, организованной в следующем году. Выставка 1872 г. проходила уже при поддержке муниципальных властей, и ее подготовкой занималась специально созданная акционерная компания «Киото Хакуранкайся» (Общество Промышленных выставок в Киото). Организаторами были все те же Мицуи, Оно и Кумагаи, а также некоторые чиновники правительства Киото. Местные власти отлично поняли, как благотворны выставки для оживления экономики города.

Выставка 1872 г. проходила с 17 апреля в течение 80 дней⁶ на территории храмов Ниси Хонгандзи, Кэнниндзи и Тионъин, она готовилась и осуществлялась с целью привлечь внимание правительства и граждан к потенциалу «покинутой древней столицы» в новых условиях. Упор делался на внутреннее потребление, в фокусе были новые возможности традиционных ремёсел и зарождающееся промышленное производство, а также перспективы туризма. В этом заметно отличие от одновременно проходившей выставки Министерства Образования в Токио, нацеленной прежде всего на отбор достойных экспонатов, которые представили бы Японию за рубежом, на Всемирной выставке в Вене.

---

⁵ См.: *Намиги Хироси*. Кёто но сёки хакуранкай ни окэру «кобидзюцу» («Старое искусство» на ранней промышленной выставке в Киото) // *Киндай Кёто кэнкё* (Исследования о Киото в Новое время) Киото: Сибункаку сюппан, 2008. С. 330.

⁶ Запланированная на 50 дней, выставка была продлена еще на 30 дней, ввиду успеха.

Однако и выставка в Киото оказалась очень важна для международного имиджа страны. «Общество Промышленных выставок в Киото» добилось у центрального правительства разрешения на допуск в город иностранцев – для этого они должны были по прибытии получить специальную визу. Всего этой возможностью воспользовались 800 человек, многие были из числа иностранцев, проживавших в открытых городах Японии (Июкогама, Кобэ и т. д.). Впечатления очевидцев, в том числе рисунки, попали в зарубежную прессу, отразились в частной переписке⁷. Сегодня эти свидетельства бесценны, поскольку японских откликов на первые выставки почти не сохранилось. Иностранцы были в восхищении от красоты города и окрестностей (позволялись также экскурсии на озеро Бива), однако останавливаясь они были обязаны лишь в определенных для этого гостиницах – власти опасались нападений на иностранцев в период проведения первой выставки. Вместе с первыми иностранцами в Киото пришла европейская кухня (западные блюда подавали в гостинице и в пивном заведении под открытым небом, устроенном напротив храма Тионъин), билеты на выставку были напечатаны по-японски и по-английски. Иностранным гостям выставки следующего года позволено было селиться в любой гостинице.

На выставке 1872 г. было выставлено 2 485 экспонатов: природные ископаемые и прочее сырье, пищевая продукция (соль, сахар, табак, чай), ткани и готовая одежда. Были и образцы товаров из Осака (239 экспонатов), и даже европейские товары (их представили 6 иностранных участников из Англии, Франции и Германии). Визит императора Мэйдзи в Киото (5-9 июля), а также покупка некоторых товаров для

---

⁷ См. например выдержки из писем американских миссионеров: *Мотои Ясучиро*. Кёто хакуранкай то амэрикан бёдо (Промышленная выставка в Киото и Американская церковная конгрегация). *The study of Christianity and Social problems*. V.45, 1996. С.100-139. См. также: *The Japanese Exhibition*. – *The Illustrated London News*, October 19, 1872.

высочайшего потребления, явились лучшим признанием качества.

В разделе старого искусства (*кобидзюцу*) на этот раз произвели отбор для экспозиции только выдающихся произведений искусства, уже получивших проверку временем. Эти произведения были предоставлены храмами (не только храмами Киото) и входили в число ежегодно выставляемых на обозрение храмовых «сокровищ». Например, были представлены работы художника Ито Дзякуто 伊藤若冲 (1716-1800), хранившиеся в храме Сёкокудзи 相国寺 и ежегодно выставлявшиеся там с 1769 г. В результате храм получил от императорского дома щедрое пожертвование, а некоторые работы Ито Дзякуто были поднесены императору. Можно сказать, что выставки в Киото поддержали уже начавшееся движение за сохранение национальных художественных ценностей и поставили проблему отбора шедевров.

Кроме собственно экспозиции, зрителей привлекали сопутствующие мероприятия: чайная церемония на территории храмов, где проходила выставка, представления театра Но в храме Ясуи Дзиндзя (ныне Ясуи Компирагу), дегустация пива, произведенного в Осака по немецким рецептам, выступления гейш. Последнее явилось началом городской традиции *мияко одори* (столичных плясок) – это коллективные выступления гейш квартала Гион для публики, а не для узкого круга гостей в чайном доме. По просьбе помощника губернатора Киото (*дайсандзи*) Макимура Масанао⁸, хозяин чайного дома «Гион Мантэй» (ныне «Итирики»), подготовил групповые танцы гейш и обучил их проводить чайную церемонию для зрителей, которые сидят на стульях (стиль *рюрэй* школы Ура Сэнкэ). Подававшиеся гейшами к чаю нанизанные на палочку сладкие шарики из рисовой клейковины (*митараси данго*) стали символом

---

⁸ Макимура Масанао 榎村正直 (1834-1896), выходец из клана Тёсю, в 1877-1881 гг. занимал пост губернатора (*тидзи*) префектуры Киото.

квартала Гион. В 1872 г. гейши танцевали в снятом для этого помещении гостиницы у моста Симбаси на реке Сиракава.

Со следующего 1873 года пляски гейш *мияко одори* на ставшей ежегодной промышленной выставке в Киото проводились в храме Кэнниндзи, а затем городские власти выкупили участок земли на территории этого храма, чтобы построить помещение для обучения и выступлений гейш (Гион Кабурэндзё). Такое решение связано было с принятием в ноябре 1872 г. правительственного эдикта об освобождении гейш и проституток от долговых обязательств по контрактам с работодателями. Женщины веселых кварталов обеспечивали ощутимую долю доходов городского бюджета, и теперь перед властями Киото встала задача интегрировать их в иные сферы деятельности. Вскоре и женщины из других районов Киото (Понтотё и т.п.) были организованы в танцевальные труппы на время выставки – ежегодные концерты гейш весной и осенью по сей день остаются городской традицией. Таким образом, ранние выставки эпохи Мэйдзи в Киото трансформировали образ женщин из веселых кварталов (*гэйко* и *майко*) в подобающий новой эпохе образ артисток и хранительниц национальных традиций.

Вторая по официальному отсчету выставка в Киото (1873 г.) прошла уже на территории императорского дворцового парка, поскольку наплыв посетителей на предыдущей выставке был велик – более 40 000 человек. С 1873 г. по 1896 г. выставка ежегодно проводилась на территории императорского парка, в 1897 г. она была перенесена в Окадзаки, в помещения прошедшей в 1895 г. 4-й Общегосударственной Промышленной выставки, и ежегодно проводилась там вплоть до 1928 г.

Вторая выставка в Киото 1873 г. включала уже и демонстрацию успехов животноводства (животные и домашняя птица были представлены), розничной торговли (мобильные палатки под открытым небом продавали на выставке абсолютно все, причем товары снабжались рекламными листовками и инструкциями), переориентации тради-

ционных ремесел (фарфор европейских форм, декоративные ткани для европейских интерьеров). Впервые издан был путеводитель по Киото на английском языке.⁹ В нем очень коротко, в манере устного комментария, рассказывалось обо всех известных храмах, (имелись гравюры с их видами), указывалось расстояние до моста Сандзё (в японских единицах расстояния *ри* и *тё*). Ценны карты, приложенные к путеводителю – на них обозначены не только главные улицы и храмы, но и новые объекты: вокзал, телеграф, почта, школы, библиотека. Обозначенный автором путеводителя Ямамото Какума 山本覺馬 (1828-1892), состоявший в должности советника (*комон*) при губернаторе Киото, едва ли мог сам написать эту книгу – он потерял зрение, сражаясь в годы революции Мэйдзи на стороне сёгунских войск, да и английского языка он не знал. Однако этот выходец из клана Айдзу и специалист по огнестрельному оружию и артиллерии (бывший помощник военного коменданта Киото, назначенного сёгуном) был введен в новое правительство города. Ямамото Какума еще в юности изучал западные науки и поддерживал идеи модернизации, а первая выставка в Киото 1872 г. стала поводом для его знакомства с протестантским миссионером из США О.Х.Гуликом (Orramel Hinckley Gulick, 1830-1923)¹⁰. На выставках в 1873 г. и 1874 г. миссионеры Дж.Дэвис и М.А.Гордон¹¹ вновь встречались с Ямамото, надеясь на его помощь в организации проповеднической деятельности в Киото. Ямамото Какума, все более проникаясь христианскими идеями, помогал в трудоустройстве проповедников в Киото в качестве врачей и преподавателей английского языка. Весной 1875 г. на 4-ю Промышленную выставку в Киото приехал только что

⁹ K.Yamamoto. The Guide to The Celebrated Places in Kyoto and the Surrounding Places. Kyoto: Niwa, 1873.

¹⁰ См.: Мотои Ясухиро. Указ. соч. С.110.

¹¹ Миссионеры Дэвис (Jerome Dean Davis, 1838-1914) и Гордон (Marquis Lafayette Gordon, 1843-1900) первыми начали проповедовать в Киото христианство, сначала у себя дома, с молчаливого согласия Ямамото Какума.

вернувшийся из-за границы Ниидзима Дзё 新島襄 (1843-1890), тайком покинувший в 1864 г. страну, чтобы получить образование в США. Ниидзима тоже встретился с советником Ямамото и быстро нашел в нем единомышленника. Ямамото Какума, принявший к этому времени христианство, поддержал идею Ниидзимы создать в Киото университет западного образца. Участок земли для первого в Киото христианского университета Досися также предоставил Ямамото, а сам стал учредителем вместе с Ниидзима Дзё. Сестра Ямамото, Яэ, вскоре стала супругой и единомышленницей Ниидзимы. История первого в Киото университета, с его старейшими в городе зданиями европейской архитектуры, также косвенным образом оказывается связана с первыми промышленными выставками¹².

Ранние промышленные выставки в Киото эпохи Мэйдзи стали зримым локусом модернизации, расширяя экономические связи города с регионами Японии и зарубежными партнерами, привлекая в Киото туристов и предлагая им новые виды развлечения («концерты-ревю» в исполнении гейш, дегустация новых блюд и напитков), расширяя возможности для новых культурных проектов (школы западного типа, больницы, музеи и библиотеки). Храмы Киото, а затем парк императорского дворца, становясь выставочной площадкой, наглядно демонстрировали возможность и благотворность перемен в традиционном укладе, тем более, что параллельно актуализировалась риторика «сохранения национальных художественных сокровищ», которые выставлялись наряду с паровыми машинами, ткацкими станками и племенными животными.

Общенациональная Выставка в Киото 1895 года знаменовала успех технологических и культурно-политических преобразований эпохи Мэйдзи, символически связав его с

---

¹² Драматический потенциал этого сюжета не случайно был использован в телевизионном сериале NHK «Сакура Яэ» (*Яэ но сакура*, 2013), соединив ностальгию по эпохе Мэйдзи с историей клана Айдзу, чьи исторические земли приняли удар катастрофы 11 марта 2011 г.

историческим прошлым страны и императорской династии: рядом с выставочной площадкой возвели храм Хэйан Дзингу, повторяющий в уменьшенном масштабе архитектуру императорского дворца эпохи Хэйан. Почитаемыми в храме божествами стали основатель столицы Хэйанкё император Камму и император Комей (1846-1867), отец императора Мэйдзи, а строительство самого храма приурочивалось к 1100-летней годовщине основания города. Символическое шествие исторически костюмированной процессии от императорского дворца к воротам храма Хэйан Дзингу, впервые совершенное 22 октября 1895 г., но ставшее ежегодным (праздник *Дзидай мацури*), может интерпретироваться и как наделение исторической легитимностью и сакральным смыслом бывших безлюдных полей в Окадзаки, где вырос новый храм, а может быть воспринято как переход из одного «локуса модернизации» (выставочная площадка в парке дворца) в другой (выставочные сооружения в Окадзаки).

Выставка 1895 г. закрепила обозначившееся в конце 1870-х годов развитие и расширение Киото в северо-восточном направлении. Занятый полями и огородами район Окадзаки на восточном берегу реки Камо¹³ стал центром инноваций. Незадолго до того, как было определено место 4-й Общениациональной Выставки в Киото, в Окадзаки завершили работы по строительству канала, соединившего озеро Бива с рекой Камо (1894). Канал, к строительству которого приступили в 1881 г., в 1890 г. стал снабжать город водой из озера и позволил перевозить на небольших лодках людей и грузы. Строительство канала повлекло за собой также появление в Окадзаки первой в Киото электростанции, прокладку водопровода с водоочистными сооружениями. Водные ресурсы стимулировали появление как

---

¹³ В 1070-х гг. этот район, называемый Сиракава (по названию реки), стал политическим и религиозным центром, благодаря поселившемуся здесь императору Сиракава (1053-1129), но уже через столетие потерял свое значение.

небольших предприятий (красильни, цеха керамики и фарфора), так и богатых вилл, окруженных садами по последнему слову японского и западного ландшафтного дизайна. Район Окадзаки соединил в себе черты респектабельного зеленого предместья, где проживали состоятельные горожане, и центра развития традиционных и новых ремесел и искусств. Первый в Киото художественный музей также открылся в Окадзаки, на площадке 4-й Общественной выставки.

К открытию выставки 1895 г. в Киото пустили первую в Японии электрическую железную дорогу, и электричество для нее давала электростанция в Окадзаки. Одновагонные «трамвайчики» связали Фусими (куда прибывали по реке из Осака и Кобэ) с городским вокзалом Киото, а далее с выставочной площадкой в Окадзаки и терминалом водного пути к озеру Бива по новому каналу.

Вполне символический переезд выставочной площадки в 1897 г. из парка императорского дворца в район Окадзаки, который воплощал модернизированный образ Киото (непреренно в купе с новым императорским храмом Хэйан Дзингу!), сигнализировал наступление новой эпохи: выставки потеряли былое значение, поскольку модернизация вошла непосредственно в жизнь горожан.

Особенности демографической политики Японии в начале XXI в.

Развитие любого государства зависит от ряда факторов, таких как политическое устройство, экономика, демография и т.д. В свою очередь демографическая ситуация влияет на общее развитие государства. В XXI в. Япония переживает серьезные демографические потрясения. Япония уже сейчас является «самым старым» обществом в мире, при этом процесс старения общества происходит на фоне беспрецедентно низкого уровня рождаемости, что ведёт к быстрому сокращению населения.

Демографические изменения обусловлены как экономическими и социально-культурными факторами, так и трансформацией ключевых сфер общества в целом. Понимание изменения роли женщины в семье и обществе и семейных традиций очень важно для изучения и анализа особенностей демографических тенденций и изменений в обществе. В настоящее время Япония стоит перед необходимостью создания новых концепций по улучшению демографической ситуации в стране для успешного социально-экономического развития в будущем. Искать однозначные решения для такого многогранного феномена было бы крайне неправильно.

С конца XX в. по настоящее время японское общество переживает процесс глубокой и многомерной трансформации. Под влиянием процессов глобализации происходят изменения в менталитете, пересматриваются традиционные ценности и мировоззрение японцев, которые привели к изменениям в образе жизни, отношении к обществу, пересмотру роли в нём индивида. Под влиянием западных ценностей японцы, проникновения массовой культуры, японское общество превратилось в «общество потребителей». Тем не менее, базовые морально-этические ценности, составляющие ядро японского менталитета, менее всего подвержены переменам. В настоящее время одной из

основных задач является поиск той «золотой середины» между этноцентризмом и восприимчивостью, традициями и инновациями, которая будет способствовать переходу Японии на качественно новый этап развития, при этом сохраняя свою уникальную культуру, особенности общественной структуры и отношений.

В традиционном «мужском обществе» происходят серьёзные гендерные изменения. С повышением образовательного уровня женщин изменилось их положение в обществе и семье. Всё больше женщин предпочитают карьеру семейной жизни, уменьшается число семей, растёт количество одиноких людей. В то же время, мужчины, в основном, более пассивны и склонны к соблюдению иерархии. Модель традиционной японской семьи также претерпевает колоссальные изменения, появляется всё больше семей нуклеарного типа и других семейных форм. С другой стороны, эти перемены неизбежны при переходе общества на новый этап развития

Развитие феминизма за последние 30 лет, повышение социального положения женщин является одной из самых ярких особенностей социальной трансформации японского общества. Пожалуй, главным уроком, который продемонстрировали японские женщины всему миру, является их борьба за свободу и независимость, но борьба без фанфар и громких феминистических лозунгов. Можно сказать точно, что женщины являются одной из движущих сил модернизации японского общества. Прагматизм, неконфронтация, ориентация на долговременный результат – те факторы, которые совершили «тихую революцию» в Японии. Таким образом, японки сегодня стремятся к полному равноправию с мужчинами и подталкивают руководство к созданию действительно равноправного гендерного общества, что даже закреплено в официальном Основном законе о гендерно-равноправном обществе, принятом в 1999 г. Закон определяет его как общество, где женщины и мужчины имеют возможность участвовать в качестве равноправных

партнёров во всех сферах жизнедеятельности общества и при этом нести равную ответственность.

Демографическую ситуацию, сложившуюся в Японии, можно выразить словами российского общественного деятеля, И. Хакамады, «всё, что делает женщина – незаметно. Заметно становится тогда, когда она этого не делает». Снижение уровня рождаемости, сокращение количества семей, снижение роли семьи в уходе за пожилыми родственниками свидетельствует о необходимости модернизации социальной инфраструктуру, позволяющей женщинам успешно совмещать работу и семейную жизнь и выработке новой демографической концепции для улучшения демографической ситуации. Кроме того, важно улучшать микроклимат семьи. Некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. Это и расширение сети детских дошкольных учреждений, и внесение изменений в семейное законодательство, и реализация инициативы баланса между работой и семейной жизнью. Однако, всех этих мер явно недостаточно для увеличения уровня рождаемости. Важно также вносить изменения в процесс семейного и школьного образования для воспитания нового поколения в духе времени.

На фоне общей трансформации общества, происходят изменения и в мировоззрении японских пенсионеров. Они становятся более независимой и организованной социальной силой в обществе. В связи с сокращением и старением населения, что привело к дефициту рабочей силы, пенсионный возраст в Японии повышен до 65 лет. Усилия правительства направлены на активное включение пенсионеров в рабочий процесс и создание для них более гибких условий и форм деятельности.

В течение многих лет на семью возлагались обязанности по воспитанию детей и уходу за пожилыми родственниками, социальная система Японии развита меньше, чем в других странах. Учитывая тот факт, что государство долго игнорировало тенденции сокращения рождаемости и полагалось на

институт семьи, в настоящее время это является причиной того, что оно не успевает за изменениями, происходящими в семье и «жизненном цикле» женщины. Для улучшения ситуации вносятся изменения в Гражданский кодекс и законы, касающиеся условий женской занятости, создаются более благоприятные условия работы для женщин с детьми, постепенно внедряется инициатива Баланса работы и семейной жизни для гармонизации семейных отношений, введена система детских пособий. Но, с другой стороны, всех этих мер явно недостаточно для улучшения ситуации. В настоящее время основная часть расходов социальной системы идёт на выплату пенсий и других услуг лиц пожилого возраста. Улучшения ситуации с рождаемостью можно ожидать через 20-30 лет. Кроме организации финансовой системы поддержки семей очень важно провести реформы в области школьного и семейного образования, формируя положительный образ семьи, материнства/отцовства и равного отношения к женщине у молодого поколения. Хотя для этого должно пройти не одно поколение, первые шаги к этому видны уже сейчас. Однако можно с уверенностью констатировать факт, что руководство Японии находится на верном пути создания «общества равных возможностей для каждого».

Сейчас происходит трансформация отношения политиков и экономистов к вопросу об иммиграции, которая привела к внесению изменений в законодательство, направленных на облегчение процедуры въезда квалифицированным специалистам. Как японские, так и международные исследователи считают, что перемены назрели, и японское общество должно постепенно открывать свои границы для иностранцев. Однако быстрых перемен ждать не приходится, так как всё ещё очень консервативная государственная машина и мышление японских политиков будет формировать иммиграционную политику в ближайшем будущем. Кроме того, очень важно обеспечить теоретическую основу для практических действий, а также разработать эффектив-

ную политику интеграции иммигрантов в японское общество. Однако, несомненно, Япония будет стремиться пригласить в страну больше квалифицированных специалистов, по примеру Австралии, во-первых, для получения международного опыта, и, во-вторых, в целях частичной компенсации дефицита рабочей силы и повышения производительности производства, что в итоге будет способствовать её лучшей интеграции в азиатский регион и созданию более благоприятного имиджа в мире.

На данном этапе основные усилия руководства Японии сосредоточены на решении экономических проблем. С одной стороны, сокращение населения ведёт к сокращению рабочей силы и снижению экономического роста, с другой, это позволит частично решить проблемы продовольственной и экологической безопасности и будет способствовать переходу японского общества на новый уровень развития. Поэтому можно сделать вывод, что демографическая политика Японии направлена не на увеличение населения, а на поддержку и вовлечение в трудовой процесс пенсионеров и создание для женщин и молодых семей в более успешном совмещении работы и семейной жизни. То есть, Япония делает усилия для максимально эффективного использования «второго демографического бонуса».

Поиск ответа на эти вопросы открывают многочисленные перспективы для дальнейшего изучения динамики демографических процессов и демографической политики в Японии.

«Девять раз упасть, десять раз подняться»: эпизоды жизни Хироока Асако

Эпоха Мэйдзи – уникальный исторический период кардинальных реформ и перемен. В то время основы нового экономического развития страны закладывали яркие незаурядные личности.

Хироока Асако (1849–1919) была одной из тех, кто своей инициативой и деловыми способностями изменял Японию. Она смогла проявить себя не только в семье, но и в предпринимательстве, организации образования, общественной деятельности, и это в тот период, когда личностное и социальное развитие женщины было чрезвычайно затруднено. Свою жизнь, которая состояла из цепочки вызовов и ярких решений, преодолений, отступлений, удач и продвижения вперед Хироока Асако охарактеризовала всего несколькими словами «Девять раз упасть, десять раз подняться»¹.

Ранние годы жизни (1849-1865)

Асако родилась в 1849 г. в Киото в клане Мицуи. Ветка семьи Мицуи, к которой Асако принадлежала, жила в месте, расположенном между Императорским дворцом и замком Нидзё – в районе Абура но кодзи, Дэмидзу. Поэтому эта ветка семьи Мицуи называлась Дэмидзу Мицуи².

Отец Асако – Мицуи Такамасу был главой семьи Дэмидзу Мицуи, но в силу различных обстоятельств с ранних лет Асако воспитывал и опекал ее родственник –

---

¹ Подробнее см., например: Хироока Асако но сүбэтэ. Сигото то сёгай. (Все о Хироока Асако: жизнь и служение), Токио: Никкэй ВРся, 2016/1/7 - 104 стр.; Хироока Асако га икита дзидай (Эпоха, в которую жила Хироока Асако). Токио: Санэйсёбо, 2015/9/30 -108 стр.; Кикиути Сюити. Хироока Асако. Гороку. (Хироока Асако. Литературный сборник). Токио: Такарадзимася., 2015 -127 стр.; Хироока Асако.. Тэттэй гайдо. Отэнбомусумэ но кютэндзикки но сёгай. (Хироока Асако. Подробный путеводитель), Токио. Сюфу то сэйкаүсю., 2015- 112 стр.

² После переезда семьи в Токио семья в клане Мицуи стала называться Коисикава Мицуи.

Мицуи Такаёси³, ставший главой семьи после ее отца. Асако дружила с сыном Мицуи Такаёси – Мицуи Такакагэ⁴, который был всего на год младше ее.

Эти тесные родственные отношения с Мицуи Такаёси и Мицуи Такакагэ сыграли большую роль в дальнейшей жизни Асако. Они были ее верными помощниками и советчиками в разных важных делах.

Еще в раннем детстве Асако была сосватана в клан Кадзимая из Осака и воспитывалась как будущая жена и мать в соответствии с теми традициями, которые существовали в клане Мицуи уже многие десятилетия. Правила взаимоотношений регулировались в семьях Мицуи различными письменными наставлениями. В соответствии с ними девочки получали классическое для того времени воспитание: учились подчинению, изящности и скромности, учились ухаживать за собой, выбирать ткани для кимоно, играли на кото. Стремления выйти за рамки принятого обучения не приветствовались, и Асако была ограничена в возможностях учиться так, как ей хотелось.

Юность Асако пришлось на то время, когда в стране начались волнения периода конца сёгуната. В Киото было не спокойно, происходили военные столкновения. Общая нестабильная ситуация отражалась и на состоянии дел семей Мицуи.

---

³ Мицуи Такаёси был яркой и талантливой личностью. Он очень много сделал для становления и развития основных предпринимательских структур клана Мицуи, принимал, например, участие в создании банка Мицуи и его последующем руководстве, организации компании Мицуи Буссан и т.д.

⁴ Мицуи Такакагэ учился в Америке банковскому делу вместе с другими родственниками из клана Мицуи. После возвращения в Японию он работал в группе Мицуи и сделал много для ее развития. Он был президентом компании Мицуи кодзан, которая занималась, в том числе, и развитием угольной промышленности. Он помогал Асако в разное время и в предпринимательской деятельности, и в организации женского университета.

Замужество и служение семье Кадзимая (1865-1904)

В 1865 году Асако была выдана за Хироока Сингоро, который предназначался ей в мужья с ранних лет. Хироока Сингоро – сын восьмого главы семьи Хироока Кюэмон Масацу из клана Кадзимая – известной семьи ростовщиков из Осака. Кадзимая имели меняльную контору в Осака, занимались денежным обслуживанием торговли и операций на рисовой бирже Додзимакомэкайсё, финансировали даймё.

После женитьбы, Хироока Сингоро положился в повседневной работе по делам семьи на своих помощников. Однако Асако, сомневаясь в правильности общего ведения дел, сама занялась изучением бухгалтерского учёта и математики. Она росла и воспитывалась в семье, где ценился порядок и организованность, и это, конечно, помогло ей подробнее вникнуть в дела мужа. Асако, знакомясь с хозяйством семьи, начала проявлять удивительные деловые качества, становясь умелой помощницей своего мужа. В кризисной для семьи Кадзимая период Асако легко вышла за пределы традиционной жизни, которая была уготована женщине того времени, чтобы урегулировать кредитные задолженности и реорганизовать семейное предприятие.

Кадзимая к началу эпохи Мэйдзи столкнулись с серьезными финансовыми проблемами, которые были вызваны массовыми невозвратами кредитов и платежей по обязательствам, общей экономической нестабильностью. Хироока Сингоро вместе со своим младшим братом Хироока Кюэмон Масааки, ставшему к тому времени главой семьи, должны были восстановить утраченное состояние. Хироока Асако помогала привести в порядок долговые обязательства и обеспечить возврат долгов. Их общие усилия не пропали даром, хотя на исправление финансовой ситуации потребовались годы.

Тогда же в процессе совместной работы природные способности Асако к предпринимательству, ее природная хватка и интуиция стали быстро развиваться. Муж не

проявлял большого интереса к повседневным делам конторы, но он легко устанавливал контакты с людьми, что помогало семье в расширении круга знакомств и укреплении связей. Хироока Сингоро принимал активное участие в общественной жизни, он охотно представлял в различных предпринимательских организациях и возглавлял вновь создаваемых семей предприятий. Хироока Асако была доверенным лицом своего мужа и вела дела семьи, занимаясь повседневной рутинной работой.

Дочь Хироока Сингоро и Хироока Асако - Хироока Камэко родилась в 1873 году. Она стала единственным ребенком в семье. В то время дела клана Кадзимая были еще не стабильны, необходимо было искать новые возможности и направления развития, которые отвечали бы складывающейся ситуации в стране.

Асако удачно пользовалась советами и подсказками своих родственников из семьи Мицуи.

Кадзимая принимали активное участие в создании акционерной биржи в Осака, которая начала работу в 1878 г. Некоторое время Хироока Сингоро был директором и входил в руководство биржи. Тогда же председателем биржи был Ёсида Титару – известный человек в деловых кругах г.Осака, который долгое время прожил на о.Кюсю и прекрасно знал там многих людей и имел четкое представление об общей ситуации. Ёсида Титару и стал связующим звеном между Кадзимая и владельцами угольных шахт на о.Кюсю, после того как Кадзимая по инициативе Асако приняли решение о развитии нового семейного предприятия, связанного с угледобычей. Хироока Асако поняла, что уголь – важнейшее сырье, от которого зависит успех последующего промышленного развития страны и будущее благополучие ее семьи. Она активно взялась за работу.

В 1884 году Хироока Асако и Ёсида Титару создают компанию Котан сётэн как партнерскую компанию группы Мицуи, основной задачей которой была организация работы

на шахтах, увеличение добычи и продажи угля в районе месторождений угля Тикухо на о. Кюсю. Для организации этой системной работы по различным направлениям требовались большие средства, и компания занималась координацией работы между собственниками шахт и заинтересованными финансовыми группами.

В 1886 году Кадзимая покупает на имя Хироока Сингоро шахты Урунотанко, которые принадлежали Хоаси Ёсиката – одному из первых предпринимателей на о. Кюсю, занявшемуся угледобычей в 1883 году. Его шахты не были надежно оборудованы, начались обвалы креплений, утечка газа и т.д. Все это привело к сокращению добычи угля, финансовым трудностям владельца. Требовались средства на модернизацию шахт, развитие транспортной инфраструктуры и т.д.

Компания Котансётэн заключила контракт с Мицуи Буссан на поручение по организации зарубежной торговли углем, добываемого на этих шахтах⁵. Но в ходе реализации задуманного стало понятно, что транспортировка угля требует много времени и больших затрат из-за сложной системы доставки угля до порта, из которого уголь вывозился за границу, в Китай. С места добычи уголь доставлялся по реке до порта Вакамацу. Порт Вакамацу был мелким, и туда могли входить суда не большой грузоподъемности, что ограничивало объемы перевозок. В порту Вакамацу уголь перегружали и везли до порта Нагасаки, где за предстоящую торговую операцию уплачивались налоги и откуда уголь уже вывозился в Китай.

Асако начала работы по организации торговли углём через порт Модзи, но эти усилия оказались преждевременными, так как затраты были огромны и не соотносились с финансовыми возможностями и объемами экспорта угля. Нужно было собрать капитал и расширить масштабы

---

⁵ <http://kajimaya-asako.daido-life.co.jp/asako/02-02.html>

предприятия, не ограничиваться только торговлей, но и заняться добычей, транспортировкой и другими вопросами.

В 1886 году создается компания Нихон сэкитан кайся, которая является результатом слияния компании Котан сётэн и Токийского торгового общества по продаже угля (Токё сэкитан сёкай). Однако этой компании не суждено было долгое существование, через несколько лет она была распущена в связи с резким ухудшением экономического положения в стране, перепроизводством угля, резким падением спроса и снижением цен на него.

У Хироока Асако в собственности остались шахты Урунотанко, которые она использовала в качестве гарантий залога. Она не забросила эти шахты, а некоторое время спустя занялась их реорганизацией. После того, как добыча угля в шахтах достигли стабильного высокого уровня, клан Кадзимая продали их под правительственный контроль в 1899 году. Шахты стали называться Канэйсэйтэцусё футасэтанко. Они вошли в систему снабжения углем сталелитейного комплекса Яватасэйтецусё, который постоянно увеличивал производственные мощности.

Клан Кадзимая в результате многолетних усилий по урегулированию кредитных задолженностей и в связи с началом нового предпринимательства в сфере торговле углем восстановился к 1888 году. Когда деятельность, связанная с торговлей углем, пошла на спад, было принято решение об основании банка Кадзимая гинко. В 1888 году семья Хироока основывает банк Кадзимая гинко, в котором президентом банка становится Хироока Кюэмон Масааки, а Хироока Сингоро – советником. Банк начинает нанимать женщин для конторской работы и организует специальную систему подготовки банковских служащих.

Кроме того, в 1889 году было открыто прядильное предприятие Асагасаки босэки. Открытие этой компании было необходимо для деловых кругов Осака, и явилось важным этапом в становлении текстильной промышленнос-

ти Японий⁶. Первым президентом компании стал Хироока Сингоро. А в 1892 с ориентиром на хлопковое производство в регионе он инициирует создание другой текстильной компании – Нихонмэнка.

Группа Кадзимая в 1899 году покупает страховую компанию Синсюзэймэй, которая базировалась в Нагоя и оказывала финансовую поддержку семьям, пострадавшим во время войны. К тому времени Асако Хироока уже не занималась активно угольной отраслью и все ее внимание было переключено на организацию страховой деятельности. Компания оказалась в сложной финансовой ситуации, и Кадзимая приобрели ее для того, чтобы поддержать общественно значимое предпринимательство, созданное много лет назад. После приобретения, компания была переименована в Асахисэймэй и ее перевели в г. Осака.

Первоначально планировалось развивать Асахисэймэй как компанию, занимающуюся страхованием жизни, но было очень трудно изменить в соответствии с новыми требованиями, в том числе и законодательными, систему финансирования и выплат, сложившуюся в старой компании. Для изменения всей деятельности страховой компании нужны были новые возможности.

В 1902 году Асахи сэймэй сливается со страховой компанией Гококу сэймэй из г. Токио и страховой компанией Хоккайдо сэймэй. В результате формируется новая страховая компания Дайдосэймэй⁸. Первым президентом становится глава дома Кадзимая – Хироока Кюэмон Масааки. Работы по объединению компаний проводились силами

---

⁶ Таким образом было положено начало компании Unitika, известной в настоящее время как производитель различных текстильных изделий, стекла, пластмасс и изделий из углеродного волокна; подробнее см. <https://www.unitika.co.jp/company/archive/history/pdf/nichibooo.pdf>

⁷ Позднее ставшая всемирно известной компанией Нитимэн.

⁸ Подробнее см. <http://kajimaya-asako.daido-life.co.jp/>

дома Кадзимая, который становится стержнем новой компании и начинает играть в ней ведущую роль.

В то время одновременно с созданием страховой компании Хироока Асако занимается и другим очень важным делом – организацией женского университета.

Еще в 1896 году она познакомилась с Нарусэ Дзиндзо, который пришел к Хироока Асако с визитом, так как искал единомышленников и поддержки для реализации идеи о создании высшего учебного заведения для женщин в Японии. В то время он работал директором женской школы Байка Дзёгакко, проведя до этого некоторое время в Америке. Вернулся Нарусэ Дзиндзо в Японию полный идеей о создании системы образования для женщин. Он передал Асако рукопись «Женское образование» («Дзёси кёйку»), в которой изложил основные положения своего замысла. Он писал о том, что женщины не только имеют право на образование, но и, вопреки популярному тогда мнению, это не принесет обществу никакого вреда. Нарусэ верил, что именно женщинам необходимо поручить широкую миротворческую миссию. Асако хорошо помнила свои детские желания и стремления к знаниям, разочарования по поводу невозможности их реализовать, кроме того, она была недовольна в целом положением женщин в то время, и была рада встречи с Нарусэ Дзиндзо. Асако внимательно прочитала его предложения и начала обдумывать способы сбора средств и организации фонда на создание женского университета. Огромную помощь Асако получила от семьи Мицуи, которая в 1900 году передала ей в пользование на цели создания университета участок земли в Токио. В результате широкой поддержки уже в 1901 году удалось открыть женский университет Нихон дзёси дайгакко⁹. Нарусэ Дзиндзо

---

⁹ Сегодня Нихон дзёси дайгаку – одно из лучших высших учебных заведений Японии и крупнейший среди женских университетов страны. Подробнее см. <http://www.jwu.ac.jp/st/120th/>

стал президентом университета и посвятил ему всю свою жизнь.

Поздние годы жизни (1904-1919)

В 1904 году скончался муж Хироока Сингоро. Хироока Асако осталась одна и передала все дела мужу дочери – Хироока Кэйдзо.

Хироока Камэко познакомилась со своим будущим мужем Хитоцуянаги Кэйдзо¹⁰ – сыном виконта Хитоцуянаги во время учебы в Киото в высшей женской школе Кётофукотодзёгакко. Тогда он был студентом Токётэйкоку дайгаку. В 1901 году они поженились. Хитоцуянаги Кэйдзо вошел в семью Хироока как преемник и наследник, приняв фамилию Хироока. В дальнейшем Хироока Кэйдзо стал во главе банка Кадзимая и был назначен вторым президентом страховой компании Дайдосэймэй.

Хироока Асако занялась общественной деятельностью, вошла в состав женских организаций различной направленности. Она часто бывала в университете, работала со студентками, читала лекции, организовала университетскую газету, фонд поддержки Ассоциации выпускниц женского университета.

Хироока Асако много писала для популярных журналов и подписывала свои работы словами «Девять раз упасть, десять раз подняться» («Кютэндзикки») – словами, которые стали ее жизненным кредо и литературным псевдонимом. Писала она на самые разные темы: о семье, о браке, о женском образовании и воспитании. Не обошла Асако

---

¹⁰ Его сестра Хитоцуянаги Макико была близко знакома с семьей Хироока Асако, часто у них гостила. Однажды познакомилась с Уильямом Мерреллом Ворисом – архитектором, который выполнял очень многие проекты по строительству в Японии, в том числе и заказы Хироока Асако. Преодолевая негативную реакцию общества на их взаимоотношения, Хитоцуянаги Макико и Уильям Меррелл Ворис поженились в 1917 году. Уильям через некоторое время после женитьбы принял фамилию своей жены и получил имя Хитоцуянаги Меррелл.

стороной и вопросы моды и европейской одежды, в которых она знала толк и хорошо разбиралась¹¹.

Сохранились фотографии Хироока Асако разного периода, что позволяет дать некоторые оценки ее стилю одежды и отметить, что в повседневной суете она не забывала о своем внешнем виде. На фото Хироока Асако предстает одетой как в традиционную одежду, так и в европейский модный костюм. Хироока Асако через стиль одежды как бы утверждала свои взгляды на новое место женщины. Она предпочитала западную одежду, которая в большей степени соответствовала ее активной жизненной позиции и деятельности. Хироока Асако отдавала предпочтение скорее английскому стилю, отличавшемуся большей функциональностью, демократичностью, скромностью в формах и используемых тканях. В соответствии с требованиями строгой викторианской морали, одежда полностью закрывает тело, оставляя свободным только лицо, обрамленное модной прической. При этом ей свойственно определено кокетство в выборе моделей шляпок и причесок. На фотографиях видно, что она следила за веяниями моды. По мере знакомства с западной культурой Хирооко Асако все больше проникалась особенностями европейской моды, хотя и не следовала всем ее капризам. Если на первых фотографиях она несколько неуютно и скованно чувствует себя в непривычном жёстком костюме, то уже в белом летнем платьях начала XX века она выглядит настоящей европейкой, элегантной и стильной. Очевидно, что для нее европейский модный костюм – это не символ статуса и богатства, а своеобразный способ заявить о своей роли и месте в обществе.

В 1911 году Хироока Асако приняла христианство и энергично включилась в миссионерскую работу. Она стала

---

¹¹ Хироока Асако. Тэттэй гайдо. Отэнбомусумэ но кютэндзикки но сёгай. (Хироока Асако. Подробный путеводитель), Токио. Сюфу то сэйкацуся, 2015. С. 66-69, 82-84.

активным руководителем Осацкого отделения Ассоциации молодых христианок Японии¹².

Даже после создания университета для женщин Хироока Асако не потеряла интереса к женскому образованию. В 1914 году Асако на своей вилле в Готэмба организовала регулярный женский образовательный семинар. Среди участниц семинара были Итикава Фусаэ¹³, Мураока Ханako¹⁴ и другие незаурядные женщины своего времени.

В более поздние годы Хироока Асако много времени проводила в своем доме в Токио. Этот величественный особняк в Азабу был спроектирован и построен для нее Уильямом Мерреллом Ворисом. Хироока Асако скончалась у себя дома в 1919 г.

---

¹² Ассоциация молодых христианок Японии – The Young Women's Christian Association of Japan (YWCA).

¹³ Итикава Фусаэ – феминистка, политик и лидер движения за избирательные права женщин в Японии, неоднократно избиралась депутатом парламента.

¹⁴ Мураока Ханako – известная в Японии переводчица с английского языка.

ГЛАВА 4

Литература Японии сквозь призму Мэйдзи-исин

Произведения гэсаку и литература периода Мэйдзи: разрыв или преемственность традиции? (на примере жанра коккэйбон)¹

К сегодняшнему моменту многое уже было сказано о том, насколько велико было значение для различных сфер японского общества событий *Мэйдзи-исин* 明治維新 (1867-1868), ставших в истории страны настоящим водоразделом. Однако в то же время многие специалисты сейчас упоминают о том, что абсолютизировать и переоценивать до крайней степени переломность *Мэйдзи-исин* в корне неверно, замечая, что истоки большого количества тенденций, реализовавшихся после 1867-1868 гг., были заложены еще в эпоху Токугава (1603-1867). Преемственные связи двух эпох на поверку оказались настолько глубокими, что в исследованиях, посвященных переходному периоду между Токугава и Мэйдзи, появляется и такой термин, как «долгий девятнадцатый век»², в корне несовпадающий с идеей скачкообразного переустройства всех сфер жизни японского общества в соответствии с западными идеалами. Несомненно, однако, что в ходе преобразований Мэйдзи во многом доминировала точка зрения о том, что уклад предшествующей эпохи чересчур архаичен и консервативен, поэтому должен быть уничтожен и полностью заменен новым

---

¹ Статья написана при поддержке Гранта для молодых исследователей в рамках программы Японо-Российского молодежного обмена (JREX Fellowship).

² Koselleck R. Representation, Event, and Structure // *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*, trans. by Keith Tribe. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. P. 113, quoted in Walker J. A. *The True History of the Nineteenth-Century Japanese Novel // Modern Philology*, v. 106, No. 1. The University of Chicago Press, 2008. P. 128.

миропорядком по прогрессивному западному образцу. При этом интересно отметить, что сами реформаторы, выразители новых идей, являлись одновременно и носителями «старой», традиционной культуры, следы которой часто явственно прослеживались в их деятельности.

Такое положение дел было характерно и для развития литературного процесса в Японии того времени. Произведения предшествующего периода подвергались критике, повсеместно писатели и теоретики литературы высказывались о необходимости пересмотра литературного языка и канона. Ситуацию здесь усугублял тот факт, что огромный пласт литературы эпохи Эдо, развлекательные прозаические произведения *зэсаку* 戯作, и до периода Мэйдзи (1868-1911) рассматривался как низкокачественная беллетристика, с которой, безусловно, «новая» литература должна была порвать раз и навсегда. В последующем и многие из тех специалистов, кто занимался исследованиями в данной сфере, продолжили данную линию восприятия литературы конца эпохи Токугава лишь как «вульгарной, безвкусной, скудной по содержанию»³ прозы, требовавшей коренного преобразования. Тем не менее, в последнее время среди литературоведов все чаще звучит мнение о том, что именно писатели периода Токугава, и, в частности, авторы-*зэсакуся* 戯作者, начали процесс преобразования японской литературы, достигший апофеоза в дискуссиях, теориях и литературных реформах эпохи Мэйдзи. Конкретные творческие разработки этих писателей заложили своеобразный фундамент, на которой накладывались затем и новейшие изыскания, равно как и западные заимствования. В данной статье будет рассмотрено положение в японской литературе начального этапа периода Мэйдзи одного из наиболее популярных и

---

³ Sansom G.B. The Western World and Japan. London: The Cresset Press, 1950. P.216-217, quoted in Kornicki P. F. The Survival of Tokugawa Fiction in The Meiji Period // Harvard Journal of Asiatic Studies, v.41, No.2. Harvard-Yenching Institute, 1981. P. 465.

влиятельных жанров *гэсаку*, *коккэйбон* (яп. 滑稽本, «забавные книги»), а также его вклад в процесс трансформации прозаической литературы в период Мэйдзи.

В противовес тезису о резком переходе с наступлением эпохи Мэйдзи от устаревшей и «низкой» прозы периода Токугава к принципиально «новой» литературе можно, для начала, привести хотя бы тот факт, что события *Мэйдзи-исин* вовсе не ознаменовали полного прекращения публикации произведений *гэсаку*, как классических, так и более современных. Что касается конкретно *коккэйбон*, П. Корницки отмечает, что в период с 1881 по 1889 вышло по меньшей мере семнадцать переизданий «Тōкайдō тō хидзакуригэ» (яп. 東海道中膝栗毛, «На своих двоих по тракту Тōкайдō», далее – «Хидзакуригэ», 1802-1809) Дзиппэнся Иккү 十返舎一九 (1765-1831), в последующие же двадцать три года произведение переиздавалось еще десять раз⁴. Кроме того, выходили и новые издания других произведений Иккү, а также работ Сикитэй Самба 式亭三馬 (1775-1822), Рјотэй Ридзэ 滝亭鯉丈 (?-1841) и прочих представителей жанра *коккэйбон*. Примечательно, что популярны произведения *гэсаку* в целом и «забавные книги» в частности были не только в среде простых горожан – многие представители образованной элиты, деятели искусства, ученые так или иначе выражали свою привязанность к развлекательной беллетристике. Они упоминают об этом в своих дневниках и заметках, в беседах и переписке с журналистами, заполняя опросники о любимых писателях и произведениях. В серии вышедших в 1889 г. статей «Сёмоку дзиссю» (яп. 書目十種, «Список из десяти книг») газеты «Кокумин-но томо» 國民之友, где респондентам предлагалось составить свои списки любимых книг, многие из опрошенных наряду с западной литературой включили в свои рейтинги и произведения *гэсаку*, при этом работы авторов-современников,

⁴ Kornicki P. F. Op. cit. P. 472.

представителей «новой» мэйдзийской литературы встречались в этих списках довольно редко⁵. Заметим, что «забавные книги» Икку, Самба и Рёутэй Ридзё присутствовали в большинстве списков «Сёмоку дзиссю».

Помимо классических «забавных книг» конца Токугава, в период Мэйдзи публикуется и ряд произведений нового поколения писателей *коккэйбон*. Наиболее выдающимся из них был, несомненно, Канагаки Робун 仮名垣魯文 (1829-1894), которому удалось органично соединить лучшие традиции *коккэйбон* Икку и Самба с более современными тенденциями в своих работах «Агура набэ» (яп. 安愚楽鍋, «Сидя перед сковородой, скрестив ноги», 1871-1872), «Коккэй Фудзи мōдэ» (яп. 滑稽富士詣, «Забавное восхождение на Фудзи», 1860) и «Сэйёдōтё хидзакуруигэ» (яп. 西洋道中膝栗毛, «На своих двоих на Запад», 1870-1876).

Итак, в первые десятилетия эпохи Мэйдзи произведения *коккэйбон* все еще составляли довольно значительный пласт произведений популярной литературы, существовавший отнюдь не изолированно и имевший равно как вес в читательской среде, так и влияние на «новых» писателей, принадлежавших к тому же кругу читателей *гэсаку*, хоть и пытавшихся при этом всеми силами отрицать свою связь с литературой предшествовавшего периода. Такой дуализм ярко проявился, например, в творчестве Цубоути Сёё 坪内逍遙 (1859-1935), который резко критикует беллетристику эпохи Токугава в теоретическом трактате «Сёсэцу синдзуй» (яп. 小説神髓, «Сущность романа», 1885), но, одновременно, на практике, в своем произведении «Тōсэй сёсэй катаги» (яп. 当世書生氣質, «Нравы студентов нашего времени», 1885) по сути остается в рамках традиции классического *коккэйбон*⁶.

⁵ Kornicki P. F. Op. cit. P. 478.

⁶ Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. С.312.

Прежде всего, ранние работы писателей периода Мэйдзи обнаруживают прочную связь с произведениями *гэсаку*, в том числе с «забавными книгами» *коккэйбон*, с точки зрения использованного в них языка. Необходимость решения проблемы *гэмбун итти* 言文一致, унификации к тому моменту довольно далеко ушедших друг от друга устной речи и классического литературного языка, активно продвигавшаяся идеологами преобразований в сфере литературы, на деле оказалась уже достаточно разработанной и *гэсакуся*, достигшими к концу эпохи Эдо немалых успехов в данном вопросе. Авторы произведений *коккэйбон*, строившихся в форме диалога и репрезентирующих многочисленных персонажей лишь через их «голоса» – особенности речи, демонстрировали особенно высокое мастерство в имитации на письме живого разговорного языка. Традиция воспроизведения в литературе *гэсаку* диалогов, максимально приближенных к реальной устной речи, ведущая свое начало еще от «повестей о веселых кварталах» *сярэбон* 洒落本 конца XVIII в., доходит до пика своего развития в творчестве Сикитэй Самба, которому удалось как реализовать в своих произведениях технические находки в области имитации разговорной речи, например, ввести на письме новые знаки для воспроизведения нестандартных звуков, так и достичь довольно глубокого психологизма в характеристике своих персонажей через их реплики. Тот же эффект наблюдается и у Дзиппэнся Икку, который одной-двумя фразами мастерски рисует яркие и узнаваемые образы на страницах «Хидзакуригэ». Особенно удачно, по мнению многих литературоведов, Икку и Самба изображали расхождения в речи носителей различных японских диалектов. Противопоставление говора жителей Эдо и провинциалов становится в их произведениях как постоянным комическим приемом, так и средством репрезентации многообразия жизни регионов Японии, их традиций и особенностей. Интересно отметить, что и немногочисленные авторские ремарки, которыми перемежаются диалоги в *коккэйбон*, изложены довольно

близким к разговорной речи, понятным широкому кругу читателей языком. Таким образом, тезисы *гэмбун итти* должны быть, скорее, рассмотрены не как призыв к реформированию безнадежно устаревшего, далеко ушедшего от реально функционировавшей живой речи письменного стиля, но как стремление к «прозрачности» нового литературного языка в противопоставление искусственно усложненным текстам *гэсаку*, наполненным многочисленными аллюзиями, языковыми играми, вписанными в смысловое поле иллюстрациями, однако, при всем этом, уже сделавшим довольно большой шаг к сближению письменной и разговорной речи⁷.

Язык прозаических произведений в начале периода Мэйдзи оказался далеко не единственной сферой, испытавшей влияние литературы предшествовавшей эпохи. Так, например, не меньше взаимосвязей обнаруживается между ранними работами авторов Мэйдзи и представителей *коккэйбон* в плане их сюжетного построения. Классические *коккэйбон* Икку и Самба обычно представляют собой некоторое количество довольно самостоятельных фрагментов, объединенных либо общими персонажами и мотивом (как, например, части «Хидзакуруигэ» сцеплены воедино посредством фигур протагонистов Ядзи и Кита, а также стержневым мотивом их путешествия из Эдо на запад по тракту Тōкайдō), либо местом действия (баня в «Укиёбуро» (яп. 浮世風呂, «Современная баня», 1809-1813) и парикмахерская в «Укиёдоко» (яп. 浮世床, «Современная цирюльня», 1813-1814) Сикитэй Самба). Как уже упоминалось выше, данные фрагменты по существу представляют собой диалоги многочисленных персонажей, в ходе которых возникают разнообразные комичные ситуации, при этом

⁷ Hedberg W.C. A review of “A Heteroglossic Theory of Proto-Genbun Itchi in Edo and Early Meiji Writings” by Hansen K.J., University of Hawaii, 2009, 275 p. (an unpublished PhD dissertation). Доступно: <http://dissertationreviews.org/archives/2719> (дата доступа: 16.11.17).

квинтэссенцию произведений составляли не только забавные и нелепые юмористические сцены, но и максимально реалистичное, подробное изображение бытовой жизни и нравов современной авторам эпохи. Дзипшэнся Икку на страницах «Хидзакуригэ» воссоздает глазами главных героев-путешественников масштабную картину японской провинции, населенную огромным количеством уникальных персонажей и полную тонко подмеченных особенностей их жизни. В «Укиёбуро» и «Укиёдоко» Сикитэй Самба воссоздает в «идеальных» пространствах абстрактной городской бани и парикмахерской «вселенную Эдо в миниатюре», представляя в своих произведениях хоть и слегка идеализированную, но, в целом, весьма реалистичную и довольно серьезно проработанную психологически картину нравов тогдашних столичных жителей среднего достатка. Произведения *коккэйбон* часто критикуются за отсутствие глубины, будучи рассмотрены исключительно как фарс, развлекательный смех, однако, с другой стороны, ряд специалистов небезосновательно говорит о том, что в легком юморе *коккэйбон* наблюдаются черты жесткой сатиры, тогда как фиксация картины нравов в «забавных книгах» представляет собой не просто «фотографирование» действительности, но и до некоторой степени ее анализ, выражаемый, впрочем, не напрямую, но посредством «голосов» персонажей. Такой подход нередко встречался и в ранних работах писателей периода Мэйдзи. Так, Т.П. Григорьева в своем исследовании «Японская художественная традиция» в качестве примера приводит уже упоминавшееся выше произведение Цубоути Сёё «Тёсэй сёсэй катаги», отмечая, что как по содержанию (описание жизни и изображение характерных типов столичных студентов в юмористическом ключе), так и по структуре своей (отдельные, довольно независимые эпизоды), оно все еще находится в контексте «забавных книг» эпохи Токугава,

что, надо заметить, обеспечило ему популярность среди читателей⁸.

Наконец, необходимо пусть коротко, но все же упомянуть еще и о таких факторах, как отношение к писательскому труду и представление о роли прозаической литературы в Токугава и Мэйдзи. Безусловно, положение художественной прозы, которая, в особенности к концу периода Токугава, воспринималась, по большей части как литература «низшего» сорта, претерпело со сменой эпох довольно кардинальные изменения. И тем не менее, представляется, что не стоит абсолютизировать шаткость позиций *гэсаку* и легкомысленность самих *гэсакуся* по отношению к своему творчеству. В самом начале развития развлекательной беллетристики *гэсаку* действительно имели место подобные тенденции – такие сочинения часто создавались учеными и философами в качестве хобби, при этом позиция автора была в основном весьма отстраненной – в рамках базового художественного метода *угати 穿ち* («демонстрация недостатков») *гэсакуся* в произведениях выступали лишь в роли наблюдателя, всячески подчеркивая при этом «несерьезный», игровой характер своих сочинений. Однако уже к началу XIX в. *гэсакуся* становятся настоящими профессиональными литераторами, предвосхищая бум популярности писательской карьеры в период Мэйдзи. Представители *коккэйбон* также немало отличились в этом вопросе. Дзипэнся Икку был одним из наиболее крупных профессиональных писателей своего времени, а его главный труд «Хидзакуригэ», снискавший огромную популярность у читателей и сформировавший вокруг себя целый пласт сопутствующих культурных явлений, стал первым в потоке литературы *гэсаку* бестселлером такого внушительного объема. Можно сказать, что «Хидзакуригэ» и другие, подобные ему произведения литературы *гэсаку*, вышедшие в свет по частям и пользовавшиеся большой популярностью у

---

⁸ Григорьева Т.П. Указ. соч. С.312–315.

публики, требовавшей продолжения приключений полюбившихся героев, в некоторой степени заложили и традицию публиковавшихся в газетах периода Мэйдзи *цудзуки-моно* 続き物, повестей и романов с продолжением⁹. Писательская карьера Сикитэй Самба выглядит ничуть не менее примечательной. Говоря о Самба, важно упомянуть еще и тот факт, что он в своих произведениях отрицает всеобъемлюще «несерьезный», фарсовый характер *коккэйбон*, доказывая, что «забавные книги» могут не только развлечь читателя, но и преподать ему в шуточной форме те или иные уроки морали и нравственности. Так, он, например, пишет об этом в предисловии ко второй части «Укиёбуро», посвященной женской бане: «Предлагаемое вам повествование о женских банях – произведение, изначально задуманное как юмористическое. И если читать внимательно, то можно легко почувствовать его сладость – а вместе с этим само собой должно прийти и понимание того, как различить добро и зло, правду и неправду. Как говорится в одной поговорке, глядя на других, можно и себя изменить к лучшему, поэтому и моя книга, несомненно, должна стать для читателя кратчайшей дорогой к учению. Даже молодежь, которая обычно глуха к увещаниям взрослых, естественным образом проявляет интерес к наставлениям, написанным в юмористической форме. И если люди будут внимательно и с наслаждением читать и такие, пустяковые, на первый взгляд, шуточные произведения, то они осознают, что и в малом непременно таится великое»¹⁰. Таковы были осуществлённые

⁹ Мацубара Макото 松原真. Дзию минкэн ундō то гэсакуся: «Дзиютō дзидай» ни окэру Ватанабэ Бункё то Нодзаки Сабун то но хикаку кара 自由民権運動と戯作者: 「自由党時代」における渡辺文京と野崎左文との比較から (Движение за свободу и народные права и гэсакуся: на основании сравнения деятельности Ватанабэ Бункё и Нодзаки Сабун в «эпоху Либеральной партии») // Japanese Literature, v. 58. Japanese Literature Association, 2009. P. 43 – 44.

¹⁰ Сикитэй Самба 式亭三馬. Укиёбуро 浮世風呂 (Современные бани). Серия «Японская классическая литература», том 63. Токио: «Иванами сётэн» 岩波書店, 1957. С. 111.

еще в рамках литературы *гэсаку* первые шаги к изменению взгляда на художественную прозу.

Таким образом, говоря о процессах преобразования, затронувших художественную прозу в период Мэйдзи, стоит, скорее, рассматривать их в ключе преемственности литературы двух эпох, нежели как радикальный, бесповоротный отказ от всего им предшествовавшего. Здесь нужно заметить, что, безусловно, в основной своей массе литература *гэсаку* действительно представляла собой довольно посредственную, не обладавшую особой художественной ценностью беллетристику, авторы которой были нацелены, прежде всего, на коммерческий успех. Тем не менее, общие тенденции развития, заданные литературой *гэсаку*, и, в частности, произведениями жанра *коккэйбон*, а также уникальные творческие находки наиболее талантливых авторов, несомненно, обнаруживаются и в работах нового поколения авторов эпохи Мэйдзи, что, в свою очередь, указывает на необходимость всестороннего изучения развлекательной прозы периода Токугава, все еще недостаточно исследованной в российском японоведении.

**Творчество драматурга Каватакэ Мокуами
как новый этап
в истории традиционного театра Кабуки**

Выдающийся драматург Кабуки, творчество которого приходится на переломное время – Каватакэ Мокуами. Цубоути Сёё (1859-1935), известный литератор и переводчик Шекспира, так говорил о Каватакэ Мокуами: «Он был поистине величайшим оптовым поставщиком для эдоского театра, этой Западной Римской Империи художественной литературы периода Токугава (другое название – Эдо). По своему значению его творчество можно приравнять к нескольким векам в развитии литературы».

Родился будущий драматург (настоящее имя – Ёсимура Ёсисабуро) в 1816 г. в Эдо, в районе Нихонбаси, и к 17 годам поступил на службу в книжный магазин в качестве посыльного, где у него и появилась непреодолимая тяга к знаниям; возможно, он читал всё, что «попадалось ему под руку»; был знаком с людьми из района *Ситамати* («нижний город, сосредоточение театров в Эдо), и, вероятно, у него была возможность общения с актерами. Он проявил свой талант в создании песен развлекательного характера *кёка*, фарсов *тябан*, и комических трёхтемных рассказов *сандай банаси*, посещал также и занятия по национальному танцу.

В 1835 г. Каватакэ Мокуами стал учеником драматурга Цуруя Намбоку Пятого под именем Кабу Кэндзо в театре «Итимурадза». Однако ему на некоторое время пришлось оставить театр из-за семейных проблем, но потом он смог вернуться и работать в театре «Каварадзакидза», где сначала служил театральным инспектором, скорее всего – работником сцены, и только в 1843 г. стал ведущим драматургом и принял имя Каватакэ Синсити, а в 1880 г. сменил имя на Каватакэ Мокуами. Должность старшего драматурга он получил, когда ему было уже сорок лет, став одним из крупнейших драматургов периода Мэйдзи (1868-1912). Подлинный успех пришел в 1854 г. благодаря пьесе «Синобу

но Сода» («*Миякодори нагарэ но сиранами*»)¹, созданная специально для актера Итикава Кодандзи Четвертого (1812-1866), для которого впоследствии драматург написал ряд пьес в жанре *сиранами-моно* (пьесы о разбойниках, грабителях).

В течение периода Мэйдзи Каватакэ Мокуами создаёт *дзидай-моно* (исторические пьесы), *сэва-моно* (бытовые пьесы, изображавшие обычную жизнь граждан эпохи Эдо), а также пишет танцевальные пьесы *мацубамэ-моно*. Каждая из этих драматических категорий занимает важное место в театральной истории Японии. Каватакэ Мокуами был лучшим драматургом в бытовых пьесах *сэва-моно*, ярко демонстрирующий упадок эпохи Эдо, написанные в ритме 7-5 слогов (*сити-го-тё*). Это специфическая особенность его стиля; он также возродил традицию *гидаю* (певец-сказитель) и *киёмото* (музыка для сямисэна), чем отличился от своего предшественника, Цуруя Намбоку Пятого.

Героями у Каватакэ Мокуами стали люди «сегодняшнего дня»: грабители, воры и мошенники, посетители веселых кварталов, куртизанки, опустившиеся самураи. Очень часто исследователи японского театра называют Каватакэ Мокуами «драматургом грабителей», «певцом воров».

Периодизация творчества

Каватакэ Тоси, известный театровед и внук драматурга, разделил всё творчество Каватакэ Мокуами на четыре периода.

---

¹ Перед тем как приступить к рассмотрению пьес Каватакэ Мокуами, считаю принципиально важным коснуться вопроса филологического характера относительно перевода названий пьес на иностранные языки. Стоит отметить, что названия пьес трудно, а подчас практически неприводимы. Западные театроведы предпринимали такую попытку, в некоторых случаях это удавалось, и их переводы официально закрепились в истории театра. Названия пьес носят достаточно образный, ассоциативный характер, наводящий на определенные размышления, содержат информацию художественно-литературного характера, связанную со средневековой феодальной традицией. Но в данной работе предпринята попытка перевода на русский язык некоторых названий пьес.

Начальный этап: постижение театра

На протяжении первого периода (1835-1854) драматург постигал жизнь театра. Одним из незабываемых моментов было его сотрудничество с Итикава Данзуро Девятым в качестве *кокэн* (помощник актера на сцене, носит одежду, украшенную фамильным гербом своего актера) на премьере спектакля «*Кандзинтё*» («Подписной лист») и его работа была высоко оценена самим актером. Также в это время в нем проявляется талант в создании эскизов, которые используются для *камбан* (вывески – афишы).

Расцвет творчества:

освоение жанров сиранами-моно и кидзэва-моно

В течение второго периода (1854-1866) Каватакэ Мокуами работал с одним из прославленных актеров Кабуки Итикава Кодандзи Четвертым, создав большое количество пьес *сиранами-моно* и *кидзэва-моно* (пьесы о жизни воров и мошенников) вплоть до конца жизни актера. Многие театроведы отмечают, что после смерти этого актера театр Кабуки пришел в упадок, особенно в ранние годы Мэйдзи. Гундзи Масакацу, профессор-театровед, считает, что пьесы Мокуами и исполнительская техника знаменитого Итикава Кодандзи Четвертого воплощают характерную особенность Кабуки в последние годы бакуфу.

К этому периоду относятся такие пьесы, как «*Миякодори нагарэ но сиранами*» известна как: «Синобу но Сода», «*Цута момидзи Уцуноя Тогэ*» (1865 г.) или «*Бунякороси*», «*Амимоё Таро но кикикири*» или «*Кодзару Ситиносукэ*» (1857 г.), «*Косодэ Сога Адзими но иронуй*» или «*Идзаёй Сэйсин*» (1859 г.), «*Санин Китиса курува но хацугай*» (1860 г.), «*Хатиман мацури ёмия но нигивай*» или «*Тидзимия Синсукэ*» (также 1860 г.), «*Кандзэн тёёаку нодзоки гаракуруи*» или «*Мураитёан*» (1862 г.), «*Сога Моё*

отокодате госёдзомэ», «Фунэ э утикому хасима но сиранами» и другие.

Итикава Кодандзи Четвертый (1812-1866) был выходцем из простой семьи (его отец был продавцом фейерверков при театре «Имимурадза») впоследствии став учеником Итикава Дандзюро Восьмого в 1821 г. Итикава Кодандзи Четвертый смог внести в эдоский Кабуки реалистическое отображение действительности (т.е. характерной для него естественной манере игры), ввиду того, что юношеские годы провел в районе Камигата (Осака-Киото). Работая над созданием пьесы «*Синобу но Сода*» (или «*Миякодори нагарэ но сиранами*»), драматург трижды переписывал сюжет, для того, чтобы всё понравилось актеру, и он смог бы наиболее ярко проявить свой талант исполнителя. Каватакэ Мокуами всегда утверждал, что драматург должен быть внимателен к актеру, зрителю и к руководителю труппы.

В пьесу «*Синобу но Сода*» было включено множество сцен убийств, которые блестяще удавались актеру. Именно в этой пьесе Каватакэ Мокуами впервые применил мелодии для кукольного театра – что было новшеством для Кабуки.

Хотя актер и не отличался привлекательной внешностью, великолепным голосом, он принадлежал к одним из лучших *татайку* (актеры на главные мужские роли) XIX века. Он был превосходен в *хаягавари* (быстрая смена костюма и грима), был первооткрывателем в *кэрэн* (общий термин, использующийся для сценических трюков), например, в таких как, как эффектный *тюнори* (полет над зрителями). В 1856 г. Итикава Кодандзи Четвертый выступил на сцене театра «Итимурадза», где состоялась премьера спектакля «*Уцуноя Тогэ*» или «*Цута момидзи Уцуноя Тогэ*». Актер играл сразу в двух ролях: Бунъя, слепого массажиста, пытающегося получить лицензию на свою деятельность, используя деньги сестры, и вора Нидза, который становится свидетелем убийства массажиста. Несмотря на то, что в

пьесе Кабуки актер играет только одну роль, это не всегда строгое правило.

Также Каватакэ Мокуами для Итикава Кодандзи Четвертого создал пьесы «*Нэдзуми Кодзо*» («Мальчик-крыса», 1857) или «*Нэдзумико монхару но сингата*», «*Издаёи Сэйсин*» («Любовь Идзаёи и Сэйсин», 1859) и «*Саннин Китиса*» («Три человека по имени Китиса», 1860) или «*Саннин Китиса курувано хацугай*». Эти пьесы преимущественно принадлежат к категории *сэва-моно* или *кидзэвамоно*. Что же они из себя представляют? Если посмотреть на иероглифы, то «*ки*» означает «чистый», «настоящий», «без примеси», и в сочетании с «*сэва-моно*» - означает «реалистическая жизненная драма» в отличие от «*сэва-моно*» (просто «бытовая драма»). Этот термин *кидзэва-моно* японские театроведы стали применять к «бытовым драмам» в последние годы эпохи Мэйдзи. В подобных пьесах рассмотрен низший класс эдоского общества с его нравами: мошенники, проститутки, ронины, воровские банды, опустившиеся на самое дно люди. Отверженные, совершая преступления, или погибают или попадают за решетку. Мосты над рекой *Сумидагава* (главная водная артерия Токио), а их более пятнадцати, а также рынки, балаганы, закусовые, чайные домики являются основным местом действия подобных пьес. Такие пьесы интересны тем, что в них представлена вся напряженность социальных разногласий эпохи, написанные в реалистическом стиле. Знаковые фигуры этих пьес – обедневшие самураи, совершали преступление за преступлением разной степени тяжести и попадали в руки властей. Герой-разбойник – любимый персонаж драматурга, восстающий против социальных норм общества. Нередко Каватакэ Мокуами идеализирует своих героев, подчеркивая душевное благородство. Таков, например, Нэдзуми Кодзо из одноименной пьесы, который грабит богатых, дабы помочь бедным. Драматург любил описывать ночную жизнь низших слоев общества, показывая их борьбу против несправед-

ливости и притеснений, отражая современную ему жизнь со всей её жестокостью и нищетой.

Формирование этого типа пьес в определенную категорию приходится на конец эпохи Эдо. Основное внимание было уделено разнообразию персонажей, эффективным сценам; изображались пытки, вымогательства, эротизм, проституция. Несмотря на эти новые темы в драматургии Кабуки, пьесы Каватакэ Мокуами всё еще оставались в рамках традиций эдоского театра: драматург не ставил перед собой задачи осмеяния пороков общества конца периода Токугава.

В этих пьесах мы видим отношение Каватакэ Мокуами к брэнному миру – деньгам, славе, женщинам; драматург ярко показывает свободу действий своих героев. Грабители всегда раскаиваются в конце повествования. Например, в пьесе «Идзаёи Сэйсин», когда главный герой Сэйсин узнает, что молодой человек, которого он ограбил и убил, есть младший брат его возлюбленной Идзаёй, то он совершает суицид.

В этот же, второй период, а именно в 1862 г. Каватакэ Мокуами создал специально для Оноэ Кикуро Пятого (1844-1903) (ранее известен как Имитура Удзаэмон Тринадцатый) пьесу «Атодзи Хана но нисики-э» («Сиранами гонин отоко»), более известна как «Бэнтэн Кодзо» («Пять разбойников»).

Это типичный образец драматургического гения Каватакэ Мокуами, где реалистическое изображение плебейской жизни дано в сценах описания обмана и плутовства. Некоторые герои немного похожи на Робин Гуда. Например, Ниппон Даэмон, предводитель банды воров, говорит, что он грабил и воровал, но не делал это безжалостно. Эти персонажи живут вне закона, соблюдая при этом свой кодекс чести. Зрители не испытывают к ним чувство ненависти, поскольку они – их современники – городские жители, соседи. Пьеса «Бэнтэн Кодзо» впервые

была поставлена в 1862 г. на сцене «Итимурадза». Интересна тем, что включает сразу несколько категорий пьес театра Кабуки. Например, первая сцена «*Хамамацуя*» – это *сэва-моно*, однако некоторые японские и зарубежные критики считают, что это *кидзэва-моно* из-за описания героев, принадлежащих низшему классу. «*Хамамацуя*» также известна как яркий пример *юрусиба* («сцена шантажа»). Следующая – «*Инасэгава*» отличается от *юрусиба*, тем, что играется в более формалистической манере *дзидай-моно*. Здесь представляется интересным *татимавари* («сцена сражения»). «*Хамаматцуя*» и «*Инасэгава*» являются наиболее популярными и часто появляются в репертуаре театра. Две пьесы «*Бэнтэн Кодзо*» и «*Саннин Китиса*» являются самыми характерными во второй период его творчества; в них правдиво отражены изменяющиеся времена.

Актер Оноэ Кикугоро Пятый особенно блистал в бытовых пьесах: был великолепным актером в реалистических драмах, изображавших обычную жизнь. Он сделал попытку осовременить сюжеты пьес Каватакэ Мокуами через новое видение актерской игры, технику исполнения, модуляцию голоса.

Кацурэки-моно и дзангири-моно, новые актеры и новые течения

Третий период творчества Каватакэ Мокуами продолжался 15 лет (1866-1881), начиная со смерти Итикава Кодандзи Четвертого. Каватакэ Мокуами пытался внести дух эдоского Кабуки в новый век, создавая пьесы категории *кацурэки-моно* (пьесы живой истории или новые исторические пьесы). *Кацурэки* — это движение за реформы театра, которое нашло своё отражение и в драматургии Кабуки периода Мэйдзи. Они были популярны в течение эпохи Эдо, но только в исполнении актера Итикава Дандзюро Девятого. Эти пьесы вызывали наибольший интерес у интеллигенции, но простая публика достаточно быстро потеряла к ним интерес. К этому времени относят пьесу: «*Момояма моногатари*» или «*Дзохо*

Момояма моногатари» (1869), написанную специально для Итикава Дандзюро Девятого и пьесу «*Сакай но тайко*» (1873). Внешне современные, пьесы *кацурэки-моно* по сути своей первое время оставались всё еще пока прежними *дзангири-моно*. Многие из японских и западных театроведов отмечают слабую драматургию этих пьес, где нередко акцент делался на диалог, который не имел, однако большой важности. В них было заметно отрицание традиционных форм Кабуки – цвета, музыки и действия.

После смерти Итикава Кодандзи Четвертого и с наступлением периода Мэйдзи Каватакэ Мокуами стал работать с непревзойденным актером Итикава Дандзюро Девятым (1838-1859). В 1859 г. в качестве премьерным спектаклем в театре «Итимурадза» дали пьесу «*Идзаёи Сэсин*» («*Косодэ Сога Адзами но иноруй*»).

Итикава Дандзюро Девятый был светочем Кабуки на протяжении периода Мэйдзи. Его творчество явилось связующим звеном между традициями прошлого и изменяющимся современным миром.

Этот актер высоко ценил формальный стиль школы Итикава, но старался избегать подобных приемов, и со свойственным ему энтузиазмом взялся за роли в новых пьесах *кацурэки-моно*. Каватакэ Мокуами в специально созданных для этого актера пьесах, основанных на тщательных исторических исследованиях, изобразил своих героев с точностью до мельчайших подробностей. Итикава Дандзюро Девятый считал неосновательными пьесы *дзидай-моно* и в начале периода Мэйдзи пытался преподнести публике их в лучшем виде в соответствии с историческими фактами.

Итикава Дандзюро Девятый был одним из самым талантливых актеров за всю историю Кабуки. Кабураги Киётака, один из ведущих художников Токио того времени, так описывал его: «Его талант создавать исторические характеры на сцене был настолько точен, что публика

видела [в нем] героев прошлого только в образе его творений». Такой силой и убедительностью отличалось искусство Итикава Дандзуро Девятого.

Пьеса «*Сакай но тайко*» была написана в 1873 г. и в этом же году была поставлена на сцене театра «Мураяма-дза». Эта драма состоит из четырех актов, но ставится только один. В настоящее время очень редко включается в репертуар. В ней достаточно реально представлены происшедшие события, связанные с историческими событиями 1572 года, когда полководец по имени Такэда Сингэн, атаковал объединённые силы под командованием Токугава Иэясу и Ода Нобунага при Микатагахаре. Большое внимание в пьесе уделено правильным выражениям в диалогах, а также подобающему поведению, костюмам, гриму, изображаемым характерам. По мнению японских критиков, эта пьеса чрезвычайно сложна для постановки на сцене. Например, мотивация главных действующих лиц необязательно четко выражена в диалогах. Таков, в частности, Токугава Иэясу: когда он произносит речь и совершает одно действие, это тайно означает совершенно противоположное. На роль Саэмона, слуги Токугава Иэясу, был выбран Итикава Дандзуро Девятый, а если выражаться точнее, роль была написана именно для него. Роль была настолько увлекательна для актера, что он даже хотел включить её в список «*Синкабуки Дзюхатибан*» («Восемнадцать шедевров Синкабуки») подобно восемнадцати шедеврам классического Кабуки Дзюхатибан.

Можно предположить, что Итикава Дандзуро Девятый был спасителем Кабуки в то время, когда даже никто не имел понятия, куда приведут реформы периода Мэйдзи; он был в значительной степени ответственен за формирование будущего театра Кабуки в этот самый сложный период трансформации в Японии. Без его влияния положение актера в театре вряд ли бы улучшилось.

«Экстраординарное мастерство и драматический талант выдвинули его в первые ряды великих актеров Кабуки. Когда он умер, вся страна оплакивала его; Япония потеряла одного из своих великих сыновей».

Каватакэ Мокуами также создал пьесы с использованием новой лексики, в которой угадывалось «проникновение цивилизаций»; эти произведения стали известны как *дзангири-моно* (пьесы о современниках, *дзангири* — это «коротко остриженная голова»). Подобные прически стали символом европеизации с наступлением периода Мэйдзи).

В феодальные времена мужские прически назывались «*тёммагэ*» (бритые лбы и пучки на затылке). В подобных драматургических произведениях показаны люди новых профессий, такие как полицейские, студенты, рикши. Однако, что касается формы, то в данной категории пьес придерживались старых путей. Например, сценическая речь *сэрифу* произносилась в традиционном поэтическом ритме.

Первой такой пьесой, написанной Каватакэ Мокуами стала «*Токё нитинити симбун*», которая была поставлена в театре «Моритадза» в 1873 г.

Начиная с 1887 года популярность подобных пьес стала ослабевать, и они редко ставились, однако некоторые вошли в современный репертуар театра Кабуки. Оноэ Кикуро Пятый также блистал в *дзангири-моно*.

Третий период творчества Каватакэ Мокуами также связан и с деятельностью другого актера по имени Итикава Садандзи Первый (1842-1904). Родившийся в Осака, он был учеником двух профессиональных актеров, и впоследствии присоединился к династии Итикава. Каватакэ Мокуами помог ему в актерской карьере, приглашая играть в своих новых пьесах. Величайшей удачей для Итикава Садандзи Первого была работа в одной команде с Итикава Дандзуро Девятым и Оноэ Кикуро Пятым. Их называли «великолеп-

ное трио *Дан-Кикү-Са* – аббревиатура от первых слогов имен: Дандзюро, Кикүгоро и Садандзи.

Последнее десятилетие

Заключительный период охватывает десятилетие, когда драматург написал *«Ходзё кудай мэйка но исаоси»* – одну единственную пьесу в категории *кацурэки-моно* и пьесу *«Суйтэнгу мэгуми но Фукагава»*, в которой раскрыты проблемы самурайского сословия в ранний период Мэйдзи, а также танцевальные драмы *«Ибараги»* (1883), *«Фуна Бэнкэй»* (1885) и *«Момидзигари»* (1887), а также другие произведения².

Рассматривая драматургию Каватакэ Мокуами, нужно также обратить внимание на так называемые пьесы *мацубамэ-моно*, или *ноотори-моно*. Это были адаптации известных пьес театра Но, которые ещё долго ассоциировались с развлечением сословия самураев.

Благодаря тому, что в период Мэйдзи в театр Кабуки пришла интеллигентная публика, которая была знакома с исполнительской техникой театров Но и Кёгэн (средневековый фарс, исполняется как интерлюдия в спектаклях Но), пьесы *мацубамэ-моно* стали популярными и оставались наиболее значимыми в этот период.

Среди танцевальных пьес, вышедших из-под пера Каватакэ Мокуами, можно выделить такие, как *«Цутигумо»* («Гигантский паук», 1881), *«Ибараги»* («Демон Ибараги», 1883), *«Рэндзиси»* («Два льва», 1861), *«Фуна Бэнкэй»* (1885), *«Момидзигари»* (1887).

В качестве примера пьесы *мацубамэ-моно* остановимся несколько подробнее на пьесе Каватакэ Мокуами *«Рэндзиси»*. Тема пьесы близка к пьесе театра Но *«Сяккё»*

---

² Leiter S.L. New Kabuki Encyclopedia: A revised Adaptaion of Kabuki jiten. Tokyo, 1997. P. 307.

(«Каменный мост»). Эта пьеса категории *сиси-моно*, в которых действующие лица отец-лев и сын-лев), а классифицируются они как *мацубамэ-моно*. Танец исполняется на фоне огромной символической сосны, воссозданной из сценографии театра Но, хотя пейзаж и не имеет никакой связи с содержанием танца. Актеры выступают в деревянных масках льва, с белой гривой у отца-льва, с красной – у сына-льва. Танец представлен как испытание силы и храбрости молодого льва. В финальной сцене музыканты исполняют музыку *нагаута* (один из видов речитативного пения в театре; песня, в которой передается содержание исполняемого танца) и музыка *одзацума* (повествовательная музыка), в которой прекрасно передан горный пейзаж. Медленные удары барабана имитируют капли падающей росы с пионов.

Следуя законам театра Кабуки, главным героем пьес *мацубамэ-моно* часто является демон или злодей. Например, как правило, в первой части актер появляется в специальном гриме, для того, чтобы обмануть противников, а во второй половине пьесы выступает в другом, устрашающем гриме – *кумадори*, состоящем из различных по цвету и форме резких линий, наносимых на лицо актера.

Кроме пьес, которые были адаптациями пьес театра Но, были и другие, в которых сюжет заимствован из этого театра, осуществлены полностью в стиле Кабуки. Такова пьеса «*Момидзигари*», сыгранная Итикава Дандзюро Девятым. Сюжет этой пьесы таков: прогулка Тайра Корэмоти в горах, где он наслаждается красотой красных осенних листьев. Появляется прекрасная дева и предлагает ему выпить вина, после чего Тайра засыпает. Во сне он видит Бога Горы, который предупреждает его об опасности, проснувшись, видит перед собой демона, который нападает на него, но Тайра побеждает с помощью волшебного меча.

Эта пьеса отличается от других тем, что фактически включает в себя: *гидаю*, *токивадзу* (один из стилей повество-

вательной музыки, используемой в танцевальных пьесах) и *киёмото* как музыкальное сопровождение.

Итикава Садандзи Первый был непревзойденным мастером в подобных пьесах. Достаточно привести такие примеры: роль Хираи Ясумаса в «*Цутигумо*», Ватанабэ Гундзи Цуна в «*Ибараги*», Бэнкэя в «*Фуна Бэнкэй*», а также роль Тайра Корэмоти в пьесе «*Момидзигари*».

Другой актер, о котором было сказано выше, Итикава Дандзуро Девятый участвовал в знаменитой пьесе Каватакэ Мокуами «*Фуна Бэнкэй*» в 1885 г. Также принимал участие и в «*Цутигумо*», эта пьеса основана на одноименной драме театра Но. В 1881 г. Оноэ Кикугоро Пятый сыграл в пьесе «*Цутигумо*», которая была одной из первых в категории «*мацубамэ-моно*», основанная на сюжете театра Но с одноименным названием. Эта легенда, где чудовищный паук может принимать человеческий облик, воплощалась в танце. В новой версии актера Оноэ Кикугоро Пятого использовалась сценическая форма Кабуки, где основной танец более сложен.

Творчество Каватакэ Мокуами приходится на коней эпохи Эдо и начало Мэйдзи, на перелом этих двух эпох, который представлял собой одно из интереснейших явлений в литературе, искусстве, а также во всех областях жизни японского общества. И именно в это время огромную популярность приобрел театр Кабуки, ориентированный на вкусы горожан. Цубоути Сёё назвал Каватакэ Мокуами «воплощением многолетнего искусства Кабуки».

Безошибочно можно утверждать, что творчество Каватакэ Мокуами отражает идеалы и основы мировоззрения горожан уходящей эпохи Эдо и зарождение новых буржуазных отношений в Японии.

Необходимо заметить, что заслуга Каватакэ Мокуами заключается в том, что впервые в истории японского

традиционного театра он ввел новую категорию пьес *сиранами-моно* – пьесы о ворах и убийцах; японскими и европейскими историкам театра они рассматриваются как отступление от типичных бытовых драм *сэва-моно*, а также создал *дзангири-моно* и *кацурэки-моно*.

За пятьдесят лет творческой деятельности, драматургом, в общей сложности, создано около трехсот шестидесяти пьес: 130 *сэва-моно*, 90 *дзидай-моно*, 140 танцевальных пьес *мацубамэ-моно*. Почти половина из них до сих пор не сходит с подмостков театра Кабуки.

После смерти Каватакэ Мокуами произошли изменения в театральном мире Японии. Начиная с 1893 г., стали развиваться новые формы, воспроизведенные из элементов западного театра с основами традиционного японского театра. Пьесы драматурга Каватакэ Мокуами неоценимы для нынешних и будущих постановок Кабуки.

**Судьба «маленького человека» в эпоху великих перемен
(отражение эпохи Мэйдзи
в японской литературе конца XIX в.)**

Падает снег.
Как уже далеки года
Правления Мэйдзи!
[Накамура Кусадао]

Эпоха Мэйдзи. После эпох Хэйан и Токугава – это самая упоминаемая эпоха из истории Японии. И, пожалуй, одна из самых противоречивых: вторжение европейцев привело страну не к гибели, а спасению; первоначальный духовный кризис, охвативший японское общество – к консолидации сил и возрождению подлинно «японского» духа: «...переломная по своей сути эпоха Мэйдзи ознаменовалась началом вхождения Японии в мировой культурный контекст... Этот процесс был очень противоречив: от полного отказа от традиции как от ненужного хлама... до отрицания меркантильных, сугубо материалистических ценностей западных цивилизаций»¹. «Нищая страна», как называли Страну Восходящего Солнца американская и европейская общественность, за какие-нибудь несколько десятков лет превратилась в одну из самых экономически развитых стран мира.

Первоначальный восторг и преклонение перед всем европейским (мода на европейские костюмы, «вестеризмы» в японской живописи и японской поэзии) очень скоро сменились отторжением пришлых культурных образцов: «Бурный процесс вестернизации сопровождался настойчивыми попытками поставить ему предел. Чувство гордости за военные победы и успехи в промышленном развитии сопровождалось комплексами и страхом потерять собственную

---

¹ Скворцова, Е.Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией. – URL: <http://vphil.ru/index.php> (Дата обращения: 12.10.2017)

культуру»². Публикации одних (Нацумэ Сосэки, Нисимура Хироси) в которых говорилось о культурной и телесной неполноценности японцев, привели к тому, что другие (Асакура Фумио, Хагивара Сакутаро) все больше и больше стали писать об особой красоте – прежде всего душевной – японцев. Хагивара в эссе «Японка» писал: «...красота японок подобна красоте японских цветов и трав, в ней есть глубина – тень и тонкость»³.

Пока в просвещенных кругах спорили о Пути Японии, а в обществе формировался новый «возрожденный» взгляд на свою самость, японские писатели и поэты создавали образы своих современников, переживающих не самый простой период в истории страны, борющихся за себя и за свои национальные традиции. Не все из них вышли из этой борьбы победителями.

Один из самых интересных поэтов эпохи Мэйдзи был Ёсано Тэкан. Как и многие другие творческие люди, он, восприняв европейские идеи, остался верен японскому духу. Наполнив вака, традиционно японскую форму поэзии, новым содержанием, он, тем не менее, остался верен поэтическим идеалам прошлого. В его ранних стихах ощущается «геройский дух» – *масурабури* (丈夫振り), характерный еще для песен «Манъёсю» (万葉集):

Я в китайских горах
Посажу японские вишни
И китайских детей
Научу я петь наши песни –
Песни славных мужей Ямато...⁴

---

² Мещеряков А.Н. Самоидентификация японцев в отношениях с Западом и приемы преодоления национальных комплексов // Историческая психология и социология истории. №2. 2009. С. 29.

³ Там же. С. 34.

⁴ Японская классическая поэзия Нового времени: конец XIX – первая половина XX в.: в переводах А. Долина: [Антология] / Сост. А.А. Долин. М.: РГГУ, 2013. С. 44.

Поэт старался преодолеть комплекс неполноценности перед Западом посредством популяризации родной культуры, красоты японской природы в Европе и Америке:

Я бы, прежде всего,
Отсюда в далекий Чикаго
Предложил бы послать
Белый снег, что венчает Фудзи,
Вишни цвет, коим Ёсино славно...⁵

Став главным героем собственных стихотворений, Ёсано создал в них образ современного ему японца-патриота, горящегося родной природой, национальными культурными традициями, многовековой историей.

Прозаики, в отличие от поэтов, были настроены не так оптимистично – в их произведениях очень часто звучит тема заброшенности, одиночества, неприкаянности человека – именно в эту эпоху появляются произведения, которые позже назовут предвестниками японского экзистенциализма в литературе. Писатели, как наиболее чуткие к происходящему натуры, испытывали дискомфорт от происходящего и «передавали» свои чувства и мысли своим литературным героям. Акутагава Рюноске (芥川 龍之介) – хотя он родился уже после завершения реформ Мэйдзи – в своем прощальном письме писал: «Наверно, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни... Я живу в мире воспаленных нервов, моя жизнь тает как лед...»⁶. Эти ощущения свойственны и героям его произведений «Жизнь идиота», «Диалог во тьме» и многих других.

Даже после завершения реформ их отголоски еще долгим эхом звучали в душах людей – и не всегда в унисон с их собственными представлениями. Поэтому тема «маленького» человека с мятущейся душой, потерявшего опору в жизни, тема растерянности простого человека перед

---

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Григорьева Т.П. Красотой Японии рожденный. М.: Искусство, 1993. С. 413.

жизнью и ее новыми идеалами долго еще была одной из ведущих в японской литературе. Обращаясь в своих произведениях к непростому времени в истории родной страны, писатели не могли остаться безучастным и создавали выразительные, полные драматизма образы.

Одним из таких писателей был Мори Огай (森 鷗外). В рассказе «В процессе реконструкции» он сравнивает современную ему Японию с рестораном, закрытым на реконструкцию, в интерьере которого пытаются «ужиться» европейские и японские черты. «Да, современная Япония – не эталон вкуса!» – восклицает главный герой, явно проявляющий недовольство от увиденного [5, с. 117]. С одной стороны, он вынужден признать самому себе, что его стране еще далеко до европейских государств, их роскошной утонченности. С другой... В ресторане герой встречается со своей давней возлюбленной, случайно посетившей Японию. Они ужинают и предаются воспоминаниям. И хотя они стараются не выдать себя, в их словах, интонациях то и дело проскальзывает щемящее чувство утраты – улыбки застывают на лице, а пальцы предательски выдают волнение... После прочтения рассказа невольно возникает вопрос, а не об «ушедшей» ли эпохе грустит сам писатель? Ведь и он сам, как и многие другие – в основном представители творческой интеллигенции, прекрасно понимал, что старой Японии больше нет и еще не известно, что принесут ей перемены.

В повести «Дикий гусь» Мори Огай описывает судьбы простых жителей Эдо эпохи Мэйдзи: небогатого, но талантливого студента Окады; ростовщика Суэздо, стремящегося из всего извлечь выгоду; Отамы, которую бедность и сострадание к отцу заставили стать содержанкой ростовщика. Япония ступила на новый путь, предоставив многим талантливым людям раскрыть свой творческий и научный потенциал. Одним из таких людей и был студент Окада: зарекомендовав себя как хорошего переводчика, он должен

отправиться на работу в Европу. Молодая женщина Отама, проживающая в доме, что снял для нее Суэдзо каждый день видит проходящего мимо ее окна Окаду. Постепенно в ее душе рождается чувство привязанности к этому молодому человеку, имени которого она поначалу и не знала. Она надеется, что рано или поздно она сможет раскрыть ему свои чувства и встретить настоящую любовь. Как верная дочь, ради благополучия своего отца она стала содержанкой нелюбимого человека – в японском обществе и в конце XIX века еще «были живы обычаи и правила Эдоского периода». Но в отличие от женщин прошлых веков, Отама *готова* первой сделать шаг навстречу: раньше такое могли себе позволить только жительницы «ивовых кварталов». Но рано еще говорить об эмансипированности японских женщин эпохи Мэйдзи – воспитанная в лучших традициях, она не решается...

Буквально до последних страниц повести читатель вынужден гадать, почему Огай озаглавил ее «Дикий гусь». Только в самом конце писатель раскрывает перед читателем свой замысел. Перед самым отъездом Окады в Европу, его товарищ убивает дикого гуся, решившего отдохнуть после долгого перелета на глади городского пруда. Птица, укрывшаяся в темноте среди пожухлых листьев лотоса, сама того не подозревая, обрекла себя на гибель. Подобен ли Окада этому дикому гусю – он мечтает о работе в Европе, но не потеряет ли он при этом намного больше? Каким он вернется на родину? Не отправься он в поездку, может быть отношения с Отамой – решишь она и он на это, сделали бы их немного счастливее? И он, и сама Отама – две птицы, у которых «убили» будущее.

В повести «Танцовщица» Мори Огай показывает, как в душе героя происходит борьба чувства любви и чувства долга. Оказавшись в Европе, он влюбляется в танцовщицу и, забросив службу, они строят совместные планы на будущее. Его соотечественники осуждают его и стараются по-своему

помочь с честью выйти из *сомнительной* ситуации. Влиятельные друзья ему предлагают сделать выбор – или остаться со своей возлюбленной и прозябать в нищете, или вернуться в Японию и поступить на выгодную службу: «Упустить подобный шанс для меня означало навсегда лишиться родины, равно как и последней возможности вернуть себе доброе имя. Я представил себе на минуту, что умру здесь, затерявшись в людском водовороте огромной западной столицы. От такой перспективы у меня защемило сердце и улетучились всякие соображения морального свойства»⁷.

Страх навсегда «потерять лицо» перед своими соотечественниками оказался сильнее утраты любви – предав свою танцовщицу, герой возвращается на родину. Но возвращается глубоко несчастным человеком. Воспитанный в лучших японских традициях верности долгу и подчинении вышестоящим, он, тем не менее, испытывает муки совести из-за своего предательства. Будь эта повесть написана Огаем лет двести назад, подобной концовки не существовало – между личным счастьем и долгом перед господином верный вассал всегда выбирал последнее. Но XIX век внес свои реалии в японскую действительность!

Рассказ «Инцидент в Сакаи», написанный Огаем уже в начале XX века, ярко показывает разницу между японским и европейским мышлением. Это высокохудожественное, высоко психологическое произведение, основано на документальном материале и свидетельствах-хрониках. Оно описывает событие, происшедшее в небольшом городке Сакаи в самом начале эпохи Мэйдзи. Французские моряки, вышедшие на берег, пренебрегли традициями, чем вызвали недовольство местных властей, приказавших остановить беспорядки: «...ничего предосудительного моряки не совершали. Заходили, правда, весьма бесцеремонно, в синтоистские и буддийские храмы, заглядывали в жилища, заговари-

---

⁷ Мори Огай. Дикий гусь; Танцовщица; Рассказы; Симадзаки Тосон. Нарушенный завет: Пер. с яп. М.: Худож. лит., 1990. С. 107.

вали с девушками. Город не был открытым портом, и жители Сакаи не привыкли к иностранцам...»⁸. С точки зрения европейца, француза, англичанина, это, действительно могло показаться «не предосудительным», но не японцу. Япония уже имела печальный опыт «общения» с иностранцами – этот опыт и стал причиной закрытия страны в XVII веке и установления режима *сакоку* («Страна на замке»). Синтоистские и буддийские храмы были особым местом поклонения божествам и буддам и вход в них был закрыт для иноверцев – в прошлом ими было уже продемонстрировано неуважение к местным религиозным традициям. Молодые девушки и незамужние женщины не могли выходить на улицу без сопровождения. Вступать в разговоры с незнакомцами было неприято. Несмотря на перемены, большинство японцев продолжало в повседневной жизни следовать традициям.

Японский патруль, получивший приказ задержать французских моряков, встретив сопротивление, вынужден был открыть стрельбу – это и стало причиной того, что двадцать японцев были приговорены к смерти через сэппуку, хотя ни один из них не считал себя виновным: «...мы выполняли приказ отрядных командиров и вины за собой не чувствуем»⁹, «Миноура умел слагать стихи... “Сомнений нет, что патриота долг святой – изгнание варваров. Долг свой исполним и подадим пример на сотни лет. А наша смерть – пустяк, внимания не стоит”»¹⁰.

Читая описание казни японцев, невольно поражаешься силе духа этих людей: приняв несправедливый приговор (но в душе не соглашаясь с ним), они с достоинством принимали смерть – один за другим одиннадцать воинов умертвили себя. Присутствующий на месте казни французский консул

---

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Там же. С. 178.

¹⁰ Там же. С. 182.

не смог вынести подобного зрелища. Оставшимся девяти была дарована жизнь.

Конечно, это произведение Мори можно воспринимать и как рассказ о небольшом инциденте, случившемся в середине XIX века в одном из японских городов, но и как рассказ о столкновении двух мировоззрений. Стоит вспомнить слова Р. Киплинга: «Запад есть Запад, восток есть Восток, и с мест они не сойдут...». И западная цивилизация, и восточная цивилизация вправе гордиться своими культурными традициями, способствующими их экономическому и социальному развитию. Но эта гордость не дает им права игнорировать традиции друг друга. К сожалению, в мировой истории можно найти много примеров этому. Рассказ «Инцидент в Сакаи» показывает, как незнание и неуважение к традициям другой страны может отразиться на судьбе человека или как простому человеку, приходится расплачиваться за ошибки властимущих.

Другим автором, обратившимся в своих произведениях к судьбам современников, был Симадзаки Тосон (島崎 藤村). Если Мори Огай создал образы молодых японцев, смело шагающих в будущее, умеющих признавать свои ошибки, старающихся примирить национальные взгляды с новыми веяниями, то Тосон рисует картину японского общества, полного предрассудков и высокомерия. В романе «Нарушенный завет» писатель показывает жизнь представителей касты японских париев – эта. Несмотря на то, что в эпоху Мэйдзи они были приравнены с другими в правах, в действительности жизнь их мало изменилась. В предисловии Тосон писал: «Теперь “эта” именуется “новым народом” – синхэймин. Однако новое название ничего не изменило, эти люди и по нынешний день остаются среди нас на положении прежних париев»¹¹.

---

¹¹ Там же. С. 267.

С самых первых страниц в мысли и чувства читателя начинают проникать презрение, бедность, страх, в которых живут герои романа, главным из которых является учитель Усимацу – эта по происхождению. Он становится свидетелем, как одного богача, господина Охинату, прибывшего на лечение в Иияму, изгоняют из больницы только потому, что кто-то пустил слух, что тот – эта. Но и слуха стало достаточно, чтобы прежде уважаемого человека превратили в изгоя: «...его состоятельность ни у кого не вызывала сомнений. И вот однажды кто-то, видно из зависти, сболтнул: “Он – “эта” ... в больнице поднялся переполох»¹². «Жалость, страх, тысячи других чувств вспыхивали и гасли в душе Усимацу. Он размышлял об участи этого богатого человека, изгнанного из клиники... терпящего жестокое обращение, опозоренного... Как, должно быть, страдал сейчас от душевной боли и горьких слез этот человек!»¹³. Но вскоре подобная участь настигает и самого школьного учителя. Не помогают ни доброе имя, ни попытки заступничества – Усимацу вынужден покинуть город и своих любимых учеников.

Тосон создал непривычный портрет своих соотечественников: образы японцев и японок, как доблестных самураев, прекрасных гейш, талантливых и трудолюбивых мастеров, с которыми мы привыкли ассоциировать Страну Восходящего Солнца, меркнут рядом с образами жителей этого провинциального города – жестоких, трусливых, неблагодарных, только и стремящихся, как к собственной выгоде. Читатель вслед за писателем спрашивает себя: насколько предрассудки способны вытеснить из сознания человека чувства справедливости и благодарности, сострадания и доброты? Ни технический прогресс, ни социальные и культурные перемены не способны сделать из обывателя,

---

¹² Там же. С. 270.

¹³ Там же. С. 275.

погрязшего в трясине повседневности, здравомыслящего человека...

Хотя нами рассмотрены далеко не все произведения всего лишь трех авторов той эпохи, уже по ним можно судить, какой трудный период пришлось пережить японцам в середине XIX века: многим приходилось делать выбор между нужным и должным; многие не готовы были принять те нововведения, что принесло новое время; многим, стоящим за сохранение своих традиций, приходилось отстаивать ценой собственной жизни. В завершение хочется сказать, что, как отмечали и продолжают отмечать приезжающие в Японию европейцы, японцы остались японцами! Ведь несмотря ни на что, во всех этих произведениях ощущается сила японского национального духа, стремящегося, во что бы то ни стало, сохранить свое культурное своеобразие.

Образ интеллигента Мэйдзи в произведениях Нацумэ Сосэки

Во время реставрации Мэйдзи в Японии произошел переворот, значительным образом изменивший все устоявшиеся до этого основополагающие концепции и принципы. В своих произведениях он затрагивал ряд важных проблем, касающихся конфликта личности и общества, которые во все времена являются насущными. В данной статье мы рассмотрим одну из главных проблем, которые писатель поднимает в своем творчестве – столкновение новой интеллигенции Мэйдзи с окружающим ее миром и царящим в нем нравами и отказ этой интеллигенции бороться против тяготящей их системы ввиду собственного бессилия.

В литературе Нацумэ Сосэки очень подробно выведен образ японского интеллигента на рубеже времен, когда общество переживало период перестройки основ жизни, крушения традиционных представлений, утверждения новых требований, предъявляемых к личности. Можно сказать, что такой образ бессмертен и всегда будет иметь место в мировом искусстве, потому что мир неустанно меняется, и часто эти изменения оказываются потрясением для людей. Особенным же потрясением они могут оказаться для людей мыслящих, тонко чувствующих и смысленных, настоящих интеллектуалов. Интеллигенция часто становится в тупик и в условиях изменчивого, неуступчивого мира не знает, что предпринять, чтобы остаться на плаву – и все это мы можем увидеть в произведениях Нацумэ Сосэки.

В 1905 г. Нацумэ Сосэки опубликовал роман «Ваш покорный слуга кот», сразу принесший ему широкую известность. Главный вопрос, критически осмысленный писателем здесь – это новая интеллигенция периода Мэйдзи, потерянная и пустая. В этом романе берет начало та нить, которая будет протянута через остальные романы Нацумэ Сосэки – осуждение ложных идеалов, высмеивание человеческой

глупости и сожаление о людской слепоте. Образ интеллигента в данном произведении – учитель Кусями, который в некоторых моментах нещадно осмеян писателем. Кусями можно назвать интеллигентом до мозга костей, однако в его случае это вовсе не положительная характеристика. Все время он проводит в своем кабинете, где занимается саморазвитием. Он попеременно берется за книги, за рисование, за каллиграфию, за писательство. Однако ни одна из его попыток погрузиться в свое начинание, создать что-то новое, прийти к какому-то результату не увенчивается успехом. Вся его деятельность очень поверхностна, не имеет результативности и на деле является абсолютно бесплодной, потому что направлена лишь на то, чтобы показать себя увлеченным занятым человеком.

Кусями мог бы стать по-настоящему умным и достойным человеком и приносить пользу своему обществу, будучи ученым мужем – у него были все задатки для этого. Однако в какой-то момент он свернул с пути настоящего познания и стал «фальшивым» интеллигентом, утратив всякий интерес к саморазвитию, приобретя лишь тягу к показательному изображению себя вечно занятым и деятельным. Нацумэ Сосэки раскрывает в образе Кусями ту часть интеллигенции, которая разочаровалась в обществе, даже не предприняв попытку донести до него светлые мысли, тех интеллигентов, которые называются таковыми только по роду своей деятельности, но вовсе не благодаря светлому уму.

В следующем произведении, повести «Мальчуган» (1905 г.), противостояние Нацумэ Сосэки против нравов окружающей его среды было выражено ярче, чем прежде. В повести раскрывается конфликт чистого душий и помыслами молодого интеллигента и уже немолодых людей-провинциалов, которым непонятна, незнакома эта честность и прямодушие, потому что они невольные пленники вековых стереотипов и консервативных предрассудков, не желающие пойти навстречу новому, прогрессивному началу. Повесть

прямым текстом раскрывает нам, что в то переломное время, когда жил и мальчуган, и сам Нацумэ Сосэки, всем прямым, бесхитростным людям, с открытой душой идущим навстречу жизни, приходится рано или поздно столкнуться с тем, что в окружающей их действительности честность и благородство расцениваются лишь как недальновидность, а то и просто глупость.

Вскоре происходит переломный момент в творчестве Нацумэ Сосэки, когда он почти полностью избавляется от светлых, юмористических нот в своем повествовании и переходит к более серьезному изображению человека, одолеваемого рефлексиями и душевными переживаниями. Писатель начинает критично отображать сложное время японской действительности, в частности избавление от наивной веры в то, что капитализм несет за собой светлое будущее и благоприятные социальные изменения. В это время интеллигенция, очнувшись от ликования от победы в русско-японской войне, увидела, что либеральный путь заканчивается тупиком. К крупной социальной ломке она не была готова и остановилась перед этим тупиком в растерянности.

Яркий пример, подтверждающий вышеописанный тезис, представлен в новелле писателя «Осенний ветер» (1907). Сираи Дою, литературоведа и учителя, типичного представителя интеллигенции, за свои взгляды раз за разом увольняют со всех мест работы. Тем не менее, он не желает уступать тем, кто ставит богатство превыше всего и пресмыкается перед сильными, даже если это станет причиной его неспособности найти работу. Порицаемый женой за бездействие и упрямство, он, тем не менее, до последнего не хочет сойти со своего Пути, который считает правильным. В тексте произведения говорится: «Дою увольняли, потому что он был человеком высоких моральных принципов. Как сказал один западный поэт, «честный человек – это самая благородная работа Бога». Каждый раз,

когда его увольняли, Доя говорил себе снова и снова: «Тот, кто продолжает свой Путь, даже выше, чем божество». Несомненно, его упрямство можно принять за стойкость духа, за нерушимость принципов и твердость характера. Однако если копнуть глубже, можно понять, что в этом упрямстве играет большую роль и банальная боязнь перемен, радикальной смены деятельности, присущая, как уже известно, всем интеллигентам Сосэки.

В огромном творческом наследии писателя выделяются романы «Сансиро», «Затем» и «Врата», традиционно определяемые как трилогия, где наиболее ярко выражено классовое противоречие и сложная ситуация, в которой оказались интеллигенты.

Первый роман повествует о молодом провинциале, приехавшем в столицу. Едва приехав в Токио, Сансиро оказывается поражен и подавлен, и чувствует себя совсем маленьким и незначительным среди кипучей деятельности и холодного равнодушия «современного» большого города. Его пугает то, насколько огромен аппарат вестернизации, сминающий все устои и обычаи, которые были неприкосновенны и неизменны столько веков – ведь Западу понадобилось не менее трех столетий для перемен, а Япония в период Мэйдзи достигла всего этого лишь за сорок лет. Довольно схематично изображенный, Сансиро так и остается до конца романа простодушным юнцом, нерешительным и пугливым, совершенно не способным выйти из тупика, в который его поставила действительность большого города.

Роман «Затем» повествует о герое, уже вышедшем из студенческого возраста; и хотя между Сансиро и Дайскэ, главным героем романа, мало общего, их роднит одна главная черта – неприспособленность к реальной жизни, нежелание – или неумение – играть по правилам окружающей среды. То же касается и Соскэ, героя романа «Врата». Он потерял твердость духа, желание действовать и, помимо

этого, утратил способность чувствовать красоту, испытывать восхищение и восторг. Столкнувшись с трудностями в жизненном пути, он предпочитает уйти в монастырь, а не бороться за свое счастье; он хочет противостоять этому, но его бунт оказывается неудачным. Японская интеллигенция, очевидно, потеряла точку опоры, оказалась на распутье: прежние идеалы были отвергнуты, а новые казались недостижимыми.

Поставив в своей трилогии чрезвычайно важную проблему человеческой личности в столкновении с набирающим силы буржуазным обществом Японии, Нацумэ Сосэки так и не смог найти решения этого конфликта. При этом в последнем романе трилогии Нацумэ Сосэки почти что подводит героя к решению конфликта, но, увы, писатель и сам не знает, каким образом разрешается данный вопрос, что именно ждет за воротами японское общество нового времени. Олицетворяя всех представителей японской интеллигенции, Нацумэ, как и его персонаж Соскэ, замер перед «воротами», осознавая, что его не устраивает, но не зная, как это исправить, не до конца понимая, каким образом стоит перестроить действительность.

В дальнейшем творческий путь Нацумэ Сосэки перешел на другую стадию, более философскую и экспериментальную. Зрелые работы, которые начали выходить из-под его пера, сфокусировались на новой, более глубокой теме. Нацумэ Сосэки сосредоточился на опыте и переживаниях своих современников, которые он сам чувствовал особенно остро: необходимости, с одной стороны, индивидуальной самореализации, а с другой — неизбежного столкновения с проистекающими отсюда проблемами: изолированностью и отчужденностью от людей, чрезмерным самомнением, а также — со значительной духовной неразберихой, вызванной культурным и моральным наследием эпохи.

Наиболее полно эти переживания писателю удалось отразить в своём позднем романе «Сердце» (1914 г).

Действие романа происходит в первые дни эпохи Тайсё (1912-1926 гг.), которая берет начало в момент смерти императора Мэйдзи и восхождения на престол нового императора. Безымянный главный герой первой части романа, «Учитель и я» – студент старших курсов Токийского университета, искренний и наивный молодой человек. В коей-то мере он является олицетворением молодежи того времени, которой предстояло унаследовать новую эпоху. Первая часть романа описывает его сложные, но глубокие и серьезные отношения с человеком, которого он называет «Учителем».

По ходу повествования мы видим, насколько различны натуры главного героя студента и Учителя. Молодой человек очень любознателен и пытлив, каждая мелочь вокруг него привлекает его внимание, он ни на секунду не умолкает и всегда о чем-то говорит. Учитель же – его безмолвный слушатель, изредка вставляющий свои замечания, спокойный, полностью погруженный в себя человек. Эти два образа – словно две стороны медали, именуемой «интеллигент периода Мэйдзи». В них воплотились одновременно все черты, которые Нацумэ Сосэки когда-либо вкладывал в своих героев – любознательность, интерес к жизни, честность и прямоту с одной стороны, и подавленность, опустошенность, нерешительность и внутренний надлом с другой.

Персонаж Учителя кажется несостоятельным – он был неудачником как в своих глазах, так и в глазах окружающих. Он проводит свои дни дома, занимаясь лишь наукой и самообразованием, и совершенно не уделяя внимания работе. Он был совершенно неизвестен обществу, потому что нигде не служил и не работал, и тот факт, что никто не мог воздать почести уму Учителя, очень расстраивал молодого человека. Он не упускал возможности выразить свое сожаление по этому поводу, однако на это Учитель всегда в нигилистической манере говорил «Куда мне пускаться в свет!», и главному герою это всегда казалось излишней скромностью, за которой скрывалось отрицатель-

ное отношение к этому свету. Действительно, как далее описывает юноша, «временами учитель ухватывался то за одного, то за другого из своих прежних сверстников, ставших известными, и жестоко, без всякого стеснения их критиковал». В этом мы видим еще одну черту, уже наблюдавшуюся в одном из интеллигентов Сосэки – в учителе Кусями. Кусями, как известно, был известным любителем отдыха и безделья, и очень часто любил посетовать на то, какие недостойные люди его окружают. Нельзя сказать, что Учитель принадлежал тому же типу людей, что и Кусями – все же Учитель был куда более достойным и трудолюбивым человеком, чем Кусями, и сравнивать их вообще может быть не совсем корректно. Однако мы, несомненно, можем провести параллели между тем, как они критикуют окружающий мир, и сделать вывод, что интеллигенты Сосэки часто находят оправдание своему бездействию ссылаясь на то, что среда, в которой они живут, не соответствует их желаниям и ожиданиям.

Главный конфликт романа раскрывается в финальной части, где на сцену выходит таинственный К. – тот, о ком не единожды упоминалось в романе ранее. Оказывается, что это друг Учителя, чье самоубийство, случившееся во многом по вине самого Учителя, возложило на него тяжкое бремя вины, остававшееся с ним до конца жизни. В этой части главному герою и читателю становится понятно, почему всю жизнь Учитель находится в «подвешенном» состоянии, почему он так безрадостен и пессимистичен. Дело в том, что в юности они были влюблены в одну девушку, и вышло так, что Учитель, даже зная о чувствах товарища к ней, попросил у ее матери ее руки. Это предательство стало «последней каплей» для К., который и так испытывал психологическое давление как внутри, так и снаружи.

В образах К. и Учителя мы опять же видим два конфликтующих образа. С одной стороны это К., молчаливый и мрачный, очень тяжелый по характеру

человек, но прямодушный и честный, никогда не кривящий душой и не пресмыкающийся ни перед кем. Можно сказать, что его фигура во многом олицетворяет строгий этический кодекс и систему ценностей старого мира, который вступил в болезненный конфликт с западными концепциями примата личных прав и эго. С другой стороны мы видим Учителя, умного и интеллигентного человека, подающего надежды, но слабого и нерешительного, абсолютно неприспособленного к какой бы то ни было борьбе и не оправдывающий тех надежд, что на него возлагают. Его собственная трусость послужила причиной гибели его друга, и в конце концов привела к такому же концу и его самого.

Учитель хочет искупить свою вину, исполнив до конца роль *сэнсэя*, которую он не по своей воле принял на себя в конце жизни, и раскрывает тайну трагедии своей жизни другу и ученику в надежде, что она послужит ему уроком и убережёт от ошибок. Однако все выходит с точностью до наоборот – само письмо является тем, что косвенно толкает молодого человека на подлость, когда тот решает бросить умирающего отца и семью и уезжает в Токио с письмом Учителя в руках. Так же необходимо сказать, что это письмо, эта гнетущая исповедь наверняка ляжет тяжелым грузом на душу молодого человека. Сбежав из дома в такой ответственный момент, он наверняка будет испытывать вину за этот поступок и, несмотря на свою открытую и позитивную натуру, вполне вероятно станет одним из потерянных, отчаявшихся интеллигентов периода Мэйдзи.

Исходя из проделанной работы, мы можем сделать следующие выводы: в период Мэйдзи в японском обществе произошли серьезные изменения, и зачастую эти изменения не проходили безболезненно. В первую очередь данные изменения затрагивали именно тот слой общества, который обладает наибольшей способностью к социальной рефлексии – интеллигенцию. Нацумэ Сосэки, рожденный на границе двух эпох, стал свидетелем стремительных изме-

нений, всколыхнувших его страну. Японская литература в его лице изменила тональность, перейдя к иронии и сарказму, что неудивительно, поскольку в своих произведениях писатель, как мог, выражал свое неудовлетворение и некомпетентной политикой правительства, и пустым, слепым подражанием общества Западу. Основной же шквал критики был адресован интеллигенции – по иронии, тому классу, которому принадлежал сам писатель. Нацумэ Сосэки сумел точно запечатлеть человеческие отношения, не забывая при этом про исторический фон, который в его романах не отходит на второй план. Его романы великолепно передают духовные дилеммы эпохи Мэйдзи.

Эволюция отношений человека и собаки в Японии: от эпохи Хэйан до революции Мэйдзи

В некоторых письменных памятниках конца эпохи Хэйан и эпохи Камакура сохранились сведения о собаках, обитавших в пределах столицы Хэйанкё и об отношении к ним людей. В первую очередь, наибольший интерес для данного исследования представляют истории крупнейшего сборника жанра *сэцува*¹ «Кондзяку моногатарисю» 今昔物語集 («Стародавние повести», XII в.), а также, правда в наименьшей степени, «Удзи сёи моногатари» 宇治拾遺物語 («Рассказы, собранные в Удзи», XIII в.). Выбор упомянутых источников обусловлен и тем, что с XI века вследствие секуляризации жанра в сборники *сэцува* проникают всевозможные мирские сюжеты: забавные и анекдотичные случаи об известных придворных, нелепые и скабрёзные истории о монахах, хитрых слугах, торговцах или ремесленниках. Таким образом, сборники *сэцува* стали отражением не только духовного мировоззрения японцев определенного исторического периода, но и уникальным материалом для реконструкции истории эпохи Хэйан, повседневной жизни хэйанского общества.

Помимо мира буддийских идей в поздних сборниках *сэцува* как «Кондзяку моногатарисю» и «Удзи сёи моногатари» обнаруживаются важные сведения из сферы вполне бытового характера, как то отношения между людьми разных социальных слоев, а также взаимоотношения людей с миром животных. Безусловно, при работе с таким источником, как литература жанра *сэцува*, стоит учитывать ее жанровые особенности: время создания, авторство, изначальные цели, наличие и обилие мифологем и многие другие

¹ *Сэцува* 説話 — японский повествовательный жанр, появившийся к VIII веку в качестве дидактической литературы для популяризации буддийских идей. Так, в короткий рассказ в увлекательной форме включались понятия о грехе, карме, воздаянии и многом другом, а сакральная география для лучшего усвоения буддизма японцами встраивалась в родную топонимику.

нюансы. Истории о животных в сборниках *сэцува* большей частью испытали на себе влияние синтоистского фольклора, особенно это касается принципа *он-гаэси* 恩返², однако, некоторые истории «Удзи сюи моногатари» и, в большей части, истории «Кондзяку моногатарисю» повествуют о вполне реальных ситуациях с участием животных.

В «Удзи сюи моногатари» содержатся лишь две истории о большой белой собаке. В одном случае, в истории «Про то, как Великий Учитель Дзикаку отправился в крепость-красильню»³, полной мифологем и вымышленных, порой фантастических приключений молодого монаха Эннин, будущего патриарха школы эзотерического буддизма Сингон Дзикаку-дайси⁴, встречается описание, как большая белая собака неожиданно возникла в момент опасности для жизни монаха, схватила его за рукав и оттащила прочь, пока жизнь монаха вновь не оказалась в полной безопасности⁵.

В истории «Про пса регента и чудесную силу Сэймэя»⁶ описан любимец регента Фудзивара Митинага, большой белый пёс, которого регент брал с собой повсюду. В этой истории регент собирался пройти через ворота дворца на осмотр нового храма, но пёс, почуяв опасность, не давал хозяину такой возможности, оттаскивая его за подол платья. Питомец регента показан спасителем своего хозяина от смертоносной порчи, зарытой в проходе под теми воротами⁷. Безусловно, и здесь прослеживается связь с

---

² В синтоистском фольклоре обозначает ответный добрый поступок животного на доброту, оказанную со стороны человека.

³ Удзи сюи моногатари. Св. 13, р.10/173.

⁴ Годы жизни 794-864.

⁵ Кикнадзе Д. Об одном эпизоде из жизни патриарха японской школы Тэндай Эннина (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.) // Материалы международной научной конференции «Миссионеры на Дальнем Востоке». СПб.: Издательство РХГА, 2014. С. 66.

⁶ Удзи сюи моногатари. Св. 14, р. 10/184.

⁷ Кикнадзе Д. «Удзи сюи моногатари» как источник по духовной жизни Японии эпохи Хэйан (794-1185) // Диссертация на соискание ученой

вышеприведенной историей о большой белой собаке, спасшей Эннин в момент большой опасности. В японской мифологии собака издревле считалась охранителем, а также проводником в потусторонний мир. Образ большой белой собаки как мистического защитника, возникающего из ниоткуда на помощь человеку встречается еще в древних японских памятниках письменности, как «Кодзики» и «Нихонги».

Отстранившись от фольклорно-мифологического образа собаки в Японии, обратимся к более реальным и кажущимся наиболее правдоподобным происшествиям, связанным с собаками, обитающими в столице Хэйанкё.

Совершенно иной образ собак представлен в «Кондзяку моногатарисю», который по праву считается «энциклопедией» хэйанской жизни. Сборник был составлен по принципу четкого разделения на страны: Индия, Китай, Япония, а сами истории разделены на рубрики. «Кондзяку моногатарисю» в отличие от более «избирательного» и лишённого рубрикации «Удзи сёби моногатари» представляет своему читателю гораздо более широкую картину повседневной жизни хэйанского общества. Среди многих злободневных проблем общества того времени, можно увидеть истории о бродячих стаях собак, наводящих ужас на людей. Несколько избранных историй из «Кондзяку моногатарисю»⁸, а также записей происшествий из «Мидо-кампакуки» 御堂関白記 («Дневник Фудзивара Митинага», XI в.), «Сёюжи» 小右記 (Фудзивара Санэсукэ, XI в.) и «Тёююки» 中右記 (Фудзивара Мунэтада, XI в.), на примеры из которых опирается японский историк Танигути Кэнго⁹, вполне достаточно для понимания той опасной ситуации,

---

степени кандидата исторических наук / Институт восточных рукописей РАН. СПб., 2016. С. 166-167.

⁸ Кондзяку моногатари-сё. Св.19, р.44; Св.26, р.17; Св.29, р.8.

⁹ Подробнее см. Танигути, с. 129.

которая сложилась к тому времени в столице¹⁰. Если обобщить сведения изучаемого источника, становится очевидным огромное количество бродячих псов, как в самой столице, так и в столичных окрестностях. Испытывая вечную нехватку в пропитании, живя в стае, собаки нападали на людей и загрызали их.

Здесь можно выделить ряд особенностей: а) собака могла почуять больного, немощного человека и, выждав момент, напасть и растерзать его; б) в неблагоприятный период природных катаклизмов, пожаров, мора и голода, как и по причинам личного характера, в столице и окрестностях было принято оставлять новорожденных младенцев на обочине дорог, у ворот и перекрестков. Такие брошенные дети-*сутэго* часто являлись добычей бродячих псов; в) жертвой нападения собак могли стать путники, попавшие в неприятности, не имевшие возможности вернуться в свои дома засветло. С наступлением темноты ворота усадеб крепко запирались и зова на помощь, как и стука в ворота могли не услышать. Так путники становились жертвами бродячих псов.

Помимо всех вышеперечисленных случаев, собаки, как и вороны, были своего рода санитарями столицы во время эпидемий. Поедая трупы, брошенные в поле или на обочинах дорог, псы сокращали время разложения трупа, хотя, с другой стороны, являлись живыми переносчиками эпидемий.

Отдельного внимания заслуживает и история из знаменитого эссе-*дзуйхицу* придворной дамы Сэй-Сёнагон «Макура-но сёси» 枕草子 («Записки у изголовья», Х в.) о бедняге Окинамаро – псе, содержавшемся на дворцовой территории, принимавшем участие в торжественных придворных церемониях. Однажды, по наущению одной дамы Окинамаро напугал своим лаем кошку, любимицу

---

¹⁰ Кондзяку моногатари-сё. PDF-версия. URL: <http://www.geocities.jp/yassakasyota/konjyaku/konjyaku.html>

императора. За дурное поведение по велению государя Окинамаро был сослан на т.н. «Собачий остров», но через несколько дней его вновь видели возле дворца. Заслушав пёс был насмерть забит палками, что вызвало чувство жалости у придворных дам и обеспокоенность его дальнейшей кармической судьбой. К вечеру во дворец проникла избитая собака, в которой дамы узнали Окинамаро. Спустя день пёс пришел в себя и стал отзываться на кличку, чем вызвал бурю радости и смеха среди дам¹¹.

Пожалуй, это единственное описание доброго отношения к собаке, как и сведение о том, что при дворе содержались псы для исполнения определенных церемониальных функций¹².

И все же факт существующей насущной проблемы очевиден: в столице находилось огромное число бродячих собак, которые являлись живыми разносчиками нечистот и эпидемий и представляли опасность для человека. Аристократы хэйанской эпохи зависели от ежедневных календарных предписаний и обычая очистительного затворничества *моноими*, обусловленного лицезрением чего-то неприятного и омерзительного. Из этой системы верований можно сделать вывод о том, что вид бродячей грязной и больной собаки мог вызывать необходимость ритуального очищения.

И все же, главный вопрос, возникший в ходе исследования – вследствие каких социальных причин собака перестала считаться для японцев компаньоном, в какой промежуток истории Японии произошел разрыв между человеком и собакой, продлившийся вплоть до начала XX века? Ведь археологические раскопки разных культур свидетельствуют о наличии останков первобытной собаки еще с эпохи верхнего палеолита.

---

¹¹ *Сэй-Сёнагон*. Записки у изголовья. / Классическая японская проза XI–XIV веков. Пер. со старояп. В.Марковой. М., 1988. С. 33–36.

¹² Там же. С. 34.

Палеонтологами доказан факт того, что собака с древнейших времен была первым и долгое время единственным одомашненным животным, существуя рядом с человеком как сторож, а позже как компаньон во время охоты. Археологические раскопки стоянок эпохи Дзёмон (10 т. лет до н.э. — 300 г. до н.э., соответствует мезолиту и неолиту) доказывают существование завезенной с материка одомашненной собаки¹³. Однако, если на Хоккайдо собака с древнейших времен играла исключительно важную роль в жизни человека как помощник и охотничий компаньон, получала необходимую помощь при ранениях и переломах, после смерти удостоивалась захоронения в могиле, то на западе и севере Хонсю, где население занималось собирательством, собак употребляли на мясо, не придавая им ни бытового, ни сакрального значения. Доказательством тому являются собачьи кости, обнаруженные в древних подобиях помойных ям вперемешку с раковинами¹⁴. Благодаря этим археологическим данным становится очевидным отсутствие какой-либо традиции общения человека с собакой на о-ве Хонсю, в западной части которого и находилась столица Хэйанкё.

Если издревле собаки в Японии были лучшими помощниками охотников-лучников периода Дзёмон и охотников айну, которые не справлялись без помощи собак, то в столице Хэйанкё можно было наблюдать совершенно иную картину – ритуал травли собачьих стай, возникший к самому концу хэйанской эпохи. Эти мероприятия, зародившиеся с

---

¹³ *Танигутти Кэнго* 谷口研語. *Ину-но нихонси. Нингэн то томо ни аюнда итиманэн но моногатари 犬の日本史. 人間とともに歩んだ一万年の物語* [История собак в Японии. История о нахождении рядом с человеком длиной в десять тысяч лет]. Токио, 2012. С. 17.

¹⁴ В связи с вопросом о захоронениях собак в период Дзёмон, как и роли собак в качестве помощников в охоте на крупного зверя, интересно новейшее исследование Анжелы Перри, зооархеолога Института эволюционной антропологии общества Макса Планка в Лейпциге, Германия. Подробнее см.: Perri, A. (2016). Hunting dogs as environmental adaptations in Jōmon Japan. *Antiquity*, 90(353), 1166-1180.

конца хэйанской эпохи и в начале эпохи Камакура, трактуется японским историком Танигути Кэнго как вынужденная мера государства против распространения антисанитарии и эпидемий в столице. Это априори не охота и не намеренное истребление собак. Эти действия проводились в дни, когда не было буддийских празднеств, а также в выходные дни и в *моноими*. Согласно письменным источникам конца хэйанской эпохи «Дзитёгунъё» 侍中群要¹⁵ суть подобных облав на собак на заре их появления состояла в следующем: избирались 20 чиновников шестого ранга из ведомства Курододокоро, которые спрятавшись в траве, выгоняли оттуда собак. Позже, согласно «Кимбисё» 禁秘抄¹⁶, этим неприглядным делом стали заниматься простые слуги. В процессе травли собак применялись лук и стрелы, однако, как полагает Танигути Кэнго, эти стрелы не должны были поранить животных, так как для аристократов того времени кровопролитие и убийство живых существ было категорически неприемлемым¹⁷. Предполагается, что своры собак отгоняли подальше за пределы столицы¹⁸.

С середины эпохи Камакура этот ритуал получил совершенно иную трактовку и был доведен до уровня учебных командных состязаний и всенародного зрелища. Военное сословие нуждалось в оттачивании мастерства стрельбы из лука по недвижимым и движущимся мишеням. В качестве последних пригодились бродячие псы, но только стрельба

¹⁵ Сборник с правилами дворцового этикета и служебными предписаниями. Составитель неизвестен. Первые записи датированы 1071 г., состоит из 10 тетрадей-маки.

¹⁶ Свод церемониальных предписаний для различных сфер дворцовой жизни. Создан в эп. Камакура императором Дзюнтoku (годы правления 1210-1221).

¹⁷ Безусловно, здесь речь о запрете буддизма на убийство всех живых существ, что в мировоззрении японцев того времени накладывалось и на синтоистское понятие скверны и духовного загрязнения *кэгарэ* 穢れ при виде крови, нечистот, родов, больного человека и трупа. Вероятно, другой причиной появления ритуала травли собак была не только санитарная мера, но и сакральная, в целях ритуального очищения территории столицы от источника нечистот.

¹⁸ Танигути Кэнго. Указ. Соч. С. 51-52.

уже была настоящей и кровь проливалась. Состязания получили название *инуоумоно* 犬追物 (в пер.: преследование собак; охота на собак). Позже буддийские монахи выразят свое возмущение и заставят сменить острые наконечники на округлые и безопасные *хикимэ* 墓目, а на собак наденут стеганые попоны. В ту же камакурскую эпоху этот ритуал перерастает в четко структурированное и детально расписанное учебное и церемониальное состязание как вид публично-го зрелища. Первые письменные сведения о состязаниях *инуоумоно* обнаруживаются в письменном памятнике эпохи Камакура «Адзума кагами» 東鏡 («Восточное зеркало», XIII в.).

Состязания устраивались в Киото в открытом поле по весьма сложным правилам и с большим числом участников. Число конных лучников могло варьироваться от 12 до 36, собак – от 150 до 450, помимо основных участников на поле находились администратор сёгуна, судьи, писари, фиксировавшие ход соревнований, метатель жребия, погонщики собак и т.п.¹⁹ Создание дневников с описанием правил состязаний *инуоумоно* и специальных руководств для лучников стало привычным явлением в период Эдо. К одним из таких источников можно причислить руководство для лучников «Инуоумоноруй кагами» 犬追物類鏡²⁰ («Руководство по видам охоты на собак», XVIII в.) авторства самурая Исэ Садатакэ²¹. В данном источнике подробнейшим

¹⁹ *Симада Исао* 島田勇雄. Инуоумоно то инуси то но канкэй ницуйтэ но сирон: огасаварарю хэбэйкэрю но кенкюси 犬追物と犬詞との関係についての試論: 小笠原流平兵衛家派の研究史 [Предварительное исследование о связи между соревнованием по стрельбе по собакам и условиями его оценки: история исследований школой Хебэйкэ стилия Огасавара] / Бюллетень Женского университета Конан 甲南女子大学研究紀要 (13), 1977. С. 308.

²⁰ Доступно к чтению на сайте Электронной коллекции Национальной парламентской библиотеки 国立国会図書館デジタルコレクション URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/2550699>

²¹ Исэ Садатакэ 伊勢貞丈 (1718-1784) – высший вассал клана Токугава в ранге *хатамото* 旗本 в эпоху Эдо. Являлся автором ряда пособий и

образом описывается каждый шаг лучника, степень натяжения тетивы, градус наклона лука, способы расположения участников состязания на поле, особенности стрельбы из лука с коня в бегущую собаку и т.п.

Несмотря на огромную популярность в народе и церемониальный характер этих соревнований, все-таки, *инуоумоно* периодически бывали под запретом, как, например, в период Смуты годов Онин (1467–1477) и были возобновлены не без содействия представителей древнего самурайского рода Симадзу в 1615–1624 годы.

Начало забвения *инуоумоно* связано с постепенной утратой значения стрельбы из лука в военных целях и знакомством японцев с огнестрельным оружием, завезенным первыми европейцами в XVI веке.

Сёгунат отдал предпочтение более эффективному виду стрельбы по сравнению с конной стрельбой *ябусамэ*, чем и положил конец необходимости *инуоумоно* как непременной тренировки лучников²².

В период Эдо, когда завязывались первые контакты с европейцами, японцы впервые увидели породистых собак непривычного для них размера, окраса и конституции. На ширмах-бёбу стиля *намбан* 南蛮 с португальцами, прибывшими на кораблях в Японию, процессия непременно сопровождается разномастными собаками, что не может не указывать на длинную историю одомашнивания собак, выведения разных пород, не говоря уже о восприятии собак, как компаньонов. И, все же, японцам понадобилось время, чтобы перенять и эту модель поведения.

руководств по классической литературе, военным и ритуально-обрядовым практикам, в т.ч. и вышеупомянутого руководства «Инуоумоноруй-кагами», состоящего из 4 тетрадей-маки с подробной инструкцией для подготовки лучников к состязаниям *инуоумоно*.

²² Симада Исао. Указ. соч. С. 306.

Еще в самом начале эпохи Мэйдзи на городских улицах заметно увеличилось число породистых, т.н. «европейских» собак не в пользу местных дворняг. Главный лозунг эпохи *буммэйкайка* 文明開化 – «Цивилизация и просвещение» заставил японцев пересмотреть свое отношение даже к собакам. Заразительным оказался пример иностранцев, обитающих на постоянных дворах Йокогамы. Почти каждый англичанин, американец, русский или француз, прибывавший в Японию, привозил с собой своего пса, чтобы скрасить одиночество на чужбине. Собаки иностранцев удостоились от японцев забавной клички *камэ* カメ, что, на их взгляд, было созвучно английскому “Come in” – так хозяева подзывали своих собак²³.

Вскоре японцы стали проводить сравнение между местными и иностранными собаками, увы, не в пользу первых. Английские породы относились к наивысшей собачьей касте, особенно спаниели и бульдоги. Японские женщины также отмечали чистый и ухоженный вид собак иностранцев и жаждали завести себе таких же. Благодаря англичанам японцы переняли не только знания по собачьей ветеринарии, но и по комплексному уходу за ними²⁴.

Реформатором во всех смыслах, даже в отношении к собакам как к домашним питомцам, стал император Муцухито. Согласно «Мэйдзи тэннō сэйтокуроку» 明治天皇聖徳録²⁵ («Священная добродетель государя Мэйдзи», 1852–1912) в 1873 году из-за пожара в западной части замка Эдо император вынужден был переселиться в императорскую усадьбу в Акасака, где и завел пса. Собака содержалась в саду при доме, так как жилые помещения

²³ Нисина Куню 仁科邦男. Инутати но мэйдзи исин. Потти но тандзё 犬たちの明治維新。ボチの誕生 [Собачья Революция Мэйдзи. Рождение Потти]. Токио, 2017. С. 184-185.

²⁴ Skabelund Aaron Herald. Empire of Dogs: Canines, Japan and the Making of the Modern Imperial World. USA, Cornell University Press, 2011. P. 57.

²⁵ Доступно к чтению на сайте Электронной коллекции Национальной парламентской библиотеки 国立国会図書館デジタルコレクション URL: <http://dl.ndl.go.jp/info:ndljp/pid/946510>

были чрезвычайно тесными и для самого императора. В целом, государю была свойственна любовь к живым существам, так как в огромном саду, кроме пса содержались птицы, спасенный со дна колодца енот-*тануки*, а в пруду было тесно от размножившихся карпов и угрей, от употребления в пищу которых император долгое время отказывался²⁶. Своим примером любви к животным, воздержанием от мясных блюд, даже после снятия самим государем запрета на употребление в пищу продуктов животного происхождения, отказом от охоты император Мэйдзи наглядно демонстрировал своим подданным новый прогрессивный образ жизни, гуманное отношение к животным.

Хоть четвероногие представители английских пород и сумели завоевать сердце японцев и заставить их принять собак в свои жилища, местные псы все еще не попадали в поле их зрения. Они по-прежнему представляли угрозу распространения болезней и собачьего бешенства, что весьма заботило иностранцев, содержащих в Японии породистых собак²⁷.

Забегая вперед, необходимо отметить, что своего рода «собачий ренессанс» произойдет в Японии лишь к 1920-1930 годам, когда японская собака станет символом процветающего милитаризма, бойцом и компаньоном японцев. Этот период утвердит, возможно, еще не окончательно, роль собаки как друга и компаньона, а верный пёс Хатико станет самым знаменитым его символом.

---

²⁶ Нисина Кунио. Указ. соч. С. 159-162.

²⁷ Skabelund Aaron Herald. Op. cit. P. 75.

**Занять подобающее место:
PR-политика 18-го патриарха школы Тэндай Рёгэн
в его «Уложении в 26 статьях»**

Во время «открытия страны» Япония встала перед необходимостью обозначить свою идентичность, чтобы занять подобающее место среди других стран. Вопрос конструирования японской национальной идентичности исследован в достаточной степени. Похожий процесс, хотя в другом масштабе, в сфере буддизма и религиозной жизни вообще, по-прежнему исследован слабо.

Процесс, о котором идёт речь, — это рост и развитие школы Тэндай, в особенности, в период, начавшийся спустя сто лет после смерти основателя школы — Сайтё (767–822). В этот период, верхнюю границу которого обозначить пока сложно, произошёл стремительный рост числа монахов и послушников, пожалование школе собственного помоста для принятия заповедей, т.е. права самостоятельно принимать в свои ряды монахов без оглядки на ежегодную квоту.

В это время — X–XIV вв. — укрупнение и укрепление школы усилило также и внутренние противоречия, наиболее острым из которых оказалось противостояние двух линий преемственности: патриархов Эннин и Энтин соответственно. Сближение духовенства Энрякудзи со столичной аристократией, прервавшееся после покровителя Сайтё, государя Камму (737–806), возобновилось и достигло локального максимума, когда Фудзивара-но Моросукэ (909–960) стал оказывать покровительство Энрякудзи, но не родовому храму Кёфукудзи. Ставленником Моросукэ был Рёгэн (912–985). Вступив на пост патриарха школы Рёгэн оказался перед рядом вопросов, касающихся как внутренних дел общины Тэндай (распределение важных постов между двумя фракциями, восстановление обветшалых зданий), так и внешних отношений.

Приведение в порядок образа школы, создание образа школы как авторитета в области толкования учения Будды

требовало действий и установлений, координирующих эти действия как минимум в двух направлениях. Во-первых, в области проведения церемоний, уточнения обязанностей служителей, ответственных за их проведение, а также обеспечение представительства школы на доктринальных «дебатах» наиболее сведущими и эрудированными монахами. Во-вторых, и это направление находится в центре внимания этой работы, необходимо было определить чёткие легальные границы приемлемого поведения.

Документом, в котором были сформулированы принципы функционирования общины согласно видению Рёгэн, стало «Уложение в двадцати шести статьях» Нидзё рокка дзё кисё. Уложение подписано первым годом под девизом правления Тэнроку¹ (970). Само название Уложения – кисё(мон), (письменная) клятва – некоторое время спустя будет применяться как название специфических правовых документов, в первую очередь, издаваемых религиозными общинами.

Наиболее тяжким наказанием в Уложении значится расстрижение и изгнание из школы. Соответственно, проступки, наказываемые таким образом являются самыми тяжёлыми и наносящими вред благополучию общины на горе Хиэй.

Так, в седьмой статье значится, что монахи, не оплатившие в срок долговые обязательства, взятые на себя во время покупки церемониальной утвари, будут изгоняться из школы навечно. Далее Рёгэн осуждает порочную жадность и азарт, который просыпается в монахах, когда за церемониальную утварь устраивают торги, и они забываются,

---

¹ Текст Уложения по-китайски опубликован в «Письменном наследии периода Хэйан» Хэйан ибун / Под ред. Такэути Ридзо, Токио: Токёдо сёппан, 1974. Перевод на английский — в диссертации Насу Эйсё, посвящённой деятельности Рёгэн, перевод Насу также опубликован в «Рёгэн и гора Хиэй» П. Гронера в 2002 г.

думая совершенно не о том, что об утвари нужно заботиться в меру необходимости, забываются также и торгуются, дабы отобрать лот у того, кого считают дурнее себя. Так, набивая цену, не думают они о деньгах, которые придётся заплатить. Случается, что от ненужного товара отказываются, а иногда берут в долг. Затем выплата этих долгов затягивается, иногда на месяцы и годы. Между тем, отвлечение ресурсов на оплату таких долгов замедляет важную для школы деятельность, например, ремонт и сооружение зданий прекращаются, если рабочим нечем платить за их труд, потому что все свободные средства ушли на оплату описанных долгов. Упоминается кармическая необходимость соблюдать денежные обязательства, вместе с тем конкретные примеры дают почувствовать, как неосмотрительное поведение отдельных монахов сказывается на всей общине.

Последующие статьи не указывают конкретную меру наказания за различные проступки, но носят в значительной степени дидактический и назидательный характер, описывают ситуации, в которых монахи ведут себя неподобающим образом. Своими действиями уподобляются мирянам. В статье 19 осуждаются монахи, взявшие в руки оружие. Утверждается, что «монахи, бродящие в горах с оружием, словно разбойники, будут задерживаться и передаваться властям». Приводятся цитаты из Брахмаджала-сутры (яп. Боммō кē) о том, что не должно отвечать гневом на гнев, ударом на удар и нельзя прибегать к насилию, даже если твою родню губят на твоих глазах.

Любопытно, что некоторые позднейшие биографии, например, Дзиэ дайси дэн 1469 г. приписывают милитаризацию и обмирщение монашеских нравов именно Рёгэн, а также упоминают его собственную ссылку на канон и утверждение, что монахам, подобно Манджушри можно носить как книгу, так и меч (Гронер, С. 293).

Стоит отметить, что Рёгэн не только занимался конструированием образа школы и своей общины, который помогал бы ему взаимодействовать с двором и аристократами, он также ввёл некоторые меры, призванные сохранить порядок на территории г. Хиэй и ограничить проникновение туда мирян и возможных смутьянов и провокаторов.

Это видно в статье 17, которая гласит, что скот и кони, пасущиеся на склонах горы в пределах территории, принадлежащей школе, будут передаваться в Конюшенную управу (мэрё). Выпас скота осуждается как загрязнение пространства, отведённого монахам для защиты сокровищ учения Будды велением государя. Иными словами, вторжение на собственность общины осуждается с сакральной и с профанной точек зрения.

Далее, в статье 18 — запрет на посещение г. Хиэй монахами с покрытым лицом, маской и иными элементами одежды, скрывающими личность посетителя. Оговаривается также, что женщинам по-прежнему дозволяется, скрывать лицо, чтобы сохранить свой пол неузнанным. Иные же монахи, кто скрывает своё лицо, устраивают беспорядки на собраниях, распугивают прихожан и нарушают порядок во время служения. Для недопущения подобных беспорядков скрывающие свое лицо монахи не будут допускаться на г. Хиэй.

Есть также цели, не прописанные прямо в тексте Уложения. Например, по отношению к собственному учению, учению Тэндай, употребляется эпитет «совершенное». Об учении других школ в Уложении не упоминается. Тем не менее, ряд статей посвящён тому, чтобы создать оптимальную структуру для отбора монахов-представителей для доктринальных «дебатов». Они представляли собой собрания с участием мирян, часто высокопоставленных. Одной из задач подобных собраний было установить, монахи каких школы умеют толковать различные вопросы учения Будды наиболее убедительно.

Участие в этих прениях и представление учения Тэндай на должном уровне было чрезвычайно важно в Установлении Рёгэн. Работа над престижем своей школы, конкуренция с монахами Хоссō — это составляющие политики Рёгэн, направленной на то, чтобы завладеть вниманием и расположением потенциальных покровителей.

Как и в случае других традиционных нормативных актов, в Уложении отражается не только норма права как таковая, но и контекст, приведший к тому, что возникла необходимость в подобной норме. Рёгэн приводит пространственные комментарии о том, что обряды стали слишком роскошными, что монахи пристрастились к дорогим пиршествам и дарам.

Для установления подобающего порядка Рёгэн призвал вернуться к строгому соблюдению установлений Сайтё. Преемственность по отношению к основателю, иногда называемому не по имени, а лишь как Великий учитель, оценивается как необходимая добродетель. Несоблюдение правил Сайтё упоминается не единожды как причина складывания нынешнего неудовлетворительного положения школы.

Рассмотрение Установления Рёгэн как свидетельства сознательного формирования моделей взаимодействия между школой и мирянами, между монахами внутри общины (для выдвижения представителей на доктринальные прения, т.е. задача сводится к избранию того, кто достойно представит школу перед лицом других) может дать новые перспективы на взаимоотношения между духовенством и аристократией, а также другими мирянами.

Реликты *śaṅṅra* из сокровищницы храма Тодзи

В начале периода Мэйдзи японское правительство определило Синто в качестве государственной религии, приступив к действиям по вытеснению буддизма с центральных позиций, и первым шагом в этом направлении стал указ марта 1868 г. о разделении двух систем (神仏分離) и устранении буддийского присутствия из синтоистских святилищ. Как результат, в отдельных районах уничтожались буддийские храмы; из синтоистских святилищ выносились статуи и ритуальные предметы (движение под лозунгом 廃仏毀釈); такие эксцессы прекратились только в 1871 г.

Правительство не намеревалось уничтожить буддизм совершенно, однако в его действиях явно просматривалось стремление уменьшить его влияние, для чего предпринимались шаги по дискредитации учения. В частности, публиковались ранее неизвестные документы о чрезмерных доходах храмов и монастырей, а также о персональных богатствах их руководителей; обнародывались различные факты, выставившие буддизм в неприглядном или смешном свете.

Эта тенденция коснулась и одного из самых известных в Японии храмового комплекса Тодзи (его официальное название – 教王護国寺; 東寺 – разговорное) школы Сингон, расположенного к югу от центральной части Киото. Речь пойдет о сохраняемых в нем реликтах Будды – *śaṅṅra*.

Считается, что Шакьямуни умер 80-ти лет от роду; ученики кремировали его тело, а останки – извлеченные из погребального кострища «зерна», «крошки», частички черного, золотого или белого цветов (от которых, по преданию, исходило сияние) – поместили в 10 *ступа*. (По другим источникам, брахман Дрона разделил реликты на восемь частей и разослал по царствам северной Индии. Вскоре за право иметь их на своей территории разразилась война, сцены которой дошли до наших дней на двух

фресках архитравов южных и западных врат великой *ступы* в Саньчи штата Мадхья Прадеш.) Позже они извлекались в качестве священных реликвий и стали передаваться из рук в руки как объекты поклонения и драгоценности высшего духовного порядка, причем число их неуклонно росло.

Кукай (774-835) получил *śāñra* от своего наставника Хуэй-го в 805 г. (а тот, в свою очередь, – от индийского партриарха эзотерического буддизма, знаменитого переводчика сутр Амогхаваджра). Вернувшись в Японию, он привез из Тан 80 «зерен» (упомянуто в его «Списке привезенных и преподносимых предметов»¹), в том числе одну золотую *śāñra*. Несколько из них Кукай поместил в 5-ярусной пагоде в Тодзи, в головы будд лекционного зала и в статую 1000-рукой Каннон (одно «зерно» было обнаружено в ее голове при реставрации в 1966 г.). Считалось, что посредством этого ритуала в статуи вкладывался дух 魂.

К настоящему времени в 東寺 определено 25 мест и 79 предметов в качестве “национальных сокровищ” 国宝, 55 мест и 23 604 предмета – как “важные культурные достояния” 重要文化財. Из “национальных сокровищ” о 21 статуе лекционного павильона 講堂 до 1965 г. знал лишь небольшой круг посвященных; от посторонних взоров их тщательно скрывали².

В 1197 г. более десяти мастеров и учителей Сингон под руководством знаменитого Ункэя (которому в то время было около 45 лет), приступили к работе по восстановлению отдельных элементов лекционного павильона и его статуй. За 370 лет до этого Кукай выстроил их в порядке из трех

¹ Кобо Дайси тэсаку дзэнсю 弘法大師著作全集 (Полное собрание произведений Кобо Дайси // Ред. и коммент. Кацумата Госинори). В 3 т. Токио: Санкибо буссэрин 山喜房佛書林, 1979. Т. 2. С. 26.

² Канаока Сюю 金岡秀友. Кодзи мэйсэцу дайдзитэн = 古寺名刹大辞典 (Большой словарь известных старинных храмов). Токио: Токёдо сюппан 東京堂出版, 1981. С. 339.

групп: Татхагаты, бодхисаттвы, Ачала (по 5 фигур), а также 4 царя-охранителя, Индра и Брахма. Четыре индийских Царя борются с внешними врагами учения; Ачала – с внутренними, в собственном сердце. Статуя Ачаланатха, изготовленная в 839 г., считается самой старой статуей Фудо в Японии.

Статуи переносили в северо-западный угол павильона, где мастера подновляли их и заново покрывали лаком. Одна лишь статуя Махавайрочаны была слишком велика; ею занимались, не сдвигая с места.

8 мая 1198 г. в голове статуи Амида Ункэй обнаружил золотую трубку, а в ней – листок с записанной *дхарани* и именем Будды, а также два «зерна» *śarīra*. То же нашли в голове статуи Самантабhadра. Всего обнаружили 25 «зерен» реликтов – они были вложены Кукаем в 14 статуй.

К осени реставрация 21 статуи была завершена, но извлеченные предметы в них не сразу вложили обратно. *Ачарья* Сэнгакубо (專覚房) совершил это в одиночестве в последующие дни. Неизвестно – когда и почему, но уже скоро оказалось, что все реликты снова извлекли из статуй, и теперь они рассматривались уже как драгоценные реликвии, которые, при этом, можно передавать в качестве награды «достойным лицам».

Śarīra хранились теперь в двух типах сосудов: первом и втором (甲壺乙壺): *тёкуфү* (勅封, высокий цилиндр)³ – мог открывать только император; *кёфү* (教封, широкий цилиндр) – мог открывать только настоятель 東寺. В 1301 г. в *勅封* было 37 зерен. При императоре Гоуда их было уже 36. В 1304 г. их оказалось 39; при *кампаку* Нидзё Канэмoto – снова 36⁴. Они стали драгоценным подарком, преподноси-

³ Миккё дайзитэн 密教大辞典 (Большой словарь эзотерического буддизма). Киото: Ходзокан 法蔵館, 1983. С. 1614.

⁴ *Миура Сюнрё* 三浦俊良. Тодзи-но надзо 東寺の謎 (Загадки Тодзи). Токио: Сёдэнся 祥伝社, 2001. С. 148.

мым императорам от аристократов и даруемым аристократам императорами или сёгунами.

В период *наamboкутё* при императоре Годайго было 37 *śaṅra* (в то время их наличие рассматривалось в качестве гарантии покоя в стране); в период Муромати Асикага Ёсимицу посетил Тодзи, собственноручно открыл *тёкуфү* и вложил туда *śaṅra*; ни до, ни после него к *тёкуфү* не прикасался никто, кроме императоров. Буддийское духовенство негодовало от такого произвола, но громко своих претензий не объявляло.

Число *śaṅra* оказалось вдруг достаточно неопределённым; появились “новые записи” об их подсчетах. Согласно новым документам, несмотря на “заявленные 80”, когда в 950 г. настоятель Кангу пересчитал содержание сосудов, в “первом” содержалось 4 259 *śaṅra*, а во “втором” – 535. В 1054 г. их считал Какугэн, с результатами 680 и 3 645 соответственно⁵. Монахи Тодзи не могли внятно объяснить подобные метаморфозы, однако скоро выдвинули утверждение, что *śaṅra* сами увеличиваются числом, когда в стране достаток и спокойствие, и уменьшаются в периоды смуты.

Совершенно очевидно, что *śaṅra* неоднократно дарились, а в сосуды (и в статуи) докладывались предметы лишь номинально именовавшиеся «реликтами», либо же те, что привозились позже из Китая (но в аутентичности которых существуют большие сомнения).

В 1997 г. провели очередную реставрацию, просветив статуи лекционного павильона рентгеном; в голове Ачала обнаружили вложенный золотой цилиндр 1.6x2 см с *śaṅra*. То же выявлено и в других статуях Фудо. На этот раз ничего не стали извлекать.

---

⁵ Миура Сюнрё. Указ. соч. С. 150.

**Короткий рассказ в творчестве
современного японского писателя Танака Синъя**

Танака Синъя (род. 1972) – японский писатель-постмодернист, сочетающий в своём творчестве элементы магического реализма, психологической прозы, поэтики абсурда и мениппеи. В 2008 году Танака получил 34-ю Премию имени Кавабата Ясунари и 21-ю Премию имени Мисима Юкио; в 2012 году он был удостоен 146-й Премии имени Акутагава Рюноскэ; также неоднократно становился лауреатом других национальных литературных премий.

В 2016 году увидел свет один из самых известных его сборников – «Пламя и молодое деревце»¹, который сам писатель в послесловии называет экспериментом, подобным тому, каким являлся сборник Кавабата Ясунари «Рассказы величиной с ладонь»². Действительно, как и «Рассказы величиной с ладонь», рассказы из сборника Танака очень разнообразны и по тематике, и по стилю: одни рассказы носят характер бытописательской прозы; другие тяготеют к жанру мистических историй; третьи близки к фольклору; четвертые – автобиографичны; пятые напоминают философские или лирические новеллы; шестые представляются бессюжетными зарисовками, вызывающими особое настроение и чувство у читателя.

Сборник состоит из сорока четырёх рассказов объёмом не более трёх-четырёх страниц каждый. Особую группу сюжетов представляют философские притчи, иногда сказочного содержания. К таким историям относятся «Диалог»³, «Решётка и закат»⁴, «Лицо умершего»⁵. В рассказе «Диалог» охотник, наткнувшийся в горах на медведя, собирает его

¹ Танака Синъя. *Хоноо то наэги*. (Пламя и молодое деревце). Токио, 2016.

² Танака Синъя. *Атогаки* (Послесловие) // В сб.: *Хоноо то наэги*. (Пламя и молодое деревце). Токио, 2016. С. 142.

³ Танака Синъя. *Кайва* (Диалог) // Там же. С. 5-8.

⁴ Танака Синъя. *Тэккōси то юхи* (Решётка и закат) // Там же. С. 73-75.

⁵ Танака Синъя. *Синигао* (Лицо умершего) // Там же. С. 130-132.

убить, – но вдруг медведь заговаривает с ним человеческим голосом, рассуждая о природе человека и о праве на убийство живого существа. В ходе беседы охотник периодически угрожает пристрелить медведя, если тот немедленно не прекратит «нести вздор». Особенно разозлили охотника рассуждения медведя о том, что медведи тоже умеют говорить, если захотят, и могут высказываться прямолинейно; охотник отказывает медведю в праве свободно мыслить и настаивает на том, что теми привилегиями (например, убивать), которые есть у человека, не должен обладать медведь: ведь законы, идеи преступления и наказания – то, что рассчитано на человека и создано для него, поскольку человек более значим, чем животное. Разозлившись, что медведь спорит с ним, настаивая на своём, охотник всё-таки стреляет – но не попадает в медведя, после чего поймать и уничтожить зверя становится его навязчивой целью; охотник блуждает по горам, поклявшись пристрелить медведя за то, что тот осмелился заговорить. В данном рассказе можно было бы усмотреть идеи защиты природы и живых существ, но, очевидно, образ медведя может иметь и иную трактовку: социальная незащищенность ряда людей, которые уязвимы и проигрывают в борьбе с несправедливостью, и чьи доводы не принимают во внимание те, кто обладают силой и властью. Аллегорически медведь – это слабая сторона, которую не желает выслушивать сильный, готовый скорее погубить, чем помочь.

В рассказе «Решётка и закат», построенном на метафоре постмодернистской философии о смерти Бога, автор обращается к высказыванию Ницше «Бог умер». По городку распространились слухи, что арестован человек, убивший Бога, и жители, толпясь у камеры, которая выходила прямо на улицу, старались разглядеть преступника. В центре рассказа диалог между жителями городка и полицейским, уверяющим их, что преступник сидит в камере, в то время как жители доказывают, что камера пуста. Полицейский клянётся, что в момент задержания

убийца имел вполне отчётливый внешний вид, – но пока он находился под стражей во время расследования, постепенно начал терять свои очертания, а вместе с ними утратил и голос. Невидимый и неслышимый преступник теперь заточён, но толпа не верит этому, обвиняя правительство в обмане. Обозлённые люди собираются отправиться в церковь, чтобы получить достоверную информацию там, но полицейский объясняет, что Бог Отец «ушёл в отставку», ибо не хотел оставаться в одиночестве после убийства Сына, и церковь теперь закрыта. В данном рассказе можно усмотреть экзистенциализм как художественный метод: мир представляется устрашающим, покинутым Богом, и на первый план выступает абсурдность человеческих действий и слов.

Кроме того, идеи данного произведения перекликаются с идеями рассказа «Диалог». В центре рассказа «Диалог» – диалог человека с медведем, причем медведь требует ответов и совместного поиска правды, в то время как охотник всячески увильчивает и вместо поиска аргументов то и дело срывается, грозясь застрелить медведя, если тот продолжит говорить то, что ему неприятно слышать. Рассказ «Решётка и закат» построен на беседе полицейского и толпы, подозревающей в обмане представителей власти и требующей справедливости, как того требовал и медведь; абсурдные доводы полицейского выводят толпу из себя, но выясняется, что людям не на кого положиться: власть обманывает их, лжёт, будто убийца Бога пойман, чтобы успокоить, – но при этом правды не найти ни у представителей закона, ни в церкви. С другой же стороны, в плане постмодернистского осмысления метафоры смерти Бога, очевидно, что люди давно и думать забыли о Боге, и это показывают рассуждения горожан в начале рассказа: они удивлены не столько тем, что Бога кому-то удалось убить, сколько фактом, что убил его не Ницше. Метафора смерти Бога является для постмодернистов идеей отказа от внешней причины; так, горожане в рассказе Танака Синъя страстно

допытываются до правды об убийце, совершенно забыв, в чём же заключалась идея самого Бога для них.

Тема собственной смерти, утраты себя поднимается в рассказе «Лицо умершего». Главный герой, от лица которого ведётся повествование, получает извещение о собственной смерти и изумляется, не понимая, что же послужило причиной гибели. На пафосных похоронах герой приходит к выводу, что его смерть наступила не столько вследствие самоубийства, сколько явилась результатом того, что всю жизнь он старался принять максимально «красивый» вид, то есть вести себя, как подобает, в ущерб собственным чувствам. Дивясь и любясь своим мёртвым лицом, которое выглядит таким умиротворённым, словно при жизни герой не знал никаких горестей и печалей, мужчина приходит к выводу, что умер, так никогда и не показав никому настоящего себя, и единственное, чем приходится теперь утешаться, – что его лицо сохраняет ту же приятную маску, которую он изо всех сил старался держать при жизни. Обманывая окружающих, герой обманул самого себя; вся его жизнь прошла во лжи, потому что он не позволял себе быть собой, выполняя лишь то, чего от него ожидали другие – и собственная слабость привела его к самоубийству. Только пережив собственную смерть, герой становится самим собой и признаётся себе в том, чего не решался проявлять при жизни.

Магический реализм является доминирующим художественным методом в рассказах «Перед тоннелем»⁶, «Красная женщина»⁷, «Я»⁸, «Глас Божий»⁹. Все четыре рассказа объединяет мотив слежения за главным героем. «Перед тоннелем» – история о старухе, которая преследует

---

⁶ Танака Синъя. *Тоннэру-но маэ* (Перед тоннелем) // Там же. С. 21-23.

⁷ Танака Синъя. *Акай онна* (Красная женщина) // Там же. С. 64-66.

⁸ Танака Синъя. *Ватаси* (Я) // Там же. С. 18-20.

⁹ Танака Синъя. *Ками-но коэ* (Глас Божий) // Там же. С. 133-135.

главного героя; при этом её не видит и не слышит никто, кроме него. Старуха, подстерегая героя в автобусе, когда он едет на работу, постоянно бубнит ему странные вещи, обвиняя его в том, что он не умеет ни работать, ни нормально относиться к людям, ни вообще жить. Старуха всегда выходила на остановке перед тоннелем; один раз герой не выдержал и пошёл за ней с целью узнать, кто же его преследовательница; женщина исчезла у одинокой могилы на холме, и это так напугало героя, что он толком не рассмотрел, чья это могила. На следующее утро выяснилось, что перед тоннелем нет никакой остановки; женщина больше не появлялась. Здесь можно разглядеть аллюзию на многочисленные сказания о визитах духов усопших, которые, навещая живых, становятся своеобразным голосом их совести. Аналогичен данной истории рассказ «Красная женщина», где героя, которым оказывается сам премьер-министр Японии, преследует призрак незнакомки, являющийся по сути ничем иным, как голосом совести известного политика.

В рассказе «Я», использующем приёмы поэтики абсурда, герой встречает самого себя на улице и начинает следить за собой. Попытки анализировать себя и собственные действия, вездливый самоанализ и рефлексия, в которые он углубился в процессе самозабвенного преследования, могли бы свести его с ума; однако в результате герой вовремя останавливается и понимает, что незачем относиться к себе слишком строго, и ему не в чем себя упрекнуть.

Рассказ «Глас Божий» почти целиком написан знаками азбуки катакана и представляет собой монолог Бога, обращённый к писателю. Иероглифами в данном рассказе записываются только слова «смерть», «умереть», «самоубийство», а также имена писателей: «Мисима Юкио» и «Танака Синъя». На протяжении всего краткого монолога Бог ругает и стыдит писателя, настаивая на том, чтобы Танака совершил самоубийство так же, как и Мисима, потому что достойный

писатель не сможет жить, наблюдая современную окружающую действительность.

Рассказы «Море слёз»¹⁰, «Зимородок»¹¹, «Прежде чем расстаться»¹², «Уродливая женщина»¹³, «Любовный роман»¹⁴, «Могила»¹⁵, «Пишу, читаю»¹⁶ носят лирико-философский характер; некоторые из них содержат элементы бытописательской прозы либо представляют собой автобиографические зарисовки о житнетворчестве писателя – иногда самого Танака Синъя, иногда – вложенные в уста пожилого писателя, имя которого не называется. К историям мемуарного характера относятся «Любовный роман», «Зимородок», «Пишу, читаю», «Уродливая женщина»; все они написаны от первого лица. В «Любовном романе» писатель рассказывает о любви к нему девушки-редактора; узнав о её чувствах, спьяну он попытался воспользоваться ею, хотя изначально мысль об измене жене была ему отвратительна; однако усилием воли красавица-редактор пресекла его домогательства. В рассказе «Зимородок» семидесятипятилетний писатель вспоминает свою единственную женщину, с которой он встречался до встречи с женой, тоскует об ушедшей молодости и с ностальгией вспоминает рассказы бывшей любовницы о её родных краях и зимородках на Кюсю. Когда возлюбленная бросила университет и уехала за границу, мужчина нашёл утешение в браке с женщиной, которая имела с ним гораздо больше общего, чем бывшая возлюбленная. С тех пор он стал вместе с женой бывать в родных краях бывшей возлюбленной, отдыхая на горячих источниках на Кюсю; однако его

¹⁰ Танака Синъя. *Хо:фуна намида* (Море слёз) // Там же. С. 9-11.

¹¹ Танака Синъя. *Кавасэми* (Зимородок) // Там же. С. 139-141.

¹² Танака Синъя. *Вакарэру мадэ* (Прежде чем расстаться) // Там же. С.15-17.

¹³ Танака Синъя. *Миникуй онна* (Уродливая женщина) // Там же. С.12-14.

¹⁴ Танака Синъя. *Рэнбай сёсэцу* (Любовный роман) // Там же. С. 76-79.

¹⁵ Танака Синъя. *Хака* (Могила) // Там же. С. 33-36.

¹⁶ Танака Синъя. *Каитэ иру, ёндэ иру* (Пишу, читаю) // Там же. С.136-138.

надежда увидеть зимородка так и не осуществилась, символизируя невозвратимость былых чувств и ушедшую молодость.

В рассказе «Пишу, читаю» Танака Синъя продолжает рассуждать на тему, поднятую в истории «Глас Божий», - самоубийство; но рассуждает уже от своего имени. В этом произведении Танака пишет о страхе, что его работы не слишком сильны и не обладают достаточным воздействием на читателей; одних этих сомнений в собственной состоятельности как писателя ему хватает для регулярно возникающего желания покончить с собой. Он рассказывает о попытках броситься под грузовик или выпить инсектицид в периоды творческого застоя, поясняя, что каждый раз его останавливало лишь малодушие и трусость, – а вовсе не возвышенные мысли о близких, которым его смерть причинила бы боль, или о тех людях, которые хотели бы жить, но вынуждены гибнуть, страдая от болезней и стихийных бедствий. Танака утверждает, что справился со страхом не состояться как писатель: он принял решение писать и публиковаться только для самого себя, не ориентируясь на мнение читающей публики и критиков, и предлагает отчаявшимся людям, задумывающимся о самоубийстве, тот же выход: жить и работать без оглядки на других, только ради себя самого. В то же время он признаёт, что это решение может однажды дать сбой, и он сам не может гарантировать, что однажды всё же не сорвётся и не покончит жизнь самоубийством.

В рассказе «Уродливая женщина» некий писатель, работающий за ноутбуком над рукописью в кафе, то и дело оглядывает посетителей в поисках вдохновляющей внешности. Наконец увидев то, что нужно, он пытается запечатлеть в своём произведении образ женщины, сидящей за столиком напротив; она настолько уродлива, что её уродство не поддаётся описанию, – но как раз героиню с отталкивающей внешностью ему и требуется изобразить. Писатель осознаёт собственное ничтожество, не находя художественных

средств для описания подобной внешности; в итоге он решает изменить произведение, сделав его героиню красавицей, потому что описание красоты даётся ему лучше. Однако с той поры писатель упал в собственных глазах: оказывается, в окружающей его реальности есть то, что он не способен отразить на бумаге, и не все слова ему подвластны.

Рассказ «Могила» целиком, за исключением небольшого авторского вступления, представляет собой диалог матери и маленького сына, которые пришли на могилу погибшего отца ребёнка. Мальчик не понимает, почему мама просит его «поздороваться с папой», когда вместо папы он видит надгробный камень. Ребёнок простодушно интересуется у матери, почему у остальных ребят в детском саду папы – это люди, а не «могилы», и выражает желание тоже поскорее стать «могилой», чтобы оказаться рядом с папой. Мать осторожно пытается донести до ребёнка правду: отец погиб, потому что был преступником и делал плохие вещи. Малыш, вопреки её ожиданиям, приходит в восторг и обещает, что тоже будет совершать много злодеяний, чтобы поскорее стать «могилой», как и папа, и быть с ним. Мать пытается объяснить ребёнку, что умереть во цвете лет было наказанием Господним за грехи, которые отец совершил при жизни; но мальчик только ещё больше радуется и, к ужасу матери, клянётся встать на преступный путь, чтобы боги также покарали и его, и таким образом поместили рядом с отцом. Детская тоска по отцу, невозможность матери подтолкнуть ребёнка к правильным выводам, родительская беспомощность перед детской логикой лежат в основе этой психологической зарисовки.

Рассказ «Море слёз» представляет собой рассуждения самовлюблённого мужчины о плачущих женщинах. Ему нравится доводить свою любовницу до слёз; а та в последнее время постоянно рыдает, переживая, что он не собирается бросать свою супругу ради неё. Однако главного героя

устраивают её слёзы: он считает, что когда женщина перестаёт плакать, мужчина теряет над ней власть, что идёт вразрез с женской участью – которая, по его мнению, заключается в том, чтобы рыдать, терпеть и довольствоваться тем, что есть, держась за имеющегося мужчину.

Рассказ «Прежде чем расстаться» – рассказ-иллюзия, построенный отчасти на галлюцинациях главного героя. Мужчина с девушкой участвуют в гуляньях на одном из традиционных японских праздников; мужчину раздражает толпа, он досадует, что японские праздники постепенно утрачивают свой исконный смысл и ритуальность, превращаясь в тусовку для ничего не смыслящей в традициях молодёжи. Толпа оттесняет его от девушки, чему он рад, потому что в последнее время планирует с ней расстаться, но не знает, как. В конце концов он находит её; на него накатывает бесконтрольная ярость, когда он видит, что она одета в ненавидимое им красное платье. Мужчина затаскивает женщину в какое-то подсобное помещение и там насилует, разрывая её красные одежды. Своей вины он не чувствует, объясняя, что виновата она: надела платье, которое его спровоцировало. В какой-то момент мужчина очнулся от того, что девушка схватила его за руку; оказалось, что сцена изнасилования ему только привиделась, как и её алые одежды. Здесь можно усмотреть аллюзию на галлюцинацию с красным платьем, являющуюся основой сюжета в рассказе «Красное платье»¹⁷ другого известного современного японского писателя – Атода Такаси (род. 1935). Главная героиня этого рассказа приобретает платье в магазине, который позже таинственным образом исчез без следа; платье провоцирует галлюцинации и в конце концов загорается на девушке.

---

¹⁷ Атода Такаси. *Акай дорэсу* (Красное платье) // В сб.: *Маттэ цу токо* (Мужчина, который ждёт). Токио, 1988. С. 28-60.

Как можно видеть, рассказы Танака Синъя наполнены множеством постмодернистских приёмов и символов: к ним относится, например, размытость границ между реальным миром и сказочным; экзистенциализм и магический реализм; частое обращение к цитатам, аллюзии; эксперименты с графикой; многосмысленность; взаимопроникновение и слияние абсурдного и философского, страшного и смешного, грустного и забавного. Тексты этого писателя-постмодерниста можно рассматривать как интертекст, поскольку очевидно, что тексты легенд, отсылки к известным литературным и культурным фактам содержатся в них в самых разных формах, на разных уровнях. Вряд ли можно просто свести интертекстуальность рассказов Танака Синъя к проблеме влияния на его творчество идей и метафор постмодернизма; коды и формулы, которыми наполнены его работы, могли быть даны автором не всегда осознанно, но попытка обнаружения их источников, безусловно, представляет интерес.

**Исикава Такубоку и Василий Розанов:
сходство несхожего в дневниковом жанре**

«Дневник, написанный латиницей» юного гения японской литературы писателя Исикавы Такубоку (1886-1912) и «Опавшие листья»¹ русского философа Василия Розанова (1856-1912) созданы людьми разных культур и разного жизненного опыта. Тем не менее, обоих авторов объединяет страстное желание мыслить, творить поэзию мысли, когда мысль не отвлечённа, а рождена самой жизнью. Исикава Такубоку был знаком с произведениями Тургенева, Толстого, Достоевского, Горького и находился в заочном диалоге с новаторской русской литературой Серебряного века, также пытливо ища новые пути в литературе в опоре на традицию. Дневник его токийского периода жизни был написан в 1909 году, но издан только в 1948 году, чудом избежав сожжения. Необычная смелость произведений поразила читателей наследия японского автора, как и современников Василия Розанова. «Такой книге нельзя *быть*», – высказалась З.Гиппиус об «Уединённом». Жанр дневниковых записок для одного и другого писателя была делом сугубо интимным, первой подобной книге, «Уединённому», Розанов дал подзаголовок «Почти на правах рукописи». Свои заметы, которые Розанов делал порой на клочках бумаги, в любое время суток, писатель назвал «опавшими листьями», они глубоко индивидуальны, объединяя афористичность мысли, поэзию и мимолетное впечатление от жизни. Хотя случайные записи Розанова не содержат дат, они запечатлевают миг переживания, где красота и боль мира неразрывны. Не случайно оба автора обрацались к метафоре отлетающей листы:

¹ Василий Васильевич Розанов – писатель, философ, публицист. В жанре «опавших листьев», разрозненных заметок о себе и мире, издал книги «Уединённое» (1912), «Смертное» (1913), «Опавшие листья» (первый и второй короб, 1913, 1915), после смерти в этом жанре вышли его книги «Мимолётное» и «Вокруг Сахарны».

Ворошит тополя,
Шуршит
В аллеях акаций
Осенний ветер...
Запись в моём дневнике². –

Писал Исикава Такубоку в жанре в стихах в жанре танка, созданных параллельно с дневником. Говоря о эстетических взглядах японского поэта, переводчик отмечает: «Он считал, что танка – это миг, в котором запечатлены мир и человек; предмет и тема танка – вся жизнь. <...> Мгновения жизни не повторяются, и единственный способ задержать их – это написать танка. Именно в жанре танка, а также в традиционной для японской словесности форме дневника поэт сумел наиболее полно, с предельной откровенностью выразить себя. Его танка и дневники не сопрягаются ни с каким новейшим литературным направлением, они совершенно оригинальны, причем силы, необходимые для самостояния, он черпал в многовековой национальной традиции»³. Как и в творчестве Исикавы Такубоку, в записях Василия Розанова отразилась горечь от невозможности сложить картину мира в единое целое, принятие ударов судьбы и бунт против существующего порядка вещей, прорыв к свету и попытка отрицания литературы и читательского внимания: «Шумит ветер в полночь и несёт листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, получувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что "сошли" прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья, - без всего постороннего... Просто, - "душа живет"... т. е. "жила", "дохнула"... С давнего времени мне эти "нечаянные восклицания" почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги

---

² Здесь и далее цит. по изданию: Исикава Такубоку. Дневник, написанный латиницей. Перевод с японского и комментарий Е. М. Дьяконовой // ВОСТОК – ЗАПАД. Исследования. Переводы. Публикации. Выпуск четвёртый. М.: Наука. 1989.

³ Там же. С. 173.

под рукой) заносить, - и они умирают. Потом ни за что не припомнишь. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное всё накапливалось. И вот я решил эти опавшие листы собрать. Зачем? Кому нужно?

Просто - мне нужно. Ах, добрый читатель, я уже давно пишу "без читателя", — просто потому, что *нравится*. Как "без читателя" и издаю... Просто, так нравится. И не буду ни плакать, ни сердиться, если читатель, ошибкой купивший книгу, бросит её в корзину...»

Одна из главных тема обоих писателей – сострадание миру, прежде всего своим близким, оказавшимся в тяжёлом положении: у Розанова любима жена, «мамочка», как он её называл, была парализована, а Исикава Такубоку не смог из-за бедности помогать жене, больному ребёнку и тяжело нуждающейся матери. «Любовь есть *боль*. Кто не болит (о другом), то и не любит (другого)», – записал Розанов. Исикава Такубоку любил жену и дочь, но и тяготился браком, который, как ему представлялось, сковывал его: «Почему я должен быть связан по рукам и ногам родителями, женой, ребёнком? Почему родители, жена, ребёнок становятся моим жертвами? Но всё это, конечно, не имеет отношения к тому, что я люблю родителей, Сацуко, Кёко». Письма от жены и от матери, живущих в глубокой нищете, вызывали у него душевные и физические муки. «Современный брак, да и вся социальная система – насквозь лживы», – приходил к выводу японский поэт. Розанов также постоянно был занят мыслями о несовершенстве брака, проблемах семьи и продления рода, порой вступая в спор с церковными догматами. Его внимание к тёмным сторонам жизни продолжало традицию Достоевского. «Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти», — писал Розанов. Будучи человеком глубоко преданным семье, он замечает: «Несмотря на важность проституции, однако, в каком-то отношении, мне не ясном, – они суть действительно "погибшие создания", как бы погаснувшие души. И суть действительно – "небытие"; "не существуют", а только кажется, что они – "есть"». Неожиданно Розанов находил общее между литературным твор-

чеством, публичным выговариванием и древнейшей профессией: «Учёный, насколько он публикуется, учёный, насколько он печатается, суть, конечно, проституты. В сущности, вполне метафизично: «"Самое интимное – отдаю всем"».

Исикава Такубоку также писал о пороках общества, осознавая, что сам не может избежать их, описывая разочарование от женщин лёгкого поведения. «На их лицах нет блеска, их кожа холодна и груба, и они совершенно привыкли к мужчинам. Никакой страсти они не испытывают. Всё ограничивается тем, что, взяв немного денег, они сдают себя внаём. <...> Страшно. Отвратительно». В этом проявление двойственности человеческого характера, раздробленности его бытия, которое он не может свести в целое: «Я слаб, я слабый человек, обладающий волшебным мечом, не хуже, чем у любого другого». «Я не могу не сражаться и не могу победить. И это значит, что смерть – единственный путь для меня. Но смерть отвратительна. Я не хочу умирать! Но как жить?» В отчаянии Исикава Такубоку тщетно искал примирения между сторонами своей души, предрекая близкий смертельный недуг: «Болезнь! Слово, которое люди ненавидят, для меня звучит сладко, как название горы в родных краях. О-о! Свободная жизнь, свободная от всякой ответственности!»

Произведения обоих писателей пронизаны мыслями о смерти. Весть о внезапной кончине Фтабатэя Симэя, классика японской литературы, переводчика русских писателей, случившаяся при возвращении на родину на пароходе из Кореи, поразила Исикаву Такубоку: «Друг говорит, что не понимает моей нелюбви к сочинениям Фтабатэя и к самому писателю. Мой милосердный друг не понимает глубокой тоски и муки человеческой жизни. <...> Могу вообразить себе состояние господина Фтабатэя, когда он умирал». Подобное чувство кончины в его дневнике не редкость: «Ах! Никогда мысль о смерти так не давила на меня, как сегодня утром... Идти в издательство или не идти... Нет, нет, прежде всего, умереть или не умереть...» Розанов писал о тёмном,

пугающем мраке, заставляющем думать о близкой смерти: «Режет Тёмное, режет Чёрное. Что такое? Никто не знает».

Оба писателя с самого чувствовали в себе роковую, непознаваемую, глубинную отъединённость от жизни: «Меня непонятно почему охватило ощущение, что в мире не стало места, куда я мог бы поместить себя», – писал Исикава Такубоку. «"Не ладно" рождённый человек всегда чувствует себя "не в своём месте": вот именно как я всегда чувствовал себя», – признавался Василий Розанов. Оглядываясь на мир, они видели жизнь людей лишённой всякого смысла: «И что я такое – одинокий, в тесной комнатке, скованный непонятной усталостью? Последнее открытие человечества – это то, что человек ничего замечательного из себя не представляет!» – восклицал японский автор. В. Розанов словно откликнулся ему: «Родила червяшка червяшку. Червяшка поползла. Потом умерла. Вот наша жизнь».

«Да. Смерть – это тоже *религия*. Другая религия», – задумывался Розанов.

Дневник японского поэта и произведения русского философа наполнены любовью к литературе, невозможностью жизни вне сочинительства и осознанием того, что оно забирает жизнь ради гипотетической славы, ничего не оставляю взамен. Исикава Такубоку писал:

«Я сказал себе: "Я непременно брошу литературу".

"Бросишь? А что будешь делать?"

Death – другого ответа нет.

Что же я действительно могу делать? И есть ли вообще то, что я мог бы делать?

Пойти в какую-нибудь провинциальную газету?»

Розанов подводил итог своей многолетней творческой деятельности: «Литература, как орёл, взлетела в небеса. И падает мёртвая. Теперь-то уже совершенно ясно, что она не сеть "взыскуемый невидимый град". И литература делалась мне противна». Исикава Такубоку с горечью говорил о предполагаемом переезде в провинцию и газетной подённости: «Настроение такое, будто я жду смертной казни! <...> Но литературу, тогда, конечно, придётся бросить». «О,

сочинительство – мой враг, а моя философия – не более сознание того, что я смешон. Я хочу так много. Но не хочу ли на самом деле чего-то совсем ничтожного? Денег!» «Печатная водка. Проклятая водка», – предостерегал о журналистике Розанов.

«Судьба *бережёт* тех, кого она лишает славы», – писал Василий Розанов. В 1912 году оборвалась жизнь Исикавы Такубоку. В 1917-1918 годах, незадолго до смерти от голода, Розанов опубликовал «Апокалипсис нового времени». Японский писатель также писал о грядущих войнах, создав стихотворение «Новое столица» по мотивам романа Герберта Уэллса «Война в небесах». Однако поэт верил в обетованный новый град и воскрешение не на небе, а на земле. Здесь, на земле, любовь, природа и литература наполняли смыслом жизнь обоих писателей: «Я задыхаюсь в мысли. И как мне приятно жить в таком задыхании. Вот отчего жизнь моя сквозь тернии и слёзы есть всё-таки наслаждение», – писал Розанов о том, что давало ему силы для борьбы. «Песни – *оттуда* же, откуда и цветы», – продолжал мыслитель идею русских классиков об одухотворённости природы. Дневник Исикавы Такубоку наполнен впечатлениями от красоты весенней природы, которая невинна и прекрасна даже в суетной столице: «Цветущая под моим окном сакура выпустила новые бледные листочки». Красота и страдания тесно переплетены в мире: «Летние насекомые, танцуя, летят на огонь и погибают. И эти люди очарованы столицей – не ведающие ничего, летящие люди. Умереть, быстро сторев или бежать... Что-то одно неотвратимо. Я испытываю странную грусть».

Оба автора прошли через враждебность к действительности: «Это непереносимое оскорбление – когда тебя любят», – признавался Исикава Такубоку, вспоминая: «Все без различия казались мне врагами. Порой я думал, что готов убить всех известных мне людей, начиная с самых близких. Я ненавидел всякого, кто дружил со мной, за его дружбу. "Всё заново" — это была "новая" надежда, которая властвовала надо мной много дней. Мой "новый мир" – это был "мир

сильного"». Розанов в мгновения подобного признания напоминал героев Достоевского, осознавая библейскую «мерзость запустения» в своей душе: «Я вышел из мерзости запустения... Какая нелюдимость. Вражда ко всем людям».

Исикава Такубоку и Василий Розанов творили свои произведения на рубеже литературных эпох, когда старые представления о литературе переживали болезненный слом. Так, японский писатель говорил о необходимости ухода от натурализма. Описывая свой разговор с другом литератором, он отмечал: «Он не может отбросить свои классические взгляды и вкусы и вместе с тем не может не признавать влияние новой литературы. Тут непременно возникает двойственность». В России это время отмечено выходом на сцену литературных направлений, ломающих привычные рамки как реалистической литературы, так и литературы ставшего модным к тому времени символизма. Книги Розанова не могли вписаться в устоявшийся канон. Поэзия мысли, которой он следовал, была глубоко исповедальна, и в то же время обращена ко всему миру. По этой же причине нам близок сегодня «Дневник, написанный латиницей» Исикава Такубоку и его произведения в жанре танка, где мимолётное вплетено в узор вневременья.

«Трудно человеку быть понятным до конца», – писал в токийском дневнике Исикава Такубоку. Ещё до «опавших листьев» Василий Розанов написал большой том «О понимании». Стремление быть понятным и предопределяет, возможно, роковую, всепоглощающую страсть к сочинительству столь разных, но в чём-то близких авторов:

Помню,
Помню,
Учитель рассказывал нам,
Как жизнь свою безвозвратно
Загубил один человек...
Он был слишком талантлив!

Пер. В. Марковой

«Отлетевшие листья» Исикавы Такубоку и Василия Розанова хранят отпечаток их бытия.

[YASUMOTO Takako]

石川啄木と明治日本 —「国民的性格」をめぐる—

Исикава Такубоку и Мэйдзи-исин:
к вопросу о «национальном характере»

【はじめに】

明治維新を経て、日本は中央集権的統一国家を成立させた。富国強兵をスローガンに西洋列強と肩を並べるべく努力し、西洋の科学技術を取り入れた。その結果、鉄道、通信が発展し、工業化が進んだ。また、憲法発布、議会設立、制限付きながら参政権も実現したことは周知の事実であろう。そして、日清、日露戦争という世界の二つの大国との戦いに勝利する。このように、国際社会においてもその存在感を知らしめた明治日本であるが、明治維新は真に国民国家を形成しえたのだろうか。

明治 43(1910)年、明治天皇暗殺計画の容疑で多くの社会主義、無政府主義者が検挙された事件が起こる。容疑者 24 名に死刑宣告がなされ、その後、半数は恩赦となったが、翌年 1 月に幸徳秋水ら 12 名が処刑された大逆事件である。この事件に深く感化され、思索し、文筆を持って日本の「時代閉塞の現状」を訴えたのが石川啄木である。石川啄木は明治の終焉の直前、明治 45(1912)年 4 月 13 日に亡くなっている。明治と共にこの世を去った晩年の啄木は、国家権力の在り方を問題とし、明日への考察を説いた。

本論では、このような石川啄木が日本という国家をみつめる際、国民国家形成の要素として考察していた「国民的性格」という語を取り上げ、啄木の意識の変遷を追うことで、明治日本の一側面を照らしたい。

【1】「今の日本と日本人」

かつて啄木は「林中書」¹の中で、「今の日本」と「今の日本人」について論じた。すなわち、「今の日本」は「東洋唯一の立憲国」でありながら、非立憲的な事実が跋扈し、利益と野心が結合した政党がある一方で、「民衆は依然として封建の民の如く、官力と金力とを個人の自由と権利との上に置いて居る無知の民衆ではないだろうか？」と疑問を投げかけている。そして、鉄道や電信電話の普及がもたらす利便性や富国強兵は決して文明の最終目標ではないにも関わらず、「哀れなる驕慢児」日本は、日露戦争の勝利を文明の勝利と錯覚している。啄木は「日本の文明が露西亞の文明に勝ったのではなくて、唯日本の兵隊が露西亞の兵隊に勝ったのである。」と鋭く指摘している。そして、ツァーリの独裁下に置かれた露西亞人に比べ、日本人は自由と権利を与えられながらそれを十分に保持、活用することができずにいる。まさに「哀れなる日本」であると説くのである。

このように、当時の日本や日本人の置かれた位置を冷静に見極め、警鐘を鳴らす啄木がいる。ただ、ここでは「今の日本」と「今の日本人」という言葉が使われているものの、「国民的性格」という表現は使われていない。「日本人の国民的性格」という表現が用いられるのは、大逆事件の後のことである。

【2】日本人の国民的性格

明治 43 (1910)年 6 月 5 日、大逆事件の発覚を全国の諸新聞が報道をした。啄木は大逆事件の真相を探るべく、この時から少しずつ社会主義に関する書籍雑誌を集め始めた。啄木の精神が変貌を遂げる中、翌 7 月、『曠野』に発表したのが「わが最近の興味」というエッセイである。その内容は次のようだ。

---

¹ 「盛岡中学校校友雑誌」第 9 号、明治 40 (1907) 年 3 月 1 日。引用は『石川啄木全集 第 4 巻』(筑摩書房、昭和 55 年) pp.90-110。

啄木が通勤電車の中で、一見上流の婦人が、誤って買った乗り換え切符を巡り、車掌と押問答をしている場面が描写される。自らの非を認めず、車掌が折れて新たな切符を切るというのを断り、彼女は新たな切符を買うが、自分が侮辱された証に先の切符を持ち帰るといふ。この言動に、啄木や近くにいた男も「烈しい嫌悪の情」を抱く。「日本人の国民的性格といふ問題に考へを費すことを好むやうになつた近頃の私」・啄木は、この時、既に読んだ Paul Milyoukov の『RUSSIA AND ITS CRISIS』(露西亜とその危機)²の一節を思い出す。ヴォルガ河の岸で汽船が出発しようとした時、金を盗まれたと言っていた農民が探していた金が見つかったという。それは傍で寝ている軍人のポケットにあった。警察に通報するという周囲の言葉に対し、百姓は言う。「慥かに金のはあみつかっただもの。皆ここにあるだ。それをあ此の上何が要るだね？」と。

啄木はこの二つの出来事が日露両国民の性格を表していると早計に結論付けることはしないが、次のように考える。「若しも日露戦争の成績が日本人の国民的性格を發揮したものならば、同じ日本人によつて為さるるそれ等市井の些事もまた、同様に日本人の根本的運命を語るものでなければならぬ」と³。つまり、日露戦争に勝利しても、この女のようなふるまいをする国民が日本にいるとするならば、日本の未来は決して明るいものではない、ということを示唆しているのだ。

もう一つ、この「国民的性格」という言葉を用いている評論がある。それは明治 43 (1910)年 6 月から 7 月の執筆とされる「所謂今度の事」⁴である。「今度の事」とは「幸徳等一味の無政府主義者が企てた爆裂事件の事」を

² The University of Chicago Press, London, T.Fisher Unwin, Paternoster Square, 1903.

³ 引用は『石川啄木全集 第 4 卷』(筑摩書房、昭和 55 年) p.258.

⁴ 引用は『石川啄木全集 第 4 卷』(筑摩書房、昭和 55 年) pp.272-277.

三人の紳士が表現した言葉だった。「無政府主義者といふ言葉を口にするを躊躇して唯『今度の事』と言はしめた」ところに、啄木は「日本人の特殊なる性情」を見ているのである。啄木は未然に爆裂事件を防いだ警察の成功を認めつつも、彼らが制限や迫害に屈せず主義を捨てないことを考えると、いかに警察や法律の力が「人間の思想的行為に対して無能であるか」を感じざるをえない。そして、啄木は自分なりに理解した「無政府主義」と言うものを説く。即ち「凡ての人間が私慾を絶滅して完全なる個人にまで発達した状態に対する、熱烈なる憧憬に過ぎない。」と。また、無政府主義者を「最も性急なる理想家」とも呼ぶ。そして、次のように書いている。

凡そ思想といふものは、其思想所有者の性格、経験、教育、生理的特質及び境遇の総計で有る。而して個人の性格の奥底には、其個人の属する民族乃至国民の性格の横たわつてゐるのは無論である。一端的に此処に必要なだけを言へば、或民族乃至国民と或個人の思想との交渉は、第一其民族的、国民的性格に於いてし、第二、其国民的境遇（政治的、社会的状態）に於いてする。そして今此無政府主義に於ては、第一は主として其理論的方面に、第二は其实行的方面に関係した。

民族的国民的性格が無政府主義の理論に影響し、国民的境遇が無政府主義者の実行に関与した、というのである。後者については、おそらく大逆事件が日本の政治的、社会的状況から引き起こされているということ啄木は述べたかったのであろう。だが、原稿はここで中断している。日本の政治的、社会的状況の告発はなされず、このテーマは「時代閉塞の現状」⁵に引き継がれていくが別稿に譲り、ここではふれない。

⁵ 明治 43 (1910) 年 8 月下旬から 9 月上旬の執筆と考えられている。

【3】露西亞人にはなれない啄木

「平信」は岡山儀七の『岩手毎日新聞』の社説「平民のための文明」⁶を読んで啄木が書いた公開形式の手紙⁷である。まず、岡山の「平民のための文明」を概観すると以下のような内容である。

平民は何かにつけて馬鹿を見ている。金のあるものが得をするのが常である。文明の概要に幻惑してある階級のもの利益を平民全体の利益と誤認している者がいる。一方、政治家のための政治家が多い。このような状況を打破し、平民のための文明を建設してくれる指導者の出現を切望する。

啄木は結核の発熱にあえぐ中で、この岡山への返信を書いた。そこで、啄木はこの頃読んだクロボトキンの『THE TERROR IN RUSSIA』⁸を紹介している。ロシアの監獄の収容過剰、そして監獄内の自殺やチフスの罹患、死刑執行など、ロシアの監獄や警察、裁判所などの横暴に満ちた実態とその支配下に置かれた人民の痛苦を伝えている。そして「世界中で最も苦しんである人々のためにやるせない思ひやりの心を味はった。さうして始終一種の緊縮した不安と憤怒の情にかられてゐた。」とあり、ツァーリの圧政にあえぐロシア人への共感と連帯志向が読み取れる。「平信」の最後には次のような一節がある。

君、僕は露西亞人ではない。繰り返して言ふが、僕は露西亞人ではない。随つてその露西亞人がどんな生活をしてゐようと、僕には別に何の関するところもない筈だ。

繰り返される「露西亞人ではない」という言葉は何を意味するのであろうか。このロシア人の痛苦に共感する啄

⁶ 『岩手毎日新聞』「社説」、「平民のための文明」、明治 44 (1911) 年 11 月 2 日

⁷ 明治 44 (1911) 年 11 月の執筆。引用は『石川啄木全集 第 4 巻』(筑摩書房、昭和 55 年) pp.368-378.

⁸ 1907 年 7 月、英国議会のロシア問題委員会刊行。

木について、中山和子は「インタナショナルな視野から発言」しようとする志向性を認めている。⁹ また、露西亜人でないことを否定し関与する必要のないことを繰り返しながらも、あえてこの惨状を記したのは、ロシアの現状がまさに大逆事件を招いた日本の状況と酷似しているのであり、啄木はロシアの状況を説明しながら「この島国の子供騙しの迷信と、底の見え透いた偽善」に覆われた日本を告発しようとしていたのだと思われる。しかし、その作業は読者の想像力に任せられ、啄木はそれ以上書いていない。当時の言論弾圧下では、これ以上の事は書けなかったのであろう。さらに、この末尾のロシア人でないことを否定している部分について考えられることは、啄木はロシア人の中からロシアの窮状を打破する者の登場を期する意識があるのではないか、ということだ。それはなぜかと言えば、インタナショナルな観点から同じように圧政に苦しむ人々に共感、連帯の意志を持って、そこに立ち上がる国民がいなければこの状況は変わらないからである。それを痛いほど知っていたのが啄木なのではないだろうか。先ほど引いた「所謂今度の事」では、「国民的性格」と「国民的境遇」の二つが「思想」の両輪と捉えられていた。「国家」を「強権」と捉え、それを告発しようとする啄木の慧眼には大いに注目すべきであるが、それと同時にその強権としての国家を生み出し、また、その強権としての国家にいかに対峙するのかも「国民的性格」いかににかかっている、という啄木の認識を見逃してはならないのではないか。連帯とは別に、国民が国家の運命を担うという意識が「僕は露西亜人ではない。」という言葉を繰り返させていると思われるのである。

⁹ 「啄木のナショナリズム」、『文芸研究』第 41 号、昭和 54 (1979) 年 3 月

【4】平民への期待

明治 43 年 8 月に発表した「紙上の塵」¹⁰には、次のようにある。

○平民といふものが日本の歴史に顔出しをしたのは御一新この方だよ、可いかね？ それも初めのうちは、広く皆で欲しがりもしないのに参政権だの、信仰や言論の自由だのを与へられて、それで格別嬉しいとも思はない様な有様だったが、今は兎も角これからはさうは行かんよ。世の中では高等学校が少ないと言つて騒いでるが、うまく行つてるもんだと我輩は思ふね、彼して平民といふ階級がだんだん内部から改造されて行くんだ。（中略）

○何も彼もこれからだよ。

明治維新後、日本に生まれた「平民」という市民階級の意識変革が漸次進んでいることを認め、そこに期待していることがわかる。「国民国家」とは、国民一人一人が築く市民社会を基礎とした、国民主体の国家である。啄木は明治日本を支えるのは庶民たちであることを自覚し、その精神の在り方に関心を寄せているのである。明治末年の 45（1912）年、1 月 2 日、市電のストライキ¹¹の

¹⁰ 『東京毎日新聞』明治 43（1910）年 8 月 4 日、7 日、14 日、9 月 5 日。但し引用は『石川啄木全集 第 4 巻』（筑摩書房、昭和 55 年）p.261。

¹¹ 日清、日露戦争を経て、日本の資本主義が形成、発展する時代、都市への労働者が集中し、人口が増加し都市交通機関が発達した。市街電車発達の中で自然発生的に労働争議も引き起こされてきたが、市営への移管に伴う旧「東京鉄道」の解散手当の分配を巡り 1911 年 12 月 31 日から翌 1 月 1 日にかけて、全線が運休する 6000 人が参加する日本の交通史上初の大規模ストライキが起きた。監督以上の職員と車掌、運転手、保線工夫などの一般従業員との格差が 10 倍前後もあり、一般従業員の怒りが爆発したのである。社会的にも大きな反響を呼んだこのストライキは配当金の再配分ということで決着を見た。しかし、

新聞報道に「頭は久し振りに一志ひとしきり急がし」と日記に書いている。東京市電の従業員が前年の12月31日からストライキを決行したのだった。啄木はすでに病床に伏し、自ら行動する余力は残されていなかったが、これまで認識していた日本人の「国民的性格」が変化を遂げ、待ち望んだ「平民」と呼ばれる階級の中から多くの人々が立ち上がる兆しに期待したのに相違ない。

このストライキは大逆事件以後、冬の時代と呼ばれた社会主義運動の沈黙に警鐘を鳴らすこととなった。

ГЛАВА 5 Россия и Япония

О посольстве Н.П. Резанова в Японию 1804-1805 гг.

О втором посольстве в Японию, возглавляемом Николаем Петровичем Резановым (1764-1807), опубликовано немало статей. И тем не менее, в отечественной и в зарубежной историографии только в последнее время стали предприниматься попытки комплексного изучения проблемы с привлечением документов как на русском, так и на японском языках. Это, безусловно, позволяет по-новому посмотреть на казалось бы устоявшиеся представления об истории российско-японских отношений начала XIX в.

Желание Российско-американской компании и представителей верховной власти Российской империи установить торговые и добрососедские отношения с Японией были понятны. Об этом четко говорится во всеподданнейшем донесении «Всепресветлейшему, Державнейшему, Великому Государю Императору» Главного Правления Российско-Американской Компании от 18 июля 1808 г. (то есть после смерти Резанова). В нем приводятся слова «славного мореходца Ла-перуза», что «кому же в самом деле приличнее заняться торговлею на востоке в пределах тихого моря, прилежащих к Китаю и Японии, как не русским! — Они самые ближайшие их соседи». И далее автор донесения утверждает, что «торговля с Японию весьма бы была для россиян выгодна. — Из нее можно получать превосходнейшее во всей Азии пшено, лучшую медь, воск древесный, не уступающий ни мало пчелиному, камфару, ярь медянку, ткани шелковые и бумажные, медную посуду и всякие лаковые изделия, превосходно выделяемые в одной только Японии, что все не токмо крайне нужно для недостаточного Камчатского и Охотского краю, заселений наших в северной Америке, но лаковыми вещами могли бы снабдевать Россию и иностран-

цев. — К ним же возить можно юфть¹, которой довольно выделяваем в Иркутске, Казанские козлы и сафьян², толстые выбойки, затрапезы³, сукна толстые российские и часть иностранных, шагринь, которого в Японии необъятный расход, меха для северных народов, полотна льняные, оленьи кожи и замши, зеркала, стеклянную посуду, железные вещи, а вместо баласта полосовое железо, в котором у них недостаток»⁴.

В донесении отмечается, что было упущено время начать торговлю с Японией. Девять лет прошло, как вспомнили о разрешении (симпай, 信牌) на заход российского корабля в Нагасаки, полученного в свое время Адамом Эриковичем Лаксманом (1766–1806) от японских властей в южной части острова Хоккайдо. Наконец, император Александр I (1777–1825, на троне с 1801 г.) при отправке двух кораблей в кругосветное путешествие под командованием Ивана Федоровича Крузенштерна (Адам Иоганн фон Крузенштерн) (1770–1846) «благоугодно было ... поручить покойному камергеру Резанову» возглавить посольство на переговорах с японской стороной завязать торговые отношения. Однако, расклад сил в военном правительстве (бакуфу, 幕府), изменился не в пользу России и было принято решение «отказать нам от торговли»⁵. В донесении сообщается, что «когда в Нагасаки известно стало ... об отказе нам,

¹ Энциклопедия Брокгауза и Ефрона дает следующее определение: юфть — кожа, выделяемая в России из ялового или коровьего сырья и шкур годовалых быков за исключением сырья телячьего.

² Сафьян — тонкая кожа, изготовленная из козловых или овечьих шкур.

³ Затрапез — грубая полосатая дешевая ткань, льняная или пеньковая, названная по фамилии купца Затрапезнова Ивана Максимовича (1695–1741).

⁴ АВПРИ. Фонд РАК. Опись 888, 1808 г. Дело 195. Л. 1–1 об. Этот документ опубликован в сборнике документов: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера 1799–1815 гг. М.: Наука, 1994. С. 192–195". Ссылку делаем по первоисточнику, хранящемуся в АВПРИ.

⁵ Там же. Л. 2 об.

то не токмо народ уверенный в несомненной торговле с нами, но и все чиновники, на тот раз тут бывшие, особливо переводчики, не смотря на строгость Правительства и деспотизм оного, изъявили крайнее свое негодование и ропот..., что желанная всеми ими с Россиею торговля, а с нею и будущее их просвещение, не состоялись... — Укоряли нас за то, что мы 12 лет мешкали после Лаксмана. — Некоторые чиновники, особливо переводчики, обещали Резанову писать к нему чрез голландцев». Более того, они советовали ему, выждав определенное время послать корабль и под предлогом поиска убежища от бури зайти опять в порт Нагасаки, а также они советовали «прислать в Нангасаки в числе голландских служителей своего чиновника, который бы прожив там год, чрез них мог узнать все подробности, а тогда бы и сам Резанов приехал в Матмай (княжество Мацумаэ в южной оконечности острова Хоккайдо. — В.К.) для переговоров»⁶.

Вызывают сомнения слова, что «все чиновники..., особливо переводчики ... изъявили крайнее свое негодование и ропот». До последнего времени не было каких-либо свидетельств такого подведения. В исследованиях японских историков, хорошо знающих письменные источники по этому периоду, не найти подтверждений этому. Однако, недавно была опубликована статья О. В. Климовой, посвященная неизвестной у нас (но известной японским специалистам!) рукописи Сугита Гэмпаку 杉田玄伯 (1733–1817) «Размышления [вслух] о чужестранных кораблях» (Ясō⁷ докуго, 野隻獨語), в которой автор сочинения пишет: «Среди людей, осуждающих военное правительство, бытует мнение, что заурядные чиновники, замечающие только то, что находится у них перед носом и не смыслящие в тонкостях политической ситуации, только и видели русских

---

⁶ Там же. Л. 2 об. – 3.

⁷ Двоеточием передаем долготу в японских словах.

в образе захватчиков-интервентов, не придавая никакого значения дарам посла, которые он привез с другого конца света. Конечно, это является издержками политики закрытой страны, однако такое обращение с великой державой в высшей мере грубо! ... Такое непоследовательное решение военного правительства должно волновать до глубины души всех японцев»⁸. Таким образом, мы находим прямое свидетельство того, что среди образованных людей того времени в Японии были и такие, кто выражал, пусть и в письменной форме, не предназначенной для глаз вышестоящих чиновников военного правительства, несогласие с принятым решением.

В донесении Александру I сообщается об обещании неких чиновников Резанову, что они во время поездки в Эдо, столицу военного правительства Японии, будут стремиться в разговорах оказать влияние на высших сановников пересмотреть решение «в пользу России». «Сверх того, в неясных терминах и экивоками, советовали они Резанову, чтоб к скорейшему и лучшему содействию их желания начали бы русские немедленно с севера, указывая на острова около Японии лежащие: Матмай (Хоккайдо. — В.К.) и Сахалин, и несколько раз сие подтверждая, наконец яснее вразумили его, что должно с Сахалина выгнать немедленно японцев, обирающих насильно у тамошних кротких жителей упромышляваемые ими звериные кожи и рыбу, которая одна есть единственная и необходимая пища всех жителей северной части Японии. — Когда сие сделано будет, то следствие сего поступка откроет всем глаза и Кубо (сёгун. — В.К.) возьмет за начало опровергать сопротивление духовной власти в отвержении торго с Россиею, в которой даже

⁸ Цит. по: Климова О.В. «Размышления [вслух] о чужестранных кораблях» как источник, описывающий реакцию Японии на экспедицию Хвостова и Давыдова на Сахалин 1806–1807 гг. // *Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности*. Выпуск I I. История и культура Японии 6. Отв.ред. А.Н. Мещеряков. М.:Изд-во "Наталис", 2013. С. 257–258.

зависит пропитание многочисленного их народа»⁹. И далее в донесении сообщается, что Резанов «поруча лейтенанту Хвостову [Николаю Александровичу (1776–1809)] не только хорошенько осмотреть сей остров и другие прилежащие к нему, но и выгнать оттоль японцев, сколь неприлично отказывать сильной дружественной и соседней державе в праведном и полезном для обоих народов дел. Хвостов почти все порученное исполнил в два лета, деланного туда в 1806-м и 1807 годах плаванья, но остановлен от Охотского портового командира Бухаринова [Ивана Николаевича (командир порта 1805–1808)], а тем приостановилось и намерение доброе и благоуспешное»¹⁰.

Вот как описывает нападение на японские поселения чиновник военного правительства. «В дополнение к предыдущему письму сообщаем настоящим послание с грифом «для внутреннего пользования» о следующем. Говорят, что все товары на острове Риисина были захвачены иноземным кораблем. Судно же «Бансюн-мару» сожжено. Сообщали о том, что караульные возвращаются. Сатю: и Городзаэмон на полпути вернулись, чтобы посмотреть что произошло. Но послали айну особенно все тщательно рассмотреть, айну вернулись и доложили об увиденных следах разрушения. Жаль, конечно. На отдельном листе бумаги посылаем сообщение устных показаний Сатю и Городзаэмон. Китаро собирается отправиться и привести с собой этих двух, а также членов экипажа [сожженного] судна. Прошу принять к рассмотрению сообщение. Все есть, как изложено»¹¹.

После этих событий центральное правительство Японии отдало следующее распоряжение:

⁹ АВПРИ. Фонд РАК. Опись 888, 1808 г. Дело 195. Л. 3.

¹⁰ АВПРИ. Фонд РАК. Опись 888, 1808 г. Дело 195. Л. 3.

¹¹ Климов В.Ю. Рукопись «Дело о повторном разбое русских на [землях] Эдзо» (「魯人再掠蝦夷」 (родзин сайряку эдзо) // Николай Невский: жизнь и наследие: Сборник статей. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2013. С. 141.

Предписание о принятии мер на землях эдзо на тот случай, когда придут русские

[1] Должны все без исключения принять к сведению, что если в этом году придут русские, то согласно разосланному предписанию во все провинции обязаны изгнать их.

[2] Относительно Итурупа и Сахалина. В прошлом году они через посланника запросили разрешение на торговлю и сказали, что вернутся за ответом. В этой связи даем следующие распоряжения. Если они высадутся на берег в небольшом количестве с маленького судна, то обращаться с ними ровно согласно распоряжениям. Но если же вдруг будут проявлены враждебные намерения, то доложите об этом Ямаока Дэндзюро и Нацумэ Тээмон, если они будут на месте, а в их отсутствие с командиром подразделения всех домов *даймё*¹² должны оценить обстановку.

[3] Относительно острова Кунашир. Так как он идет сразу следом за островом Итуруп, то по ошибке, не исключено, русские придут на корабле на этот остров. Поэтому должны действовать как и в вышеописанных случаях.

[4] В Сёя посоветовавшись с лицом, которое уполномочено обсуждать эти вопросы, определите, нет ли у русских враждебных намерений. При этом точно так же примите во внимание, что было сказано по существу дела выше. Так как туда не направляется посланник *бакуфу*, то принимаете

¹² Обычно войско *даймё* было разбито на *куми 組* (*отряд, подразделение*) лучников, копьеносцев и так далее. Во главе стоял командир, которого называли *касира 頭, кумигасира 組頭*. В данном случае речь идет о командире отрядов всех *даймё*, или, как написано в рукописи *всех домов 諸家 — сёкэ*, которым было приказано *бакуфу* направить своих людей для защиты северных территорий от предполагаемого вторжения русских. В тексте же этот смысл передают четыре иероглифа *сёкэ моногасира 諸家物頭*.

меры применительно к обстоятельствам, но должны сообщить об этом старшему из присутствующих на месте.

[5] Относительно Эсаси и Хакодатэ. Туда направлены *бакуфу* Косугэ Иэмон и Мураками Кэммоцу. ... Точно так же, хотя и есть представители на островах Карафутто и Итурупе, но они большие по размерам, и не все можно отследить, а также есть места, где нет представителей *бакуфу*. Поэтому поймите суть изложенных выше причин, когда обязаны обсуждать и докладывать. Если переговоры перейдут во враждебные действия и прямое вооруженное сражение, то в этом случае не нужно специально ждать распоряжений от вышестоящих военных, от мобилизованных для защиты и охраны этих мест. Лица, наделенные властью, собирают караульных и айну, создают из них в тылу отряды. ... а, создав их, проводят в тыловых частях соответствующую работу. Имейте в виду, что об этом следует докладывать.

[6] Относительно конкретных перемещений отрядов *даймё* в местах, где нет посланников *бакуфу*. Естественно в этом случае не требуется распоряжений от лиц, наделенных властью. Однако они тщательно наблюдают за всеми действиями. Знайте, что следует докладывать нам правдиво истинное положение дел.

[7] Относительно тех мест, где не размещены люди, занятые охраной и защитой территории. Хотя в нашем распоряжении в общем не так много людей, но насколько возможно еще по одному, по два человека распределите или же пошлите в авангард вассалов из отряда Иноуэ Садаю, привлечите для этих целей айну. В любом случае принять нужно все меры для обороны. Должны особенно это принять во внимание.

[8] Лица, наделенные властью, отслеживают, как ведут себя воины из отрядов *даймё* на местах: мужественно и

стойко или трусливо. Нам они докладывают, а мы в свою очередь — *бакуфу*. Знайте об этом.

[9] Относительно [действий] воинов из отрядов *даймё*. Они должны сообщить нам об исходе сражения: сколько собрано голов убитых врагов, сколько раненых среди наших войск, сколько погибло. Взятых в плен живьем направить в Мацумаэ, там окажут им первую медицинскую помощь. У *бакуфу* спросили, как с ними поступить. По поводу казни через отрубание головы, то должны совершать в местах поблизости от Мацумаэ, если пленных не представляет труда доставить. Отрубать головы и оставлять тела без погребения на месте казни¹³ нужно в присутствии проверяющих. Если трудно доставить пленных в Мацумаэ, то совершать казнь недалеко от офиса представителей *бакуфу*, обе стороны — и представители *бакуфу* и *даймё* — должны присутствовать на казни и засвидетельствовать ее, послав рапорт о приведении ее в исполнение. Но если среди пленных будет их командующий, то его голову вместе с военными трофеями доставить в Мацумаэ. Остальных [и головы, и тела], приказываем, после засвидетельствования казни, бросить на месте без погребения.

[10] К нам обратились с запросом, как должны поступать с военными трофеями, которые захватят отряды *даймё*. Что касается таких предметов, как оружия, то они являются свидетельством военной доблести. По этой причине не надо их нам доставлять, но вместе с тем следует нам об этом сообщить, чтобы мы запросили у *рōдзю* об

¹³ В тексте использован глагол *торисутэру* 取捨, что означает отсечение головы, как правило, в присутствии по крайней мере двух представителей властей, которые после казни отсылали в вышестоящие инстанции доклад, что казнь действительно имела место быть. Причем тело и голова оставались на месте без погребения. Если казнь совершалась вблизи населенных пунктов, то останки закапывали. Но это не считалось захоронением (*майсō* 埋葬), а наведением порядка, уборкой территории, и соответственно применялся глагол «*прибирать* — *катадзукэру* 片付ける».

отдаче им соответствующего распоряжения. Следует трофеи описать и представить нам список. Однако что касается предметов культа иной веры, то доставьте их в Мацумаэ, а мы сразу же попросим у *бакуфу* дать указание об отправке их к ним. Вместе с тем, если будет желание у *даймё* отдать нам трофейное оружие, то мы его примем и запросим у *рōдзю*, как с ним поступить.

[11] Что касается определения подвигов и заслуг у айну и баннин, то после того, как со всей определенностью убедились в наличии доказательств сего, при отсутствии противоречий в показаниях, хотелось бы доложить об этом *рōдзю*, чтобы как можно быстрее вознаградить за заслуги¹⁴.

[12] Точно так же, что касается ответственных лиц, подчиненных *бугё*. В случае, если на местах их службы были люди *даймё* и если выступает свидетелем командир воинов *даймё*, то убедившись в ходе и исходе сражения на месте, хотелось бы доложить об этом *рōдзю*. Однако, если на месте службы чиновников *бугё* никого не было из воинов *даймё* и некому засвидетельствовать об их заслугах, то поэтому в этом случае насколько возможно должны установить, была ли проявлена храбрость и отвага или же трусость и доложить об этом *рōдзю*.

[13] Что касается офисов на местах, где находятся представители *бакуфу* (*кэнси* 検使). Нам должны докладывать представители, но тем не менее мы должны прибыть на место, обсудить все с представителями и доложить после этого *рōдзю* все, что касается хода и результата битвы.

[14] Для того, чтобы действовали, как изложено выше, заблаговременно подробно изложили предписание чиновникам *бугё*, а также передали предписание, разбитое по статьям, всем [привлеченным к этим мероприятиям] *даймё*, чтобы

---

¹⁴ Обычно вознаграждение носило денежный характер.

поступали, как предписано. Соответственно об этом будет доложено *рōдзю*. Все есть, как изложено выше»¹⁵.

Несмотря на явно решительный тон распоряжения, тем не менее прочитывается желание избежать прямого столкновения, по возможности, договориться: «Относительно Итурупа и Сахалина. В прошлом году они через посланника запросили разрешение на торговлю и сказали, что вернутся за ответом. В этой связи даем следующие распоряжения. Если они высадутся на берег в небольшом количестве с маленького судна, то обращаться с ними ровно согласно распоряжениям. Но если же вдруг будут проявлены враждебные намерения, то» только в этом случае ответить силой на силу. Но русские корабли за ответом не пришли, и, таким образом, была упущена возможность договориться о ведении торговли на линии соприкосновения двух государств. В этом распоряжении центрального правительства, хотя большая его часть посвящена предполагаемым военным действиям, можно усмотреть возможность договориться о ведении приграничной торговли.

После нападения Николая Александровича Хвостова и Гавриила Ивановича Давыдова (1784–1809) на японские фактории, видимо, какое-то время военное правительство пребывало в замешательстве и стремилось объективно оценить обстановку. И Сугита Гэмпаку в своем сочинении написал: «Нам абсолютно неизвестно, произошло ли это по повелению их монарха или это были самочинные действия северных народов. Поэтому стоит, как только тронется лед и возобновится морская навигация, взять в проводники привыкшего к мореплаванию айну и отправить талантливого терпеливого посланца на Камчатку. Поскольку там есть люди, которые понимают японский язык, то нужно у них все подробности разузнать, выслушать все их пожелания,

---

¹⁵ Климов В. Ю. Указ. соч. С. 143–147.

многokrатно извиниться перед ними, и если то, чего они желают, — всего лишь торговля, то следует забыть произошедшее ранее, объяснив все простым недопониманием и, найдя слова, не позорящие нашу страну, открыть с ними торговлю. Таким образом, если мы найдем взаимопонимание, то и Россия, обрадовавшись разрешению на торговлю, похоронит все проблемы в прошлом»¹⁶.

Глава посольства, не имея достаточных полномочий от российского правительства, решил было, прибегнув к силе, заставить пересмотреть свою позицию военное правительство Японии. Не дождавшись ответа из Санкт-Петербурга и не желая, по-видимому, нести ответственность в случае негативного развития событий, Резанов, отправляясь в столицу, не отменил однозначно прежнее распоряжение Хвостову. А.В. Гринев считает, что «стремление навязать японцам силой торговый договор постоянно владело Николаем Петровичем. Уже после возвращения на Камчатку лейтенант Левенштерн записал в своем дневнике: «Резанов, несомненно, опять строит воздушные замки и хочет завоевать Сахалин и отомстить японцам»¹⁷. ... К своим проектам неудачливый дипломат привлек двух молодых патриотически настроенных морских офицеров — лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова, находившихся на службе Российско-американской компании»¹⁸. Однако, по всей видимости, рассмотрение Резановым возможности силового воздействия на военное правительство с целью вынудить его начать торговлю с Россией стало возможным не без учета мнения Крузенштерна, который считал: «Что ж касается до овладения Анивою, то оно может произведено быть без малейшей

¹⁶ Цит. по Климова О.В. Указ. соч. С. 262–263.

¹⁷ Левенштерн Е.Е. Вокруг света с Иваном Крузенштерном / Сост. А.В. Крузенштерн, О.М. Федорова. Пер. с нем. Т.К. Шафрановской. СПб., 2003. С. 383.

¹⁸ Гринев А.В. Первый посланник Петербурга (К 250-летию Н.П. Резанова и 210-летию его посольства в Японию) // История Петербурга. № 1 (71). СПб.: Изд-во "Полтораки", 2015. С. 72.

опасности; поелику Японцы, имея крайний недостаток в оружии всякого рода, не возмогут и подумать о сопротивлении... Двух 16-ти пушечных катеров и 120 человек достаточно уже к тому, чтобы при свежем ветре потопить весь флот Японский, хотя бы было на нем и 10 000 войска. Итак овладение Анивою несопряжено ни с малейшею опасностью»¹⁹. Единственным препятствием являлась, по мнению прославленного мореплавателя, нежелание русского правительства проводить подобные акции в то время, как представители других европейских государств в схожей ситуации поступили бы именно так. И мнение Крузенштерна в этом случае представляется куда весомее предположений Левенштерна. Дореволюционный историк Константин Адамович (де Брезе) Военский (1860–1928) считал: «Имей мы в то время в Тихом океане эскадру, которая могла бы поддержать наш авторитет в Японии, исход переговоров был бы, вероятно, иной, и честь открытия Японии для европейской торговли, — как это сделано было 50 лет спустя американской эскадрой Перри, — принадлежала бы России»²⁰. По-видимому, американское правительство учло российский опыт, и американская эскадра под командованием Перри вынудила военное правительство Японии отказаться от политики самоизоляции, пойти на переговоры и заключить первые договоры с США и европейскими державами.

---

¹⁹ А.В.Климов обратил мое внимание на то, что в прижизненном издании И.Ф.Крузенштерна «Путешествие вокруг света» (Т.2. СПб., 1809. С.76–79), имеется это описание. В издании же советского времени его изъяли.

²⁰ Военский К.А. Посольство Резанова в Японию в 1803-1805 гг. // Русская старина. 1895. Т.84. С.235.

И.Ф. Крузенштерн о Сахалине

Остров Сахалин всегда являлся стратегически важным для России. Отмечал это и Иван Федорович Крузенштерн в своих письмах и записках об описании западного побережья Японии и Сахалина.

После прибытия русского корабля к острову Хоккайдо было установлено, что в южной части острова японцы живут давно, а в северной части "нет кроме природных жителей Айно, сродни во всем нашим курильцам". И уклад жизни такой же. Японцы же "насильно отбирают" плоды их труда, в основном, добытую рыбу. И.Ф.Крузенштерн в письме к Н.П. Румянцеву от 11 июня 1811 г. сообщал, что когда стали на якорь в большой губе у северной части острова Матзума (Хоккайдо. — А.К.) узнали, что "японцы называют южную часть острова Сахалина Карафутую. Впрочем о величине сего острова или вообще о географии никакого понятия японцы не имеют"¹. Это свидетельствовало о том, что они появились недавно в южной части Сахалина.

Несколько японцев, находившихся в южной части Сахалина, уверяли русских, что они ежегодно ездят за рыбой на остров Александр (то бишь Уруп), который находился в подчинении российско-американской компании, и где находилась российская колония.

Резанов сообщал о том, что в этой части Сахалина живет много айнов, что они кротки и добродушны и что японская фактория основана была 8 лет тому назад. Купцы из центральной части Японии, а точнее из Осака, заставляли местных жителей добывать для них рыбу, которую достав-

---

¹ №72. Письмо И.Ф. Крузенштерна Н.П. Румянцеву об описании западного побережья Японии и Сахалина. 11 июня 1805 г. / Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в.: Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815. С.125. АВПРИ. Ф. Главный архив, 1–7. 1802. Д.1. П.31. Л.307–308. Копия.

ляют потом на Хонсю (в документе упоминается Нифон). Японская фактория состояла из "16 преогромных магазинов (складов. — А.К.) с рыбою, несколько домиков и кумирен". Японцев было не более 40 человек. Но, несмотря на их малочисленность, "многочисленные жители рабски повинуются, боясь их жестокостей; - ибо они за самую малость бывают вешаны на виселицах, коих несколько и Резанов видел"². Непонятно только из донесения: то ли виселицы Резанов видел, то ли повешенных на этих виселицах айну, что в принципе не меняет сути дела. Виселицы как фактор устрашения были не временно построены, а присутствовали в поселении постоянно. Иными словами, японцы вели себя как на захваченной территории.

Между тем Резанов был уверен, что Сахалин принадлежит России. Судя по донесению, представленному императору, ход мысли его был прост и не лишен логики: "что когда японцы не дозволили нам торгу у себя, то почему же смели притти на Сахалин, принадлежащий нам по праву первобытия русских в первую или вторую Камчатскую Экспедицию, подвергнуть игу своему кротких Айнов, прежде нами обласканных, и пользоваться насильно плодами природы, сего не принадлежащего им места"³. Когда переговоры в Нагасаки закончились неудачно и Резанову было отказано в торговле, то последний, будучи уверен в законном праве обладания острова Сахалина Россией, во время встречи с представителем военного правительства Тояма Кинсиро, состоявшейся 23 марта 1805 г., вручил ему меморандум, где в четвертом пункте четко заявил: «Чтобы Японская империя далее северной оконечности острова Матмая отнюдь владений своих не простирала, поелику все земли и воды к северу принадлежат моему государю»⁴.

---

² Там же, л. 3 об.

³ Там же, л. 3 об.

⁴ № 61. Меморандум Н. П. Резанова японскому правительству в связи с отказом в установлении торговых отношений. Не ранее 23 марта 1805 г.

В последнем, шестом пункте того же Меморандума Резанов предупреждает военное правительство Японии, что «... не может японское правительство ничего иного ожидать, как что вторичное неуважение заставит меня принять те меры, которые в народе будут губительны и не возвратныя произведут потери»⁵. Правление компании в донесении докладывает императору, что по распоряжению Резанова были направлены два судна "Юнона" и "Авось" под командованием соответственно лейтенанта Хвостова и мичмана Давыдова на Сахалин, чтобы "выгнать от толь Японцев, а фактории их уничтожить, тем дать почувствовать Японцам, сколь неприлично отказывать сильной, дружественной и соседней державе в праведном и полезном для обоих народов деле.

По всей видимости, Резанов, находясь на борту одного и того же корабля вместе с И.Ф. Крузенштерном, принял решение силового давления на военное правительство после консультаций с командиром корабля, профессиональным военным моряком. Мнение же Крузенштерна было определено однозначным, и он его выразил в трехтомной монографии «Путешествие вокруг света». Находясь в мае 1805 г. вместе с Резановым в южной части Сахалина, Крузенштерн пришел к выводу: «Что ж касается до овладения Анивою, то оно может произведено быть без малейшей опасности; поелику Японцы, имея крайний недостаток в оружии всякого рода, не возмогут и подумать о сопротивлении; по овладении же Европейцами сим местом еще труднее будет Японскому правительству покунуться на рьратное оног отнятие; ибо ему во-первых нельзя ожидать никаких в том успехов, во-вторых оно должно опасаться, чтоб не подать народу случая помыслить о слабости его могущества, что для

/ Исследования русских . С. 115. АВПРИ. Фонд Главный архив, I-7, 1802. Дело 31. П. 37. Л. 286-287. Копия.

⁵ № 61. Там же, с. 115.

него гораздо вреднее, нежели потеря все Ессо». Далее он пишет, что для овладения Сахалином не потребуются больших сил: «Двух 16-ти пушечных катеров и 120 человек достаточно уже к тому, чтобы при свежем ветре потопить весь флот Японский, хотя бы было на нем и 10 000 войска. Итак овладение Анивою несопряжено ни с малейшею опасностью». А эффективное противодействие военного правительства невозможно, поскольку «перевоз армии в Аниву вовсе для Японцев не возможен. Один малой Европейской военной корабль достаточен в сем случае к уничтожению всех военных сил Японских, а одной малой батареи о 12 пушках довольно уже к удержанию войск от покушения к выходу на берег»⁶. Основным препятствием Крузенштерн видит в том, что в России и российском правительстве эти действия не получают одобрения. Тем не менее, он находит оправдание проведения подобной акции в том, что англичане, испанцы и другие представители европейских государств непременно прибегли бы к военной силе, если бы видели в этом выгоду. «Бесспорно, что многие не одобряют предполагаемого мною насильственного овладения сим местом. Однако почему преимущественное право должны иметь Японцы на владение Сахалином, нежели какая либо Европейская держава? Но главное дело справедливости состоит только в том, чтоб овладение Анивою не произведено было без согласия настоящих жителей Айнов, которые признаться откровенно, едва ли выиграли что-либо при такой перемене. Мне показалось, что Японцы поступают с ними человеколюбиво. Но во всяком случае зависит от правительства, принять такие меры, чтобы у Айнов не была похищена свобода, и чтоб они не подверглись насилиям и притеснениям. Поелику предполагаемое поселение Европейцев на острове Сахалине, как единственное средство к участию в Японской торговле, если она найдется выгодною,

---

⁶ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света. Т. 2. СПб., 18 С. 76–79.

уповательно скоро последует; то и почел о возможности такого предприятия. Агличане из Ост-Индии, а Гишпанцы с Филиппинских островов удобно могли бы на сие решиться; Россиянам же способнее всего приступить к тому из Камчатки или восточного края Сибири».⁷ Крузенштерн отмечает два фактора, которые объективно препятствуют эффективному освоению Сахалина: 1) отсутствие налаженного сообщения с основной частью России и 2) слабой заселенностью российских территорий на Камчатке и восточного края Сибири. Но при наличии политической воли со стороны императора и центрального правительства России, ему представляется, что гораздо выгоднее держать русское поселение в южной части Сахалина, нежели на острове Урупа. «Россиянам же способнее всего приступить к тому из Камчатки или восточного края Сибири, но они предпринять сего на первый случай, кажется, не могут; как по причине неустроившегося сообщения морем между Европейскими и северо-восточными Азиатскими их владениями, так и наипаче по недостатку в людях, которых в восточной Сибири и Камчатке чрезвычайно мало. Но если Россия будет иметь способы и вознамерится приступить к тому; то я почитаю гораздо выгоднее завести селение на берегах Анивы, нежели на Урупе»⁸. Соображения И.Ф. Крузенштерна по поводу занятия южной части Сахалина не было включено в однотомное издание 1950 г.

Иван Федорович Крузенштерн на протяжении всей своей жизни не терял интереса к Японии и освоению дальневосточного региона Россией. В частности, в бумагах умершего адмирала было найдено обоснование необходимости направления российского посольства в Японию, которое приведено ниже:

---

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Там же. С. 78–79.

ПОСОЛЬСТВО В ЯПОНИЮ^(*)

(Из бумаг покойного адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна).

1) *Необходимость посольства в политическом отношении*

Попытки установить торговые сношения с нашими соседями, японцами, не имели до сих пор желаемого успеха, но кажется, что эта неудача, вместо того, чтобы нас остановить, должна заставить упорствовать в мысли, осуществление которой так желательно.

Неуспех посольства, отправленного в Японию в 1804 году, должно приписать не столько недружелюбному расположению правительства этого государства, сколько другим причинам, о которых считаю уместным умолчать в сей записке.

Несчастье, приключившееся с капитаном Головниным, имело последствия, которые, в некотором отношении можно назвать благоприятными, так как предпринятые переговоры адмирала Рикорда с целью освобождения капитана Головнина и исполненные с искусством, не только повели к предварительному результату, но и помирили японское правительство с Россиею. Этот успех был достигнут большею частью благодаря прямоте, с которою адмирал Рикорд сумел повести дело и которая вполне была оценена нашими соседями.

Невероятно впрочем, чтобы японское правительство не понимало как для него важно жить в хороших отношениях с Россиею, если оно желает сохранить в отношении к своим подданным тот призрак непогрешительности, этого базиса всей социальной организации в этом государстве, и который подвергся бы неминуемо опасности от случайностей войны.

Исход борьбы между Китаем и Англией, гибельный для первой из этих держав, без сомнения, указал японскому правительству опасности войны. Будучи свидетелем унижения Китая, Япония побоится подвергнуться подобному унижению со стороны европейской державы и которое она может предвидеть в случае разрыва; к тому же Япония вправе думать, что могучий сосед, располагающий многочисленным флотом,

---

^(*) Под этим заглавием представлена была настоящая записка И.Ф.Крузенштерном высшему начальству, 9 мая 1843 года.

может быть ей опаснее чем королевство, столь отдаленное как Англия.

Вероятно, впрочем, что англичане, коль скоро они устроят свои торговые дела с Китаем на прочном основании, не замедлит вслед за тем попытаться завязать подобные сношения и с Япониею, столь близкой от Китая. В виду этих обстоятельств, кажется, настало время для России, также предпринять, с тою же целью новую попытку. Обстоятельства кажутся по разным причинам благоприятными и мы видим, к счастью, в адмирале Рикорде, имевшем случай изучить дух жителей и начала правительства, мужа, опытность и искусство которого могут быть чрезвычайно полезными в этом деле.

II) В торговом отношении:

На вопрос о выгодах постоянных сношений и правильной торговли с Япониею для России должно признаться, что наши области, ближайшия к этому государству в состоянии лишь вывозить в Японию одни ценные меха. Но должно припомнить, что северные провинции этого государства уже закупают нашу рухлядь в значительном количестве и что потребность в мехах непременно будет возрастать, не говоря уже о европейских товарах, привозимых по сие время в Японское государство исключительно голландцами, и которые можно будет доставлять русскими судами. Но несравненно важнее вывоз из Японии продуктов не только для Камчатки и для северо-востока Сибири (*¹⁰), а именно соли и риса. Япония изобилует этими двумя предметами. Камчатка не производит соли, за которую и платят там баснословную цену от 10 до 11 рублей за пуд. Рис же, привезенный из Японии, обошелся бы жителям этих стран (*¹¹)

(*¹⁰) Часть съестных припасов, привезенных на "Надежде" и назначенных первоначально для Камчатки, была отправлена чрез Охотск в Восточную Сибирь.

(*¹¹) В описании моего путешествия, в котором говорится о Камчатке в подробности, можно видеть с какою живою признательностью жители этой страны приняли количество соли, подаренной им великодушно экипажем "Надежды". Эта соль была дана команде японским правительством в день нашего отплытия из Нагасаки. Команда передала соль камчатскому губернатору с просьбою раздать ее безвозмездно жителям. Соли было свыше 1000 пудов.

дешевле муки, которую доставляют туда в кожаных тюках и большая часть которой всегда портится в дороге (*¹²). Можно прибавить, что найдется, без сомнения, коль скоро правильные сношения установятся с обеих сторон, постоянно возрастающее число предметов, в которых будут нуждаться при размене как японцы, так и жители восточной Сибири.

III) В ученом отношении:

Даже в случае наименее благоприятном - если бы посольству не удалось выполнить главную цель экспедиции, т.е. создание правильной торговли с Японией, это предприятие без сомнения, принесло бы весьма важные результаты в отношении ученых изысканий, которые представляются непременно в плавании из Балтийского моря в Японию. Это - второстепенная цель, которая во всяком случае исполнима и Европе известно, с какою щедростью изыскания этого рода всегда поощрялись русским правительством. Достаточно здесь указать на то, что еще остается сделать в отношении гидрографии на отдаленных наших берегах в Охотском море и преимущественно по совершенно нам неизвестным берегам между Шантраскими островами и Амурским лиманом.

IV) Стоимость экспедиции:

Расходы на подобную экспедицию не могут быть чрезмерны. Расход на вооружение двух корветов или малых фрегатов 18 или 24 пушечных, вероятно, не очень чувствительно превзойдет цифру, в которую обошлось бы вооружение такого же числа и того же ранга судов для всякого другого назначения; то же самое относится до офицеров и нижних чинов, которые на лицо и которым и без того должно отпускать жалованье и продовольствие. К тому же, вероятно не сочтут за потерю излишек расхода, который бы мог произойти от этого, так как офицеры, без всякого сомнения приобретут в продолжение этого плавания, срок которого не будет менее двух лет, опытность, благодаря которой они сделаются превосходными моряками.

(Адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Биографический очерк // Морской сборник. Том СII, №6, июнь. СПб, 1869. С.26–29).

(*¹²) На вьюках из Якутска в Охотск.

**Японские адреса в Петербурге
во времена японской эпохи Мэйдзи
(на рубеже XIX–XX вв.)**

В последнее время появилось много книг и публикаций о людях различных национальностей, проживавших в Петербурге («Французы в Петербурге», «Англичане в Петербурге», «Турецкий Петербург» и пр.), тогда как публикаций про японские адреса в Петербурге практически нет. Обычно много пишут про первых японцев, которые побывали в Петербурге во времена Петра (Дэмбей), Анны Иоановны (Гонза), Екатерины Второй (Дайкокуя Кодаю) и Александра Первого. Но про период конца XIX — начала XX вв. пишут очень мало. Мне очень хочется заполнить этот пробел и рассказать о некоторых из них. Тем более, что многие из них оставили большой след в истории. Рассказ пойдет, в основном, о посланниках, послах и сотрудниках японской миссии, а впоследствии и японского посольства, об агентах и шпионах, о местах, которые они посещали, с кем дружили, у кого учились и о том, где любили отдыхать.

В связи с тем, что автор отдала 8 лет жизни работе над съемками японской эпической телевизионной драмы «Облако над холмом», можно сказать японской «Войны и мира» про русско-японскую войну по одноименному бестселлеру Сиба Рётаро, период 1897–1910 гг. будет отражен особо подробно. Именно тогда, с 1897 по 1902 гг., в Петербурге в качестве военно-морского атташе жил и работал один из героев этого романа-эпопеи Хиросэ Такэо. Мне пришлось много работать в архивах, и сделать несколько открытий, которые несколько изменили представление японцев о истории жизни Хиросэ Такэо и его окружения в России.

Каждая эпоха диктует свои правила. У каждой эпохи свои ценности. Конец XIX — начало XX вв. принадлежит к большой эпохе колониальных империй, которая завершилась к середине XX в. Правила этой эпохи — формирование колониальных держав, обеспечение экономических потребностей не только политическими, но, в основном, воен-

ными средствами. Главы колониальных империй решающее значение придавали военному и технологическому превосходству над противником. Поэтому работа дипломатической миссии стала одним из факторов успеха страны на мировой арене. Япония эпохи Мэйдзи как раз вышла на мировую арену и стремилась крепко на ней закрепиться. Опыт работы в России тогда в Японии ценился очень высоко.

Цифры говорят красноречивее слов — из 10 посланников в Российской Империи 6 стали министрами иностранных дел, а из работников миссии/посольства двое (Танака Гиити и Ёнаи Мицумаса) поднялись до ранга премьер-министра. Остальные посланники, хотя и не стали премьер-министрами, но все добились больших высот.

Также отчетливо просматривается тот факт, что в период стабильных и мирных отношений посланники подолгу не менялись и были «специалистами» по России, тогда как в «смутное» время менялись очень часто.

Поскольку многие из министров иностранных дел (даже некоторые премьер-министры) конца XIX — начала XX вв. имели опыт жизни в России, в столице Санкт-Петербурге, таким образом, хотели они этого или нет, но Россия и Санкт-Петербург повлияли на формирование мировоззрения каждого из них и сыграли некую особую роль в их жизни. Эномото Такэаки, Нисси Токудзиро, Хаяси Тадасу, Комура Дзютаро, Мотоно Итиро, Утида Косай, Танака Гиити, Ёнаи Мицумаса — все они отдали часть своей жизни России. Россия тоже хранит память о них.

В 1868 г. в Японии произошла революция Мэйдзи: власть сёгуната Токугава была свергнута и новый император Муцухито взял власть в свои руки. Началась так называемая эпоха Мэйдзи. Япония встала на путь преобразований и вступила в борьбу за раздел мира, стремясь стать мировой державой. Император перенес свою резиденцию из Киото, где обычно жили японские императоры на протяжении тысячи лет, в Токио. Только что созданное правительство учредило Министерство Иностранных Дел. Оно стало одним

из первых Министерств, созданных правительством Мэйдзи. Министерство обладало большой полнотой власти.

5 января 1869 г. в новой императорской резиденции была дана торжественная аудиенция послам России, Англии, Франции, Германии, Голландии и Северо-Американских Штатов. Был введен институт посланников. А первые заграничные миссии были открыты Японией в 1870-1874 гг. в США, Англии, Франции, России, Австрии, Китае.

Первый посланник в России — Эномото Такэаки

Японский Посланник №1 Эномото Такэаки прибыл в Россию 10 июня 1874 г. для ведения переговоров по договору об обмене Сахалина и Курильских островов и уехал в июне 1878 г., пробыв в Петербурге 4 года и 2 месяца. В Петербурге тепло встретили Посланника из Японии. 18 июня Эномото Такэаки имел аудиенцию у Александра II и передал свои верительные грамоты. 20 июня Александр II пригласил Эномото в Кронштадт, показал ему военный порт и военные корабли, пригласил отобедать за одним столом. В 1875 г. Эномото и канцлер Горчаков подписали договор об обмене Сахалина и Курильских островов. Эномото был единственным японским посланником, который был довольно близок с царской семьей. Александр II отмечал эрудицию и прекрасное образование Эномото и питал к нему теплые дружеские чувства. Эномото часто звали на дворцовые балы. Царь наградил Эномото орденом Станислава Первой Степени.

Эномото Такэаки и членов его делегации поселили в доме на Дворцовой наб., 12. Этот адрес стал адресом первой японской миссии в Петербурге. Адрес достойный — рядом с Зимним Дворцом. Дом в конце XIX в. часто менял владельцев: княгини Мещерские, княгиня Васильчикова, граф Строганов, и, наконец, крупный промышленник и банкир Лазарь Яковлевич Поляков. С 1893 по 1917 гг. при владельце Полякове там находился Новый Клуб. Это был очень дорогой клуб для богатых аристократов и

промышленников. Вхождение в клуб возможно было только при рекомендации как минимум двух его членов. Ежегодный взнос составлял 250 рублей — баснословная сумма по тому времени. До наших дней дом в своем первоначальном виде не дошел — пострадал во время бомбежки в блокаду. При ремонте дома номер 12, 14 и 16 объединили в один.

Посольство Эномото состояло из четырех человек: Эномото Такэаки, посланник; Итикава Бункити, второй секретарь; Сига Уратаро, третий секретарь; Ниси Токудзиро, стажер. Когда Эномото с Сига приехали в Петербург, там уже находились два японца. Это были Итикава Бункити и Ниси Токудзиро. Итикава был одним из группы японских студентов, обучавшихся в России в период Бакумацу, он остался в Петербурге и продолжал учебу. Ниси Токудзиро впоследствии стал четвертым посланником в Петербурге.

Ямасита Рин

Первой девушкой-японкой, которая отправилась учиться в Россию, была Ямасита Рин. Скромная девушка написала за свою жизнь значительное количество икон. Их было так много, что даже после великого токийского землетрясения в 1923 г. и после войны, когда от Нагасаки практически ничего не осталось, в 40 японских церквах сохранилось более 200 написанных ею икон. Но только одна ее икона есть в России. Она хранится в Государственном Эрмитаже. Это икона Воскресения Христова. После инцидента в Оцу в 1891 г., когда наследник-цесаревич Николай пострадал от сабли японского фанатика — полицейского Сандзо Цуда, император Мэйдзи попросил святителя Николая поспособствовать погашению конфликта с Александром III. Тогда Ямасита Рин и подарила наследнику икону, обрамленную богатой рамой. Сначала Икона висела в личных комнатах Николая в Аничковом дворце, а потом он переехал в Зимний и взял икону с собой. Там она и остается до сих пор. Несмотря на то, что Ямасита Рин, или в крещении Ямасита Ирина, обучалась в России «греческому письму», ее сердце принадле-

жало «итальянскому письму». Она не писала икон по чисто византийским канонам. До приезда в Россию ее учителем живописи в художественной школе при технологическом колледже в Токио был итальянец Антонио Фонтанези. Он познакомил ее с шедеврами Ренессанса, и ее сердце было покорено Рафаэлем. Обучаясь в иконописных мастерских Новодевичьего Воскресенского монастыря в Петербурге, она писала в дневнике: «Хочу писать картины по-итальянски (такие, как писал Рафаэль)». Обучаясь в иконописной мастерской, она брала уроки также и в Петербургской Академии Художеств у академика живописи Федора Ивановича Иордана, который учил ее рисовать «по-итальянски» и который советовал ей часто ходить в Эрмитаж и изучать картины великих мастеров Ренессанса, что она и делала. Таким образом, у Ямасита Рин в Петербурге был всего один маршрут: Новодевичий монастырь на Московском проспекте — Академия Художеств — Эрмитаж.

Когда она была в Петербурге, в японской миссии был новый посланник. Его звали Янагихара Сакимицу. После «истинного самурая» Эномото Такэаки в Россию прибыл «истинный аристократ». Янагихара Сакимицу — самый молодой посланник, работал в России с 1880 по 1883 г. Когда он прибыл в Россию, ему было всего 30 лет. Если Такэаки был «осколком» прошлого правления и был из клана Токугава, то Янагихара представлял клан самого императора Мэйдзи.

Третий посланник Ханабуса Ёсимото

Третий посланник — Ханабуса Ёсимото — был представителем «новой формации», молодого поколения Мэйдзи, которому новая власть дала возможность учиться и реализовать себя — *self made man*. Годы пребывания в России — 1883–1886. «Бухгалтер». Ему был 41 год, когда он прибыл в Россию. До этого он 3 бурных года провел посланником в Корее. Он был первым посланником в Корею, так как миссия была организована только в 1880 г.

Должно быть, он присутствовал на коронации Александра III. Исходя из его биографии, его можно назвать самым «спокойным» посланником в России. Больше всего он любил... бухгалтерию и стал впоследствии главой впервые основанного счетного департамента. Также он был Тайным Советником и председателем Красного Креста в Японии. Это была почетная должность — вся императорская семья была членами красного креста. Но если считать «Красный крест» ширмой, то можно предположить, что самый «спокойный» посланник был «серым кардиналом».

Японский посланник Ханабуса передал в Университет коллекцию японских книг от принца Арисугава. В 1870 г. на факультете восточных языков Петербургского университета началось преподавание японского языка. Русских преподавателей не было, поэтому японский преподавали дипломатические работники японской миссии. Так, принц Арисугавано мия Тарухито в 1882 г. посетил с официальным визитом во главе японской делегации для коронационных торжеств Александра III Петербург и узнал от секретаря миссии Андо Кэнсукэ, что в Петербурге учат японский и что Андо преподает там японский. В сентябре 1883 г. коллекция, состоящая из 3500 томов, скомплектованная по велению принца, была передана Университету. Она содержала не только учебные пособия и справочники, но и литературу по буддизму, конфуцианству, истории, литературе, языку и естественным наукам. Эти книги до сих пор находятся в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Андо прекрасно говорил по-русски — в первом томе «Биографического словаря профессоров и преподавателей Императорского С-Петербургского университета» написано: «Русский язык изучил он настолько хорошо, что говорил и писал на нем совершенно свободно и даже изящно». И это совершенно неудивительно: дело в том, что родившийся 1 января 1854 г. в семье самурая княжества Тоса Андо Кэнсукэ в 1872 г. стал учить русский язык у святителя Николая Касаткина в Православной

духовной семинарии. Николай Японский привил ему любовь и интерес к русскому языку и России. В 1874 г. он поступил на отделение русского языка в Токийской школе иностранных языков, но в следующем году был исключен после ссоры с директором. В 1876 г. Андо поступил на работу в министерство иностранных дел Японии и был командирован на Сахалин в японское консульство в Корсаков в качестве стажера. В 1878 г. началась его служба в японской миссии в Петербурге. Одновременно с работой в посольстве он не только преподавал японский в Университете, но и посещал в качестве вольнослушателя лекции по политике и правоведению в Петербургском университете. С 1881 до конца 1884 гг. Андо в качестве вольнонаемного преподавателя безвозмездно читал японский язык и упражнял студентов в китайской каллиграфии на факультете восточных языков, за что и был награжден орденом Станислава 2-й степени.

В 1885 г. Андо вернулся в Японию на службу в Министерство иностранных дел. В 1887 г. стал работать в Министерстве юстиции прокурором, служил на судах и городах Нагоя и Гифу. С 1891 г. Андо служил старшим прокурором в окружных судах городов Маэбаси, Кумамото и Иокогама. В 1896 г. он был губернатором префектур Тояма, Тиба, Эхимэ, Нагасаки и Ниигата, а затем мэром городов Иокогама и Киото. В 1902 г. стал консультантом, в созданном японско-русском обществе, президентом которого стал Эномото Такэаки. В 1903 г. избран депутатом в нижнюю палату японского парламента — палату представителей. В 1904 г. он служил губернатором префектуры Эхимэ на острове Сикоку. Там, в лагере Мацуяма и других 29 лагерях находились русские военнопленные русско-японской войны. Условия содержания их были не очень плохими. Умер 30 июля 1924 г. в Токио, в возрасте 71 года. Андо довольно много общался с замечательным русским писателем Иваном Александровичем Гончаровым, который в 1853 г. посетил Японию на фрегате «Паллада» с эскадрой

Адмирала Евфимия Васильевича Путятина. Встречи проходили в квартире писателя на Моховой улице.

С 1890-х гг. до 1904 г. японская миссия располагалась по двум адресам одновременно: ул. Большая Морская, дом 46, и Конногвардейский бульвар, дом 17. Домом на Большой Морской, 46 владели князья Львовы. Дом на Конногвардейском бульваре, 17 имеет целых три адреса: Конногвардейский бульвар, 17, Галерная улица, 20, Замятин переулок, 4. В 1893 г. дом принадлежал СПб. Обществу страхования от огня имущества и страхования пожизненных доходов и денежных капиталов. Это большой доходный дом, построенный архитектором Р.И. Кузьминым в 1858 г. в стиле необарокко. Посланники жили в здании миссии и их непосредственные заместители тоже. Остальные дипломаты, как правило, жили в квартирах неподалеку.

Четвертый посланник — Ниси Токудзиро

Во время покушения на наследника-цесаревича Николая в Оцу японским посланником в России был Ниси Токудзиро. Он приехал в Россию в 1886 г. (назначен на должность посланника в России, Швеции и Норвегии в июне 1886 г.), уехал в 1897 г. (приказ о снятии с должности в августе 1896 г.) — таким образом, пробыв в России около 11 лет, он стал самым «долгосрочным» японским посланником. За время его пребывания в Петербурге, увеличилось количество японских студентов, которые приехали учиться в Россию. Среди них можно отметить философа и переводчика Кониси Масутаро, который вместе с великим писателем Л.Н. Толстым перевел учение Лао-Цзы на русский язык. Благодаря плодотворной деятельности Ниси, Япония была включена в маршрут путешествия цесаревича на Восток и количество мест, которые он должен был посетить, тоже резко увеличилось, по сравнению с первым вариантом. Согласно окончательному расписанию пребывания цесаревича Николая в Японии, он должен был пробыть в стране восходящего солнца целых 32 дня и должен был посетить Нагасаки, Обама, Имари, Кагосима, Кобе, Осака,

Киото, Иокогама, Токио, Хаконэ, Камакура, Атами и Ниигата. К сожалению, его пребывание в Японии ограничилось 22 днями, при том, что последние 7 дней из-за ранения он вынужден был провести на своем фрегате «Память Азова». Несмотря на неприятный инцидент, Ниси продолжал оставаться на посту посланника и уехал из России только в 1897 г., после коронации Николая II. В том же 1897 г. барон Ниси был назначен министром иностранным дел. Это случилось 27 октября 1897 г., когда германская эскадра заняла китайскую бухту Киао-Чао, а русские броненосцы встали на стоянку в Порт-Артуре. В октябре 1899 г. его назначили посланником в Китае. С ноября 1901 г. тайный советник. Умер 13 марта 1912 г.

Ниси посчастливилось побывать на двух коронациях российских императоров, Александра III и Николая II. До назначения посланником в 1886 г., ему приходилось бывать в Петербурге.

Пятый, шестой и седьмой посланники

После Ниси, пятым посланником Японии стал ученик и ставленник Эномото Такэаки — Хаяси Тадасу, самый «крутой» японский посланник (в 1906-1908 гг. министр иностранных дел). Он прибыл в Россию в 1897 г. из Пекина и был на посту посланника до января 1900 г. Несмотря на то, что Хаяси приехал работать в Россию, его целью и мечтой было заключение японо-английского договора. Он учился в Англии и считал, что только сотрудничество с Англией необходимо для развития Японии. Все свои силы он отдал достижению своей цели. Он очень много работал и общался с русскими на протяжении 1898 г., но, начиная с 1899 г., его практически в Петербурге не было. Во время его отсутствия делами занимался первый секретарь Мотоно Итиро (который впоследствии занимал должность посла в Петербурге долгие 10 лет с 1906 по 1916 гг.). Дело в том, что посланники в России, которые были одновременно и посланниками в Швеции и Норвегии, с 1898 г. стали проводить все

больше и больше времени в скандинавских странах в связи с началом формирования разведывательной сети, направленной на Россию. В японской историографии считается, что без него Япония не выиграла бы русско-японскую войну. Также пишут, что очень помогли его наглость и знание английского языка.

С 1899 года наступил очень динамичный период, и японские посланники стали меняться как перчатки. Этот период длился как раз до подписания в январе 1902 г. японо-английского договора. Потом Япония определилась, стала готовиться к войне, и посланников раз в год не меняла.

В январе 1900 г. Хаяси перевели в Лондон, а посланником в Петербург назначили бывшего посланника в Вашингтоне Комура Дзютаро. После Хаяси японские посланники стали меняться как перчатки — по посланнику в год. Самый «серьезный» японский посланник, или «посланник-мышь», — Комура Дзютаро — стал самым краткосрочным посланником. Он пробыл на посту рекордно короткий срок — пять месяцев с 16 мая 1900 г. по 25 октября 1900 г. Нельзя сказать, что за этот срок он успел наладить с кем-то связи или вести переговоры, учитывая летний сезон в Петербурге. 26 сентября в российский МИД была послана нота номер 39 с просьбой о выдаче иностранных паспортов на въезд-выезд для министра Комура и третьего секретаря Отиаи. Комура явно было не до России. Его ждали великие дела. В связи с войной в Китае он срочно был назначен посланником в Пекин, а потом стал и министром иностранных дел. Правда, за 5 месяцев он успел провести последние 2 недели в Ливадии, рядом с больным тифом царем Николаем. Можно сказать, что с японцами у Николая II с самого начала отношения не заладились. Во время образовательного путешествия в 1891 г. в Оцу — чуть саблей самурай не убил, когда метался в лихорадке — рядом японский посланник сидел, ждал — умрет или не умрет, когда маркиз Ито в 1891 г. приезжал — сразу же голова начала болеть.

12 ноября 1900 г. посланник в Гааге Тинда Сутэми был назначен японским посланником в Санкт-Петербурге. Посланник №7 — «срочная замена» — Тинда Сутэми прибыл в Петербург довольно поздно — только 12 января 1901 г., допустил оплошность по отношению к царю Николаю на балу в Зимнем Дворце и потом работой особо не занимался. Ездил в Стокгольм и, вероятно, ждал, когда его поскорее отзовут из России и на его место найдут более подходящую кандидатуру. Например, с февраля по май 1901 г. было отослано всего 6 нот.

Хиросэ Такэо

В справочнике «Санкт-Петербург» за 1897-1904 гг. приведены списки сотрудников японской миссии. Однако справочник давал фамилии не всех сотрудников миссии. Например, никогда не было написано имя помощника военно-морского агента Хиросэ Такэо, который служил в Петербурге с 1897 по 1902 гг. Он очень известен в Японии, объявлен святым, считается основателем института камикадзе. Он также является одним из главных героев японского бестселлера про русско-японскую войну «Облако над холмом» Сиба Рётаро. Также считается, что он первым познакомил русских моряков с искусством дзюдо, так как был учеником Кано Дзигоро. Поскольку я работала над фильмом и по просьбе японской стороны нашла много новых сведений о его пребывании в Петербурге, то про японцев в период с 1897 по 1902 гг. я буду рассказывать сквозь призму Хиросэ Такэо. Также он сыграл, как и его старший товарищ Акаси Мотодзиро, громадную роль в сборе стратегической и технической информации, которая помогла Японии впоследствии выиграть русско-японскую войну. На этом я тоже останавлиюсь подробнее. Говоря о Хиросэ Такэо, можно сказать, что из Японии в Россию он привез дзюдо, а из России в Японию — данные о минах, радио — т. е. беспроволочном телеграфе, русских портах и ... фигурном катании.

Хиросэ Такэо родился 27 мая 1868 г., в первый год эпохи Мэйдзи, и погиб как герой 27 марта 1904 г., в 37 год эпохи Мэйдзи. История его жизни является прекрасной иллюстрацией этой эпохи преобразований в японской истории. В 1969 г. японский писатель Сиба Рётаро написал эпический роман «Облако над холмом», в котором показал развернутую панораму жизни Японии в период Мэйдзи на основе биографий трех главных героев, с одним из которых, Акияма, пересекается жизненная линия Хиросэ. В романе описана единственная история любви — любовь Хиросэ и дочери русского генерала Ариадны. В Японии долгое время не могли найти истинную фамилию и историю Ариадны. Мне это удалось. Ее звали не Ариадна Ковалевская, как пишут многие японские источники и ошибочно повторяют наши, а Ариадна Ковальская.

В Петербурге Хиросэ жил в четырех местах. Адреса трех из них мы знаем точно. Все дома сохранились. Как и тогда, теперь в них живут и петербуржцы, и иностранцы, которые работают в нашем славном городе. Хиросэ всегда жил на последних этажах – последние этажи были самые дешевые.

26 (14) сентября 1897 г. в 10 утра Хиросэ прибыл на Варшавский вокзал Санкт-Петербурга. Сначала он поселился у своего начальника и друга Ясиро Рокуро по адресу ул. Пушкинская, дом 11, кв.29. Через 5 дней Хиросэ снял квартиру номер 40 в том же доме на шестом этаже. Этот большой 5-подъездный доходный дом был построен в 1878 г. архитектором Н. П. Басиным.

В доме «высший свет» не проживал. В основном, здесь жили мастеровые люди среднего достатка. В соответствии со справочником «Весь Петербург на 1896 г.» в доме работал позолотный мастер Николай Алексеевич Воронков, портной Петр Карлович Шатас, мастер дамских шляп Мария Гавриловна Николаева, мастер дамских нарядов Элиза-Габриэль Мюллер, а Ирина Варламовна Варламова держала

меблированные комнаты без стола. Вполне возможно, что это и была квартира 40, где жил Хиросэ.

В первое время Хиросэ боялся уезжать далеко от Ясиро — русский язык он еще знал плохо, стипендию нужно было экономить. Но Ясиро был недоволен успехами Хиросэ в русском языке. Будучи в Петербурге, Хиросэ почти всегда говорил с Ясиро и сотрудниками дипмиссии на японском, поэтому 15 сентября 1898 г. Хиросэ пишет родителям, что по совету Ясиро решил переехать в русскую семью — «фамилию» — для улучшения разговорных навыков в русском языке, и что у него есть всего 3 дня на переезд.

18 сентября с целью погружения в языковую и культурную среду, Хиросэ переезжает в семью. К сожалению, куда и к кому не известно. Известно только, что не в центре города — Хиросэ нужно было полчаса ехать на конке до посольства. Симада-сан писал что-то про семью чиновника министерства финансов. Наверняка, это были те же меблированные комнаты, но «со столом». То есть Хиросэ должен был есть 3 раза в день вместе с русской семьей и с их другими квартирантами. При этом, естественно, говорить по-русски и знакомиться с русским образом жизни, едой и обычаями. Платить за комнату он должен был раз в месяц. Оплата была небольшой. Сначала Хиросэ очень нравилось «быть в семье», нравилось, что его очень тепло приняли, как родного, но позже различие культур и характеров дало знать о себе и породило новые проблемы.

3 октября Хиросэ становится иккюто и опять-таки по совету Ясиро приступает к изучению французского языка. Хиросэ, начав немного говорить по-русски, старался много общаться с разными людьми. Но только русского языка для общения в высшем обществе, так называемых «сферах», было недостаточно. Необходим был французский язык. К счастью, я теперь с уверенностью могу сказать имя его преподавателя французского языка. Учителя звали Лассим Луи (Людовик) Антонович, ему было 54 года, и он был преподавателем в Александровском лицее. Он преподавал

французский язык и Утияме и Ясиро. В 1898 году он проживал по адресу Большой проспект 94 Петроградской стороны. В 1907 году 65-летний учитель проживал по адресу дом 25 квартира 35 по Плуталовой улице вместе с женой Людмилой Владимировной 32 лет от роду. Александровский лицей находился по адресу: Каменноостровский проспект дом 21. По приказу Ясиро, Хиросэ стал заниматься французским в два раза больше, чем русским языком. И это было неудивительно, поскольку французский язык был универсальным языком дипломатии.

В феврале 1899 г. приходит приказ о переводе Ясиро в Японию. Хиросэ очень переживает. Хиросэ не понравилось жить в квартире с чужой русской семьей, у него с ними конфликты и полное непонимание, поэтому 2 марта он переезжает обратно в квартиру Ясиро на Пушкинской улице. 5\17 Марта Нота Посланника барона Хаяси информирует Министра Ин. Дел Муравьева о том, что в ближайшее время морской атташе Капитан Фрегата Ясиро будет отозван, и вместо него прибудет Капитан Фрегата Номото. 8 Марта подполковник Номото прибыл в Санкт-Петербург и временно поселился на квартире у Ясиро. Таким образом, их стало трое в одной квартире. Правда, они недолго стесняли друг друга. Номото должен был остаться жить в квартире Ясиро, но Номото квартира на Пушкинской не понравилась – в районе рядом с вокзалом «чистая» публика не жила. Поскольку Номото жил раньше в Петербурге и хорошо его знал, он быстро договорился занять свою старую квартиру на Б.Итальянской улице дом 3. Это был «фешенебельный» район рядом с императорским Михайловским театром. В квартиру Ясиро переехал первый секретарь Сугимура, а Хиросэ ничего не оставалось делать, как найти новую квартиру рядом с Номото. 15 марта 1899 он переезжает на новую квартиру на Караванной улице дом 16 кв. 6. Эта квартира находилась в трех кварталах от квартиры Номото. Хиросэ узнал про квартиру по случаю – военно-морской атташе Турции уезжал на родину и

предложил Хиросэ свою меблированную комнату «со столом» за 100 рублей в месяц. Хиросэ был рад, что он так быстро нашел квартиру, да еще в таком хорошем районе, да еще и в доме, где обращаться с иностранцами привыкли. В конце XIX века в Петербурге найти хорошую свободную квартиру было очень сложно. Приток населения был большой, и квартир катастрофически не хватало. Он пишет родственникам, что квартира очень удобно расположена, в престижном районе, что улица «Караванная» начинается от ворот Царской резиденции – Аничкова дворца на Невском, что рядом Летний Сад и что квартира на высоком этаже – нужно преодолеть целых 100 ступенек. Хиросэ жил в доходном доме Алексина. Дом был старый, но в 1878 году его надстроили и перестроили, поэтому он выглядел, как новый.

20 марта Хиросэ провожает Ясиро на Николаевском вокзале. 16/28 Апреля была отправлена Нота Номер 11 от Хаяси к Муравьеву, где барон информировал Министра, что третий секретарь К. Иидзима отзывается на Родину и уедет в ближайшее время.²³ Апреля Секретарь японской миссии Иидзима возвращается на родину. В Японской миссии освобождается штатная единица.

25 апреля 1899 года для Хиросэ прекращен период иностранного обучения, и ему приказано приступить к работе в Японской миссии. Он получает денежное довольствие по первому рангу служащих в иностранной миссии. 27 апреля вышел приказ о назначении Такэо Хиросэ официальным сотрудником миссии. 11 июня он отправляется в большое путешествие по России. По прибытии из путешествия он поменял квартиру. 30 июля 1899 года он переехал в квартиру номер 5 дома 96 по Екатерининскому Каналу. У него появились деньги, довольствие, статус были совершенно другие. Но не только это.

Большой красный доходный дом номер 96 рядом с Львиным мостиком принадлежал семейству Павловых. Это был старый дом 1839 года постройки (архитектор –

академик архитектуры Реймерс К.И.). Хозяин – родственник доктора Тимофея Павлова, друга Петерсена, недавно приобрел его и в 1899 году начал надстройку. Ремонтные работы длились 1899-1900 годы. Небольшая, самая дешевая, квартира на последнем этаже осталась не заселенной. Мало кто мог бы терпеть ремонтные работы у себя над головой, да еще и платить за это. Но Хиросэ с радостью согласился. До окончания работ плата за квартиру была уменьшена, а место для него было идеальное. Хотя это не был район проживания аристократии, но в доме не было «случайных» жильцов — все жильцы выбирались по желанию хозяев. В доме не проживали модистки, шляпницы и пр. Сам домовладелец – Павлов Михаил Петрович проживал в нем. Кроме него жили и семья доктора Тимофея Павлова, и другие его родственники. Во избежании нежелательных и незнакомых жильцов, доктор Петерсен и брат хозяина рекомендовали Хиросэ. С ним проблем об оплате не должно было быть – японская миссия платила четко в срок. Кроме того, Хиросэ был аккуратен и дебошей не устраивал, ничем не болел, с положением в обществе – дипломат – что еще было нужно.

Хотя квартира и не была большой, она была довольно дорогой, из чего следует, что военное руководство высоко оценило деятельность Хиросэ и его отчеты. Просто, наверняка, японское руководство Хиросэ, как только узнало рядом с кем он собирается жить, дало ему необходимое довольствие для переезда в этот дом, поскольку, даже во время проведения ремонта, цена этой квартиры была на порядок выше цены квартиры на Пушкинской улице. В год даже самая маленькая квартира Хиросэ стоила около 1000 рублей (без стола), поэтому даже морской офицер и известный гидрограф Андрей Иполлитович Вилькицкий смог переехать в этот дом только после того, как стал генералом. Когда же Хиросэ с ним познакомился, он был полковником и жил в более простом доме неподалеку на Малой Подьяческой улице.

Братом хозяина был еще один хорошо известный врач японской миссии - Павлов Тимофей Павлович. Он был действительным статским советником, ординарным профессором Военно-Медицинской Академии. На момент знакомства с Хиросэ ему было 40 лет. Он был врачом-дерматовенерологом и коллегой и другом Петерсена. У него была жена и двое детей. Его семья стала большими друзьями Хиросэ. Они жили 3 этажа вниз от Хиросэ.

Теперь Хиросэ не чувствовал себя одиноко в холодной российской столице. Его опекали сразу же 3 семьи – Павловых, Петерсенов и Вилькицких.

Акаси Мотодзиро

При восьмом посланнике — Курино — в японской миссии в Петербурге военным атташе служил самый известный японский разведчик, прообраз купринского «штабс-капитана Рыбникова», подполковник Акаси Мотодзиро.

Мотодзиро Акаси, потомственный самурай, приехал в Россию осенью 1902 года. Он ставленник так называемого «Общества реки Амур» (или «общества Черного дракона»). В 1903 г. ему было 39 лет. Родился в 1864 году. Умер в 1919 году в чине полного генерала.

Прозвище — «Ёгорэ но Акаси». Что-то вроде Акаси-грязнуля – это из-за того, что он все время в чем-то копался: и в куче грязной моркови, и в отбросах общества. А также из-за того, что во время учения он все время ходил в засаленной тужурке. У него была феноменальная способность мгновенно пачкаться.

Он стал одним из величайших разведчиков современности. В годы войны фактически руководителем японской разведывательно-подрывной работы против России в Западной Европе, а затем стал крупным военным и государственным деятелем.

Также он стал прообразом капитана Рыбникова Куприна.

Он по приказанию Фукусима Ясимасу и Кодама Гэнтаро (глава штаба манчжурской армии) во время войны старался развалить Россию изнутри и практически организовал провокацию 9 января и революцию 1905 года.

Японцы даже не без гордости считают, что Акаси Мотодзиро предвидел будущее рождение социалистического государства, и всячески способствовал этому.

Военный атташе подполковник Акаси был и является самым известным японским разведчиком из тех, кто когда-либо работал в России. Он жил на Галерной улице, дом 20 кв. 84, фактически, в одном доме с японской миссией (Конногвардейский б-р дом 17).

Несмотря на то, что департамент Лаврова интересовался Акаси, у него не хватало сил и ресурсов держать его под полным контролем. К сожалению, до русско-японской войны за японцами особо сильно не следили.

Вот какой интересный документ хранится в ГАРФ, в фонде полицейского отделения:

Приписка над докладной запиской:

Все это очень подозрительно в виду военного времени и шпионства японцев вообще. Можно предположить, что и тут скрывается какая-нибудь их подлость, могущая отозваться плачевными последствиями.

Сведение: 12 мая 1904 года. После разрыва дипломатических сношений Японии с Россией, бывший военный японский агент (атташе) при Японском посольстве Матоиро Акаши при выезде из Санкт-Петербурга 28 января текущего года, занимаемую им кв. 84 в д.№20 по Галерной ул. оставил прислуге своей, горничной, к-ке Спентербургской губ. Новоладожского уезда, Гавсарской вол. Дер. Гавсари Авдотьи Ивановой Катениной 23 л. и всю квартирную обстановку, оцениваемую приблизительно в 500-600 р. и другие вещи — в полную ея собственность, уплативо за квартиру до 1 го будущаго Июля с.г. 16 минушаго Апреля м-ца текущего года Катерина вышла замуж за запасного старшаго писаря Главного Штаба из крестьян Вятской губ. Нолинскаго уезда, Рунской волости дер. Телицыной Николая Гурьева Телицына с которым с означенного числа и проживает

вместе в сказанной квартире. В квартиру Телицыной 7 сего мая на короткое время приехала дворянка Мария Александровна Болотова 35 л. с сыном Сергеем 14 л. Телицын до женитьбы проживал в д.№68 по Гороховой ул. И служит в Управлении Торговых Мореплаваний и Портов. Имеются сведения, что квартиру Телицыных никто не посещает и предосудительного ничего не происходит. При этом имею честь доложить, что Телицына бывшая Катенина привлекалась к дознанию по делу Ивкова, по слухам она служила посредницею между японцем Акиши и Ивковым для передачи писем. Чем заслужила Телицына такое щедрое вознаграждение со стороны японца Акиши, долголетней ли службой. (около других сведений не имеется. Полицейский надз. Руба

И на документе приколота следующая записка от 27 апреля:

«В квартире бывшего Секретаря Японского Консула, находящейся по Галерной ул. в д.№20 кв.84 в первом этаже, оставлена им проживать прислуга его, жившая у него более 6 лет и на днях вышедшая замуж за военного писаря, с которым она была знакома в течение всей службы его у секретаря. Ей оставлена секретарем вся обстановка серебро и т. д. И пользование квартирой на полгода. Attache Г-н Акаши. Это очень подозрительно в виду военного времени и шпионства японцев вообще. Можно предполагать, что и тут скрывается какая-нибудь подлость, могущая отозваться плачевными последствиями.»

5 мая 1905 года Ламздорф пишет, что «нами было установлено, что Японцу полковник Акаши один из главных агентов для разведок». Но было уже поздно — война в разгаре, флот идет к цусимской развязке, Акаши в Европе.

После русско-японской войны японская миссия была реорганизована в Посольство (Legation - Ambassade), и Мотоно Итиро был назначен послом. В 1906 году японская миссия, а затем посольство, не вернулось в квартиру на Конногвардейском бульваре, дом 17, а переехало в более просторную квартиру во дворец на Французской набережной 14 (наб. Кутузова) с замечательным видом на Неву. Примечательно, что в доме рядом находилось Французское посольство - посольство наиболее дружественной России страны.

Ито Хиробуми в истории российско-японских отношений

Ито Хиробуми (伊藤博文, 1841–1909) вошел в историю как первый (а также 5-й, 7-й и 10-й) премьер-министр Японии, создатель Конституции Великой Японской империи (яп. *дайниппон тэйкоку кэмпо* 大日本帝国憲法), первый (а также 3-й, 8-й и 10-й) председатель Тайного совета, реформатор государственного аппарата Японии, один из *гэнро* — пожизненных советников императора, оказывающих большое влияние на политику Японии конца XIX — начала XX вв. и первый генерал-резидент Кореи.

Ито Хиробуми было суждено родиться в то время, когда Япония была вынуждена «открыть свои двери» перед внешним миром и встать на путь модернизации, войдя в контакт с западными державами. Примечателен тот факт, что Ито был одним из немногих политических деятелей конца XIX — начала XX вв., который являлся сторонником сближения с Россией.

Миссия Ивакура

Первый визит Ито Хиробуми в Россию состоялся с 30 марта по 14 апреля 1873 г. в составе дипломатической миссии Ивакура (яп. *Ивакура сисэюдан* 岩倉使節団) в США и Европу. На тот момент Ито занимал должность заместителя министра промышленности.

Решение посетить Россию было принято в связи с нарастающими опасениями к российской внешней политике, зародившихся еще в начале XIX в.¹ Посетив США, Великобританию, Францию, Бельгию, Голландию и Германию миссия Ивакура отправилась в столицу Российской империи по Петербурго-Варшавской железной дороге. Было решено, что официально миссию примут Владимир Иосифович Яма-

---

¹ Попытка экспедиции Н.П.Резанова (1764-1807) начать торговлю между Россией и Японией в 1804 г.

тов (Масуда Косай 増田甲齋, 1820–1885) и министр иностранных дел канцлер Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), по распоряжению которого его ведомство взяло на себя все расходы по проживанию, питанию и передвижению членов делегации².

1 апреля члены миссии посетили здание Главного штаба, чтобы официально поприветствовать канцлера А.М. Горчакова³. 3 апреля миссия Ивакура была удостоена аудиенции императора Александра II (1818–1881) в Зимнем дворце. По указанию Александра II, посол и заместители были приглашены в Золотую гостиную для проведения аудиенции. Выслушав приветственную речь господина Ивакура, император выразил благодарность за радушный прием, оказанный великому князю Алексею Александровичу⁴ во время посещения им Японии осенью 1872 г.⁵

9 апреля в 6 часов вечера миссия снова была приглашена императором на званый ужин в Зимний дворец, что также являлось неотъемлемой частью церемониального приема иностранных послов. По приказу Александра II членам делегации было запланировано показать достопримечательности Санкт-Петербурга. В соответствии с программой со 2 по 14 апреля члены миссии Ивакура посетили различные государственные и образовательные учреждения, встретилась с членами императорской семьи и высокопоставленными чиновниками.

---

² Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С.202.; Ковальчук М. К. Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя // Япония. 2002– 2003. т.: Макс-Пресс, 2003. С.245-246.

³ Баннай Томоко. Миссия Ивакура в России и «Записки о США и Европе»: неописанный званый обед императора // Языковые исследования. 2007. №22. С. 5. 坂内知子。ロシアにおける岩倉使節団と『米欧回覧実記』-書かれなかつた皇帝暗餐会- // 語学研究。2007年。第22号。5頁。

⁴ Четвертый сын Александра II

⁵ Ковальчук М.К. Миссия Ивакура в Санкт-Петербурге. Анализ впечатлений японских посланников о России сто тридцать лет спустя // Япония. 2002- 2003. т.: Макс-Пресс, 2003. С. 245

14 апреля 1873 г. миссия покинула Санкт-Петербург и направилась в Данию и другие страны Европы. В целом визит в Россию составил лишь 16 дней, что весьма непродолжительно по сравнению с теми странами, которые они уже успели посетить⁶. Большая часть исследователей считает, что данный визит не оказал значимого влияния на развитие русско-японских отношений, так как нес скорее культурное значение, нежели преследовал цель заключения международного соглашения. В планы миссии входило общее знакомство и сбор информации о положении дел в России, а также выяснение планов и целей внешней политики России в отношении Японии и Восточной Азии в целом.

Коронация Александра III

Поводом для следующего визита Ито Хиробуми в Россию послужила коронация Александра III. С марта 1882 г. по август 1883 г. Ито Хиробуми отправился в Европу для изучения конституций западных стран. После завершения исследований Ито во второй раз, спустя 10 лет после миссии Ивакура, посетил Санкт-Петербург. 9 мая 1883 г. Ито присутствовал на коронации императора Александра III (1845–1894) в качестве специального уполномоченного посла Японии. На коронации Ито преподнес российскому императору личное письмо от императора Мэйдзи, и после возвращения в Японию передал ответное письмо императору Мэйдзи от Александра III⁷.

⁶ Визит в США составил 205 дней, Англию – 122, Францию – 2 месяца, Германию – почти месяц.

⁷ Такии Кадзухиро. Ито Хиробуми – первый министр Японии и отец Конституции Мэйдзи / перевод Такэти Манабу. Нью-Йорк: Раутледж, 2014. С. 51. Takii Kazuhiro. Ito Hirobumi – Japan's First Prime Minister and Father of the Meiji Constitution / Translated by Takechi Manabu. NY: Routledge, 2014. 51 p. Такии Кадзухиро. Ито Хиробуми – японский Бисмарк? // Европейские исследования. 2010. №9. С. 206-207. 瀧井一博。伊藤博文は日本のビスマルク? // ヨーロッパ研究。2010年。第9号。206–207頁。; Командировка императорского советника Ито Хиробуми в качестве специального уполномоченного посла на коронацию российского императора (16-й год Мэйдзи) // Национальный архив

Посещение Владивостока

В августе 1888 г. Ито Хиробуми, который на тот момент занимал пост председателя Тайного совета, вновь предпринял поездку в Россию. На этот раз Ито вместе с министром флота Сайго Цугумити (西郷従道, 1843–1902) на японском военном судне посетили Владивосток – основной дальневосточный российский порт. Некоторые российские политики считали, что заход японского военного корабля в китайские, корейские порты и Владивосток являлось демонстрацией растущей мощи Японии как военно-морской державы.

Попытка заключения русско-японского союза

В ноябре 1901 г. Ито Хиробуми, видя нарастание напряженности в российско-японских отношениях по корейскому вопросу, предпринял поездку в Санкт-Петербург в попытке заключить союз Японии с Россией. В процессе переговоров Ито собирался добиться признания Кореи исключительно японской сферой влияния.

Несмотря на то, что разговоры о заключении англо-японского союза возникли уже после японо-китайской войны 1894–1896 гг., переговоры продолжали постоянно откладываться. Объяснением этому было то, что Ито, занимавший в то время пост премьер-министра Японии, придерживался курса на сближение с Россией. Ито удавалось долго задерживать переговоры о англо-японском союзе⁸.

Все изменилось в 1901 г, когда премьер-министром Японии стал Кацура Таро (桂太郎, 1847–1913), сторонник

Японии. 参議伊藤博文を特派全権大使として露国皇帝即位式に派遣 (明治 16 年) // 国立公文書館。URL: http://www.archives.go.jp/exhibition/digital/2007_01/hirobumi_ito/archive05_01.html (27.02.2017)

⁸ Глазунова Г.Б. Официальная пресса Британии об Ито Хиробуми накануне подписания англо-японского союзного договора 1902 г. // Известия Вологодского государственного педагогического университета. 2012. №9. С. 61.

заклучения англо-японского союза. Разработка текста договора с Англией началась уже с лета 1901 г., однако Ито не оставлял надежды на заключение договора с Россией⁹.

Перед визитом в Россию Ито совершил частную поездку в Европу с целью скоординирования внешней политики Японии. Поездка проходила в согласовании с действиями кабинета министров и проводимыми англо-японскими переговорами в Лондоне. В то время перед Японией стоял выбор между присоединением к русско-французскому альянсу или сближением с Англией. В случае успешных переговоров Ито также надеялся, что Франция сможет быть посредником в заключении союза Японии с Россией.

На самом деле, считается, что санкционировав поездку Ито в Санкт-Петербург, кабинет Кацура изначально рассчитывал на то, что информация о возможном подписании русско-японского соглашения поможет ускорить заключение союза с Англией.

25 ноября 1901 г. Ито Хиробуми прибыл в Санкт-Петербург, где у него были запланированы неофициальные встречи с ведущими российскими политиками. На высочайшей аудиенции 28 ноября разговор с Николаем II имел весьма «общий характер и сводился к обоюдным заверениям о желании мира и добрососедства между двумя странами»¹⁰.

30 ноября состоялась первая встреча с министром иностранных дел графом Владимиром Николаевичем Ламздорфом (1845–1907), на которой были изложены новые предложения Японии по корейскому вопросу. Но Ламздорф указал, что предложения Ито носят односторонний характер и сводятся лишь к желанию закрепить преимущество Японии в Корее. Россия, в свою очередь, не собиралась отказываться от своих прав на территорию Корейского

---

⁹ Там же.

¹⁰ Цит. по: Лукоянов И. В. «Не отстать от держав.» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор История, 2008. С. 287.

королевства. Ито и Ламздорф сошлись лишь в том, что Россию беспокоит возможность укрепления Кореи и что Япония обязуется не использовать территорию Кореи в своих стратегических целях.

После переговоров с В.Н.Ламздорфом у Ито Хиробуми состоялась беседа с министром финансов Сергеем Юльевичем Витте (1849–1915). С.Ю. Витте в своих беседах с Ито более конкретно касался всех вопросов и шел на уступки, в отличие от Ламздорфа. С.Ю. Витте был сторонником обмена Кореи на некоторые гарантии в отношении Маньчжурии.

Вторая встреча Ито с Ламздорфом состоялась 4 декабря. На ней Ито были вынесены уже более конкретные условия японского правительства, при которых Россия должна была буквально уступить по всем позициям и при этом ничего не получить взамен. Ламздорф указал Ито, что эти условия не выгодны российской стороне¹¹.

По окончании переговоров Ито передал министру иностранных дел письменное изложение предложений Японии. Витте принял позицию Японии с некоторыми поправками. С принятием Россией условий Японии, последняя должна была признать преимущественные права России в областях Китая, прилегающих к русской границе.

3 декабря Ито получил сообщение о готовности заключения англо-японского союза и уже на следующий день выехал в Берлин. Покинувшему Санкт-Петербургу Ито был отправлен ответный вариант соглашения, составленный с учетом сохранения позиций России в Корею. Ито не сразу ответил на русский проект соглашения, так как, по-видимому, был им разочарован. Несмотря на это, находясь в Германии, Ито в очередной раз попытался убедить правительство Японии в правильности решения заключения союза с Россией, надеясь в процессе соглашения ликвидировать все недоразумения, возникающие ранее.

---

¹¹ Там же. С. 289.

В итоге переговоры с Россией оказались абсолютно безрезультатными, поскольку и сам Николай II и большинство министров были против заключения русско-японского союза на условиях Японии, так как это влекло за собой отказ от российского влияния на Корейском полуострове. Что касается Японии – Ито Хиробуми и Иноуэ Каору 井上馨 (1836-1915) были единственными в японском правительстве, кто не поддерживали идею заключения англо-японского союза, поскольку считали, что союз с Россией был бы выгоднее¹². Тем не менее, в то время для Японии было более важным подтверждение Англии о ее не заинтересованности в Корее, чем согласие России уступить Японии южную половину Корейского полуострова.

Встреча с В.Н. Коковцовым. Убийство Ито в Харбине

Осенью 1909 г. стало известно о предстоящей поездке российского министра финансов Владимира Николаевича Коковцова (1853-1943) на Дальний Восток. Японское правительство, не добившись его приезда в Японию, уполномочило Ито Хиробуми на проведение переговоров с Коковцовым в Харбине¹³.

Ито надеялся, что предстоящие переговоры с Коковцовым могут способствовать сближению двух стран, так как предыдущая поездка 1901 г. в Санкт-Петербург не дала положительных результатов в попытке урегулировать российско-японские отношения мирным путем¹⁴.

О предстоящем визите князя Ито специально для встречи с Коковцевым, последний узнал только по прибытии на станцию «Маньчжурия» 22 октября 1909 г. В Санкт-

---

¹² Мешеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С.478.

¹³ Макарчук О.И. Япония и Российская империя: направления и логика взаимодействия. URL: <http://kk.docdat.com/docs/index-357468.html> (10.03.17)

¹⁴ Макарчук О. И. Япония и Российская империя: направления и логика взаимодействия. URL: <http://kk.docdat.com/docs/index-357468.html> (10.03.17); Макарчук О. И. К вопросу русско-японских отношений в 1907 – 1910 гг. // История государства и права. – М.: Юрист, 2009. С. 37.

Петербурге о предстоящем визите Ито еще не было известно¹⁵. Прибытие Ито было запланировано на 26 октября в 9 часов утра.

В. Н. Коковцову показалось весьма странным, что «такой заслуженный и престарелый сановник, незадолго перед тем сдавший должность генерал-губернатора Кореи, мог бы предпринять такое сравнительно далекое путешествие» только для простого визита¹⁶. При этом министра финансов не покидала мысль о том, что незадолго до русско-японской войны Ито Хиробуми прибыл в Санкт-Петербург и провел переговоры на предмет заключения соглашения между Японией и Россией, которое так и не было осуществлено.

24 октября Коковцов приехал в Харбин и в тот же день посетил японского консула Каваками, который вместе с генералом Хорватом занимался организацией встречи Ито. Изначально Хорват вынес предложение разослать пригласительные от железной дороги наиболее уважаемым лицам японской общины, а на консула возложить проверку и надзор за прибывшими. Однако Каваками не согласился, так как предполагал, что желающих увидеть Ито будет много и «разослать именные приглашения будет просто невозможно, без опасения обидеть многих желающих и при том самых почетных людей». Поэтому консул предложил не рассылать приглашения вовсе, а предоставить ему право допустить на перрон всех желающих прийти на встречу с Ито японцев, под его личную ответственность. При допуске на перрон он просил руководствоваться лишь внешним видом. Генерал Хорват принял предложение консула¹⁷.

---

¹⁵ Коковцов В. Н. Воспоминания 1903 – 1919 гг. С. 376.

¹⁶ Цит. по: Коковцов В. Н. Воспоминания 1903 – 1919 гг. С. 376.

¹⁷ Коковцов В. Н. Воспоминания 1903 – 1919 гг. С. 385-386; Самойлов Н. А. Выстрелы Ан Чун Гына в Харбине. Взгляд из России // Вестник Центра корейского языка и культуры Санкт-Петербургского университета. Выпуск 2. 1997. С. 239.

26 октября 1909 г. в 9 часов утра, как и было запланировано, Ито Хиробими прибыл в Харбин по российской железной дороге.

Дальнейшие события Коковцов описывает в своих мемуарах следующим образом: «Как только он [поезд] остановился, я вошел в салонный вагон, в котором, стоя у стола, ждал меня Князь Ито и обратился ко мне со словами приветия [...]. Он сказал мне, что когда в Японии стало известно, что я предполагаю прибыть в Маньчжурию для осмотра Китайской Восточной дороги, состоящей под моим административным надзором, в Японии возникла надежда на то, что я продолжу мое путешествие до Японии [...]. Поэтому, когда, к великому огорчению правительства, выяснилось, что неотложные дела [...] лишают меня возможности пойти навстречу этого желания – у правительства Его Величества Микадо возникла мысль приветствовать меня хотя бы на территории Маньчжурии, где наши интересы соприкасаются так тесно, и он, Князь Ито, был бы счастлив, несмотря на эти годы и плохое состояние здоровья, принять это поручение [...]»¹⁸.

Обменявшись приветствиями Ито и В. Н. Коковцов вышли из вагона. После завершения почетного караула и церемонии представления Ито направился к группе представителей японской общины, где его ожидал консул Каваками¹⁹. В этот момент раздались глухие выстрелы. Ито был смертельно ранен тремя пулями. Выстрелив в Ито, стрелявший сделал еще несколько выстрелов, при этом ранив японского консула Каваками, спутника Ито, Танака, и секретаря министерства Императорского Двора Мори.

¹⁸ Цит. по: Коковцов В. Н. Воспоминания 1903–1919 гг. С. 388.

¹⁹ Коковцов В.Н. Воспоминания 1903–1919 гг.С.389-90; Асада Масафуми. Убийство Ито Хиробуми с точки зрения российско-японских отношений // Исследования северо-восточной Азии. 2012. №16. С. 11-12. 麻田雅文。日露関係から見た伊藤博文暗殺 // 東北アジア研究。2012年。第16号。11-12頁。

Его целью были только японцы²⁰. Коковцов, Карасев и еще несколько человек подняли Ито и внесли его в вагон поезда. Осмотрев Ито, доктор сказал, что раны слишком серьезные – в область сердца. Спустя пол часа после ранения Ито скончался.

Преступником оказался сторонник антияпонского национально-освободительного движения Кореи Ан Чун Гын. Он был немедленно задержан российскими охранниками и сдан чинам жандармского полицейского надзора железной дороги.

После инцидента консул Каваками заявил, что «это страшное для Японии несчастье случилось исключительно по его вине», имея ввиду то, что это именно он настоял на допуске всех прилично одетых японцев²¹. Ан Чун Гыну понадобилось лишь одеться так, чтобы сойти за процветающего японца в глазах русских солдат²².

В своих мемуарах В.Н. Коковцев упоминает, что трое корреспондентов, которые приехали вместе с Ито, обвинили российские власти в полном бездействии по вине чего и произошло убийство видного политика. Коковцов писал, что дошло даже до замечания от одного из них, что «Япония сумела бы оградить мою [Коковцова] безопасность, если бы вместо Ито, оказавшего мне великую честь прибытием своим для свидания со мною, а вот теперь высший сановник Японии, искавший встречи с русским министром, убит только потому, что отвечающая за порядок на железной дороге русская власть на сумела или даже не захотела оберечь его»²³. Однако, *узнав*, что консул Каваками уже пишет прави-

---

²⁰ Коковцов В. Н. Воспоминания 1903 – 1919 гг. С. 391; Самойлов Н. А. Выстрелы Ан Чун Гына в Харбине. Взгляд из России // Вестник Центра корейского языка и культуры Санкт-Петербургского университета. Выпуск 2. 1997. С. 237.

²¹ Цит. по: Там же.

²² Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С. 538.

²³ Цит. по: Там же.

тельству Японии о невиновности русской железнодорожной власти и о том, что тот берет на себя всю ответственность за организацию приема, японцы, сменив тон на более вежливый, обратились к министру финансов с просьбой рассказать подробности организации приема. После беседы один из них принес свои извинения за допущенную им резкость в разговоре, объяснив это волнением вокруг случившегося.

В целом, в силу того, что Каваками взял на себя всю ответственность, обвинения в адрес российских властей, если такие и имели место быть, сошли на нет. Очень скоро харбинские газеты стали заявлять, что японское правительство, также как и общественное мнение Японии, ни коем образом не осуждают действий российских властей по данному происшествию. Оправдание действий железнодорожного начальства также подкреплялось тем, что они не могли отказать японскому консулу в его просьбе, если тот обязывался нести за это ответственность, а недопуск на перрон отдельных японских лиц мог привести к множественным жалобам на предмет ограничения их прав²⁴.

В России реакция на данное происшествие была неоднозначной. Официальные российские власти и большинство российских газет рассматривали убийство Ито, как акт индивидуального террора, хотя встречались и публикации, проникнутые сочувствием к судьбе корейского народа и пониманием причин, толкнувших патриотов Кореи на этот радикальный шаг²⁵.

Цели несостоявшейся беседы Ито Хиробуми с В.Н. Коковцовым не разглашались до самого убийства Ито. Для российского министра финансов они так и остались неизвестны. Цели были раскрыты министром связи бароном Гото Симпэй 後藤新平 (1857-1929), который являлся посредником этой встречи, послу Малевскому-Малевичу 21 ноября.

---

²⁴ Там же. С. 402-403.

²⁵ Самойлов Н.А. Выстрелы Ан Чун Гына в Харбине. Взгляд из России. С.240.

Гото заявил, что Ито предстояло заняться решением следующих вопросов:

- улучшение коммуникаций между Китайско-Восточной железной дорогой и Южно-Маньчжурской железной дорогой (несмотря на то, что российско-японское соглашение о соединении двух дорог было подписано еще в 1907 г., плата за перевозку была разной);
- снижение платы на транспортировку японского шелка, ввозившегося в Россию через КВЖД и Сибирскую железную дорогу;
- стабилизация политического сближения и разграничение интересов на территории Маньчжурии между двумя странами²⁶.

Убийство Ито Хиробуми задевало интересы, как Японии, так и России, поскольку обе стороны возлагали на переговоры Ито с В. Н. Коковцовым большие надежды.

История российско-японских отношений насчитывает уже более трехсот лет, с периодическими изменениями в политике: то в сторону охлаждения, то сближения. Ито Хиробуми останется в ней как человек, способствующий их сближению и стремящийся прийти к урегулированию спорных вопросов мирным путем.

Несмотря на то, что первые три визита Ито в Россию не имели под собой политических целей и не несли значимых дипломатических последствий, но, возможно, именно они определили позицию Ито по отношению к России. Следует отметить, что по словам Оттмара фон Моля²⁷, уже после первого визита в Россию Ито Хиробуми запечатлел в своей

---

²⁶ Асада Масафуми. Убийство Ито Хиробуми с точки зрения российско-японских отношений // Исследования северо-восточной Азии. 2012. №16. С. 11-12. 麻田雅文。日露関係から見た伊藤博文暗殺 // 東北アジア研究。2012年。第16号。8頁。; Макарчук О. И. Япония и Российская империя: направления и логика взаимодействия. URL: <http://kk.docdat.com/docs/index-357468.html> (10.03.17); Макарчук О. И. К вопросу русско-японских отношений в 1907-1910 гг. // История государства и права. – М.: Юрист, 2009. С. 37.

²⁷ Оттомар фон Моль (1846-1922) – немецкий дипломат, советник в правительстве Мэйдзи с 1887 до 1889 года.

памяти приобретенный им опыт, что возможно дало основания для того чтобы занять позицию сближения с Россией.

В начале XX века, когда перед правительством Японии стоял выбор между заключением союза с Англией или с Россией, Ито Хиробуми был одним из тех, кто не поддерживал идею заключения англо-японского союза, а настаивал именно на подписании соглашения с Россией.

Занимая пост премьер-министра Японии, Ито располагал большими полномочиями и мог долгое время откладывать переговоры с Англией, поскольку сам придерживался курса на сближение с Россией. Хотя, по мнению многих современных историков, он не являлся сторонником ни прорусской, ни проанглийской ориентации. Тем не менее Ито полагал, что заключение договора с Россией будет намного выгоднее, чем англо-японский союз, так как существовала вероятность присоединения к союзу еще и Германии, что означало бы появление еще одного участника в разделе Кореи и Маньчжурии.

Изменение политического курса Японии произошло с приходом сторонника англо-японского союза Кацура Таро на пост премьер-министра Японии в 1901 г. Ито не терял надежды на заключение русско-японского соглашения даже тогда, когда уже началась разработка текста договора с Англией.

В конце концов компромисс между Японией и Россией оказался практически невозможен. Не добившись каких-либо результатов Ито покинул Санкт-Петербург. Однако, даже будучи сторонником союза с Россией, Ито был вынужден признать, что, принимая во внимание внешнюю политику России, даже при условии отказа России «от нейтральной зоны и требования запретить использование корейской территории в стратегических целях», мир с Росси-

ей будет лишь временным²⁸. Фактически же, ни Япония, ни Россия не были готовы идти на уступки.

Таким образом, в оправдание безрезультатных переговоров Ито с целью заключения русско-японского союза, надо учитывать три основных фактора:

1. на момент переговоров с Россией, Ито, хотя и обладал большим влиянием в правительстве Японии, не занимал официальных должностей и не мог в полной мере влиять на ход событий;
2. отсутствие достаточного количества сторонников сближения с Россией в правительстве, а также общее преобладание антирусских настроений в обществе;
3. общее противоречие интересов и нежелание идти на уступки обеих сторон.

Новая надежда на урегулирование российско-японских отношений на Дальнем Востоке появилась спустя 8 лет, в 1909 г. Проведя аналогию между своей предыдущей поездкой в Санкт-Петербург, Ито надеялся, что после беседы с российском министром финансов В.Н.Коковцовым Япония и Россия смогут прийти к разграничению интересов на территории Маньчжурии между двумя странами – как основной целью его переговоров, которым так и не суждено было состояться.

В завершение ко всему вышесказанному, стоит отметить, что, хотя история и не терпит сослагательного наклонения, так трагично оборвавшиеся переговоры Ито с В.Н.Коковцовым, если бы им было суждено состояться, могли ускорить сближение России с Японией, так как Ито Хиробуми был одним из тех политических деятелей Японии, которые способствовали развитию русско-японских отношений.

---

²⁸ Цит. по: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав.» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. С.568.

Визит Ито Хиробуми в Санкт-Петербург в 1901 г.

Одной из важнейших внешнеполитических задач, стоявших перед Японской империей в начале XX в., было обретение колоний и расширение сферы своего политического и экономического влияния. Однако для этого Токио нуждался во внешней военной и финансовой поддержке, поэтому японское правительство задалось целью заключить союзный договор с одной из могущественных европейских держав¹. Имея за спиной сильного союзника, Япония могла бы активнее отстаивать свои интересы в дальневосточном регионе.

С апреля 1901 г. по инициативе японской стороны в Лондоне велись консультации по поводу возможного заключения англо-японского договора. Однако этот факт не означал, что Токио окончательно склонилось в пользу союза с Великобританией. Японское руководство колебалось. На протяжении всего 1901 г. Япония пыталась сделать выбор между сближением либо с Британской империей, либо с русско-французским альянсом, сложившимся в Европе к началу XX в.

В мае 1901 г. пост премьер-министра Японии покинул маркиз Ито Хиробуми — один из влиятельнейших японских политических деятелей своего времени. Несмотря на то, что Ито был выходцем из крестьянства, он получил хорошее образование, в числе немногих японских студентов побывал в Европе. Ито Хиробуми был одним из лидеров революции Мэйдзи, убежденным сторонником императорской власти и модернизации Японии. Помимо этого, маркиз Ито вошел в историю как первый (а так же пятый, седьмой и десятый) японский премьер-министр и автор проекта Конституции Японии².

---

¹ Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904-1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014. С. 340.

² Совастеев В. Хиробуми Ито в интерьере японской истории // Япония сегодня. М., 2003 С. 48.

После выхода в отставку, Ито в качестве частного лица отправился в путешествие в Европу, планируя «посетить главнейшие европейские столицы», такие как Париж и Санкт-Петербург³. Несмотря на то, что поездка носила неофициальный характер, она проходила в тесной координации с действиями кабинета министров и ведущимися в это время англо-японскими переговорами⁴.

В Санкт-Петербурге были осведомлены о том, что Ито Хиробуми планирует посетить российскую столицу и обсудить перспективы русско-японского соглашения. Российский посланник в Токио А.П.Извольский 3 сентября 1901 года телеграфировал министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу о том, что Ито Хиробуми отправился в путешествие, и что «хотя путешествию этому придается вполне частный характер, оно имеет несомненное политическое значение и предпринимается с целью ближайшего ознакомления со взглядами европейских кабинетов». Извольский также замечал, что «будучи устранен от дел, маркиз Ито продолжает занимать выдающееся положение среди старших государственных людей, пользующихся личным доверием японского императора, и результат его поездки может существенно повлиять на дальнейший ход внешней политики Японии»⁵.

12 (25) ноября маркиз Ито Хиробуми прибыл в Санкт-Петербург по Варшавской железной дороге в 8 часов 15 минут утра⁶. В дороге маркиза сопровождал личный секретарь господин Цудзуки, бывший заместитель министра

---

³ Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 3 сентября 1901 года // Красный Архив. М., 1934. Т. 2. С. 37.

⁴ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С. 284

⁵ Секретная телеграмма посланника в Токио Извольского министру иностранных дел Ламздорфу от 3 сентября 1901 года // Красный Архив. М., 1934. Т.2, с.37.

⁶ «Петербургский листок», №312, 13(26) ноября 1901.

иностранных дел Японии⁷. На вокзале японского государственного деятеля встречали поверенный в делах господин Сигимура вместе с чинами японского посольства и чиновник азиатского департамента Дмитрий Константинович Семеновский-Курило⁸. Впоследствии, британская газета так прокомментирует встречу Ито: «Прием, оказанный Ито в Петербурге, был более чем льстивый ... По случаю его приезда, ... на Варшавском вокзале его встретили не только господин Сигимура и члены японского посольства, но также и представители Министерства иностранных дел — необычное внимание, которое редко уделяют даже послам»⁹.

По прибытии в Санкт-Петербург Ито Хиробуми остановился в Европейской гостинице¹⁰ — сегодня это пятизвездочная гостиница «Гранд Отель Европа». На следующий день, 13 (26) ноября, Ито Хиробуми был с визитом у министра иностранных дел гофмейстера графа В.Н. Ламздорфа, завтракал в японском посольстве, а также осматривал достопримечательности города.

15 (28) ноября Николай II принял Ито Хиробуми в Александровском дворце Царского Села. По сообщению «Петербургского листка», японский политик в час дня отправился в императорскую резиденцию поездом Царско-сельской железной дороги, и в четыре часа вечера вернулся обратно в Санкт-Петербург¹¹. В тот же день, в честь японского гостя у министра иностранных дел в Большом зале Министерства иностранных дел состоялся парадный обед. На нем присутствовали сопровождающий маркиза в его поездке господин Цудзуки, японская миссия в Санкт-Петербурге в полном составе, с поверенным в делах Сигимура во главе, высшие сановники Империи, в числе которых были

⁷ Правительственный вестник, 251, 16(29) ноября 1901

⁸ «Новое время», №9231, 14(27) ноября 1901.

⁹ The Homeward Mail, №1638, 9 December 1901.

¹⁰ «Новое время», №9231, 14(27) ноября.

¹¹ «Петербургский листок», №315, 16(29) ноября 1901.

член государственного совета граф Н.П.Игнатьев и обер-прокурор Святейшего Синода статс-секретарь К.П.Победоносцев¹². На обеде также присутствовали чины Министерства иностранных дел.

Главной сложностью в русско-японских отношениях того времени был вопрос о Корее¹³. В конце XIX – начале XX вв. Япония в своей внешней политике уделяла пристальное внимание Корейскому полуострову, как территории, которая потенциально могла стать объектом японской колонизации¹⁴. Однако в Корее японские интересы сталкивались с интересами России, которая не хотела отказываться от влияния в этом регионе, граничащем с ее владениями. Визит Ито Хиробуми в Санкт-Петербург в 1901 г. был попыткой разрешить этот вопрос.

17 (30) ноября состоялась первая беседа Ито и министра иностранных дел Ламздорфа, в ходе которой японский политик представил свое видение нового русско-японского соглашения о Корее. Ито высказал следующие соображения: признание Россией исключительного права Японии «помогать советами» Корее и, при необходимости, вводить в королевство войска. Япония также желала от России заверений в том, что Петербург не планирует вторжение на Корейский полуостров. В свою очередь, японская сторона обещала не возводить укреплений на южном побережье и не угрожать коммуникациям Порт-Артура (однако, предполагалось, что эти обязательства будут обоюдными). Выслушав «пожелания» японского политика, Ламздорф возразил, что подобные условия выгодны лишь японской стороне, а не обоим государствам. По мнению министра, соглашение в том виде, в котором его предлагал Ито,

¹² «Правительственный вестник», 251, 16(29) ноября 1901.

¹³ Отпуск записки министерства иностранных дел для Делькассе // Красный Архив. М., 1934. Т. 2. С. 42.

¹⁴ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 340.

противоречило интересам России, которая не желала отказываться от своего влияния в Корее, и не могло быть принято российской стороной¹⁵.

Вторая встреча Ито и Ламздорфа, состоявшаяся 21 ноября (4 декабря), была более определенной, на ней Ито представил проект соглашения из пяти пунктов. Согласно этому проекту оба государства, во-первых, давали взаимные гарантии независимости Кореи, во-вторых, обязались не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей друг против друга, в-третьих, брали на себя обязательства «не прибегать на корейском побережье к каким бы то ни было военным мероприятиям, кои могли бы подвергать опасности свободу прохода через Корейский пролив»¹⁶. Помимо этого, отдельный пункт оговаривал свободу действия Японии в Корее в политическом и экономическом отношении, а также давал право японцам вводить свои войска на полуостров в случае возникновения «восстаний и всякого другого подобного беспорядка, могущего нарушить мирные отношения между Японией и Кореей». И, наконец, в пятом пункте отмечалось, что новое соглашение заменяет собой все предыдущие положения и договоренности¹⁷.

Выслушав японского политика, граф Ламздорф вновь заметил, «что предлагаемые им условия не представляют ... канвы соглашения, а являются лишь перечнем весьма широких льгот, которые Япония желает выговорить в свою пользу»¹⁸. Министр иностранных дел заметил также, что соглашение подразумевает не только уступки, но и равные права и преимущества обоих договаривающихся сторон, в то время как проект, представленный маркизом, предусмат-

---

¹⁵ Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 288.

¹⁶ Проект предложений маркиза Ито // Красный Архив. М., 1934. Т.2. С.46.

¹⁷ Проект предложений маркиза Ито. Там же.

¹⁸ Докладная записка министра иностранных дел Ламздорфа Николаю Романову от 22 ноября 1901 г. // Красный Архив. М., 1934. Т. 2. С. 48.

ривал лишь выгоды для японской стороны. Ито, признав справедливость аргументов Ламздорфа, согласился подождать, пока императорское правительство сформулирует свои требования, которые оно бы сочло достаточной компенсацией за права, представляемые Японии. Так как Ито планировал покинуть Россию в тот же день, было решено, что Ито Хиробуми будет ждать ответ российской стороны в Берлине, куда он намеревался отправиться из Санкт-Петербурга.

Несколько иной характер носила частная беседа маркиза Ито и министра финансов С.Ю. Витте, которая состоялась после первой встречи японского политика и Ламздорфа. Министр финансов был уступчивее своего коллеги, и высказал мысль, что Россия могла бы принять японские условия в том случае, если бы Япония согласилась признать за Россией некоторые права в Манчжурии. В ходе беседы, Витте, фактически, предложил обмен Кореи на частичные гарантии в Манчжурии (этот регион был чрезвычайно важен для России, ведь по этой территории проходила часть Транссибирской магистрали). Однако Ито уклонился от предложения, заметив, что Манчжурия может стать предметом следующего соглашения¹⁹. Интересен факт, что много позднее, уже после русско-японской войны, в своих мемуарах Витте намекал читателю на то, что он был единственным, кто выступал за соглашение с Токио на японских условиях, что, скорее всего, спасло бы Россию от войны и ее катастрофических последствий²⁰.

После отъезда японского политика российские министры все же обсудили его проект соглашения, хотя в целом условия Ито вызвали отрицательную реакцию. Только Витте не отверг его целиком. Он принял токийские предложения

---

¹⁹ Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 290.

²⁰ Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. Изд. 2-е. Л., 1924. С. 184.

в принципе, но попытался внести в проект незначительные изменения. Так, министр финансов отверг пункт, позволявший Японии неограниченно вводить войска в королевство и полностью контролировать и направлять его внутренние дела. В обмен на эти уступки, по мнению Витте, Россия должна была потребовать признания ее прав на прилегающих к ее границам территориях Китая²¹.

Однако другие министры были менее конкретны и стоворчивы. В высших российских правительственных кругах считалось, что японцы вряд ли рискнут объявлять войну России, а значит, в заключении невыгодного русско-японского соглашения не было нужды. В итоге, победило мнение, выраженное военным министром А.Н.Куропаткиным: «Новое соглашение с Японией не должно быть куплено слишком дорогой ценой. Полный отказ от Кореи и уступка ее Японии и составит слишком дорогую цену»²².

Через неделю после спешного отъезда Ито из Санкт-Петербурга, российский контрпроект был доставлен ему в Берлин. По всей видимости, встречные предложения расстроили маркиза — он ответил, что одни лишь пункты 4 и 6 (касающиеся запрета ввода в Корею японских войск без согласования с Россией и признания Японией российских прав в Северном Китае) дают ему «серьезные основания сомневаться в целесообразности рекомендовать» русский проект «в качестве основы будущих переговоров»²³.

Миссия Ито закончилась неудачей, и, несмотря на то, что сам он еще верил в возможность соглашения с Россией, эту его позицию уже не разделяли в Токио. Тем временем Великобритания начинала проявлять недовольство визитом

²¹ Лукоянов И. В. Указ. соч.

²² Куропаткин – Ламздорфу от 27 ноября 1901 года, №415 // Красный Архив. М., 1934. Т. 2. С. 49.

²³ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892-1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. С. 339.

Ито в Петербург и затягиванием англо-японских переговоров. Больше откладывать было невозможно — Ито выехал в Лондон, где 30 января 1902 г. был подписан англо-японский союз сроком на 5 лет²⁴.

В провале миссии Ито Хиробуми часто обвиняют российское правительство, которое «встретило высокопоставленного гостя любезно, но холодно»²⁵, было крайне неговорчиво и неконкретно. Такую трактовку событий дает и сам непосредственный участник тех событий, С.Ю.Витте, который в своих мемуарах позднее писал, что, несмотря на его готовность заключить соглашение, другие министры «медлили... и делали различные возражения». По мнению тогдашнего министра финансов, именно из-за промедления российского правительства, Ито, изначально желавший предотвратить англо-японский союз и заключить договор с Россией, после получения в Берлине ответа от российской стороны, «видя, какую встречу его мирные предложения получили в Петербурге, ... уже не препятствовал соглашению Японии с Англией, по которому Англия являлась защитником Японии в дальнейших с нами распрях²⁶».

Российское правительство действительно можно упрекнуть в излишней уверенности в своих силах и политической негибкости в условиях быстро меняющегося расклада сил на Дальнем Востоке и усиления Японии. Российские министры так же явно недооценивали Великобританию, которая на момент приезда Ито в Россию уже готова была подписать англо-японский договор. Возможно, российскому правительству стоило тщательнее проанализировать сложившиеся внешнеполитические обстоятельства и действовать покладистее. Однако все это стало очевидно лишь спустя годы, поэтому осуждать действия министров, которые не оказа-

---

²⁴ Айрапетов О.Р. Указ. соч. С. 341.

²⁵ Там же.

²⁶ Витте С. Ю. Указ. соч. С. 184.

лись достаточно расторопными, представляется неоправданным.

Помимо этого, сложно сказать, насколько Ито Хиробуми мог повлиять на смену внешнеполитического курса Японии в случае успешных переговоров в Санкт-Петербурге. Несомненно, экс-премьер пользовался влиянием в японском правительстве, и его мнение было чрезвычайно веским, однако, следует помнить, что на момент прибытия в Россию англо-японские консультации продолжались уже больше полугода и вошли в финальную стадию. Кроме того, в японском правительстве было много тех, кто сочувствовал идее сближения Японии и Великобритании. Немаловажным является и тот факт, что в это время в японском обществе и среди правящей элиты были сильны антироссийские настроения.

Таким образом, можно сказать, что провал миссии Ито Хиробуми в 1901 г. был во многом предопределен заранее. Несмотря на искреннее желание обеих сторон заключить соглашение и продолжить двусторонний диалог, противоречия оказались слишком глубокими, а времени на их разрешение было крайне мало. К моменту прибытия Ито в Санкт-Петербург, Япония уже окончательно встала на путь сближения с Великобританией, а российскому правительству не удалось вовремя предвидеть всю опасность для России такого союза и предотвратить его любой ценой.

**Партия Сэйюкай
и ее влияние на формирование отношения к России
в японском обществе эпохи Мэйдзи**

В политическом обиходе эпохи Мэйдзи часто использовался термин «кэсэ» 協商 для обозначения высокой степени согласия, доверия, отношений сотрудничества между странами, близкими французскому «entente». Специалист по истории внешней политики Тиба Исао даже говорит о создании сети таких антант как ключевом структурном элементе японской внешней политики применительно к периоду 1900-1919 гг.¹

Существенно важно то, что первым объектом антанты в эпоху Мэйдзи для Японии стала Россия, и концепция «япо-русского соглашения» (Нитиро кэсэрон) широко обсуждалась в Японии, начиная с 1896 г., когда она начала разрабатываться параллельно дипломатической активности, выразившейся в появлении меморандума Вебера-Комуры и протокола Лобанова-Ямагаты. На тот момент среди высших государственных сановников (гэнро) идеи согласия с Россией придерживались не только Ито Хиробуми, Иноуэ Каору и их группа политиков (Сайондзи Киммоти, Цудзуки Кэйроку - зять Иноуэ, Суэмацу Кэнтё – зять Ито, Канэко Кэнтаро), но и гэнро Ямагата Аритомо, готовившийся к поездке в Россию на коронацию Николая II. Приходится признать, что после убийства корейской королевы Мёнсун и перехода короля Коджона с наследником под защиту русского посланника тупик, в котором оказалась японская дипломатия, способствовал тому, что выработка курса русско-японского сближения стала для правящих кругов Японии общим проектом.

Специалисты по политической истории Японии Уно Сюньити (1928-2012) из университета Тиба и Ито Юкио

---

¹ Тиба Исао. Кюгайко но кэйсэй – Нихон гайкō 1900-1919 (Формирование старой дипломатии – Японская дипломатия в 1900-1919 гг.). Токио: Кэйсо Сёбо, 2008.

из университета Киото раскрыли механизм оформления и действия доктрины японо-русского согласия на основе анализа становления и начального периода деятельности партии Сэйюкай в 1900-1903 гг.² Уно Сюньити – непревзойденный авторитет в изучении четвертого кабинета Ито Хиробуми, просуществовавшего только 7 месяцев – формирование кабинета было закончено 19 октября 1900 г., а уже 2 мая 1901 г. Ито подал в отставку, неприятую, впрочем, сразу. Можно сказать, что это правительство было обречено на недолговечность – Ито попытался создать уникальный кабинет с максимально широким участием разнородных политических сил, соединив несоединимое. Впервые со времени революции Мэйдзи было создано правительство, имевшее поддержку политической партии, обладающей большинством мест в нижней палате парламента, и одновременно с этим возглавляемое ведущим государственным деятелем, о близости которого к императору знал каждый японец. В кабинет было включено по 3 депутата обеих палат парламента, включая таких политиков как лидер токийской Дзююто Хоси Тоору, имевший репутацию «куромаку» (негласного режиссера) партийной политики. Все члены кабинета были едины в одном – в надежде использовать колоссальный авторитет Ито Хиробуми и достичь своих целей в рамках широко заявленных реформ.

Накануне создания четвертого кабинета Ито Хиробуми им была создана в сентябре 1900 г. новая политическая партия «Сэйюкай», включившая в себя главные фракции партии Дзююто, но задуманная как больше чем партия на манер «народных фронтов» из европейской истории XX века. Ито совершал поездки по стране и призывал деловые круги, торгово-промышленную буржуазию провинций под-

---

² Уно Сюньити. Мэйдзи риккэн тайсэй то Ниссин Нитиро (Конституционная система Мэйдзи и войны с Китаем и Россией). Токио: Ивата сёин, 2012. Ито Юкио. Риккэн кокка то Нитиро сэнсо – гайко то найсэй 1898-1905 (Конституционное государство и японо-русская война – внешняя и внутренняя политика в 1898-1905 гг.). Токио: Бокутакуся, 2000.

держат его инициативу, объединиться в «Сэйюкай» во имя кардинального обновления административного управления («тёсэй сассин») и упорядочения финансов («дзайсэй сэйри»). И.Я.Бедняк, обратив внимание на полученную Ито поддержку, подчеркивала, что и название партии переводится как «Общество политических друзей» («Сэйюкай», а не «Сэйюто»)³. Бесспорно, что и А.Л.Гальперин, и И.Я.Бедняк интересовались внутривнутриполитической жизнью Японии рассматриваемого периода, но многие документы были им, к сожалению, недоступны. Прежде всего это касается печатного органа партии журнала «Сэйю»⁴.

Внутри партии «Сэйюкай» вопросы внешней политики курировал Цудзуки Кэйроку, дипломат, учившийся по нескольку лет в Германии и Франции, владевший языками и сопровождавший в 1896 г. Ямагата Аритомо в Москву, а в конце 1901 г. Ито Хиробуми в Петербург. Будучи зятем гэнро Иноуэ Каору он, по-видимому, не зависел от Ито напрямую и тяготел к равноудаленной позиции в соперничестве Ито и Ямагата. Во всяком случае сторонники Ямагата из числа старших по возрасту выходцев из княжества Тёсю в письмах, адресованных Цудзуки, не стеснялись в выражениях в адрес Ито Хиробуми, называя последнего «больным падучей» в связи с обмороком Ито, случившимся в публичном месте⁵.

Гораздо в большей степени Ито ценил Хара Такаси, которого знал с 1885 г. И направил послом в Корею для разгладивания ситуации, сложившейся в 1896 г. При создании «Сэйюкай» Ито вызвал Хара из Кореи, введя его в руководство партией.

Но на этот раз Хара не было предложено заниматься внешней политикой. К тому же, по мнению историка Ито

---

³ Бедняк И.Я. Япония в период перехода к империализму. М., Изд-во вост. лит., 1962.

⁴ «Сэйю» дзасси, (Журнал «Политический друг») Риккэн Сэйюкай кайхёкёку. Бункэн сирё канкокай. Токио, Касива сёбо, 1980.

⁵ Кэйкокай (ред.) (1926) Цудзуки Кэйроку дэн (Материалы к биографии Цудзуки Кэйроку) - Юмани сёбо (перепечатка 2002).

Юкио, у Хара, как и ранее у министра иностранных дел второго кабинета Ито Муцу Мунэмицу сохранялось в отношении Ито Хиробуми устойчивое предубеждение как к представителю ненавистной олигархии⁶.

Практическая разработка курса на сближение с Россией, обоснование этого курса в прессе и перед широкой публикой были поручены дипломату, уроженцу Канадзавы Наката Таканори (1858-1943)⁷. На фотографиях этого периода его всегда можно найти рядом с Ито Хиробуми. Для человека, фактически пожертвовавшего своей карьерой во имя русско-японского согласия, поскольку его имя стало ассоциироваться с идеей «нитиро кёсё», о нем историками говорится до обидного мало, если говорится вообще. А ведь именно Наката Таканори стал организатором первого Японо-русского Общества (Нитиро кёкай), которое было создано накануне поездки Ито в Россию в сентябре 1901 г. В него вошли такие полярные по своим взглядам фигуры как, с одной стороны, бывший посол в России и старейшина русофильского направления Энмото Такэаки, а, с другой стороны, националист ультраправого толка Утида Рёхэй, только что вернувшийся из России. Соединить несоединимое было установкой Ито Хиробуми, и таково, возможно, было требование момента. В это время ещё была уверенность, что поддержание компромисса в отношениях с Россией позволит избежать войны.

У Наката Таканори ко времени создания «Сэюкай» были весомые заслуги, позволявшие Ито возлагать на него большие надежды. Наката, став в июле 1891 г. личным секретарём министра иностранных дел Энмото Такэаки, проявил себя достаточно хорошо, чтобы сохранить эту должность при министре иностранных дел Муцу Мунэмицу. Муцу, ушедший в отставку из-за болезни туберкулёзом в

⁶ Ито Юкио. Ито Хиробуми. Киндай Нихон-о цукутта отоко (Ито Хиробуми. Человек, создавший современную Японию). Токио: Коданся, 2009.

⁷ Касумигасэкикай бунко. (2007) Наката Таканори бунсё-ни цуйтэ (О документах, связанных с Наката Таканори), Гайко сирёканхо:, №21.

мае 1896 г., уже в августе 1895 г. чувствовал себя настолько плохо, что подавал прошение об отставке, но Ито Хиробуми оставил его в должности. Наката фактически вёл в министерстве все текущие дела и даже закончил за так и не выздоровевшего начальника главный труд Муцу «Кэнкэнроку»⁸. Практическая работа Наката по заключению Симоносекского мирного договора с Китаем, урегулированию проблем, вызванных Тройственным вмешательством, пересмотру неравноправных договоров подвигла его самого к написанию теоретических работ по внешней политике, которые долгое время были доступны только ограниченному кругу лиц.

В основе курса на сближение с Россией лежала убежденность в том, что Россия при защите своих интересов придерживается в целом рациональной внешней политики и с ней можно договориться. Когда рациональности, с японской точки зрения, не хватало, Ито мог заявить, как в случае с идеей о незамерзающем порте для России в Корее, что «Масампо – это Гибралтар Корейского полуострова; потерять его значит потерять всю Корею»⁹.

Зато, когда в январе 1901 г. через русского посла в Токио Витте передал проект нейтрализации Кореи, Ито приветствовал это предложение. Он оказал честь послу Извольскому, пригласив его в свою загородную приморскую резиденцию в Оисо.

Партия «Сэйюкай» фактически приняла курс своего председателя Ито Хиробуми на сближение с Россией в качестве своей внешнеполитической программы. На страницах партийного журнала «Сэйю» появлялись статьи Наката Таканори, японского посла в России Курино Синъитиро,

---

⁸ Ито Юкио. Хара Такаси то сэйто сэйдзи-но какуруцу (Хара Такаси и утверждение партийной политики). Токио: Тикюра сёбо, 2014. Накацука Акира. Кэнкэнроку-но сэкай (Мир Кэнкэнроку). Токио: Мисудзу сёбо, 2006.

⁹ Интервью «Хоти симбун» от 22.06.1902 – цит. по Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895-1907. М.-Л.:АН СССР. С. 337.

энтузиаста развития торговых отношений с Россией предпринимателя Симомура Фусадзиро, близкого к Эномото Такэаки исследователя Курил и путешественника Гундзи Сигэтада.

Наката Таканори в ряде случаев брал действия России под защиту. Например, в интервью «Japan Weekly Mail» он заявил, что «занятие Маньчжурии Россией совершившийся факт, и вместо того, чтобы противиться непоправимому, Японии следовало бы воспользоваться обстоятельствами и выйти на окончательное соглашение с Россией по Китаю»¹⁰.

Единственной политической силой, которая смогла стать в открытую оппозицию к «Сэйюкай», стал паназиятистский по своей программе «Кокумин домэйкай» («Национальный Союз») во главе с председателем верхней палаты принцем Коноэ Ацумаро. Давление на «Сэйюкай» оказывалось путем раздувания внешней угрозы, обвинений Ито Хиробуми в «страхе перед Россией» (кёробё)¹¹, требований проведения более жесткой внешней политики. Наката Таканори в статье в январском номере популярного журнала «Тайо» за 1903 г. защищал дружественные отношения России с Японией: «Идея войны с Россией полностью игнорирует соотношение военной и совокупной мощи государств, практически лишена здравого смысла и распространяется одержимыми, утратившими рассудок»¹².

В телеграмме к С.Ю.Витте представителя Министерства финансов в Японии Н.А.Распопова от 1 декабря 1901 г. сообщалось о смене настроений в японском обществе в пользу сближения с Россией. И.В.Лукоянов, комментируя эту телеграмму, делает предположение, что «это, вероятно, было

¹⁰ Известия Восточного института (1901) т.2, вып.3. Владивосток. С. 258-259.

¹¹ Саката Масатоси. Киндай Нихон ни окэру тайгайко ундо но кэнкю (Исследование движения за твердую внешнюю политику в Японии нового времени). Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1978.

¹² Наката Таканори. Рэккё но дзисэй то Нитиро но синко (Реальное положение держав и дружественные отношения Японии с Россией) // «Тайо», 1903, №1.

не более чем кампанией, не отражавшей действительно доминирующие в японских верхах настроения»¹³.

Можно сказать, что это предположение одновременно верно и неверно. Верно в том смысле, что попытка сторонников русско-японского сближения путем искусной политической комбинации достичь соглашения с Россией закончилась слишком быстро и неудачно. Но в неудаче проекта Ито значительная доля вины была на стороне России, оказавшейся неспособной договариваться¹⁴.

Попытка осуществления русско-японского сближения путем создания доминирующей политической силы в лице партии «Сэйюкай» под председательством ближайшего к императору государственного деятеля в лице Ито Хиробуми давала серьезный шанс избежать военного столкновения, привела к зарождению многих форм контактов и взаимного узнавания, оказавшимися полезными впоследствии, и должна получить справедливую оценку как ценный опыт при поиске способов решения проблем между Россией и Японией. Хотелось бы, чтобы отмечая 150-летие революции Мэйдзи, мы способствовали тому, чтобы понятие «Нитиро кёсё» (русско-японской антанты, русско-японской дружбы) стало близко и знакомо историкам, и его истоки искали бы не только в союзнических отношениях Первой мировой войны, а смело обращались к опыту людей эпохи Мэйдзи и помнили их желание построить добрососедские отношения. Война России и Японии 1904-1905 гг. не была неизбежной и предопределенной, были все возможности ее избежать.

---

¹³ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-история, 2008. С. 285-286.

¹⁴ Саркисов К.О. Путь к Цусиме. СПб.: Аврора, 2010. С.42-45; Извольский А.П. Воспоминания. Пг.-М.;Петроград, 1924. С.14.

**Обучение российских японоведов
(студентов, аспирантов, стажеров, практикантов)
в Японии в эпоху Мэйдзи**

В 1870 г. Санкт-Петербург стал третьей после Парижа и Вены европейской столицей, где было начато преподавание японского языка в высшем учебном заведении. Японский был введен в качестве факультативного на китайско-монгольско-маньчжурском отделении факультета восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета. С 1870 г. вплоть до начала XX в. его преподавали японцы — сначала бежавший в Россию Татибана Косай (1820-1885), затем сотрудники японской дипмиссии. Однако для подготовки профессиональных японоведов необходима была самостоятельная кафедра и дипломированные преподаватели. В 1898 г. была, наконец, открыта кафедра японской словесности со штатной единицей профессора, но занять ее было некому. Еще в 1887 г. выпускнику китайского разряда Василию Яковлевичу Костылеву (1848-1918), изучавшему японский факультативно, была предложена доцентура по японскому языку, но тот предпочел дипломатическую карьеру в Японии.

Тогда для обучения в Японию был спешно направлен также выпускник-китаевед Евгений Георгиевич Спальвин (1872-1933), обученный азам японского языка у Куроно Ёсибуми (1859-1918). Предполагалось, что он займет вакантную должность профессора Санкт-Петербургского университета. Пребывание Е.Г. Спальвина в Японии в 1899-1900 гг. именно с учебной целью положило начало регулярным поездкам в страну молодых русских японоведов — студентов, аспирантов, практикантов и учащихся, что стало возможным в эпоху Мэйдзи. О них пойдет речь в данной статье.

Итак, сразу по прибытии в порт Нагасаки, Е.Г. Спальвин выяснил, что полученные им в Санкт-Петербурге отрывочные знания японского никуда не годятся и язык ему нужно изучать «с нуля». Приехав в Токио, он сначала учился у двух частных лиц, однако, ни один из них не был профессио-

нальным преподавателем. Ситуация до некоторой степени изменилась ввиду его поступления в Школу иностранных языков в Токио, где он замечал преподавателя русского языка. Но и там его языковая подготовка имела свои особенности. Читением японской художественной литературы с ним занимался известный переводчик русской литературы и крупный писатель Фтабатэй Симэй. Еще два молодых японца, изучавшие у него русский, одновременно учили его японскому.

Так в отсутствие преподавателя, благодаря базовой востоковедной (китаеведческой) подготовке и собственным способностям, менее чем за два года в Японии Е.Г. Спальвин сумел достаточно хорошо овладеть японским языком. Он не вернулся в Санкт-Петербург, а принял другое, более интересное предложение. Он стал профессором японского языка недавно открытого Восточного института во Владивостоке. Целью института была подготовка востоковедов-практиков и переводчиков для дальневосточных областей России, а также «лиц для административной и торгово-промышленной деятельности на Востоке», как определил задачу института его первый директор А.М.Позднеев. Ученики профессора Спальвина стали первыми молодыми японоведами, посетившими Японию, и о целом ряде из них стало известно благодаря воспоминаниям китаеведа Ипполита Гавриловича Баранова (1886-1972) о своей учебе в Восточном институте в 1907-1911 гг.

Поездки студентов и слушателей на Восток, особо необходимые ввиду сугубо практической направленности Восточного института и вполне доступные благодаря близости Владивостока к Китаю, Японии и Корее, в учебном заведении были налажены вскоре после его открытия. «Виз и заграничных паспортов для поездки в Китай и Японию

---

¹ Икута М. Е.Г.Спальвин в Японии // Известия Восточного института. 2001. С. 28-29.

тогда не требовалось. Достаточно было иметь особое удостоверение личности, выданное Восточным институтом»².

Восточный институт, очевидно, обладал значительными средствами на практические занятия своих студентов. Это было связано с тем, что почётный попечитель института, известный на Дальнем Востоке коммерсант А.С. Даттан, «относился с неизменной отзывчивостью к материальным нуждам института и, например, в 1912 г. из своих собственных средств сделал щедрый дар в две тысячи золотых рублей для пополнения средств для организации заграничных студенческих командировок»³.

Любой практикант проводил в Японии несколько летних месяцев, но поскольку летом все учебные заведения были закрыты, практиканты повышали свои знания японского с помощью частных преподавателей. Помимо совершенствования в разговорном языке, студент должен был собрать материал для написания на доступном ему уровне отчетной работы на избранную актуальную тему.

Из первой группы студентов-японистов, поступивших на японо-китайское отделение Восточного института, до выпуска в 1903 г. дошел лишь один – Павел Юрьевич Васкевич (1876-1958). Летом 1900 г. и 1901 г. он выезжал «на практику» в Японию, где собрал обширный «полевой» материал для своего студенческого исследования. 17 октября 1902 г. его научная работа была удостоена Золотой медали имени генерал-лейтенанта Н.М.Чичагова Восточного института⁴.

Аркадий Николаевич Петров и Анатолий Николаевич Занковский также были одними из первых студентов японско-китайского отделения. Они участвовали в русско-японской войне 1904-1905 гг. в качестве переводчиков с японского языка, оба были георгиевскими кавалерами. Занковский окончил Восточный институт в 1908 г. Можно

---

² АВ ИВР РАН. Ф. 153. И.Г. Баранов. Оп. 1, ед. хр.1, л. 78.

³ Баранов. Л. 15.

⁴ <http://khisamutdinov.ru/forum/viewtopic.php?p=28>.

полагать, что и они для написания научной работы посещали Японию с учебной целью.⁵

В 1908 г. японо-китайское отделение Восточного института окончил Георгий Георгиевич Ксимилов. Начиная с лета 1906 г. он имел возможность «практиковаться» в Японии. Результатом близкого знакомства со страной и ее культурой стала выпускная работа Ксимилова «Обзор истории японской литературы», удостоенная золотой медали⁶.

Примерно в те же годы студентом японско-китайского отделения состоял Борис Вобль, который затем нашел преподавательскую работу в Японии – более 10 лет он учил русскому языку учащихся коммерческого училища⁷. Известны также Троицкий и М.Алексин, написавший выпускную работу «Трепанг, его промышленное значение» по японским источникам и своим наблюдениям. Работа была опубликована в Санкт-Петербурге в 1912⁸. Японец Николаенко, выпускник 1911 г., подготовил выпускную работу на тему «Коммерческое образование в Японии»⁹. Все они были гражданскими студентами. Для сбора материала они, несомненно, побывали в Японии.

В 1908 г. одним из первых европейских студентов Императорского Токийского университета, первым на историко-филологическом факультете и первым европейским выпускником университета стал Сергей Григорьевич Елисеев (1889-1975). Автору статьи известен лишь один русский (и европейский) студент, который поступил в Токийский университет ранее С.Г.Елисеева, – Николай Андреев, однако, не окончивший медицинский факультет. С.Г.Елисеев был единственным среди молодых русских японоведов той

---

⁵ Баранов. Л. 43 об., 44, 59 об.

⁶ Ермакова Л.М. Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. М., 2005. С. 125-126.

⁷ Баранов. Л. 53.

⁸ Баранов. Л. 60.

⁹ Баранов. Л. 105-106.

поры, получившим профессиональное образование в «стране изучаемого языка».

Одно время С.Г.Елисеев снимал жилье – просторный дом из семи комнат с японским садом; вместе с другим русским студентом Михаилом Георгиевичем Поповым (1884-1930).

В 1906 г. М.Г.Попов, как и ряд других армейских офицеров, участник русско-японской войны, побывавший в японском плену, стал слушателем Восточного института. Именно эти пять месяцев в плену, по его собственным словам, и пробудили в нем интерес к изучению восточных языков. Слушатели-офицеры были отделены от гражданских студентов и проживанием, и обеспечением. Даже общение между ними было до некоторой степени затруднено. «В материальном отношении офицеры были обеспечены хорошо... На летние каникулы они получали заграничные командировки для практики в восточных языках и ознакомления с изучаемыми странами... За границей одевались в штатское платье и так же, как студенты, нанимали себе из местных жителей частных преподавателей языков. Дисциплина требовала от них аккуратного посещения лекций и столь же аккуратного представления после своих командировок отчетных работ»¹⁰.

М.Г.Попов в 1906 г. побывал на такой «практике» в Китае, а в 1907-1908 гг. и в 1908-1909 гг. – в Японии. Во время второй «практики» он и встретился с С.Г.Елисеевым и некоторое время жил с ним в одном доме. Очевидно материальная обеспеченность М.Г.Попова как слушателя-офицера позволила ему снять дом совместно с С.Г.Елисеевым, обладавшим значительными средствами. В то же время большинство студентов во время практик вынуждены были мириться с плохими бытовыми условиями.

Вызывает интерес и большая длительность, и период «практики» М.Г.Попова в Японии. Получается, что в отличие от других студентов, как гражданских, так и военных, Попов

---

¹⁰ Баранов. А. 39-41.

дважды находился в Японии отнюдь не несколько летних месяцев, а в течение учебного года. Неизвестно, в чём заключалась его «практика». Занимался ли он только с частными репетиторами-японцами или же ему было разрешено посещать Токийский университет или другое учебное заведение? Во всяком случае, ни С.Г.Елисеев, ни Д.М.Позднеев не упоминают о нем как о возможном соученике в Токийском университете или Школе Мацуда для иностранцев. Сам же М.Г. Попов, погибший в репрессиях 1930 г., никогда не делился подробностями своей жизни. Следует отметить и его необычно долгое обучение в Восточном институте – с 1906 по 1912 гг.

Помимо студентов и слушателей Восточного института, обучались в Японии или посещали Японию во время учебы также другие лица. Например, тезка М.Г.Попова – Николай Михайлович Попов (1883-1937), позднее взявший себе научный псевдоним Попов-Татива. 23 января 1907 г. он был зачислен в число студентов исторического отделения / разряда историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. В 1910 г. Н.М. Попов, продолжая обучение в университете, окончил курсы Императорского Общества востоковедения по японскому отделению. В 1910 г. они были преобразованы в Практическую восточную академию¹¹. Очевидно, он поступил на курсы в 1907 г. одновременно с поступлением в университет. Летом 1911 г. Попов совершенствовался в Японии в японском языке и собирал материалы, касающиеся современного политического положения страны¹². Очевидно, на материалах этой поездки он написал книгу «Японские письма», которая была опубликована в 1913 г. Автор скрылся под псевдонимом «М».

В дальнейшем, по возвращении С.Г.Елисеева на родину в 1914 г. они взаимодействовали с Н.М.Поповым в Обществе востоковедения. Однако неизвестно, встечались ли они в Японии, поскольку с середины июля до середины сентября 1911 г. Елисеев находился в Санкт-Петербурге на каникулах.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 309, оп.1, д.12, л.32.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 61513, л. 33.

В 1912 г. на стажировке в Японии был китаевед Алексей Иванович Иванов (1877-1937), которому с осени того же года было поручено преподавание японского языка на кафедре японской словесности в связи с отъездом Геннадия Ивановича Доли (1876-1931). Однако стажировка была, по-видимому, столь краткой, что А.И.Иванов не усвоил японское чтение иероглифов.

В Японии в аспирантуре Императорского Токийского университета одновременно учились японоведы Василий Мелентьевич Мендрин и Оттон Оттонович Розенберг. В.М.Мендрин (1866-1920), выпускник Восточного института по японско-китайскому отделению, в 1907 г. был оставлен при институте для приготовления к профессорской деятельности по кафедре японской словесности. Вскоре он уехал в Японию. Со слов Г.И.Баранова известно, что «оставленный при институте Мендрин жил в продолжительной командировке в Японии, а 12.12.11 г. ходатайствовал о продлении ему командировки до 1 августа 1913 г.»¹³ Необходимо отметить, что В.М.Мендрин, поступивший в Восточный институт в 1901 г., неоднократно имел возможность посетить Японию во время летних каникул.

К весне 1911 г., когда Мендрин собрался поступать в аспирантуру Императорского Токийского университета, он был уже вполне сложившимся ученым. В 1910 г. в формате «Известий Восточного института» началась публикация первых шести книг написанной в XVII в. «"Нихон гайси" - «Неофициальной истории Японии», переведенных Мендриным. В 1910-1914 гг. был издан написанный им учебник письменного японского стиля «Соробун. Анализ японского эпистолярного стиля». Еще в 1904 г. в переводе Мендрина и с его неплохим предисловием была опубликована одна из важнейших книг известного английского дипломата и востоковеда У.Дж.Астона «История японской литературы».

Тем не менее, поступление в аспирантуру для выпускников неяпонских университетов было связано с формальны-

---

¹³ Там же. Л. 68 об., 69.

ми сложностями. Потребовалась помощь российского посла Н.А. Малевского-Малевица, который хлопотал за Мендрину перед японскими властями. В письме министру иностранных дел Японии графу Комура Дзютаро от 20 марта / 2 апреля 1911 г. Малевский-Малевиц писал:

«Посольство императорской России. Токио.

Мой дорогой граф! Русский учёный Мендрин, который посвятил себя изучению японского языка, и с этой целью уже три года живёт в Токио, обратился ко мне с просьбой получить для него разрешение посещать в Токийском императорском университете занятия профессоров филологии и права. Зная Мендрину как человека, преданного науке и безупречного характера, я прошу Ваше Превосходительство воспользоваться Вашими заслугами перед своим коллегой из Министерства народного образования, чтобы Мендрин мог быть принят в Императорский университет Токио для посещения вышеупомянутых занятий в течение нынешнего учебного года и также в следующем году. Примите, мой дорогой граф, заверения в моем самом глубоком уважении. Н. Малевский-Малевиц»¹⁴.

Решением министра народного образования господина Комацубара Мендрин вскоре «был допущен в Дайгакуин в качестве студента, изучающего литературу, в соответствии с правилами этого учреждения»¹⁵.

В «Списке [студентов] Токийского императорского университета» за 1912-1913 гг. Мендрин значится как аспирант отделения национального языка и литературы¹⁶, однако, автор статьи не обладает сведениями за 1911-1912 гг.

В этом же списке за 1912-1913 гг. поступившим в 1912 г. в аспирантуру по специальности «Философия буддизма» значится Оттон Оттонович Розенберг (1888-1919), вскоре ставший одним из ведущих буддологов России¹⁷. В 1910 г.

¹⁴ Токио. Дипломатический архив. 3.10.5 4-3.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Список [студентов] Токийского императорского университета. 1912-1913 гг. С. 6.

¹⁷ Список [студентов] Токийского императорского университета. 1912-1913 гг. С. 5.

О.О.Розенберг окончил факультет восточных языков Императорского Санкт-Петербургского университета, где изучал санскрит, пали, праkrit, китайский, японский, тибетский и монгольский языки¹⁸, и был оставлен при кафедре санскритской словесности. Однако вскоре он был направлен в командировку в Берлин для совершенствования в японском языке и в 1911 г. перешёл на кафедру японской словесности. Весной 1912 г. Розенберг уже находился в Токио, но в аспирантуру, по-видимому, поступил не ранее конца лета, т.е. когда эпоха Мэйдзи уже закончилась. 12 сентября 1912 г. в письме отцу он сообщает: «..недавно я получил разрешение на доступ в так называемый Daigaku-in (буквально, «университетский зал», это то, что...у нас называется *belassen werden* [быть оставленным для приготовления к профессорскому званию, т.е. аспирантура – С.М.], только иностранцы должны платить 35 иен в год). Я могу теперь пользоваться университетской библиотекой и даже самостоятельно подходить к книжным шкафам и брать книги – совсем как дома в Петербурге. Кроме того, я имею право слушать любые лекции»¹⁹.

Из числа остальных студентов и выпускников японских отделений российских высших учебных заведений, стажировавшихся и учившихся в Японии в означенный период, можно упомянуть еще лишь немногих. Это братья Орест Викторович и Олег Викторович Плетнеры, посетившие Японию летом 1912 г., и Николай Иосифович Конрад, возможно, находившийся там в это же время в краткосрочной командировке.

В конце XIX в. в Токио была создана школа японского языка для иностранцев, директором которой стал Мацуда Исао. Школа ставила целью обучение японскому языку тех иностранцев, которые намеревались работать среди японцев. Речь прежде всего шла о христианских миссионерах, поэтому ею руководили одновременно начальник, т.е. Мацуда, и

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14, оп. 3, д. 45758, л. 1, 2, 2 об., 5, 9, 10.

¹⁹ Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М.: Издатель Степаненко, 2008. С.450.

Совещательный совет, который состоял из священников и профессоров из Великобритании и США. Существовали два разных курса – обыкновенный, который был рассчитан на миссионеров и длился три года, а также специальный курс произвольной продолжительности – для тех, кто собирался стать учителем японского языка.

В 1905-1908 гг. обыкновенным учеником школы Мацуда состоял известный к тому времени китаевед, бывший директор Восточного института Дмитрий Матвеевич Позднеев (1865-1937). Он был единственным русским среди семи студентов. Вот мнение о нем священника Х.Х.Гая, принимавшего экзамен в 1906 г.: «...В этом году г. Позднеев, русский, состоял в школе и установил, как студент, прекрасный рекорд. Нужно надеяться, что школа будет полезна деловым людям так же, как и миссионерам»²⁰.

Однако, поступление Позднеева в школу было связано не только с желанием овладеть японским языком. Он хотел, изучив на своем опыте систему преподавания японского языка для иностранцев в хорошо зарекомендовавшей себя школе Мацуда, подготовить первый учебник японского для русских учащихся на русском языке: «Желая проверить на практике пригодность означенного курса, я состоял в школе Мацуда»²¹. В основу своей научно-педагогической идеи Д.М. Позднеев положил подход к преподаванию, принятый в японских начальных школах, и, очевидно, в школе Мацуда. Он имел все основания считать этот подход правильным и эффективным: «Если в японских школах ныне грамотность преподаётся по особым пособиям, разработанным Японским Министерством народного просвещения, то нет сомнений, что цикл этих пособий, ведущих ученика от простейших понятий приготовительного класса до знаний кончающего курса гимназиста, составлен наиболее рационально»²².

---

²⁰ РНБ. Ф. 590, ед. хр. 4, б/л.

²¹ РНБ. Ф. 590, ед. хр. 117, л. 13.

²² Там же. Л. 321.

Д.М.Позднеев приспособил учебники японских начальных школ (хрестоматии для чтения, пособия по истории Японии и пр.) для русских училищ и гимназий, где вскоре начали открываться японские классы. Уже в 1907 г. он сумел издать в Токио первое такое пособие «Токухон или книга для чтения и практических упражнений в японском языке», ч. I. В 1908 г. в Йокохама вышла в свет часть II «Токухон». В том же году в России была опубликована «Программа начального изучения японского языка» (СПб, 1908) Д.М.Позднеева. Учебник Позднеева приводил оригинальный текст по-японски, затем шла его транскрипция на латинице (ромадзи), русская транскрипция (не всегда), перевод и словарь. Эта система преподавания была опробована в школе японского языка при православной миссии в Токио²³. В дальнейшем Д.М.Позднеев использовал свои пособия во время преподавания японского языка в Практической восточной академии в Санкт-Петербурге / Петрограде.

В переписке между Н.А. Малевским-Малевичем и Комура Дзютаро, относящейся к сентябрю 1909 – апрелю 1911 гг. о возможности обучения русских студентов в Токио, встречается также имя некоего якута Трофима Макарова. Но сохранилось и письмо самого Макарова графу Комура (без даты), в котором он просит «... дать возможность поступить в названную школу [Мацуда – С.М.] и назначить мне стипендию»²⁴. Ответ графа Комура утрачен, но хочется надеяться, что упоминание Трофима Макарова в письмах за 1909-1911 гг. свидетельствует о его поступлении в школу Мацуда.

²³ Михайлова Ю.Д. «Познать Японию чрезвычайно сложно» – Дмитрий Позднеев о Японии и русско-японских отношениях // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета №16. 2010. С. 26-41.

²⁴ Токио. Дипломатический архив. 3.10.5 4-3.

**Дипломатическая деятельность Танака Токити –
первого посла Японии в Советской России
(1925-1930 гг.)**

20 января 1925 г. после длительных переговоров в Пекине была подписана советско-японская Конвенция об основных принципах взаимоотношений. В феврале того же года она была ратифицирована в обеих странах. Япония стала двадцать первой страной, признавшей Советскую Россию. Стороны обменивались посольствами. Подписание советско-японской конвенции отнюдь не означало урегулирования всех спорных проблем двусторонних отношений, среди которых было и территориальное размежевание, и проблема японских концессий. Обстановка требовала назначения на пост посла опытного и авторитетного дипломата. Постановлением Политбюро ЦК РКП(б) 25 февраля 1925 г. послом СССР в Японии был назначен член коллегии НКВД СССР, уполномоченный НКВД СССР при СНК РСФСР Виктор Леонтьевич Копп (1880-1930), хотя первоначально предполагалось назначение А.А.Иоффе¹. Утверждение же японского посла в Москве затягивалось. Советский посол в Пекине Л.М.Карахан 15 февраля 1925 г. докладывал наркому иностранных дел Г.В.Чичерину: «Вопрос об японском поселе в Москву пока не решен. Пока в японской миссии мне частным образом называли трех кандидатов: самого Иосидзаву и теперешних послов в Берлине и Риме»². Японский посол в Берлине – Хонда Куматаро был карьерным дипломатом, служил в дипломатических представительствах в Китае, Швейцарии и Австрии. С Россией в своей профессиональной деятельности связан не был. Посол в Италии – Отиаи Кэнтаро участвовал в Портсмутской мирной конференции, присутствовал при подписании мирного договора между Японией и Россией. С точки зрения советского руководства пред-

¹ Москва-Токио Политика и дипломатия Кремля 1921-1931. Сб. документов. В двух книгах. – Кн. 1. 1921-1925. М.: Наука, 2007. С.344.

² Там же. С.341.

почтительной фигурой был Иосидзава Кэнкити (1874-1965) – японский посланник в Китае, длительное время ведущий переговоры с советской делегацией и подписавший в Пекине советско-японскую конвенцию. Л.М.Карахан прямо пишет об этом: «Я также в частном порядке давал понять (японской стороне – С.К.), что с моей точки зрения наиболее приемлемым был бы Иосидзава, которого в результате переговоров с нами знают лучше и, может быть, единственного, кого знают из японских дипломатов хорошо и к которому питают наибольшее доверие. С моей точки зрения Иосидзава был бы, несомненно, лучшим кандидатом. Контакт более чем в течение года не мог не настроить его благожелательно в отношении нас, и, приехав в Москву, он, несомненно, был бы менее враждебен к нам, чем любой дипломат. При чрезвычайно медленной работе японских мозгов какой-нибудь их посол в Италии или Берлине, находящийся под постоянным влиянием враждебной нам прессы и враждебных дипломатов, и информации, несомненно, приехал бы в Москву с большим предубеждением против нас, в то время как в отношении Иосидзава можно сказать, не боясь ошибиться, что он относится к нам с некоторой естественной симпатией, ибо вел в течение года переговоры и подписал соглашение. Это, помимо других хороших качеств Иосидзава, мне кажется, немного даже обязывает»³. Поверенным в делах Японии в СССР был назначен бывший посол в Польше Сато Наотакэ. Весной 1925 г. он готовился к отъезду на родину после пяти лет службы в Европе и неожиданно получил задание открыть посольство в Москве. Он прибыл в Москву со своей секретаршей Сасаки Сэйго 23 марта 1925 г. Поскольку советское правительство надеялось, что новый посол приедет сразу же, оно сначала не хотело, чтобы поверенный в делах открывал посольство, но вынуждено было с этим согласиться. По приезду Сато немедленно отправился в гостиницу «Савой», где открыл офис для

---

³ Там же.

подготовки к открытию посольства⁴. Прибыв в Москву Сато повстречался с наркомом иностранных дел Г.В.Чичериным, его замом М.М.Литвиновым и зав. отделом Дальнего Востока НКВД Б.Н.Мельниковым. Первой задачей для поверенного был поиск подходящего здания для посольства. Это было сложно, так как большинство подходящих помещений были уже заняты посольствами других стран. Неудачей обернулась и попытка Сато получить из Ленинграда мебель из старого японского посольства. Здание там пустовало, но мебель за прошедшее время исчезла бесследно. Наконец Сато нашел большое здание по Большой Никитской, 43. От советского руководства Сато получил информацию о желательности назначения послом в Москву Иосидзава Кэнкити. Пожелания были переданы в Японию. Как вспоминал сам Сато, для него в то время совершенно непонятным был последовавший вскоре отказ Токио назначить Иосидзава⁵. 20 апреля Сато встретился с Г.В.Чичериным и сообщил, что «по только что полученному им известию Иосидзава слишком болен, чтобы в скором времени занять место посла. Ввиду этого японское правительство просит агремана для Танака Токити»⁶. Сато рекомендовал Танака Токити Г.В.Чичерину, как опытного дипломата, который «хорошо знает дальневосточные экономические отношения... Он дружественно настроен к СССР, хладнокровный и деловитый человек»⁷. Впрочем, для Сато оба эти варианта назначения казались странными, по его мнению, ни тот ни другой не имели прежде никакого отношения к России и не знали русского языка. Уже после прибытия Танака в Москву Сато узнал, что тот изучал русский язык в Высшей коммерческой школе (будущий университет Хитоцубаси), но к моменту назначения помнил лишь

---

⁴ Gubler Greg. The Diplomatic Career of Sato Naotake (1882-1971). Diss. For the degree of PhD. – Florida State Univ., 1975. P. 77.

⁵ Сато Наотакэ. Кайко хатидзю нэн (Воспоминания о восьмидесяти годах). Токио: Дзидзи Цусинся, 1963. С. 183.

⁶ Москва-Токио... Кн. 1. С.345.

⁷ Там же.

несколько русских слов⁸. Американский исследователь истории русско-японских отношений Дж.Ленсен писал, ссылаясь на мемуары самого Иосидзава, что тот сам решительно отказался от назначения в СССР, желая продолжить службу в Китае⁹. Впрочем, назначение послом Танака, который на тот момент был заместителем министра иностранных дел означало то, какое значение Япония придавала отношениям с Советской Россией. Не случайно, что именно ему еще 23 февраля 1923 года было адресовано секретное письмо премьер-министра Като Томосабуро: «Пришло время предпринять шаги для сближения с Россией. Военно-морские силы рассматривали нефтяные концессии Северного Сахалина как жизненно важный фактор для обороны, и выступают за восстановление дружеских отношений, дружба между Японией и Россией не должна подвергаться угрозе из-за каких-то незначительных проблем»¹⁰.

Танака Токити родился в 1878 г. в Миядзу, нынешней префектуры Киото, где окончил среднюю школу Ракукита. После окончания Высшей коммерческой школы (Сохё Косюдзё) в Токио, (с 1949 г.- университет Хитоцубаси), он был в октябре 1898 г. назначен вице-консулом, а с декабря 1903 г. – консулом, в Сингапуре, Гонконге и Сиэтле. Во время службы в Сингапуре Танака предпринял исследование положения японских женщин, стремящихся приехать сюда для занятия проституцией. Этому был посвящен его специальный доклад, отправленный в Токио летом 1906 г.¹¹ В 1908 г. Танака вернулся в Японию и в 1910 г. назначен зав. экономическим департаментом министерства иностранных дел¹². Позднее, в 1916-1919 гг. он служил как советник посольства

⁸ Сато Наотакэ. Указ. соч. С. 183.

⁹ Lensen George. Japanese Recognition of the USSR. Soviet-Japanese Relations 1921-1930. Tokyo: Sophia Univ. Press, 1970. P.204.

¹⁰ Ibid. P.104.

¹¹ Mihalopoulos Bill. Sex in Japan's Globalization, 1870-1930. L.: Routledge, 2016. P.24-25.

¹² Ishikawa Yasujiro. The who's who in Japan. Tokyo, Keiseisha, 1915. P.667.

Японии в Вашингтоне, а с 1919 г. во главе торгово-экономического департамента МИД. Танака занимал пост заместителя министра при министре иностранных дел Сидэхара Кидзюро в кабинете Като Такааки (1924-1926 гг.). 15 июля 1925 г. японский посол Танака Токити вручил верительные грамоты председателю ВЦИК М.И.Калинину. Когда Сато Наотакэ, ответственный за организацию церемонии, спросил в наркомате иностранных дел о форме одежды на приеме у председателя, ему сказали, что Калинин принимает иностранных посланников в обычной одежде. Но японский МИД решил, что советскому правительству следует оказать особое внимание. Поэтому японский посол прибыл на церемонию к Калинину в старомодном чопорном костюме. Это была странная сцена, вспоминал Сато, отличающаяся от того, что происходило в любой другой стране мира¹³.

Официальные советские власти подчеркнуто дружелюбно отзывались о развитии советско-японских отношений и прибытии в Москву нового японского посла. Советские газеты писали: «14 июля 1925 г. прибыл в Москву японский посол Танака Токити. Одновременно с послом прибыл персонал посольства – 18 человек. Японский посол в беседе с сотрудником Российского телеграфного агентства (Роста) заявил по поводу советско-японских взаимоотношений, что заключенный в Пекине советско-японский договор встречен в Японии с большим энтузиазмом. Однако, этот договор нельзя назвать совершенным, необходимо его дальнейшее развитие. В Москву прибыла специальная делегация японских промышленников, которая намерена вести здесь переговоры, с целью подписания окончательных концессионных договоров. По вопросу о впечатлениях своего путешествия Танака ответил: «Хотя мое путешествие продолжалось долго, но было исключительно приятным. Хотел выразить благодарность всем приветствовавшим меня учреждениям и

---

¹³ Сато Наотакэ. Указ. соч. С. 183-184.

общественным организациям за проявленное по отношению к японскому посольству внимание, оставившее неизгладимое впечатление»¹⁴. Не менее любезным было и японское посольство. Нарком иностранных дел писал об этом (правда с известной долей скепсиса) советскому послу в Японии В.А.Коппу: «Ни одно государство, после признания нашего правительства, не было настолько дружелюбно в своих изъявлениях по отношению к нам, как японское. Сато при встречах со мной есть прямо-таки воплощенное дружелюбие. Ваши сообщения о приемах у принца-регента, у вдовствующей императрицы и т.п. также указывают на ярко и даже исключительно ярко подчеркнутое дружелюбие. Каков смысл этого, вот что надо расшифровать. Чего они ждут? Хотят ли они территорий для иммиграции, хотят ли они концессий или хотят безопасного тыла для будущей войны с Америкой? У нас с японцами, во-первых, имеется столкновение на подходах к КВЖД. Этот опрос первостепенной серьезности. Если у японцев имеются дальнейшие виды на Восточную Сибирь, с ними могут быть дальнейшие трения и у них появится разочарование. Что касается нашей будущей торговли с Японией, то она, конечно, сильно нуждается в нашей рыбе, сырье, лесе, но у нас относятся скептически к тому, что мы можем оттуда привозить»¹⁵. Опасения были небезосновательны. «Недоверие возобновилось вскоре после установления дипломатических отношений. Шпионские скандалы начались почти сразу после подписания договора о признании. Советская поддержка Коммунистической партии Японии была увеличена, что привело к усиленному наблюдению за советскими гражданами в Японии. Советские дипломаты постоянно подвергались преследованиям со стороны японских граждан, работающие в советском посольстве в Токио подвергались нападению со стороны их соотечественников. Японские граждане в Совет-

¹⁴ Власть труда, 17 июля 1925.

¹⁵ Документы внешней политики СССР. Том 8. М.: Изд. Полит. Литературы, 1963. С.381-382.

ском Союзе также находились под пристальным наблюдением. Японцы доверяли Советам так же мало, как это делали Советы»¹⁶.

Уже 14 июля 1925 г. состоялась встреча японского посла с наркомом иностранных дел Г.В.Чичериным. В их беседе были затронуты многие острые вопросы двусторонних отношений «Танака хочет в первую очередь разрешить вопрос о сахалинских концессиях... Он несколько раз подчеркивал, что надо начать с соглашения о сахалинских концессиях и потом перейти ко всему прочему»¹⁷, – зафиксировано в записи беседы двух дипломатов. В политической области обсуждалось опасение советской стороны относительно попыток Англии возобновить англо-японский союз. Танака прокомментировал это «частным образом» – «Японцы имели настолько тяжелый опыт от союза с Англией, что его возобновление невозможно, ибо во всем народе господствует слишком сильное раздражение против Англии, народное чувство против возобновления союза с Англией»¹⁸. Особым вопросом обсуждения был дальневосточный узел противоречий. При этом Танака многозначительно заявил о том, что «Япония теперь относиться совершенно иначе к Китаю, чем некоторое время тому назад, и что постепенно во всей политике Японии наступает глубокая перемена. Япония нуждается в сохранении своего теперешнего положения в Корее и отчасти в Маньчжурии»¹⁹. Чичерин упомянул о другом больном вопросе – строительстве железной дороги Таонаньфу-Цицикар, указав, что китайцы собираются ее строить вместе с ЮМЖД. Танака ответил, что ее строят сами китайцы, но что мы сумеем договориться, чтобы она не вредила СССР. Считается, что «японцы стремились сни-

---

¹⁶ Ferguson Joseph. Japanese-Russian Relations, 1907-2007. L.: Routledge, 2011. 280 p.) P.25.

¹⁷ Москва-Токио.. С.348-349.

¹⁸ Там же. С.348.

¹⁹ Там же. С.349.

зять советские доходы от КВЖД за счет конкуренции с нею других железных дорог, строящихся на японские деньги военной кликой Чжан Цзолиня»²⁰. Особую угрозу в связи с этим представляли две линии: Таонаньфу-Цицикар с продолжением к Сахалину и Гирин-Дунхуа с продолжением к Сэйсину в Корее. Первая из них перерезала КВЖД, обходя Хинганскую стратегическую петлю у разъезда Бухэду и проникая в тыл советского Приамурья и Приморья у Благовещенска. Позже, после запрещения строительству пересекать линию КВЖД японцы приостановили строительство этой железной дороги. Позже посол Танака неоднократно вел переговоры с наркомом Чичериным по поводу позиций сторон в Северном Китае. Москва подчеркивала при этом, что Чжан Цзолинь — это главное препятствие советско-японским отношениям. 5 сентября 1926 г. Танака высказал опасения японской стороны по поводу особых отношений СССР с Монголией и, в частности, поставок оружия этой стране²¹.

Что касается проблемы японских концессий, то в августе 1925 г. шли советско-японские переговоры, которые в декабре того же года завершились подписанием трех договоров между СССР и японскими фирмами на сдачу последним нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине.

Вскоре после прибытия Танака в Москву произошла странная история с раскрытием ОГПУ заговора против него. В «Особой папке» Политбюро ЦК РКП(б) содержится протокол заседания 23 июля 1925 г., на котором среди прочих вопросов НКВД слушался доклад Г.В.Чичерина и Г.Ягоды о заговоре против японского посла. Политбюро постановило: «Заговор ликвидировать по возможности без огласки. Лиц, непосредственно замешанных в этом деле и в особенности руководивших им, выслать из СССР, высылке в этом случае

---

²⁰ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003. С.35.

²¹ Москва-Токио. Кн. 2. С. 51.

подлежат и члены дипломатического посольства (предполагалось, что заговор якобы готовила группа китайцев, проживавших в Москве – С.К.). Список подлежащих высылке установить тт. Чичерину и Ягоде. Тов. Ягоде информировать МК (Московский комитет партии – С.К.) в том смысле, что причиной произведения арестов и высылки является связь этих лиц и самого заговора с английской агентурой»²². Неизвестно был ли это реальный заговор или же хитроумная операция ОГПУ, проведенная с целью мотивирования открытой, легальной слежки за послом. О том, что таковая была установлена свидетельствует запись беседы Танака с наркомом Г.В.Чичериным 23 сентября 1925 г.: Танака спросил Чичерина, как обстоит дело с китайскими заговорщиками. Чичерин ответил, что «следствие несколько затянулось ввиду необходимости получения дополнительных сведений, но что теперь в ближайшем будущем заговорщики, согласно желаниям китайского и японского правительств, будут высланы в Китай... Танака тогда сказал, что если этот вопрос является уже ликвидированным, то он просил бы прекратить установленную секретную его охрану, которая вызывает всеобщее внимание. Когда он куда-нибудь едет, секретные агенты садятся вместе с ним в автомобиль и вообще не отступают от него ни на шаг. При этом Танака многозначительно засмеялся, давая понять, что это имеет особы смысл»²³.

В течение длительного времени велись советско-японские переговоры по вопросам рыболовства и рыболовных концессий на Дальнем Востоке, в которых роль японского посла была весьма существенна. Опытный экономист и жесткий переговорщик Танака очень уверенно вел японскую линию на ограничение участия советской кооперации в рыбоконсервной промышленности на Дальнем Востоке,

²² ВКП(б), Коминтерн и Япония, 1917-1941 гг. М.: Роспэн, 2001. С.26.

²³ Москва-Токио... С. 615-616.

закладывание элементов советско-японского кондоминиума в конвенционных водах. Конечная цель японской дипломатии в этом было лишение СССР права регулировать рыболовство в конвенционных водах. Основные разногласия между двумя сторонами касались следующих вопросов: 1. Участие кооперации в торгах; 2. участие смешанных обществ на торгах; 3. правила открытия новых консервных заводов; 4. фискальные вопросы; 5. условия труда на консервных заводах. Их итогом было подписание 23 января 1928 г. советско-японской рыболовной конвенция. Вероятно, ее заключение можно назвать одним из наиболее важных дипломатических успехов Танака на посту посла в СССР.

19 января 1930 г. посол Танака передал в наркомат иностранных дел протест Японии против связей советского полпредства с японскими коммунистами и оказании им финансовой помощи со стороны Коминтерна. Он привел сведения о конкретных денежных суммах, переданных японским коммунистам от работников Коминтерна К.Э. Янсона, председателя дальневосточного исполкома Коминтерна в Шанхае Г.Н.Войтинского, вице-консула в Шанхае С.Л.Вильде²⁴. Ответ, полученный послом, был стереотипен: Коминтерн – частная организация, за деятельность которой советское правительство не несет никакой ответственности²⁵. Передача средств японским коммунистам позже была документально подтверждена²⁶ и производилась, фактически, в нарушение условий Пекинской конвенции. 12 августа 1930 г. Танака Токити отбыл в Японию в отпуск, обратно он уже не возвратился. А вскоре был назначен новый посол – бывший посланник в Голландии Хирота Коки.

После возвращения из СССР, в 1932 г. Танака Токити был направлен в Маньчжоу-Го во главе делегации на церемо-

---

²⁴ Москва-Токио. Кн. 2. С. 315.

²⁵ Там же. С. 316.

²⁶ См., например, Усов В.Н. Советская разведка в Китае, 20-е годы XX века. М.: Олма-пресс, 2007. С. 177.

нию формирования правительства. После отставки с дипломатической службы, с 1933 г. Танака ушел в газетный бизнес – он возглавил издательский дом "Chugai Shogyo" (нынешнее издательство «Нихон кэйдзай симбунся»). В 1936 г. Танака стал президентом агентства новостей «Домэй Цусинся», возникшего в результате слияния телеграфного агентства «Нихон Дэмпо цусинся» и «Нихон кэйдзай рэнгося», с 1940 г. – член комитета по туризму. В 1943 г. Танака стал депутатом верхней палаты японского парламента. После капитуляции Японии во Второй мировой войне Танака лишился своих постов, а 16 мая 1946 г. он подал в отставку с поста депутата верхней палаты японского парламента. В 50-е годы он, как бывший посол принимал участие в советско-японских переговорах по вопросам рыболовства. Умер Танака Токити 3 октября 1961 г. и был похоронен в Токио на кладбище Аояма. В 1928 г. он опубликовал свои впечатления о Советском Союзе, где прожил к этому моменту около 3,5 лет. В этой статье он дал краткий обзор международного положения СССР, результатов НЭПа, особенностях внутренней политики. Танака довольно скептически оценил возможности диктатуры пролетариата, которую назвал «властью непрофессионального класса»²⁷.

Деятельность Танака Токити на посту дипломатического представителя Японии в Советском Союзе пришлась на первое пятилетие установления дипломатических отношений между двумя странами. Его дипломатия, которая, как и полагается преследовала исключительно национальные интересы, была по-японски прагматичной. При его непосредственном участии две страны сделали существенные шаги в области взаимовыгодных экономических отношений.

---

²⁷ Танака Токити. Собизто рэнпо-но утидзё (Внутреннее положение Советского Союза // Кокусай тисики, том. 9, №2, С. 7-19.

**Коллекция Е.Г.Спальвина в собрании японских
рукописей и ксилографов ИВР РАН:
опыт небольшого расследования**

В собрании японских рукописей и ксилографов ИВР РАН хранятся несколько единиц хранения из личной библиотеки известного япониста Е.Г.Спальвина (1872-1933), долгие годы работавшего во Владивостокском Восточном Институте, а позднее продолжившего свою деятельность в советском полпредстве в Токио, и наконец, последние два года жизни служившего в Харбине в правлении КВЖД¹. После его смерти какая-то часть его личной библиотеки поступила в Ленинград, где типографские издания отправили в фонды библиотеки, а остальную коллекцию – в рукописный отдел ИВР РАН.

В настоящее время в японской коллекции числятся восемь наименований из собрания Е.Г.Спальвина²:

В-47 «Избранный письмовник для женщин», ксилограф 1911 г.

А-43 «Собрание стихотворений хайкай» японского поэта Мацуо Басё, ксилограф конца XIX в.

В-90 Переписка русского посла за 1976-1880, скопированная для Спальвина. Рукопись.

И пять работ на немецком языке, выполненных в Токио в 1925-1933 гг.

С-178 Сборник статей «Japologie» в 35 тетрадях, из которых только первая издана типографски, а остальные напечатаны литографическим способом.

С-180 «Japanische Liebesgedichte» (Японские любовные стихи), 1926. Три тетради.

---

¹ Подробнее о Спальвине см.: Первый профессиональный японовед России. Опыт латвийско-российского-японского исследования жизни и деятельности Е. Г. Спальвина. Владивосток, 2007

² Принадлежность к личной библиотеке ученого легко определяется, поскольку все издания снабжены его экслибрисом 須春院蔵書 (Супаруин дзосё – т.е. «из книг Спальвина»).

- C-181** «Japanische Liebesgedichte» (Японские любовные стихи), только тетрадь №1.
- C-179** «Sammlung von japanischen Redensarten» (Собрание японских поговорок), 1926-1927.
- C-182** «Japanische Stunde. Kotodama» (Японские уроки. Котодама), имеется 21 тетрадь, 1927-1932.

Именно эти последние пять наименований стали предметом рассмотрения в данной публикации. Оставим в стороне вопрос, почему немецкоязычные работы хранятся в собрании японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг и включены в его опубликованный каталог, и попытаемся узнать побольше об этих изданиях и их авторе.

Все они созданы одним человеком – Маэда Фудзими 前田不二三, который в каталоге ошибочно назван Маэда Фудзидзо и «биография которого не установлена»³. И что любопытно – все мои попытки идентифицировать личность Маэда Фудзими или найти о нем хоть какие-то данные кончались практически ничем. Только в каталоге Парламентской библиотеки Японии удалось обнаружить несколько книг, написанных автором по имени Маэда Фудзими. В их число входят такие книги, как «с ётэн но кэнкю» («Магазины», Мэйдзи, 42 г. (1909)), эта книга повторно в расширенном и исправленном виде была переиздана в 1910 г.), «Сёкакун» (Наставления в торговле, 1912), «Содзи –ни цуитэ: содзи ёхо кайрё икэн» (Уборка. О методах улучшения методов уборки», 1912), «Обэй-но акуэйкё» (О вредоносном влиянии запада, 1912), «Буммэй нитидзё но рэйсэцу» (Повседневный этикет эпохи просвещения, 1913). Из всех перечисленных книг только последняя, как мне кажется, хоть как-то связана с тематикой книг из нашего рукописного собрания. Трудно сказать, принадлежат ли все перечислен-

---

³ В.Н.Горегляд. Описание японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг. Выпуск V. М.1971. С. 72.

ные выше сочинения одному автору или нескольким, и написаны ли они интересующим нас Маэда Фудзими.

Поскольку все поиски приводили в тупик, я обратилась за помощью в справочную службу Парламентской библиотеки Японии, куда послала запрос о Маэда Фудзими. Через некоторое время оттуда пришел ответ, который позволил немного пролить свет на биографию этого загадочного персонажа.

Итак, в документах японского архива внешней политики за 1918 г. есть сведения о том, что Маэда Фудзими (46 лет)⁴ после окончания специального курса Императорского Университета с 43 г. Мэйдзи (т.е. 1910 г.) поступил в качестве служащего на работу в Немецкое посольство, затем там же получил должность переводчика, и вплоть до сегодняшнего дня (т.е. до 1918 г.) он получает от немецкого правительства жалование в размере 70 иен и проживает на территории посольства⁵.

Кроме того, архивные материалы свидетельствуют о том, что в 1912 г. ему было выдано разрешение на открытие школы немецкого языка, однако, судя по документам, уже в 1915 г. она прекратила свое существование.

Далее, документы показывают, что в 1929 г. он принимал участие в Лейпцигской Ярмарке в качестве 全權副代表 (дзэнрёку фукудайтё), т.е. заместителя полномочного представителя⁶. Это, скорее всего, означает, что он по-прежнему поддерживал связи с немецкой стороной и, видимо, занимал определенное общественное положение.

Помимо этого, на сайте Японского центра Исторических документов Азии (в разделе Национальные архивы Япо-

---

⁴ Значит, Маэда Фудзими 1872 года рождения

⁵ 日本外交文書 (архив внешней политики Японии), т.29 (Период Тайсё), Министерство иностранных дел, Токио, 1970, с.286.

⁶ URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/meta/Bo8061755800>

нии) выложен любопытный документ, касающийся лиц, за которыми вела наблюдение полиция.

Он находится в разделе «Различные материалы о лицах, подлежащих наблюдению»⁷ и датирован 1937 г. Донесение о Маэда Фудзими от 3 мая того же года озаглавлено «О преподавателе языка, подозреваемом в связях с советским посольством», после чего стоят адрес, имя и фамилия подозреваемого, его возраст (65 лет). Почему же он попал в число подозрительных с точки зрения полицейского надзора лиц?

В тексте говорится, что он «с 15 г. Тайсё (т.е. 1926 г.) преподавал японский язык первому секретарю советского посольства Астахову и с тех пор поддерживает возникшие тогда связи с советской стороной». Далее речь шла о контактах с посольским переводчиком по фамилии «Курэтонуй» и о его поездке в СССР. К сожалению, установить, кто скрывается за столь необычно транскрибированной фамилией, пока не удалось. Впрочем, думается, что появление фамилии Астахова уже многое проясняет.

Георгий Александрович Астахов служил первым секретарем Советского посольства в Токио в 1925-1927 гг. Это объясняет, почему в библиотеке Е.Г.Спальвина имеются работы Маэда, датированные этими годами. Кстати, служба самого Маэда в немецком посольстве (неизвестно, продолжалась ли она в момент его преподавания в советском посольстве, скорее всего уже нет) также проясняет, почему его публикации были сделаны на немецком языке и были изданы в Токио.

А далее мне хотелось бы высказать некоторые предположения, возникшие в ходе идентификации личности Маэда Фудзими.

---

⁷ URL: <https://www.jacar.archives.go.jp/das/meta/B04013104600> (с.987-989)

Во-первых, на мой взгляд многочисленные книги из каталога парламентской библиотеки, скорее всего, написаны не нашим Маэда, а его полным тезкой. Во всяком случае, трудно предположить, что автора книги о вредоносном влиянии Запада взяли бы на работу в немецкое посольство. Подчеркнем, что выход этой книги и устройство на службу в немецкое посольство совпадают по времени.

Во-вторых, Е.Г.Спальвин в 1925 г. перешел на дипломатическую работу в советское посольство в Токио в качестве главного переводчика советского полпредства, одновременно став представителем Всесоюзного общества культурных связей с заграницей. Поэтому, он наверняка лично был знаком с Маэда и, видимо, именно от него получал все выходявшие в свет публикации. Это объясняет происхождение этих изданий в личной библиотеке ученого. Кстати, последняя по времени публикация датирована уже 1932 г., когда Спальвин уже находился в Харбине.

В-третьих, и это уже относится к области гипотез и предположений, выбор преподавателя японского языка пал на Маэда Фудзими не в последнюю очередь благодаря его работе в немецком посольстве. Ведь в тот период времени главными противниками СССР считались Япония и Германия. И человек, ранее сотрудничавший с немецким посольством, должен был представлять особый интерес для соответствующих служб.

В свою очередь, Е.Г.Спальвин в качестве представителя ВОКС в большой степени способствуя налаживанию культурных контактов между двумя странами, в то же время играл важную роль в передаче информации о Японии советскому руководству. Как отмечает в своей статье исследовательница А.Ложкина, «в своих отчетах и письмах на имя председателя ВОКС Федора Николаевича Петрова Спальвин максимально пытался осветить различные стороны жизнедеятельности японского общества, отмечал его особенности, возможности расширения и улучшения отношений

между странами, выделяя благоприятные моменты для этого процесса...В отчетах Е.Г.Спальвин на конкретных примерах стремился показать уникальность японского общества, которую необходимо было учитывать при формировании внешнеполитического курса страны»⁸.

Важно отметить, что в те годы основными каналами получения информации о Японии высшего советского руководства были сводки ОГПУ-НКВД, спецслужб, личные встречи, обзоры, подготовленные ВОКСом, информация ТАСС, а также обзоры иностранной прессы⁹. Работая на дипломатической службе, Е.Г.Спальвин должен был быть осведомлен о характере интересов СССР во внешней политике, поэтому, как мне кажется, фигура Маэда Фудзими могла представлять с этой точки зрения интерес. Добавим, что всего лишь пару лет спустя в 1936г. на работу в немецкое посольство в Токио устроится на работу Рихард Зорге...

Еще раз повторим, что наше предположение о политической ангажированности знакомства Маэда Фудзими и Е.Г.Спальвина является чисто гипотетическим и исходящим из контекста эпохи и места действия его героев. Нельзя исключать и того, что Е.Г.Спальвин, собиравший собственную библиотеку, будучи знаком с Маэда, получал от него в подарок или же покупал все новые издания последнего.

И все же, как мы видим, история нескольких изданий из коллекции япониста Е.Г.Спальвина приоткрывает перед нами неизвестные страницы его биографии и новые перспективы их интерпретации.

---

⁸ А.С.Ложкина. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и развитие советско-японских культурных отношений (1925-1939) // Ежегодник. Япония 2015. М., 2015. С. 122.

⁹ Диссертация А.Ложкиной. Образ Японии в советском общественном сознании. 2009. С. 71.

Russian Migrants in Japan and their Japanese Homes

1. Introduction

Drawing on data from an online survey and ethnographic fieldwork, in this paper I introduce the findings of my study pertaining to the homes of Russian migrants in Japan. After specifying background data – such as the architectural types of homes of the research participants, and the form of home ownership, I examine the interiors of Russian homes. My aim is to identify the Japanese features in these dwellings and to explore the way such features are perceived and interpreted by the inhabitants. Although I refer to the homes under investigation collectively as “migrant homes”, some of the homes described in this paper are not entirely “migrant”. This has to do with the fact that in some cases the migrant participants share their homes with Japanese spouses and other family members. However, since I have surveyed and interviewed Russians in Japan, I predominantly recorded their perspectives.

The most well-researched areas in terms of migrant housing in Japan are Tokyo’s Shinjuku and Toshima wards, where the proportion of foreigners is high. Many studies have adopted an urban planning perspective: they look at the types of housing foreigners tend to occupy, changes these new populations bring about in the surrounding areas, and issues of cohabitation with the local communities [Okuda et al. 1991, 1992¹; Inaba et al. 2001²]. A recent study on housing of foreigners, which investigated the efforts by residents’ associations to promote multicultural co-living, incorporated Japan’s Kantō and Chubu regions [Inaba et al.

---

¹ Okuda M. et al. 1991, 1992. Tokyo ni okeru gaikokujin kyojūsha no sumai to jukankyo ni kansuru kenkyu 1, 2 [A Study on Housing and Living Environment of Foreign Residents in Tokyo]. *Jutaku sogo kenkyu zaidan kenkyu nenpo* 18, 19.

² Inaba Y. et al. 2001. Tokyo ni okeru gaikokujin kyojūsha no sumai to jukankyo ni kansuru hikaku kenkyu: Ōkubo chiku no junenkan no hen’yo to aratana kadai [A Comparative Study on the Housing and Environment of Foreign Residents in Tokyo, 1990-2000: The Changes of Dwellings and New Problems in Okubo District in Shinjuku Ward for 10 Years]. *Jusoken kenkyu nenpo* 28, 1-12.

2008]³. These works have generally been concerned with the broader issue of incorporation of foreigners in Japan.

Recent anthropological research on the “inside” of migrant homes, both temporary and permanent, has been performed outside Japan. The literature includes Búriková’s account of rooms occupied by Slovak au-pairs [2006]⁴, Miller’s exploration of homes of Jamaicans [2008]⁵, and Pechurina’s study of homes of Russians [2015]⁶. These endeavors were based in the UK, a well-studied destination in migrant studies. They showed how migrants’ relationships with objects in their homes reflected both the migrants’ positioning and emotional conflicts, and how objects played a role in embodying these orders and forces.

In Japan, I previously studied homes inhabited by Russian-speaking migrants and examined the types of homes occupied by this population, before and after their migration. I focused on the migrants’ bodily perception of the new environment [Golovina 2016]. I looked at how the migrants’ experiences of their pre-migratory homes shaped their relationship with the new types of housing⁷. In the discussion to follow I continue to explore the topic of the relationships that Russians living in Japan have with their homes and objects inside them.

---

³ Inaba Y. et al. 2008. Koei jutaku ni okeru gaikokujin kyoju ni kansuru kenkyu: Gaikokujin wo ukeireta hosuto shakaigawa no taio to torikumi wo chushin ni [A Study on the Residence of Foreigners in Public Housing: Focusing on the Reactions and Efforts of the Host Society Receiving Foreigners]. *Jutaku sogo kenkyu zaidan kenkyu ronbun shu* 35, 275-286.

⁴ Búriková Z. 2006. The Embarrassment of Co-Presence: Au Pairs and their Rooms. *Home Cultures* 3(2), 99-122.

⁵ Miller D. 2008. Migration, Material Culture and Tragedy: Four Moments in Caribbean Migration. *Mobilities* 3(3), 397-413.

⁶ Pechurina A. 2015. *Material Cultures, Migrations, and Identities: What the Eye Cannot See*. Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. 171 p.

⁷ Golovina K. 2016. Nihon ni okeru ijusha no maihomu: Roshigoken komyunichi memba no jutaku erabi to interia wo jirei ni [Migrants’ Homes in Japan: Practices of Finding and Organizing Dwellings Among Russian-Speaking Community Members]. *Seikatsugaku ronso* 29, 15-29.

2. Russians in Japan

During the 20th and early 21st centuries, Japan has experienced significant growth in its foreign population. In December 2016, the number of “resident foreigners” in Japan was 2,382,822 people, of whom 72,138 came from Europe. Russians (8,306 people) constituted 11% of Japan’s European population⁸, remaining the third largest migrant group from Europe [Kurata 2016].⁹ The statistics suggest that the nearly 2.5 million foreigners in Japan today constitutes a 273% increase from the 1947 figures, when 639,368 people were “registered aliens”. At that time, the number of people who came from one of the European countries stood at just 3,251¹⁰.

The registered number of visitors, including tourists, from both Soviet and post-Soviet Russia rose from 172 people in 1950 (with a record low of 5 people in 1953) to 60,795 in 2006¹¹. The numbers have dropped slightly since then: 59,974 people from post-Soviet countries visited Japan in 2016. The number of resident Russians, on the other hand, increased from 7,279 in 2006 to 8,306 people in 2016. This increase occurred despite the temporary fluctuations of this population in response to the economic crisis Japan experienced in 2008 and the 2011 earthquake and tsunami in East Japan.

Historically, the presence of Russians in Japan goes back to the events of the 1917 revolution, which prompted many Russians to flee Russia for political reasons. Some of them settled in Japan

---

⁸ Japan’s Ministry of Justice Statistics on Resident Foreigners: http://www.moj.go.jp/housei/toukei/toukei_ichiran_touroku.html, accessed Nov. 5, 2017.

⁹ Kurata Y. 2006. *Roshiakei nihonjin: hyakunen no rekishi kara mietekuru mono* [Russian Japanese: One Hundred Years of Presence in Japan]. In H. Komai and T. Sasaki (Eds.), *Maruchiesunikku jyananizu: marumarukei nihonjin no henkakuryoku*. Asahi Shoten. pp. 189-202.

¹⁰ Japan’s Ministry of Internal Affairs and Communications Long-Term Statistics: <http://www.stat.go.jp/data/chouki/02.htm>, accessed Nov. 5, 2017.

¹¹ Japan’s Ministry of Justice Statistics on Foreign Visitors: http://www.moj.go.jp/housei/toukei/toukei_ichiran_nyukan.html, accessed Nov. 5, 2017.

[Podalko 2010]¹². The newer population of Russians in Japan represents a post-1990s phenomenon. That is, socio-economic trouble in the country of origin has underpinned the choice of many Russians, predominantly women, to leave their homeland in search of better opportunities – often through marriage [Golovina 2017a]¹³. Russian migration in very recent years has been characterized by educational and professional trends in that many Russians move to Japan to study or work. Ultimately, some bring their Russian spouses along, others find their partners – whether Japanese, Russian or foreign – in Japan, and still others remain single. In general, the Russian population in Japan is characterized by a significant percentage of women and a large share of permanent settlers [Mukhina and Golovina 2017]¹⁴.

3. Methods

This study drew on two sets of data. The first was data obtained through an online survey undertaken in February 2016, funded by the Japan Society of Lifology, among an Internet community of Russian-speaking migrants in Japan. The survey gained 186 responses from Russian-speaking migrants in Japan who had been born in one of the former Soviet countries. For this paper I utilized data from 130 respondents who reported having been born in Russia. The second dataset comprised the findings from my ethnographic fieldwork targeting Russian women in Japan. These data were the result of nearly 100 interviews and many more unstructured conversations I had with the informants, both inside and outside their homes, during a period of ten years. The year of the interview and the personal background of each informant were recorded.

---

¹² Podalko P. 2010. *Hakkei Roshiajin to Nippon [White Russians and Japan]*. Yokohama: Seibunsha, 222 p.

¹³ Golovina K. 2017a. *Nihon ni kurasu roshiajin josei no bunkajinruigaku: Iju, kokusai kekkon, jinseizukuri [Russian Women in Japan: Migration, Marriage, and Life Crafting]*. Tokyo: Akashi Shoten, 472 p.

¹⁴ Mukhina V., Golovina K. 2017. *Roshiajin diasupora no genjo: Zainichi roshiajin ijūsha no ichizuke ni mukete [Overview of Contemporary Russian Diaspora: Defining Specific Features of Russian Immigrants in Japan]*. *Imin seisaku kenkyū* 9, 105-122.

4. Survey Results: Background Information

Sections 4.1 and 4.2 below provide data from the online survey as background information to the discussion of the inside of migrant homes, addressed in sections 5 to 7. While most survey questions were obligatory, meaning they technically could not be skipped, a few sections of the survey gained varying numbers of responses. Some respondents opted out for one of the survey's sections without completing the full survey. Several open-ended questions could be skipped. To reflect this situation, the number of obtained responses is reported at the beginning of each section below. Where the questions were of the multiple-answer type, meaning that respondents could choose more than one response per question, and where this information is relevant to the data presented in this paper, the abbreviation "MAQ" is used.

4.1 Demographic Characteristics of the Sample (N=130)

As mentioned above, respondents from Russia (130 people) constituted 69.89% of all survey respondents. Among these Russians, 89.23% were women. Most respondents were in the age category of 35 to 39 years; only three respondents were older than 44 years. Among the respondents, 40.77% lived in the Tokyo area at the time of the survey. The areas of Chiba, Kanagawa prefectures, and Osaka followed, with 7.69% each. Most of the respondents were long-term residents: 29.23% had lived in Japan for 6 to 10 years and a further 20.77% had lived there for 11 to 15 years. There were also those (16.92%) who had stayed in the country for more than 15 years. In terms of marital status, 50.77% of the respondents were married to a Japanese person, followed by 16.15% married to another Russian. Others were single, in a marital union with a foreigner, divorced, or widowed, in that order. About 46.15% held permanent residency visas, followed by 26.92% on spousal, 13.85% on working, and 9.23% on student visas. One person reported having obtained Japanese citizenship. Children were present in 57.69% of cases. About 63.85% of the respondents reported working outside of the home.

4.2 Types of Migrant Homes and their Ownership (N=125)

Only 11.54% of the surveyed Russians characterized their way of life as rural, with the rest reporting an urban lifestyle. In 53.6% of cases the respondents lived in a rented apartment; only 5.6%

rented a house. Twenty percent lived in an owned apartment and another 20% owned their house. The table below provides details on the types of dwellings the surveyed Russians inhabited.

What type of housing do you currently live in?	Answers	
	%	Nurr. of people
Answer options		
<i>Apato</i> or <i>kôpo</i> (Wooden/Steel-framed apartment building, often two-storied)	16%	20
<i>Danchi</i> (Reinforced Concrete multistoried apartment complex)	5.6%	7
<i>Manshon</i> (Reinforced Concrete/Steel Reinforced Concrete multistoried apartment building)	52.8%	66
Traditional house	8.8%	11
Modern house	14.4%	18
Other	2.4%	3
Answered	100%	125

Table 1: Types of dwellings occupied by the Russian participants

A fifth (10.08%) of the respondents reported never having moved from one place to another in Japan. The majority had experienced relocation, with most (36.43%) having moved two or three times. More than five changes of home were reported by 13.18% of respondents. Most of the homes occupied by respondents were relatively new: 31.2% lived in dwellings built between 1982 and 2000, 23.2% had homes built between 2001 and 2008, and 25.6% had homes built between 2009 and 2016. Thus, most participants had been able to secure homes with the 1981 seismic codes in place, which were introduced under the renewed Building Standard Law¹⁵. The oldest dwellings, built before 1950, were home to three respondents (two women and a man), all of whom reported being in a marital union with a Japanese person. They named Kyoto and Osaka as their place of residence. In two of these cases it was an owned home, and in one case the dwelling was an apartment (*manshon*) in an old apartment block.

5. Survey Results: Inside the Migrants' Homes

5.1 Features of Japanese Homes that Russians Find Problematic (N=114)

In this section of the survey, responses were obtained from 114 people and all the questions were MAQ. Climate-wise, many respondents (67.54%) reported a lack of sufficient heating as the major feature that they disliked in their dwellings. Lack of heating

¹⁵ Ishiyama Y. 2012. Earthquake Damage and Seismic Code for Buildings in Japan, http://ares.tu.chiba-u.jp/peru/pdf/meeting/120817/M6_Ishiyama.pdf, accessed Nov. 1, 2017.

was also named as the main problem (46.49%) with Japanese bathrooms. About half (54.39%) of the respondents claimed they found it particularly difficult to endure the Japanese winter; a lack of what Russians would perceive to be sufficient heating – such as a central heating system – evidently contributed to this perception. In terms of the dwellings' physical characteristics, almost half (47.37%) reported a lack of space for hanging outdoor clothing at the entrance to the accommodation to be a problem. Regarding the kitchen, the general smallness (47.37%) and the absence of a built-in oven (47.37%) were the two most problematic factors.

5.2 Features of Japanese Homes that Russians Appreciate (N=113)

This section of the survey gained 113 responses (MAQ). It became clear that Russians valued their Japanese dwellings for functionality. In the relevant question, 66.37% named a multifunctional toilet – which has features such as seat heating and a small shower, much like the French *bidet* – as a feature they appreciated. A further 52.21% mentioned a large kitchen sink, which is convenient for washing both dishes and vegetables.

The choice of the multifunctional toilet (also known as *washlet*, which is a genericized trademark by a Japanese toilet maker) is of interest. In recent years, this toilet design has become a symbol of Japan's technological advancement and ultimate care for human comfort, practically turning into one of the country's "soft powers"¹⁶. It even appeared as a central object in a 2010 Japanese film *Toilet*. In this film, a multifunctional toilet becomes an object of nostalgia for an elderly Japanese woman who moves to the USA to join her grandchildren (after their Japanese mother died). The dynamics of familial relationships are illustrated through the transformation of the grandchildren's ideas about the Japanese modern toilet, about what it means for the grandmother, what kind of a person the grandmother is, and – ultimately – what kind of a country Japan is. Metaphorically, the toilet – which keeps humans clean, comfortable, and content – is equated with Japan. One of the grandsons orders a multifunctional toilet to be

---

¹⁶ See for detailed discussion on Japan's "soft power" as part of the national brand: Tipton E. 2016. *Modern Japan: A Social and Political History*. London: Routledge. pp. 253-254.

delivered to their home, but it only arrives shortly before the grandmother's passing. Since the teenager inadvertently drops the grandmother's ashes into the newly installed toilet, the symbol retains its sacred quality of a medium that "transports" the elderly woman's memory back to her homeland.

5.3 Interior Styles (N=112)

This section of the survey gained 112 responses. The respondents were asked to choose the description that best described the style of their homes' interiors. Most chose "universal style" (61.61%), followed by "mix of different styles" (17.86%), "style that resembles the one in the homes in Russia" (8.04%), and "style that resembles the one in the Japanese homes" (7.14%). Several respondents preferred to provide their own detailed descriptions.

The popular choice of "universal style" may have to do with the fact that in most cases the respondents occupied a rented apartment. Such apartments generally display a very similar organization, with everything from the overall layout to the wallpaper and floors being highly standardized in the design. Daniels [2001: 209] made a similar observation about the exterior and interior of Japanese houses as "standardized" through "prefabricated elements"¹⁷. Many of the research participants I interviewed found this design boring and lacking in individuality, but accepted it as a given. Remodeling a rented space is not a common practice in Japan and may violate the rental agreement. The popularity of the "universal style" response may also be interpreted along the lines of what Gurova calls the "style of a global nomad", in her discussion on the "style repertoires" in clothing of Russian migrants in Finland [2013: 25-27]. Gurova reported that this style is characterized by "cosmopolitanism"¹⁸.

---

¹⁷ Daniels I. 2001. The 'Untidy' Japanese House. In D. Miller (Ed.), *Home Possessions: Material Culture Behind Closed Doors*. Oxford and New York: Berg. pp. 201-229.

¹⁸ Gurova O. 2013. "Vyglyadet po-russki". Rossiyskie migranty v Finlyadnii: sotsialnye kharakteristiki i potreblenie odezhdy ["To Look Russian". Russian migrants in Finland. Social Characteristics and Clothing Consumption]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* 14 (2), 17-41.

Responses indicating the presence of interiors that resembled either Russian or Japanese styles were in the minority. Interestingly, those who answered that their homes in Japan resembled the ones in Russia had the highest percentage of permanent residency holders, compared with those who said the styles of their homes were universal, mixed or Japanese. Perhaps, decorating one's home according to the Russian style is partly the result of intensified nostalgia once the prospect of permanently staying in the host country is legally confirmed.

6. Japanese Objects in Migrant Homes (N=88)

The survey respondents were asked to name the most “traditionally Japanese” interior item in their homes. As this question was a free-answer type of question, some respondents opted to skip it. Eighty-eight Russian migrants answered this item. Some respondents mentioned more than one item that belonged to different categories.

Twenty-one people indicated that they had no Japanese objects as part of their interiors or in their possession. Some accompanied this answer by an explanation that they were “not interested” in them or that their Japanese spouses (for respondents in Russo-Japanese marriages) “did not insist” on having Japanese décor elements in their homes. By contrast, one respondent said that the dwelling she lived in was “fully Japanese-style”, with only her own and her child's rooms retaining a different atmosphere. The responses from the remaining 66 people, who reported possessing something Japanese in their homes, could be roughly split into responses that referred to either inherent elements or traditional elements. The inherent elements included Japanese-style rooms known as *washitsu*, *tatami* floor mats, built-in wardrobes called *oshiire*, and *shōji* room dividers. The traditional furniture and household items included a table with a heater, known as *kotatsu*, floor-level armchairs without legs, and *futon* bedding. Fixtures such as a washlet (discussed earlier) and appliances like a kerosene heater (*sutōbu*) were also named as traditional Japanese elements in one's possession.

A third large category comprised responses that named free-standing objects of both a decorative nature and those having “protecting” properties. They included *ikebana* flower

arrangements, *sumie* paintings, and *daruma* dolls. In this category, the items had been purchased – often on festive occasions – or received as gifts, or were hand-made. Among the decorative objects were those that were strongly related to warriorhood, such as swords (*katana*) and armor (*yoroi*). Some items related to a spiritual side of life: a few respondents, reportedly living in multigenerational homes, referred to an ancestral altar (*butsudan*). Finally, many responses contained a fourth category, namely items related to food practices, from rice-cookers to Japanese-style dish sets.

A wide range of items revealed varying perceptions the respondents held in relation to what constituted “traditionally Japanese”. Even such a mundane appliance as a kerosene heater was interpreted as being traditionally Japanese. Urban dwellers who had resettled from Russia told me at our interviews that encountering a kerosene heater had been akin to experiencing a time-warp to days long gone but described in literary works. This was because such an item had been entirely absent from their pre-migratory urban homes in Russia. In many Japanese towns, however, kerosene heaters are still a common and efficient means of heating older buildings. When such heaters are used, the characteristic smell of kerosene spreads around the whole dwelling, intensifying the sense of cultural immersion and becoming a sensory feature of the Japanese winter. As a result, for migrants, the heater created powerful associations with Japanese life.

As some of the responses indicated, not everyone was entirely pleased with the presence of the elements of traditional Japanese homes. Tatami mats, prone to insects and hard to maintain, were problematic for several respondents. The responses suggested that regarding the dwellings’ inherent elements, fixtures, furniture, and many appliances, respondents were often passive rather than active possessors of such items; the respondents themselves had generally not procured them. Regarding many decorative items, while they too might have come into the possession of the migrants spontaneously when the migrants had followed the routines of Japanese life, such as visiting a temple at New Year and bringing back a fortune charm,

the migrants' relationships with such objects were driven by a greater sense of agency. One respondent (married to a Russian man) indicated that not only did she possess many paper dolls, known as *washi ningyō*, but she was even attending craft courses provided by Yuzawaya (a large and famous all-Japanese craft store) and hand-making the dolls¹⁹. This respondent's cultural practices were comparable with Daniels's interpretation of a Japanese housewife's relationship with her home. That is, attending courses outside the home gave the woman freedom, and "placing her handicrafts in the interior of the home" served as "tangible expressions of her commitment to family life" [2001: 212-213]²⁰.

7. Ethnographic Observations

In this section I examine the ethnographic constituent, namely my on-site observations of the migrant homes and my interviews with their owners. In the homes of Russians in Japan I have observed various style features that could be classified as Russian, Soviet, European, Japanese, fusion, kitsch, eclectic, and universal. Following Gurova's [2013]²¹ vocabulary, these can be named "style repertoires". It is important to note that in most cases a degree of mixture was present, so it was nearly impossible to classify certain dwellings as fully belonging to a specific style. Certain objects found in these dwellings served as markers of particular styles and highlighted those styles. Such classifications, however, also depend partly on who makes the observations and which features of styles are noticed first by one observer or another. The informants' narratives helped to bring my attention to objects that the informants themselves considered as defining their interiors, among a variety of material expressions.

Below I focus on Japanese elements in the homes of Russians in Japan and on how these elements co-exist with various

---

¹⁹ See for more examples of do-it-yourself practices by Russians in Japan: Golovina K. 2017b. Material'naya kul'tura i bricolazh: kak russkoyazychnye migranty sozdayut i priobretayut veshchi [Material Culture and Bricolage: Russian-speaking Migrants in Japan Who Make and Procure Objects]. *Antropologicheskij Forum* 34, 179-210.

²⁰ Refer to fn. 17.

²¹ Refer to fn. 18.

non-Japanese elements, in an attempt to trace the meanings that the migrants ascribed to Japanese objects in their possession. An ultimate example of co-existence between Japanese and non-Japanese items was a shelf in the Tokyo Ueno home of an informant I interviewed in 2009. Her name was Alla and she was a teacher of English, married to a Japanese man. The shelf's contents presented an eclectic mix that was difficult to "read into" at first sight. They included souvenirs from Russia; Japanese decorative objects; a pilgrim's hat – *sugekasa* – made of straw, hanging on the wall directly above the shelf and to the left; miscellaneous items from Alla's life in an English-speaking country, where she had spent some years before relocating to Japan; and her personal belongings – such as perfumes. Disorganized, this space echoed the "messiness" of many small-sized apartments, belonging to both Russians and Japanese, that I have visited in Japan over the years. Characterized by lack of space to store and display items, the frantic pace of urban life demanding its inhabitants always be busy, strict rules relating to garbage disposal, and layers of wrapping paper and plastic – which accompany most purchased goods and ultimately end up in the shopper's home, these apartments are often far from the minimalist style touted as being unique to Japan²². However chaotic, Alla's shelf, a modern-day version of a Victorian cabinet of curiosity, was thus an attempt to hold on to some sort of order. The displayed items, albeit in a fragmented way, narrated the story of her life both before and after coming to Japan. Although she never undertook an actual pilgrimage, for which straw hats are used, she reported being fascinated with the Japanese nature and often going on outdoor trips.

Nina, a Russian married to another Russian – both of whom worked in Japan, had an apartment in central Tokyo. This home provided a somewhat similar example, although in her case it was a wide windowsill that served to host a variety of items, this time in a neatly organized way. The items included Japanese clay figurines of two sheep against a small golden screen, a common new year

---

²² See Daniels [2001] on the discourse of minimalism as characteristic to Japan versus the reality of an "untidy" home. Refer to fn. 17.

decoration in Japan for the year of a certain zodiac animal. When I visited this informant in 2017, it was neither new year season nor the year of the sheep (which had been two years earlier, according to the Chinese new year calendar). Nonetheless, the sheep figurines “grazed” at the windowsill, close to a decorative plate depicting a Russian orthodox saint – a gift from Nina’s homeland. The sheep figurines were thus uprooted from their initial purpose of marking a calendar year and retained a purely decorative function.

Nina recalled that the wide windowsill (*podokonnik* in Russian) and the window overlooking a large Japanese shrine, surrounded by trees, had together played a decisive role in her choosing to rent that apartment. Wide windowsills are uncommon in Japan; there would usually be no windowsill spacious enough to contain plants or decorations. Nina’s case presents a seemingly spontaneous, but in fact a conscious, attempt to incorporate Japanese elements into one’s home interior, even if those elements serve a purely decorative function. Nina said that her choice of an apartment overlooking the shrine helped her to continually experience the “novelty” of her Japanese migration.

Another informant, Kira, said that she had only kept items in her home that she perceived as explicitly Japanese when she had been single and was studying in Japan. I visited her apartment in Chiba prefecture for an interview in 2011. She had several Japanese fans standing open on her bookshelf. One of them was a flowery fragrant fan from Kyoto, a Japanese friend’s present; she had purchased another one, decorative in nature, on her own from a stall shop with the items related to the Japanese traditional Kabuki theatre. The third fan was a simple plastic one of the kind usually distributed to people on the streets during summer, bearing an advertisement. Kira stated that although this plastic fan was nothing special, it looked nice and thus had joined her small collection.

When I interviewed Kira again a few years later, she was by then married to a Japanese man. She said there was nothing Japanese in her home any longer except for an “almost obligatory” rice-cooker. The fans in her possession had aged, but that was not the only reason she had stopped displaying them. She said doing

so did not feel right anymore, as her Japanese husband did not see an aesthetic element in them; rather, he could not understand why the fans that could have been used as intended stood open on display instead, and those that should have been thrown away (such as the advertisement fan) had been kept. This case presents an interesting example of how one's relationship with Japanese objects and ultimately their meanings can transform during the lifetime of a migrant and in response to the influence of a person's relationship with other people. Initially displayed for the reason of wanting to surround oneself with Japanese décor items, thus giving a material articulation to one's life as a migrant, the fans lost their exotic quality once the respondent entered a Russo-Japanese union, and her new husband viewed the objects as mundane and redundant. Ultimately Kira had internalized the same sentiment.

8. Conclusion

In this paper, I have analyzed data about the homes inhabited by post-1990 Russian migrants to Japan. In particular, I focused on the interiors of the homes, to determine the inhabitants' relationships with both the in-built Japanese features of their dwellings and the decorative Japanese objects that had been acquired and installed in the home. Despite many of the migrants having spent years in the host country, they were all highly conscious of the physicality of their new places of living. Perceived insufficient heating, lack of space in entrances and kitchens, absence of ovens preventing them from cooking familiar meals, and the dull universality of standardized apartments went hand-in-hand with the positives: large kitchen sinks, which enabled the women to prepare large vegetables; the conformable multifunctionality of toilets; and the immersive warmth of kerosene stoves. When the Russian migrants decorated their homes with various Japanese objects, these functioned in several overlapping ways. Such objects narrated their owner's stories of relocating to Japan and sustained her sentiments about exoticism and the ongoing thrill of migration, while helping her to feel more connected to an inherently Japanese way of life. Interestingly, not only the presence of objects but also their subsequent removal during the course of a migrant's life in Japan both function as statements about the person's transformative experiences.

ГЛАВА 6

Японский язык сквозь призму Мэйдзи-исин

Японская лингвистика в эпоху Мэйдзи: синтез традиций

К моменту «открытия» и начала европеизации Японии там уже активно велись исследования в области языкознания, объектом которых был только собственный язык (что свойственно любой лингвистической традиции на ранних этапах ее развития); в Японии в то время не было даже особого термина для обозначения своего языка: он был просто *котоба* – "язык". Как раз закрытие страны в XVII в. стало стимулом формирования самостоятельной лингвистической традиции. До того язык там изучали лишь в рамках методов, заимствованных из Китая, что, прежде всего, выражалось в составлении иероглифических словарей. Теперь же Япония прекратила контакты и с Китаем, а ученые национальной школы *кокугаку* обратились к изучению собственной культуры, в которой особое место занимал язык, относившийся (наряду с синтоизмом) к числу немногих исконных ее элементов. Они игнорировали иероглифику и слова китайского происхождения, сосредоточившись на изучении каны и грамматики, очень сильно отличавшейся от китайской. Именно тогда в Японии появляется профессиональное изучение языка [Nagayama 1963: 420]. Основным объектом их изучения был старописьменный язык *бунго* (этого термина тогда еще не было, он появится уже в эпоху Мэйдзи), игравший в стране роль языка культуры; разговорные варианты языка, как правило, не изучались. В этом отношении японская традиция была сходна с другими традициями мира, где долгое время также изучались лишь языки культуры, к числу которых относились *вэньянь*, санскрит, класси-

ческий арабский, древнегреческий, латинский языки¹. Ученые школы *кокугаку* включали свои исследования в изучение национальной культуры. В то же время они преследовали и практические цели, разрабатывая правильную, на их взгляд, орфографию и выявляя правила стихосложения (пособия по созданию стихов в жанре *рэнга* стали начальным этапом изучения глагольного спряжения). Активно велась и филологическая деятельность, там не только изучали древнюю орфографию, но и толковали памятники.

За период XVII-XIX вв. ученые школы *кокугаку* основательно изучили большое количество японских памятников и значительно уточнили орфографию, основанную на том, как писали в эпоху Хэйан. Наиболее передовые из них, в том числе Мотоори Норинага (1730-1801), осознали, что старая орфография отражала произношение времени написания памятников (такая точка зрения, правда, не была общепринятой). Однако происшедшие затем изменения осознавались не как исторический процесс, а как «порча» языка, подаренного богами (так считали не только в Японии, но и, например, в античном мире). Разработанная ими орфография для бунго в основном имеет силу до сих пор. Однако ввести произношение времен древних памятников им не удалось, а нормирование произношения началось уже после европеизации. Школа *кокугаку* также досконально выяснила всю историю создания и развития национальной азбуки – каны (в том числе ее основных вариантов – хираганы и катаканы) на протяжении тысячелетия. А эти филологи ничего не знали о европейской науке; когда с ней в начале эпохи Мэйдзи познакомились японцы, всё основное в этой области было сделано. Этот пример (как и многие другие аспекты деятельности этой школы) опровергает распростра-

---

¹ В отличие от всех этих языков, не имевших национального характера, бунго функционировал только в одной стране, что некоторые японские авторы уже в XX в. считали признаком особого исторического развития Японии. Однако это было обусловлено замкнутостью островной Японии, очень редко распространявшей свое влияние на материк, а для других языков культуры таких преград не было.

ненное сейчас мнение о том, что наука – чисто европейское явление, а другие народы могли ее только заимствовать.

Главным достижением ученых этого времени стало создание грамматических сочинений. Здесь они не могли опираться на китайские образцы, влияние санскрита уже прекратилось, а европейские грамматики до 1830-х гг. не были известны. Традицию изучения грамматики (в это время только морфологии) надо было создавать самостоятельно. Двумя основными областями исследований стали описание глагольного и адъективного спряжения и классификация частей речи. Синтаксис до периода европеизации не успел сложиться. Об особенностях подхода этих ученых к грамматике и об истории японской лингвистики периода Токугава см. [Алпатов, Басс, Фомин 1981; Алпатов 2011]. Далее некоторые черты этого подхода будут рассматриваться в сопоставлении с европейскими трактовками.

Знакомство с европейскими сочинениями о языке в Японии началось уже в конце данного периода. Первая грамматика, учитывавшая европейские подходы, появилась в 1833 г., ее автором был Цурумине Сигэнобу. Тогда единственным европейским государством, имевшим ограниченные связи с Японией, были Нидерланды, и японцы раньше всего познакомились со школьными грамматиками голландского языка. Тогда до синтеза традиций было далеко, и Цурумине некритически воспринял идеи этих грамматик, выделив те же девять частей речи (испытав, правда, трудности с выделением артикля) и шесть падежей (при том, что японская традиция никогда не считала падежные показатели частями слов). А знакомство с западными языками и языковыми ситуациями порождало идеи о необходимости языковых реформ. И в 1866 г., еще при старом строе, Маэдзима Мицу обратился к сёгуну с докладом в пользу реформы языка и письменности [Конрад 1960: 16].

Затем началась эпоха Мэйдзи, связанная с ускоренной европеизацией Японии. Изменения охватили все сферы жизни, в том числе и языковую сферу. Начинается, в том числе, знакомство с западными языками (из которых с самого начала преобладающим был английский) и с западными грамматиками. Сначала это знакомство было чисто практическим, но постепенно новые явления стали наблюдаться и в науке.

Главным практическим вопросом стал вопрос о том, каким языком надо пользоваться в культурных сферах. В предшествующий период здесь использовались два значительно различавшихся языковых образования: *камбун* (японизированный китайский язык) и *бунго*. На *камбуне* только писали, на *бунго* писали и в меньшей степени говорили. Использование *камбуна*, в основном употреблявшегося в деловой сфере, сразу было отменено. Сфера употребления *бунго* в начале периода Мэйдзи даже расширилась, поскольку на нем стали писать деловые документы, а введение всеобщей системы школьного обучения сделало его общим достоянием. Однако к середине 80-х гг. XIX в. пришло осознание необходимости нового литературного языка на разговорной основе [Gottlieb 2005: 8]. Нужен был новый, единый и общепонятный язык. Подобные процессы происходили в разное время во многих странах: ср. переход от латыни к «вульгарным» языкам в Европе, от церковнославянского языка к русскому литературному в России, от вэньяня к путунхуа в Китае. «Создание нового литературного языка выступает как важный момент в процессе европеизации русской культуры» [Успенский 1985: 4]; это же самое можно сказать и о Японии. О сходствах и различиях Японии и России в этом плане автор статьи уже специально писал [Алпатов 1995]. Особенностью Японии было, однако, то, что этот процесс был пройден очень быстро, менее чем за половину столетия. Там уже существовала развитая школа языковедов, поэтому процесс шел более сознательно.

Борьба за литературный язык современного типа, по функции сходный с уже сложившимися к тому времени

европейскими национальными языками, шла и сверху, и снизу. Установление его норм шло одновременно с описанием его строя. Писатели и языковеды с 80-х гг. XIX в. активно выступали за *gembun-itchi*, то есть за единство разговорного и письменного языка, деятели этого движения создали образцы художественной прозы на новом языке. Подробнее об этом движении см. [Конрад 1954; Конрад 1960]. Но и японская власть к концу века осознала важность данной проблемы. При Министерстве просвещения был в 1902 г. сформирован Совет по изучению японского языка (*Kokugo-choosa-iinkai*), к деятельности которого были привлечены видные лингвисты, в частности, Уэда Кадзутоси (1867-1937), учившийся в Европе и ориентировавшийся на западный опыт [Gottlieb 2005: 55-58]. Новый литературный язык на разговорной основе в противоположность *бунго* получил наименование *кого* (буквально 'устный язык'). Новый литературный язык с самого начала воспринимался как общий не только для всего государства, но и для всех социальных слоев, не разъединяющий, а объединяющий общество; он быстро вошел в школьное обучение. В Японии уже существовала своя лингвистическая традиция и в то же время быстро осваивалась западная наука о языке; с самого начала устанавливались строгие правила для нового литературного языка, поначалу сильно зависимые от ранее существовавших правил для *бунго*. Первая нормативная грамматика этого языка (*кого*) появилась уже за пределами эпохи Мэйдзи: в 1916 г.

Появляются грамматики нового типа, где исконные черты сосуществуют с заимствованными. Ведущей фигурой в синтезе этих черт в Японии считается Оцуки Фумихико (1847-1928), основные работы которого появились в 1880-1890-е годы. Синтез традиций в основном уже произошел к концу эпохи Мэйдзи, тогда же выработалась и терминология, однако окончательно этот синтез оформился и эксплицировался в 30-е гг. XX в. в работах классиков японского языкознания – Ямада Ёсио (1873-1958), Мацусита Дайсабуро (1878-1935), Хасимото Синкити (1882-1945), которые необходимо учитывать. Одним из сочинений, отразивших синтез,

стала изданная в 1937 г. и основанная, прежде всего, на идеях Хасимото грамматика Киэда Масуити (1891-1949), имеющаяся в русском переводе [Киэда 1958-1959]. Отрывки из работ японских ученых того периода также приведены в хрестоматии [Языкознание 1983]. Эти профессиональные лингвисты, как правило, изучали и *бунго*, и *кого*, рассматривая их не как разные языки или разные состояния языка, а как два варианта японского языка, различающиеся по престижности. И в России в XVIII в. и в первой половине XIX в. аналогичным образом рассматривали церковнославянский и русский языки. Лишь после 1945 г., когда *бунго* вышел из официального обихода, их разграничили окончательно.

Широкомасштабное знакомство с европейской наукой (в ее рамках тогда развивалась и американская наука) в Японии началось в период, когда в Европе существовал разрыв между теоретическим и практическим языкознанием. Описание современных языков в основном считалось практической задачей, которую решали непрофессионалы; характерна здесь заметная роль миссионеров, в том числе и среди первых японоведов. Американский миссионер Дж. К. Хэпбёрн в это время разработал используемую и сейчас латинскую транскрипцию для японского языка, а русский миссионер Д.Д. Смирнов в 1890 г. издал первую в нашей стране грамматику этого языка, очень хорошую для своего времени. А научное языкознание в Европе и Америке почти исключительно было историческим. В нём различались две дисциплины: сравнительно-историческое языкознание, которое путем сравнения родственных языков восстанавливало не дошедшие до нас праязыки, и собственно историческое языкознание, изучавшее более позднюю историю языков по письменным памятникам. Ни та, ни другая дисциплина не оказали по разным причинам большого влияния на развитие японской науки. Изучение письменных памятников там уже было достаточно развито до европеизации, а его методика вполне сложилась (хотя под европейским влиянием были преодолены представления о развитии как о «порче» языка). А сравнительно-историческое языкознание

не нашло отзвука в Японии ни в эпоху Мэйдзи, ни в более позднее время. Причин здесь было, вероятно, две. Во-первых, оно не помогало решать практические проблемы, в эпоху Мэйдзи остро стоявшие перед гражданами Японии. Во-вторых, если в Европе большинство языков относится к индоевропейской семье и имеется значительный материал для сравнений, то японский язык не имеет близких родственников, а вопрос о его принадлежности к той или иной языковой семье и сейчас остается дискуссионным.

Прежде всего, на развитие науки о языке в Японии оказывали влияние описательные грамматики европейских языков, преимущественно учебного характера. Как упоминалось выше, знакомство с ними началось еще в конце периода Токугава, но теперь образцом служили, в первую очередь, англоязычные грамматики. С их помощью овладевали западными языками, но в них имелось и некоторое теоретическое содержание, пусть не оригинальное. Вряд ли можно считать, что внимание именно к таким грамматикам было признаком «примитивности»: несколько позже в Японии быстро освоили методы структурализма (в отличие от компаративистики). Японский язык стал первым, на который был переведен «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра (издан в 1928 г.), влияние которого сразу оказалось значительным. Если в Европе от первоначального синхронного подхода в XVIII-XIX вв. перешли к историческому, а в первой половине XX в. вернулись на более высоком уровне к синхронии, то в Японии остались при синхронном подходе, совершенствуя его под западным влиянием.

Западные идеи и методы предстояло приспособить к материалу японского языка. Отмечу, что в Японии сравнительно мало обращали внимания на исследования этого языка в других странах, исключая лишь отдельные области. Например, там постоянно отмечают, что на развитие японской акцентологии повлияли идеи Е.Д.Поливанова, высказанные им в самом начале своей деятельности во время поездок в 1914-1916 гг. в Японию. Но в целом в этой стране господствовали (и по сей день существуют) представления о

том, что понимать устройство японского языка могут лишь его носители. Восприняв, как будет дальше показано, многие европейские представления о языке, японское языкознание сохранило общую направленность на свой язык.

Тем не менее, безусловно, именно в эпоху Мэйдзи в Японии окончательно была признана множественность языков. Ученые школы кокугаку если и вспоминали о языках помимо японского (из них по-настоящему известны были всего два: китайский и санскрит, а языки «южных и северных варваров» за языки не считались), то лишь в плане превосходства своего языка [Алпатов 2011: 85]. Их специального изучения и безоценочного сопоставления с японским языком не было. Слово *котоба* обозначало и человеческий язык вообще, и японский язык, эти понятия до европеизации не разграничивались. Но именно в эпоху Мэйдзи понадобились обозначения своего языка, в которых раньше не было необходимости. Появились даже два термина: *кокуго* 'язык страны' и *нихонго* 'японский язык' [Kurashima 1997, 1: 1], существующие и поныне. При этом специфичный для японцев лингвистический изоляционизм проявился и здесь. Слово, буквально означающее 'японский язык', употребляется ограниченно при сопоставлении этого языка с другими или при обозначении его функционирования вне японского общества (именно *нихонго* учат иностранцы), но «свой язык» – прежде всего, *кокуго*.

Описания разных сторон языка в эпоху Токугава мало соотносились друг с другом: даже исследования частей речи и спряжения не рассматривались как изучение разных аспектов грамматики, а синтаксиса не было. В Европе же представление об общей системе языка было уже в античности. Поэтому общетеоретические представления о языке (в том числе определения языка) были целиком заимствованы, как и, например, определения грамматики. Под европейским влиянием в эпоху Мэйдзи сформировалась и общелингвистическая терминология, правда, не столько через заимствование терминов, сколько через создание калек из единиц китайского по происхождению слоя лексики (тогда

таким же образом формировалась терминология и в других науках).

В то же время сохранилось и многое из того, что в Японии уже было разработано в эпоху Токугава или даже раньше. Это видно и в фонетике, и в грамматике. Первичная фонетическая единица— *он* (термин появился в эпоху Мэйдзи) — выделялась с глубокой древности, что видно из структуры каны: как правило, ей соответствует письменный знак (при отдельных несоответствиях, появившихся позже); в эпоху европеизации понятие было уточнено, но сохранилось. Понятия звука в европейском смысле первоначально не существовало (поэтому в Японии почти столетие осваивали латинскую письменность). Считается, что слоги структуры «согласный + гласный» (или слог из одного гласного) составляют один *он*, но два *она* имеются, если слог имеет более сложную структуру, включая долгий гласный, дифтонг или конечнослоговой носовой звук².

О выделимости звуковых единиц в языковом сознании писал Хасимото Синкити: «Единицы типа *ма*, *я*, *ха*, *на* называются слогами³. В японском языке членение на слоги... произвести нетрудно. Однако можно членить слоги на более мелкие единицы, а именно на звуки... (членение *я* на [y-a], *ма* на [m-a].. и т.д.). Это членение уже трудно провести без специальной подготовки» [Хасимото 1935/1983: 61]. Далее прямо указано, что первичная звуковая единица может состоять из двух фонем [Хасимото 1935/1983: 61-62]. То есть в японском языковом сознании (по крайней мере, еще во времена Хасимото) существовали лишь моры, а согласные звуки для выделения требовали «специальной подготовки» (иначе было с гласными, поскольку они могли составлять

² *Он* — не звук (фонема), но и не всегда слог. Е.Д. Поливанов правомерно приравнивал эту единицу к море — единице, выделявшейся в античном стихосложении. Поэтому неточно называть кану слоговой азбукой или говорить, что стихотворения в жанре танка состоят из 31 слога (здесь 31 мора).

³ Точнее здесь было бы перевести *он* как «мора».

целую морю). Сейчас, однако, латинское письмо уже общеизвестно, что могло повлиять на фонетические представления.

В лингвистике периода Токугава еще не было эксплицитного описания первичной единицы лексики и грамматики, эквивалентной европейскому слову (его не было тогда и для слова в Европе). Однако такие единицы выделялись, хотя в это время для них не было обобщающего термина: знаменательные единицы называли *котоба* (что одновременно значило и 'язык'), а служебные – *тэниоха*. В эпоху Мэйдзи Оцуки Фумихико ввел обобщающий термин *го* (или *танго* 'простое го'). При этом границы *го*, установленные еще грамматистами эпохи Токугава, за исключением отдельных случаев (например, трактовки показателей пассива и каузатива, которые обычно считались отдельными *го*, но некоторые авторы относили их к частям *го*) остались в описаниях языка неизменными. Это сходно с тем, что и, например, для русского языка границы слов поведутся единообразно, хотя вопрос о том, что такое слово, вызывал большие споры.

Тем не менее, европейские, в том числе отечественные, японисты замечали, что в японской науке границы *го*, как и любых других единиц, не проводятся там, где их, казалось бы, естественнее всего проводить. Исходя из этого, Н.И. Фельдман писала: «Традиционного представления о слове в японской грамматической науке нет» [Фельдман 1958: 17]. Впрочем, она же уточняла: неясность границ слова в японском языке – «проблема грамматики, а не лексикологии, поскольку неясность касается соотношения со служебными элементами речи, а словарная форма слова, за некоторыми исключениями, ни у кого не вызывает сомнений» [Фельдман 1960: 28-29]. Сомнений не было и до, и после 1868 г., и сейчас.

Особенно такая неясность для иностранных наблюдателей ощущается в системе глагола (включая сюда и близкие к глаголам по свойствам предикативные прилагательные). Если система японских существительных чисто агглютинативна и приименные грамматические показатели (включая падежные) легко интерпретировать как служебные слова

(концепция падежного словоизменения в этом языке, предложенная Е.Д.Поливановым, получила распространение лишь в русской японистике), то в глагольной системе ситуация иная. Здесь немало типично флективных показателей, которые присоединяются к основе и друг к другу по сложным морфонологическим правилам.

Рассмотрим, например, фрагменты парадигм индикатива глаголов современного языка⁴ *ёму* 'читать' и *миру* 'видеть': *ёму*, *миру* (простые формы настоящего-будущего времени); *ёмарэру*, *мирарэру* (формы пассива того же времени), *ёмимасу*, *мимасу* (вежливые формы того же времени), *ёмарэмасу*, *мирарэмасу* (пассивные формы), *ёнда*, *мита* (простые формы прошедшего времени), *ёмимасита*, *мимасита* (вежливые формы прошедшего времени)⁵, добавим формы деепричастий *ёми*, *ми*. Применим к ним обычные принципы морфемного анализа. Выделяются корни (и одновременно основы) *ём-/ён-* и *ми-*, показатели времени *-ру/-у* и *-ита/-та/-да*, показатель пассива *-рарэ-/-арэ-*, показатель вежливости *-имас-/-мас-* и показатель деепричастия *-и/нуль*. Они располагаются в строгом порядке: основа + показатель пассива + показатель вежливости + показатель времени (и одновременно индикатива). Большинство морфем (кроме основ с исходом на гласный) имеет варианты, их выбор в ряде случаев может найти единое объяснение: на морфемной границе не допускается стечение двух гласных или двух согласных, начальная фонема показателя опускается, если предшествующая морфема заканчивается на фонему того же класса [Chew 1973: 26-27]. Существуют и непредсказуемые правила: *ёнда* вместо регулярного *ёмита.

Однако японская традиция никогда эти *го* так не членила (и в русской учебной литературе такое членение не принято). Там исходят из того, что глаголы (включая предикатив-

⁴ Японская традиция формировалась на материале *бунго*, но в данном случае потом без труда была перенесена на современный язык.

⁵ По лицам и числам японские глаголы не изменяются.

ные прилагательные) и многие грамматические показатели имеют ступени чередования⁶: *ёма/ёми/ёму, ми/ми/миру, рэ/рэ/рэру, маси/масу, та/да* (для иллюстрации я привожу не все ступени чередования). Для грамматического элемента дополнительно указывается, к какой ступени чередования он присоединяется.

С европейской точки зрения такой подход теоретически не вполне обоснован. В одном ряду стоят и целые словоформы, имеющие собственное значение (*ёму, ёми, ми* и др.), и последовательности, используемые лишь в сочетании с последующими показателями: *ёми* как форма деепричастия и *ёми* в составе *ёмимасу* рассматриваются как одна и та же «вторая основа» глагола. А *ёма-* употребляется лишь в сочетаниях и собственного значения не имеет. Однако практически такое членение удобно, что и обусловило его применение в учебных целях.

Чем объяснить такой подход к собственному языку? Одна из причин – вышеупомянутое представление о звуках, не дававшее возможности проводить границы единиц внутри моры. Но можно было бы, например, в составе *ёма, ёми* выделять основу *ё-* и аффиксы *-ма, -ми*. Любопытно, что нечто подобное еще до европеизации, в начале XIX в. предлагал грамматист Судзуки Акира, но этот подход не был принят. Однако господствующая в Японии точка зрения совершенно независимо повторила то, как описывали морфологию в Древней Греции и Риме. Там слово считалось минимальной значимой единицей, а образование, например, косвенных падежей рассматривалось не как присоединение аффикса к основе (таких понятий еще не существовало), а как преобразование исходной формы номинатива, то есть изменение всего слова (отсюда традиционные термины «словоизменение», «склонение», «спряжение», «падеж»).

⁶ В русской педагогической традиции эти ступени именуются «основами», что практически удобно, хотя не совпадает с употреблением термина «основа» в русистике.

Есть основания считать, что античная традиция была психологически более адекватной, чем привычный для нас морфемный анализ, это подтверждают данные афазий и детской речи [Головастиков 1980]. Вероятно, психологически адекватен и японский подход к своим глагольным последовательностям, что можно также подтвердить психолингвистическими данными [Алпатов 2007]. Но морфонологические изменения на морфемных стыках в японском языке слишком многочисленны; как видно из примеров, их может быть несколько в одном слове, поэтому каждое изменение слова при формировании высказываний было бы слишком затруднительно. Поэтому носители этого языка обходятся шестью для *бунго* или пятью для современного языка ступенями чередования («основами»); ср. количество падежей в русском или латинском языке. Они (иногда с некоторыми изменениями) выделяются и для приглагольных грамматических элементов, которые рассматриваются как отдельные *го*. И такой подход, основанный на интуиции носителей японского языка, устоял и после европеизации.

То же самое можно сказать и про части речи. Еще до европеизации было его выработана более или менее общепринятая классификация, о ее истории см. [Фомин 1959]. Классы слов (*го*) выделялись, прежде всего, по двум основаниям: самостоятельности – несамостоятельности (см. выше о *котоба* и *тэниоха*) и по наличию или отсутствию словоизменения в указанном выше смысле. Знаменательные *го* делились на изменяемые (*ёогэн*) и неизменяемые (*тайгэн*); они различались и по семантике (соответственно предикативы и имена). Эти классы могли дробиться дальше: *ёогэн* делился на три подкласса, в том числе на глаголы и предикативные прилагательные. Во времена Мэйдзи традиционная точка зрения в основном сохранилась, лишь уточнившись в некоторых случаях. Ранее единый класс *тайгэнгов* был разделен на несколько частей речи. Некоторые из новых классов были прямо заимствованы: наречие, местоимение, междометие, иногда выделяется и числительное. Они не повлияли на сущность подхода, но сделали его более эклектичным.

Но появились и два класса, не имеющие аналогов в Европе. Выделился класс так называемых *рэнтайси*, что буквально переводится как 'приименное'. Он вычленен сразу по морфологическим и синтаксическим критериям (не имея особой семантики). Это неизменяемые слова, употребляемые только в позиции определения, вроде *ару* 'некий', *иваюру* 'так называемый'. Этот немногочисленный класс параллелен более обширному классу наречий, то есть неизменяемых слов в позиции обстоятельства (напомню, что японские прилагательные изменяемы). В Европе аналог приименного обычно не выделяют, но можно указать на идею М.В. Панова, отмечавшего подобные свойства у слов вроде *беж*, *хаки* в русском языке [Панов 1971]. Другой класс был связан с неадекватным переводом с английского языка термина *conjunction*. В качестве аналога союза были выделены не служебные слова вроде *то* 'и', *га* 'но', а знаменательные слова вроде *кэрэдомо* 'однако', *мата* 'кроме того' (их аналоги в европейских языках обычно считаются наречиями).

Однако классификация служебных элементов сохранилась в прежнем виде. Выделялись две служебные части речи: неизменяемые частицы *дзёси* и изменяемые *дзёдооси*; названия появились в эпоху Мэйдзи. Последний класс, с европейской точки зрения, в основном состоит из аффиксов (исключение – связки). Его название – калька с термина *auxiliary verbs*, хотя это не то же самое. В классе *дзёси* не было выделения соответствий послелогам, союзам в европейском смысле и частицам, хотя он может члениться на функциональные подклассы. В таком виде классификация частей речи стала в Японии общепринятой.

Как уже говорилось, традиция времен Токугава не успела сформировать синтаксис, он появился в эпоху Мэйдзи под европейским влиянием. По-видимому, его отсутствие до того не имело принципиального характера, и в Японии с тех пор усваивали без особого труда европейские и американские синтаксические концепции вплоть до появившегося в 50-60-е гг. XX в. генеративизма. Однако освоение не было механическим, и особенности японского языка учитывались.

Например, быстро была преодолена еще господствовавшая на Западе в годы, соответствовавшие эпохе Мэйдзи, концепция о подлежащем как абсолютно главном члене предложения. В японском языке нет и не было согласования сказуемого с подлежащим, и главная роль сказуемого была более очевидна.

Таким образом, японская традиция, сформировавшаяся без какого-либо европейского влияния, затем не была поглощена идеями и методами западного происхождения, а сумела синтезировать свои традиции с заимствованными концепциями. Этот синтез, начавшийся в эпоху Мэйдзи, определяет японскую лингвистику и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов В.М. Литературный язык в России и Японии (Опыт сопоставительного анализа) // ВЯ, 1995, №1.

Алпатов В.М. О психологической адекватности основных понятий европейской и японской лингвистической традиции // Лингвистическая полифония. Сборник в честь юбилея профессора Р.К.Потаповой. М.: Языки славянских культур, 2007.

Алпатов В.М. Языковая культура // История японской культуры. М., Наталис. 2011.

Алпатов В.М., Басс И.И., Фомин А.И. Японское языкознание VIII-XIX вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., Наука. 1981.

Головастикова А.Н. К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения // Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980). М., Институт востоковедения АН СССР, 1980.

Киэда М. Грамматика японского языка. М., Издательство иностранной литературы. Т.1. М., 1958. Т.2. 1959.

Конрад Н.И. О литературном языке в Китае и Японии // ВЯ, 1954, 3.

- Конрад Н.И.** О литературном языке в Китае и Японии // Труды Института языкознания АН СССР, т.10. М., 1960.
- Панов М.В.** Об аналитических прилагательных // Фонетика, фонология, грамматика. К семидесятилетию А.А.Реформатского. М., 1971.
- Успенский Б.А.** Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., Наука, 1985.
- Фельдман Н.И.** Предисловие // Киэда М. Грамматика японского языка, т.1. М., Издательство иностранной литературы, 1958.
- Фельдман Н.И.** Японский язык. М., Восточная литература, 1960.
- Фомин А.И.** Из истории японского языкознания (Учение о частях речи у токугавских филологов) // Японский лингвистический сборник. М., 1959.
- Языкознание** в Японии. М., Радуга. 1983.
- Chew J.J.** A Transformational Analysis of Modern Colloquial Japanese. The Hague – Paris, 1973.
- Gottlieb N.** Language and Society in Japan. Cambridge University Press, 2005.
- Kurashima Nagamasa.** “Kokugo” to “kokujiten” no kidai. Sono rekisi. V.1-2. Tokyo, Shoogakkan. 1997.
- Nagayama Isamu.** Kokugo ishiki no kenkyuu. Tokyo, 1963.

**Период Мэйдзи
в рамках курса «История японского языка»**

Период Мэйдзи рассматривается в рамках курса «История японского языка», который является составной частью учебной дисциплины ИСАА МГУ «Теории ОВЯ (японский язык)», направление подготовки – востоковедение и африканистика, профиль подготовки «языки и литературы стран Азии и Африки», квалификация выпускника – бакалавр, форма обучения очная [1]. Основная цель курса «История японского языка» – познакомить студентов с основными периодами в истории японского языка, изменениями, которые в языке происходили, соответственно в рамках этого модуля изучаются исторические этапы развития японского языка и изменения в его фонетической, лексической, грамматической системах. Период Мэйдзи стал периодом значимых реформ в Японии, заметные преобразования произошли в японском языке. При этом основные изменения отмечены на уровне лексики и стилистики японского языка, в фонетике и грамматике изменений было меньше. В то время должную оценку получает разговорный язык, остро встает вопрос расхождения между разговорным и письменным стилями языка, наличием многих диалектов. В период Мэйдзи появились слова, которые стали обозначать новые явления и предметы, а в результате движения за единство разговорного и письменного языка в конце предложений стали использовать формы на «дэс», «дэ ару», «да». В период Мэйдзи правительство стало последовательно распространять по всей стране обязательное образование, большое значение уделялось обследованию и описанию японского языка.

В рамках курса «История японского языка» принята следующая периодизация: древнеяпонский язык / среднеяпонский язык / новояпонский язык / современный японский язык, соответственно эпоха Мэйдзи входит в раздел «современный японский язык». Раздел начинается с анализа основных изменений в японском языке, имевших место именно в период Мэйдзи. Периодизация в работах по

истории языка японских исследователей опирается на исторические эпохи, практически во всех трудах период современного японского языка определен как «японский язык, начиная с эпохи Мэйдзи» 明治時代以降の日本語 [2], [3], [4], [5], то есть «Мэйдзи» является ключевым словом периода, что подчеркивает значимость эпохи Мэйдзи в процессе изучения истории японского языка. В этой связи представляет интерес содержание таблицы 国語施策年表, опубликованной на сайте японского Агентства по делам культуры [6]. В таблице приводятся значимые с точки зрения языковой политики документы, указы, опубликованные доклады, этапы деятельности просветительских и учебных организаций и т.п. Всего в таблице годам эпохи Мэйдзи соответствует 183 пункта. Например, в 1869 г. (2-ой год Мэйдзи) Янагава Сюнсан предложил правительству план по расширению использования каны. В том же году в каждой префектуре были открыты начальные школы. В 1870 г. (3-ий год Мэйдзи) Маэдзима Хисока представил доклад об обучении японскому языку. В тот же год в каждой префектуре открыли средние школы. В 1871 г. было создано министерство просвещения, при котором заработал комитет, ответственный за проведение исследований японского языка. При этом в таблице отмечен практически каждый год периода Мэйдзи (а именно 40 из 44 годов Мэйдзи). Исключение составляют лишь 1868 г., 1877 г., 1892 г., 1893 г., с ними не соотнесено ни одного события, связанного с деятельностью в сфере языковой политики. Значимые политические и социальные преобразования периода Мэйдзи, быстро распространяющееся западное влияние отразились на японском языке. Соприкосновение Японии с западной культурой, литературой, образом жизни поставило перед японским языком новые задачи. В целом в рамках курса рассматривается широкий спектр тем, относящихся к периоду Мэйдзи, это и формирование понятия 標準語 как нормативного общенационального литературного языка, движение за приближение письменного языка к устному, в том числе деятельность общества «Гэмбун итти кай»;

тенденции, связанные с упразднением иероглифической письменности, деятельность обществ «Кана но кай» и «Ромадзи кай»; формирование комитета по обследованию и описанию современного японского языка и его диалектов «Кокуго тэса иинкай»; создание школьных учебников на современном языке, а также многие другие вопросы. В рамках курса «Истории японского языка» отдельно рассматривается деятельность таких писателей как Фтабатэй Симэй, Ямада Бимё, Одзаки Коё, которые сыграли заметную роль в движении за единство разговорного и письменного языка. Курс лекционный, на период Мэйдзи в рамках курса отводится лишь 2,5 академических часа. Однако в качестве заданий для самостоятельного изучения студентам предлагаются материалы из книг по истории языка на японском языке [2], [3], [4], [5], а также таблицы 国語施策年表 [6] и 日本語史年表 [2, с.181]. На основе этих материалов студенты могут написать рефераты и выступить с короткими докладами.

Далее представим основные издания на японском языке, материалы из которых рекомендуем для ознакомления в рамках раздела, посвященного языковым изменениям в эпоху Мэйдзи.

Название издания / номер в списке литературы	Название разделов, в рамках которых рассматривается эпоха Мэйдзи	Дополнительно
日本語の歴史/4	明治時代以降 сс.175-215.	Наличие библиографии сс. 234-237.
日本語史/2	明治以降の日本語 сс. 37-42. Также в данном издании языковые изменения, имевшие место в эпоху Мэйдзи, рассматриваются и в каждом из тематических разделов: фонетика, лексика и т.п.	Наличие сводной таблицы 日本語史年表 сс. 177-181. Наличие библиографического списка сс. 157-164. Наличие иллюстративного материала сс.165-176.
日本語の歴史/3	明治時代以降の日本語 文字・音韻 сс.170-179. 明治時代以降の日本語 語彙・文体 сс. 180-193. 明治時代以降の日本語 文法 сс. 194-208.	Наличие библиографии сс. 209-213. Наличие примеров из источников (в тексте разделов).
日本語の歴史/5	言文一致をもとめる – 明治時代以降 – сс. 167-220.	Наличие библиографии сс. 223-230. Наличие иллюстративного материала (в тексте разделов).

Итак, хотя на период Мэйдзи в рамках курса «История японского языка» отводится не столь много времени, период бывает изучен студентами достаточно глубоко, что связано с наличием большого объема информативного материала. Пониманию темы способствует и то, что языковые измене-

ния, имевшие место в эпоху Мэйдзи, а также образовательные реформы того времени стояли у истоков формирования современного японского языка, углубленно изучаемого студентами в университете.

Литература

1. Программа учебной дисциплины «Теория ОВЯ (японский язык)», разработчики Быкова С.А., Стругова Е.В., Бессонова Е.Ю., Румак Н.Г. – Кафедра японской филологии, ИСАА, МГУ, 2016.
2. 沖森卓也. 日本語史. – 東京: おうふう, 1998.
3. 近藤康広, 月本雅幸, 杉浦克己, 久保田篤, 鈴木英夫. 新訂/日本語の歴史. 東京: 放送大学教育振興会, 2005.
4. 山口 明穂, 坂梨 隆三, 鈴木 英夫, 月本雅幸. 日本語の歴史. 東京: 東京大学出版会, 2008.
5. 山口 仲美. 日本語の歴史. – 東京: 岩波新書, 2008.
6. 国語施策年表 / Языковая политика в датах. URL: http://www.bunka.go.jp/kokugo_nihongo/sisaku/joho/joho/sisaku/nenpyo/index/html (дата обращения: 30.11.2017)

**Исследования диалектов японского языка
в послемэйдзийский период**

Территориальные диалекты в Японии, как свидетельствуют сохранившиеся до наших дней литературные памятники, существуют с давних времён. Считается, что впервые термин 方言 *хōгэн* «диалект» в значении, близком к современной его трактовке, был употреблён в книгах храма Тодайдзи «Тодайдзи фудзю бункō»¹, датирующихся начальным периодом эпохи Хэйан. На протяжении веков существования Японии как государства диалекты претерпевали различные изменения, развиваясь и обретая новые характеристики или, напротив, отмирая. Тем не менее, несмотря на послевоенную борьбу с диалектами и попытки искоренить их, диалекты оказались жизнеспособны, а отношение к ним с течением времени изменилось от пренебрежительного к уважению их статуса в качестве региональных языков, способных обогатить «общий язык». Упоминания о существовании территориальных разновидностей японского языка можно обнаружить в памятниках ранних эпох формирования и развития Японии как государства. Так, хорошо известно, что факты, подтверждающие существование диалектов, обнаруживаются в знаменитых «Фудоки» (713 г.), а 14-я книга антологии «Манъёсю» «Аздума-ута» («Песни восточных провинций») и 20-я книга той же антологии «Сакамори но ута» («Песни пограничников») служат доказательством функционирования в столь далёкую эпоху диалектов восточной ветви. По песням этих двух книг можно судить о фонетических особенностях восточных диалектов эпохи составления антологии, а ряд грамматических особенностей, зафиксированных в них, продолжает характеризовать и современные восточные диалекты японского языка. Отдельные работы и произведения, отражающие существование на Японских островах диалектов, публиковались в период

¹ Судзуки Кадзухико, Хаяси Ооки, Иида Харуки, Накаяма Рокурō. Гайсэцу нихонгогаку. Токио: Мэйдзи сёин, 1995. С. 232-233.

Эдо. Среди них обращает на себя внимание «Нихон дай-дзитэн» (1608 г., «Большой словарь японского языка») монаха-иезуита Жоао Родригеса, в котором указывалось, к какому диалекту относятся слова соответствующей словарной статьи.

Однако глубокое, научно обоснованное описание и исследование диалектов в стране началось лишь во второй половине XIX века, после революции Мэйдзи. Революция Мэйдзи открыла Японии путь к созданию современного государства. Объединение народа во имя этой важнейшей цели было жизненно необходимо для правительства страны и народа Японии. В обществе возникло понимание того, что объединение страны станет возможным только на основе создания и повсеместного использования единого стандартного языка «хэйдзюнго». В то же время создание и распространение этого стандартного языка было невозможно без изучения особенностей многочисленных территориальных диалектов и ситуации с их функционированием в различных регионах страны. Первые детальные описания диалектов появляются в послемэйдзийский период как исследования, направленные на решение именно этой задачи. Можно утверждать, что революция Мэйдзи, поставившая задачу создания единого языка, дала мощный толчок развитию науки о языке в Японии. Несомненно, обследования и описания диалектов, проводимые в этот исторический период, сыграли весьма значительную роль в формировании диалектологии как отдельной области языкознания в Японии. В то же время в среде японских диалектологов бытует мнение, что все эти исследования, столь значимые для развития лингвистики, отчасти негативно отразились на постепенно формировавшемся в японском обществе отношении к диалектам: все проведённые в эпоху Мэйдзи описания диалектов, несомненно, чрезвычайно значимые и нацеленные на выработку норм стандартного японского языка, успешно способствовали решению задачи создания «хэйдзюнго». В результате впоследствии во всех учебных заве-

дениях образование велось на стандартном языке, использование диалектов стало строго запрещаться². Подобная практика в конце концов привела к закреплению на многие десятилетия пренебрежительного отношению к диалектам и их носителям и недооценке статуса территориальных диалектов, что продолжалось вплоть до начала нашего века. Возможно, подобное суждение недостаточно обосновано, но тезис о продолжавшемся на протяжении более столетия негативном отношении к диалектам неоспорим.

Считается, что первые исследования диалектов японского языка были осуществлены вовсе не японскими исследователями, а известными европейскими учёными, Ч.Г. Далласом и Б.Х. Чемберленом. В 1875 г. Чарльз Г. Даллас издал описание диалекта Ёнэдзава, города, расположенного в префектуре Ямагата. В 1881 г. Б.Х. Чемберлен издаёт «Эссе о диалекте Айдзу», в котором знакомит с особенностями диалекта Айдзу, в наше время продолжающего функционировать в части района Тохоку. В 1895 г. выходит работа Б.Х. Чемберлена «Essay in Aid of a Grammar and Dictionary of the Luchuan language», в которой были представлены фонетические и грамматические характеристики языка островов Рюкю³. Автор утверждает, что язык Рюкю и японский язык являются родственными, отмечает отсутствие на архипелаге гласных звуков [e] и [o], анализирует несколько типов спряжения глаголов на островах Рюкю и приходит к выводу, что по крайней мере один из этих типов спряжения сохраняет формы спряжения, существовавшие в древнеяпонском языке. Следует отметить, что работы Далласа и Чемберлена были опубликованы в «Вестнике Японо-Азиатской ассоциации» (Нихон Адзиа кёкай кайхō). Вслед за этими работами появляются первые труды по японской диалектологии, созданные Миякэ Ёнэкичи, Осима Масатакэ, Хосина Коити,

² Кибэ Нобуко, Такэда Кōко, Танака Юкари, Хидака Мидзухо, Мицуи Харуми. Хōгэнгаку нōмон. Токио: Сансэйдō, 2014. С.121.

³ Коносима Масатоси. Кокугогаку-си гайсэцу. Токио: Ōфуса, 1981. С.103.

Симмура Идзуру и др. При этом даже при современном описании истории японской диалектологии, где в фокусе внимания оказываются наиболее значимые работы, не всегда обращается внимание на то, что в уже в первые десятилетия эпохи Мэйдзи создавались объединения лингвистов, исследовавших те или иные диалекты. Одним из таких объединений явилась «Группа обследования диалектов» (1885 г., Хōгэн торисирабэ накама), созданная Миякэ Ёнэкичи. Несколько позже, в 1889 г. Курода Такума возглавил «Управление обследования языка» (Гэнго торисирабэсё). Обе группы исследователей в качестве основной задачи поставили сбор данных о диалектах, во множестве распространившихся по стране в феодальный период, с целью формирования правильного представления о функционировании территориальных разновидностей японского языка и выбора необходимых форм для создания единого японского языка. Эти цели были заявлены в меморандумах о создании групп, но сами работы, изданные обеими группами исследователей, к сожалению, не сохранились

Первые подробные описания и исследования диалектов в Японии, осуществлённые японскими лингвистами, обязаны своим появлением деятельности Комиссии по обследованию японского языка (Кокуго тэса иинкай), созданной в 1902 г. и просуществовавшей до 2013 г. Возглавлял Комиссию известный учёный эпохи Мэйдзи Уэда Кадзутоси. При учреждении Комиссии были определены четыре основных направления её деятельности: 1) исследования в области фонетики; 2) задача достижения единства [разговорного] языка и письма (*гэмбун итти*); 3) изучение фонетической системы японского языка; 4) исследования территориальных диалектов *хо:гэн*. Интересно, что Комиссия сформулировала задачу направления 4, следующим образом: «определить «хёдзюнго», обследуя диалекты»⁴. При этом любопытно, что

⁴ Кибэ Нобуко, Такэда Кōко, Танака Юкари, Хидака Мидзухо, Мицуи Харуми. Хōгэнгаку нōмон. С.120.

в оригинале текста употреблен глагол *сэнтэй-суру*, что скорее означает «выбрать», нежели «определить». Исследования, а правильное сказать, обследования диалектов проводились в соответствии с поставленными задачами. Среди трудов по исследованию диалектов особое место занимают «Доклад об обследовании фонетики» (Онкё тёса хёкокусё, 1905 г.), подготовленный на основе проведённого *Кокуго тёса шинкай* в 1903 г. обследования, а также создание «Карт распространения фонетических явлений» (Онкё бумпудзу). В «Докладе об обследовании фонетики», состоящем из 29 разделов, представлены данные по различным районам на основе опроса населения. Так, в разделе 20 приводятся данные о произношении жителями страны слогов *га, ги, гу, гэ, го* в середине слов *магару* «гнутья; поворачиваться», *миги* «правый», *козу* «грести», *агэру* «поднимать», *каго* «корзина» и др., в частности наличие или отсутствие назализации звука *г*. Выяснилось, что назализация этого звука отсутствует в районе Тюоку, на острове Кюсю, мало распространена в префектурах Ниигата, Сайтама, Гумма, Тиба, но характерна для района Кинки (западная часть острова Хонсю) и почти всей восточной части. В разделе 33 анализируется образование отрицательных форм глагола *суру* «делать». Исследователями было установлено, что в центральной части острова Хонсю, в префектурах Тояма, Гифу, Айти и к западу от них употребляются формы *сэн* и *сэн*, в восточной части того же острова, в префектурах Яманаси и Сидзуока сосуществуют формы *ну/н* и *най*, а к востоку от них во всех районах фиксируются только формы *син* и *синэ*. В прочих разделах Доклада приводятся данные, характеризующие многие другие грамматические различия между диалектами Западной и Восточной Японии: образование отрицательной формы глаголов с помощью *накатта*, форм будущего времени по типу *укэё* (от глаголов типа *укэру* «получать»), употребление связки *да*, образование соединительной формы прилагательных по типу *хироку* (*хирой* «широкий») на востоке, образование отрицательной формы глаголов с помощью *нанда*, форм

будущего времени по типу *укэ̄*, образование соединительной формы прилагательных по типу *хирō*, т.е. с ассимиляцией, употребление связки *дзя* на западе. В результате обследования удалось получить условную границу между восточными и западными диалектами: районы, расположенные к востоку от линии, соединявшей Эттō - Хида – Мино - Микава, были признаны областями функционирования восточных диалектов, к западу от этой линии – областями функционирования западных диалектов. Особое внимание было уделено диалектам о-ва Кюсю, сохранявшим формы старояпонского языка. В «Картах распространения фонетических явлений» приводятся карты, наглядно демонстрирующие распространение различных фонетических особенностей в регионах Японии. Так, указываются районы произношения слога КА, КИ и др. как в современном стандартном языке и районы, где они произносятся в варианте КВА, КВИ и т.д., сравниваются фонетические особенности диалектов Аомори и Ямагата и т.д. В 1906 г. Комиссия представляет «Доклад об исследовании форм разговорного языка» (Кōгохō тэса хōкокусэ) и «Карты распространения форм разговорного языка» (Кōгохō бумпудзу), что также имеет большое значение не только для исследования форм разговорного языка как такового, но и с точки зрения анализа распространения диалектальных форм.

Значимость этих трудов определяется не только тем, что они являются первыми подробными и профессионально выполненными описаниями диалектов японского языка. Несомненно, что именно эти работы послужили мощным толчком к развитию диалектологии как науки в Японии и позволили выйти на новый уровень исследований. В период с начала эпохи Тайсё (1912 г.) до первых лет эпохи Сёва (1925 г. и далее) ведётся активная деятельность по изучению фольклора и диалектов в различных районах страны. В 1931 г. выходит первый номер журнала «Хōгэн» («Диалект»), который продолжал выпускаться вплоть до 1938 г. У истоков создания журнала, все выпуски которого были посвящены

различным проблемам японской диалектологии, стояли выдающиеся лингвисты Янагита Кунио, Тодзё Мисао, Хасимото Синкити. Результаты, полученные ранее благодаря деятельности «Кокуго тёса иинкай», и работы, публиковавшиеся в журнале «Хōгэн», сыграли значительную роль в становлении японской диалектологии как науки. Очевидно, что без этой предварительной стадии исследований невозможно было бы разрабатывать, например, первые классификации диалектов японского языка. В 1927 г. выходит знаменитый труд Тодзё Мисао «Кокуго но хōгэн кукаку» («Классификация диалектов японского языка»), в котором была представлена первая подробная классификация диалектов японского языка. При создании этой классификации автор во многом опирался на исследования, проведенные при подготовке «Доклада об обследовании фонетики». Впоследствии Тодзё Мисао неоднократно корректировал классификацию, вносил в неё изменения и уточнения. Однако разработанная им *хōгэн кукакурон* «теория классификации диалектов» не утратила своей значимости и в наши дни, став основой для многих последующих классификаций, сохраняющих основные принципы концепции этого выдающегося языковеда. Представляется, что без фундамента, заложенного лингвистами послемэйдзийского периода, сложно было бы создать и оригинальную «теорию концентрической диалектальной сферы» Янагита Кунио.

Список литературы

1. **Алпатов В.М.** Япония: язык и общество. М.: Муравей. 2003.
2. **Кибэ Нобуко, Такэда Кōко, Танака Юкари, Хидака Мидзухо, Мицуи Харуми.** Хōгэнгаку нōмон. Токио: Сансэйдō, 2014.
3. **Коносима Масатоси.** Кокугогаку-си гайсэцу. Токио: Офуса, 1981.
4. **Судзуки Кадзухико, Хаяси Ооки, Иида Харуки, Накаяма Рокуро.** Гайсэцу нихонгогаку. Токио: Мэйдзи сёин, 1995.

Языковая политика Японии с периода Мэйдзи до наших дней

В языковой политике Японии, начиная с периода Мэйдзи и до наших дней, можно условно выделить три периода. В течение первого периода, начавшегося сразу после реставрации Мэйдзи и продлившегося до 20-30-х годов XX века, решалась наиболее острая в новых исторических условиях задача – обеспечение общества единым литературным языком. Переход ко второму периоду начинается с создания специальных государственных органов, ответственных за языковую политику, перед которыми ставится ряд задач по дальнейшему реформированию и нормированию языка, то есть с 20-х - 30-х годов XX века и затем в послевоенный период, а третий, начавшийся примерно в 90-е годы и продолжающийся до сих пор, характеризуется сменой векторов и приоритетных направлений в языковой политике – переходом к изучению проблем, связанных с глобализацией и стремительными переменами в образе жизни людей во всем мире. Остановимся на некоторых страницах истории языковой политики Японии подробнее.

Считается, что одна из первых попыток сознательного нормирования японского языка относится еще к XII веку, когда крупный ученый-филолог Фудзивара Тэйка установил первые орфографические нормы, именуемые “*тэйка-кана-дзукаи*”. Однако их совершенствование и уточнение, а также формирование грамматических и лексических норм вплоть до второй половины XIX века проводились только в отношении литературного письменного языка *бунго*, которому в устной речи были противопоставлены множественные диалекты.

После реставрации Мэйдзи (1868) на фоне изменившейся политической ситуации стала очевидна необходимость полномасштабной реформы языка, а также создания нового литературного языка на разговорной основе, так как классический *бунго*, очень сильно разошедшийся с множественными разговорными вариантами языка, уже не мог пол-

ностью удовлетворять нуждам зарождавшегося капиталистического общества.

Еще за год до реставрации Мэйдзи, а именно в 1866 году, будущий создатель японской государственной почты Маэдзима Хисока подает на имя сёгуна петицию с предложением совсем отказаться от иероглифов и пользоваться при письме только азбукой. Свое предложение он аргументирует тем, что на фоне начинающихся в государстве перемен необходимое для прогресса массовое обучение грамоте простолюдинов в этом случае станет для государства гораздо более простой задачей. Примерно тогда же писатель и философ Фукудзава Юкити и другие начинают в обществе активную дискуссию о необходимости сокращения числа используемых иероглифов (в своей работе «Обучение письму», опубликованной в 1973 году, Фукудзава Юкити предлагает сократить их число до 2-3 тысяч). Помимо голосов в поддержку полного отказа от иероглифики в пользу слоговой азбуки (в 1883 году возникает общество «*Кана-но кай*») находится также немало ратующих за полный отказ от своей письменности и переход на латиницу (в 1885 году одно за другим появляются общества «*Ромадзи кай*», «*Ромадзи хиромэ кай*», «*Нихон ромадзи кай*» и другие).

В течение первых десятилетий периода Мэйдзи обсуждение разных вариантов реформ не прекращается, в них наряду со сторонниками реформ так же активно участвуют и сторонники невмешательства в жизнь языка, которые, протестуя против любых реформ, настаивают на том, что все изменения должны происходить естественным путем. В рамках обсуждений письменности рассматриваются также варианты орфографической реформы, разные способы записи японских слов латиницей и многие другие актуальные для того времени темы. Как пишет в своей книге «История японской языковой политики в послевоенный период» Тосио Номура, 10-е -20-е годы периода Мэйдзи (1870-е – 90-е гг.) с бесконечными дискуссиями и обсуждениями разных реформ и преобразований создали в обществе

ту прочную основу, без которой быстрый прогресс в распространении литературного языка в последующие годы был бы невозможен¹.

В рамках дискуссий о необходимости общего литературного языка на разговорной основе возникает движение за единство письменного и устного языков «*гэмбун итти*». В результате, новый литературный язык (или, как его еще называют, стандартный язык “*хэйдзюнго*”) складывается на основе столичного эдоского (или токийского) диалекта, являвшегося наддиалектным образованием, на котором происходило общение носителей разных диалектов в г. Эдо (Токио). Новый литературный язык в конце XIX - первой половине XX в. сосуществовал с бунго, постепенно отвоевывая у него один функциональный стиль за другим².

Распространение нового литературного языка в первой половине XX века происходило через школы, преподавание в которых велось на этом языке. Министерство просвещения издавало на нем учебные пособия и методическую литературу, а также нормативные грамматики и справочники. Такая государственная политика в области языка привела к тому, что почти все население Японии в той или иной степени овладело литературным языком, чему также немало способствовал переход на литературный язык газет в течение периода Тайсё, а также начало радиовещания в 1925 году. Тем не менее, в устной речи почти повсеместно по-прежнему господствовали диалекты (довоенные нормы были почти исключительно письменными, в школах обучали, как правильно писать, но не обучали, как правильно говорить), а в официально-деловой сфере до окончания второй мировой войны параллельно продолжал существовать и старописьменный язык бунго.

Организованная в 35-м году Мэйдзи (1902) при министерстве просвещения Японии Комиссия по исследованию

---

¹ Т. Номура, 2006, 15.

² В.М. Алпатов, 1996, 229.

родного языка (*Кокуго тѣса шинкай*) стала первым прообразом государственных органов языковой политики Японии. В ее задачи входило в числе прочего, например, рассмотрение возможности и всех плюсов и минусов перехода от слогового письма к фонетическому. Исследуя эту тему и многие другие, Комиссия просуществовала до 1913 года. В 1921 году ей на смену пришла Временная комиссия по исследованию родного языка (*Риндзи кокуго тѣса кай*), которая в течение нескольких лет до 3-го года Сѐва (1928) разработала целый ряд предложений по реформе орфографии, по упорядочению иероглифики, по реформе стилей вежливости и многим другим вопросам. Весной 1923 года Временная комиссия разработала проект иероглифического минимума, которым официально согласились руководствоваться при написании своих текстов двадцать ведущих печатных изданий того времени, включая Токио Дзидзи, Асахи, Йомиури и др., о чем они и сообщили в специальной декларации, опубликованной в августе того же года. И только Великое землетрясение Канто 1 сентября 1923 года помешало осуществлению этих планов. Следующая версия иероглифического минимума из 1858 иероглифов была подготовлена Временной комиссией и опубликована в 1931 году, но из-за событий в Манчжурии в том же году введение минимума в действие снова было отложено³.

Кардинальные реформы в области языковой политики стали проводиться в Японии сразу после окончания Второй мировой войны. В 1946 году бунго окончательно вытесняется из употребления в качестве языка официальных и деловых бумаг, свидетельством чему служит принятие в мае 1947 году новой конституции, полностью написанной на литературном языке, приближенном к разговорной норме. Комиссия по обсуждению проблем родного языка (*Кокуго сингикай*), созданная при Министерстве просвещения еще в 1934 году как орган государственной языковой политики, в послевоен-

---

³ Т. Номура, 2006, 16-18.

ный период осуществила множество мероприятий, направленных на решение ряда проблем японского языка.

Вначале перед Комиссией стояли четыре основных задачи: осуществление контроля за языком, проведение исследований в области иероглифики, установление правил написания слов азбукой кана и реформирование функциональных стилей японского языка. Комиссия подготовила свои предложения по всем проблемам, но из-за войны осуществить их не удалось. После окончания войны перед вновь созданной Комиссией были поставлены задачи реформирования родного языка в целом и совершенствования системы обучения родному языку, а также создание правил использования латиницы и другие. Таким образом, Комиссия в основном занималась обсуждением и рассмотрением вопросов, связанных с письменным аспектом японского языка. А именно: ею было осуществлено введение первого иероглифического минимума в 1850 знаков (*Тōē кандзи хэ*) 1946 г.), новых правил орфографии для текстов, записанных азбукой кана (1946 г.); ограничение количества чтений иероглифов, вошедших в минимум (1948 г.); утверждение новых форм написания иероглифов этого минимума (1949 г.); установление правил орфографии для латиницы (1954 г.); установление правил написания окончаний слов азбукой кана при записи их смешанным иероглифическим и азбучным письмом (1959 г.); внесение поправок в эти правила (1972 г.) и в правила чтения иероглифов, вошедших в минимум (1972 г.). Помимо этого, Комиссия издавала регулирующие постановления, непосредственно связанные с перечисленными выше мероприятиями. Это "Основы составления официальных документов" (1952 г.), "Способ записи заимствованных слов гайрайго" (1954 г.), "Правила нового словоупотребления в текстах законов" (1954 г.), "Правила замены слов-омофонов" (1956 г.), "О правилах правописания" (1956 г.), "Руководство о порядке написания черт в иероглифах" (1958 г.) и другие. Даже из простого перечисления вопросов, которые обсуждались Комиссией,

становится очевидной практическая направленность ее деятельности: каждое из ее постановлений устанавливает или уточняет конкретные нормы для конкретных случаев⁴.

Вплоть до 90-х годов XX века Комиссия по обсуждению проблем родного языка продолжала работу связанную с нормированием литературного языка, результатом чего стало создание обновленного иероглифического минимума (*Дзёё кандзи хё*) (1981 г.), внесение исправлений в "Правила написания окончаний слов азбукой кана при записи их смешанным иероглифическим и азбучным письмом" (1972 г.) и в "Правила написания слов азбукой кана" (1986 г.), "Правила написания заимствованных слов гайрайго" (1991 г.) и т.п.

Если говорить о послевоенном периоде языковой политики в целом (в этой работе мы рассматриваем лишь часть комплексных мер в рамках языковой политики, в осуществлении которых участвовали и другие государственные учреждения, например, Государственный институт родного языка – *Кокуруцу кокуго кэнкюдзё*), то становится очевидно, что деятельность органов языковой политики была направлена на активное упорядочение и совершенствование норм языка по ряду конкретных направлений. Решения, принимаемые органами языковой политики, в большинстве случаев становились обязательными к исполнению всеми государственными учреждениями, связанными с образовательной системой, средствами массовой коммуникации и т.п., а порой даже распространялись и на сферу частной жизни (последнее вызывало в обществе довольно активное неприятие, поэтому примерно с 60-х годов многие из решений Комиссии по обсуждению проблем родного языка стали подаваться как рекомендации, а не обязательные к исполнению указы или распоряжения).

Когда дискуссии по вопросам письменности были в целом завершены, то есть примерно с начала 90-х годов,

---

⁴ С.В. Неверов, 1977, 235-236.

Комиссия по обсуждению проблем родного языка и другие органы языковой политики начинают уделять большее внимание состоянию разговорного языка. В частности, предметом подробнейшего обсуждения становится проблема «беспорядка» и «отклонений» в языке: появление и высокая частотность употребления грамматически неверных конструкций (например, широко известная дискуссия о так называемых «словах без -ра» - *ра-нуки котоба*), неоправданно большое количество заимствований, неправильное использование форм вежливости и т.п. Кроме того, актуальными вопросами для органов языковой политики становятся изменения, возникающие в языке под влиянием распространения компьютеров, мобильных телефонов и прочей оргтехники, а именно влияние компьютеров на степень владения родным языком, проблема унификации шрифтов и т.п.

В настоящее время, в эпоху глобализации, органы языковой политики Японии рассматривают вопросы, связанные с отношением к японскому языку в мире, разрабатывают более современные программы по обучению японскому языку иностранцев, способствующие его большему распространению в мире. Кроме того, проводятся разнообразные комплексные исследования родного языка, объединенные общим стремлением к тому, чтобы современный японский язык, не теряя своих особенностей, соответствовал вызовам современности и развивался вместе с эпохой.

Мы рассмотрели некоторые моменты разных периодов языковой политики Японии и можем сделать вывод, что на каждом этапе стремления общественных деятелей (в ранние периоды) и формы и методы работы органов языковой политики по созданию, сохранению и совершенствованию норм родного языка были подчинены решению конкретных практических задач. Их основной задачей всегда являлось (и продолжает оставаться и на современном этапе) максимальное удовлетворение потребностей общества в языке, способном соответствовать любым коммуникативным целям.

Литература

1. **Алпатов В.М.** Норма языка в современной Японии. Сб. Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М., 1996.
2. **Алпатов В.М.** Япония: язык и общество. М., 1988.
3. **Неверов С.В.** Язык массовой коммуникации – “общий язык” современной Японии. Сб. Языковая политика в афроазиатских странах. М., 1977.
4. **野村敏夫** 「国語政策の戦後史」、大修館書店、2006 (Номура Т. История японской языковой политики в послевоенный период. Токио 2006)

**Интеграция супraseгментной фонетики
в преподавании грамматического блока
на примере разработки онлайн-курса «Японский язык.
Базовый уровень»**

Тенденции к все большему использованию современных ИКТ в образовании в последние годы, а также очередной этап оживления российско-японских политических и экономических связей диктуют новые требования и к методикам преподавания японского языка. О необходимости качественных и количественных изменений в процессе преподавания японского языка в ВУЗах, а также обеспечения доступности образования для все более широкого круга обучающихся говорят как сами преподаватели, так и потенциальные работодатели в государственной и коммерческой сфере.

Одним из решений, которое можно предложить для того, чтобы ответить на эти новые вызовы, является создание онлайн-курса японского языка, целевой аудиторией которого станут не только студенты специальных кафедр, но и широкий круг обучающихся, независимо от рода деятельности и специальности. Целью такого курса станет обучение базовым навыкам коммуникации на японском языке для всех, кто по работе или по своим личным интересам имеет потребность общаться с японцами.

Кроме того, подобный курс может своеобразным полигоном для апробации новых методик преподавания и стать шагом на пути к актуальным изменениям существующих академических программ и практик. Это также позволило бы ввести в широкий оборот традиционную транскрипцию и повысить уровень грамотного освоения японского языка – задачи, которые практически не решаются популярными на сегодняшний день ресурсами по изучению японского языка.

Данная статья посвящена вопросу разработки методики совмещения фонетического и грамматического аспектов

в преподавании японского языка. Именно устная часть представляет особую трудность при преподавании онлайн, поскольку отсутствует непосредственный контакт преподавателя и обучающегося и, соответственно, нет возможности исправлять ошибки в произношении в режиме реального времени. С одной стороны, основной целью курса является, как уже указывалось, освоение устной коммуникации, а с другой стороны, именно этот аспект труднее всего контролировать онлайн, он остается полностью на совести и сознательности обучающегося. Следовательно, мы должны разработать такой механизм подачи информации, при которой фонетический аспект не существовал бы сам по себе, отдельно от других аспектов, как до сих пор было во всех учебниках и пособиях по японскому языку, а был связан с грамматическим и лексическим блоком. То есть все упражнения, задания для самопроверки и тесты необходимо строить с учетом этих требований.

Таким образом, мы поставили перед собой следующие задачи:

- Не ограничиваться вводным курсом и изучением сегментной фонетикой;
- Систематизировать процесс обучения правильной акцентуации, интегрировав его в процесс изучения грамматических конструкций;
- Сформировать понятийный аппарат учащегося, научить его применять правила акцентуации таким же образом, как он пользуется грамматическими правилами, то есть вводить новые грамматические конструкции совместно с соответствующим акцентуационным/интонационным типом;
- Начинать систематически работать над фразовой интонацией уже с первых уроков;
- Ввести понятие «шага» как ритмической единицы, состоящей из двух мор, в качестве основы для тренировки пра-

вильного произношения слогов с долгими согласными, геминантами и носовым согласным, а также овладения ритмической структурой речи на японском языке.

Все вышеперечисленное необходимо для закрепления и автоматизации практических навыков, главная цель онлайн-курса с точки зрения фонетики — научить не просто подражать носителям, а говорить правильно самим.

Порядок ввода в оборот грамматических конструкций разрабатывается с учетом рекомендаций японских специалистов [4; 40-56], а также с учетом постепенного процесса освоения японской фонетики.

0. Вводный урок. Общая характеристика фонетической системы японского языка (звуки, слоги, понятие музыкального ударения, терминология).
1. Простые нераспространенные предложения (подлежащее, сказуемое, основной падеж, глагол-связка). Интонация утвердительных и отрицательных конструкций с именным сказуемым и глаголом-связкой. Интонация вопросительных предложений с именными сказуемыми.
2. Классификация прилагательных в японском языке, именительный падеж.
3. Акцентуационный тип предикативных прилагательных в позиции определения и в позиции сказуемого в форме настоящего-будущего времени.
4. Форма прошедшего времени прилагательного, творительный падеж.
5. Акцентуационные типы глаголов: глаголы 1-го типа. Акцентуация синтагм (существительное + падежный послелог) с послелогами винительного, творительного, дательного и совместного падежа.
6. Акцентуация форм прошедшего времени глагола-связки. Акцентуация форм побудительного залога.

7. Предположительная форма глагола-связки, творительный падеж как локатив, неопределенные отрицательные и вопросительные местоимения.
8. Акцентуационные типы глаголов: глаголы 2-го типа.
9. Деепричастные формы глагола, причинно-следственные придаточные предложения, глагольная конструкция со значением способа совершения действия
10. Особенности синтаксиса предложения, превосходная степень сравнения.
11. Сложноподчиненное предложение с временным придаточным, субстантивация, совместный падеж Длительный вид японского глагола, отыменные послелого, показатель винительного падежа для обозначения проходимого пространства с глаголами движения.
12. Прямая и косвенная речь, однородные формы глагольного сказуемого, отглагольные послелого.

В Вводном уроке, помимо общей характеристики звуков японского языка, вводятся понятия музыкального ударения, синтагмы с точки зрения агглютинации (на примере существительного + падежный послелог), явления *downstep* (нисходящей интонации) в японском языке. Для понимания ритмической структуры японской речи объясняется понятие моры и «шага», даются упражнения как на имитацию, так и для самостоятельного чтения. Об эффективности имитации, как метода освоения фонетики японского языка писала Н.Г.Румак [2]. В качестве материала упражнений используются и простые фразы, и бессмысленный набор слогов для тренировки правильного произношения слогов с долгими согласными, геминантами и носовым согласным. Например, ритм ТАН-ТАН-ТА-ТАН-ТАН vs. ОХА-Ё:ГО-ДЗАИ-МАСУ [5, 20].

В первом уроке даются упражнения на интонирование простых нераспространенных утвердительных, отрицательных и вопросительных предложений с именным сказуемым.

На этом этапе логично познакомить обучающихся с системой акцентуации существительных в японском языке, ввести деление на две группы существительных по признаку наличия или отсутствия акцентного ядра (т. е. повышения тона): Ⅲ (яма-гата) и Ⅱ (ока-гата). Кроме того, в группе существительных «яма-гата» вводится разделение на тип «атамадака» (повышение на первой мере и падение тона на второй, и все остальные. Необходимо акцентировать внимание на том, что присоединение падежных послелогов, то есть формирование синтагмы, приводит к изменению акцентного контура слова: нисходящая конфигурация появляется во обеих группах существительных, за исключением показателя родительного (атрибутивного) падежа. Разница между типами акцентуации существительных наглядно демонстрируется на примере присоединения показателя именительного падежа к одноморным, двухморным и трехморным существительным, одинаковым акцентным контуром в словарной форме:

ХИ-га (огонь) vs. хи-ГА (день), ХА-га (зуб) vs. ха-ГА (лист),
КИ-га (дерево) vs. ки-ГА (дух);

хаСИ-ГА (край) vs. хаСИ-га (мост), каКИ-ГА (хурма) vs.
каКИ-га (ограда);

саКУРА-ГА (сакура) vs. оТОКО-га; ваТАСИ-ГА (я) vs.
муСУМЭ-га (дочь)

Упражнения можно вводить на этапе начала изучения падежных показателей, закрепление осуществлять упражнениями на глагольное управление и глагольные конструкции в последующих уроках. Новую лексику также логично запоминать вместе с типом акцентуации как глагол с видом спряжения, поэтому упражнения включают в себя противопоставления обеих групп существительных, чтобы обучающиеся научились распознавать разницу между ними как при произнесении, так и на слух.

Уроки со второго по четвертый посвящены прилагательным. Во втором и третьем уроках вводятся предикативные прилагательные в словарной форме и формы их изменения: наречная, условная и форма прошедшего времени. Поскольку 90% предикативных прилагательных относятся к акцентному типу «яма-гата» (с акцентным ядром) на 2 слоге от конца словарной формы), на начальном этапе мы будем ориентироваться на отработку акцентуации именно этого типа. Пример приведен ниже:

Словарная форма	а-КА-и	а-БУНА-и	а-О-и	у-РУСА-и
Наречная форма	а-КА-ку	а-БУНА-ку	а-О-ку	у-РУСА-ку
Форма прошедшего времени	а-КА-катта	а-БУНА-катта	а-О-катта	у-РУСА-катта
Условная форма	а-КА-кэрэба	а-БУНА-кэрэба	а-О-кэрэба	у-РУСА-кэрэба

Уроки со второго по четвертый посвящены глаголам. На этом этапе вводятся понятия грамматических категорий глаголов, а также дается общее описание классификации глаголов по акцентному типу и системы акцентуации глаголов по категориальным формам. В таблице цифрами обозначен порядковый номер слога от конца словоформы, на котором происходит падение тона.

ЯПОНИЯ: 150 лет революции Мэйдзи

	Тип 丘	Тип 山	
Словарная форма	0	02	
-най	0	03	
-найдэ	03	04	
-накэрэба	04	05	
-масу	02	02	
-ба	02	03	
потенциал	0	02	
-тай	02	02	
-тай+то омоу	0	02	
пассив	0	02	
каузатив	0	02	
каузатив+пассив	0	02	
дееприч. форма	0	03, 02	(для двухморных глаголов 2 спряж.)
прошедшее время	0	03, 02	(для двухморных глаголов 2 спряж.)
-тара	02	04, 03	(для двухморных глаголов 2 спряж.)
-тэмо	02	04, 03	(для двухморных глаголов 2 спряж.)

Группа глаголов с акцентным типом 丘: йу (говорить), кау (купить), асобу (играть), ику (идти), кикю (слушать), суру (делать), одору (танцевать), варау (смеяться)

Группа глаголов с акцентным типом Ш: ному (пить), куру (приходить), миру (смотреть), ёму (читать), табэру (есть), ау (встречать)

Исключения: (тип акцента (-3) – повышение тона на 3-ей от конца море): каэсу (возвращать), каэру (уходить), кангаэру (думать), тоору (проходить), мо:су (говорить), маиру (приходить).

Для продолжения освоения ритма и закрепления навыка произнесения и распознавания на слух долгих (геминированных) согласных, а также для автоматизации навыка образования форм прошедшего времени и дееспричастной формы глаголов 1 и 2 спряжения с разными типами основ эффективно использовать упражнения на 4 вида ритмического рисунка. Например:

ТАН-ТА vs. ТАН-ТАН СИТЭРУ – СИТТЭРУ УТЭРУ – УТТЭРУ КИТЭРУ - КИИТЭРУ

ТАН vs. ТАН-ТА КИТА-КИТТА СИТА-СИТТА ИТА – ИТТА ТОРУ - ТООРУ

ТАН-ТАН vs. ТАН-ТАН-ТА МОТТЭТЭ-МОТТЭТТЭ

ТАН vs. ТА-ТАН ИКУ – ИКŌ НОМУ – НОМŌ

Предложенный подход к формированию содержания и структуры курса кажется вполне эффективным, но временно является, на наш взгляд, новым для преподавания японского языка в российских учебных заведениях, поэтому требует дальнейшей доработки. Кроме того, необходимо пересмотреть порядок изучения грамматических конструкций с учетом связи их с фонетическими правилами.

Список литературы

1. **Ибрахим И.С.** Внедрение современных ПО в процесс преподавания японского языка// Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания, вып.13 (материалы научно-методической конференции «Методика преподавания японского языка в вузе»), М., 2015, стр. 43-49

2. **Румак Н.Г.** Имитация как метод обучения фонетике японского языка// Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания, вып. 12 (материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе»), М., 2015, стр. 131-135
3. **Рыбин В.В.** О новых учебно-методических пособиях для студентов-японистов, используемых на Восточном факультете СПбГУ // Японский язык в ВУЗе: актуальные проблемы преподавания, вып.12 (материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе»), М., 2015, стр. 136-139
4. **Игути А., Игути Ю.** Нихонго бумпо сэйри докухон. Кайсэцутто энсё, серия Нихонго кёси торёнингу манюару (Хрестоматия грамматики японского языка в серии Практическое руководство для преподавателей японского языка), под ред. Нагара С.
5. **Накагава Т., Накамура Н.** Сёкю бункэй-дэ дэкиру. Нихонго хацуон акутибити (Упражнения на произношение в японском языке на основе грамматических конструкций для начального этапа обучения), ASK PUBLISHING, Токуо, 2010.
6. **Накагава Т.** и др. Цутавару хацуон-га ми-ни цуку. Нихонго ханасиката торёнингу. Тё/Дзёкю рэбэру (Осваиваем правильное произношение. Речевой тренинг на японском языке. Продвинутый и высокий уровень), ASK PUBLISHING, Токуо, 2015.
7. **Сайто Ё.** Нихонго онсэйгаку нёмон. (Введение в фонетику японского языка), Токио: Сансэйдо, 2005

**Женская речь в японском языке
– реальность или миф, созданный в эпоху Мэйдзи?**

Влияние фактора пола на язык стало объектом систематических исследований с 60-х гг. XX в. с развитием социолингвистики. В.Лабов в работе «Общественная стратификация английского языка в Нью-Йорке» изучал влияние общественного положения, национальности, пола, возраста и ситуации на распределение фонетических вариантов окончания «-ing»¹. Это исследование дало научное признание предположению, что пол является одним из факторов, влияющих на речь. С 70-х гг. во всем мире возникает новая волна интереса к женской речи, связанная с феминистическим движением. В ряде языков, начиная с английского, лингвисты начинают обнаруживать и выделять определенные стереотипные «женские» формы, в первую очередь в областях фонетики, морфологии и лексикологии. Основопологающей работой в этом направлении стало исследование Р. Лакофф «Язык и положение женщины» 1975 г.² Автора критиковали за то, что она основывала анализ на собственной интуиции, искала причины возникновения женской речи исключительно в социальных факторах, мужскую речь принимала за норму, и тем самым женскую речь рассматривала как маркированную подсистему. Несмотря на все минусы данная работа оказала большое влияние на множество последующих работ, в том числе и в японской социолингвистике. В 1979 появляются два исследования, посвященных мужской и женской речи, выполненные японскими авторами. Работы С. Идэ «Женская речь, мужская речь» и А. Дзюогаку «Японский язык и женщины» положили начало системным исследованиям женской речи в японском

---

¹ Labov W., The Social Stratification of English in New York City, Center for Applied Linguistics, 1966.

² Lakoff R., Language and Woman's Place, Harper and Row, 1975.

языке³. Последовал взрывной рост количества литературы, посвященной этой проблематике, начиная от отдельных публикаций до лингвистических сборников. Понятие женской речи как особой подсистемы японского языка прочно вошло во все учебники и грамматики. Постоянно печатаются словари женской речи, содержащие до 5000 словарных единиц. Не только в научной литературе, но и на страницах печатных СМИ, в радио- и телепередачах обсуждаются вопросы изменения женской речи в современной Японии. Одни ученые данное явление приветствуют как знак движения к равноправию полов в обществе (например, Дж.Сибамото, М.Накамура), другие воспринимают как порчу языка, и считают, что таким образом японский язык становится более бедным, теряет часть своей неповторимости и красоты (А. Танака, С. Масимо). И все-таки, у этих двух лагерей существует точка соприкосновения. И те, и другие, считают женскую речь неотъемлемой и особенной частью японского языка, исторически существующую на протяжении многих столетий. Женская речь в сознании носителя японского языка это и пережиток феодальных времен, и в то же время сокровище, сохранившееся и дошедшее до наших времен из глубины веков. И только в конце XX в. возник вопрос: существует ли единая подсистема женской речи в рамках японского языка, насколько она целостна и общеупотребительна, и когда же эта подсистема возникла в том виде, в каком мы ее знаем сейчас?

На первый взгляд ответ простой. Еще Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья» писала: «Случается, что люди называют одно и то же разными именами. Слова не схожи, а смысл один. Речь буддийского монаха. Речь мужчины. Речь женщины»⁴. Но Сэй Сёнагон была придворной дамой. Речь, которую она слышала, и которую сама использовала, была речью

³ Идэ С., Онна-но котоба, отоко-но котоба, Нихонкэйдзайцусинся, 1979; Дзюгаку А., Нихонго то онна, Иванамишинсё, 1979.

⁴ Сэй Сёнагон. Записки у изголовья». Пер. В. Марковой. М.: Художественная литература, 1988. С. 29.

высших сословий. Судить о языке ранних периодов истории Японии мы можем только на основании письменных памятников, сохранившихся до наших дней. Поскольку основными носителями культуры долгие столетия были аристократы, то и язык их произведений отражает язык этого немногочисленного сословия. Речь простых людей начинает находить частичное отражение в литературе только с эпохи Муромати (1336-1573 гг.). В источниках XV в. уже упоминается *нёбō котоба* «дамские слова», «язык дам». Изначально это была речь-код придворных дам и аристократок, позже перенятая представительницами военного сословия. Она представляла собой определенный набор слов для обозначения самих себя, одежды, прически, еды, различных предметов обихода. В вышеупомянутых словарях женской речи большая часть слов принадлежит к *нёбō котоба*, и являются устаревшими и давно вышедшими из употребления. С наступлением эпохи Эдо, ситуация несколько меняется. Число женщин, использующих «дамские слова», увеличивается. Возникает понятие *дзётю котоба* «женские слова». На государственном уровне начинается активное насаждение этой подсистемы речи среди женщин. Были опубликованы справочники, в которых объяснялось не только, как женщина должна себя вести, но и какие слова должна использовать, а какие – избегать. Женская речь, возникшая спонтанно в определенной малочисленной группе носителей языка, превращается в желательный и даже обязательный атрибут женщин. Тем не менее подобная языковая политика применялась исключительно к представительницам аристократического и военного сословий. Небольшой процент женщин, которые получали образование в *тэракоя* «прихрамовых школах», не испытывали подобного давления. Их учили *ёми, каки, соробан* «чтению, письму, счету» без предъявления требований к особой изысканности и красоте языка. 85% женщин были неграмотными, занимались тяжким крестьянским трудом наряду с мужчинами, и различия в речи были преимущественно диалектальными. Помимо *дзётю котоба* существо-

вали еще *госё котоба* «речь знатных домов» и *юдзё котоба* «речь женщин для развлечений». В обоих случаях речь идет о социолектах, замкнутых в рамках немногочисленных групп. В первом случае, это женщины, прислуживающие в домах аристократии и самураев, и перенявшие некоторые особенности речи, которую там слышали, как формы языка более престижной. Во втором случае, это жительницы трех увеселительных кварталов городов Эдо, Киото и Осака, которые выработали особы жаргон для общения с клиентами и внутри своей группы. Впоследствии отдельные элементы всех этих подсистем речи войдут в современную женскую речь. Таким образом, можно сделать вывод, что вплоть до эпохи Мэйдзи не существовало единой общеупотребительной подсистемы женской речи в японском языке.

Середина XIX в. ставит перед Японией новые вызовы. Накопившиеся внутренние противоречия, и экономический и политический кризис особо остро выступают на первый план в тот момент, когда страна после добровольной 250-и летней самоизоляции сталкивается с внешним миром. Чтобы выстоять в соревновании с технически и административно более развитыми странами Европы и США, Япония вступает на путь модернизации во всех сферах жизни. Множество проблем вставало перед императором и новым правительством. Остро стояли вопросы образования населения, необходимости создания единого национального литературного языка и достижение единства устного и письменного языков, установления нового идеологического фундамента развития страны, необходимости открытия страны для иностранцев и контакта с европейскими государствами. В 1868 г. административная и политическая власть в стране централизуются. Чтобы сохранить свой суверенитет страна должна объединиться в единое национальное государство. На самом деле, впервые в истории Японии страна становится реально географически, административно и законно объеди-

ненной со сложившимся национальным суверенитетом⁵. Лозунгами, выражающими главные идеи того времени, были *Фукоку кёхэй* «Богатая страна, сильная армия», *Сёкусан кёгё* «Поддержка и рост новой промышленности», *Хайхан тикэн* «Упразднение феодальных доменов, и учреждение префектур». Для проведения подобных ширококомасштабных реформ требовались новые кадры – квалифицированные рабочие и инженеры, новая администрация. Поддержку на домашнем фронте им должны были обеспечить их супруги, идеальный облик которых был сформулирован в лозунге *Рёсай, кэмбо* «Хорошая жена, мудрая мать». Можно сделать вывод, что в начале был создан образ среднего класса, который должен осуществить реформы, а потом уже государство приступило к воплощению данного образа в жизнь.

Два десятилетия с 1888 до 1910 особо важны в становлении государства-нации. Они ознаменовались развитием тяжелой и текстильной промышленности, СМИ и транспортной системы, законодательных органов (принята конституция и гражданский кодекс), представительной демократией (учрежден парламент). Развитие печатного капитализма (в форме массово распространяемых газет и журналов), создание общего национального языка, и введение обязательного образования привело к тому, что люди стали осознавать себя не просто как административные и политические объекты, а гражданами государства-нации. Люди стали идентифицировать себя японцами, гражданами единой цельной страны. Отдельный человек стал связан напрямую с государством через систему образования, перепись, налогообложение, и новые либерально-демократические законные права. В то же время все жители страны были дифференцированы по классовой принадлежности, культуре, степени обладания властью.

---

⁵ В предыдущую эпоху Эдо (1603-1868 гг.) страна, хотя номинально и объединенная, состояла из более или менее автономных феодальных областей, управляемых местными владетельными князьями даимё.

С самого начала можно проследить двувекторную направленность развития. С одной стороны, обществом и властью осознается необходимость модернизации и демократизации. Дух раннего периода Мэйдзи лучше всего проявился в призыве, который вдохновил интеллектуалов японского общества, – "цивилизация и просвещение". Для достижения этой цели надо было поднять общий уровень образования. Первая реформа системы образования началась в 1872 г. принятием Основного кодекса (закона) о образовании. В нем было записано, что «поскольку [в эпоху Эдо, прим.авт.] образование рассматривалось в качестве прерогативы самураев и высших сословий, крестьяне, ремесленники, купцы и женщины его не получали и даже не осознавали его значения. С настоящего времени каждый человек подчинит все свои силы и дела цели предоставления образования своим детям».⁶ Интересным представляется тот факт, что женщины выделяются как особый класс, наравне с ремесленниками, купцами. Следовательно, можно предположить, что женщин не рассматривали как полноправных граждан, которые могут реализовать себя в самых разных сферах жизни (при этом, женщины составляли более половины всего населения Японии), а как однородный класс, объединенный общим видом деятельности – домашним хозяйством. Распространение системы школ проходило под лозунгом "в деревне – ни одного неграмотного двора, в семье – ни одного неграмотного человека". Начальное образование стало обязательным и бессловным. По всей стране было открыто 20 000 начальных школ, в которых образование получали и девочки. В начале процент мальчиков, поступающих в школу, составлял 56%, а девочек менее 23%. Но уже к 1900 г. 80% всех детей соответствующего возраста ходили в школу, а к 1910 г. процентный показатель почти достиг отметки 100. Невиданное распространение

⁶ Мицуи Т., ред., Нихон фудзин мондай сирё сёсэй (Сборник материалов по вопросам прав японских женщин), вып. 4 Кёйку (Образование).Токио: Домэсу Сяппан, 1977. С. 201.

школьной сети, которой были охвачены даже самые отдалённые горные деревни, привело к общему росту грамотности населения.

С другой стороны, центральной точкой объединения народа в единую нацию становится император, как символ величия и силы страны в прошлом, до того, как власть «узурпировали» аристократы и самураи. Конфуцианские ценности прошлого продолжают насаждаться параллельно с современными западными идеями. Особенно заметными данные тенденции стали после японско-китайской войны. В Японии начинается «возврат к японским традициям», пропагандируемый возникшими националистическими силами. Это нашло отражение в Императорском рескрипте об образовании 1890 г. В нем подчеркивалась конфуцианская добродетель верноподданничества в качестве основы национальной политики (кокутай). Этот рескрипт в школах заучивали наизусть. Система образования и СМИ становятся инструментом распространения новой государственной идеологии. В основу новой системы образования были положены следующие положения: образование должно обеспечивать успешное продвижение человека по социальной лестнице; функция школ состоит в том, чтобы прививать патриотические чувства у каждого человека; все японцы должны обучиться практическим наукам, что, в конечном счете, принесёт пользу обществу и поможет построить современное государство. Если в начале эпохи Мэйдзи школы были смешанного типа, то уже к середине снова происходит разделение на мужские и женские школы. В женских преподаются предметы необходимые для «хороших жен, мудрых матерей», такие, как домоводство и домашний бюджет. В школах продвигаются традиционные конфуцианские ценности: скромность, вежливость, послушание. Женская речь, которая до этого времени представляла набор спонтанно возникших разрозненных социолектов, постепенно в рамках системы школьного образования превращается в единый сплав, единую искусственно сконструированную подсистему,

которая распространяется в широкие массы. Она перерождается в атрибут идеальной женщины, на этот раз не принадлежащей к одному закрытому классу, а являющейся гражданкой единой японской нации. Одновременно с распространением женской речи через систему начальных школ, в средних и высших учебных заведениях среди элиты зреет своеобразный «бунт». Если начальная школа была бесплатна, то обучение на средней и высшей ступени стоило достаточно дорого, поэтому количество учеников было невелико. Среди них девушек было всего несколько процентов, так как считалось, что им достаточно и начального образования. Они не могли сделать политическую, экономическую либо административную карьеру, а их сфера деятельности ограничивалась домом, если речь шла о среднем и высшем классах, либо работой на заводах и полях, если речь шла о простом люде. Студенты осознавали значимость своей роли, как будущей элиты, а студентки подчеркивали свою уникальность и обособленность, в том числе и посредством языка. Они нарушали правила той самой женской речи, которой их учили в школах и университетах. Они перенимают некоторые языковые явления, которые считались особенностью мужской речи, такие как заключительные модально-экспрессивные частицы *ва* и *ё*, неадресивные формы сказуемого в заключительной позиции. И это вызывает в обществе громкие протесты и возмущение, которое выливается на страницах прессы⁷. Тем не менее, если элита использует определенные формы языка, в обществе их воспринимают как престижные. И вот, уже из аристократического района Яманотэ подобные формы, постепенно проникают в речь простых жительниц Токио, а дальше распространяются по всей стране. Таким образом они становятся частью образа идеальной женской речи. Если женщина хочет показать свое хорошее воспитание и образование, она использует данные

---

⁷ Miyako I., *Vicarious Language: Gender and Linguistic Modernity in Japan*, University of California Press, 2006. С. 26.

формы. Происходит закрепление и дальнейшее тиражирование этих форм. Однажды задуманы идеальные образ обростают плотью и становятся частью общественной жизни.

В деле становления и распространения общенационального языка в целом, и подсистемы женской речи в частности, важную роль играли СМИ. С первых лет новой эпохи в Японии начинают выходить газеты и журналы западного образца. Японцы осознают важность нового средства массовой информации, и довольно скоро государство ограничивает свободу прессы. Оно ее использует в качестве средства для распространения нужной информации и для внедрения нужных идей в обществе. В 70-ые годы XIX в. выходят так называемые *косимбун* («маленькие газеты»), напечатанные крупным шрифтом простым языком с минимальным количеством иероглифов. Их целевая аудитория дети и женщины, которые только начинают знакомиться со сложной системой письма. С увеличением числа грамотных женщин начинают выходить женские журналы. Первым был *Нихон дзэгаку дзасси* («Японский женский образовательный журнал») в 1885г., а за ним последовали *Нихон синфудзин дзасси* («Новая японская домохозяйка»), *Токё фудзин кёфу дзасси* («Журнал для моральной реформы женщин Токио») и т.д.⁸ Если первый из них был посвящен вопросам женской эмансипации, то, как видно из самих названий последующих журналов, темами в основном были вопросы ведения домашнего хозяйства, создания уютного и экономного быта. Во главу угла ставились вопросы женского образования и морального воспитания, так как матери должны были воспитывать новых хороших и ценных граждан. Таким образом, журналы являлись одним из способов распространения информации на государственном уровне, в том числе и с целью унификации языка. В журналах

---

⁸ Patessio M., *Iratsume and Journals for Women in the Early Meiji Period*, Oxford University Research Center, electronic journal of contemporary Japanese studies, 2001.

также печатались короткие рассказы и стихи читательниц, их письма. Читательницы могли в них использовать новые языковые формы, еще не ставшие нормой, что приводило к диверсификации в языке, и проникновению новых, в том числе и диалектных, форм в женскую речь.

На протяжении последующих полутора столетий образ женской речи активно развивался и поддерживался в словарях, грамматиках, справочниках и учебниках. Но встает вопрос, насколько женская речь используется во всей своей целостности современными жительницами Японии? Некоторые особенности четко и однозначно ассоциируются с женской речью, например, использование местоимения первого лица *ватаси* в повседневной фамиллярной беседе, заключительная модально-экспрессивная частица *ва* произнесенная с восходящей интонацией, сочетание частиц *на но нэ* в конце фразы, высокий уровень вежливости высказывания, когда ситуация того не требует. Тем не менее, многие из особенностей, например, частое использование вежливых префиксов *о-* и *го-*, более редкое чем у мужчин использование канго (слов, состоящих из китайских корней) можно проследить только по статистике, так как в данном случае большие индивидуальные различия. Крайне важным фактором, влияющим на выбор той или иной формы, является возраст. Различия между речью представительниц старшего поколения (старше 60 лет) и учениц средней школы более заметны, чем различия между речью одноклассников. Во многих районах используют диалекты, в которых не проявляется четкое различие между мужской и женской речью. В некоторых диалектах вполне допустимо для женщин использовать местоимение первого лица *орэ*, которое в общеупотребительном языке воспринимается как грубо-фамиллярное мужское местоимение. Каноническая женская речь, как символ традиции и красоты прошлого, продолжает существовать в сознании японцев, но в реальной жизни речь намного более разнообразна, чем предполагают учебники.

**Отражение на письме фонетических изменений
в японском языке под влиянием заимствованных слов**

Наверное, можно с уверенностью утверждать, что в современном мире ни один язык не свободен от лексических заимствований постольку, поскольку не свободен он от контактов. Даже островное государство Япония с древних времён не могло не принимать посольства от более могущественных соседей – Китая и Кореи, не могло не торговать с другими странами (хотя был период, когда правители страны усиленно этому сопротивлялись) и, в конечном итоге, вынуждено было уступить угрозе грубой силы со стороны «чёрных кораблей» коммодора Перри. Подобные контакты всегда связаны с влиянием «иноземных элементов» во всех областях: в экономике, в культуре и, конечно же, в языке.

Наиболее проницаемым для иностранных заимствований считают лексический слой языка: новые единицы входят в язык вместе с новыми предметами и новыми понятиями. Национальная кухня обогащается новыми блюдами, национальный костюм – новыми элементами, национальная экономика – новыми орудиями труда, а язык обогащается новыми лексическими единицами.

Однако влияние на язык, как правило, не ограничивается лишь появлением новых слов. Заимствуя новые единицы, язык заимствует и их звуковой облик. А при достаточных расхождениях в фонетических системах языка-донора и языка-реципиента в язык проникают и новые звуки. Так, В.В.Рыбин пишет, цитируя М.А.Борщевскую и Е.В.Самсонову: «...эта лексика не может не оказывать "влияние на японскую фонологическую систему (хотя бы потому, что вследствие простой и стабильной структуры японского слога сочетаемость фонем в японском языке сильно ограничена по сравнению с английским)"»¹.

На такую особенность азбук «кана», как «отражение слогов устного языка», а также на то, что «малое количество

---

¹ Рыбин В. В. Фонетика японского языка. Санкт-Петербург, 2012. С. 69.

слов ограничивает количество слов, которые фонологически строятся из [этих] слогов», указывает и К. Тамаока². Очевидно, прежде всего влиянию заимствований будут подвергаться те самые «ограниченные сочетания фонем», на которые указывают М.Л. Борщевская и Е.В. Самсонова: сочетания согласных потребуют огласовки для получения привычного для слуха и артикуляции открытого слога; несуществующие сочетания (ФИ, ФЭ, ФО, ЦА, ЦЭ, ЦО и др.) будут либо менять облик исходного слова, пытаясь адаптировать его под существующие в фонетике ограничения, либо постепенно внедряться в язык, расширяя тем самым его фонетическую систему.

Легко объяснить, почему сами заимствуемые слова изменяют свой облик: при «грубом фонологическом анализе», который сопровождает восприятие незнакомых слов, восприятие может не быть «категориальным»³, т.е. носитель языка-реципиента может не воспринимать некоторые различия, релевантные в языке-доноре (самый простой пример – неразличение японцами звуков «р» и «л»). В результате это может привести к изменению звуковой формы заимствованного слова (иногда до неузнаваемости – ср. «пэйторухюругу» (Петербург) на гравюре 1860 г.).

Заимствования из иностранных языков, в свою очередь, также могут влиять на фонетическую систему языка-реципиента. «Даже беглый анализ лексических заимствований в японском языке показывает, что происходит определённое взаимодействие фонологических систем разных языков...»⁴. Так, Н.А. Сыромятников отмечает⁵, что, в том числе под влиянием китайского языка, уже в классическом японском языке появляются долгие гласные, дифтонги, палатализованные согласные и т.п. В эту же эпоху японский язык «принима-

² Tamaoka K. Psycholinguistic Nature of the Japanese Orthography. // Studies in Language and Literature. 11 (1). Matsuyama, Japan, 1991. P. 63, 64.

³ Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. Москва, 1983. С. 215.

⁴ Рыбин В. В. Фонетика японского языка. Санкт-Петербург, 2012. С. 70.

⁵ Сыромятников Н.А. Классический японский язык. М., 1983. С. 12.

ет» конечнослоговые согласные, используя и ассимилируя их⁶.

Однако при этом встаёт вопрос об отображении новых звуков на письме. Б. Фреллесвиг, например, указывает на несовпадение письменности и фонологической системы в классическом японском языке, утверждая, что в языке «не было явных готовых средств для записи новых фонем»⁷. На этот же факт указывает Н. А. Сыромятников, приводя примеры записи конечнослоговых согласных с помощью буквы МУ и даже точки⁸. Видимо, в процессе происходило взаимное влияние фонетики и письменности друг на друга, так что конечнослоговые звуки Б, Т и др. не закрепились в языке, для которого характерные были открытые слоги (хотя с другой стороны, для передачи конечнослогового сонорного Н возник новый письменный знак). При этом некоторые заимствованные слова получали «недостающий гласный» из предшествующего слога⁹, что приводило сначала к изменению орфографии, а потом, очевидно, и к изменению звучания заимствованного слова. Сыромятников также указывает на «фонетическую адаптацию» некоторых канго в «Тоса-никки», «добавление гласного, упрощение сочетаний одинаковых согласных», а также появление дифтонгов¹⁰.

Подобным же образом японский язык обогатился разными звуками и сочетаниями звуков, которые прежде в языке не существовали, при контактах с европейцами и их языками (голландским, португальским, английским и другими). Так, появились слоги ФИ, ФА, ЦА и другие (а следовательно – постепенно исчезло ограничение на использование звука Ф перед другими гласными, кроме У; звука Ц перед другими гласными, кроме У, и т.д.).

---

⁶ Там же, с. 19.

⁷ Frellesvig B. A History of the Japanese Language. New-York, 2010, p. 184.

⁸ Сыромятников Н.А. Классический японский язык. М., 1983. С. 24.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 46.

Эти новые звуки и сочетания звуков также необходимо было обозначать на письме. Можно предположить, что сначала произношение элементов, которые ощущались чужеродными и, возможно, в силу отсутствия привычки, даже не могли быть правильно восприняты, передавалось на письме имеющимися средствами. Так, Фреллесвиг приводит составленный в 1792 учёным-натуралистом К.П. Тунбергом небольшой список слов, заимствованных в XVI–XVII веках из португальского и голландского языков, где мы находим, например, ХОКУ (наряду с ФОКУ – из текста неясно, являются ли эти варианты сосуществующими в одну эпоху или возникшими в разное время) «вилка» (порт. fork), а также ХИГЭ «борода» (порт. fige)¹¹. Очевидно, в этот список «фонетических адаптаций» надо включить и сохранившееся до наших дней КОХИ «кофе» (coffee), а также более позднее заимствование из французского языка ХИРЭ «филе» (filet).

Сходное явление передачи не существующих в языке звуков или их сочетаний можно наблюдать в некоторых заимствованиях, когда, для передачи согласных Т и Д, очевидно, соблюдая выработанное по крайней мере в эпоху Хэйан правило передавать конечнослоговой согласный путём использования слога с самым узким кратким гласным У¹² (Е.В. Маевский также отмечает «универсальность» употребления У для обозначения «нуля гласного»¹³), употребляется слог ЦУ таковы единицы ЦУИСТО «танец твист» (twist), ЦУИН «двойной» (twin), ЦУА «тур» (tour), ЦУ «два» в сложных словах, например, ЦУПИСУ «костюм из двух элементов» или ЦУТОН «двуцветный» (от two), СУЦУ «костюм» (suit), ЦУНДОРА «тундра» и т.п.

С другой стороны, в японском языке встречаются и заимствования типа БЭДДО «постель» (bed), КАТТО «стриж-

¹¹ Frellesvig B. A History of the Japanese Language. New-York, 2010, p. 405.

¹² Сыромятников Н.А. Классический японский язык. М., 1983. С. 24.

¹³ Маевский Е. В., Рысина Н. Г. Гайрайго. Японская транскрипция иностранных слов. М., 2000, с. 12 (см. тж. Маевский Е. В. Заметки о японской транскрипции иностранных слов // Новое в японской филологии. Москва, 1984).

ка» (**cut**), где для передачи «нуля гласного» употребляется гласный О¹⁴. Можно предположить, что количественные изменения в процессе заимствования привели к изменениям качественным: иностранные слова перестали быть столь экзотическими, стали лучше восприниматься на слух, в результате чего предпринимались попытки точнее передавать фонетический облик заимствованных слов – «гайрайго».

Известно, что для передачи звука губно-зубного звука В (**v**) обычно используются знаки ряда БА, например: БИНИРУ «винил» (**vinyl**), БИБУРАТО «вибрато» (**vibrato**), БИНЕГÃ «уксус» (**vinegar**), БОРУСЕБИКИ «большевики» и др. Однако Е.В. Маевский отмечает употребление и знака У для передачи, например, русского губно-зубного В перед звонкими согласными: УРАДЗИОСУТОККУ «Владивосток», УНУКОБО «Внуково»¹⁵, а также сочетания буквы У со значком озвончения *нигори* и соответствующего гласного¹⁶, например, ヱーツエプスク «Витебск», ヱイリニユス «Вильнюс» и др. При этом последний способ ещё в 90-е годы XX века был отнесён Е.В. Маевским к «экзотическим»¹⁷, хотя уже в 1952 г. А.Н. Соколов отмечает в своей диссертации употребление слогов ЦУа, ФУи, ЦУэ и др. «для обозначения отдельных согласных» - очевидно, в сочетании с соответствующими гласными¹⁸. А В. В. Рыбин говорит о появившихся в эпоху Мэйдзи «модификациях в японской графике, вызванные появлением непривычных для японского сочетаний звуков речи»¹⁹.

¹⁴ Маевский Е. В., Рыбина Н. Г. Гайрайго. Японская транскрипция иностранных слов. М., 2000. С. 15.

¹⁵ Там же, с. 28.

¹⁶ Там же, с. 30.

¹⁷ Там же, с. 33-34.

¹⁸ Соколов А. Н. Система письма в Японии, её история и современное состояние. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1952. С. 150.

¹⁹ Рыбин В.В. Иностранные слова в японском языке. Фонетические особенности иноязычных заимствований // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Санкт-Петербург, 2009. С. 102.

Таким образом, мы можем предположить, что изменения на письме должны отражать процесс освоения японским языком иноязычных звуков. На первом этапе новые звуки «ассимилируются», максимально «подстраиваясь» под существующую в языке фонетическую систему; не последнюю роль в этом играет письменность, которая в принципе медленнее поддается изменениям.

Затем – возможно, в силу того, что вырабатывается «привычка» к восприятию новых звуков – произношение стремится приблизиться к оригинальному; это приводит и к попыткам передачи новых звуков на письме. Если некоторые звуки не поддаются фиксации на письме принципиально (например, звук *Λ*, который существует в японском языке как аллофон *Р*, но не имеет отдельного знака в японской фонетической азбуке для передачи его на письме), то другие звуки или их сочетания могут с большей или меньшей точностью быть отображены в письменной форме с помощью существующих в языке средств. Такими средствами становятся, например, упомянутые выше привычное с эпохи Хэйан употребление слогов с *У* для передачи «нуля гласного», употребление значков меньшего размера для передачи не существующих в языке сочетаний согласных и гласных звуков (подобно уже устоявшемуся в языке способу записи для слогов с мягкими согласными) и так далее.

С другой стороны, появление новых видов записи, вероятно, должно в конечном итоге привести и к изменениям в фонетическом строе языка. Впрочем, Е.В. Маевский отмечает, что «появление новых написаний еще не означает появления новых звучаний; совершенно не исключено, что по крайней мере некоторым орфографическим противопоставлениям, возникшим в сфере гайрайго, не соответствуют никакие фонологические противопоставления. Во всяком случае, насколько мы можем судить по наблюдениям над текстами японского телерадиовещания и живой речью образованных японцев, не все «экзотические» слоги в одинаковой степени освоены современной японской произноситель-

ной нормой»²⁰. Он также отмечает, что «в зависимости от того, насколько часто такие слоги заменяются в устной (а также и в письменной) речи другими, более привычными слогами, их можно разбить по меньшей мере на три группы: полностью освоенные, не вполне освоенные, неосвоенные слоги» (там же). Однако, по нашему мнению, само существование таких градаций позволяет предположить, что процесс «освоения» чужеродных слогов динамичен и вполне может привести к расширению фонетической системы – если это происходило в эпоху Хэйан под влиянием обширных заимствований из китайского языка, вполне может произойти и сейчас, в эпоху глобализации, под влиянием многочисленных заимствований из разных языков (в первую очередь, европейских). В.В. Рыбин также признаёт, что «гайрайго оказали влияние на расширение сочетаемости фонем, а иногда на появление новых»²¹.

Для того, чтобы сделать уверенные выводы об изменениях, происходящих в фонетической системе, необходимы регулярные опросы информантов, в которых оценивалась бы как способность носителей японского языка передавать на письме с помощью исконной графики (азбуки катакана) звучание иноязычных слов, так и способность произнести непривычные сочетания звуков, записанные японской фонетической азбукой. Однако данная статья не претендует на полноценное исследование в области изменений фонетической системы языка, а призвана лишь указать на несомненную значимость изменений в процессе фиксации «новых» звуков и сочетаний звуков на письме, а также на потенциальную возможность оценки «усвояемости» иностранных звуков и их влияния на фонетическую систему языка в соответствии с теми изменениями, которые происходили при записи этих звуков с помощью письменных знаков языка.

---

²⁰ Маевский Е. В., Рыбина Н. Г. Гайрайго. Японская транскрипция иностранных слов. М., 2000. С. 34.

²¹ Рыбин В. В. Фонетика японского языка. Санкт-Петербург, 2012. С. 69.

Эволюция когнитивной модели перевода русских художественных произведений на японский язык (на материале параллельных текстов 1892–2017 гг.)

Реформы эпохи Мэйдзи стали поворотным пунктом в новой истории Японии во всех сферах общественной жизни – в результате вестернизации происходит изменение системы политической власти, смена социально-экономического уклада, преодоление технического отставания страны, а также зарождение просветительской мысли и перестройка традиционной культурной и интеллектуальной составляющих японского общества, обусловленные массовым проникновением в страну иноязычных текстов. По мнению известного исследователя японской литературы Р. Ким, такие крупные сдвиги в японской общественной жизни, поставили японскую литературу перед необходимостью радикального обновления творческого метода, художественных форм и традиций. Этой потребностью в первую очередь и объясняется широкое обращение писателей к опыту европейских литератур [3: с. 9].

Итак, знакомство с русской художественной традицией шло через переводы русской литературы сначала с европейских, а потом и с русского на японский язык – в начале эпохи Мэйдзи английские и французские переводы играли роль посредника в ознакомлении японского читателя с русской литературой (первый перевод произведения И.С. Тургенева «Порог» был сделан в 1883 году с французского языка, а роман «Преступление и наказание» был переведен в 1892 году с английского языка). Однако статистика показывает, что уже в первые годы XX века русская литература обходит европейские по количеству переводов, а также по степени влияния на японскую общественную мысль. Данный литературный процесс конца XIX–начала XX вв. привлекает внимание многих японских исследователей (Сугиура М., Янагида И., Мицумото К., Сэnuma С., Исахая Ю., Като Ю., Нумано М., Хаидзима В. и др.), которые в своих трудах анализируют влияние переведенных русских

художественных текстов на развитие японской литературной мысли, а также стратегии освоения и переосмысления японскими переводческими кругами принципов построения текста, отличных от принятых в японском переводческом сообществе классических канонов.

Исследователь Ю.Като указывает, что основной задачей переводной литературы эпохи Мэйдзи было последовательное, аккуратное введение в японский художественный дискурс иноязычных текстов в соответствии с канонами родного языка, что часто нарушалось принципиальным образом текст оригинала [2: с.144]. Иными словами, если обратиться к известным двум переводческим стратегиям **domestication** 'доместикации' (культурная адаптация, перевод текста оригинала в доминирующем соответствии с ценностями своей культуры) и **foreignization** 'форенизации' (культурное отчуждение, строгое следование ценностным ориентирам оригинального текста), то в первых переводах европейской литературы на японский язык именно доместикация принимала угрожающие масштабы: изменялись не только названия произведений и имена собственные персонажей, но и сама структура текста трансформировалась согласно ожиданиям японского читателя. Так, название трагедии «Ромео и Джульетта» превращаются в «Кагэцу Дзёва» («Любовный роман цветка и луны»); внешность персонажей описывается согласно канонам восточных любовных романов, а именно: подчеркивается «румяное лицо» (?) Джульетты и «удалая храбрость» (?) Ромео; характеристика «Святая!» главной героини стихотворения И.С.Тургенева «Порог» дополняется неожиданным «Святая! Преданная своей Родине!»; перевод романа «Капитанская дочка» предваряется отсутствующим в оригинальном тексте А.С. Пушкина поэтическим описанием природы Сибири, куда переводчик отправляет семью главного героя Джона Смита, и можно лишь догадываться, что в данном случае речь идет о Петре Гриневе (подробнее о таких трансформациях в работах Ю. Като, Р. Ким, Т. Кимура, Т. Кунисита).

Понятно стремление переводчиков максимально упростить и «одомашнить» для японских читателей инородные для их культуры понятия, но та же Ю. Като указывает на постепенно осознаваемую необходимость поэтапного введения в японские переводы культурно чуждых элементов, хотя бы «маленькими, не вызывающими отторжения, дозами» [2: с. 149].

В результате такого переосмысления знакомство японцев в начале эпохи Мэйдзи с творчеством И.С. Тургенева обогатило японскую художественную традицию новыми приемами, которые привнесли в литературный процесс переводчики. Считается, что первым произведением русской литературы, с которым познакомилось японское общество, было стихотворение «Порог» И.С. Тургенева, выполненное анонимным автором с французского перевода. Далее, благодаря просветительской и литературной деятельности Футабатэй Симэй, японцы знакомятся с рассказом «Свидание», описание природы в котором производит революцию в японской художественной мысли. Помимо того, что природа здесь тесно увязывается с состоянием человеческой души и символизирует ее изменения, само описание времени года или природного явления дает возможность судить о нем как о живом существе, которое «вздыхает», «играет», «лепечет», «улыбается» и т.д.:

Пример 1. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня.

それは春先する、おもしろそうな、笑うようなさざめきでもなく、夏のゆるやかなそよぎでもなく、永たらしい話し声でもなく、また末の秋のおどおどした、うそさぶそうなお饒舌りでもなかったが、ただようやく聞取れるか聞取れぬほどのしめやかな私語の声であった。

Такие обозначения речевых действий, как *шушуканье*, *говор*, *лепетанье*, *болтовня* оживляют, персонифицируют природные явления и демонстрируют процесс вступления природы в диалог с человеком. И в передаче на японский

язык данных единиц мы видим стремление японского переводчика (Футабатэй Симэй), насколько это возможно, найти в языке перевода подобные единицы и схожие оттенки: смеющийся трепет = *варау ё:на садзамэки*, смеющийся шепот; шушуканье = *соёги*, шелест; говор = *ханасигоэ*, говор; лепетанье = *о-сябэри*, болтовня. При этом такие слова в японском языке, в силу изначального неполного их соответствия богатому арсеналу единиц, репрезентирующих процесс речи в русском языке, сопровождаются значительным количеством описательных средств, дающих необходимые оттенки значения, но не всегда когнитивно (на уровне представлений о мире) совпадающие с русскими аналогами: так, *дремотная болтовня* в японском варианте – это `тихий, печальный, мягкий, заунывный шепот`, что не полностью совпадает с когнитивным аналогом носителя русского языка: в японском данная единица имеет оттенок грусти и уныния. Тем не менее, своим переводом Футабатэй Симэй задает новый когнитивный вектор японской литературной традиции, придавая природным явлениям статус собеседника в общении с человеком.

К середине XX века с массовым распространением в Японии переводной русской литературы особенности русского художественного стиля, ранее столь привлекавшие, но при этом сильно настораживающие японцев (например, изображение жестоких картин жизни, мотивов морального величия, постановка проблемы вины и возмездия, описание нравственных исканий и физических расправ, и т.д.) и заставляющие их выбрасывать из переводов или переписывать более мягко слишком шокирующие места, уже постепенно входят в обиход переводных текстов, и дотошное следование тексту оригинала становится не таким уж редким явлением. При этом сложность текста, тяжеловесные языковые структуры, чуждое японскому языку эмоциональное и оценочное разнообразие языковых единиц обязывает переводчика выстраивать текст в таком же порядке, что зачастую придавало тексту некоторую «нечитаемость», а если «читаемость», то со словарем. Переводные тексты того

времени пестрят редко встречающимися в повседневной жизни иероглифами, часто сопровождающимися фуриганой, длинными предложениями, сложной лексикой. Рассмотрим предложение из перевода 1940 г. произведения А.П. Чехова «Дама с собачкой» (в пер. Д. Киёси):

Пример 2. Совершенная праздность, эти поцелуи среди белого дня, с оглядкой и страхом, как бы кто не увидел, жара, запах моря и постоянное мелькание перед глазами праздных, нарядных, сытых людей точно переродили его;

Пример 2а. まったくの有閑三昧、誰かに見つかりはしまいかと四辺を見まわしながらびくびくものである、昼日中の接吻、炎暑、海の匂い、絶えず眼さきにちらちらしている遊惰でおしゃれな腹いっぱい満ち足りた連中、そうしたものののおかげで彼はまるでがらり別人になった観があった。

Видно, что в данном примере в избытке присутствует сложная лексика (например, 有閑三昧 *юкан санмай* 'утопающий в праздности'), в структуре предложения причудливо сочетается подчинительная и сочинительная связь. По мнению информантов-носителей языка, данное предложение в японском варианте сегодня читается с большим усилием, и, при наличии выбора, современное поколение предпочтет облегченный вариант перевода. Тем не менее, для оценки эволюции переводческой мысли в Японии данный вариант перевода важен с точки зрения демонстрации упоминавшейся нами выше переводческой стратегии **foreignization**, или 'форенизация', когда текст перевода максимально следует тексту оригинала, сохраняя в нем все элементы, пусть даже чуждые своей лингвокультуре, что часто встречается в переводных текстах середины XX века.

При этом интересно, что здесь при сохранности основных элементов высказывания во всей их сложности субъектно-объектная связь при передаче основ предложения подверглась грамматической трансформации: субъект(ы) в оригинальном предложении, «переродившие» главного персонажа, в японском варианте смещаются на второстепенную позицию дополнения, выполняя лишь вспомога-

тельную, инструментальную роль, а главным действующим лицом в японском предложении становится «переродившийся» человек. Это можно объяснить негласно существующим в японском языке правилом когнитивного уровня, которое не рекомендует использовать неодушевленный субъект при акциональном предикате, особенно в случае одушевленного объекта, на которое оказывается влияние. Такой запрет сложился в японском языке в том числе из-за сложной иерархической структуры японского сообщества, в котором жестко регламентировано место человека, а неодушевленные субъекты за редким исключением в нем не представлены никак, поэтому они не могут выступать полноценными субъектами. Так что можно сказать, что трансформация здесь не только грамматическая, но и когнитивная: иные структуры представления информации в мозгу репрезентируются в языке соответствующим образом.

Возвращаясь к иным вариантам перевода предложения из произведения «Дама с собачкой», проследим на этих и других примерах дальнейшие пути развития японской переводческой мысли. В течение последних несколько лет все более четко вырисовывается обратная тенденция – стремление к упрощению переводных текстов. Рассмотрим второй пример перевода того же текста, выполненный в 2009 году Мацусита Ю.:

Пример 26. まったくの無為、誰かに見られはしまいかとあたりを覗いびくびくしながらするこの白屋の口づけ、うたるような暑さ、潮の匂い、絶えず見先にちらつく無為の、着飾った、満ち足りた連中などのために、彼はすっかり人が変わったようになった。

И третий пример перевода этого же предложения в исполнении Нумано М. (2014 год):

Пример 2в. だらだらしきった生活、誰かに見られないかとびくびくしながらする白屋のキス、海の匂い、絶え間なく目の前にちらつく、着飾って満足しきった暇人たちの姿。それらのせいで、彼はまるで生まれ変わったみたいだった。

Сопоставим некоторые моменты вариантов перевода в виде таблицы:

	Дзиндзай Киёси 1940	Мацусита Ютака 2009	Нумано Мицуюэси 2014
праздность	有閑三昧	無為	だらだらしきった生活
поцелуй	接吻	口づけ	キス
жара	炎暑	暑さ	–
мелькание	満ち足りた連中	満ち足りた連中	暇人たちの姿
кол-во предложений	1	1	2

В сопоставлении четко прослеживается постепенная тенденция к упрощению и «осовремениванию» переводного текста – как с точки зрения лексической наполненности, так и в отношении грамматической структуры.

(Но при этом – возвращаясь к нашему комментарию о когнитивных свойствах неодушевленного субъекта – удивительно, что все переводчики обнаруживают единство когнитивной структуры при выборе переводческих приемов: даже при хронологической разнице, а также различиях в выборе переводческой стратегии видно, что когнитивная структура данного высказывания, которую мы описывали выше, обеспечивающая субъектно-объектную замену, характерна для всех трех вариантов перевода, что иллюстрирует нам единство понимания японскими переводчиками одного из принципов категоризации окружающего мира японским языковым сознанием («центр – одушевленный субъект, человек; периферия – неодушевленный субъект»).

Как можно объяснить данную тенденцию к упрощению переводных текстов? Прежде всего, меняется сам язык, что не может отразиться в переводных текстах. Это явление подробно освещает в своей аналитической статье, посвященной проблеме осмысления чеховского наследия в Японии, Т.М. Гуревич, говоря о необходимости новых переводов именно в связи с общей модернизацией

языка, но при этом подчеркивая, что «перед японскими переводчиками стоит очень непростая задача: как передать по-японски реплику той или иной героини, не исказив её образ, другими словами, как, избежав её излишней «модернизации», не представить её как несколько устаревшую или жеманную особу», т.е., указывает на важность сбалансированного перевода [1: с. 75].

Такая смена стиля перевода в современном японском обществе декларируется как переход под лозунг «Переводить живым языком», а отправной точкой данного течения, получившего свое вещественное воплощение в книжной серии «Классика в новых переводах» издательства «Кобунся», стал так называемый «новый перевод» произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», сделанный Камэяма Икуо в 2009 году. При всей неоднозначности оценки качества данного перевода он стал сенсацией, в том числе, и в силу того самого фактора «упрощения», перехода на «живой язык», и, следовательно, востребованности среди японских читателей. Среди коллег-переводчиков работа Камэяма И. получила неоднозначную оценку, отчасти, именно из-за того же стремления к максимальному упрощению оригинального текста.

Например, в передаче на японский язык такого понятия, как 'эмансипация', в предыдущих переводах (Ёнэкава Масао, 1957 г.; Хара Такуя, 1971 г.; Эгава Таку, 1979 г.) не наблюдалось разногласий в данном вопросе, и все переводчики были единодушны в выборе японского аналога 女性解放 *дзёсэй кайхоу* 'освобождение женщины', исходя из представлений того времени о сущности такого общественного явления. «Новый перевод» И. Камэяма постулирует иной подход к интерпретации данного понятия, предлагая читателю незамысловатый вариант 自由な生活 *дзюу-на сэйкацу* 'свободная жизнь', не обременяя японского читателя размышлениями над тем, от чего именно были освобождены женщины. Подобные же расхождения наблюдаются и в

трактовке других понятий, особенно эмоционального свойства: 'злость', 'сентиментальность', Отдельного внимания заслуживает опосредованная дискуссия переводчиков по поводу оттенков понятия 'обида' в тексте романа: в контексте обсуждения характера Алеши Карамазова сталкиваются понятия 'обидеть', 'рассердить', 'оскорбить' – например, отец Алешу «не может обидеть, не может рассердить, но может оскорбить».

Недавно вышел «новый перевод» Камэяма И. романа Ф.М. Достоевского «Идиот», выполненного в том же стиле. Уже по первому предложению видна разница в подходе к переводу с прежним вариантом, выполненным Кимура Хироси в 1970 году.

Пример 3. В конце ноября, в оттепель, часов в девять утра, поезд Петербургско-Варшавской железной дороги на всех парах подходил к Петербургу.

	Кимура Хироси 1970 г.	Камэяма Икуо 2015 г.
1) В конце ноября,	十一月も末、	十一月の終わり、

Здесь мы видим книжное 末 *суэ*, передающее значение 'конец', в первом варианте перевода и повседневное 終わり *овари* во втором варианте, что опять подчеркивает стремление Камэяма И. максимально упростить текст для японского читателя.

2) в оттепель,	珍しく寒のゆるんだ雪どけ日和	寒気も和らぐ
----------------	----------------	--------

В варианте 1970 г. передача понятия «оттепель» и по форме, и содержательно более полная: дословный перевод в раннем варианте звучит как 'оттепельная погода, на удивление смягчившая морозы', в то время, как новый вариант ограничивается незамысловатым выражением 'смягчившиеся холода'.

3) часов в девять утра,	朝九時ごろ	朝の九時ごろ
-------------------------	-------	--------

Единственный почти полностью совпадающий фрагмент перевода; падежный показатель *но* визуально облегчает восприятие данной конструкции.

4) поезд Петербургско-Варшавской железной дороги	ペテルブルグ・ワルシャワ鉄道の一列車が	ペテルブルグ・ワルシャワ間を走る鉄道列車が
--	---------------------	-----------------------

В «новом переводе» имя собственное, название Петербургско-Варшавской железной дороги превращается в конкретное описание: поезд 'курсирует между' Петербургом и Варшавой, 'идет из' Петербурга в Варшаву и обратно; данный оборот отсутствует в оригинальном тексте, и его включение также является дополнительным разъяснением для читателя; при этом сам вариант построения переводного предложения в таком случае грамматически трансформируется с нарушением норм текста оригинала.

5) на всех парах	全速力で	フルスピードで
------------------	------	---------

В переводе 2015 г. понятие 'нестись на всех парах' передано с помощью заимствованного аналога из английского языка **full speed** – *фуру стиидо*; причем такие англицизмы встречаются в «новом переводе» заметно чаще: если выражение 'белокурый молодой человек' в обоих вариантах передано как *ブロンドの青年* *бурондо-но сэйэнэн*, то для перевода выражения 'игра в карты' ранее используется общепринятое слово *トランプ* *тораμπу* против более универсального *カード* *каадо*; название 'Спасо-Преображенский собор' в первом варианте передано (с фонетической подсказкой) как *変容救世主寺院* *хэньёукюусэйсю* Спасо-Преображение, а в позднем варианте просто записано с помощью азбуки катакана *スパス・プレオブラジェニヤ寺院*; сложное иероглифическое сочетание 'человек во фраке' у Кимура Х. передано *燕尾服* как *энбифуку*, обозначающее 'одежду с хвостом ласточки' с включением редкого иероглифа 'ласточка', а у Камэяма И. употреблено простое заимствование *フロックコート* *фурукку коото* от англ. **flock coat**,

рассчитанное на менее искущенного в иероглифике читателя.

Итак, даже в рамках одного предложения видно, что «новый перевод» явно ставит своей целью даже при сохранении всех единиц смысла оригинала упростить читателю задачу понимания текста, адаптировать текст, «подстроить» его под современную культуру языка перевода.

В рамках данной книжной серии «Классика в новых переводах» не так давно вышел и новый перевод романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина», выполненный Митидзуки Тэцую, который был удостоен высшей награды на конкурсе переводов, проводимом Международным центром переводчиков русской литературы в 2010 году, и получил высокую оценку. Приведем здесь один из примеров, который был особенно отмечен японскими критиками как наиболее удачный вариант перевода, соответствующий современным требованиям к переводным текстам:

Пример 4. Жена узнала, что муж был в связи с бывшею в их доме французенкою-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме.

Пример 4а. 妻は、夫が前にうちにいた家庭教師のフランス女と関係があったことに気づいて、もはやこれ以上、一つ家に同居は出来ない、と夫に向かって言い切った。(H. Тору, 1989)

Пример 4б. 夫が以前家庭教師に雇っていたフランス女と関係を持っていたことに気づいた妻が、もう一つ屋根の下には暮らせないと、面と向かって宣言したのだ。(M. Тэцую, 2008)

Здесь в примере 4б к преимуществам была отнесена «естественная для японского уха подчинительная связь», которая «не наносит стресса читателю» [4: с. 17] – еще одно подтверждение описанной выше тенденции к «сглаживанию» потенциальных сложностей для читателя.

Итак, результаты представленного анализа языкового материала переводных текстов показывают нам, что выбор когнитивной модели перевода тесно связан с обществен-

ными и культурными тенденциями в обществе в разные временные периоды. Это, в свою очередь, доказывает актуальность подобных междисциплинарных исследований, предметом которых является взаимодействие языка и социума, особенно, выполненных в диахроническом аспекте и демонстрирующих нам поэтапное развитие японской литературной мысли за прошедшие 150 лет.

Литература

1. **Гуревич Т.М.** Чехов в Японии: от образа к слову. Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2010, №3. С. 68-77.
2. **Като Ю.** Роль переводчика и переводов в формировании и развитии «новой» японской литературы. Особенности первых переводов западной литературы на японский язык // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, 2015. С. 144-149.
3. **Рехо Ким.** Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.
4. **Кимура Т. Митидзуки Тэцуо** «Анна Карэнина» Росиа бунгаку хонъяку сайюсюсэджюсэ // Сурабу кэнкю сэнта нюсу сикан. 2010, №22. С. 15-18.
5. **Киносита Т.** Влияние русской литературы на японскую литературу в контексте европеизации Японии после 1868 г. // Антропология и поэтика творчества Достоевского: Сборник статей. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005. 208 с.

Эвфемизация современного японского языка как проявление политкорректности

В современном японском языке наблюдается устойчивая тенденция к эвфемизации, то есть повсеместной замене слов или выражений, которые могут показаться кому-то грубыми или обидными. Эвфемизации подлежат единицы общепринятой лексики, связанные с обозначением личных качеств человека (физические и умственные недостатки, возраст, внешность, пол и сексуальная ориентация, раса, национальность) и с его социальной деятельностью (имущественное положение, непрестижные профессии, нравственность, экономика, коммерция, религия). Эвфемизмы выступают основным средством выражения политкорректности на лексическом уровне. Эта функция эвфемизмов появилась в современном обществе в связи с развитием средств массовой информации.

Необходимо отметить, что понятие эвфемизма в русской традиции и в японской традиции несколько различается. В японской традиции термин 婉曲表現 *энкёку хёгэн* обозначает как лексические эвфемизмы, так и эвфемизмы, выраженные грамматически. К ним относятся «смягчающие концовки»: ようだ *ёда*, ように思う *ё-ни омоу*, ものと思われ *моно то омоварэру*, ような気がする *ёна ки-га суру*, ような感がする *ёна кандзи-га суру*, のではないかと 思います *но дэ ва най ка то ооимасу*, のではないでしょう か *но дэ ва най дэсё ка*, だろうと思う *дарё то омоу* со значением «кажется/похоже/ видимо/ не так ли?» и пр.

В русской же традиции исследователи в основном придерживаются субституционного подхода, считая, что эвфемизмы выражаются только на лексическом уровне, хотя, например, Е.Г. Торопцева выделяет в том числе эвфемизацию путем изменения формы (фонетические искажения, конверсия, аффиксация, аббревиация и др.). Далее мы будем рассматривать эвфемизацию японского языка на лексическом уровне.

Формирование «языка политкорректности» как преимущественно эфемистической лексики, призванной избежать вербальной дискриминации по половому признаку, по признаку возраста, по национальному признаку, по признаку состояния здоровья, внешности и т.д., началось в японских средствах массовой информации с середины 1970-х гг. Вначале по требованию «Лиги освобождения буракуминов» (部落解放同盟 *бураку кайхō дōмэй*), а также различных групп борьбы за права этнических меньшинств, которые выступали против дискриминации в свой адрес путем употребления уничижительных слов и выражений в прессе или в публичных местах, крупные медиа-компании, например, Японская общественная телерадиокомпания (NHK) и Tokyo Broadcasting System (TBS), с 1973 г. ввели внутреннюю цензуру. Были подготовлены списки слов, которые не рекомендуется употреблять, получившие название 禁句集 *кинкусю* «сборники запрещенных выражений» или 放送上避けたい言葉 *хōсōдзэ сакэтай котоба* «слова, которые необходимо избегать употреблять в теле- и радиовещании». Первоначально их распространяли среди выпускающих редакторов, давали заучивать дикторам и ведущим программ, но для общественности содержание сборников оставалось конфиденциальным.

В 1980-х гг. под давлением активистских групп, борющихся за права инвалидов и айну, в эти сборники были добавлены слова, которые могли в той или иной степени ранить чувства тех, кого представляли эти группы. Активисты «Лиги освобождения буракуминов» ежедневно проводили мониторинг средств массовой информации, в том числе телевизионных трансляций, и если какое-либо слово было расценено ими как дискриминационное, они сразу начинали писать письма, звонить в соответствующие компании и публично их осуждать. Эта тактика борьбы против дискриминации известна как 糾弾 *кюдан* «осуждение». В 1975-1989 гг. «осуждением» активно занималась

организация под названием «Исполнительный комитет симпозиума по языку и дискриминации» (用語と差別を考えるシンポジウム実行委員会 *ēgo to sabēzu-o кангаэру симпозиуму дзиккōшинкай*), состоявшая из представителей телевидения, прессы, писателей, артистов и групп поддержки инвалидов.

Средства массовой информации чрезвычайно боялись направленных против них протестов и общественной критики. Общепринятой стала практика немедленного извинения, например, на телевизионном канале внизу экрана появляется бегущая строка «Мы приносим извинения за случайно употребленное слово в такой-то программе от такого-то числа». При трансляции фильмов и передач прошлых лет неуместные слова стали вырезать либо цензурировать звуковым сигналом («запикивать»).

Давление общественности привело к тому, что внутри компаний началась активная работа по поиску и эвфемизации неполиткорректных слов, появился термин 言葉狩り *котобагари* «охота на слова» [2. С.60]. Помимо действительно оскорбительных для этнических меньшинств и социальных слоев выражений, таких как 支那人 *синадзин* «китаец» (заменено на 中国人 *тjōгокудзин* из-за расистской коннотации), 百姓 *хякусэ* «мужик» (заменено на 農家 *нōка* «крестьянин»), в список неполиткорректных слов попали названия профессий, физических недостатков и болезней, обозначения действий власти и даже наименования птиц, животных и рыб, поскольку некоторые их элементы, а именно слова 小人 *кобито* «карликовый», 盲 *мэкура* «слепой» и 馬鹿 *бака* «глупый» были признаны дискриминационными. Переименованию подверглись 盲亀虫 *мэкура камэмуси* «клоп-слепняк» и メクラウナギ *мэкура унаги* «миксина» (гигантский червяк), пингвины, которых раньше называли 小人 *кобито* (буквально – карлик, невысокий человек), а теперь используют заимствованное слово ペンギン *пэнгин*, и другие животные. Всего было переименовано 37 видов [1. Р.102]. Политкорректность затронула и сферу кулинарии,

так, 支那そば *сина соба* «китайская лапша» теперь называется 中華そば *тю:ка соба*.

Превентивная защита медиа от публичного осуждения привела к появлению «политкорректных барьеров» для изданий или авторов, в творчестве которых были обнаружены дискриминационные выражения. В 1980-х гг. издательская компания «Кэйринкан», занимающаяся выпуском учебной литературы, убрала слово 四つ *ёцуцу* «четыре» из всех учебников по математике, заменив на 四こ *сико*, поскольку слово 四辻 *ёцудзи* «перекресток» ассоциировалось с буракуминами. В настоящее время уже не прослеживается подобный ассоциативный ряд, и слово 四つ *ёцуцу* является общепринятым [3. С. 32]. Корпорация «Сёгаккан» в 1982 г. изъяла из продажи 1000 экземпляров «Новейшего словаря иероглифов» (新編漢和辞典 *синсэн канва дзитэн*) после жалоб на встречающиеся в нем термины 北鮮 *хокусэн* «Северная Корея» и 南鮮 *нансэн* «Южная Корея».

Поскольку единых списков «запрещенных слов» не существует, рекомендации различных компаний отличаются, и то, что в одной корпорации признается дискриминационным и вырезается из текстов, в другой может спокойно употребляться. Например, «Тиба Тэрэби» разрешает использовать слово 小人 *кобито* «малый пингвин», в то время как «Нихон Тэрэби» последовательно вырезает это слово из эфира [1, p.70].

Рассмотрим сферы деятельности людей (или отношений между ними), которых волна политкорректности затронула в наибольшей степени. В личной сфере наибольшее количество эвфемизмов относится к описанию физических недостатков и болезней. Слова, которые относятся к физическим недостаткам, – слепота, глухота, отсутствие конечности, – заменяются эвфемистически с помощью выражения 不自由 *фудзю* «несвободный» с употреблением названия части тела, которой недостает. Так, эвфемизмом слова

«слепой» является словосочетание 目の不自由な人 *мэ-но фудзийōна хито* «человек, который не может видеть», «глухой» – 耳の不自由な人 *мими-но фудзийōна хито* «человек, который не может слышать» и т. д.¹ Помимо этого, традиционно табуируются следующие области лексики:

1. Физиологические процессы и состояния. Например, для описания менструации используют эвфемизмы: 月のもの *цуки-но моно* «месячные», 女の子の日 *онна-но ко-но хи* «день девушки», 月からの使者が来る *цуки-карано сися-га куру* «прибытие посланца с луны», 月の障り *цуки-но савари* «буквально – вредное воздействие луны».

2. Определённые части тела, связанные с «телесным низом». Преимущественно используют медицинскую лексику и заимствованные слова: 女性生殖器 *дзёсэй сэйсёкки* «женские половые органы»; ヴァギナ *вагина* «вагина»; フェラス *фарасу* «фаллос»; しも *симо* «нижняя половина»; ペニス *пэнису* «пенис».

3. Отношения между полами. Сексуальные контакты обозначают как 寝る *нэру* «спать»; やる *яру* «делать»; 股を開く *мата-о хираку* «раскрыть бедра»; 抱く *даку* «обниматься»; エッチする *этти суру* «заниматься эротическими вещами».

4. Смерть. В японском языке используются эвфемизмы 散る *тиру* «осыпаться», 永眠する *эймин суру* «заснуть вечным сном», 他界する *такай суру* «уйти на тот свет», 雲隠 *кумогакурэ* «скрыться за облаками», 帰らぬ人となる *каэрану хито-то нару* «стать человеком, который не сможет вернуться» и пр.

В социальной сфере деятельности человека эвфемизмы широко представлены в следующих областях:

1. Дипломатия. Эвфемизмы, имеющие отношение к политической, военной и экономической сферам, в японском языке выделены в отдельную категорию и называются **ダブルスピーク**

¹ Подробнее см.: Фролова Е. А. Элементы политкорректности в преподавании японского языка в вузе // Материалы научно-методической конференции «Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания» (март, 2015 г.) / Ассоц. преподавателей яп. языка РФ. Москва: Ключ-С, 2015. С. 150–162.

дабуру сн̄ку или 二重語法 нидзю̄ гохō «уклончивые речи, демагогия». Они могут использоваться для придания речи намеренной двусмысленности. Например, выражение あたたかい雰囲気の中で атакай фунъики-но нака-дэ «в теплой атмосфере» часто означает холодную, недружескую атмосферу.

2. Репрессивные действия власти. В школьных учебниках истории, опубликованных в 1982 г., аннексия Кореи в 1910 г. и японское вторжение в Китай в 1931 г. тракуются как 進出 синсюцу «продвижение». Корейских граждан, вынужденных работать на японских военных, называли «добровольными работниками» [4. С. 60]. Для обозначения смертной казни используют слова 極刑 кёккэй либо 処刑 сёкэй «наказание» вместо 死刑 сикэй «смертная казнь», в котором присутствует иероглиф «смерть».

3. Деятельность армии, разведки, милиции, уголовного розыска и других органов власти. Конституция Японии запрещает создание любых вооружённых формирований, и официально японская армия с 1954 г. называется «Силы самообороны Японии» (自衛隊 дзиэйтай), до этого в разное время она именовалась «Национальный полицейский резерв» (警察予備隊 кэйсацу ёбитай, 1950-1952), затем «Национальные силы безопасности» (保安隊 ходатай). Все воинские формирования лексически закамуфлированы путем использования эвфемизмов, в которых не встречаются иероглифы 兵 хэй «солдат» и 軍 гун «армия; войско». Например, танки называются 特車 токуся «особые средства передвижения»; эскадронный минаносец – 護衛艦 гоэйкан «конвойный (эскортный) корабль»; армия – 部隊 бутай «части»; военная форма – 制服 сэйфуку «форменная одежда»; военное время – 有事 юдзи «чрезвычайные обстоятельства»; военный корабль – 自衛艦 дзиэйкан «корабль сил самообороны». При этом в отношении иностранных армий эти термины не используются.

4. Сфера распределения и обслуживания. Японские предприниматели активно используют эвфемизмы для привлечения клиентов и поднятия продаж. Перевозчики, в том числе железнодорожные компании обозначали классы вагонов вначале как 上等 дзётō / 中等 тютō / 下等 катō, соответственно «высший/

средний/низший класс», позднее эти наименования заменили на 一等車 *иттōся* / 二等車 *нитōся* / 三等車 *сантōся* «первый/второй/ третий класс». Когда и это деление стало вызывать у клиентов неприятные эмоции, уже во второй половине XX в. ввели деление на グリーン車 *гуринся* «зеленые вагоны» (бывший первый класс) и 普通車 *фуцуся* «обычные вагоны». Дешевые товары пускают в продажу, добавляя в их названия слова エコノミー *экономӣ* «экономный», リーズナブル *ридзунабуру* «рациональный». Одежда больших размеров больше не называется 肥満サイズ *химан сайдзу* «большой размер (для жирных)», но деликатно обозначается ゆったりサイズ *юттари сайдзу* «свободный размер».

5. Этносы и государства. Обиходные именованя национальностей, например, アメ公 *амэкō* «американец», イタ公 *итакō* «итальянец», ロスケ *росукэ* «русский», ダッチマン *даттиман* «голландец», チャンコロ *тянкоро* «китаец» и др. были приведены к общей формуле: アメリカ人 *амэрикадзин*, イタリア人 *итариадзин*, ロシア人 *росиадзин*, オランダ人 *орандадзин*, 中国人 *тjōгокудзин*. В 1960-х гг. Северную и Южную Корею (ранее 北鮮 *хокусэн* и 南鮮 *нансэн*) начинают именовать официально 韓国 *канкоку* и 挑戦 *тjэсэн*; Китай – 中国 *тjōгоку* вместо прежнего 支那 *сина*. Выражение 後進国 *кōсинкоку* «отсталые страны» было заменено на 発展途上国 *хаттэн тодзjэкоку* «развивающиеся страны» [2. С.137]. В отношении иностранцев грубым считается слово 外人 *гайдзин*, вместо которого рекомендуется 外国人 *гайкокудзин*.

6. Некоторые виды профессий. Эвфемистическое обозначение имеет целью повысить их престиж или скрыть негативное впечатление от прямого обозначения рода занятий. Так, 下女 *гэдзjэ* «служанка, горничная» и 下男 *гэнан* «слуга» полагается заменить на お手伝いさん *о-тjэцудаисан* «помощник»; 女工 *дзjэкō* «женщина-рабочая» – на 女子行員 *дзjэсикōин* «женщина-сотрудник»; 工夫 *кōфу* «чернорабочий» – на 作業者 *сагjэся* «исполнитель»; 産婆 *самба* «повитуха» – на 助産婦 *дзjэсампу* «акушерка»; 女給 *дзjэкjō* «подавальщица» – на ホステス *хосутэсу* или ウェイトレス *вjэиторэсу* «официантка». Из обозначений профессий, напрямую не связанных с торговлей,

рекомендовано убрать суффикс 屋 я, который придает негативный оттенок. Если в обозначениях 本屋さん хонъя-сан «продавец книг», 肉屋さん никуя-сан он звучит нейтрально, то в профессиях 政治家 сэйдзия «политик», 床屋 токоя «парикмахер», ゴミ屋 гомия «уборщик мусора», 郵便屋 юбинъя «почтальон» он воспринимается как оскорбительный и заменяется соответственно на 政治家 сэйдзика, 理容師 риёси, 清掃員 сэйсōин, 郵便配達員 юбин хайтацуин [2. С.140].

С середины 1990-х гг. в связи с расцветом политкорректности на Западе в Японии стали появляться протесты против вербальной дискриминации по гендерному признаку, и секретные списки запрещенных к употреблению слов были расширены вновь. Началась новая волна эвфемизации японского языка под влиянием требований политкорректности, теперь уже под давлением феминистских организаций. Хотя женщинам не удалось добиться такого успеха, как представителям этнических и социальных групп, все же за последние 20 лет использование гендерно-дискриминативных слов в масс-медиа заметно уменьшилось. Слово 女 онна «женщина» приобрело сексистскую окраску и практически исчезло из употребления. Его замены – слова 女性 дзёсэй либо 婦人 фудзин. Однако слово 婦人 фудзин, имеющее сильные ассоциации с замужней женщиной, осталось только в медицинских учреждениях в названиях женских отделений, кабинетов гинеколога и т. д. Многие правительственные организации изменили свои названия, чтобы убрать это слово. К примеру, в 1994 г. «Офис по делам женщин» (婦人問題担当室 фудзин мондай тантōсицу), созданный при кабинете премьер-министра в 1975 г., был переименован в «Офис по вопросам гендерного равенства» (男女平等参加室 дандзё бёдо санкасицу); «Центр женского национального образования» префектуры Сайтама поменял свое название с 国立婦人教育会館 кокурусицу фудзин кёику кайкан на 国立女性教育会館 кокурусицу дзёсэй кёику кайкан [5. С.145]. Были переименованы профессии, названия которых

имели четкую гендерную принадлежность: 看護婦 *кангофу* «медсестра» заменили на 看護師 *канкоси* «медицинский работник»; 保母 *хобо* «воспитательница» (детского сада) и 保父 *хофу* «воспитатель» заменили на 保育士 *хоикусиси* с нейтральным гендерным окончанием.

Таким образом, анализ данных групп лексики показал появление в японском языке сравнительно недавних эвфемизмов, которые используются в разнообразных коммуникативных ситуациях. Механизмы образования эвфемизмов различны, наиболее частотны следующие:

- использование *онной* лексики вместо *кунной* (盲人 *мōдзин* вместо *めくら* *мэкура* «слепой»);
- употребление *гайрайго* (ローン *рōн* «ссуда» вместо 借金 *сяккин* «долг»);
- замена синонимом, не содержащим нежелательных иероглифов (熟年カップル *дзюкунэн каппуру* «зрелая пара» вместо 老夫婦 *рōфүфу* «пожилая пара»);
- намеренное искажение, изменение смысла слов (お手洗い *отэараи* «умывальная», 化粧室 *кэсэисицу* «косметическая комната» вместо トイレ *тоирэ* «туалет», 転進 *тэнсин* «перемена направления движения» вместо 撤退 *тэттай* «вывод войск, отступление»);
- акронимы (WC «туалет», OL «office lady»).

Эвфемия, или употребление смягчающих речь выражений, органична для японского языка. Это обусловлено менталитетом японцев, долгое время формировавшимся в условиях изолированного островного проживания и влияния конфуцианского учения. Стремление к гармонии, к бесконфликтному существованию считается краеугольным камнем японской культуры. Поэтому неудивительно, что эвфемизация в современном языке приобрела столь широкий размах. В результате деятельности активистских групп с 1970-х гг. были достигнуты значительные результаты. Масс-медиа ввели настоящую цензуру, и дискриминационные слова, затрагивающие чувства этнических меньшинств, социальных и

гендерных групп, практически исчезли из эфира. Безусловно, использование эвфемизмов способствует гармонизации общественных отношений, однако оно не может искоренить дискриминацию. Правительственные круги с помощью эвфемизмов маскируют свои действия, которые в противном случае могут быть резко осуждены обществом. И хотя в средствах массовой информации крайне редко используются дискриминационные слова, они не исчезли их обиходного употребления. Более того, с ростом компьютерных технологий использование негативной лексики переместилось в интернет-дискурс. Анонимность интернет-общения до некоторых пор позволяла избежать цензуры, но в настоящее время созданы организации, основная задача которых – закрытие вебсайтов, способствующих разжиганию межнациональной розни [1. Р.147]. Поиск подобных сайтов ведется по ключевым словам, входящим в списки запрещенных к употреблению слов.

Список литературы

1. **Gotlieb N.** Linguistic Stereotyping and Minority Groups in Japan (Routledge Contemporary Japan Series). Routledge: Taylor and Francis e-Library, 2006. 168 p.
2. **Ёсимото Таканори.** Сабэцу ёго 「吉本隆則。差別用語」 Дискриминационные слова. Токио: Сиобунся, 2002. 366 с.
3. **Исии Акио.** Сабэцуго кара хайру гэнгогаку нюмон 「石井昭夫。差別語から入る言語学入門」 Введение в языкознание. Дискриминационные слова. Токио: Акаси сётэн, 2003. 188 с.
4. **Канамэда Хироэ.** Сёгайся сабэцу-но сякайгаку「要田弘恵。障害者差別の社会学」 Общественное изучение дискриминации инвалидов. Токио: Иванами Сётэн, 1999. 360 с.
5. **Коисикава Дзэндзи.** Инго-но миндзокугаку. Сабэцу-то айдэнтити 「小石川善治。隠語の民俗学。差別とアイデンティティ」 Исследования аргю. Дискриминация и идентичность. Токио: Кавадэ сёбō синся, 2011. 196 с.

(Nikolova V., Zhivkova S.)

**Новая эпоха в развитии японского понимания
языкового и культурного взаимодействия Японии
с Западом (от Мэйдзи до наших дней)**

С наступлением периода Мэйдзи в историческом развитии японского народа назрело желание о перемене на всех уровнях жизненного общения: язык, литература, культура, история, экономика, политика и т.д. Любая перемена, любая цель в жизни человека связана с ожиданиями. Революция Мэйдзи неразрывно ведет к разному осмыслению противопоставленности понятий как *свое—чужое*, перенимание чужого опыта и в тоже время сохранение традиций и особенностей японского менталитета.

Мэйдзи как переломный момент

На протяжении более десяти веков установление и развитие традиций, обычаев и систем государственного управления, моральных устоев и собственной культуры, Япония доказала себя как самодостаточное формирование.

В 1869 году Япония у порога эпохи Мэйдзи, что представляет собой драматический переломный момент в ее истории, из закрытой для мира самодостаточной и в политическом и культурном отношении стабильной страны, Страна восходящего солнца встает перед невозможным выбором остаться верной себе и/или подстроиться под стандарты западных норм и восприятия и тем самым превратиться в органическую часть мировой цивилизации.

С началом эпохи Мэйдзи, японцы принимаются усердно и методически проводить модернизацию и соизмеримость с Западом после двух столетий почти полной изоляции. На лицо дихотомия традиционное—модное (современное), которая является неизбежной и роковой.

С одной стороны, чувство самоценности и уважения к достигнутому предками требует совместного и последовательного сохранения традиций. С другой стороны, стремле-

ние найти общие черты с Западом, порождает импульс для изменения стандартов, заложенных и определенных европейской цивилизацией. Именно оказавшись на таком перекрестке, Япония выбирает двунаправленный путь развития в совмещении уже наличных культурных достижений и быстрое приобщение к новым и чуждым Ямато культуре аспектам политики, культуры и образования.

Однако следует отметить, что возникает следующий вопрос, а именно: *Насколько в данном случае выбор выражается в ассимиляции чуждого опыта или это скорее в приспособлении и усвоении к потребностям нового общества эпохи Мэйдзи?*

Такая двойственность наблюдается и по отношению японцев к совершенно новым и несвойственным им языкам: английскому, испанскому и др. По пути к «о-западнению», Япония проходит через разнообразные и критические моменты в своем развитии и ключевыми в современно японской истории остаются реформы, начавшиеся в эпоху Мэйдзи, но которые продолжают и сегодня. Примером нововведения следуя Западу может послужить предложение со стороны Маккартера после Второй мировой войны отменить иероглифы и соответственно перейти к романизации графической системы японского языка.

Такой пример показывает только одну из ситуаций, когда страна оказывается перед трудным выбором, в котором ключевую роль играют желание сохранить национальную идентичность и стремление «достичь» стандарты Запада.

Существует ли, и вообще назрела ли такая необходимость в «стремлении достичь» или Япония могла остаться сама собой и встать перед Западом со своим вековым опытом и традициями?

Если мы обратим наш взор назад в историю, схожий выбор – не является новым явлением в культуре Японии – схожее «колебание» между *своим-чужим* в какой-то мере

уже прошло при щедром «заимствовании» из древнего Китая в первые века установления Японии как самостоятельной политической системы. После перенимания нового опыта, знаний, традиций в экономическом, политическом и культурном аспектах, литературе и языке, Япония традиционно начинает воспринимать их как «свои» и выдать их исконно своими. Примером может послужить – иероглифическая письменная система, литературные направления и влияния, поэтические формы, художественные техники в изобразительном искусстве, музыкальные инструменты, техника исполнения и т.д.

В тоже время, с другой стороны, в конце XIX века и Запад находится на перекрестке в поисках нового, свежего и в целом нетрадиционной точки зрения в искусстве и «жадно» обращается к «новооткрывшейся» к миру Японии, здесь можем отметить движение к «японизму» на разных уровнях – например, в изобразительном искусстве и сюжеты в музыкальном и сценическом искусстве – «Мадам Баттерфляй» на Джакомо Пуччини.

Такие моменты поиска чего-то нового периодически повторяются в новой истории развитой Японии. Важным и красноречивым примером может послужить поиск форм коммуникации между Японией и западным миром на разных уровнях общения – языковом, литературном, культурном и т.д.

Рассмотрим только некоторые аспекты взаимодействия и взаимовлияния, «заимствования» хороших примеров практического общения между Японией и Западом (Европой) на уровне осуществления совместных проектов.

Среди новых процессов подлежащих трансформации в современной Японии – процесс «перенимания» опыта по отношению унификации критериев к знанию иностранного языка.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком (CEFR) и JF 日本語教育スタンダード

В 90-х годах XX века назрела потребность в европейском обществе создать общие критерии оценки и обучения, применимых ко всем европейским языкам. Стремление унифицировать владение иностранным языком привело к появлению Общеввропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR), которые соответственно ведут к разработке национальных систем оценки языковой компетенции на разных уровнях. Япония перенимает и эту хорошую практику Запада, подстраиваясь под критерии оценки и уровневого распределения знаний японского языка как иностранного, разрабатывая JF 日本語教育スタンダード.

И то и другое формирование делают акцент на приобретении специфических языковых способностей, которые находят приложение в практике. Одна из сложностей, которые выплывают в накладывании стандартов в обучении японскому языку состоит в специфике письма в японском (иероглифы не только слова, а также входят с комбинации), в стилистике языка (уровни учтивости), а так же и в постоянно обновляющейся социальной среде, которая порождает новизну в языке (выражается на всех уровнях усвоения языка).

Наш опыт подготовить студентов к невообразимой динамике в языке, к культурным особенностям Японии, и поставить в ситуацию, напоминающую японскую, стало вызовом для нас, и мы разработали три направления, а именно: занятия по языку, культуре и этнографии, творческий перевод и уже ставший традиционным проводящийся летний лагерь по японскому языку и культуре для студентов-японистов. Тем самым спровоцирована ситуация, напоминающая ситуацию в период Мэйдзи в Японии, но «шиворот-навыорот».

«Зеркальное отображение Мэйдзи процессов» на уровне языка и культурного шока в общении с незнакомым и неизведанным миром – три направления, которые в постоянном процессе развития на уровне проектной деятельности и осуществления коммуникации на разных языковых уровнях в Софийском университете при специальности Японистика.

Что мы понимаем под зеркальным отображением процессов Мэйдзи?

Для Японии как изолированной островной страны до периода Мэйдзи общение, перенимание иностранного языка встречал как нечто неизведанное, непонятное для простого человека из-за недостаточно глубоких знаний в сфере культуры, связанной с этим языком. Схожую ситуацию воссоздания языковой коммуникативной среды находим в реализации разнородных направлений в сфере литературного, культурного и языкового общения между студентами, изучающими японский язык и культуру как существенно отличающегося от европейских языков.

В последние несколько лет наша специальность активно ищет новые методы и формы в процессе обучения, в особенности, учитывая Европейскую языковую рамку и стандарты, установленные Японским фондом по отношению к преподаванию японского языка [9].

Европейская языковая рамка предполагает преподавание языка в узкой связи с культурой соответствующего народа и с прямым отношением к выработке конкретных умений, которые обучающиеся усваивают поэтапно и, которые имеют прямое приложение в письменном и устном общении, и во всех формах использования языка [10]. Если подвергнуть обобщению описанную модель, то можем определить ее так – каждая преподаваемая единица напрямую связана с ее употреблением в реальной ситуации. Единицы накапливаются постепенно, и освоение пяти основных составляющих – чтение, письмо, говорение, слушание и коммуникация,

может идти параллельно или независимо одно от другого, в соответствии с индивидуальными целями обучения. Накопление языковых единиц, однако, обязательно связано с усвоением знаний соответствующей культуры.

Обучение языку, культуре и этнографии Японии

В целях достижения вышесказанного, нами были введены новые приемы в процессе обучения студентов, которые в основном коснулись методики преподавания – перечислим главные из них, но остановимся только на одном более детально.

Начнем с изменений, которые наступили в стандартных семинарских занятиях. На первом курсе накопление основных единиц следует отчасти классическую модель преподавания, но все чаще отводится внимание на диалогическое развитие речи, сочинения, презентаций, с одной лишь целью, чтобы студенты как можно скорее начали применять заученную лексику и грамматику. Этот процесс раскрывается и развивается на втором курсе обучения, и достигает свой пик на третьем и четвергом курсах, где занятия по японскому языку проводятся преимущественно в форме решения проектных задач, связанных с конкретными темами и умением вызвать и развить как устную, так и письменную речь.

Таким примером является дискуссия по предварительно заданным актуальным для молодых людей темам, по которым они должны провести исследование в Интернет-сети или, посетив библиотеку, затем подготовить небольшую презентацию и принять участие в дискуссиях во время занятий. Практика показала, что интерес к заданной теме по большому счету мотивирует студентов подготовиться за ранее достаточно хорошо и принять активное участие, так как схожие темы предоставляют возможность высказаться и представить свое мнение и понимание.

Другим примером развития коммуникативных умений может послужить форма создания интернет странички, для которой студенты четвертого курса готовят тексты о Болгарии на японском языке. Хотя по своему содержанию выбранная форма напоминает путеводитель, студенты сами подбирают тему, о чем именно будут писать и сами собирают информацию, следят за комментариями потребителей и отвечают на них. Подобного рода задачи также позволяют учащимся высказать свое мнение и мировосприятие, не обременяя себя стереотипностью формы, и что особенно важно – такой подход дает практический результат, являясь сильным мотиватором для студентов [8].

Творческий перевод

Исключительно интересные результаты достигнуты на занятиях в период 2013-2016, которые достигнуты при переводе классического произведения Исэ Моногатари, как часть семинарских занятий по старояпонскому языку. Согласно проведенной анкете в конце годового курса изучения мотиватором для студентов стала возможность представить эти переводы широкой публике. Иными словами – то, что мы делали на занятиях, стало не только самоцелью заучивать определенные языковые единицы, а также, достигнуть определенный результат, которым могут воспользоваться не только участники соответствующего курса, но и более широкий круг читателей общественности.

Схожий эффект показали и новые формы, которые были включены в семинары по предмету Этнография Японии. Основной целью курса, конечно же, является знакомство студентов с некоторыми основными особенностями японской этнографии. Практика, в последние несколько лет, показала, что классическое чтение лекций с заучиванием материала к экзамену не только не может дать долговременные результаты, но и плохо работает в плане мотивации студентов. Поэтому в программу курса были включены такие формы проведения занятий как дискуссия, а также внеклас-

сное чтение, самооценка выученного материала в форме портфолио. Самым эффективным, однако, оказался групповой проект для подготовки студенческой выставки, состоявшейся в Национальном этнографическом музее в Софии в начале 2014 года, где была представлена традиционная Япония глазами изучающих японский язык и культуру. Студенты должны были сами подготовить модели экспонатов, переводы, эссе, предложить дизайн оформления и интерактивные уголки для публики. Таким образом, проект предоставил студентам возможность осмыслить информацию – то, что они знают о японской культуре, и найти лучший вариант представить ее болгарской публике. Активное участие студентов в подготовке и в реализации проекта, что в свою очередь вновь доказало, что пассивное заучивание информации уже не является достаточным, так же зимой 2017 года Праздник японской культуры представлен широкой болгарской общественности и в Национальном историческом музее, т.е. нам нужно искать платформу активной реализации, которая поможет превратить выученное в *умение*, что со своей стороны поведет за собой положительные результаты и усиление мотивации к усвоению нового знания.

**Летний лагерь по японскому языку и культуре
для студентов-японистов стран Балканского полуострова
(по совместному проекту Софийского Университета
и поддержке Японского фонда)**

И наконец, еще один проект, который совмещает все вышесказанное – проведенного уже в шестой раз Балканского летнего лагеря по японскому языку (при финансовой поддержке Японского фонда) [11]. В проекте принимают участие студенты-японисты из пяти балканских государств, которые собираются на неделю на болгарском побережье Черного моря и общение между ними только лишь на японском языке. Цель такого экспериментального лагеря коммуникация на японском языке и воссоздание японской культуры глазами участников носителей иной культуры,

иного языка – не японского. Реализация такого лагеря, конечно же, становится реальностью при активном участии японских преподавателей, т.е. носителей японского языка и культуры.

Фундамент, на который опирается вся структура лагеря, очень гибкий. Общее количество участников в проекте 40 человек из них половина студенты двух болгарских вузов – Софийского университета имени Климента Охридского и Великотырновского университета имени Паисия Хилендарского, остальные двадцать участников по 5 человек из каждой страны (Сербия, Турция, Румыния и Македония). В работе лагеря с каждым го дом увеличивается количество допускаемых гостей лагеря, которые при желании могут подключиться к работе организаторов и преподавателей, в качестве помощников.

Основная цель проведения такого лагеря осуществление коммуникации между участниками путем общения на японском языке, что достигается простым способом смешивания всех участников – как при размещении в гостиничной базе, так и при распределении по группам в работе планируемых занятий. Совместное общение всех участников – студентов и преподавателей (из каждой страны по 4 студента и 1 преподаватель), исключение составляет только принимающий университет, автор проекта (т.е. Софийский университет) – работа по группам, проведение практических семинаров 2 – утром и 1 – во-второй половине дня, который является подготовкой к фестивалю японской культуры. Такой фестиваль каждый раз проводится перед разными группами:

- в первый год проведения это был широкий круг общественности города Бургас,
- во второй год – знакомство школьников старших классов (из школы с углубленным изучением английского языка) с разными аспектами японской культуры с традициями в области танца, караоке, оригами, манга и аниме [9],

- в третий год – исключительно сложная задача встала перед студентами, т.к. необходимо было представить японскую культуру перед детьми из детского сада.
- в четвертый год – вызовом для наших студентов стала задача представить в небольшом курортном городе Китен туристам и гостям городка японскую культуру и традиции, организовать демонстрацию японских оригами, каллиграфии, искусства одевать юката и др.
- в пятый год – центральное место занимало написание хайку каждым участником лагеря, выработка коммуникативных умений в группах, воспроизводство тематической стенгазеты и организация флэш-моб в центре города Бургас.
- в шестой год – сценические виды искусства традиционной Японии и др.

Сложность заключается в том, что у всех участников фестиваля средством общения со «зрителем» был только японский язык, т.е. перед участниками встала задача найти правильный подход, чтобы представить элементы новой для «зрителя», что само по себе является вызовом к поиску способов общения и развитию коммуникативных умений.

Очень полезным в работе лагеря является обратная связь с участниками, а именно, анкеты, которые участники заполняют до своего отъезда, где они высказывают свои мнения, пожелания и оценивают продуктивность такого рода летнего лагеря, как элемент обучения. Такая форма общения и создание микроклимата для стимулирования коммуникации и, объединив единомышленников в целях достижения определенной общей цели, показало следующие результаты, по мнению участников, им удалось:

- найти новых друзей из разных стран и общаться с ними на японском языке;
- узнать как можно больше нового не только о японской культуре и японском языке;
- расширить свой кругозор в процессе общения с представителями других народов;

- найти новый стимул и мотивацию развить свои знания и умения общаться.

Коммуникация есть «специфический вид деятельности, содержание которого является обмен информацией между членами одного языкового сообщества для достижения взаимопонимания и взаимодействия» [1:117] и именно в таком проекте как Балканский летний лагерь осуществляется такая коммуникация. Коммуникация не только как обмен информации, но и как расширение коммуникативных возможностей – развитие межкультурной и коммуникативной компетенции. Так как коммуникативная компетенция есть «способность решать средствами *иностранного языка* актуальные для учащихся и общества задачи общения из бытовой, учебной, производственной и культурной жизни; умение учащегося пользоваться фактами языка и речи для реализации целей общения. Способность реализовывать *лингвистическую компетенцию* в различных условиях *речевого общения*» [1:109]. Именно на реализацию лингвистической компетенции на японском языке указывают участники проекта, возможность решать поставленные задачи и развивать коммуникативные компетенции. Ведь основными составляющими коммуникации являются *речевая деятельность* и *речевое поведение*. Н.И. Формановская отмечает, что «речевые действия как психолингвистическая реальность обеспечены активными взаимодействиями двух главных действующих лиц коммуникации» [6:67] а речевое поведение – «ориентировано на обычаи и традиции культуры» [6:67]. Работа «сообща» в команде, вне аудитории в условиях неформального общения именно такую среду общения для развития коммуникации и коммуникативных умений, сочетание речевой деятельности с речевым поведением обеспечивает всем участникам такого рода проект. И мы надеемся, что этот проект продолжит свое существование и

расширится в будущем участниками и из других европейских стран.

Наше «зеркальное отображение эпохи Мэйдзи» до сих пор помогает студентам подготовиться не только на уровне лингвистической компетенции, но и на уровне психологического настроя к трудностям, вызовам общества и радостям, которые неоднозначно сопутствуют обучению японскому языку и культуре, а что важнее всего, ведут к практическому применению усвоенных теоретических знаний в процессе обучения в университете.

Использованная литература

1. **Азимов З.Г., Щукин А.Н.** Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: «Златоуст», 1999. 472 с.
2. **Васильева Т.В., Левина Г.М., Ускова О.А.** Еще раз о коммуникативной компетенции: возвращение к истокам // Русский язык за рубежом. - М., 2012, № 4. С. 17-23.
3. **Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: «Русский язык», 1983. 269 с.
4. **Колесов В.В.** Язык и ментальность: сравнение европейских менталитетов // Русский язык за рубежом. М., 2013, № 5. С. 55-63.
5. **Петкова Г.Р.** Етнография на Япония. София: «Звезди», 2010. 165 с.
6. **Формановская Н.И.** Общение как единство речевой деятельности и речевого поведения // Русский язык за рубежом. М., 2013, № 5. С. 64-69.
7. **Цигова, Б.** 20 years of Japanese studies program at Sofia University: what we have done and what we must do. In Conference Proceedings Bulgaria-Japan-the World. 2013. С.16-20.

8. http://www.unisofia.bg/mdex.php/bul/universitet_t/fakulteti/fakultet_po_klasicheski_i_novi_filologii/specialnosti/bakalav_rski_programi/fakultet_po_klasicheski_i_novi_filologii/yaponistika. /Дата обращения: 31 июля 2014/.
9. <http://www.jfn.org/language/standard.html>. /Дата обращения: 31 июля 2014/.
10. http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Source/Framework_EN.pdf. /Дата обращения: 31 июля 2014/.
11. https://www.researchgate.net/publication/273494602_The_CEFR_and_teaching_Japanese_as_a_foreign_language. /Дата обращения: 12.12.2017/.

(ARAKAWA Yoshiko)

新語としての明治時代の漢語 —「恋愛」—

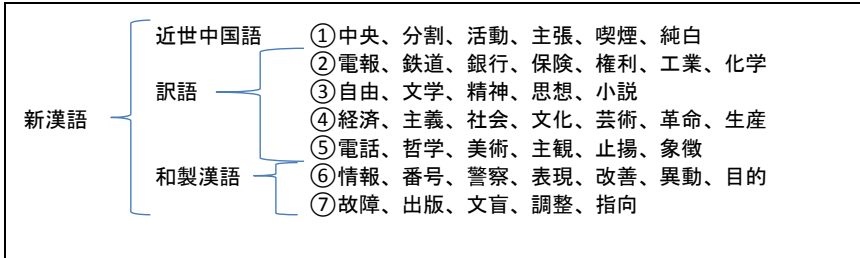
Канго в эпоху Мэйдзи как неологизм

明治時代の文明開化による日本人の生活全体の変化に
応じ、日本の近代語¹はそれまでになかった西洋の概念
や物事を表す語彙を急速に増やした。明治時代の語彙を
増やす方法のひとつが新漢語²による造語法・訳語法であ
った。漢語の増加だけでなく、「漢語流行」の時代が訪
れ「和語で表現できるものさえ（漢語めかして）」言い
表されたということで、小野は池上禎造が指摘したとし
てこの「漢語流行」に触れている（小野 2015）。和語や
漢語など既存の言葉で言い表せるのに敢えて外来語を用
いるといった現在の日本語の「流行」のメカニズムに通
じるところがあって興味深い。本稿では、現代日本語の
新語研究の前段階として近代日本語の新漢語³である「恋
愛」に注目する。

¹ 小野は「語彙史における近代：広義と狭義と」の中で、便宜的に使用され
ている政治史の区分での広義の近代（南北朝・室町以降）ではなく語彙
的統一という観点から明治時代以降を狭義で近代としている。本稿では小
野 2015 の定義に従う。

² 陳が指摘するように、明治期に新しく現れた漢語には、西洋の概念を表
すために漢訳洋書や英華字典などの中国の洋学資料を基に取り入れたも
のもありそれらは日本で新しく成立した語とは言えないことから、本稿では
和製漢語という用語とは区別したい。

³ 坂根慶子は『「新漢語」成立事情』の中で、非漢字文化圏・漢字文化圏の
留学生への日本語教育の観点から語彙教育としての漢語教育の位置を確
立するために漢語の中の新漢語の定義について述べ、森岡健二や山田孝
雄の先行研究を分析し、新漢語を(1)西洋の学術文明を輸入する際に(2)
西洋の学術文明の事物そのものや、概念、内容を翻訳する必要により(3)
(2)の事物、概念、内容にあたる適当な漢語を、新に造ったり(新造語)また
鑄造したり(鑄造語)古典より転用したり(転用語)借用したり(借用語)して
(4)今日、私たちが使っている意味に近いものになった漢語、としている(坂
根 1988)。量的な問題としては、江戸時代以前の全ての辞書との対照が必
要であり確定不可能としながら、磯貝は『和英語林集成』初版慶応 3(1867)

成り立ちによる新漢語の分類に関しては、高野繁男の著書を基に陳が示した分類を本稿では用いる（陳 2005:50）。陳は、訳語を 3 つに分類（A 中国からの借用②、B 中国の古典語を用いて外来概念を訳すための転用③ 中国の洋学資料の対訳④ 日本での成立、C 外来概念にあてはめるため日本人独自の創出⑤⁴）し、④⑤の和製漢語との区別の難しさと高野が和製漢語としている②をそれにはあたらないと指摘している（陳 2005:50-51）。

それでは、本稿で取り上げる「恋愛」はどの分類項目に入るのだろうか。先行文献を調べたところ「恋愛」は③に分類される。柳父章は 1982 年の『翻訳語成立事情』と 2001 年の『一語の辞典 愛』の中で漢語「愛」「恋愛」および和語「恋」について詳しく述べている。その中で初出について次のように書いている。メドハーストの

年と第 3 版明治 19(1886)年および『大漢和辞典』などと対照し明治初期の新漢語を多く含む語彙 1082 語の新語、廃語、読み方の変化を分析した（磯貝 1964）。

⁴ 「哲学」は明治期の新漢語の例としてよく取り上げられるもので、西周が中国洋学書で philosophy の訳語とされていた儒学用語「希哲学」を変形させて『百一新論』ではじめて用いた西周の造語であるとされている（高野 2001, 高野 2004, 齋藤 2005）。齋藤は「希哲学」という語をあてることの案出者は西周ひとりではなく津田真一郎も関り、津田は「希哲学」に愛着をもち「希」を省略した「哲学」には賛成できなかったのではないかという推論（齋藤 2005:355-362）は、新漢語の定着過程における語に対する個々の好みや信念が見て取れて興味深い。

『英華字典』（1847-1849）は動詞の love の訳語として「恋愛」が古くから見られるが名詞の love の訳語は「愛情、寵、仁」などであり「恋愛」はない。日本では「恋愛ス」として明治 3～4（1870-1871）年の中村正直の翻訳『西国立志変』の中に用例を見ることができる。その後、時を少しあけ『仏和辞林』1887 年版（明治 20 年）に amour の訳語として登場するとしている（柳父 1982:95-96, 柳父 2001:52）。今を基準にすれば 1 世紀半前ということになるが、いずれにしても柳父が言うように「この翻訳語『恋愛』によって、わたしたちはかつて、1 世紀ほど前に、『恋愛』というものを知った。つまり、それまでの日本には、『恋愛』というものはなかったのである」（柳父 1982:89）。

では、この日本人がかつて知らなかった「『恋愛』というもの」とはどんなものだったのだろうか。「恋愛」は、人々の生活のどのような変化を背景にいつごろ定着するようになったのだろうか。上記のように「恋愛」は明治 3～4（1870-1871）年『西国立志変』に登場するものの、国づくりに忙しかった明治初年は小説や「恋愛」は後回しで、「恋愛」が流行し始めたのは西洋の「恋愛」小説が翻訳され、キリスト教が知識人の一部に定着し始めたころだという（柳父 1982:97-101、柳父 2005:52-53）⁵。興味深いのは、「恋愛」の流行はまずことばの流行であり、このことばの流行によって勇気づけられた若い人々の間に「恋愛」という行為も流行して行ったということだ（柳父 2005:100）。この「恋愛」という語の流行に寄

---

⁵ 高野も中村の『西国立志変』以降、明治 22 年(1889)刊の『言海』に登場し明治 20 年代になって用例も多くなることを指摘している(高野 2001:45)。しかし、山根は「恋愛」は明治 20 年前後には文壇や論壇の世界ではかなり普通に使われるようになっていたとしながら、明治 22 年の『言海』には採録されていないとしている(山根 2008:318)。

与したのが、キリスト教信者であった巖本義治（1863-1942）である。

明治 23（1890）年『女学雑誌』の翻訳恋愛小説『谷間の姫百合』の書評を『一語の辞典』から引用する。

「…役者がラブ（恋愛）の情をもっと清く正しく訳出し、この不潔の連感に富める日本風俗の文字を、甚はだ潔ぎよく使用せられたるの手ぎはにあり。（中略）日本の男子が女性に恋愛するはホンノ皮肉の外にて、深く魂（ソウル）より愛するなどの事なく、随つてかかる文字を最も厳肅に使用したる遺伝少なし。」（柳父 2005:53）

つまり「恋愛」は、「不潔の連感に富める日本風俗の」「恋」とは違い、もっと清く正しいもので、普通の日本男子は「深く魂（ソウル）より愛する」ことなく清く正しい「恋愛」する遺伝子さえ持たない、日本男子には「恋愛」という新しい語が表す新しく高尚な概念はないというのである。山根は、巖本より前の明治 18 年坪内逍遙が『当世書生気質』の中で「恋愛」という語を用いて、女性の肉体を求める色恋と違って情を求めることが「恋愛」であると逍遙は理解していたのではないかとしている（山根 2008:317）。つまり、柳父が言うように「love と『日本通俗』の『恋』とは違う。そこで、その love に相当する新しいことばを造り出す必要があった」のである（柳父 1982:90）。

柳父は新漢語「恋愛」の意味を女性賛美の西洋舶来の「愛」とキリスト教会の説く純粋な「愛」とに結び付けており、巖本たちの運動は女性解放運動でもあり、封建制度のもとでの結婚制度を否定すると共に女性は清く正しく恋愛し自主的に結婚せよ、また結婚まで純潔を守れという教えに繋がっていったと指摘している（柳父 2005:55）。山根も同様の考えで、男女の自由な交際を戒めるところに巖本の男女交際論の重点があるとしている（山根 2008:324-326）。しかし、山根は、巖本が「『恋愛』

を真正面から肯定した」とする柳父の主張は無理があり、巖本はキリスト教徒であったから恋愛を賛美したのではなく、むしろキリスト教徒であればこそ恋愛に対して慎重であったのではないかと分析し、巖本が「恋愛」の世俗化を批判し「恋愛」が単なる「市民の恋」にとどまるのではなく「魂」のふれあいにまで高められるのを求めたのだと言っている（山根 2008）。

新しい語が現れるときには常であるが、男女七歳にして席を同じゅうせずと男女共学が思いもよらなかった当時はなおのこと、この「恋愛」の流行に反感をいだく者もいた。保守的な徳富蘇峰は、若い男女が公然とひとつの部屋にすることができたキリスト教の教会堂を批判し、明治 24 (1891) 年 7 月には『国民之友』に「非恋愛」という「恋愛」を弾劾する論説を載せた。すると、翌月巖本義治は『女学雑誌』で論文「非恋愛を非す」を発表した（柳父 1982, 柳父 2005）。雑誌かインターネットかという発表する手段の違いはあるが、今で言う「炎上」に通じるものがあるのではないだろうか。若者はいつの時代も批判が原動力になる。この議論が「恋愛」の流行に拍車をかけたのかもしれない。巖本は「非恋愛を非す」の中で「然れども此は恋愛そのものの罪にあらず。恋愛は神聖なるもの也」と反論しているが、これを山根は、巖本が徳富の「非恋愛」の 2 年前の明治 22 年 7 月に島田嘉志子と結婚したばかりでそれに至る道程としての恋愛を踏みにじられたように感じたとしても不思議はないとして、巖本の個人的な出来事や感情が新漢語「恋愛」と深く関わっていることを指摘している。そして、同じく自身の結婚の体験のもとに書かれた北村透谷の「恋愛は人世の秘鑰なり、恋愛ありて後人生あり、恋愛を抽き去りたらむには人生何の色味かあらむ」（明治 25 年 2 月『女学雑誌』）という『厭世詩歌と女性』の衝撃的な一文をきっかけに「恋愛」という新しい概念が日本人の人生における重大な関心事となり文学・思想の世界に大き

く影響したとされている（柳父 1982:102-103, 山根 2008:328-329）。

時代は男の時代であった。巖本は「恋愛」をもって女子の意識改革を訴えた。その「恋愛」の概念には巖本本人の信じるキリスト教の「神聖な」「愛」の意味合いが強い。それに対し、同時期に男女同等を説いた福沢諭吉は男の意識の変革を求めたと山根は指摘する。巖本は夫婦間の必要悪としての肉交を男女の交際から排除した情交の重要性を説くが、福沢は色恋のような一時の楽しみである遊女買いを批判したのではなく継続的な女性の隷従である蓄妾であり相手を「敬う」家庭を目指し男女平等を説いたのだと述べている（山根 2008:323-325）。福沢は「キリスト教の説く『愛』の呪縛から免れ」、日本語古語の優位にあるものが弱小の者をいとおしむという意味合いで「愛」⁶という語を用いているという山根の指摘は興味深い。

明治時代の新漢語「恋愛」は、現在も生き残り中国から入った日本古来の漢語「愛」と和語「恋」とうまく住み分けをしている。現在、「恋愛」は相互性（山根 2008:329）、「愛」は答えを求めない一方向性、「恋」は答えを求める性質（Аракава 2005: 139-142）が認められる。現在の「恋愛」は、巖本が切に説いた「清く正しい」というキリスト教的な意味合いは、おそらく男尊女卑の意識が少しずつ変わり社会の変化の中で広く使われ「世俗化」し薄れてしまったのではないだろうか。

⁶ 柳父は、「愛」には日本古来の性愛以外の人と人の愛情、そして身分的には上から下へのかわいがりするような感情、また物に対する愛玩の気持ちのほか、仏教から入った見方による性愛で人間の執着や迷いとして否定される意味、さらに近代以降に入ったキリスト教における意味と男女の愛があるとしているが、「愛」が時代によって新しい意味を担えたのは、「愛」が近代以降の翻訳語であると同時に日本古代における翻訳語でもあって近代以前にすでにしかるべき歴史を持っていたからだと主張している（柳父 2005:57）。

このように、社会の変化に応じて登場した新漢語「恋愛」は、明治 20 年前後にその日本語における使用を提案した者やそれを支持した者の信念や実体験に基づき定義がなされ定着し、さらに新しい社会の流れの中で広く用いられながら指示するものにずれが生まれたことがわかった。

参考文献

- 磯貝俊枝(1964)「明治初期における漢語の研究—『和英語林集成』を通して見た漢語の推移」日本文學 22 号, pp.69-91
- 高野繁男(2001)「『明六雑誌』の語彙構造: 2 字漢語を中心に(その 1)」人文学研究所報 34 号, pp.39-52
- 坂根慶子(1988)「『新漢語』成立事情」東海大学紀要留学生教育センター第 8 号, pp.93-105
- 山根宏(2008)「『恋愛』をめぐって—明治 20 年代のセクシュアリティ」立命館大学国際言語文化研究所 19(4)号, pp.315-332
- 小野正弘(2015)「語彙史における近代: 広義と狭義と」明治大学文学部紀要 126 号, pp.215-225
- 真田治子(2007)「書評: 高野繁男『近代漢語の研究—日本語の造語法・訳語法—』」日本語の研究第 3 巻 3 号, pp.40-45
- 陳力衛(2005)「書評: 高野繁男『近代漢語の研究—日本語の造語法・訳語法—』」神奈川大学人文研究 156 号, pp.45-51
- 柳父章(1982)『翻訳語成立事情』岩波新書, 212p.
- 柳父章(2001)『一語の辞典—愛』三省堂, 101p.
- 齋藤毅(2005)『明治のことば』講談社, 416p.
- Аракава Ёсико (2005) Концепт «любовь» в русском языке на материале русских романсов в сопоставлении с японским романсом (какёку): дис. канд. филол. наук. СПб., 2005. С.190.

(OHIRA Reiko)

ロシア人日本語学習者の作文における誤用と気づき
— 接続表現「とき、と、たら、てから、たあと」に注目して —
Типология ошибок носителей русского языка
в сочинениях на японском
(анализ способов подчинительной связи
для условно-временных придаточных предложений)

1. はじめに

第二言語習得の過程において表出する学習者の誤用がなかなか修正されないのは、多くの教師が現場で直面している問題であろう。対照分析研究が盛んであった時代、誤用は避けるべきものと考えられていた。その見方を変える契機となったのは Corder (1967) が学習者の誤用の重要性を主張した論文である。以降、誤用は学習のプロセスにおいて必然的なものとして肯定的に捉えられ、誤用分析研究が進んだ。誤用の理由として母語の影響や、中間言語において起こる化石化現象¹など様々考えられるが、学習者自身の誤用への「気づき」も関係しているのでないかと考えられる。

2. 先行研究

長友・迫田(1988)は誤用分析の目的として学習者の言語習得過程を明らかにすること、目標言語の文法の体系的規則を明らかにすることの他に、三つ目として誤用分析で明らかになったことを教育的方策として提示することを挙げている。また、石橋(2010)は作文において学習者が誤用や目標言語とのずれに気づき、修正するためには明確な教師のフィードバックが必要であると述べている。

---

¹ 中間言語とは Selinker(1972)が提唱した言語習得において母語と目標言語の間に存在する学習者特有の言語体系である。その過程で誤った発音や文法がそのまま定着してしまい、それ以上の改善が見られない現象を化石化と言う。

3. 研究目的と課題

本研究の目的は、日本語母語話者と日本語上級学習者であるロシア人日本語教師の誤用文に対する意識を比較し、日本語教師でも気づきにくい誤用の類型を明らかにすることによって今後の教室指導への示唆を得ることである。今回は初級文法でありながら中・上級レベルになっても誤用が頻繁に見られる行為や出来事の前後関係を表す接続表現「とき」「と」「たら」「てから」「たあと」を取り上げ、学習者の気づきやすい誤用と気づきにくい誤用をそれぞれ分析し、その対策を探りたい。

4. 研究方法

調査対象は日本語母語話者(以下 NS)と上級学習者であるロシア人日本語教師(以下 RT)で、google form を用いたアンケート調査を行った。中級レベルの学習者の作文から行為や出来事の前後関係を表す接続表現「とき」「と」「たら」「てから」「たあと」を用いた正用・誤用文を 15 例抽出し、文例に感じる違和感のレベルについて、「とても違和感がある」から「違和感がない」まで 5 件法で回答を求めた。

5. 結果と考察

NS 及び RT それぞれ 15 人から有効回答を得た。その結果を正用文、誤用文に分けて示す。(表 1、表 2)また、「とても違和感がある」「少し違和感がある」の合計及び「ほとんど違和感がない」「違和感がない」の合計回答数がそれぞれ全体の 2/3 にあたる 10 人以上の場合を太字で示している。

表 1 正用文に対する違和感のレベルの結果

	作文例	接続詞	とても違和感がある	少し違和感がある	どちらとも言えない	ほとんど違和感がない	違和感がない
G	その調査結果を見ると、ロシア人は日本が豊かな伝統と歴史を持つ国だと考えていることが分かります。	と	NS 0 RT 2(13%)	NS 2(13%) RT 1(6%)	NS 1(6%) RT 2(13%)	NS 2(13%) RT 4(26%)	NS10(66%) RT 6(40%)
D	仕事に関しては、結婚したあとも、続けるつもりです。	たあと	NS 0 RT 5(33%)	NS 2(13%) RT 4(26%)	NS 0 RT 0	NS 4(26%) RT 4(26%)	NS 9(60%) RT 2(13%)
G	お寺を参詣したとき、観音經を聞く機会がありました。	とき	NS 0 RT 6(40%)	NS 1(6%) RT 2(13%)	NS 1(6%) RT 1(6%)	NS 3(20%) RT 1(6%)	NS 10(66%) RT 5(33%)
K	説話をいくつかロシア語に翻訳してから、分析を行いました。	てから	NS 1(6%) RT 1(6%)	NS 1(6%) RT 2(13%)	NS 0 RT 0	NS 3(20%) RT 8(53%)	NS 10(66%) RT 4(26%)

① 正用文への評価

1)NS の場合

全ての例文について 2/3 以上が「違和感なし」と答え、正用であることが確認された。

2)RT の場合

D「たあと」文、G「とき」文については、「違和感なし」「違和感あり」に意見が分かれたことから、上級学習者でも十分に習得ができていないことがわかる。

表 2 誤用文に対する違和感のレベルの結果

	作文例	接続詞	とも		どちらとも 言えない	ほとんど 違和感がない		違和感がない
			違和感がある	少し 違和感がある		違和感がない	違和感がない	
A	夏のとき、ペテルブルグはよく雨が降ります。	とき	NS 6(40%) RT 2(13%)	NS 6(40%) RT 7(46%)	NS 1(6%) RT 1(6%)	NS 0 RT 0	NS 2(13%) RT 5(33%)	
B	スリが多いので、町を歩いたら、気を付けてください。	たら	NS 6(40%) RT 5(33%)	NS 9(60%) RT 3(20%)	NS 0 RT 3(20%)	NS 0 RT 2(13%)	NS 0 RT 2(13%)	
E	成田空港に着いてから、電車で東京に行きました。	てから	NS 0 RT 5(33%)	NS 4(26%) RT 5(33%)	NS 0 RT 2(13%)	NS 5(33%) RT 1(6%)	NS 6(40%) RT 2(13%)	
F	暖かくなると、自転車に乗るつもりです。	と	NS 6(40%) RT 8(53%)	NS 7(46%) RT 3(20%)	NS 0 RT 0	NS 2(13%) RT 3(20%)	NS 0 RT 1(6%)	
H	私は結婚したあとで、もう10年になります。	たあと	NS 13(86%) RT 10(86%)	NS 2(13%) RT 3(20%)	NS 0 RT 0	NS 0 RT 2(13%)	NS 0 RT 0	
I	声で依頼するとき、ロボットは言われた通りにするようになっています。	とき	NS 5(33%) RT 9(60%)	NS 7(46%) RT 3(20%)	NS 0 RT 0	NS 2(13%) RT 2(13%)	NS 1(6%) RT 1(6%)	
J	夢が叶ったら、新たに何かを望むようになります。	たら	NS 1(6%) RT 2(13%)	NS 5(33%) RT 4(26%)	NS 0 RT 0	NS 6(40%) RT 1(6%)	NS 3(20%) RT 8(53%)	
L	戦争が終わってから、元気な男性が少なかったです。	てから	NS 8(53%) RT 8(53%)	NS 6(40%) RT 4(26%)	NS 0 RT 0	NS 1(6%) RT 1(6%)	NS 0 RT 2(13%)	
M	大学を卒業したとき、父の会社に就職します。	とき	NS 10(86%) RT 10(86%)	NS 4(26%) RT 3(20%)	NS 1(6%) RT 1(6%)	NS 0 RT 1(6%)	NS 0 RT 0	
N	夫は毎晩家に帰ってから、子供たちと遊んでくれます。	てから	NS 0 RT 2(13%)	NS 4(26%) RT 3(20%)	NS 2(13%) RT 1(6%)	NS 4(26%) RT 5(33%)	NS 5(33%) RT 4(26%)	
O	お酒を飲むとき、顔が赤くなります。	とき	NS 1(6%) RT 4(26%)	NS 10(86%) RT 4(26%)	NS 1(6%) RT 0	NS 2(13%) RT 4(26%)	NS 1(6%) RT 3(20%)	

② 誤用文への評価

1)NS の場合

「違和感がある」が 2/3 を超えた文例は A「とき」文、B「たら」文、F「と」文、H「たあと」文、I「とき」文、L「てから」文、M「とき」文、O「とき」文である。一方で、「違和感なし」「違和感あり」に意見が分かれたのは J「たら」文、N「てから」文、さらに、「違和感なし」が 2/3 を超えたのは E「てから」文であることから、NS にとって「から」文は許容範囲が文法書より広いと言える。

2)RT の場合

「違和感がある」が $\frac{2}{3}$ を超えた文例は E「てから」文、F「と」文、H「たあと」文、「とき」文、I「とき」文、L「てから」文、M「とき」文である。一方で「違和感なし」「違和感あり」に意見が分かれたのは A「とき」文、B「たら」文、J「たら」文、N「てから」文、O「とき」文である。このことから、「とき」「たら」「てから」の誤用への気づきが少ないことがわかる。

③ 接続表現の「とき」「と」「たら」「てから」「たあと」の用法

接続表現の「とき」「と」「たら」「てから」「たあと」の用法をまとめ、今回の調査で RT が評価した正用・語用文はどの用法にあてはまるかを表にして以下に示す。括弧内の数字は正用・誤用を正しく判断した割合で、 $\frac{2}{3}$ (66%)以上を太字で示した。接続表現のまとめには庵他(2001、2006)、砂川他(2006)、市川(2016)、新屋他(1999)による文献を使用した。

表3 接続表現の「とき」と「たら」「てから」「たあと」の用法

		接続表現の用法	正文	誤文
		継続する事態に関する時の設定を行う		
とき	1	一定の幅を持つ状態と同時並行的に後件の出来事や状態が成立する 例: 子供のとき、よく熱を出した。体の調子がいいとき、外を散歩する。		A(59%)
	2	動作の行われる前に、或いはそれと同時に並行して後件の出来事や状態が成立する 例: 大阪へ来るときは、連絡してください。新聞を読むとき、眼鏡をかける。		I(80%) O(52%)
	3	動作が実現した状態の間に後件の出来事や状態が成立する 例: 日本へ行ったとき、知り合いの日本人の家に泊めてもらった。	G(39%)	M(86%)
		恒常的・反復的に成り立つ依存関係で、後件には意志表現が使えない。		
と	1	自然現象や一般的因果関係 例: 4月になると、桜が咲く。		F(83%)
	2	習慣や反復される行為 例: 天気がいいと、散歩に出かける。		
	3	予想される出来事(機械の操作) 例: このボタンを押すと、切符が出てくる。		
	4	契機・発見 例: 窓を開けると、そこは銀世界だった。	C(66%)	
	5	連続して起こる動作 例: 母は受話器を置くと、ため息をついた。		
		特定の・一回的な依存関係を表し、後件に意志表現が使える。		
たら	1	仮定条件(前件が成立するかどうかわからない場合) 例: 雨が降ったら、試合は中止だ。		
	2	確定条件(前件が成立することがわかっている場合) 例: 5時になったら、帰ってもいい。		B(53%) J(39%)
	3	事実的条件(前件・後件ともに成立している場合)「と」の4と共通		
		後件が前件の後に起こることを表すが、当然の前後関係に用いると不自然になる		
てから	1	前件の終了後、引き続き後件が行われる 例: 日本へ来てから、すぐ空手を習い始めた。		E(66%) L(88%)
	2	前件は後件の実現のための準備的動作であり、重要な行為である 例: 歯を磨いてから寝なさい。	K(89%)	N(33%)
	3	「て以来」と言い換え可能。後件に継続的な出来事や繰り返される出来事が来る 例: 大学を卒業してから、彼にずっと会っていない。		
		後件が前件の後に起こることを表す		
たあと	1	2つの行為の前後関係を客観的に述べ、「たあとで」の形をとる 例: 食事をしたあとで、コーヒーを注文した。		H(86%)
	2	前件の後も後件の動作・状態が継続する「たあと」の形をとる 例: 友達が帰ったあと、彼はずっと勉強していた。	D(39%)	

④ 学習者が気づきやすい用法／気づきにくい用法

表 3 を参照しながら、学習者が気づきやすい用法と気づきにくい用法について以下にまとめ、その理由を考察する。

1) 気づきやすい用法

表 3 を見ると、正用・誤用に気づきやすいのは「とき」の用法(I、M)、「と」の自然現象(F)と発見(C)の用法、2 つの行為の前後関係を表す「てから」(E、K)、そして「たあとで」の用法(H)である。

- I. 声で依頼するとき (→すると)、ロボットは言われた通りにするようになっていきます。
  - M. 大学を卒業したとき (→したら)、父の会社に就職します。
  - F. 暖かくなると (→なったら)、自転車に乗るつもりです。
  - C. その調査結果を見ると、ロシア人は日本が豊かな伝統と歴史を持つ国だと考えていることが分かります。
  - K. 説話をいくつかロシア語に翻訳してから、分析を行いました。
  - E. 成田空港に着いてから (→着いて、着いたあと)、電車で東京に行きました。
  - L. 戦争が終わってから (→たあと)、元気な男性が少なかったです。
  - H. 私は結婚したあとで (→てから)、もう 10 年になります。
- 文の内容を見ると、導入時によく使われる文が多く(例えば I は機械操作、F は自然現象、M は実現後の意志)容易に正用・誤用が判断できるのだろうと推測する。また、C と H 以外は初級で導入され、基本的な用法とされているものも多いため、定着度が高いと考えられる。C は発見の「と」、

H は「て以来」の意味の「てから」だが、他の「と」や「てから」と異なる用法なので覚えやすいのだろう。

2) 気づきにくい用法

表 3 を見ると、正用であるのに誤用と感ずるのも含め、学習者にとって気づきにくい用法に「とき」の用法全般(A、O、G)、確定条件の「たら」(B、J)、2 つの行為の前後関係を表す「てから」(N)、そして「たあと」の用法(D)が挙げられる。

- A. 夏のとき (→夏に/夏の間)、ペテルブルグはよく雨が降ります。
- G. お寺を参詣したとき、観音経を聞く機会がありました。
- O. お酒を飲むとき (→飲むと)、顔が赤くなります。
- B. スリが多いので、町を歩いたら (→歩くとき)、気を付けてください。
- J. 夢が叶ったら (→叶うと)、新たに何かを望むようになります。
- N. 夫は毎晩家に帰ってから (→帰ると)、子供たちと遊んでくれます。
- D. 仕事に関しては、結婚したあとも、続けるつもりです。

「とき」は初級で導入される文法であるのにも関わらず定着度があまり高くない理由は、「継続した状態に関する時を設定する」という点が脱落しているため他の用法との混同が見られるのではないかと推測するが、今回の調査だけでは証明はできない。A についてはロシア語で「夏(休み)」「正月」などの時を表す名詞が「とき」と使えるためロシア人学習者が気づきにくい誤用であると考えられる。「と」の習慣を表す用法(J、N、O)は初級では導入されないこともあり、中級以降でも習得できてないことが多い。B、J のような誤用は、「たら」の確定条件の用法が仮定条件に比べて定着度が低いからだと考えられる。D については、「た

あとで」と「たあと」の違いに着目している教科書は少ないことも理由の一つだろう。「てから」については興味深い結果が出ており、E では多くの RT が誤用に気づいたが、N では逆に気づかない人の方が多かった。回答の内訳を見ると、各々がどれを選んだかというパターンは一定しておらず、そこに規則性は見られなかった。また、経験上、「てから」の誤用は頻繁に見られるが表 3 にも挙げた「当然の前後関係に用いると不自然である」という点についてはあまり着目されていないのも誤用が多い原因ではないかと考えられる。

以上、学習者の気づきにくい誤用を挙げてきたが、そこに共通点を見出すとすれば、それは最初に導入される用法と比べると他の用法は定着度が低いことであり、現場でも、同じ接続表現について様々な用法をまとめて比較するということが少ないのではないかと推測される。ロシア語で同じ或いは似ている意味の用法が出るたびに、その使われる状況や前件と後件との関係などを既習事項と十分比較し、確認した上で練習を積むことが必要ではないだろうか。

6. 本研究の意義と今後の課題

本研究では、様々な誤用例の中から学習者にとって気づきやすい誤用と気づきにくい誤用を類型化し、その原因の分析を行ったことにより、今後の指導に生かす示唆を提示できたことに意義がある。今回は時の前後関係を表す接続表現のみに焦点を当てたが、今後は語彙や他の文法にも目を向けて学習者の作文コーパスから誤用例を抽出して研究を続けていきたい。

参考文献

1. 庵功雄・高梨信乃・中西久美子・山田敏弘(2001)「初級を教える人のための日本語文法ハンドブック」スリーエーネットワーク 200-202、220-221、223

2. 庵功雄・高梨信乃・中西久美子・山田敏弘(2006)「中上級を教える人のための日本語文法ハンドブック」スリーエーネットワーク 457-458
3. 市川保子(2016)「日本語教育通信文法を楽しく『表現意図とき(1)』」
4. 新屋映子・姫野伴子・守屋三千代(1999)「日本語教科書の落とし穴」116-123
5. 長友和彦・迫田久美子(1998)「誤用分析の基礎研究(1)」『教育学研究紀要第二部』 145
6. Corder, S.P. (1967) "The significance of learner's errors". International Review of Applied Linguistics 5, 162-169
7. Selinker, L. (1972) "Interlanguage". International Review of Applied Linguistics in Language Teaching 10, 209-230
8. 「教師と学習者のための日本語文型辞典」グループ・ジャマシイ [編] 2006

ГЛАВА 7

Япония, открытая миру: 150 лет внешней политики

Некоторые современные подходы японских ученых к анализу внешней политики Японии: реализм и либерализм, международное сотрудничество и индивидуализм

Данное исследование представляет собой обзор некоторых японских научных концепций, применяющихся в настоящее время для анализа международной политики и политики Японии. Общеизвестно, что базовыми концептами теории международных отношений являются реализм/неореализм, либерализм/неолиберализм, глобализм и позитивизм/постпозитивизм. Современные подходы так или иначе опираются на упомянутые концепции, комбинируют их и дополняют деталями. Японские ученые-международники в настоящее время в общем рассматривают теорию международных отношений на основе указанных подходов, мейнстримом в данном случае можно назвать два основных направления: международное право и международное сотрудничество, хотя они не исчерпывают всего многообразия научной мысли в данной области¹. Необходимо отметить, что анализ международных отношений и внешней политики Японии в работах японских исследователей далек от оторванных от реальности теоретических построений и приближен к практическим нуждам и интересам страны. Ниже будут представлены работы некоторых авторитетных авторов:

---

¹ В качестве примера такой инвариантности можно привести «пограничные исследования», которые продвигаются Центром славянско-евразийских исследований Университета Хоккайдо, публикующим авторитетное периодическое издание «Eurasia Border Review» (см. Малашевская М.Н. Исследование пограничных конфликтов в Евразии по материалам японского журнала Eurasia Border Review // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 81–89).

Того Кадзухико, Ямада Мицуру, Иногути Такаси, Танака Акихико и др.

Приматом японской внешней политики во второй половине XX и начале XXI веков является конституциональный отказ о войны как инструмента внешней политики – Япония позиционирует себя в качестве миролюбивого государства, что отражено в дипломатических документах (Голубая книга МИД Японии, заявления премьер-министра и министра иностранных дел), а основным инструментом внешней политики являются многовариантные тактики «мягкой силы». Российский социолог С.В. Чугров, транслируя идеи маститого японского ученого Иногути Такаси, пишет о «незападных» моделях международных отношений следующее: «Незападные схемы поведения и реагирования отличаются холистическим характером, на индивидуальном уровне в них превалируют гармонизация интересов и стремление к социальному миру, а на глобальном – баланс сил и формирование коалиций (*Rex consortis*), а вовсе не примат прав человека, достоинства личности и, тем более, не стремление подчинить себе «другого» или доминирование эгоистических стремлений на всех уровнях, как в западных социокультурных и политических теориях»². Иногути Такаси – один из ведущих политологов и международников в японской науке, сформировавший научную школу и широко-известный не только в Японии, но и за ее пределами, а указанное замечание рельефно характеризует те принципы, которыми руководствуется японское правительство в своих действиях и японские исследователи в научных работах и дискуссиях.

Ряд работ японских авторов, посвященных истории японской внешней политики, структурирован в хронологическо-проблемном ключе и излагает этапы развития официальной дипломатии Японии, основываясь на хронике

---

² Чугров С.В. О японской политике и политологии (по страницам трудов Иногути Такаси) // Японские исследования. 2016, № 2. С. 75.

переговоров, региональных приоритетах, экономических связях, международно-правовых вопросах. К работам данного типа можно отнести масштабный труд бывшего японского дипломата-русиста Того Кадзухико «Japan's foreign policy 1945–2003: the quest for proactive policy» (Лейден-Бостон, 2005), монографию видного исследователя международных отношений, президента Национального института политических наук Танака Акихико «Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacy» (Токио, 2007), а также шеститомное издание «Японская дипломатия», изданное книжным домом Иванами в 2013 г. Со структурной и концептуальной точки зрения работы такого типа базируются на исторической хронике событий и развиваются в рамках исторического реализма: основным актором международных отношений являет государство, отстаивающее национальные интересы.

В монографии Того Кадзухико прослеживается региональный принцип организации материала с учетом приоритетов японского правительства в практической, международно-правовой области. В предисловии Того отмечает, что преследовал своей целью не только изложение фактов истории дипломатии, сколько стремление продемонстрировать логику и «внутреннее видение» ситуации среди сотрудников МИД Японии³. Базовыми ценностями послевоенной политики Японии он назовет пацифизм, демократию и экономическое развитие, при сохранении императорской системы – данный подход вполне согласуется с официальной позицией японского правительства. В фокусе внимания – официальный Токио и его партнеры и конкуренты на международной арене, а оценка правомочности действий сторон производится в рамках соответствия нормам международного права. В целом, текст Того можно причислить к хронике событий с комментариями автора о процессе принятия решений, концептуальными же основаниями ав-

---

³ Togo Kazuhiko. Japan's foreign policy 1945–2003: the quest for proactive policy. Leiden-Boston, BRILL, 2005. P. xx.

тор избрал для себя реализм, который в действительности комбинирован с неолиберализмом в вопросе приоритетности международного права в дипломатии и поддержания мира. В связи с этим в отдельную главу выделена история развития официальной помощи развитию, которую Того Кадзухико оценивает в качестве «наиболее последовательного и эффективного инструмента послевоенной японской внешней политики»⁴. Бывший дипломат подчеркивает, что основным мотивом реализации программ ОПР являются «гуманитарные соображения» и «соображения привлечения интереса» со стороны стран–реципиентов помощи. Автор отталкивается от концепции национальных интересов в анализе необходимости применения ОПР, который он, невзирая на имеющийся теоретический дискурс, рассматривает исключительно с точки зрения продвижения японских национальных интересов⁵. В связи с этим он считает необоснованной критику в отношении Японии, выделяющей ОПР преимущественно азиатским странам, поскольку эта деятельность продиктована географией, историей, геополитикой Японии и ее стремлением к диверсифицированному распределению помощи в мире, с ориентацией на наиболее важный для нее регион – Азию⁶. В качестве базы для сотрудничества Того Кадзухико выделяет два соображения – соблюдение норм международного права и приверженность принципу взаимного доверия, который позволяет выстроить истинно партнерские отношения во время переговоров и добиться истинного двустороннего сотрудничества (интервью от 7 декабря 2017 г., Киото). Опираясь на имеющийся личный опыт и исторический опыт японской внешнеполитической службы, Того Кадзухико интерпретирует имеющийся в его распоряжении материал с позиций реализма, хотя это не вполне правомерно, поскольку он

---

⁴ Ibid. P. 316.

⁵ Ibid. P. 317–318.

⁶ Ibid. P. 327.

обращается к практике, но не к теории международных отношений. Более теоретически выверенными являются его работы, касающиеся исторической памяти в отношениях Японии и соседей, где на первый план выносятся проблема исторической памяти, имеющая значительное влияние на международные отношения в Восточной Азии и популярная среди исследователей во всем мире⁷.

Танака Акихико в «Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacy» представляет дипломатию Японии после 1991 г. также в проблемно-историческом ракурсе, однако отдавая предпочтение проблемному характеру и увязке внутренней политики с внешнеполитической активностью. Своей задачей автор видел написание стандартизированной истории международных отношений на Азиатском материале с целью «дать доступный читателю обзор политических тенденций в Азии с середины 20 века до начала 21 столетия и определить влияние на них дипломатии Японии»⁸. Обосновывая хронологические рамки исследования, автор подчеркивает, что окончание «холодной войны» в Азии позволило «нормализовать международные отношения» в регионе, и путем либерализации и демократизации связей прощупать пути к истинному укреплению регионального сотрудничества на основе экономической взаимозависимости и экономической интеграции⁹. Демократизация азиатских режимов выступает в качестве гарантии развития «нормального» диалога между государствами. Танака Акихико выделяет «эксперименты», связанные с расширяющимся регионализмом и участием Японии в этих изменениях. Особой отличительной чертой многосторонних организаций в АТР, по мнению японского

---

⁷ Того Кадзухико. Рэкиси то гайкō - Ясукуни, Адзиа, Тōкēсайбан (歴史と外交—靖国、アジア、東京裁判). Токио: Каданся гэндайсинсё, 2008. 328 p.; Того Кадзухико. Рэкиси нинсики о тоинаосу – Ясукуни, ианфу, рёдомондай (歴史認識を問い直す—靖国、慰安婦、領土問題). Токио: Кадокава, 2013. 255 p.

⁸ Tanaka Akihiko. Japan in Asia: Post-Cold-War Diplomacy. Tokyo: JPIC, 2017. P. xii.

⁹ Ibid. P. 3.

ученого, является «открытый регионализм», призванный сбалансировать протекционизм Европы от внешнего проникновения¹⁰. В то же время, он отмечает, что создание и эволюция АТЭС в начале 1990-х гг. на фоне распада системы региональных связей периода «холодной войны» позволили Японии причислить себя к азиатским странам и начать наращивать сотрудничество с ними на новых ценностных основаниях: начиная с саммита в Сиэтле в 1993 г. эти тенденции начинают становиться более интенсивными. Таким образом, сотрудничество и кооперация достигаются путем региональной интеграции и снятия политико-идеологических барьеров, как это показано на примере Японии и Азиатского региона.

Танака Акихико характеризует внешнюю политику Японии в 21 веке на основе анализа деятельности премьер-министров страны, отдавая наибольшее предпочтение администрации Коидзуми Дзюнъитиро и Абэ Синдзо. Тем самым позиция автора вырисовывается таким образом, что азиатские процессы разбираются с позиции регионализма и региональной интеграции, а включенность Японии в азиатскую политику преподносится в персонифицированном ключе, что вносит определенный структурный дисбаланс в монографию. С другой стороны, такое положение характеризует подход автора, признающего ведущую роль личности в процессе формирования внешней политики государства.

Что касается строительства мира и сотрудничества в Азии, то их достижение стало возможным после окончания холодной войны, прекращения гражданских войны внутри азиатских государств путем создания «сети региональных институтов» и механизмов многосторонней интеграции и кооперации (АТЭС, АСЕАН). На основе опросов общественного мнения в азиатских странах и анкетирования,

---

¹⁰ Ibid. P. 87–88.

Танака Акихико приходит к выводу, что «Япония в Азии является такой страной, которой удалось добиться положительного влияния на большинство стран региона», во много благодарч развитию стратегии Фукуда «от сердца к сердцу»¹¹. Именно администрации Абэ Синдзо, по мнению японского исследователя, удалось добиться нормализации отношений с государствами Корейского полуострова и КНР. Концепцию Танака Акихико сложно однозначно причислить к какой-либо одной теории международных отношений. В основном он опирается на инструментарий неолиберальной теории, и в то же время, использует подходы неореализма, ставя в центр анализа государство в качестве основного актора международных отношений. Однако и здесь допускаются определённые оговорки, поскольку высвечивается ведущая роль нескольких личностей, что подтверждает тезис Иногути Такаси о росте индивидуализма и индивидуалистского сознания в современной Японии, который резко противопоставлен коллективистским ценностям¹². Именно личностно-ориентированный подход к анализу политики отличает монографию Танака Акихико от книги Того Кадзухико, хотя оба автора опираются на официальную хронологию и фактологию, представленную в дипломатических источниках. Сходство двух подходов состоит в единстве ценностных ориентаций, согласующихся с официально объявленными ценностями японского государства, в обоих случаях присутствует скрупулезная хроника событий и анализ детальный документов. Международное сотрудничество и достижение консенсуса видится авторам продуктом переговоров официальных участников в качестве представителей государств. В данном случае имеет место давление практики переговоров над теоретическим осознанием и классификации произошедших событий.

---

¹¹ Ibid. P. 340.

¹² Иногути Такаси. Политическая культура Японии. Дискуссии относительно политической культуры Японии в широком контексте исследований // Япония 2017. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2017. С. 83–84.

Концепция «международного сотрудничества» (кокусай кёрёку рон 国際協力論) затрагивается во многих работах на японском языке, данное направление включено в учебную номенклатуру в японских вузах и охватывает разнообразные и разноуровневые области научного анализа и практической деятельности. В данном разделе основное внимание будет уделено коллективной монографии под редакцией доктора социологии Университета Васэда Ямада Мицуру «Новая теория международного сотрудничества» (авторы: Ямада Мицуру, Накано Ёити, Ёсикава Кэндзи, Такидзава Сабурё, Кувана Мэгуми, Сииги Тэцутаро)¹³. Эта теория отталкивается от идеи неолиберализма и неолиберального глобализма, опирающихся на взаимозависимость стран в международных отношениях, включенности разнообразных, разноуровневых акторов в дипломатические процессы, приоритет международного права над применением силы, сотрудничество является методом обеспечения безопасности и баланса сил. Основными понятиями, выделенными профессором Ямада, являются: мир (хэйва 平和), права человека (дзинкэн 人權), развитие (кайхацу 開発), окружающая среда (канкё 環境)¹⁴.

При рассмотрении международных отношений с данных позиций происходит перефокусировка в сторону негосударственных акторов – участников международного процесса: бизнеса, неправительственных и некоммерческих организаций, межличностных контактов в недипломатической области (например, образование), миграционным процессам. Внимание исследователей обращено к проблемам социального развития, вопросам социально-экономической коммуникации, а не распределению влияния и понятию власти, гегемонии и иерархии. Ёсикава Кэндзи в упомянутом томе подчеркивает, что общественное развитие вызывает

¹³ Атарасий кокусайкёрёкурон (新しい国際協力論) / глав.ред. Ямада Мицуру (山田満). Токио, Акаси сётэн, 2016. 268 р.

¹⁴ Ibid. P. 16-21.

необходимость развития образования и повышения роли женщин в обществе¹⁵. В качестве идеальной цели развития, а также задачи для Японии в международной политике, как одного из доноров программ социального развития, Ёсикава видит создание Государства благосостояния в развивающихся странах путем поддержания их хозяйственно-экономического уровня, помощи в медицинской и образовательной областях.

Профессор Ямада подчеркивает, что «Общественные дискуссии о необходимости для Японии продвижения «международного сотрудничества во имя мира» относятся к 1990-му г., т.е. вторжению иракских войск в Кувейт»¹⁶. Он подчеркивает, что, хотя конституционально Япония позиционирует себя как приверженец мира с середины 20 века, активный вклад в построение мира за рубежом, в качестве направления внешней политики, относится к 1990-м – началу 2000-х гг. и связан с антитеррористической кампанией США после событий 11 сентября 2001 г. В исследовании приводится сопоставительный анализ «международного сотрудничества во имя мира» с позиций реализма (мир обеспечивается военной силой, применяемой государствами, и миротворческими операциями), либерализма (разнообразные негосударственные акторы вносят свой вклад в формирование отношений на мирных основаниях и в целях сотрудничества, в первую очередь экономического). Япония включена в процессы обеспечения мирного развития в Азии, а в качестве подтверждения Ямада Мицуру приводится выступление премьер-министра Хатояма Юкио «Система сосуществования в Восточной Азии» на 64 Генеральной ассамблее ООН. По мнению японских теоретиков, демократизация обществ, свободный рынок и «хорошее управление» являются практическими шагами к «построению мира» в Восточной Азии, на которую и делается основной упор.

¹⁵ Ibid. P. 91–96.

¹⁶ Ibid. P. 101.э

Данные положения подтверждаются при анализе деятельности МИД и структур, обеспечивающих международное сотрудничество (JICA, JETRO), которые напрямую вовлечены в обеспечение мирного строительства, развития международного сотрудничества (экономика, образование, социальное развитие, медицина, экология и пр.)¹⁷. В данном случае, научная мысль, как и в исследованиях хроники событий дипломатической истории, развивается параллельно с практической деятельностью японского правительства.

Представленные выше подходы некоторых японских исследователей лишь тезисно иллюстрируют сложившиеся в современной теории международных отношений Японии тенденции. С одной стороны, традиционно значительную роль играют исследования по скрупулезной хронологии событий дипломатической истории, посредством которой демонстрируется логика событий и принятие решений. В таких исследованиях ведущее место занимает неореализм, или скорее исторический объективизм, с помощью которого обосновывается ведущая роль государства в процессе формирования национальной политики. Концепции сотрудничества в данном случае представлены на основе анализа функционирования региональных структур многостороннего взаимодействия (АТЭС, АСЕАН и др.), которые рассматриваются в качестве надгосударственных площадок обеспечения национальных и общих интересов, безопасности и экономической взаимозависимости. Такие работы опираются на ценностные ориентации – пацифизм, демократия, свободный рынок, в качестве неперменных атрибутов внешнеполитической деятельности Японии.

---

¹⁷ Кокусай кэрёку то ва (国際協力とは) // Официальный сайт Агентства международного сотрудничества. URL: <https://www.jica.go.jp/aboutoda/whats/cooperation.html> (дата обращения: 30.11.2017), Кураси-ни якунитуцу дзёхё (暮らしに役立つ情報) // Официальный сайт Открытого онлайн правительства. URL: <https://www.gov-online.go.jp/useful/article/201409/4.html> (дата обращения: 30.11.2017).

В то же время, в течение последних двух десятков лет набирают силу исследования, имеющие более индивидуалистскую и либеральную направленность – исследования международного сотрудничества и обеспечения мира в качестве альтернативной модели международных отношений. Интересы индивидов, обеспечение прав и свобод, создание условий для мирной жизни становятся ценностями для данных исследований, приближая дискурс к персональным потребностям. Это говорит о пересмотре роли человека в дипломатии, в политическом процессе внутри Японии. Возрастает интерес к «персонифицированным политикам» (Иногути Такаси) как продолжение развития индивидуализма в Японии, что находит подтверждение в повышенном внимании к Коидзуми Дзюнъитиро, Абэ Синдзо, нашедшем отражение в авторитетном труде Танака Акихико.

Соответственно, можно судить о разнообразии традиций, складывающихся в теории международных отношениях в Японии, которые отталкиваются от западных теорий и исходя из «незападной» практики, направленной на синтез идей, комбинируют эти подходы и предлагают свой эклектический инструментарий, нацеленный на оценку и репрезентацию реального положения дел. Повышенное внимание к личности как субъекту и базовой ценности международных отношений говорит о глубинных сдвигах в японской политической культуре, которые наблюдаются в настоящее время.

**От сабельного режима к культурному управлению
и сфере совместного процветания Восточной Азии:
трансформация методов колониального управления в
Корее в периоды Мэйдзи, Тайсё и Сёва (1910-1945 гг.)**

Тема колониального управления в Корее ранее исследовалась, она продолжает оставаться актуальной и в наши дни. Вместе с тем она требует дальнейшего исследования, новых подходов. Не подлежит сомнению факт, что японский колониальный режим рассматривал Корею в качестве плацдарма для экспансии в Восточной Азии, использовал ее как колониальный рынок. В то же время не следует забывать, что именно в период генерал-губернаторства в Корее началось строительство современной инфраструктуры; были созданы предпосылки для развития государственности, здравоохранения, образования. Тогда же появились железные и шоссейные дороги, начали выходить первые газеты, были изданы древние литературные памятники. Несомненно, что главной и преобладающей частью колониальной политики Японии была колонизаторская, эксплуатационная составляющая, но с ней соседствовали элементы модернизации экономической и общественной жизни.

Представляется, что эта тема недостаточно хорошо исследована. Однако проблематика её достаточно обширна; мероприятия колониальных властей касались всех сторон жизни корейского общества – экономики и промышленности, сельского хозяйства, образования и культуры и других. Формат раздела не даёт возможности подробно описать всю систему мероприятий. Автор хотел бы сконцентрироваться на тех методах управления и контроля японских властей в колонии, которые занимали центральное звено во всём комплексе этой политики.

Рассмотрим тему сквозь призму служебных материалов, выпущенных на японском языке в Сеуле в конце 10-х, 20-е и 30-е, а также в начале 40-х годов японским генерал-губернаторством. Это закрытые материалы полиции, суда, прокуратуры, предназначенные для узкого круга чиновников

японской колониальной администрации. Ограничимся общим перечнем исследуемых изданий. Прежде всего это относящаяся к комплексно-аналитическим, исследовательским изданиям книга "Состояние общественного спокойствия в Корее в последнее время" («Сайкин-ни окэру тэсэн дзиан дзёкё») (Сеул, 1939 г. и 1943 г.); сборники «Вестников идеологии» («Сисё ихё»), (были исследованы выпуски за 1934 г. № 12, 1936 г. № 6, 1937 г. № 11, 1938 г. №№ 14 и 16); секретные справочные издания "Корейская полиция" («Тэсэн кэйсацу»), Сеул, 1938 г. и "Словарь тайной полиции" («Кётё кэйсацу ёгодзитэн»), Сеул, 1935 г. Отметим и обзорные издания генерал-губернаторства «Материалы комиссии по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства» («Тэсэн сотоку дзикёку тайсакай симонган санкосё») Сеул, 1938 г., куда входят материалы: «Общественные учреждения и мероприятия», «Движение за возрождение корейской деревни», «Внешняя торговля Кореи», «Промышленные ресурсы Кореи», «Справочник по бюджету генерал-губернаторства», «Мероприятия, связанные со спецификой Северной Кореи». Необходимо отметить и публикации «30 лет управления Кореей» («Сисэй сандзюэнси»), Сеул, 1940 г., «25 лет управления Кореей» («Сисэй нидзюгонэнси»), Сеул, 1935 г., «Обстановка в Корее» («Тэсэн дзидзё»), Сеул, 1941 г., 1943г. и другие. Из этих книг исследователи могут почерпнуть сведения о том, что конкретно было создано Японией колонии. В них хорошо отражена роль, отводившаяся Японией Корее как своему военно-стратегическому плацдарму. В то же время книги рассказывают о развитии там образования, культуры, что поможет преодолеть возможную односторонность в общей оценке колониального периода. При исследовании методов управления в первой половине 40-х гг. автор ссылается и на выпускаемые в колонии в военные годы газеты.

Итак, на протяжении полувека – в последние годы Мэйзди, в периоды Тайсё и Сёва – колониальная политика в Корее трансформировалась, методы управления претерпевали изменения. Необходимо подчеркнуть, что принципы

колониальной политики в Азии формировались еще в начале внешнеполитической деятельности Японии нового времени высокопоставленными правительственными деятелями. Ещё в период Мэйдзи суть их сформулировал министр внутренних дел Ямагата Аритомо. Предполагалось применять принципы «постепенной и умеренной» ассимиляции (дōка) в отношении народа Окинава, затем – в отношении народов Тайваня и Кореи. Подчеркивалась важность «безопасности» и «общественного спокойствия» в колонии, равно как и следование принципам строительства «богатого государства и сильной армии» (фукоку кэхэй), развитие экономики, которая послужит «взаимной выгоды» (хоэки) метрополии и колонии. Подчеркивалось, что подход к реформам, политическим изменениям и колониализму должен быть поэтапным, постепенным (принцип дзэнсин сюги). По его словам, без внимания не должны оставаться и система управления, финансы. Развитие принципов колониальной политики продолжалось и в период Тайсё – политическим деятелем, одним из основателей университета Васэда Окума Сигэнобу, министром внутренних дел Хара Кэи, которые подчеркивали важность не столько колонизации, сколько ассимиляции (дōка) Кореи. Продолжал их развивать после февральского движения в Корее 1919 г. генерал Хасэгава Ёсимити. Хасэгава еще в 1920 г. говорил, что колонии должны были стать некими бастионами защиты против вторжения других стран, что нужно стремиться не к «экономической эксплуатации» колонии, а к её экономическому развитию, что послужит пользе обеим сторонам. По его словам в управлении колонией надо стремиться к гармонии (кондзэн) и согласию, умиротворению (йова); в процессе ассимиляции подчеркивалась важнейшая роль образования. Уже в это время он говорил о совместном образовании корейцев и японцев в учебных заведениях, начиная со средней школы. Как и его предшественники, подчеркивал важность постепенной ассимиляции; это должно было способствовать росту патриотизма (кокка сисō). При этом Хасэгава считал меры управления и контроля в колонии в период до 1919 г. слишком жесткими, призывая

ослабить, умерить их, призывая чиновников наладить связь с населением. Он предлагал дать корейцам право голосовать и выдвигать своих представителей в верхнюю палату японского парламента управления, что даст осознание себя подданными империи. Эту же линию продолжил адмирал Сайто Макото, назначенный генерал-губернатором Кореи (1919-1927). Он воплотил в жизнь многие из реформ, задуманные ещё Хасэгава, которые и составили суть времени так называемого «культурного управления», которое продолжалось в 20-е – начале 30-х гг. XX в. Подчеркивалась, что включение народа колонии в национальную политику (кокутай) может быть реализовано именно путем ассимиляции, что по сути должно было дать корейцам привилегии подданства империи и представительства в парламенте. Это был центральный принцип ассимиляции, который значительно ослабил жесткий контроль со стороны властей в эпоху «сабельного режима».

Рассмотрим методы управления и контроля в колонии, которые реально были предприняты властями, проследим их трансформацию на протяжении последних лет Мэйзи, в периоды Тайсё и Сёва до середины 40-х гг.

Договор об аннексии, навязанный Корею 22 августа 1910 г., закрепил и юридически оформил позиции, которых Япония добилась на полуострове до и в период протектората (1905-1910 гг.). После аннексии Корея была превращена в генерал-губернаторство. По рескрипту, подписанному микадо, генерал-губернаторству передавалась законодательная и исполнительная власть, ему подчинялись оккупационные войска и военно-морские силы, дислоцированные у берегов Кореи. В его ведении находились жандармерия, полиция, суд и тюрьмы. Генерал-губернатор назначался из среды военных и подчинялся непосредственно императору. Центральное место в экономической политике в колонии занимали аграрные мероприятия, прежде всего проведения земельного кадастра. В ходе него произошло юридическое оформление прав на крупную земельную собственность. Росла численность крупных собственников земли, часть которых

составляли прибывшие из Японии переселенцы. В ходе земельного кадастра аграрные отношения были модернизированы. После аннексии Кореи колониальная политика была направлена на то, чтобы превратить страну в источник продовольствия (риса, соевых бобов и т.д.) для метрополии, важными статьями вывоза из Кореи явились и продукты морских промыслов, лесного хозяйства. Вопрос о превращении Кореи в основной источник промышленного сырья встал со всей остротой в период первой мировой войны, когда резко увеличился спрос на военно-стратегическое сырьё. Не менее важное значение имела Корея и как рынок сбыта японских промышленных товаров. Широко велось железнодорожное строительство, корейский полуостров постепенно покрывался сетью железных дорог. Наибольшее развитие получила пищевая промышленность; капиталы вкладывались в добывающую и другие отрасли.

Аннексировав Корею, колониальные власти настойчиво проводили насильственную японизацию страны. Корейцы были объявлены подданными японской империи, официальным языком стал японский. Особенно большое значение они придавали перестройке народного образования; введенная новая система сводилась к тому, чтобы через сеть общеобразовательных, промышленных и специальных школ готовить рабочих с элементарными техническими познаниями. Одновременно под контроль ставились все школы; вся система образования должна была служить задаче воспитания верноподданных Японской империи. Было приложено немало сил, чтобы ассимилировать корейский народ. Несмотря на жестокие репрессии, в массах росли антияпонские настроения. В 1910-1917 гг. национально-освободительная борьба корейцев не прекращалась, хотя и пошла временно на убыль.

Уже в первое десятилетие после аннексии деятельность японской колониальной администрации велась в разных сферах – политической, экономической, идеологической. Власти стремились расширить свою социальную опору в колонии, оказывая поддержку группам населения, лояльно

относящимся к японцам. Создавались всякого рода институты, имеющие целью упрочения колониального господства, лояльные к новому режиму корейцы допускались к государственной службе. Аппарат колониальной администрации состоял главным образом из японцев, которые составляли всего около 2% населения Кореи¹. Вместе с тем именно они занимали руководящее положение в промышленности, на транспорте, в торговле, других сферах экономики, а также культуры. Уже в эти годы велась активная деятельность по разобщению масс и их идеологической обработке, начали использоваться идеи панназиатизма и расовые теории. Однако основным методом колониального господства в первое десятилетие после аннексии был военно-полицейский террор. Не случайно это десятилетие именуется периодом военного управления, «сабельного режима».

Материалы исследуемых изданий свидетельствуют, что в первое десятилетие японского господства в стране сложилась взрывоопасная ситуация, острого накала достиг протест против национального гнета и социального бесправия, что предопределяло неизбежность взрыва народного недовольства. Это вылилось в мощное общенациональное, самое крупное в те времена на колониальном Востоке в конце 10-х – начале 20-х гг. освободительное движение 1919 г. Эти выступления были жестоко подавлены.

Сборники «Корейская полиция» и «Словарь тайной полиции» приводят данные, которые свидетельствуют, что в рассматриваемый период эти методы управления в колонии менялись, трансформировались. После народных волнений 1919 г. японские власти встали перед необходимостью реформ. Об этом в частности свидетельствует и специальная секретная публикация издания штаба японской жандарме-

---

¹ См. «Тёсэн сōтокуфу тōкэй нэмбо» («Статистический ежегодник генерал-губернаторства Кореи»), Сеул, 1930. С. 163. Цит по «История Кореи, том 2, с. 21.

рии «Беспорядки в Корее» («Тёсэн сōдзё дзикё»). Старые методы управления в колонии в новых международных и внутренних условиях требовали значительных изменений, и реформы были проведены. Они охватывали различные области общественной жизни, урезанные, но всё же ощутимые для народа. Наиболее существенным результатом реформ было некоторое расширение сфер деятельности корейской буржуазии – укрепление социальной опоры японских властей. В 1920 г. был отменен «Закон о компаниях», существенно ограничивавший возможность создавать компании, торгово-промышленные общества, банки, что дало толчок к росту корейской буржуазии. Реформы коснулись и политической сферы: была создана система «местного самоуправления». В качестве самой радикальной реформы объявлялось предоставление политических свобод. Разрешался выпуск некоторых корейских газет. Свобода организаций свелась к созданию спортивных, деловых и научных обществ. При всей ограниченности реформ, они привели к определенной либерализации режима, облегчали условия антияпонской борьбы. В справочнике «Корейская полиция» содержится материал, касающийся реформы ликвидации жандармерии. Данные материалы показывают, что на самом деле произошло укрепление и расширение полицейского корпуса, что главным методом колониального господства остались репрессии. Число полицейских управлений в результате реорганизации в 1921 г. было увеличено по сравнению с 1917 г. на 155 %, участков – на 52%, постов – на 36%. Почти на 50 % – по сравнению с периодом до реформ – возрос и полицейский корпус.² В связи с тем, что охрана границы в 1923 году перешла в ведение полиции, число полицейских увеличилось на 3254 чел. и достигло к 1923 г. 20758 чел.³ Расширилась и сеть тайной полиции.

² «Корейская полиция». С. 23.

³ Там же. С. 5-6.

По утверждению японской администрации с проведением реформ 1919 года, окончился период военно-полицейских методов контроля и началась «эра культурного управления». Основные акции колониальные власти направили в сферу укрепления своей социальной опоры, нейтрализацию недовольства и сопротивления национальной буржуазии. Анализируемые материалы показывают многоплановость системы мер, предпринятых Японией, гибкость ее политики.

Период конца 1920-х и первой половины 1930-ых годов – драматичный период колониальной истории. С одной стороны, Япония, продолжавшая милитаризацию, рассматривала Корею как военно-стратегический плацдарм, как базу продвижения на материк, все активнее стремилась укрепить корейский тыл. С другой стороны, мировой экономической кризис и военные приготовления Японии привели к ухудшению условий жизни широких слоев населения, стимулировали их протесты.

Методы управления и контроля, которые применяла колониальная администрация в этот период, показаны в секретных материалах весьма наглядно. Они, как и ранее, были гибкими и, учитывая меняющуюся ситуацию, многоплановыми. Больше всего, судя по материалам, власти беспокоила антиколониальная и усиливающаяся антивоенная направленность борьбы. Ультраревolutionный курс радикально настроенных подпольных групп как непосредственная опасность вряд ли воспринималась всерьез и в значительной мере даже облегчали полиции выявление «опасных элементов». Вместе с тем их деятельность делала взрывоопасным корейский тыл, и против него был направлен основной огонь репрессий. Наряду с многочисленными арестами предпринималась система мер, ставящих своей целью углубление раскола патриотических сил с помощью самих же корейцев, засылки провокаторов в подпольные организации, инспирирования в них групповой борьбы.

Издания полиции отмечают, что некоторые «раскаившиеся» стали оказывать помощь мероприятиям японского правительства. Но вместе с тем «Вестник идеологии» пишет о сожалении властей, что некоторые из них снова нарушали закон об общественном спокойствии. «Предотвратить это – наша задача»⁴.

Следует подчеркнуть дифференцированный подход японских властей к разным слоям населения. Так, учитывая настроения крестьян, они с 1932 г. развернули движение «за возрождение деревни». Одновременно приняли десятилетний план по увеличению числа хозяйств крестьян-собственников, а в 1934 году – земельный закон, устанавливающий трехлетний срок аренды. Также колониальную власть тревожили антияпонские выступления в военно-промышленных центрах, где наряду с репрессиями применялись и некоторые экономические методы умирения. Власти интересовались и деятельностью патриотически настроенной интеллигенции. С ней заигрывали, старались притушить ее острую реакцию на национальную дискриминацию. В рассматриваемое время японская администрация проявляла осторожность в отношении корейских традиций, проводила «японизацию» осмотрительно, дабы задевать национального самолюбия корейцев. Особый аспект, требующий изучения, – это учет японскими колонизаторами устойчивости национального самосознания и местных традиций, известная осмотрительность, нараставшая по мере расширения антияпонского движения и осуществления милитаристской политики в Азии, где Корею отводилось особое место.

В рассматриваемых материалах содержатся документальные сведения о методах управления и контроля колонией во второй половине 30-х гг. – о мерах, предпринимаемых администрацией и ее карательными органами, о результативности этих мер. Они многоплановы, тщательно

---

⁴ «Вестник идеологии», 1936, №6. С. 93.

продуманы. Главное в этих действиях – следующее: строгий учет изменений курса и расстановки сил в лагере антияпонской борьбы, ее просчетов, уязвимых точек, общей ситуации в стране и в мире, изменение тактики ее подавления. Неизменным средством при этом оставались репрессии, обеспечиваемые мощным полицейским аппаратом. Но в рассматриваемое время ограничиваться ими становилось все труднее, и была разработана, продумана и приведена в действие система дополнительных приемов. Они включали: меры по расколу и разобщению патриотических организаций, по недопущению единого антияпонского антивоенного фронта, инспирирование и разжигание групповых распрей, насаждения в массах недоверия подозрительности, настороженности, широкое распространение круговой поруки через патриотические группы и другие меры. Полиция усилила преследования за провокационные слухи в связи с войной в Китае; здесь подчеркивается рост подобных слухов и серьезный вред, который они приносят Японии⁵.

Японская администрация усилила идеологическую обработку народа. Были активизированы борьба с «идеологическими преступлениями», подрыв влияния антияпонских, антивоенных сил, создана сеть новых организаций. Так, в 1937 г. была создана «Лига патриотических идей». Особое место в системе управления и контроля принадлежало «Союзу всеобщей мобилизации духа нации» (1938 г.), ячейки которого – патриотические группы – были созданы по всей стране и механически охватывали все население поголовно. В 1939 г. В Корее насчитывалось 350 тыс. «патриотических групп», а в 1940 г. – 438 тыс. Численность их соответственно составляла 4600 тыс. и 7080 тыс. чел. (учитывались только главы семей)⁶. Задачи на Союз были возложены комплексные: политические – всемерное содействие осуществлению поли-

---

⁵ «Состояние общественного спокойствия...» с.105.

⁶ «Словарь тайной полиции», с. 21-22.

тики Японии и акциям военного времени; полицейские, точнее сыскные – выявление «опасных элементов», сомневающих, колеблющихся и соответствующие меры в отношении них. Важной сферой деятельности Союза была идеологическая. Внедрение в общественное сознание идей величия Японской империи, необходимость всячески содействовать ее победе и т.п. стали буквально частью жизни корейцев. Усиленно внушались им идеи японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония – одно целое, одна семья» призван был ослабить нарастающий протест, польстить большому национальному самолюбию корейцев, повысить их усердие в труде.

С подобной целью были созданы еще несколько организаций: «Корейская ассоциация по борьбе с коммунизмом», задачей которой был всемерный подъем национального духа, профашистская молодежная группа «Молодежный корпус» («Сэйнэндан»). Создавались различные прояпонские общества, союзы, группы, куда входили представители корейской буржуазии, помещики. Так, в 1939 г. было основано «Общество прогресса Кореи», широко пропагандировавшее единство интересов Кореи и Японии и девиз – «Восемь углов мира под одной крышей». Разжигая шовинистический угар, власти подчеркнуто изображали уважительное отношение к корейцам, как к «собратьям». Внедрялась концепция единства интересов метрополии с ее колонией. В «Состоянии общественного спокойствия...», к примеру, говорится о созданном в 1934 г. группой национал-реформистов общества, пропагандировавшего идею: «Япония и Корея – одна семья»⁷.

Учитывая, сколь важную роль в истории Кореи играют религиозные организации, последователи которых были способны расширить потенции единого фронта антияпонских антивоенных сил, колониальная администрация приня-

---

⁷ там же, с.57.

ла в отношении этих организаций серию мер, с конца 30-х годов настойчиво привлекая их к сотрудничеству. Так «Словарь тайной полиции» указывает, что после начала японо-китайской войны власти созвали представителей 18 храмов, призвав их оказывать помощь тылу. Согласно указанию генерал-губернаторства в 31 храме была проведена мобилизация 7000 монахов для участия в практической помощи тылу». ⁸ Довольно много материала содержится и о такой организации, как «Общество возрождения отечества «Чхондогё»». ⁹ Как пишет о нем «Словарь тайной полиции», «его последователи пропагандировали выполнение народом своих обязанностей...». ¹⁰ Источники пишут и об обществе «Чхонудан» («Общество друзей Чхондогё»).

Все эти меры оказались в значительной мере действенными, результативными, может даже в значительно большей мере, чем об этом писалось в работах советских востоковедов. Многие патриоты в рассматриваемое время отошли от антияпонской борьбы. В секретных материалах приводятся результаты деятельности властей. «В связи с изменением внешней и внутренней политики стал намечаться отход подпольщиков от своих убеждений. После китайских событий (1937 г.) многие опасные элементы, обладавшие большим практическим опытом работы, осознали свои ошибки и стали отдавать свои силы охране тыла. «Но все же подпольная деятельность патриотических сил полностью не прекратилась; формы ее стали лишь более искусными» ¹¹.

В 40-е гг. XXв. в методах колониального управления в Корее проявилась еще большая маневренность, сочетание жестких методов полицейского контроля и террора с идеологическими формами воздействия на корейское

---

⁸ там же, с.63.

⁹ там же, с.63.

¹⁰ «Состояние общественного спокойствия...». с.10-12.

¹¹ там же, с.10-12.

население. В декабре был принят указ об обеспечении общественного спокойствия в чрезвычайное военное время. Проводилось разъяснение указа в газетах, а также в специальных агитационных группах¹². Летом 1941 г. генерал-губернатор Минами на совещании руководства «Союза по мобилизации сил нации» подчеркнул важность задачи вселять в массы уверенность в победе. По его словам, надо добиваться, чтобы народ Кореи, который составляет четверть населения империи, твердо верил в неизбежную победу Японии.

Позже на посту генерал-губернатора Минами сменил Коисо. Минами направлял усилия на то, чтобы сделать Корею этапной базой для продвижения на материк, Коисо же пошел дальше по пути «японизации» Кореи. На совещании губернаторов провинций он говорил: «Чтобы сконцентрировать политические и экономические силы, нужно мобилизовать дух народа и добиться его единства. Надо доказать, что история Кореи – это история Японии. Чтобы Корею полностью японизировать, нужны усилия чиновников и народа».¹³ Эту задачу должен был реализовать и созданный в 1938 г. «Союз по мобилизации сил нации», который разработал специальную программу из 15 пунктов. «Зная японский язык, корейцы смогут активнее участвовать в построении великой Восточной Азии»¹⁴. При обучении вводились медали, награды отличившимся в изучении японского языка; были и штрафы. Проводилось специальное обучение корейской молодежи.

8 мая 1942 г. правительство Японии ввело в колонии всеобщую воинскую повинность. С 1944 г. была создана подготовительная Комиссия мобилизации людских ресур-

¹² «Кэйздэ ниппо», 19.12.1941. Цит. по книге Шабшиной Ф.И. «В колониальной Корее (1940-1945. Записки и размышления очевидца)», Москва, Наука, с.101-102.

¹³ «Кэйздэ ниппо», 27.12.1941. там же, с.103.

¹⁴ «Тэсэн сёко симбун», 7.5.1942, там же.

сов¹⁵. Проводился дополнительный набор добровольцев во все военные школы. Расширились военные занятия школьников. Эти и другие мероприятия японских властей были призваны обеспечить «общественное спокойствие» в колонии. Так, генерал-губернатор Коисо на совещании начальников тюрем призвал «приложить все усилия к изоляции недовольных и обеспечить полное спокойствие тыла¹⁶».

В начале февраля 1943 г. генерал-губернатор принимает решение о «культурном воспитании в связи с современным военным положением».¹⁷ Подчеркивалось, что в данный период возросла роль Кореи с её материальными и людскими ресурсами. Для этого генерал-губернатор направил тысячи корейцев на японские предприятия для поднятия культуры труда и получения квалификации. На Корею были возложены задачи расширения и интенсификации экономики.

В 40-е гг. продолжал свою деятельность «Союз по мобилизации сил нации». Его ячейки расширили свою работу в массах, вели пропаганду идей единства Кореи и Японии, величия Японии. С 1943 г., когда начались неудачи на фронте, еще более усилилась роль Кореи в разных сферах – в военно-промышленном строительстве, обеспечении сырья, людских прочих ресурсов. Еще более усилилась политико-идеологическая обработка населения. Активно продолжали работать созданные ранее «Общество согласия и сотрудничества», «Обществ взаимной любви»; в 1945 г. начало работу «Общество единых стремлений». Мероприятия военного времени шли полным ходом. В 1944 г. были приняты закон о трудовой мобилизации женщин, тогда же – решение мобилизации учащихся на предприятия. Расширена программа военного обучения молодежи, частности, на

¹⁵ «Кэйдзё ниппō», 10.5.1942, там же.

¹⁶ «Кэйдзё ниппō», 20.11.1942, там же

¹⁷ «Кэйдзё ниппō», 20.5.1943, там же, с.105.

учебных военных площадках. В том же году была создана «Корейская ассоциация служения родине и тылу»¹⁸. Продолжил работу созданный в 1927 г. «Молодежный корпус», задачей которого в эти годы провозглашалось формирование верноподданных чувств, внедрение единства «корейских братьев» с Японией, обязательность активного участия в войне. Тем же целям должны были служить мероприятия «Союза по мобилизации сил нации», а именно «мобилизация всех сил 26 млн. чел. населения на укрепление военной мощи Японии»¹⁹. В 1944 г. начался призыв корейцев в армию²⁰.

Летом 1944 г. был назначен новый генерал-губернатор Абэ, который утверждал, что будет продолжать политику своего предшественника²¹. В годы его пребывания на посту наблюдался еще больший крен в сторону заигрывания с населением, «мобилизации национального духа», создания новых прояпонских обществ и групп. По его словам, надо считаться с наличием в стране мирных настроений, хотя борьба против антивоенных действий, конечно, не прекращалась. В ноябре 1944 г. произошло объединение различных сект буддизма, синто и христианства; на базе него создано Всекорейское патриотическое общество военного времени, целью которого провозглашалось укрепление при помощи религии духа корейского населения²². В это время был также создан специальный комитет по изучению «вопроса о политических мероприятиях в отношении братьев в колонии»; в декабре 1944 г. – закон о политических привилегиях.

¹⁸ «Кэйдзё ниппō», 1.8.1944, там же, с.123.

¹⁹ «Кэйдзё ниппō», 30.5.1944, там же, с.124.

²⁰ «Кэйдзё ниппō», 3.7.1944, там же, с.124. Сведения о числе корейцев, участвовавших в войне, противоречивы. Правительство дает следующие данные: к 1942 г. – от 4500 до 10000, а к концу войны – несколько десятков тыс. чел.

²¹ «Кэйдзё ниппō», 27.9.1944, там же, с.125.

²² «Кэйдзё ниппō», 22.11.1944, там же, с. 132.

Говорилось, что в жизнь проводятся меры, направленные на спокойную работу и нормальную жизнь для обеспечения максимальной производительности труда. В этом же году был принят закон о предоставлении корейцам избирательных прав (правда, закон распространялся лишь на отдельные слои общества). Было объявлено, что император мог назначать (по рекомендации генерал-губернатора) корейцев в верхнюю палату японского парламента.

Целью японской колониальной политики в этот период было внедрение в общественное сознание корейцев идеи величия Японии, необходимости всячески содействовать ее победе. Усиленно внушались мысль японо-корейского единства. Лозунг "Корея и Япония – одно целое, одна семья" был призван ослабить нарастающий протест, стать бальзамом для больного национального самолюбия корейцев. С одной стороны, колониальные власти стремились подавить национальное самосознание корейского народа, добивались, чтобы он проникся безразличием к судьбе своей нации, к своей государственности, к своей национальной культуре. Вместе с тем японские издания указывают, что Корея, являясь базой для распространения «императорского пути» на материке, имела специфический характер среди других азиатских народов и играла особую миссию в создании сферы совместного процветания в Восточной Азии.

Итак, исследуемые материалы помогают проанализировать развитие и трансформацию колониальной политики в Корее с периода её аннексии в 1910 вплоть до середины 40-х гг. В этой области служебные издания генерал-губернаторства являются в полном смысле слова первоисточниками. Они позволяют сделать вывод о гибкости, продуманности и многообразии методов управления. Из них следует, что японскими властями тщательно учитывались внешние и внутренние условия, как стимулировавшие, так и ограничивавшие сопротивление масс колониализму и войне. Это касается факторов: экономических, поли-

тических, психологических, религиозно-этических, уровня массового сознания, черт национального характера, курса руководящих сил разных потоков освободительной борьбы, вообще специфических особенностей Кореи. В первый период после аннексии в 10-е гг. XX в. главным методом управления являлся сыск и террор (период «сабельного режима»), они не ослабевали и в последующие годы. Вместе с тем уже на раннем этапе достаточно эффективному управлению служила и создаваемая японскими колонизаторами мощная идеологическая система, для которой была характерна не только наступательность и жестокость, но и осмотрительность, умение приспособиться к обстоятельствам, учитывать корейские национальные традиции.

В заключении хотелось бы ещё раз подчеркнуть важность для исследователей рассматриваемых служебных изданий японского генерал-губернаторства. Введение в научный оборот новых, ранее неиспользованных материалов японского вносит весомый вклад в пополнение источниковедческой базы исследований колониального периода японской и корейской истории.

Дипломатическая миссия фрегата «Эртогрул» в свете турецко-японских отношений

Турецко-японские отношения, как в историческом рассмотрении, так и на современном этапе отличаются высоким уровнем доверия и взаимопомощи. Примечателен и факт наличия безвизового режима между странами. Союзнические отношения Японии и Турции наблюдаются в Первой мировой и в русско-японской войнах. Соответственно, нельзя отрицать влияние отношений двух стран на формирование политики Японии и Турции по отношению к России, а также на исторический ход событий в контексте внешней политики России. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение предпосылок возникновения сотрудничества между Японией и Турцией, что в последствии сделает возможным анализ ряда событий из отношений двух стран с Россией. Также стоит отметить, что история фрегата «Эртогрул» может дать характеристику Японии в период реформ Мэйдзи в контексте внешней политики.

Говоря об истории турецко-японских отношений, мы можем отметить относительно позднее начало контактов между странами. В 1875 г. Стамбул посетил министр иностранных дел Японии Терасима Мунемори. В 1881 г. Османскую империю посетил принц Като Хито с намерением заключить ряд торговых договоров. Спустя 6 лет, в октябре 1887 года в Стамбул прибыла делегация принца Комацу Акихито. Принц представил султана к Ордену Хризантемы. В качестве ответного жеста на визит Комацу султан принял решение отправить в Японии корабль с подарками для японского двора. Именно это посещение Японии командой фрегата «Эртогрул» и последующее кораблекрушение стало важной вехой в формировании турецко-японских отношений.

Фрегат «Эртогрул» был построен на судостроительной верфи Ташкызак в Стамбуле и спущен на воду 19 октября 1863 г. Корабль был назван в честь основателя Османской

империи – Эртогрула, отца Османа 1. В связи с близкими отношениями с султаном, министр военно-морского флота узнал о намерении отправить в Японию корабль с делегацией еще задолго до официального объявления. Таким образом, министр располагал достаточно большим отрезком времени для тщательного выбора корабля. Указом от 25 февраля 1889 г. министр военно-морского флота сообщил о том, что для данной миссии им был назначен фрегат «Эртогрул», и что корабль будет готов к отплытию уже в марте. Тем не менее, османский флот имел в распоряжении и другие подходящие корабли. Возможно, министерство военно-морского флота приняло решение придержать флот для военных операций. Вскоре 6 марта 1889 года был назначен капитан корабля – Осман паша, что вызвало волну насмешек в связи с тем, что Осман паша приходился зятем министру флота. В ответ на вопрос о том, почему выбор министра пал именно на фрегат «Эртогрул», он шутил: «Это самый надежный корабль, видите, даже родного зятя отправляю на нем». По другим источникам, министр, устав от перепалок дочери с зятем, хотел отправить последнего в дальнюю дорогу. По состоянию на 1890 г. фрегат обладал следующими техническими характеристиками:

Высота 250 футов

Ширина 49,10 футов

Количество двигателей: 2

Деревянный корпус, электрическое оснащение.

«Эртогрул» отплыл из Стамбула рано утром и начал свой путь через пролив Дарданеллы. Затем был взят курс на полуостров Аттика. Маршрут «Эртогрула» проходил почти через все острова Эгейского региона, которые были в подданстве Османской империи, за исключением архипелага Северные Спорады. После того, как корабль вышел из Эгейского моря, он достиг Мраморного моря, уже оттуда направился на Порт-Саид, главный центр Суэцкого канала. Расстояние между Стамбулом и Порт-Саидом было преодолено за 10 дней.

В Порт-Саиде к кораблю был представлен проводник. Известно, что прохождение канала было связано с многими трудностями. Например, ввиду введенного ограничения на скорость выше 5 миль/час, проход через канал занял более суток. В свою очередь скорость была ограничена в связи с труднопроходимостью Суэцкого канала. В то время, как за день по нему проходило свыше 10 кораблей, было неизбежно столкновение с 3-4 встречными судами. В таких случаях один из кораблей приближался к береговой линии, уступая дорогу, либо же заходил в специально выделенный карман. «Эртогрул» также встретился с двумя кораблями, которые прошли в опасной близости от крайнего борта. Около 8 часов вечера корабль достиг города Исмаилия. Проводник из Порт-Саида сошел на берег и его место занял проводник Исмаилии. На следующий день корабль вошел в воды Мюррет-уль-Кубра. Дальше планировалось взять курс на г.Коломбо в Шри-Ланка. Однако из-за того, что уже прошло время сезонных муссонов, а продвижение без попутного ветра заняло бы слишком много времени, утомив корабль и команду, выбор пал на Бомбей. Тем не менее, во время стоянки в Адана (Йемен) в Министерство военно-морского флота было отправлено сообщение о дальнейшем отплытии в г.Коломбо.

«Эртогрул» продолжил свой путь на восток по 12 широте. Стоит отметить, что после открытия Суэцкого канала, роль Бомбея как портового торгового города резко возросла. На тот момент это был город с населением более 1 млн человек, половину составляли мусульмане. Неудивительно, что прибытие в порт Бомбеи османского фрегата вызвало ажиотаж. Когда корабль открыли для посещения, его захлестнула волна желающих, некоторые из которых прибыли из далеких районов Индии. Индийцы совершали намаз на палубе, кто-то целовал палубу, кто-то, вскарабкавшись на мачты, прильнул лицом к османским флагам. За ту неделю, которую корабль провел в порту, его посетило 150.000 человек. Две индийские газеты опубликовали заметки об «Эртогруле», которые вскоре были переведены на османский

язык. Стамбульские газеты подчеркивали ведущую роль Османской империи в халифате, делая акцент на ее теплых отношениях с мусульманами всего мира. Загрузив на борт уголь, воду и продовольствие, 27 октября 1889 г. корабль отплыл в Коломбо.

На шестой день движения корабля вдоль побережья Западной Индии около полуночи Капитан Осман бей был разбужен страшным известием – через носовую часть в корабль проникала вода. До ближайшего порта было 40 миль. Капитан распорядился двигаться по направлению к суше на максимально возможной скорости. Как оказалось, вода поступала через маленькое, толщиной с палец отверстие в корпусе на стыке носовой и бортовой части. Дубовые доски корпуса прогнили настолько, что при попытке заткнуть отверстие пробкой, его края разлетались в щепки. Проблему решили, поместив на место прорехи промоченную битумом ткань, посыпанную каменной крошкой. За три месяца плавания было невозможно гниение дерева в такой степени, что давало повод задуматься о качестве осмотра корабля в Стамбуле.

10 ноября 1889 г. корабль приплыл к берегам Коломбо, не располагавшим, однако, точкой ремонта. Через три дня стоянки «Эртогрул» отплыл по направлению к Сингапуру, обходя в обход Шри-Ланка. В ноябре уже закончился сезон юго-западного ветра лодос, который сменился северными ветрами, создававшими огромные волны и сильные ливни. После недели изнуряющего пути корабль достиг Малаккского пролива, преодолев 600 миль канала против течения и в тяжелых погодных условиях, корабль предстал образцом успеха в истории османского мореплавания. 22 марта 1890 г. корабль отплыл от Сингапура. Однако на третий день подул сильный ветер, ограничивший скорость судна до 3 миль/час. Невозможность дальнейшего продвижения вынудила вернуться в Сиамский залив, что отсрочило прибытие в Сайгон (Хошимин) на три дня. 29 марта 1890 г. корабль прибыл в Сайгон. И снова команда столкнулась с трудностями: из-за неисправности штурвала корабль не мог выполнять поворот

в левую сторону. 26 апреля 1890 г. «Эртогрул» смог достичь Гонконга, откуда взял курс на Нагасаки, куда прибыл 15 мая 1890 г. Дальнейший путь «Эртогрула» проходил по Японскому морю в Кобэ. В своих дневниках капитан писал: «Эта дорога очень напоминает наш Босфор. По прибытии в Кобэ мы вычистили корабль до блеска: мы получили телеграф с приглашением от Императора на празднества по случаю нашего прибытия». 17 июня «Эртогрул» достиг Иокогама после 11 месяцев пути. Как первый представитель Османской империи в Японии фрегат был встречен японским народом очень тепло. Впечатления Осман паши от Японии изложены в отчете министерству военно-морского флота от 24 июня 1890 г.: «Когда известие о нашем прибытии дошло до Императора, он выбрал день для торжественного приема и принял все меры, чтобы вместе с нами на нем присутствовали и наши офицеры. Также среди приглашенных были и представители иностранных государств в Японии. наших офицеров доставили в город в часе езды от Иокогама на поезде. Затем специальным служащим во дворец были привезены награды, за исключением медали Имтияз (награда за военные и гражданские заслуги, учрежденная Абул-Хамидом в 1879 г.). От станции мы прибыли на императорском транспорте, все выказывали нам особое почтение. Когда нас проводили в отдельный зал, мы представили перед самим Императором. На приеме присутствовал француз – переводчик турецкого языка. В конце приема Император принял от нас Медаль Имтияз и письма султана. В своей речи Император отметил, что испытывает большую радость, видя развитие наших отношений. Также Император выразил радость от того, что представленные ему письма были доставлены военным кораблем, чьи флаги сейчас развеваются в Нагасаки. В ответ император выразил свое намерение передать свою речь лично султану через телеграф. По окончании приема в другом зале мы предстали перед Императрицей. Мне вручили Орден Восходящего солнца 1 степени, а находившимся со мной капитанам тот же орден третьей степени. Вечером император организовал ужин. В

течение двухчасового ужина император рассказал о своей благодарности за проявленный к нему интерес турецкого султана. С помощью переводчиков мы обменялись любезностями в ответ. После ужина нас переместили в зал отдыха, откуда Император пригласил лично меня к себе, где расспрашивал об устройстве османского флота и нашем путешествии до Японии. Также Император выразил свое восхищение ювелирным искусством Османской империи в связи с полученной наградой. После того, как мы посетили 4 дома кронпринцев, мы вернулись в Иокогама...».

Ниже представлена цитата из письма капитана Осман паши Агабею Мехмед Решид паше: «Оттого, что днем и ночью я занимаюсь подготовкой к бесчисленным приемам принцев, министерств иностранных дел и флота, французских и английских адмиралов, подготовкой к этим состязаниям ума и гребли, еще бы чуть-чуть, и я бы не нашел времени написать тебе даже такое крошечное письмо в несколько строк.

На этой неделе нас, как и американское посольство, не пригласили в Министерство обороны, не зовут на ужин принцы... Надеюсь, что это означает конец череде приемов для нас. Боже, как мы устали... Мой желудок не настолько силен, чтобы выносить всю эту нездоровую пищу, закуски, так что торжественные приемы не нравились мне с самого начала. Из служащих при дворе, которые организуют церемонии, есть один, который, едва завидев меня, восклицает «Нет, что Вы, это приказ императора. Моя обязанность...» и складывается пополам в ответ на мои попытки увильнуть от очередного мероприятия. Как я устал от всего этого, от этих разъездов на императорских экипажах. Гостевой дом, в котором мы остановились во время посещения столицы, — это был не дом, а настоящий дворец! Восемьдесят слуг, повара, бог знает, кто еще! Я не понимал, кому из них что отвечать и что делать. Ей богу, устал!» Иокогама, 15 июня 1890 г.

Осман паша телеграфировал в министерство военноморского флота о том, что корабль выйдет из Иокогамы 15

сентября 1890 г. Последние два дня до отплытия представители команды провели на прощальных встречах и ужинах, на которых получили подарки. Среди самых ценных стоит отметить богато украшенный позолоченный самурайский меч. Загрузившись продовольствием и углем, корабль утром воскресенья 15 сентября отправился из Иокогама. На берегу творилось столпотворение. Попрощаться с «Эртогрулом» прибыли и японские военные корабли, и суда иностранных государств. «Эртогрул» проводили в путь выстрелами пушек, а один из японских кораблей около часа плыл рядом, провожая османскую делегацию.

Погода стояла прекрасная, команда пребывала в чудесном расположении духа – все члены команды за 15 месяцев соскучились по своей родине, по семьям, у некоторых за этот период родились дети. Сам капитан Осман паша получил известие о рождении сына во время стоянки в Сингапуре. Однако за такой период времени корабль успел местами подгнить и износиться. В Сингапуре Осман-паша писал об этом в Министерство флота, причем министерство согласилось с этим. Тем не менее, было дано распоряжение продолжить путь.

Воспоминания о трагедии можно обнаружить в записках выжившего имама Али Эфенди: «Сначала погода была прекрасная. Позже, ближе к полудню, нам навстречу подул ветер, а к вечеру поднялся шторм. Мы подняли боковые паруса, чтобы избежать раскачивания корабля, однако ночью ветер усилился настолько, что мы были вынуждены спустить паруса. В нос корабля стали ударять большие волны. Было ясно, что корабль не выдержит волны такого размера и что приближается катастрофа. В этот момент раздался крик дежурного матроса: «Мачта кренится!». Действительно, мачта наклонилась на кадем (прим.: поларшина). Каждый раз, когда корабль качался на волнах, сорокаметровая мачта ударяла вправо и влево своими канатами и парусами, усиливая качку. Один из адмиралов, и матросы скидывали под ее основание мешки, чтобы хоть как-то уменьшить раскачивание. Шторм усиливался. Очеред-

ная вода ударила в нос корабля, своим ударом создав трещину между килем и бортом. Вода стала проникать в комнаты с углем. Эти поломки, возникшие одна за другой, убили надежду даже у самых матерых моряков. Однако команда не впала в панику и продолжала выполнять свои обязанности: часть команды вычерпывала воду из хранилищ угля ведрами за недостаточной мощностью насосов...». На протяжении последующих трех дней по распоряжению капитана матросы вычерпывали воду. Было принято решение направиться в Кобэ. Ближе к вечеру вода затопила паровой двигатель. Корабль находился в 10 милях от скалистого берега острова Осима. Внезапно поток воды оторвал от крепления паровой котел, который с грохотом покатился в сторону, накренив корабль. Под действием волн «Эртогрул» шел прямо на скалы Осима, и во избежание столкновения капитан дал команду бросить якорь. В то время, когда команда была готова к погружению якоря, корабль нанесло на рифы восточной части острова и вскоре корабль затонул.

В кораблекрушении погибли 533 матроса, включая 50 офицеров и командующего адмирала Али Осман пашу. Удалось спасти только 6 офицеров и 63 матроса. Из них 9 были серьезно ранены, 6 не пострадали, остальные имели легкие травмы. Первая помощь была оказана врачами деревни Осимамура. Крестьяне деревни принесли пострадавшим еду: деревня в 60 домов смогла накормить своими запасами 69 пострадавших, отдав последнее. Также японцы пожертвовали и свою летнюю одежду, несмотря на то, что большинству моряков одежды японцев приходилось чуть ниже пояса. Пострадавших разместили в здании синтоистского храма, в это же время жители деревни не только ухаживали за пострадавшими, но и лично искали трупы затонувших. Долго не удавалось обнаружить тело капитана Осман паши. Стоит отметить, что даже было назначено вознаграждение нашедшему в размере 20 литров сакэ. Когда впоследствии новости о активной помощи японского народа пострадавшим дошли до Османской империи, в благодарность деревне было отправлено 3000 иен.

Шестьдесят девять выживших были перевезены в Кобэ для отдыха и восстановления. В январе 1891 года команда была доставлена в Стамбул на двух японских крейсерах – Хиэи и Конго. Капитаны были удостоены трех визитов к султану и представлены к ордену Меджидие второй степени. Позднее султан Абдул Хамит II во время визита своего майора Ахмет бея в Японию передаст в подарок императору Японии породистого жеребца. 10 мая 1891 г. японский журналист газеты «Джиджи Синпо» Сётаро Нода навестит семьи потерпевших кораблекрушение с целью передать средства, собранные газетой (4,3 млн иен). Это была первая гуманитарная миссия Японии с момента ее «открытия». В апреле с той же целью Стамбул посетил Тарадзиро Ямада. Султан предложил Нода и Ямада остаться в Стамбуле и начать преподавание японского языка османским офицерам. Ямада Тарадзиро стал первым японским бизнесменом в Турции и неофициальным японским представителем, проживавшим в Стамбуле 20 лет.

В Осима было установлено мемориальное захоронение моряков «Эртогрула». Остров Осима стал ключевой вехой в истории турецко-японских отношений. В наши дни каждое десятилетие в Осима проводятся памятные мероприятия в честь «Эртогрула», а в 1990 году военным атташе в Токио был открыт музей «Эртогрул».

Предпосылки и причины маньчжурского кризиса

Япония – островное государство бассейна Тихого океана, где в 1936 г. проживало 70 млн. человек, ежегодный прирост населения составлял 1 млн. человек. Площадь Японской империи составляла 675 тыс. км², из которых обрабатывалось 5,8 млн. га земли, что занимало 16% от общей площади собственно японских островов¹. Говоря иначе, Япония имела населения всего лишь в 1,7 раза меньше, чем в Соединённых Штатах Америки, но должна была прокормить его с сельскохозяйственной площади меньшей, чем самый маленький сельскохозяйственный штат США – Южная Каролина (равный примерно по площади Японии)².

По мнению В.Е.Хохлова, для решения проблемы избыточной плотности населения есть два пути: миграция, либо определённая колониальная политика государства. Именно поэтому, начиная с середины 1920-х гг. во внешнеполитическом курсе Токио все большее значение приобретало маньчжурское направление. Эти территории были крайне важны для Японии как огромный рынок сбыта, важный источник сырья и полезных ископаемых, в частности: железная руда, уголь, соевые бобы³; вместе же с ресурсами Северного Китая и Внутренней Монголии Маньчжурия имела значительные запасы вольфрама, магниевых руд, золота, а также производила нужные армии хлопок и шерсть⁴.

Кроме того, немалое значение приобретало и широкое поле для вывоза капитала. В 1930 г. японские капиталовложения в Маньчжурии составили 73% всех иностранных капиталовложений, остальные 23% падали на долю СССР (КВЖД)⁵.

¹ Хохлов В.Е. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй Мировой войны. С. 113.

² Там же.

³ Коен Дж. Б. Военная экономика Японии. С. 37.

⁴ Жуков Е.М. Японский милитаризм. С. 123.

⁵ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). С. 240.

По утверждению В. Аварина, японские капиталовложения в Маньчжурию достигали 1,5 млрд. иен и приносили в среднем в год 35–40% прибыли, т.е. около 500 млн. иен ежегодно⁶.

Однако ещё в 1929 г. мировая капиталистическая экономика ощутила на себе первые симптомы кризиса, вступившего во второй половине 1931 г. в новую фазу – коллапс финансово-кредитной системы, сопровождавшийся тяжелейшими потрясениями на денежных рынках⁷. Для Японии, которая оказалась на третьем месте после США и Германии по остроте кризисных явлений, это имело тяжелейшие последствия.

Правительство Хамагути, возглавлявшего кабинет министров с июля 1929 г., не могло справиться с кризисом, стремительно теряя авторитет в различных слоях японского общества, преимущественно среди военных, что для Японии было особенно важно. Не добавляло популярности правящему кабинету и заметное (на 52 млн. иен) сокращение военных расходов – с 495 млн. иен в бюджете 1929/30 финансового года до 443 млн. иен, запланированных на 1930/31 г.⁸. Но это были далеко не все претензии, накопившиеся к гражданскому правительству у касты военных.

Наиболее радикально настроенные круги офицеров обвиняли правительство ещё во многих «грехах»: упадке и разрушении ещё недавно процветавшей империи; в неспособности руководить страной и справиться с кризисом; в отказе от долговременной экспансионистской внешней политики, провозглашённой в эпоху императора Мэйдзи после революции 1868 г., и пресмыкательстве перед иностранными державами; в намерении путём международных

---

⁶ Аварин В. Независимая Маньчжурия. С. 51.

⁷ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае... С. 40.

⁸ Павлов П. Вооружённые силы Японии. С. 181.

соглашений об ограничении вооружений подорвать боеспособность японской армии и флота⁹.

Именно в свете последнего обстоятельства выглядит весьма закономерным покушение на премьер-министра Хамагути, совершённое в ноябре 1930 г., в результате которого глава правительства был ранен (как оказалось впоследствии – смертельно) словно бы в отместку за одобрение подписания Лондонского морского договора. Кабинет Хамагути подал в отставку 13 апреля 1931 г., в связи с очевидной неспособностью премьера выполнять свои обязанности (тот скончался в августе 1931 г.). Чтобы достигнуть компромисса между отдельными фракциями, старейшие члены партии Минсэйто предложили избрать главой правительства Вакацуки, бывшего председателя партии и премьер-министра Японии в 1926-27 гг.

В его второй по счёту кабинет вошли министры из кабинета Хамагути. Генерал Угаки, подавший в отставку в качестве военного министра, принял назначение генерал-губернатором Кореи, когда подал в отставку адмирал Сайто. Граф Утида заменил г. Сенгоку в качестве президента огромного промышленно-транспортного концерна под названием «Южно-Маньчжурская железнодорожная компания» и в качестве председателя правления фактически являлся «некоронованным королём Маньчжурии»¹⁰.

Эти два назначения, а особенно последнее (поскольку больше половины акций ЮМЖД принадлежало японскому правительству) рассматривались в Японии в качестве шагов, направленных к установлению более полного контроля в Маньчжурии. Кабинет Вакацуки в лице, главным образом, министра финансов Инуэ, стремился понизить государственные расходы, чему противились несколько министров – в частности министры военный и морской¹¹. Судя по имею-

⁹ Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931-1945 гг. С. 26.

¹⁰ Аварин В. Независимая Маньчжурия. С. 52.

¹¹ Квигли Г. Правительство и политическая жизнь Японии. С. 222.

щимся в нашем распоряжении некоторым цифрам, снизить военные издержки действительно так и не удалось. Подобные статьи расходов в 1931/32 финансовом году выражались в сумме 455¹² (по другим данным – 454,6¹³) млн. иен, что составляло 30,8% от общего бюджета Японии, который к тому же стал дефицитным.

Данные цифровые характеристики практически совпадают (454,5 млн. иен военных расходов и 30,8% от общего бюджета Японии) и подтверждаются архивными материалами, в частности, донесениями советской военной разведки, содержащимися в № 4 (за апрель 1933 г.) «Военно-политического бюллетеня», выпускавшегося iv-м (Разведывательным) Управлением Штаба РККА¹⁴. Для сравнения предыдущий, сведённый с положительным балансом 1930/31 год, оказался несколько более скромным в своих тратах – 443 млн. иен издержек на армию и флот и 28,4% от бюджета соответственно¹⁵. План военных властей об увеличении размеров вооружённых сил в Корее и Маньчжурии и об увеличении воздушного флота, таким образом, мешал осуществлению программы экономии¹⁶.

Между тем именно весной 1931 г. силовому решению маньчжурского вопроса стало отдавать предпочтение всё большее число японских военных. Этому способствовало несколько обстоятельств: пик антияпонской антиколониальной политики и пропаганды в Маньчжурии и гоминьдановском Китае; экономический кризис в Японии; многочисленные жалобы японских переселенцев, недовольных притеснениями со стороны маньчжурских властей и выступавших за создание автономного или независимого от Китая монголо-маньчжурского государства; занятость иностранных держав

---

¹² Любимов Н.Н. Финансы фашистских государств. С. 46.

¹³ Болдырев Г.И. Финансы Японии. С. 208.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 127. Д. 369. Л. 5.

¹⁵ Любимов Н.Н. Указ. соч. С. 46.

¹⁶ Квигли Г. Указ. соч. С. 222.

своими внутренними проблемами: на Западе – разгар мирового экономического кризиса 1929-1933 гг., в СССР – развёртывание первой пятилетки¹⁷.

Главная причина среди указанных была связана с антияпонским и в то же время объединительным курсом китайских властей в Маньчжурии, который к тому времени уже стал совершенно неприемлемым для японских властей, поскольку угрожал вытеснением Японии из этой провинции¹⁸.

Весной 1931 г. нанкинское правительство объявило о необходимости возвращения Китаю всех арендованных территорий, концессий и специальных прав в Маньчжурии, включая Дайрен, Порт-Артур и Квантунскую область. В то же самое время делегаты конференции в Мукдене потребовали от правительства Чжан Сюэяня вступить в переговоры с Токио о восстановлении китайских прав ни много ни мало на ЮМЖД.

С 1919 г. на части Ляодунского полуострова в Маньчжурии (область Гуаньдун, в западной транскрипции – Квантун), до Первой мировой войны являвшейся германской колонией, были дислоцированы японские вооружённые силы – так называемая Квантунская армия. Её подразделения насчитывали всего около 11,5 (по другим сведениям, порядка 10^{19} или $10,4^{20}$) тыс. солдат и офицеров²¹. В соответствии с японскими оперативными планами, эта армия в случае возникновения чрезвычайно обстановки должна была перейти в наступление против Северо-Восточной армии Китая, которая, к слову сказать, в то время насчитывала до 300 тыс. солдат²².

---

¹⁷ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 25.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Богатуров А.Д. Кризис и война. Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 1930 - 1940-х гг. С. 25.

²⁰ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 41.

²¹ Жуков Е.М. Указ. соч. С. 116.

²² Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 25.

Здесь стоит отметить утверждение А.С. Савина о том, что ещё в сентябре 1930 г. в штабе Квантунской армии приступили к разработке плана захвата Маньчжурии²³, хотя В.П. Сафронов, на наш взгляд, более обоснованно полагает, что отправной точкой в разработке захватнических планов Квантунской армии в отношении Маньчжурии следует считать июль 1929 г.²⁴. Также А.С.Савин, придерживается, вероятно, ошибочного мнения о том, что наиболее активную роль в подготовке агрессии играло Общество цветущей вишни (Сакурайкай)²⁵, в состав которого в мае 1930 г. входило 150 «молодых офицеров» во главе с майором Хасимото.

Но как показывают многочисленные исследования японских и иностранных историков²⁶, маньчжурский инцидент был запланирован и осуществлён под руководством группы честолюбивых офицеров, прежде всего командира 33-го пехотного полка Квантунской армии, а с 1931 г. начальника разведывательного отдела штаба Квантунской армии полковника Итагаки (будущего военного министра в 1938-1939 гг.), видного военного теоретика подполковника Исивары (Исихары)²⁷, и, также, вероятно, при определённом участии полковника военной разведки Доихары, ставшего известным уже позднее благодаря громкому прозвищу «японский Лоуренс»²⁸.

В июле 1929 г. по инициативе Исивары в Квантунской армии была создана специальная исследовательская группа по изучению вопросов управления оккупированными районами Маньчжурии.

---

²³ Савин А.С. Японский милитаризм в период второй мировой войны. С. 26.

²⁴ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 23.

²⁵ Савин А.С. Указ. соч. С. 26.

²⁶ См. например: Ferrell R.H. The Mukden Incident: September 18-19, 1931. P. 69-70.

²⁷ Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933-1945 гг... С. 9.

²⁸ Ferrell R.H. Op. cit. P. 69-70.

Вопреки официальной позиции генерального штаба Японии, Итагаки и Исивара считали захват Маньчжурии единственным средством решения проблем, назревших вокруг неё за последние годы. Их точка зрения, видимо, была следствием упорного неверия в результативность мирных дипломатических методов, получивших название «негативной» дипломатии или «дипломатии Сидэхары», по имени японского министра иностранных дел в 1924-1927 и в 1929-1931 гг. барона Сидэхары.

Позиция центральных военных ведомств в Токио по маньчжурской проблеме в это время стала постепенно меняться, в том числе и под давлением Квантунской армии, в пользу её силового решения, хотя единства в их рядах по-прежнему не было. Во многом именно поэтому сотрудники разведывательного департамента генштаба, придерживавшиеся наиболее близкой для группы «активистов» из Квантунской армии точки зрения на маньчжурский вопрос, в июне 1931 г. провели вместе с представителем штаба материковой армии секретные переговоры. В ходе них было достигнуто соглашение о необходимости подготовки оккупации в Маньчжурии уже в октябре того же года, увязывая эти действия с подготовкой военного переворота в Японии в том же месяце²⁹.

Таким образом, становится ясно, что разница в сроках оказалась ключевым пунктом трений между радикально настроенными военными, служившими в Квантунской армии и генеральном штабе и выдвигавшими тезис о скорейшем захвате провинции, и несколько более умеренными в своих взглядах офицерами ведомств, расположенных преимущественно в метрополии, и полагавшими вполне возможным проведение более спокойной и неторопливой политики в отношении силового варианта развития событий.

Такая осторожность обосновывалась с одной стороны как внутри-, с другой также и внешнеполитическими

---

²⁹ Сафронов В.П.С. 30.

факторами. Что касается первых, то олицетворением духа пацифизма были гражданские члены кабинета Вакацуки, и в первую очередь министр иностранных дел Сидэхара, весной 1931 г. публично возложивший ответственность за возникавшие для них трудности в Маньчжурии и Монголии на самих же японских поселенцев, высказываясь в том смысле, что те сначала создают проблемы, демонстрируя национальное превосходство перед китайцами, а затем обращаются за защитой к японским властям³⁰.

Внешним же сдерживающим фактором В.П.Сафронов, в частности, считает вероятную реакцию СССР на оккупацию Маньчжурии. Некоторые военные, принадлежавшие к армейской верхушке (например, начальник генштаба Каная), не были полностью убеждены в благоприятном отношении Советского Союза к возможному вторжению в Китай, в противовес взглядам, скажем, военного министра Минами и его единомышленников, практически уверенных в том, что «Россия ничего не предпримет»³¹.

В августе-сентябре 1931 г. тайная подготовка Квантунской армии к оккупации Маньчжурии вступила в решающую стадию. Было создано специальное диверсионное подразделение, которое должно было обеспечить исполнение провокации, служившей сигналом к началу вторжения. Диверсия на ЮМЖД, по плану Итагаки и Исивары, намечалась на 28 сентября.

9 сентября с помощью военных самолётов над крупными городами Японии были сброшены листовки, агитировавшие местное население в пользу поддержки интервенции в северо-восточные области Китая. Примерно в то же время в Мукден из Японии морем была переправлена тяжёлая артиллерия, и незадолго до 10 сентября (или даже именно в этот день) совершенно незаметно для китайских войск была

---

³⁰ Там же. С. 31.

³¹ Там же.

завершена установка орудий³². Впоследствии этим практически полным достижением эффекта неожиданности при нападении особенно гордился полковник Итагаки, позднее поведавший своему коллеге, что применил военную хитрость, приказав своим подчинённым на все вопросы любопытствующих о проводимых солдатами работах отвечать, что они-де копают колодец³³.

Подобные «водопроводные» работы, возможно, так и остались бы нехитрой, но тем не менее, вполне пригодной выдумкой предприимчивого японского штабиста, но «шила» в маньчжурском «мешке» утаить оказалось практически невозможно. 14 сентября в генеральный штаб поступила телеграмма из Порт-Артура от начальника штаба Квантунской армии Мияке, в которой говорилось о том, что в регионе складывается достаточно взрывоопасное положение, в связи с чем генерал запрашивал компетентной помощи от военных чиновников высокого ранга, способных разобраться в ситуации непосредственно на месте³⁴. Можно предположить с большой долей вероятности, что трудности начались ещё летом и генерал Мияке в некотором роде пожинал те плоды, которые были посеяны ещё раньше сторонниками вооружённого решения всех накопившихся в Маньчжурии противоречий.

Таковыми «плодами» с привкусом пороха могли быть периодические столкновения китайских военнослужащих, противостоявших провокациям японских и корейских военных. Наиболее известным происшествием, бесспорно, является «бойня Накамуры». Именно так с лёгкой руки японских газет стали именовать арест и затем расстрел в июне 1931 г. группы из четырёх японцев во главе с армейским капитаном Накамурой С., имевших несчастье оказаться в штатской одежде в тех труднодоступных областях Маньчжурии, где им как будто бы совсем нечего

---

³² Ferrell R.H. Op. cit. P. 71.

³³ Ibid.

³⁴ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 36.

было делать и отнюдь небезосновательно подозревавшихся гоминьдановскими властями в военном шпионаже³⁵.

Тем временем нанкинские (и не только) руководители начали о чём-то догадываться. В частности, маньчжурская администрация и её лидер Чжан Сюэлян, распорядились свернуть антияпонскую кампанию на территории провинции, проявлять крайнее терпение и выдержку, дабы ни в коем случае не применять по отношению к японским подданным силовые методы воздействия и даже посадила под арест китайского офицера, ставшего «крайним» за инцидент с капитаном Накамурой³⁶. Более того, 11 сентября уже сам Чан Кайши категорически запретил воинским соединениям в Маньчжурии вступать в какие бы то ни было столкновения с частями Квантунской армией и что ещё важнее, гарнизону Мукдена был отдан приказ о сдаче оружия³⁷. Видимо, китайский диктатор слабо надеялся на то, что требование не поддаваться на японские провокации будет выполнено.

В то же время, на первый взгляд, выглядит достаточно странной точка зрения А.Д. Богатурова, указывающего, что уже после инцидента Чан Кайши отправил телеграмму маршалу Чжан Сюэляну телеграмму, в которой охарактеризовал действия японской армии как заурядную провокацию³⁸. Хотя, с другой стороны, далее весьма справедливо отмечается возможная причина подобного поведения лидера Гоминьдана, заключающаяся, вероятно, в том, что он, учитывая внутреннюю слабость Китая, считал крупномасштабную войну с Японией губельной в силу неспособности китайских вооружённых сил противостоять японским на поле боя³⁹.

---

³⁵ Ferrell R.H. Op. cit. P. 67.

³⁶ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 38.

³⁷ Там же.

³⁸ Богатуров А.Д. Указ. соч. С. 25.

³⁹ Там же.

Как впоследствии стало известно благодаря японскому консулу Морисиме, так или иначе, 15 сентября 1931 г. министр иностранных дел Сидэхара получил телеграмму от японского представителя в Мукдене генерального консула Хаяси, утверждавшего, что Квантунская армия концентрирует свои силы и, вероятно, в ближайшее время предпримет военную акцию, и ссылавшегося, в том числе, на некий источник (на командира патрульного подразделения, предположительно – роты японской армии) в Фушуне, якобы заявившего, что «в течение недели должен вспыхнуть крупный инцидент»⁴⁰. Судя по всему, у генконсула были и другие, более надёжные источники, исходившие от которых сведения также подтолкнули его к отправке столь тревожного донесения.

Сидэхара незамедлительно поставил в известность премьер-министра Вакацуку и уже вместе они решительно надавили как на начальника генерального штаба Канаю, так и на военного министра Минами, напомнив последнему в том числе и о его разговоре с императором Хирохито 11 сентября, в ходе которого монарх выразил свою озабоченность состоянием дисциплины в армии и неодобрение заявлений и действий радикально настроенных молодых офицеров, критиковавших внешнюю политику Японии за её слабость⁴¹. Обоим генералам ничего не оставалось делать, кроме как принимать срочные меры по предотвращению самоуправства со стороны не в меру ретивых офицеров Квантунской армии.

В качестве эмиссара был выбран начальник оперативного отдела генштаба генерал-майор Татэкава, по иронии судьбы, как было установлено позднее, если и не принимавший сам участие в заговоре Итагаки и Исивары, то как минимум вполне осведомлённый об их намерениях и, что самое главное, о сроках исполнения задуманного⁴². Генерал

---

⁴⁰ Ferrell R.H.Op. cit. P. 70.

⁴¹ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 36-37.

⁴² Ferrell R.H.Op. cit. P. 70-71.

немедленно оповестил другую часть заговорщиков из числа сотрудников разведывательного департамента генерального штаба, а те уже позаботились специальными телеграммами сообщить об изменении обстановки своим единомышленникам в штабе Квантунской армии и уведомить о прибытии Татэкавы в Порт-Артур (где и помещался штаб территориальной армии) 19 сентября⁴³.

Заговорщикам пришлось в спешном порядке менять свои планы, ранее предполагавшие более поздний срок начала операции, но теперь выступление было назначено на вечер 18 сентября 1931 г. Всю ответственность и руководство брали на себя подполковник Исивара вместе с полковником Итагаки, не ставя в известность командующего Квантунской армией генерала Хондзё⁴⁴.

Что касается генерал-майора Татэкавы, то он благополучно оказался в Мукдене уже во второй половине дня, переодетым в штатскую одежду⁴⁵, (в которой, тем не менее, был всё равно узнан), однако отнюдь не собирался передавать стоп-приказ военного министра Минами командованию Квантунской армии.

Список источников и литературы

1. **Аблова Н.Е.** КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.
2. **Аварин В.** «Независимая» Маньчжурия. М., 1934.
3. **Аурилене Е.Е.** Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920-1950-е гг.). Хабаровск, 2003.
4. **Богатуров А.Д.** Кризис и война. Международные отношения в центре и на периферии мировой системы в 1930 - 1940-х гг. М., 1998.

---

⁴³ Сафронов В.П. Указ. соч. С. 37.

⁴⁴ Там же. С. 37-38.

⁴⁵ Ferrell R.H. Op. cit. P. 70-71.

5. **Болдырев Г.И.** Финансы Японии. М., 1946.
6. **Жуков Е.М.** Японский милитаризм. М., 1972.
7. **Квигли Г.** Правительство и политическая жизнь Японии / Пер. И. Звавича. Предисл. Л.А. Зархин. М., 1934.
8. **Коен Дж.Б.** Военная экономика Японии. Сокр. пер. с англ. М., 1951.
9. **Любимов Н.Н.** Финансы фашистских государств. М., 1939.
10. **Павлов П.** Вооружённые силы Японии // Япония (сб. статей) / Под ред. А.А. Белкина. М., 1934.
11. **Российский** государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 127. Д. 369.
12. **Савин А.С.** Японский милитаризм в период второй мировой войны. М., 1979.
13. **Сафронов В.П.** СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931-1945 гг. М., 2001.
14. **Сиратори Т.** Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933-1945 гг. / Сост., перев., вступ. статья и коммент. д.полит.н. Молодякова В.Э. М., 2008.
15. **Хохлов В.Е.** Военная экономика СССР накануне и в годы Второй Мировой войны. СПб., 2005.
16. **Ferrell R.H.** The Mukden Incident: September 18-19, 1931. // The Journal of Modern history. Vol. 27. No. 1 (Mar. 1955).pp. 65-72.

**The US-Japan alliance:
does a new Japan status-quo imply challenge
or regional stabilization?**

There is no doubt that Donald Trump's win on the presidential elections on November 2016 will lead to fundamental shifts in the current international relations agenda. As Mr. Trump questioned the military alliance's purpose, calling it "obsolete", and expressing the idea that members of alliance should "pay for their bills"¹, there is a growing concern about the future of these military units. In this regard, Japan could be one of the most effected countries. Although it is difficult to predict what Mr. Trump's policies will be, there is a possibility, based on the statements he has made to date, that he will be calling for Japan to become more self-reliant².

But does it imply that the Japanese government is not ready for this independence?

Having passed legislations to expand the use of the Japan Self Defense Force (JSDF) in the past two decades, the Japanese government tries to release from post-war 'pacifist' stigma and has a strong desire to be acknowledged as a "normal state", without any limits on exercising its military power. Since mid-2010, Japan has moved into the most recent and arguably most comprehensive phase of its security policy reform, seeking to improve the readiness of its armed forces³. In this context, the expanding role of the Japanese military capabilities has attracted attention of the world community – primarily the Asian region as a platform for increasing competition among Asian powers.

From the perspective of the neo-realism theory, the international relations system consists of structures and composed units, despite the existing anarchy. In Theory of International

---

¹ Trump's promises before and after the election [Electronic resource] Electronic data URL: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-37982000> (Accessed date: 20. 11. 2017).

² The Trump Administration and Japan: Challenges and Visions for Japan's Foreign and Security Policy in the New Era // *Asia-Pacific Review*. Vol. 24, No. 1, P. 1.

³ Bjørn Elias Mikalsen Grønning. Japan's Shifting Military Priorities: Counterbalancing China's Rise// *Asian Security*. vol. 10, no. 1, 2014, pp. 1–2, P. 2.

Politics, Kenneth Waltz⁴ argues that the structures impose constraints on a state activity, for example, if a state is involved into the military unit, it can't unleash a war, without discussing this issue with other member-states.

States have two possible options to maximize their security: offense and defense cases. More specifically, it is a difference in regard to whether states increase security or power. Some scholars argue that the main goals that state seeks to achieve are survival and security. These scholars believe that power is a tool for reaching a goal, and it doesn't a goal in itself. Those supporting this idea are considered to be defensive realists.

Defensive structural realism shares neorealism's minimal assumptions about state motivations. Like neorealism, defensive structural realism suggests that states seek security in an anarchic international system – the main threat to their well-being comes from other states. Balancing is the appropriate response to threatening concentrations of power⁵. Furthermore, defense realists suppose that balancing helps to preserve the status quo and the states will unlikely challenge it to be in security.

But it's essential to stress that defensive structural realism theory has some limitations in explain the transforming reality as the existing status quo can't be saved forever. Defensive structural realism suggests that a state's attempt to make itself more secure by increasing its power is ultimately futile. The most important concern of state is not to increase power but to maintain their position in the international relations system. If states do seek hegemony, it is due to domestically generated preferences; seeking superior power is not a rational response to external systemic pressures⁶.

Defensive structural realism focus on the internal reasons for explaining shifts in the foreign policy of the state, overlooking the external factors. But states exist in the international relations system, they are not in isolation. Furthermore, according to the

---

⁴ Waltz K. N. Theory of international politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979.

⁵ Waltz K. N. Theory of international politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. P. 19.

⁶ The same. P. 20.

neo-realist view structures influence the state behavior and can impose some constraints on it. In this regard there is a sense to take into consideration both internal and external factors to have a more clear picture of the reality.

Moreover, there is an offensive realism that opposes the defensive one. The theory of offensive realism, as argued by Labs and Mearsheimer, rests on five key assumptions: the system is anarchic, states always possess offensive capabilities, there exists existential uncertainty, states' primary goal is power, and states are rational actors⁷. It means that if there isn't a specific threat to the state, it will always seek to maximize its power because state cannot be sure when it will face the next threat.

To answer the question does the growing Japanese independence will challenge or stabilize Asian region we should understand by which neo-realism type (offensive or defensive realism) is more logically to explain the Japanese actions. Does the Japanese government pursue the idea of maximizing its power or just eager to maintain its position in the structure? In order to answer this question we should focus on the history of the evolution of the Japanese defence forces and cooperation with the US.

After the defeat in the World War II, Japan was disarmed and a 'Peace Constitution' was adopted in 1946. The Japan Defense Agency was established (1954) with the goal of protection from possible external aggression. Despite the establishment of the SDF (Self-Defense Forces), Japan's international security role was highly circumscribed by constraints embedded in its post-war political culture and diplomatic relations⁸. Firstly, the Japanese didn't trust the military and secondly, the Japanese military aggression was deeply ingrained in the memory of the neighboring countries that influenced the image of Japan. Out of these circumstances, Japan's defense posture became defined by the Yoshida Doctrine—a strategy of aligning with the USA on

---

⁷ Cited by: Seitz S. A Critique of Offensive Realism [Electronic resource] URL: https://politicaltheorypractice.wordpress.com/2016/03/06/a-critique-of-offensive-realism/#_ftn3 (Accessed date: 24. 11. 2017).

⁸ Leif-Eric Easley. How proactive? How pacifist? Charting Japan's evolving defence posture study // Australian Journal of International Affairs. Vol. 71, No.1, 2017. P. 69.

international issues, maintaining minimum military capabilities, and focusing on economic recovery⁹. The agreement between the USA and Japan allowed the Japanese government to put emphases on the economic development. The US–Japan Security Treaty was revised in 1960, giving the United States the right to military bases in exchange for a U.S. obligation to defend Japan in the case of military attack.

The Japan’s miracle after the World War II became possible due to the sharing of the burden between the USA and Japan. On the one hand, Japan was involved into the alliance with the US to prevent the re-militarization and possible threat to the world security. On the other hand, Washington pursued some vested interests in this deal, expanding its military presence in the region. Until the 1990s Japan was concentrated on the economic development that lead to the fact that economic leverage became the main tool for improving the image of the state and promotion national interests (ASEAN - Japan development fund). Japan didn’t pursue the idea of increasing military capabilities to challenge the status quo. In these regard the Japanese actions can be viewed as the maintaining of it. The US – Japan concluded agreement served as a balance between two blocks during the Cold War sustaining the bipolar international system in the Asian region.

After the collapse of the USSR the situation changed. The 1990s are often referred to as Japan’s ‘lost decade’ because of the economy’s protracted recession. But the decade also included landmark adjustments in Japan’s defence posture. The Gulf War (1991) was the first post-Cold War possibility to demonstrate Japan’s defence opportunities. But Japan’s contribution to the war was regarded as insufficient by international allies due to the limited number of Japanese boots on the ground. Japan was a major financial backer of the war, contributing approximately US\$13 billion¹⁰. In response, in 1992 the Diet approved the International Peacekeeping Cooperation Law, empowering the government to

---

⁹ Midford, Paul. “The Logic of Reassurance and Japan’s Grand Strategy” // Security Studies. Vol. 11, No.3, 2002. P. 7.

¹⁰ Ibid. P.70.

use the SDF abroad, but only in non-combat operation under the auspices of UN.

Two great challenges to the national security: the North Korean nuclear crisis (1993–94) and the terroristic gas attack of Aum Shinrikyo sarin in 1995 led to the reinforcement of the US–Japan alliance. Negotiations focused on strengthening the alliance, increasing interoperability, and moving towards collective self-defence¹¹. However, the rape of a schoolgirl in Okinawa by American servicemen in 1995 caused mass protests and put the alliance under threat. But from Japan's perspective, friendly relations with the United States, the only remaining military superpower, are vital. Even if all common threats disappeared in the next century, the alliance would still be in Japan's interest¹². That's why the Security Treaty between Japan and the United States wasn't questioned despite the domestic pressure. Indeed, Japan has decided to strengthen its alliance with the United States for two reasons. Firstly, Tokyo believes it to be the most effective strategy for dealing with threats in the post Cold War world. Secondly, the alliance offers a valuable framework for developing Japan's own defense capabilities¹³.

There were some external reasons for reviewing the Japanese defense policy. In 1998 North Korea stirred up a strategic weapons storm in the Pacific by launching a new, long-range ballistic missile which overflew Japan before splashing down in the ocean¹⁴. Later the tension increased, caused by exchanged fire with North Korean ships after refusal to come into Japanese territorial waters for check.

The period after the Cold War was characterized by some challenges to the US-Japan cooperation. The vanishing of the main

---

¹¹ Midford, Paul. "The Logic of Reassurance and Japan's Grand Strategy" // *Security Studies*. Vol. 11, No.3, 2002. P. 76.

¹² Morihiro Hosokawa. Are U.S. Troops in Japan Needed? Reforming the Alliance // *Foreign Affairs*. Vol. 77, No.4, 1998. P. 5.

¹³ Céline Pajon. Understanding the Issue of U.S. Military Bases in Okinawa // *Asie.Visions*. Vol. 29. 2010. P.11.

¹⁴ John Gittings. North Korea fires missile over Japan. [Electronic resource] URL: <https://www.theguardian.com/world/1998/sep/01/northkorea> (Accessed date: 27. 11. 2017).

threat – the Soviet Union, led to the reconsideration of the goals of the unit and the identity crisis. However, the North Korea threat became the foundation for the further strengthening of the relations despite the movement against the military bases in Okinawa. Japanese government continued to develop SDF due to the emergence of the external threats, supporting the security in the region.

11/10 terrorist attacks and US war on terrorism were conducive factors for re-examination of pursued security course of Japan. Public memory of World War II was fading and worry about North Korea was increasing.¹⁵ The changes in the Diet resulted in the coming to power a new generation of ‘realist’ politicians. In 2001, Koizumi Junichiro became leader of the LDP and Japan’s prime minister. The Japanese Diet passed the Special Measures Antiterrorism Law in October 2001, allowing the SDF to provide logistical support, supplies, transport and communications assistance to US-led forces, but requiring that Japanese vessels operate only in non-combat areas.¹⁶

A second North Korean nuclear crisis erupted in 2002 put more pressure on the Japanese government. In 2003 was announced about the expanding role of the SDF, the sending troops to Iraq were involved in post-conflict reconstruction. The government saw the necessity of increasing its role in the world politics but not by the “soft tools” to be viewed by the world community the equal partner and at the same time continued to support and promote the bilateral relations with the US.

After the DPJ’s Hatoyama administration came to power in September 2009, Japan-US relations reached their lowest point in recent years, for reasons such as the issue of the relocation of the Futenma Air Station and the Japanese proposal for an East Asian Community that would exclude the USA. On the other hand, after the Great East Japan Earthquake of March 11, 2011, the US Military’s

---

¹⁵ C. Hughes. “‘Super-Sizing’ The DPRK Threat: Japan’s Evolving Military Posture and North Korea.” // *Asian Survey* Vol. 49, No.1, 2009. P. 310.

¹⁶ Leif-Eric Easley. How proactive? How pacifist? Charting Japan’s evolving defence posture study // *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 71, No.1, 2017. P. 84.

Operation Tomodachi cemented Japan-US relations to the point where they are virtually unbreakable¹⁷.

The significant step was made in 2009 when Japan had signed a Status of Forces Agreement with Djibouti where was established the first military overseas base since World War II. The base was opened in 2011 by DPJ government.

The first tension between Japan and China over the Senkaku Islands happened in 2010. Secretary Clinton confirmed that US would follow their defense obligations, as it stipulated in the Japan-US Security Treaty. For Japan, this announcement was regarded as a substantial support from the US side and the sign of returning to the strategic partnership.

Since be elected as a prime minister for the second term in 2012 Shinzo Abe made a great contribution to the strengthening the relation with Obama administration. The US policy of “Asian Pivot” began in 2009 promised to bear fruits to Japan, however Ken Ruoff argued that “my sense is that the Abe administration, and the leaders of other Asian countries which fear the rise of China, found the Obama Administration’s rhetoric about an ‘Asia pivot’ to be more symbolic and less substantive than they would have liked”¹⁸.

However, Obama’s strongest reassurances were directed toward Japan. The two leaders reached an agreement that would expand Japan’s ability to come to the defense of the United States. But that agreement means little without a revision of Japan’s constitution to change or eliminate Article 9, which outlaws war as a means of settling international disputes, and thereby limits the support it can offer as a deterrent against an ascendant China.¹⁹

Constitutional amendment is a major goal for Abe administration on the Japanese way to become a “normal state”. But public support for constitutional revision changes every year. A

---

¹⁷ Fumiaki Kubo. The Second-Term Obama Administration and Japan // *Asia-Pacific Review*. Vol. 20, No. 1, P. 31.

¹⁸ Joshua Hunt. Japan’s Pivot from Obama to Trump. [Electronic resource] URL: <http://https://www.newvorker.com/news/news-desk/japans-pivot-from-obama-to-trump> (Accessed date: 28. 11. 2017)

¹⁹ The same.

survey released by Kyodo News (April 2017) showed 49 percent of respondents said Article Nine needed to be revised, against 47 percent opposing a change²⁰. The Japanese population remains highly divided.

At the same time the tightening of US military budgets encourage US allies to take on greater security role. In 2015, the Cabinet approved a defence budget of approximately US\$42 billion—the largest sum allocated for defence in Japan’s history and a 2.8 percent increase from the previous year²¹.

The Presidential election in the United States has dramatically changed the agreements between two states. Donald Trump condemned the Trans-Pacific Partnership and announced that military partners should be more self-reliant. For the Japanese there was more than enough reason to doubt the new U.S. president’s competency and willingness to maintain the alliance—and thus more than enough reason to begin seeking alternative ways to ensure Japanese security²². But in the long run the shift in US policy can help Abe to achieve his target for Japan’s constitution revision and continue to pursue the course to the “normal state”. Furthermore, we are witnessing the growing concern among the population concerning the changes in US administration. In a December 2016 poll, 61 percent of respondents said they were “worried” about U.S. - Japanese relations under Trump. In another poll, conducted shortly after Trump’s inauguration, 84 percent of respondents said they feared that the world would become less stable under Trump, and more than half said that U.S.-Japanese relations would worsen. And according to the Pew Research Center, Japanese confidence in the U.S. leadership fell from 78 percent to 24 percent from the end of Obama’s presidency to the beginning of Trump’s, 80 percent of the

---

²⁰ Japanese sharply divided over revising Article 9 amid regional security threats, poll finds. [Electronic resource] URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/30/national/japanese-divided-revising-article-9-amid-north-korea-threats-poll/#.Whoz2dJI_IU (Accessed date: 28. 11. 2017)

²¹ Leif-Eric Easley. How proactive? How pacifist? Charting Japan’s evolving defence posture study // Australian Journal of International Affairs. Vol. 71, No.1, 2017. P. 89.

²² Takako Hikotani. Trump’s Gift to Japan // Foreign Affairs. Vol. 96, No.5, 2017. P. 21.

public said they considered Trump arrogant, and 56 percent said they considered him dangerous²³.

But the growing concern about the Chinese rise and US - Chinese relations, the increasing threat of conflict with North Korea has forced Japan to think more carefully about strengthening its own defense capabilities. Moreover, there is a support from the Japanese population. So, in the near future, if the relationships with the US continue to change, the growing Japanese military capabilities will be inevitable.

Analyzing the history of the evolution of the Japanese defence forces and cooperation with the US we can make a conclusion that with growing challenges for the Japanese foreign policy presented by the North Korea nuclear program and rising Chinese role in the region, the government has to review its military policy to balance the regional stability. Despite the fact that US-Japan unit as well as the population perception of the militarization limited the actions of Japan government there is an assumption to suppose that with Trump's policy to the military alliances we will see more active actions of Japan in militarization that probably challenge the Asian region. As the role of USA decreases in the security issues, the more critical steps will be made as there are several factors influence the shift to more offence Japanese policy. First of all, the domestic preferences – the public opinion polls show that attitude to the Trump administration is non-reliable and there is a discussion on the high level to review Article 9 of the constitution. Secondly, there external factors – the US skepticism to the military alliances that make Japan seek alternative measures and the increasing threat from the North Korea and China that make Japan feel in less security.

---

²³ Ibid. P. 22.

**Японо-северокорейские отношения
в период «холодной войны»**

К настоящему моменту во взаимоотношениях КНДР и Японии сложилось, казалось бы, бесперспективное положение дел. С одной стороны, речь идет о практически полном отсутствии политического диалога между Пхеньяном и Токио. Конечно, на настоящем этапе сосуществования двух стран, какой-либо политический диалог затруднен или вовсе невозможен в силу ряда причин, будь то позиция Токио по ядерной проблеме Корейского полуострова, проблеме похищенных и т.д. Кроме того, уровень демонизации (во многом, обоюдный) сторонами друг друга также является значимым препятствием для конструктивного диалога. Пхеньян время от времени раздражается риторикой, подобной той, каковая исходила из Сеула в пятидесятые годы, в период нахождения у власти Ли Сынмана, прославившегося, помимо всего прочего, своей антияпонской позицией (насколько она была искренней – отдельная тема). В свою очередь, японское общественное мнение крайне негативно относится к нынешнему политическому руководству КНДР, что, конечно же, сказывается и на отношении к Северной Корее как к государству. С другой стороны, экономические контакты между КНДР и Японией после 2006 г. были сведены к нулю, при этом Япония, наряду с США, оказалась одним из пионеров введения всеобъемлющих санкций против Пхеньяна. В целом, складывается картина, не дающая никакого оптимизма, что, впрочем, контрастирует с положением вещей, бытовавшим еще лет 15-20 назад, когда на повестке дня во взаимоотношениях двух стран стоял вопрос о дипломатическом признании КНДР со стороны Японии, для чего, к тому моменту сложились все предпосылки. Причем почва для переговоров на высшем уровне между Токио и Пхеньяном, стартовавших в 1990 г. на фоне потепления международного и регионального политического климата, и даже, - казалось, - смены правил

игры на международной арене, была подготовлена, как ни парадоксально, в период «холодной войны».

Необходимо отметить, что на начальном этапе своей внешней политики, КНДР опиралась, в первую очередь, на поддержку стран социалистического лагеря, в первую очередь, - СССР и КНР, причем Москва и Пекин являлись ведущими контрагентами во внешней торговле Пхеньяна, и основными военно-политическими союзниками КНДР: обороноспособность страны зависела от поставок вооружений из СССР и КНР, исход Корейской войны был, во многом, решен участием китайских народных добровольцев и советской авиации, причем, интересно, что до 1958 г. в КНДР были расквартированы соединения НОАК. Статус Москвы и Пекина как гарантов сохранения северокорейской государственности был закреплен соответствующими договорами 1961 г. Несмотря на то, что в Северо-Восточной Азии так и не сложилось полноценных военно-политических блоков, каковые к концу 1950-х гг. сформировались в Европе, КНДР была прочно интегрирована в мировую социалистическую систему, хотя уже тогда занимала в ней довольно специфическую нишу. Япония же, в свою очередь, находилась «по иную сторону баррикад», будучи ведущим американским стратегическим партнером в СВА, входящим в умозрительные построения американских стратегов по созданию оси Вашингтон-Сеул-Токио-Тайбэй, которая должна была, как известно, сдерживать «коммунистическую угрозу», исходящую из Москвы и Пекина.

Кроме того, до конца 1960-х гг. в корейских делах имела место ситуация, при которой параллельное признание КНДР и Республики Корея было невозможным, что, конечно же, не было в тех условиях чем-то необычным: подобной же политики придерживались в ФРГ и ГДР, да и политика «одного Китая» до сих пор остается краеугольным камнем внешнеполитического курса как Пекина, так и Тайбэя. Вместе с тем, как показывает история международных отношений, для того, чтобы поддерживать минимальный

уровень взаимоотношений между двумя сторонами совсем не обязательно устанавливать дипломатические отношения: в случае необходимости страны региона прибегают к разделению экономики и политики, что, как минимум, позволяет развиваться экономическим и гуманитарным контактам. На этом историческом фоне и происходили первые контакты между Пхеньяном и Токио.

Экономическое сотрудничество между КНДР и Японией

Летом 1955 г. группа японских бизнесменов посещает Северную Корею, и в 1956 году в Токио была учреждена «Японо-северокорейская внешнеторговая ассоциация» (日朝貿易會 일조무역회)¹. Через пару месяцев после ее основания 4 японские компании заключили торговые соглашения с северокорейской внешнеторговой компанией. В 1957 г. была разрешена непрямая торговля между КНДР и Японией². Стоит оговориться, что на этом этапе северокорейско-японское торгово-экономическое сотрудничество крайне зависело от политических обстоятельств, в силу чего, в 1958 г., после известного инцидента в Нагасаки и соответствующей реакции со стороны Пекина (чем Пхеньян явно не мог манкировать, учитывая, что упомянутая непрямая торговля осуществлялась через КНР), торговые отношения между двумя странами были попросту прерваны. Впрочем, перерыв этот оказался недолгим, и уже через год Пхеньян и Токио вновь вернулись к развитию экономических контактов, уже через Гонконг. Вскоре, в 1961 г. была разрешена и прямая торговля, без каких-либо посредников³.

¹ 이찬우. 북한과 일본의 경제관계 현황과 전망. (Ли Чхану. Северокорейско-японские экономические отношения: текущее состояние и перспективы) // 수은북한경제. 2009년 가을호. P.48 (Журнал по северокорейской экономике «Суын». Осень 2009. С.48)

² Tamaki Motoi. Japan's Role in the North Korean Economy. // East Asian Review. Vol. III. No 4. Winter 1991. P.78

³ Tamaki Motoi. Japan's Role in the North Korean Economy. P.79

Заметим, что торговля между двумя странами представляла обоюдный интерес, хотя и осуществлялась в чисто символических объемах, учитывая достаточно скромные финансовые возможности КНДР. Пиковых показателей двусторонняя торговля достигла на рубеже 1970-х гг. и в 1980-е гг. (максимальных объемов товарооборот между КНДР и Японией достиг к 1988 г. – 563 млн. 532 тыс. долларов)⁴, причем Япония являлась ведущим внешнеторговым партнером КНДР в группе развитых капиталистических стран⁵, занимая важную нишу во внешней торговле Северной Кореи.

При этом, северокорейский экспорт в Японию носил преимущественно сырьевой характер, причем вывозились как минеральные ресурсы (цинк, свинец, антрацит), так и продукция легкой и пищевой промышленности, включая морепродукты и текстильные изделия. В свою очередь, в импорте КНДР из Японии преобладали машины и оборудование, электроника, черные и цветные металлы, продукты химической промышленности, в т.ч. удобрения⁶. Фактически в северокорейско-японской торговле сложилась ситуация, при которой КНДР оказывалась одним из важнейших источников полезных ископаемых, а Япония, в свою очередь, - источником высокотехнологичного оборудования для северокорейского рынка, а также предметов престижного потребления, популярных среди высших слоев номенклатуры.

Бум экономического сотрудничества КНДР с развитыми капиталистическими странами (в т.ч., и Японией) породил специфическую проблему северокорейской задолженности кредиторам из упомянутых государств. Неблагоприятная экономическая конъюнктура, вызванная как нефтяными шоками начала 1970-х гг., так и снижением цен на основные экспортные товары КНДР привела к тому, что в конце 1974 г. Пхеньян попросту стал прибегать к задержке

---

⁴ Ibid. P.73

⁵ Толорая Г.Д. Народнохозяйственный комплекс КНДР. М., 1984. С.138

⁶ Там же. С. 139-140

выплат по соглашениям. В итоге, уже в 1975 г. было объявлено о приостановлении КНДР выплат по обязательствам на 6 месяцев. В дальнейшем, с 1976 по 1983 гг. между КНДР и Японией были заключены три соглашения об отсрочках платежей. Интересно отметить, что внешнеторговые сделки между двумя странами на тот момент осуществлялись в немецких марках. И в конце 1976 г., после всех пересчетов выяснилось, что сумма северокорейского долга составила 80 млрд иен. После того, как КНДР внесла 10 млрд иен, сумма долга снизилась до 70 млрд иен. Тем не менее, существуют различные оценки итоговой суммы северокорейской задолженности. В частности, по данным KDI, по состоянию на март 2012 г., конечная сумма долга может составлять от 1,2 до 2,4 млрд долларов⁷.

Следует отметить, что сложившееся к середине 1970-х гг. состояние дел в северокорейско-японском экономическом сотрудничестве, объявление Пхеньяном об отсрочке платежей на неопределенный срок, по меньшей мере, не добавили КНДР привлекательности в японских бизнес-кругах. В конечном итоге, на первый план в двусторонней торговле, являвшейся стержнем японо-северокорейских взаимоотношений, выходят предприятия, основанные этническими корейцами, симпатизировавшими КНДР⁸.

Япония и КНДР: к проблеме политической составляющей двусторонних отношений

Важной особенностью политической составляющей двусторонних контактов между Пхеньяном и Токио на протяжении длительного времени оставался их преимущественно неофициальный характер. Дипломатические отноше-

---

⁷ 양문수. 북한의 대외채무 문제: 추세와 특징 (Ян Мунсу. Проблема северокорейской задолженности: тенденции и особенности.) // KDI 북한경제리뷰. 2012년 3월호. (Северокорейское экономическое обозрение KDI. 2012, март) P. 36-37

⁸ Tessa Morris – Suzuki. Re-Imagining Japan – North Korea Relations. Part I. // ANU Japanese Studies Online. issue 1. URL: http://japaninstitute.anu.edu.au/japanese_studies/issue_01/1_Re-Imagining_Part_1.pdf

ния между КНДР и Японией отсутствуют до сих пор, несмотря на предпринятые в начале 1990-х гг. и в начале 2000-х гг. попытки к нормализации отношений, впрочем, не увенчавшиеся успехом.

Вместе с тем, между Пхеньяном и Токио всегда существовало несколько каналов коммуникации, которые, несмотря на всю специфику, позволяли налаживать мосты между двумя странами. Во-первых – это ассоциация корейских граждан в Японии, известная как «Тёсэн сорэн» или «Чхонрен» (재일본조선인총연합회 在日本朝鮮人總聯合會), чья штаб-квартира в Токио выполняла функцию неформального представительства КНДР. Не касаясь вопросов сугубо антропологических, непосредственно связанных с существованием корейской общины в Японии, заметим, что, до определенного времени симпатии большинства корейцев, проживающих в Японии (и не имеющих ни корейского, ни японского гражданства), оказывались на стороне Пхеньяна. Соответственно, из двух конкурирующих корейских организаций в Японии – «Чхонрен» и «Миндан», наибольшей популярностью пользовалась первая из них.

Вторым каналом коммуникации между Пхеньяном и Токио стали контакты на уровне политических партий двух стран. Причем визиты в КНДР совершались как представителями правящей (с 1955 г.) ЛДПЯ, так и делегациями партий левого лагеря, в первую очередь, – КПЯ и СПЯ. По всей видимости, первоначально о визитах японских политиков и парламентариев в КНДР не могло быть и речи, ибо сказывалось положение Японии как одного из ключевых стратегических партнеров США. Тем не менее, первые попытки активизации политического диалога между Пхеньяном и Токио относятся к началу 1970-х годов. Очевидно, что резкое изменение политики США в Северо-Восточной Азии, предпринятое президентом Р. Никсоном, выразившееся, в частности, в признании претензий Пекина на представительство интересов всей китайской нации,

сыграло немалую роль в активизации процесса наведения мостов между двумя странами.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что интерес к развитию отношений с Японией проявляли и в Пхеньяне. В частности, в интервью Ким Ирсена журналистам газеты «Майнити симбун», прямо говорится, что КНДР «желает установить нормальные отношения» с Японией⁹. Однако, с точки зрения северокорейской стороны, к началу 1970-х гг. между Токио и Пхеньяном оформились некоторые проблемы, которые мешали развитию двусторонних отношений. Главным системным противоречием между двумя странами на тот момент являлась внешнеполитическая линия Токио на развитие отношений с Республикой Корея. Развитие отношений с Республикой Корея становится одним из приоритетов внешней политики Японии в рамках возвращения страны в Азию, что стало частью внешнеполитической доктрины страны в период нахождения у власти кабинета Киси Нобусукэ. Собственно говоря, одной из заслуг премьер-министра Киси была реанимация переговорного процесса между Сеулом и Токио в условиях откровенной незаинтересованности в диалоге самого президента Ли Сынмана. В итоге, в 1965 г. Япония признает Республику Корея «единственным законным правительством» на Корейском полуострове, что в тех политических условиях отсекало любую возможность нормализации отношений с КНДР. Данная позиция была юридически оформлена в Договоре об основах отношений между Республикой Корея и Японией, подписанном 22 июня 1965 г. Подписание этого договора, к слову, воспринималось северокорейской стороной крайне негативно, ибо, напомним, в условиях бытовавших в те годы правил игры на международной арене, практика «двойного признания» была невозможна по определению. Тем не менее, с начала 1970-х гг. Япония вносит определен-

---

⁹ «О некоторых вопросах идей чужде нашей партии и внутренней и внешней политики правительства Республики»: ответы на вопросы корреспондентов японской газеты «Майнити симбун» 17 сентября 1972 года. Пхеньян.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1972.

ные коррективы в свою позицию по корейскому вопросу. Конечно, легитимность Республики Корея по-прежнему признавалась, но была сделана специальная оговорка о том, что речь идет о южной части Корейского полуострова. В определенной степени это давало Токио возможности для установления политических контактов и с Северной Кореей, конечно, с оглядкой на сложившуюся политическую конъюнктуру.

Также следует отметить бытовавшие среди высокопоставленных лиц в КНДР опасения относительно вероятности перерастания экономического роста Японии в ее усиление в военно-политическом плане, что, по их мнению, могло стать угрозой для национального суверенитета «азиатских наций»¹⁰. К слову, подобную же риторику можно встретить и на страницах партийных документах, в частности, - в материалах 5-го съезда ТПК, прошедшего в Пхеньяне осенью 1970 года.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие видимых перспектив установления дипломатических отношений, в условиях известных ограничений на визиты японских граждан в КНДР, важной частью двусторонних отношений становятся встречи парламентских и партийных делегаций. С разной периодичностью Пхеньян посещают парламентские делегации, партийные группы КПЯ и СПЯ и так далее. В 1971 г. Пхеньян посещает губернатор Токио, член Социалистической партии Японии Минобэ Рёкити¹¹. Примечательно, что за многие годы это был едва ли не единственный визит японского высокопоставленного чиновника в КНДР. Во время своего визита в КНДР, г-н Минобэ был принят Ким Ирсеном, что свидетельствовало о заинтересованности северокорейской стороны к развитию отношений с Японией.

---

¹⁰ Report, Embassy of Hungary in Yugoslavia to The Hungarian Foreign Ministry. December, 14, 1970. Wilson Center. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116599>

¹¹ B.C. Koh. North Korea: A Breakthrough in the Quest for Unity. // Asian Survey. Vol. 13. No.1, Jan., 1973. P.91

Визиты представителей КПЯ и СПЯ, «идейно близких», с формальной точки зрения, партий осуществлялись с конца 1960-х гг. практически регулярно. Вместе с тем, следует учитывать, что позиции ТПК с одной стороны и представителей Компартии и Соцпартии Японии с другой обнаруживали определенные расхождения по некоторым политическим вопросам, которые оказывались на тот момент достаточно чувствительными для Пхеньяна. В частности, среди представителей КПЯ было распространено мнение, что «милитаризация» Японии, которой так боятся в северокорейском руководстве, «ни опасна, ни возможна» в силу соответствующих конституционных норм¹².

В январе 1972 г. состоялся визит главы Лиги содействия японо-северокорейской дружбы, члена ЛДП Куно Тюдзи. Примечательно, что на этапе подготовки визита, Куно и компания столкнулись с противодействием внутри ЛДП, главным образом, - со стороны представителей фракций, выступавших за развитие японо-южнокорейских отношений. Делегация во главе с Куно также встречалась с Ким Ирсеном. С 22 по 28 июля 1975 г. КНДР посетила делегация ЛДП во главе с депутатом Палаты представителей японского парламента Тамура Гэн, занимавшего должность главы комитета по Северной Корее исследовательской группы ЛДП по Азии и Африке. Делегация была принята на высоком правительственном уровне, в частности, состоялась встреча с Ким Ирсеном. Разъясняя северокорейской стороне позицию Японии в корейских делах, представитель делегации (Танака?) отметил, что представители МИД и Министерства промышленности и внешней торговли Японии ищут пути активизации контактов с Пхеньяном, однако этому мешает противодействие сторонников сближения с Южной Кореей. Представители японской делегации отметили, что придерживаются принципов реализма в корейских делах, однако политика Японии в отношении Корейского

---

¹² Telegram, Embassy of Hungary in North Korea To Hungarian Foreign Ministry, September 05, 1970. Wilson Center. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116586>

полуострова вряд ли быстро изменится¹³. Безусловно, частые визиты японских политиков в КНДР не меняли ситуацию, оставаясь лишь средством зондирования ситуации и каналом донесения политических позиций. С окончанием разрядки всплеск активности в диалоге между Токио и Пхеньяном сменился определенным застоем.

Изменение международно-политической ситуации во второй половине 1980-х гг. в целом оживило ситуацию и в Северо-Восточной Азии, что сказалось и на состоянии японо-северокорейских отношений. По существу, на 1989-1992 гг. приходится начальный этап процесса нормализации отношений между Пхеньяном и Токио. В 1989 г. состоялся визит высокопоставленной делегации Трудовой партии Кореи в Японию. Делегация приняла участие в съезде СПЯ, встретила с представителями ЛДП¹⁴. После длительных консультаций, в сентябре 1990 г. КНДР посетила совместная делегация ЛДП и СПЯ во главе с Канэмару Син¹⁵. Итогом визита стало подписание «Совместной декларации трех партий о японо-корейских отношениях»¹⁶. Важным политическим результатом встречи стало проведение с конца 1990 г. двусторонних консультаций по нормализации отношений. 1 октября 1990 г. премьер-министр Кайфу Тосики заявил, что Япония готова к переговорам с КНДР¹⁷. Уже в ноябре-декабре 1990 г. в Пекине состоялся предварительный этап переговоров, в ходе которого была намечена повестка дня на предстоящих переговорах, включая проблему неравноправных договоров, заключенных между Кореей и Японией, вопросы компенсаций и прав на собственность

---

¹³ Voluntary Liberal Democratic Party MP North Korea Visit. August 11, 1975. Wilson Center. URL: <http://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/118698>

¹⁴ Christopher W. Hughes. Japan's Economic Power and Security: Japan and North Korea. Sheffield Centre for Japanese Studies/Routledge, 1999. P.81

¹⁵ Tessa Morris-Suzuki. Re-Imagining Japan – North Korea Relations. Part. II. URL: http://japaninstitute.anu.edu.au/sites/default/files/u5/Re-Imagining_Part_II.pdf

¹⁶ Christopher W. Hughes. Japan's Economic Power and Security: Japan and North Korea. P. 82

¹⁷ Ibid. P.83

(в контексте северокорейских требований компенсации за японское колониальное правление), вопросы межкорейского диалога, статуса корейцев в Японии и так далее. Первая фаза переговоров началась в январе 1991 года, всего с января 1991 г. по ноябрь 1992 г. состоялось восемь раундов таких переговоров. Переговоры были прерваны в конце 1992 г. вследствие первого кризиса вокруг ядерной программы КНДР¹⁸.

Заключение

КНДР по сей день остается одной из немногих стран, у которых отсутствуют дипломатические отношения с Японией. Тем не менее, отсутствие формальных дипломатических отношений не мешало Пхеньяну развивать торгово-экономическое сотрудничество с этой страной, достигшее своего пика к концу 1980-х гг. По естественным причинам, Япония оказалась ведущим внешнеэкономическим партнером КНДР в группе развивающихся капиталистических стран.

Тем не менее, политический диалог между Пхеньяном и Токио оказался, в том числе, заложником тех или иных веяний в международной политике. Необходимо отметить, что периодами, когда активизация политического диалога становилась возможной, стали начало 1970-х гг. (следствие политики разрядки и «новой азиатской доктрины» Никсона) и рубеж конца 1980-х – начала 1990 гг., когда, по всей вероятности, Япония была ближе всего к нормализации отношений с Пхеньяном.

---

¹⁸ 이찬우. 북한과 일본의 경제관계 현황과 전망. (Ли Чхану. Северокорейско-японские экономические отношения: текущее состояние и перспективы) Р. 53-54

К вопросу о расхождении внешнеполитических позиций Японии и Индии по основным международным проблемам в Азии в 1970-е гг.

В период 1970-х гг. активность дипломатических отношений между Индией и Японией оказалась на самом низком уровне за всю послевоенную историю политического взаимодействия этих стран. Резкий спад, произошедший в политических отношениях, явился прямым следствием проведения обоими государствами практически противоположных внешнеполитических курсов. С одной стороны, в указанный период в биполярной системе отношений наблюдался процесс разрядки международной напряженности, то есть проведение политики, направленной на снижение противостояния двух сверхдержав. С другой стороны, в различных регионах мира происходили события, существенно влиявшие на расстановку сил на международной арене. Страны Азиатского региона также претерпели ряд потрясений и коренных изменений, что способствовало формированию новых идей развития как регионального, так и глобального межгосударственного сотрудничества.

Представляется, что в связи с трансформацией геополитической ситуации в регионе историю японско-индийских политических отношений в указанный период следует рассматривать больше с точки зрения позиций сторон относительно конкретных международных проблем или региональных конфликтов, нежели с точки зрения развития отношений на двусторонней основе.

Напомним, что, в отличие от второй половины 1950-х годов, когда наблюдались положительные тенденции к активизации двустороннего взаимодействия, десятилетие 1960-х гг. стало периодом начала стагнации в отношениях Индии и Японии. Стороны так и не смогли найти существенных точек соприкосновения в своих убеждениях касательно ведения внешней политики и выстраивания эффективной

совместной деятельности, что повлекло за собой дальнейшее расхождение позиций сторон и в 1970-х гг.

В самом начале десятилетия вновь возникшие у Индии противоречия с Пакистаном явились очередной причиной охлаждения её отношений с Японией.

В декабре 1970 г. подъем национально-освободительного движения в Восточном Пакистане, выступавшее против военного режима генерала Яхья Хана в Западном Пакистане и поддерживаемое бенгальской национальной партией «Авами лиг» («Народная лига»), привел к развертыванию западнопакистанским правительством широкой военной операции, направленной на подавление оппозиционного движения. Индия оказала моральную и экономическую поддержку бенгальскому населению, приняв огромное количество беженцев на своей территории. В ответ пакистанское военное правительство начало антииндийскую кампанию, что привело к значительному осложнению индийско-пакистанских отношений. Данный конфликт достиг своего апогея в марте 1971 г., когда на месте Восточного Пакистана была образована Народная Республика Бангладеш. Положение Индии усугублялось еще и тем, что годом ранее генерал Яхья Хан заручился политической поддержкой США (в том числе поставкой вооружений) и Китая¹.

Обострение отношений Индии с Пакистаном вынудило Советский Союз к принятию срочных мер по поддержке Индии во избежание развития кризиса в Южной Азии. В результате министр иностранных дел СССР прибыл в Дели, где 9 августа 1971 г. был заключен советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве. Договором предусматривалось, что «если любая из сторон явится объектом нападения или угрозы нападения», то обе страны «немедленно приступят к взаимным консультациям в целях устранения такой угрозы и принятия соответствующих

---

¹ Антонова К.А., Бонград-Левин Г.М., Котовский Г.Г. История Индии. М.: «Мысль», 1979. С. 586–587.

эффективных мер для обеспечения мира и безопасности их стран»². Тем не менее, несмотря на получение Индией поддержки со стороны Советского Союза, Пакистан все же нанес удары по индийским аэродромам 3 декабря 1971 г., что ознаменовало собой начало нового военного конфликта между двумя странами — второй индийско-пакистанской войны 1971 г.

Вопрос о разрешении данного конфликта был незамедлительно вынесен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН. Примечательно, что в данной ситуации руководство Японии не преминуло воспользоваться удобным случаем, чтобы продемонстрировать свою дипломатическую активность в решении международных проблем. Хотя правящие круги Японии, как и во время индийско-пакистанской пограничной войны 1965 г., не намерены были поддерживать ту или иную сторону во избежание прямого вовлечения в конфликт, на этот раз они попытались выразить свое участие в качестве страны-члена ООН. Именно Япония стала инициатором первой резолюции по прекращению огня и обеспечению условий для переселения беженцев, выдвинутой 5 декабря Бельгией, Италией и Японией. Однако логично предположить, что, так как эта резолюция была выдвинута странами-союзницами США, то она больше «сочувствовала» Пакистану, нежели Индии. Поэтому Советский Союз, выступая в защиту Индии, применил право вето. Последующая резолюция от 13 декабря была поставлена на голосование в Совете Безопасности ООН по инициативе США. В ней открыто осуждались действия Индии, и поэтому она также не была принята из-за наложения на нее вето со стороны СССР. Уже на следующий день, 14 декабря, Япония вместе с Италией вновь предприняли попытку обратиться к СБ ООН с предложением призвать Индию и Пакистан к немедлен-

---

² Цит. по: Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. С. 692.

ному прекращению боевых действий, отводу войск и полному политическому урегулированию конфликта. Хотя Индия и согласилась на рассмотрение этих условий, тогда как Пакистан отказался их принять, Советский Союз снова наложил вето³.

В конце концов, 14-дневная война закончилась капитуляцией пакистанской армии, в результате чего Пакистан окончательно потерял контроль над восточной частью территории, а Бангладеш был провозглашен независимым государством⁴.

Стоит отметить, что, несмотря на открытую поддержку Соединенными Штатами Пакистана в войне, Япония не стала занимать враждебную позицию по отношению к Индии. Её действия в ООН были нацелены, по всей видимости, на скорейшее урегулирование конфликта и на поиск конструктивного решения проблемы для обоих государств. В связи с этим несколько неожиданным явилось решение японского правительства от 8 декабря о замораживании японской помощи, то есть приостановке предоставления йеновых займов Индии. Более того, японское правительство приняло решение об отзыве уже предоставленных средств. С одной стороны, действия Японии лишней раз продемонстрировали «излишнюю» лояльность союзу с США, которые также ввели экономическое эмбарго в отношении Индии. С другой стороны, данные меры выглядели не вполне логичными на фоне проявления некоторой политической самостоятельности в ООН. Впрочем, в отличие от 1965 г., экономические санкции в отношении Индии оказались не долгосрочными, и уже в конце декабря 1971 г. оказание помощи было частично возобновлено.

---

³ Narasimha Murthy P.A. India and Japan. Dimensions of their relations (historical and political). New Delhi: ABC Publishing House, 1986. P.383-384.

⁴ Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. Указ. соч. С. 693.

Однако, если рассматривать события начала 1970-х гг. с политической точки зрения, то не остался без внимания у правящих кругов Японии факт подписания вышеуказанного советско-индийского Договора 1971 года. Заключение данного договора было расценено правительством Японии как предпочтение руководства Индии придерживаться «про-советского блока» в своей внешней политике, несмотря на официальные заявления о следовании принципам неприсоединения. Разумеется, это не могло не вызвать настороженности и недоверия у руководства Японии относительно подлинных целей внешней политики Индии в Азии. Можно сказать, что данный фактор значительно повлиял на дальнейший характер политического взаимодействия двух стран, который выражался во взаимной незаинтересованности сторон в налаживании конструктивных отношений⁵.

С другой стороны, стоит упомянуть и о наличии международных задач, по решению которых позиции Японии и Индии совпадали на момент начала 1970-х гг. Речь идет о демилитаризации основных морских путей в Индийском океане. Известно, что с конца XIX – начала XX вв. велась активная деятельность по созданию военно-морских баз, которые обслуживают потребности военных флотов ряда держав, в том числе и США. Таким образом, с целью недопущения после ухода Великобритании образования вакуума, который могли бы заполнить военные флоты других стран, Генеральная Ассамблея ООН в 1971 г. приняла резолюцию об объявлении Индийского океана зоной мира⁶.

---

⁵ Пуллатту Абрахам Джордж. Нитиин канкэй то индо ни окэру нихон кэнкю (Японско-индийские отношения и изучение Японии в Индии). Киото: «Международный центр изучения японской культуры», 2007. С. 7–8 (プラット・アブラハム・ジョージ. 日印関係とインドにおける日本研究. 京都: 国際日本文化研究センター, 2007年. 頁7–8).

⁶ Резолюция была принята, ссылаясь на Декларацию третьей Конференции неприсоединившихся стран, проходившей в Лусаке в сентябре 1970 г. Содержание Декларации сводилось к призыву ко всем государствам считать и уважать Индийский океан в качестве зоны мира, кото-

Заинтересованность Индии в соблюдении основных положений резолюции крупными сильными державами очевидна, потому как это напрямую затрагивало проблему безопасности прибрежных районов страны, а также морских путей, по которым осуществлялось торговое судоходство.

Япония, в свою очередь, также выразила поддержку этой резолюции дважды в 1971 и 1973 гг. соответственно. Дело в том, что вплоть до первого «нефтяного шока» 1973 г.⁷ Япония на 80% зависела от поставок энергетического сырья из стран Ближнего Востока, то есть арабских стран-экспортеров нефти (ОПЕК). После этого, с принятием японским правительством собственной программы по разработке атомной энергии, эта зависимость постепенно снизилась до 50 %⁸. Несложно предположить, что проблема обеспечения безопасности морских путей в Индийском океане как основной артерии, по которой осуществлялась перевозка нефти, являлась для Японии жизненно важной. Поэтому в первой половине 1970-х гг. руководство Японии активно поддерживало позицию Индии и других прибрежных и материковых государств бассейна Индийского океана в их стремлении остановить дальнейшее расширение военного

рая не должна становиться местом соперничества великих держав и, следовательно, создания там военно-морских баз. Также в этом районе не должно размещаться ядерное оружие. Кауль Т.Н. Индия и Азия / Пер. с англ. Ганич А.Я., Тархова М.Х., Хуснитдинов З.А. М.: «Прогресс», 1989. С. 171.

⁷ В ходе очередного арабо-израильского конфликта в октябре 1973 г. страны ОПЕК объявили эмбарго в отношении стран, поддерживающих Израиль, в числе которых оказалась и Япония. Эмбарго выразилось в резком повышении цен на нефть, а также значительном сокращении её поставок. Данное событие известно в истории Японии под названием «нефтяной шок».

⁸ Цит. по: Sanjana Joshi. Changing Japan: Opportunities and Challenges for India. New Delhi: Shipra, 2008. P. 159.

присутствия в Индийском океане, что значительно способствовало бы делу обеспечения свободного судоходства⁹.

Однако, как справедливо отмечает известный индийский дипломат Т.Н. Кауль, «значение резолюции ООН возрастало в контексте ее нарушений, по мере того как все больше и больше военных кораблей вторгалось в воды Индийского и Тихого океанов, неся ядерное оружие и все виды обычных средств уничтожения»¹⁰. По этой причине в 1979 г. в Нью-Йорке на очередном заседании Генеральной Ассамблеи ООН была принята новая резолюция, содержание которой сводилось к следующему:

- «1. Великие державы должны немедленно ликвидировать все военные базы, сооружения и другие формы военного присутствия в Индийском океане;
4. Никакие прибрежные и материковые государства не должны оказывать содействие великим державам в их военной деятельности на море;
5. Любым державам запрещается использовать бассейн Индийского океана в качестве места размещения ядерного оружия»¹¹.

Очевидно, что основные требования резолюции шли вразрез с геополитическими интересами и задачами США. Следовательно, это не могло не отразиться и на позиции Японии по данному вопросу. В результате японское правительство было вынуждено воздержаться от подписания Декларации об объявлении Индийского океана зоной мира. Таким образом, надежды на сближение позиций Японии и Индии по решению одной из важнейших, как с военно-политической, так и с экономической точек зрения международных задач также «растворились» к концу десятилетия.

---

⁹ Narasimha Murthy P.A. Ibid. P. 389.

¹⁰ Кауль Т.Н. Указ. соч. С. 171.

¹¹ Narasimha Murthy P.A. Ibid. P. 389-390.

В отношении азиатского направления во внешней политике двух стран также наблюдались различия в подходах к некоторым региональным проблемам.

Во 2-й пол. 70-х гг. руководство Японии взяло курс на осуществление так называемой «многополюсной» дипломатии. Надо сказать, что идея осуществления и развития курса на многостороннюю дипломатию появилась еще в начале 1970-х гг. и стала одной из основополагающих программ кабинетов Танака Какуэй¹² и Мики Такэо¹³. Позитивные изменения, произошедшие в международно-политической обстановке под влиянием разрядки напряженности, побудили руководящие силы Японии «обновить» свою дипломатию. Именно в этот период правящие круги Японии признали необходимость в укреплении дружественных отношений со странами Юго-Восточной Азии, а также нормализации отношений с Северным Вьетнамом¹⁴. Однако официально основные принципы многосторонней дипломатии были сформулированы в 1977 г. в «Манильской декларации», более известной как «доктрине Фукуда»¹⁵. Согласно трем принципам, провозглашенным премьер-министром Фукуда Такэо, «Япония не будет стремиться стать мощной военной державой; она приложит усилия для углубления взаимного доверия со странами ЮВА в самой широкой сфере взаимоотношений...; и, наконец, Япония будет развивать

---

¹² Танака Какуэй – премьер-министр Японии с 1972 по 1974 гг.

¹³ Мики Такэо – премьер-министр Японии с 1974 по 1976 гг.

¹⁴ Иокибэ Макото 五百旗頭真. Сэнго нихон гайкōси 戦後日本外交史 (Внешняя политика Японии после Второй мировой войны). Токио: Юхикаку Арма 有斐閣アルマ, 2010. С. 169-171.

¹⁵ «Манильской декларацией» или «доктриной Фукуда» называют речь премьер-министра Фукуда Такэо (1976-1978 гг.) в Маниле в августе 1977 г., в которой премьер-министр провозгласил три основных принципа японской внешней политики.

отношения, основанные на взаимном доверии, не только со странами АСЕАН, но и с государствами Индокитая»¹⁶.

Однако, несмотря на то, что её принципы были представлены как основы независимого внешнеполитического курса, правящим кругам Японии приходилось разрабатывать главные направления своей дипломатии с учетом существования военно-политического союза с США, что, как справедливо отмечает советский исследователь Д.В. Петров, «неизбежно сузило возможности выдвижения самостоятельных инициатив и ограничило сферу дипломатического маневрирования»¹⁷.

Такое положение дел объяснялось еще и тем, что с поражением США во Вьетнаме значительно сократилось американское военное присутствие в Азии, и, следовательно, произошло ослабление политического влияния Соединенных Штатов. Более того, победа патриотических сил в странах Индокитая привела к появлению новых социалистических государств¹⁸ на политической карте Азии, что заставило Вашингтон усилить систему «договора безопасности» со своим дальневосточным союзником. Так на основании программы «новой тихоокеанской доктрины», принятой администрацией Дж.Форда в 1975 г., Д.В.Петров делает вывод, что «Японии отводится особое место в американских планах «перестройки политической структуры Азии», элементом которых является сохранение азиатских стран в орбите капиталистического хозяйства и предотвращение дальнейшего распространения национально-освободитель-

---

¹⁶ Петров Д.В. Внешняя политика Японии на рубеже 70-80-х годов // Япония 1980. Ежегодник. М.: «Наука», 1981. С. 61.

¹⁷ Петров Д.В. Указ. соч. С. 50.

¹⁸ Имеется в виду образование Социалистической Республики Вьетнам (1976 г.), Лаосской Народно-Демократической Республики (1976 г.) и провозглашение республики Демократическая Кампучия (1975 г.).

ного движения...»¹⁹. И так, становится ясным, что руководство Японии не имело возможности независимо следовать положениям «доктрины Фукуда», о чем речь пойдет далее при рассмотрении конкретных примеров японской азиатской политики.

Что касается Индии, то роль её внешней политики в системе международных отношений в Азии оставалась весьма значительной. Правительство Индиры Ганди, а затем пришедшее ей на смену в 1977 г. правительство партии Джаната во главе с М. Десаи продолжали проводить так называемую «линию Неру» в своей дипломатии. Внешне-политические действия руководства страны свидетельствовали о сохранении курса позитивного нейтралитета и стремлении улучшать отношения со всеми странами²⁰, следуя при этом принципам политики неприсоединения к каким-либо военно-политическим блокам и сохранения, таким образом, независимости своих позиций. Наметившийся поворот к ослаблению международной напряженности побуждал правящие круги Индии занимать еще более активную позицию в деле сохранения мира и поддержания безопасности на всем азиатском континенте. Главными задачами внешней политики Индии в 1970-е гг. стали такие проблемы, как противодействие нагнетанию напряженности в Южной Азии, содействие достижению политического урегулирования в Юго-Восточной, Юго-Западной Азии и на Ближнем Востоке, предотвращение дальнейшей милитаризации бассейна Индийского океана²¹.

Как и японское руководство, индийское правительство важное место отводило налаживанию и углублению отноше-

---

¹⁹ Петров Д.В. Внешняя политика Японии в 1975 г. // Япония 1976. Ежегодник. М.: «Наука», 1977. С. 50–51.

²⁰ Антонова К.А., Бонград-Левин Г.М., Котовский Г.Г. Указ. соч. С. 604.

²¹ Столярова О.А. Япония и Индия в системе международных отношений в Азии (анализ двусторонних отношений в 50-е – 80-е гг.) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1985. С. 10.

ний со странами АСЕАН и Индокитая. Однако, в отличие от японской концепции, Индия заостряла внимание на роли сильного и стабильного Вьетнама в процессе стабилизации всей политической ситуации в Индокитае. Также было необходимо, по мнению правящих кругов Индии, поддерживать равновесие сил во всей Юго-Восточной Азии и не допускать гегемонии какой-либо другой державы в регионе. Осознавая все возможные трудности, связанные с будущими намерениями Вьетнама, а также с возрастающим политическим влиянием Китая в регионе, Индия прилагала усилия в устранении напряженности и установления доверительных отношений между «сильными и крепнущими политическими объединениями» – странами Индокитая и АСЕАН²².

Для Японии страны АСЕАН стали главным объектом её политики в Азии. Сотрудничество с ними правящие круги Японии внесли в свою орбиту обеспечения региональной безопасности. Однако провозглашенный принцип развития отношений с государствами Индокитая в качестве меры ведения «сбалансированной» политики на практике так и не был осуществлен. Так, например, политика в отношении Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) была практически подчинена задачам военно-политического союза с США. Более того, ситуация осложнялась еще и тем, что с начала 1970-х гг. правительство Японии взяло курс на нормализацию отношений и сближение с Китаем. Напомним, что в 1972 г. было подписано Совместное японо-китайское заявление о восстановлении межгосударственных отношений, что явилось решающим событием для начала проведения переговоров о заключении мирного договора. Однако ввиду противоречивого характера японо-китайских отношений и сложности переговорного процесса стороны смогли достичь согласия лишь в 1978 г., когда и был заключен японо-китайский Договор о мире и дружбе. Таким

---

²² Датт В.П. Внешняя политика Индии / Пер. с англ., общ. ред. Бондаревского Г.А. М.: Прогресс, 1988. С. 376–377.

образом, «китайский вектор» во внешней политике Японии стал одним из наиболее актуальных направлений в тот период. В связи с этим правительство Японии предпочитало не идти вразрез с враждебной позицией Китая в отношении СРВ в её конфликте с правительством Демократической Кампучии. Поэтому, когда вьетнамские войска вступили в Кампучию в 1979 г., что привело к свержению режима Пол Пота, японское правительство вслед за Вашингтоном и Пекином расценило этот акт как «вторжение», и попыталось ввести экономические санкции в отношении СРВ. После этого Япония выразила свое упорное нежелание признать новое правительство Народной Республики Кампучии во главе с Хенг Самрином, заявив при этом о своей поддержке плана США о создании «нейтрального государства» в Кампучии²³.

Что касается Индии, нельзя сказать, что её реакция на произошедшие события была противоположной. Скорее, индийское правительство продемонстрировало более демократичный подход в оценке ситуации. Во-первых, Индия выразила свою неоднократно повторяемую на различных международных встречах точку зрения против присутствия иностранных войск на территории какого-либо государства, в данном случае — Кампучии. Но с другой стороны, руководство Индии вынуждено было признать, что жестокость режима Пол Пота и регулярные вторжения его отрядов на территорию Вьетнама вынудили правительство СРВ предпринять крайние меры по свержению действующей власти в Кампучии.

Во-вторых, правительство Джаната также не признало новый режим Хенг Самрина, хотя при этом перестало признавать Демократическую Кампучию во главе с Пол Потом. Надо сказать, что правительство Народной Республики Кампучии было признано Индией только в 1980 г., когда

---

²³ Петров Д.В. Внешняя политика Японии на рубеже 70-80-х годов. С. 63-64.

к власти вернулась партия ИНК во главе с Индирой Ганди. Такой политический жест демонстрировал дружественное отношение Индии к Вьетнаму. Однако ситуация в Кампучии значительно осложнила отношения Вьетнама со странами АСЕАН, что в дальнейшем привело к значительному расхождению позиций Индии и стран АСЕАН²⁴.

Кроме того, обострился конфликт между Вьетнамом и Китаем, что привело к вторжению китайских войск во Вьетнам в феврале 1979 г. Со стороны Японии инцидент по понятным причинам не вызвал какой-либо реакции или осуждения, в то время как индийское правительство и общественность выступили с резкой критикой китайских действий. Для Индии ситуация представлялась даже оскорбительной, так как вторжение произошло во время официального визита министра иностранных дел А.Б.Ваджпаи в Китай, целью которого было сглаживание противоречий и улучшение отношений между двумя странами. Ситуация во многом напоминала события 1962 г., когда китайская армия пересекла границу с Индией, что привело к индийско-китайскому военному пограничному конфликту. Именно поэтому правительство Джаната заняло твердую позицию осуждения китайских акций в отношении Вьетнама²⁵.

Таким образом, на примере политики Японии и Индии в отношении Вьетнама и Кампучии можно сделать следующие выводы. Япония, несмотря на заявленные принципы в «декларации Фукуда», взяла курс на сближение со странами АСЕАН и Китаем, при этом создавая некий барьер, «отгораживающий» новые социалистические государства Индокитая от сферы её интересов в Юго-Восточной Азии. Такая политика полностью отвечала целям США, а также частично соотносилась с позицией руководства Китая. Индия, наоборот, выражая свою поддержку проводи-

---

²⁴ Датт В.П. Указ. соч. С. 378-381.

²⁵ Датт В.П. Указ. соч. С. 378-379.

мой в Индокитае политике, рисковала упустить возможность для налаживания отношений со странами АСЕАН, которые, надо сказать, были не менее приоритетны, чем отношения с другими странами. Тем не менее Индия в качестве основной своей внешнеполитической задачи в ЮВА ставила достижение политического урегулирования между тремя силами в регионе – странами Индокитая, странами АСЕАН и Китаем.

Говоря о двустороннем взаимодействии Японии и Индии, отметим, что период 1970-х гг. стал единственным десятилетием в истории японско-индийских отношений, когда не было совершено ни одного официального визита на уровне глав государств с обеих сторон. Тем не менее это не означало, что стороны и вовсе перестали вести политический диалог. Так в июле 1977 г. министр иностранных дел Японии Хатояма Иитирō нанес визит в Индию впервые за последние семь лет, что привнесло определенное оживление двусторонним политическим связям.

Особенно стоит отметить, что во время проведения министерских переговоров обе стороны не только пришли к выводу о том, что развитие японско-индийского сотрудничества имеет важное значение для стабильности и развития азиатского региона в целом, но и приняли решение повысить статус проведения ежегодных регулярных консультаций (согласно договоренности 1965 г.) до уровня министров иностранных дел²⁶.

Первая такая встреча состоялась во время визита министра иностранных дел Индии Атала Бихари Ваджпаи в Токио в августе 1978 года. Консультации с японским коллегой Сонода Сунао охватили широкий круг двусторонних и международных вопросов и предоставили обеим сторонам ценную возможность получить более глубокое

---

²⁶ Annual Report 1977-1978 / Government of India. Ministry of External Affairs, New Delhi // MEA Library // [URL]: <http://mealib.nic.in/?2506?000#3> (дата обращения 24.04.2017).

представление об основных задачах их внешней политики и ее перспективах. Поскольку визит произошел сразу после подписания японо-китайского Договора о мире и дружбе 12 августа 1978 г., министр иностранных дел Ваджпай выразил надежду, что Договор внесет свой вклад в поддержание мира и стабильности и не станет причиной возникновения новой напряженности в регионе²⁷.

Однако не будем подробно останавливаться на проблеме динамики отношений каждой из стран с Китаем, а также влияния «китайского фактора» на взаимоотношения Японии и Индии, так как данные вопросы требуют отдельного рассмотрения.

В заключение необходимо отметить, что, начало политического диалога в форме министерских консультаций в конце 1970-х гг. отразило факт признания руководством двух влиятельных азиатских государств – Японии и Индии, необходимости обмена мнениями и ведения диалога по основным международным проблемам в Азии на самом высоком уровне.

---

²⁷ Annual Report 1978-1979 / Government of India. Ministry of External Affairs, New Delhi // MEA Library // [URL]: <http://mealib.nic.in/?2507?000#3> (дата обращения 24.04.2017).

История международного сотрудничества Казахстана и Японии

С образованием независимого суверенного Казахстана перед ним как перед субъектом международных отношений встала проблема выбора внешнеполитической перспективы, которая оказывает непосредственное влияние на историческую будущность как самой республики, так и всего постсоветского пространства.

Основной задачей внешней политики Казахстана стало формирование и поддержание благоприятных внешних условий для успешного проведения реформ в республике, становления и развития ее как суверенного государства [1]. При этом казахстанское руководство исходило из того, что внешнеполитический курс должен быть четко привязан к внутренним реалиям страны, а единство внутренней и внешней политики предполагает согласованность мер внутри страны с ее международными обязательствами. Важнейшим условием успешного проведения реформ стало достойное вхождение Казахстана в мировое сообщество, развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества со всеми заинтересованными государствами, активное участие в деятельности международных организаций.

28 декабря 1991 года Япония признала независимость Казахстана. 26 января 1992 года между двумя государствами были установлены дипломатические отношения.

За 25 лет сотрудничества Казахстан и Япония достигли позитивных результатов в разных областях. Япония выступила соавтором резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по Семипалатинскому региону и выступила инициатором проведения в Токио в сентябре 1999 г. международной конференции по проблемам бывшего Семипалатинского ядерного полигона. Весной 2000 г. японское Правительство приняло решение о безвозмездном выделении 6 млн. долл. на поставку медицинского оборудования в этот регион. С японской стороны налажен активный диалог по решению проблем последствий ядерных испытаний на территории

Казахстана. Признанием вклада нашей страны в радиологическую медицину стало подписание в марте 1998 г. Договора о научном сотрудничестве между Семипалатинской Меакадемией и Университетом г. Нагасаки, а также вручение престижной премии г. Нагасаки «Мемориал мира доктора Нагаи (Премия Нагаи)» академику С.Балмуханову, директору Института онкологии и радиологии. Казахстан регулярно посещают эксперты Нагасаки и Хиросимы с целью изучения проблем в регионе бывшего Семипалатинского ядерного полигона. В 1999 г. был организован телемост Нагасаки (Медицинский университет) – Семипалатинск (Медицинская академия) – Токио (Посольство РК) с презентацией переданного Правительством Японии в дар Семипалатинской медицинской академии оборудования, позволяющего проводить диагностику казахстанских пациентов посредством спутниковой связи в лабораториях Университета Нагасаки. Японцы так же, как и казахстанцы пережили страшные последствия использования ядерного оружия. Японские города Хиросима и Нагасаки в самом конце второй мировой войны подвергались американской атомной атаке, в результате которой мгновенно прервалась жизнь сотен тысяч мирных людей. На Азгирском полигоне произведено 17 подземных взрывов. На Семипалатинском полигоне за 40 лет осуществлены 607 испытаний атомных бомб. Они проводились без соответствующих мер защиты местного населения от последствий ядерных взрывов. До 1953 г. жители ближайших от эпицентра атомных экспериментов не предупреждались и не отселялись. Лишь с 1956 г. военные органы оповещали население за 1 час до испытаний. Их мощь в десятки тысяч раз превзошла мощь двух американских бомб, сброшенных на Японию. Миллионы жителей Казахстана пострадали, и Япония оказала значительную помощь в их лечении. Япония выступила соавтором резолюции ГА ООН по Семипалатинскому региону и стала инициатором проведения в Токио в сентябре 1999 года международной конференции по проблемам бывшего Семи-

палатинского ядерного полигона. Весной 2000 года Правительство Японии приняло решение о безвозмездном выделении 648 млн. йен (около 6 млн. долл.) на поставку медицинского оборудования в регион. С марта 1998 года ведутся совместные работы по изучению последствий ядерных испытаний на территории Казахстана.

29 августа 2006 года в честь закрытия ядерного полигона состоялась телемост между городами Нагасаки и Семипалатинск. 20 декабря 2006 года Правительством Японии совместно с ООН было принято решение о выделении гранта в размере 2 млн. долл. на реализацию проекта «Расширение человеческой безопасности на территории бывшего Семипалатинского ядерного полигона» [2].

Важным фактором развития инвестиционного сотрудничества двух стран стала реализация проектов в рамках экономической помощи Японии. В настоящее время активно реализуется японская программа «Официальная помощь развитию» (ODA), в рамках которой Казахстану японским правительством были выделены йеновые кредиты, культурные гранты. Основными линиями финансирования данной программы стали: грантовая помощь, техническое сотрудничество, проекты «корни травы».

Йеновые кредиты предоставляются Казахстану правительством Японии на льготных условиях, в основном для реализации проектов развития инфраструктуры. По этой линии были выделены финансы для реализации следующих проектов:

- развитие мощностей железнодорожного транспорта;
- строительство моста через реку Иртыш;
- реконструкция автомобильных дорог Западного Казахстана;
- реконструкции международного аэропорта г. Астаны;
- водоснабжение и водоотведение г. Астаны.

Грантовая помощь Японии нашей республике была ориентирована в основном на улучшение медицинского обслуживания населения, включая поставку необходимого медицинского оборудования и другие социальные вопросы. По этой линии осуществлены проекты:

- повышения уровня медицинского обслуживания в Алматинском регионе;
- поставки медицинского оборудования для детской больницы г. Астаны;
- улучшения медицинского обслуживания в Семипалатинском регионе;
- поддержки развития службы скорой помощи г. Астаны;
- улучшения водоснабжения сельских населенных пунктов Казахстана.

Техническое сотрудничество предусматривает проведение стажировок, обмен опытом и обучение казахстанских специалистов японскому языку и различным направлениям экономической деятельности. В рамках этого направления более 100 японских экспертов приняли участие в различных научных исследованиях Казахстана, а за период с 1993 по 2005 г. в Японии по различным направлениям прошли обучение более 500 казахстанских специалистов.

Важным фактором развития культурно-образовательного сотрудничества стало открытие в 2002 г. Японского центра по развитию человеческих ресурсов.

Культурные гранты, предоставляемые правительством Японии, были направлены в основном на развитие культурно-образовательных и спортивных учреждений. В Казахстане за счет этих грантов был реализован ряд таких важных для спортивно-образовательной сферы проектов, как приобретение оборудования для лингафонного кабинета Алматинского Государственного Университета им. Абая, поставка музыкальных инструментов для Государственного театра оперы и балета им. Абая, приобретение оборудования для высоко-

горного спортивного комплекса «Медео», поставка музыкальных инструментов для Алматинской Государственной консерватории им. Курмангазы, приобретение лингафонного оборудования для изучения японского языка в КазНУ им. Аль-Фараби и др.

Проекты «корни травы» — программа грантовой помощи, предоставляемой японскими представительствами для решения социальных вопросов на местном уровне, включая улучшение медицинского обслуживания и поставку медицинского оборудования для лечебных учреждений. По линии «корни травы» было осуществлено более десяти таких проектов [3].

20 декабря 2000 г. в Токийском зоопарке «Тамма» состоялась официальная церемония передачи казахстанского дара — снежного барса, на которой приняли участие представители государственных органов, СМИ и общественности Японии, которым было направлено приветственное обращение Министра иностранных дел Й.Коно, где выражается признательность от имени народа Японии Президенту Республики Казахстан Н.А.Назарбаеву и всему казахстанскому народу за преподнесенный дар. Этот дар имеет огромное значение для казахского народа, так как для Казахстана снежный барс — немаловажный атрибут в государственной символике и является символом Казахстана и Алматы.

Еще одним направлением сотрудничества двух стран является знакомство с искусством и культурой друг друга. Искусство — оно бесценно, и всегда будет актуальным. Искусство имеет огромную связь с историей, на фоне чего формируются творческие взгляды, представление о данном народе. В сентябре 2001 г. состоялась премьера японской оперы «Журавль в вечерней мгле» в Государственном академическом театре оперы и балета имени Абая г. Алматы. На премьере оперы принял участие бывший Премьер-министр Японии Ц. Хата. В 2001 г. Заместитель Премьер-министра РК И. Тасмагамбетов посетил Японию для решения вопроса об изготовлении копии памятника древнетюркской и коче-

вой письменности «Культегин». Копия памятника изготовлена и доставлена в РК в мае 2001 г., ведь эти письма стали наследием казахов еще со времен средневековья [4].

Во время своего первого визита в Японию Президент РК Н.Назарбаев вручил Премьер-Министру Японии М. Хосокава «Книгу памяти» со списками умерших на территории Казахстана японских военнопленных. В январе 1999 года японский издательский дом «Эн-Эйч-Кей Паблшинг» издал «Книгу памяти» и основные положения Стратегии «Казахстан-2030», объединенными в сборник «Наш дом - Евразия».

В Токио и других городах Японии периодически выступают с концертами казахстанские музыканты и артисты. В основном финансирование идет по линии частных спонсоров из Японии. 29 июня 2007 года в Токио состоялось балетное представление учащихся Алматинского хореографического училища им. А.В.Селезнева.

В марте, августе и ноябре 2007 года в городах Токио, Хиросима и Уцуномия префектуры Точиги состоялись выставки Центрально-азиатских стран, на которых японская общественность была ознакомлена с культурой, народным искусством, обычаями и традициями казахского народа. Посетителям были продемонстрированы образцы казахских национальных ремесел, организована фотовыставка о Казахстане [5].

Визит Президента Казахстана Н.А.Назарбаева в Японию 6-9 ноября 2016 года стал важным вкладом в дальнейшее развитие отношений между Японией, Казахстаном и странами Центральной Азии. Визит завершился подписанием важного заявления «Об особом стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Японией в век процветания Азии». Аналогичные соглашения в последние годы Казахстан заключил с Китаем и Россией. Это свидетельствует о том, что Казахстан придает большое значение

развитию отношений с Японией, не менее важное, чем с Китаем и Россией.

Среди ощутимых результатов являются подписанные соглашения об облегчении визового режима между Японией и Казахстаном, о намерении открыть прямые рейсы воздушного сообщения между двумя странами, открытие завода по производству канатов «Токио Роуп» в Казахстане. Все это означает, что Япония отходит от своего образа в качестве «поставщика помощи» и становится торговым партнером для Казахстана и Центральной Азии в целом [6]. Официальный визит Нурсултана Назарбаева не только гарантировал выгодные соглашения и контракты, но и укрепил дружественные связи двух государств.

Список использованных источников

1. **Назарбаев Н.А.** Послание Президента страны народу Казахстана. Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев. Алматы, 10 октября 1997 г.
2. **Кожаметулы К.** Казахско-японские отношения: 20-лет взаимного сотрудничества. Алматы: Изд-во Вестник КазНУ, 2013.
3. **Рахматулина Г.Г., Нармбаев М.К.** Перспективы внешнеэкономических связей Казахстана и Японии. Астана, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан.
4. **Досова Б.А., Сыздыкова Н., Камышина А.** Казахстан и Япония: история дружбы и перспективы взаимного процветания. Караганда: Изд-во Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букедова // <http://group-global.org>
5. **Казахстан-Япония:** грани взаимовыгодного сотрудничества // <https://www.zakon.kz>
6. **Япония и Центральная Азия:** особые отношения // <http://www.stanradar.co>

**Curse or bless:
influence of Japanese outward direct investments
on its exports**

Hypotheses

Since post war era Japan is following export-oriented economic growth model, that is why any determining export volume factor is crucial for its economy. Such factors include also outward direct investments (ODI), which are supposed to have straight impacts on the home country's exports and economy¹.

In academic literature one can outline three approaches to characterizing relationship between ODI and country's export.

First is presented by substitution effect proponents. This effect can be caused by:

1. Decrease in demand for international trade as a result of flattening prices on different markets due to increase in international capital flows. It was proved by application of Heksher-Ohlin model to investments and trade by Mundell².
2. Following the theory of product life cycle export is regarded as a phase preceding the stage of ODI, which in its turn are considered to be an attempt to benefit from markets with low-cost labor³.
3. The role of MNCs, which try to reduce their cost and open a subsidiary, shifting production to new markets, thus the

---

¹ Pfaffermayr, M., 1996, "Foreign outward direct investment and exports in Austrian manufacturing: Substitutes or complements?" *Weltwirtschaftliches Archiv (International Archives)*, Vol. 132, No. 3, pp. 501–22.

² Mundell, R. A., 1957, "International trade and factor mobility," *American Economic Review*, Vol. 47, No. 3, pp. 321–35.

³ Vernon, R., 1966, "International investment and international trade in the product cycle," *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 80, No. 2, pp. 190–207.

product which has been imported previously is now manufactured directly on a consumer country¹.

4. Technological and patent issues, because it is easier to expand familiar technology to new market, rather than to share it with new companies².

Second approach is based upon an assumption that relationship between export and ODI is complementary, which can be explained by:

1. Increased import of intermediaries, which are necessary for MNC subsidiaries on new markets³.
2. Dependence on domestic market in order to preserve market leadership, especially in case of intangible assets, such as patents and HR competency⁴.
3. Market or technology seeking ODI can also promote export by enhancing production capability of home firm, presenting extensive and intensive growth model accordingly⁵.

---

¹ Buckley, J. and M. Casson, 1981, "The optimal timing of a foreign direct investment," *The Economic Journal*, Vol. 91, No. 361, pp. 75–87.

² Horst, T., 1972, "Firm and industry determinants of the decision to invest abroad: An empirical study," *The Review of Economics and Statistics*, Vol. 54, No. 3, pp. 258–66.

³ Markusen, J. R., 1995, "The boundaries of multinational enterprises and the theory of international trade," *The Journal of Economic Perspectives*, Vol. 9, No. 2, pp. 169–89.

⁴ Helpman, E. and P. R. Krugman, 1985, *Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy*, MA: MIT Press.

⁵ Huang, Y. P. and B. J. Wang, 2013, "Investing overseas but without moving the factories abroad: The case of Chinese outward direct investment," *Asian Development Review*, Vol. 29, No. 2, pp. 85–107.

There is a third approach, according to which it is impossible to define the relationship precisely, and it depends upon several factors, including country's economic development level, target market characteristics, and whether good is an intermediary or final product. For example, Markusen and Svensson¹ analyzed commodity trade and factor trade and concluded that relationship between them is complementary in case traded and non traded factors are not cooperative.

In a broad sense ODI can be caused by variety of factors, on the one hand, goods export can be substituted by ODI, on the other – capital export can be regarded as a separate process, or as a method of amalgamation into international production, managerial, financial chains.

Thus, in this paper we are trying to contribute to clarification of relationship between ODI and export. Our hypothesis in case of Japan can be formulated as the following:

H1: ODI has positive impact on export volume demonstrating complementary effect of ODI towards export.

Statistical analysis

The above mentioned ambiguity in literature proves the relevance of the chosen topic, but we should also provide trends characterizing Japanese export and ODI.

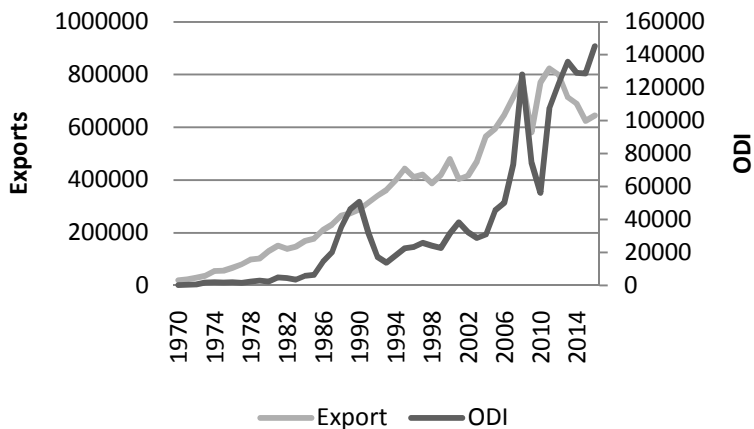
The data consist of values for Japanese ODI and export for the period 1970-2017. On the graph 1, representing dynamics in absolute measures of outward direct investments and exports, the positive relationship between them could be expected. ODI curve perfectly reflects the crisis periods, while exports volumes are more rigid to financial environment shocks.

---

¹ Markusen, J. R. and L. E. Svensson, 1985, "Trade in goods and factors with international differences in technology," *International Economic Review*, Vol. 26, No. 1, pp. 175–92.

ЯПОНИЯ: 150 лет революции Мэйдзи

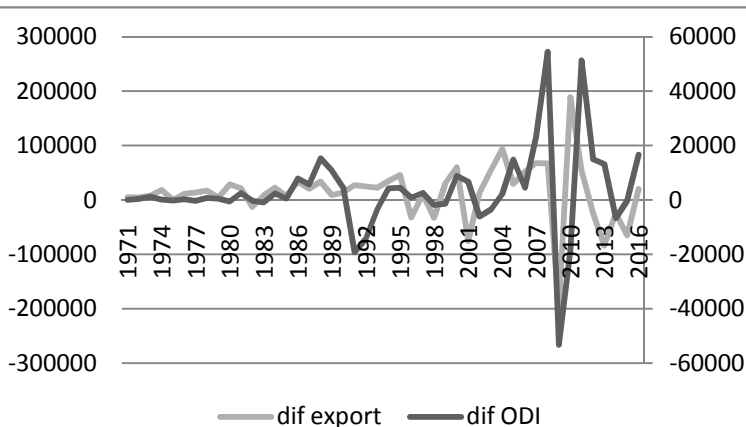
Graph 1 Export and ODI flows during 1970-2016,
US Dollars at current prices in millions

Source: UNCTAD

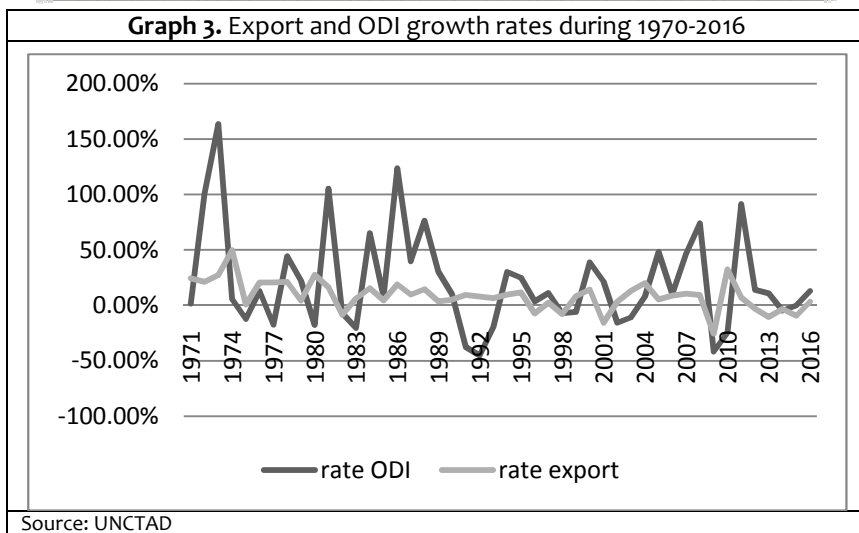
However, if we try to make our time data stationary and come to differences, the relationship becomes more complex, which can be seen on the graph 2. The highest volatility is observed during 2009 as a consequences of world crisis.

Graph 2. Differences of export and ODI flows during 1970-2016,
US Dollars at current prices in millions

Source: UNCTAD

The connection is even more blurred in case of analyzing growth rates, which is illustrated on the graph 3. One can hardly find relationship between highly volatile rates of ODI and steep export rates. Also flops in ODI didn't lead to the same reaction of exports, for example, in 1991.

The conclusions made from graphs can also be illustrated by more formal correlation coefficients. As one can see, high correlation exists while considering absolute measures and logarithms,, which we are going to use in regression analysis to catch changes of variables, but in situation of stationary time set the relationship area hardly observed. Thus, there is demand to estimate particular moderators and drivers of ODI impact on exports using regression models.

Table 1. Correlation measures

	Absolute measure	Logarithms	Differences	Growth percents
Correlation	0.84	0.96	0.35	0.29

Regression analysis

Data

Data is collected for five main Japanese trade partners, representing developed and emerging economies and different regions, for the period 2001-2012: USA, UK, China, South Korea and Russia.

Our dependent variable is export volume. Independent variable is volume of ODI.

Control variables are presented in the table 2

Table 2. Control variables

Variable	Variable Description	Source
GDP	Gross domestic product, US Dollars at current prices per capita	UNCTAD ¹
dist	Distance between countries, km	disween.com ²
exch_rate	Currency exchange rates, JPY to host currency	UNCTAD
tariff	Import tariff rates on non-agricultural and non-fuel products, %	INTRACEN ³
EFW	Economic freedom of the World index, varies from 0 to 10	EFW ⁴
cons_pr	Consumer price indices as an indicator for inflation	UNCTAD
tax_rate	Rate of corporate tax	chartsbin.com ⁵

¹ UNCTAD data center [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. URL: <http://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx> (Date of access: 26.11.2017)

² Distance between capitals [Electronic resource] // Distance between.com URL: <http://disween.com/tokyo-40-jp/seoul-11-kr> (Date of access: 26.11.2017)

³ Market access map [Electronic resource] // International Trade Centre. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/tariff-data/> (Date of access: 26.11.2017)

⁴ Economic freedom. [Electronic resource] // Fraser institute. URL: <https://www.fraserinstitute.org/economic-freedom/dataset?page=dataset&min-year=2000&max-year=2015&filter=0&most-free=1&quartile2=1&quartile3=1&least-free=1&date-type=range> (Date of access: 26.11.2017)

⁵ Tax rates by country [Electronic resource] // Chartsbin.com. URL: <http://chartsbin.com/view/43660> (Date of access: 26.11.2017)

Summary Statistics

Table 3. Summary statistics

Variable	Obs	Mean	Std. Dev.	Min	Max
export	60	59200000	52000000	716612.9	162000000
odi	60	55801.21	75683.98	13.64	285767.4
gdp	60	22672.57	17408.15	1041.164	51260.94
exch_rate	60	2.280095	4.511375	.0042442	14.11785
tariff	60	5.599833	3.241317	1.24	13.11833
efw	60	7.241333	.904187	5.55	8.47
cons_pr	60	4.406044	4.284298	-.7666958	21.45818
tax_rate	60	.248	.0553816	.2	.35
lexport	60	17.28154	1.344317	13.48229	18.90333
lodi	60	9.529196	2.392109	2.613007	12.56293
lgdp	60	9.527376	1.19383	6.948094	10.84468
lexch_rate	60	-2.26484	2.738298	-5.462201	2.64744
lcons_pr	57	1.248796	.7341312	-.3286798	3.066106

We can see huge variances in initial variables measures (especially important are differences between export and ODI), so in order to resolve this problem and to reflect the changes in variables it is better to work with logarithms.

Table 4 Correlation matrix in rate measures

	lexport	lodi	lgdp	lexch_rate	lcons_pr	tariff	efw	tax_rate
lexport	1.0000							
lodi	0.8417	1.0000						
lgdp	0.2337	0.5317	1.0000					
lexch_rate	-0.0643	-0.4261	-0.2924	1.0000				
lcons_pr	-0.5469	-0.7300	-0.3056	0.2812	1.0000			
tariff	-0.3375	-0.7324	-0.8597	0.5981	0.5146	1.0000		
efw	0.3210	0.6356	0.9281	-0.3740	-0.5342	-0.8969	1.0000	
tax_rate	0.7502	0.6354	0.3105	-0.2352	-0.3118	-0.3046	0.3789	1.0000

EFW variable is recommended to be excluded from further analysis in order to decrease multicollinearity, because this variable has the highest correlation coefficients.

Methodology

In the paper the trade gravity model (TGM) is used on panel data. This model was designed by Tinbergen (1962), who was inspired by Newton's law of universal gravitation. The main idea of the model is that trade between two countries is positively influenced by countries economic development level and negatively by geographical distance between them.

In our case, we modify original TGM with regard to ODI, which results in the following regression:

$$\text{lexport}_{jt} = \text{const} + \beta_1 \text{lodi}_{jt-1} + \beta_2 \text{lgdp}_{jt} + \beta_3 \text{ldist}_j + \beta_4 X_{ijt} + \rho_t + \varepsilon_{it}$$

In order to deal with endogeneity, we are going to use 1 year lagged variable for ODI as an instrument, because during estimations bigger lags didn't show better results, and also test several methods: pooled OLS method, regression with random effects, two-stage least squares method, and generalized method of moments.

As panel data analysis supposed that all independent variables should vary both by countries and by years. But after taking a close look to our data we can notice that tax rates and distance variables differ only per countries, so fixed effects analyses is irrelevant for our case.

Results

Table 5. Results of regression models

Dependent - lexport	Pooled OLS			RE			2SLS			GMM		
	Coefficient	SE	p-value	Coefficient	SE	p-value	Coefficient	SE	p-value	Coefficient	SE	p-value
l1.lodi *	0.655	0.063	0.000	0.655	0.063	0.000	0.685	0.064	0.000	0.685	0.091	0.000
lgdp	0.109	0.158	0.495	0.109	0.158	0.492	0.067	0.153	0.665	0.067	0.195	0.733
lexch_rate	0.047	0.039	0.235	0.047	0.039	0.228	0.064	0.038	0.095	0.064	0.038	0.088
lcons_pr	0.037	0.125	0.769	0.037	0.125	0.768	0.033	0.122	0.787	0.033	0.100	0.740
tariff	0.297	0.096	0.003	0.297	0.096	0.002	0.262	0.092	0.007	0.262	0.117	0.025
tax_rate	4.556	1.682	0.010	4.556	1.682	0.007	4.325	1.666	0.013	4.325	2.162	0.045
const	7.472	2.183	0.001	7.472	2.183	0.001	7.752	2.120	0.001	7.752	2.883	0.007
R ²	0.941			0.941			0.943					
R ² _{adj} **	0.933						0.935					
p-value (F)	0.000			0.000			0.000					

Notes: * - For GMM and 2SLS lagged lodi is an instrumental variable, ** - For RE R2 overall is presented

Pooled OLS and RE have given similar results; the same relates to 2SLS and GMM.

In pooled OLS model and model with RE GDP, exchange rate and consumer prices appeared to be insignificant, though the main hypothesis concerning the positive effect of previous period ODI on export is seemed to be accepted: all else being equal, increase in 1% of ODI is supposed to lead to 0.66% increase in export.

We also have conducted Breusch-Pagan Lagrange Multiplier Test to find out whether we have panel effect. Test is insignificant ($p > 0.05$), so there is no panel effect, thus pooled OLS is preferred to random effects model.

In 2SLS and GMM models exchange rate appeared to be significant on 10% level, thus only GDP and consumer prices remained insignificant. Here hypothesis is also accepted: increase in 1% of ODI is expected to result in 0.69% increase of export.

One also should notice comparatively big coefficient of tax rate. This could be explained by the fact that we didn't use logarithmic value of tax rate as it was initially given in percents and didn't change through observed time. Thus, increase in 1 point of tax rate variable (100% initially) will lead to $(e^{4.56}-1)*100\% = 9558\%$ of growth, or 1% increase in corporate tax leads to 96% growth of export. This could be explained by the inhibition effect of tax increase on local firms, which stimulates import from Japan.

Limitations

The limitations of this research are considered to be connected to:

- Number of countries and years – lack of country data on ODI has resulted in choosing a period of 2001-2012, which 1) small for reflecting sustainable patterns of flows; 2) simultaneously is long ago from 2017.
- Changes in tax legislation may have been ignored – the research lacks deep analysis of tax regulation, the possibility of amendments in tax legislation during the period of 2001-2012 has been ignored in models.
- Relationship between ODI and exports remain binary: if we try to explain ODI through changes in export, the situation could be the same, thus, chicken and the egg dilemma is emerging. The possible resolution of the problem is to go down from aggregate figures to firm level. This case could be analyzed in further researches.

Conclusions

First of all, this research provides a brief description of three main approaches towards relationship between ODI and exports: whether ODI have complimentary or substitutional effect on exports, or the relationship between them are more complicated and depend upon several conditions.

Secondly, statistical analysis has illustrated the ambiguity of this relationship by providing examples of different analysis outcomes on the same data.

Thirdly, regression analysis of panel data has resulted in acceptance of hypothesis stating the existence of positive relationship between previous period ODI and exports in the

current period. So we can characterize the effect of ODI on exports as complementary.

Finally, regression analysis has also showed an importance of fiscal policy in promoting foreign trade, at the same time stating the insensitivity of export volume to host economy scale and inflation rates.

REFERENCES

- Buckley, J.** and M. Casson, 1981, "The optimal timing of a foreign direct investment," *The Economic Journal*, Vol. 91, No. 361, pp. 75–87
- Helpman, E.** and P. R. Krugman, 1985, *Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy*, MA: MIT Press.
- Horst, T.**, 1972, "Firm and industry determinants of the decision to invest abroad: An empirical study," *The Review of Economics and Statistics*, Vol. 54, No. 3, pp. 258–66.
- Huang, Y. P.** and B. J. Wang, 2013, "Investing overseas but without moving the factories abroad: The case of Chinese outward direct investment," *Asian Development Review*, Vol. 29, No. 2, pp. 85–107
- Markusen, J. R.**, 1995, "The boundaries of multinational enterprises and the theory of international trade," *The Journal of Economic Perspectives*, Vol. 9, No. 2, pp. 169–89
- Markusen, J. R.** and L. E. Svensson, 1985, "Trade in goods and factors with international differences in technology," *International Economic Review*, Vol. 26, No. 1, pp. 175–92.
- Mundell, R. A.**, 1957, "International trade and factor mobility," *American Economic Review*, Vol. 47, No. 3, pp. 321–35.
- Pfaffermayr, M.**, 1996, "Foreign outward direct investment and exports in Austrian manufacturing: Substitutes or complements?" *Weltwirtschaftliches Archiv (International Archives)*, Vol. 132, No. 3, pp. 501–22.
- Tinbergen J.**, 1962, *Shaping the World Economy*, Appendix VI, *An Analysis of World Trade Flows*, New York: Twentieth Century Fund.

Vernon, R., 1966, “International investment and international trade in the product cycle,” *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 80, No. 2, pp. 190–207

Distance between capitals [Electronic resource] // Distance between.com URL: <http://disween.com/tokyo-40-jp/seoul-11-kr> (Date of access: 26.11.2017)

Economic freedom. [Electronic resource] // Fraser institute. URL: <https://www.fraserinstitute.org/economic-freedom/dataset?page=dataset&min-year=2000&max-year=2015&filter=0&most-free=1&quartile2=1&quartile3=1&least-free=1&date-type=range> (Date of access: 26.11.2017)

Market access map [Electronic resource] // International Trade Centre. URL: <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/tariff-data/> (Date of access: 26.11.2017)

Tax rates by country [Electronic resource] // Chartsbin.com. URL: <http://chartsbin.com/view/43660> (Date of access: 26.11.2017)

UNCTAD data center [Electronic resource] // United Nations Conference on Trade and Development. URL: <http://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx><http://disween.com/tokyo-40-jp/seoul-11-kr> (Date of access: 26.11.2017)

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Образ России в Японии и Китае: специфика изучения¹ (К 80-летию профессора Вада Харуки и 100-летию академика С.А.Тихвинского)

2018-й год богат на юбилеи. 13 января 2018 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного японского ученого, специалиста по истории России и российско-японским отношениям, профессора Токийского университета Вада Харуки, а 1 сентября будет отмечаться 100 лет со дня рождения выдающегося российского историка и дипломата, специалиста в области новой и новейшей истории стран Восточной Азии, действительного члена Российской Академии наук Сергея Леонидовича Тихвинского. Два этих замечательных ученых внесли свой вклад не только в историческую науку, но и в развитие добрососедских отношений между странами Восточной Азии и Россией.

Круг научных интересов Вада Харуки и С.А.Тихвинского обширен и разнообразен. Сферы их исследований мало соприкасаются друг с другом, однако есть одна тема, которая близка им обоим: история формирования и развития образа России в странах Дальнего Востока. Вада Харуки занимался изучением образа нашей страны в Японии (в особенности – в эпоху Мэйдзи), а С.А.Тихвинский изучал историю восприятия образа России в Китае в различные исторические периоды. Оба автора обратились к этим сюжетам в то время, когда имагологические исследования, столь популярные в наши дни, только начинали появляться.

Сегодня все большее число ученых признает, что при комплексном изучении взаимоотношений между государствами и народами, помимо факторов дипломатического,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-21-49001а(м): «Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности».

экономического, политического и культурного характера, следует постоянно принимать во внимание присутствие в общественной мысли и обыденном сознании образов и стереотипов, влияющих на восприятие одним народом других. Эти образы и стереотипы формируются, развиваются и видоизменяются на протяжении длительного периода истории, оказываясь существенным фактором в процессе социокультурного взаимодействия между странами и народами. Сегодня становится все более очевидным, что одним из важнейших моментов международных отношений оказывается то, какое впечатление производит деятельность государства на международной арене и как его представители воспринимаются в других странах. Поэтому стремление ученых досконально изучить и проследить историческую эволюцию образов различных народов, выявить динамику их развития и механизмы формирования, а также причины их возникновения и устойчивости в рамках национальной социокультурной традиции, представляется чрезвычайно важным и актуальным.

В одной из своих статей Вада Харуки предпринял попытку обобщить и классифицировать представления о России, сложившиеся в Японии в XIX – начале XX вв. и выделил три основных типа этих представлений: «Россия – учитель», «Россия – враг», «Россия – собрат по страданиям» [1].

Образ России – учителя возникает в Японии в разные периоды. Вада Харуки обратил внимание на то, что интеллектуалы позднетокугавского периода обращались к опыту петровских преобразований в России при разработке планов реформирования Японии. Знания о Петре Великом и его деятельности они черпали из голландских книг. К этому следует добавить, что в данном случае, в условиях закрытости Японии, большую роль сыграл субъективный фактор: японские рангакуся («голландоведы»), читали голландскую литературу, где по понятным причинам содержалось много

положительной информации о Петре I, о его личных качествах, государственной деятельности и преобразованиях.

Много говорилось о Петре и в книге «Хокуса бунряку», написанной на основе показаний Дайкокуя Кодая японским врачом Кацурагава Хосю, который, в свою очередь, брал уроки у Карла Петера Тунберга. В XIX в. о реформах Петра Великого и их результатах писали Ватанабэ Кадзан и Сакума Сёдзан, создавая тем самым на примере развития России позитивный образ реформируемой страны и распространяя этот образ в Японии.

Вада Харуки считает, что одной из причин краха токугавского режима стало то, что он «не смог последовать примеру Петра» [1:56]. Зато после Мэйдзи исин развитие Японии в основном пошло по пути реформ, подобных петровским преобразованиям, при этом «японцы, учась у русских, добавили нечто новое и важное к принятому ими варианту» [1:56]. По мнению Вада Харуки, характеризуя особенности преобразований Мэйдзи, можно говорить о совершенно уникальном явлении, когда на национальной японской почве были восприняты и творчески применены идеи и опыт руководителей иных государств: Петра Великого и Наполеона.

Образ России – врага, как считает Вада Харуки, начал формироваться в Японии в эпоху Мэйдзи: «во-первых, предполагалось, что Россия угрожает независимости и территориальной целостности Японии и, во-вторых, что Россия препятствует экспансии Японии на Азиатском континенте» [1:57]. Этот образ был закреплен в массовом сознании в период русско-японской войны и в последующие годы. Реминисценции данного образа присутствуют в Японии и сегодня.

Что касается образа России – «собрата по страданиям» – он возник, благодаря знакомству японцев с русской классической литературой. Многие японские интеллектуалы

мэйдзийского периода воспринимали переживания и страдания героев русских литературных произведений и духовные искания российской интеллигенции как свои собственные. Вада Харуки считает, что восприятие русской литературы японцами было принципиально иным, чем восприятие английской или американской литературы. Духовные проблемы и моральные принципы персонажей русских романов, рассказов и пьес были им значительно ближе.

Вада Харуки активно выступает за создание в Японии нового образа – образа «России – соседа», формированию которого, как он полагает, может способствовать представление о ней как о «собрате по страданиям», поскольку «в современном мире обе наши страны подвержены общим угрозам, нависшим над человечеством» [1:60]. И хотя эти слова были написаны более 30 лет тому назад, сейчас они звучат чрезвычайно актуально.

В свою очередь, Сергей Леонидович Тихвинский в своем исследовании [6] на основе многочисленных источников рассматривает процессы восприятия России в Китае, начиная с периода правления династии Цин до наших дней, и показывает динамику и характерные особенности становления и эволюции образа нашей страны. В его книге анализируются различные этапы трансформации этого образа, его изменения и преемственность многих факторов, но остановимся лишь на одном аспекте, созвучном направлению научных поисков Вада Харуки.

В период реформаторского движения в Китае, кульминацией которого стали известные «100 дней реформ» 1898 г., главный идеолог этого движения Кан Ювэй направил императору Цзай Тяню (девиз правления: Гуансюй) меморандум, к которому приложил «Записки о реформах российского царя Петра Великого», призывая последовать примеру Петра и осуществить реформы: «Китай

при осуществлении преобразований прежде всего должен подражать России, где Петр показал пример применения власти государя для проведения реформ» [6:46]. По мнению Кан Ювэя, Россия под воздействием этих реформ так преобразилась, что из дряхлой и отсталой страны превратилась в сильную и процветающую державу. Петр начал учиться у других стран и перенес к себе на родину лучшие системы и методы управления. Таким образом, фигура Петра Великого и его масштабные преобразования стали для Кан Ювэя, как и для японских мыслителей поздне-токугавского и мэйдзийского периодов, не только серьезным аргументом в пользу проведения реформ, но и элементом формирования позитивного образа России («страны-учителя») в целом.

Однако Кан Ювэй призывал Цзай Тяня не только обратиться к опыту петровских преобразований, но и использовать в качестве образца реформы, к тому времени уже проведенные императором Мэйдзи в Японии. Для него фигуры двух императоров-реформаторов по сути сливались в единый образ. В этой связи следует отметить, что Кан Ювэй передал императору не только свои «Записки о реформах российского царя Петра Великого», но и написанное им «Исследование японских реформ периода Мэйдзи» (日本明治变政考), состоявшее из 14 цзюаней, где подробно рассматривались все преобразования, осуществленные к тому времени в Японии. При этом он считал, что государственное устройство России и Японии подходят для Китая больше, чем демократический строй США и Франции и конституционное управление Великобритании и Германии.

В своей книге С.Л.Тихвинский неоднократно обращается к тем отрезкам истории, на которых особенно отчетливо проявлялось стремление китайцев заимствовать опыт социально-политического, экономического и духовного развития нашей страны. Лозунг «Учиться у русских!» неоднократно возникал в Китае на протяжении XX века, способствуя

созданию позитивного образа СССР и России. Это касается как влияния на Китай русской и советской литературы, так и огромной экономической помощи, оказанной Китаю Советским Союзом в 1950-х гг. И главное, что все это имеет отношение и к сегодняшнему дню.

Анализируя влияние русской литературы на процесс формирования образа России в Китае, С.Л.Тихвинский приводит слова великого китайского писателя Лу Синя о том, что русские писатели раскрыли перед китайцами «прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу» [6:90]. Таким образом, именно русская литература сформировала в Китае образ России - «собрата по страданиям» (добавим: и «соратника по борьбе»). Здесь мы видим, что С.Л.Тихвинский обратил внимание на тот же существенный фактор применительно к Китаю, что и Вада Харуки – применительно к Японии.

В этой же связи С.Л.Тихвинский анализирует и высказывания известных деятелей китайской культуры Юй Дафу и Го Можо, которые отмечали, что из всей мировой литературы наибольшим влиянием в Китае первой половины XX в. пользовалась именно русская литература, а имена Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова так же близки китайскому читателю, как имена Ши Найаня, Ло Гуаньчжуна, Цао Сюэциня, У Цзинцзы и Пу Сунлина. И в этом смысле китайское восприятие русской литературы оказалось созвучно ее восприятию в Японии. Вада Харуки в своем исследовании тоже обратил внимание на значение произведений Толстого, Тургенева, Достоевского, Чехова в деле формирования образа «Россия – брат по страданиям». Показательно, что анализ процесса формирования образа России в двух восточноазиатских странах – Японии и Китае, проделанный двумя учеными, приводит к сходным результатам.

В то же время следует отметить, что японская тема тоже близка академику С.Л.Тихвинскому. Находясь на

дипломатической службе, он внес значительный вклад в послевоенную нормализацию советско-японских отношений и своей деятельностью способствовал формированию в Японии положительных представлений о нашей стране. В составе советской правительственной делегации С.А.Тихвинский участвовал в переговорах о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Японией, которые проходили в Лондоне в 1955-1956 гг. В 1956 г. он был назначен главой Представительства СССР в Японии в ранге чрезвычайного и полномочного посланника 1-го класса, а затем, после открытия 12 декабря 1956 г. в Токио Посольства Советского Союза, работал там советником-посланником, активно способствуя нормализации отношений между двумя странами [7]. Характеризуя сложную конфигурацию и особенности российско-японских отношений, С.А.Тихвинский не случайно дал одной из своих работ очень показательное название: «Россия – Япония: обречены на добрососедство» [8].

Изучение формирования и эволюции образа России в Японии [4; 9; 10] и Китае [3; 5] в последнее время становится все более и более интенсивным. Российские, японские и западные ученые вводят в научный оборот не исследованные до сегодняшнего дня источники, предлагают новые подходы и методы изучения. Однако идеи, высказанные в свое время в работах Вада Харуки и С.А.Тихвинского, звучат по-прежнему актуально и служат отправными точками для формирования общей концепции и имагологических исследований по данной проблематике.

Литература

1. **Вада Харуки.** Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М., 1986. С.50-61.
2. **Икута Митико.** Образ Японии в России в период Эдо (XVII-XIX вв.) // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2005. № 9. С. 107-127.

3. **Самойлов Н.А., Ли Суйань.** Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение, африканистика. 2012. № 4. С.14 -22.
4. **Соколов А.Р.** Россия и Япония: взаимное открытие. СПб., 2016.
5. **Тен Н.** От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991-2010). М., 2016.
6. **Тихвинский С.Л.** Восприятие в Китае образа России. М., 2008.
7. **Тихвинский С.Л.** Миссия в Токио // Тихвинский С.Л. Избранные произведения: в 5 кн. Кн.5. М., 2006. С.270-294.
8. **Тихвинский С.Л.** Россия – Япония: обречены на добрососедство // Тихвинский С.Л. Избранные произведения: в 5 кн. Кн.4. М., 2006. С.63-252.
9. **Япония и Россия:** национальная идентичность сквозь призму образов. Сб. статей под ред. Ю.Д.Михайловой. СПб., 2014.
10. **Japan and Russia: Three Centuries of Mutual Images / Ed. by Yulia Mikhailova and M. William Steele.** Folkestone, 2008.
11. **Lim, Susanna Soojung.** China and Japan in the Russian imagination, 1685-1922 : To the Ends of the Orient. New York, 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АФФИЛИАЦИЯ

АБДРАХМАНОВА Гаухар Сатыбалдиновна, к. и. н., доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва, г. Астана, Казахстан.

АЛПАТОВ Владимир Михайлович, д. ф. н., гл. н. с. Института языкознания РАН. Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1/12.

АМАРА (Савинцева) Марина Игоревна, к. ю. н., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1.

АРАКАВА Ёсико, к. ф. н., доцент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

БЕССОНОВА Елена Юрьевна, к. ф. н., доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

БОГОЛЮБОВ Алексей Михайлович, к. и. н., н. с. отдела Востока Государственного Эрмитажа. Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая пл., 2.

БОГОМОЛОВА Елена Анатольевна, главный библиотекарь Центра восточной литературы Российской государственной библиотеки. Россия, 119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5.

БОГОЯВЛЕНСКАЯ Елена Давыдовна, доцент кафедры восточных языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета. Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, 6.

БОРИСОВА Анастасия Анатольевна, ассистент кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного универси-

тета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

БОРЬКИНА Анастасия Юрьевна, аспирант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

БЫКОВА Стелла Артемьевна, к. ф. н., доцент, зав. каф. японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

ВАРКЕНТИН Андрей Евгеньевич, магистрант факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1.

ВАСИЛИСКО Дарья Ивановна, доцент Института сферы обслуживания и предпринимательства Донского государственного технического университета. Россия, 346500, г. Шахты, ул. Шевченко, 147.

ВАСИЛЬЕВА Людмила Владимировна, ст. преп. кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

ГРАЧЕВ Максим Васильевич, к. и. н., доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

ГУЛЕНОК Полина Александровна, студент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

ДАНИЛОВА Юлиана Николаевна, к. филос. н., н. с. Курганского областного краеведческого музея. Россия, 640000, г. Курган, ул. Пушкина, 137.

ДРУЖИНИН Николай Львович, д. э. н., проф. Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Россия, 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., 44А.

ДУЛИНА Анна Михайловна, к. и. н., независимый исследователь, Москва, Россия.

ДЬЯКОНОВА Елена Михайловна, к. ф. н., проф. Российского государственного гуманитарного университета. Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, 6.

ЕМЕЛЬЯНОВА Олеся Николаевна, ст. преп. факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ЖИВКОВА Стела Тодорова. Центр восточных языков и культур Софийского университета им. святого Климента Охридского, г. София, Болгария.

ИБРАХИМ Инга Самировна, к. ф. н., доц. кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

ИВАНОВА Юлиана Владимировна, к. ф. н., ст. преп. кафедры языков стран АТР Дальневосточного федерального университета. Россия, 690000, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.

ИНДОСОВА Мария Михайловна, магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

КАСИМОВА Виктория Ринатовна, магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

КИКНАДЗЕ Диана Гургеновна, к. и. н., ст. преп. кафедры Центральной Азии и Кавказа Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

КИМУРА Такаси. Университет Киото, г. Киото, Япония.

КЛИМОВ Артем Вадимович, ст. преп. Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16.

КЛИМОВ Вадим Юрьевич, к. и. н., с. н. с. Института восточных рукописей РАН. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

КЛОБУКОВА Наталья Федоровна. Научно-творческий центр «Музыкальные культуры мира», Московская государственная

консерватория им. П.И.Чайковского. Россия, 125009, Москва, Большая Никитская ул., 13/б.

КОЛОСОВА Дарья Ивановна, студент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

КРНЕТА Наталия Драголюбовна, к. ф. н., доц. кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

КУДРЯШОВА Анастасия Вячеславовна, к. ф. н., доц. кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

КУЗНЕЦОВ Сергей Ильич. д. и. н., проф. заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета. Россия, 664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2.

ЛЕВЧЕНКО Игорь Иванович, магистрант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

ЛЕЛЕНКОВА Анна Викторовна, асс. кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

ЛОБОВ Роман Николаевич, аспирант Института Дальнего Востока РАН. Россия, 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32.

МАЛАШЕВСКАЯ Мария Николаевна, к. и. н., доц. кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

МАРАНДЖЯН Каринэ Генриховна, к. и. н., с. н. с. Института восточных рукописей РАН. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

МАРАХОНОВА Светлана Ивановна, к. и. н., н. с. Института восточных рукописей РАН. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

МЕЛЬНИКОВА Ирина Витальевна, к. ф. н., проф. Университета Досися, г. Киото, Япония.

МЕЩЕРЯКОВ Александр Николаевич, д. и. н., профессор Института классического востоковедения и античности ВШЭ, Института восточных культур и античности РГГУ, школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

МИХАЙЛОВА Светлана Анатольевна, гид-переводчик, «Интурист», Россия, Санкт-Петербург.

НАЛИВАЙКО Оксана Александровна, аспирант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

НЕСТЕРОВА Мария Александровна, к. иск., доцент Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13.

НИКОЛОВА Вяра Василева, Центр восточных языков и культур Софийского университета им. святого Климента Охридского, г. София, Болгария.

ОВЧИННИКОВА Любовь Всеволодовна, доц. Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

ОСМАНОВ Евгений Магомедович, к. и. н., доц. кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

ОХИРА Рэйко, ст. преп. кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.

ПАЮК Алиса Юрьевна, аспирант Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица. Россия, 191028, Санкт-Петербург, Соляной переулок, 13.

ПЕТКОВА Гергана Руменова, доц. Софийского университета им. святого Климента Охридского, г. София, Болгария.

РЕЧКАЛОВА Анастасия Александровна, аспирант Новосибирского государственного университета. Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

- РОГОВ** Егор Олегович, студент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
- РОГОЖИНА** Юлия Владиславовна, главный специалист Отдела международного научно-технического сотрудничества Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
- РУМАК** Наталья Григорьевна, к. ф. н., доц. Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.
- САДОКОВА** Анастасия Рюриковна, д. ф. н., проф. Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.
- САМОЙЛОВ** Николай Анатольевич, д. и. н., проф., зав. каф. теории общественного развития стран Азии и Африки Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/ 9.
- СИМОНОВА-ГУДЗЕНКО** Екатерина Кирилловна, д. и. н., проф., зав. каф. истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.
- СКВОРЦОВА** Елена Львовна, д. ф. н., н. с. Института востоковедения РАН. Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12.
- СПИЦЫНА** Ксения Андреевна, к. э. н., независимый исследователь. Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13.
- СТРЕЛЬЦОВ** Дмитрий Викторович, д. и. н., зав. каф. востоковедения Московского государственного института международных отношений. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
- СТРИЖАК** Ульяна Петровна, к. п. н., доцент факультета мировой экономики и мировой политики Школы востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.
- ФЕСЮН** Андрей Григорьевич, к. и. н., доцент факультета мировой экономики и мировой политики Школы

востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

ФИЛИМОНОВ Алексей Олегович, член Союза писателей России. Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Звенигородская, 22.

ФИЛИНОВ Андрей Владимирович, соискатель кафедры отечественной истории XX-XXI вв. исторического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова. Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1.

ФИЛИППОВ Александр Викторович, д. и. н., проф., зав. каф. японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ФИЛИППОВ Евгений Александрович, аспирант Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ФИЛОМЕНКО Александра Витальевна, студент факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ФРОЛОВА Евгения Львовна, к. и. н., доц. кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета. Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1.

ХРОНОПУЛО Лиала Юрьевна, к. ф. н., доц. кафедры японоведения Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ЧИЖЕВСКАЯ Мария Павловна, соискатель Института Европы РАН. Россия, 125009, Москва, Моховая ул., 11.

ШАРОВА Анна, аспирант кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, 11.

ШИМАНСКАЯ Анна Сергеевна, к. ф. н., доц. Московского государственного лингвистического университета. Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, 38.

ШИРОКОВ Вадим Владимирович, доц. факультета политических исследований Университета префектуры Симанэ, г. Мацуэ, Япония.

ЩЕПКИН Василий Владимирович, к. и. н., с. н. с. Института восточных рукописей РАН. Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18.

ЯКОВЛЕВА Юлия Игоревна, студент Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ЯСУМОТО Такако. Университет Нихон, г. Токио, Япония.

BERTELLI, Giulio Antonio. PhD, Associate Professor, School of Foreign Studies, Osaka University, Osaka, Japan.

CIAPPARONI LA ROCCA, Teresa. Formerly Professor of Japanese Language, Literature and Culture, Sapienza University of Rome, Rome, Italy.

GOLOVINA, Ksenia. PhD, Project Assistant Professor, Center for Global Communication Strategies, The University of Tokyo, Tokyo, Japan.

GRUBACIC, Marko. PhD, Assistant Professor in Japanology, Department of Oriental Studies at the Faculty of Philology, University of Belgrade. Belgrade, Serbia.

Приложение¹

(Михайлова Ю.Д.,
Муниципальный ун-т г.Хиросима)

Телеграф и российско-японское сближение накануне и во время первой мировой войны

1. Вступление

В наши дни благодаря Интернету информация мгновенно распространяется по всему миру. Однако на рубеже XIX и XX вв., когда самым быстрым способом передачи информации являлся телеграф, мир был поделен между крупнейшими западными агентствами новостей на сферы влияния. Английское агентство Рейтер контролировало всю территорию Британской империи, а также Дальний Восток. Немецкое агентство Вольф господствовало в Германии, Скандинавии и Восточной Европе. Зоной влияния французского агентства Гавас были колониальные владения Франции, Западная Европа и Средиземноморье. Ассошиэйтед Пресс доминировало над Атлантикой. Русские и японские телеграфные агентства новостей, вышедшие на международную арену лишь в начале XX в., были вынуждены вступить в борьбу с этими гигантами.

Настоящее научное сообщение ставит своей задачей осветить вопрос о том, как после русско-японской войны Санкт-Петербургское Телеграфное агентство и Японское Международное агентство новостей вступили на путь взаимодействия, являвшееся частью сближения двух стран, которое закончилось подписанием союзного договора в 1916 г. В основе сообщения лежат материалы Российского Государственного Исторического Архива в Санкт-Петербурге, которые впервые вводятся здесь в научный оборот.

Японцы впервые увидели аппарат для передачи электрического сигнала по проводам с приходом адмирала Перри. Аппарат входил в число подарков, которые предназначались для того, чтобы поразить японцев достижениями западной цивилизации. В России первый электромагнитный телеграф был

---

¹ По техническим причинам текст Ю.Д. Михайловой не был включён в раздел "Россия и Япония"; редакционной коллегией было решено поместить его в качестве приложения к монографии.

создан Павлом Львовичем Шиллингом в 1832 г. Первый трансатлантический кабель был проложен в 1860-е гг., а в начале XX в. появилась уже целая сеть таких кабелей, большинство из которых принадлежало Англии.

2. Позднеев и Назаров

Санкт-Петербургское телеграфное агентство (СПА) было учреждено по инициативе А.П.Извольского как только он стал министром иностранных дел в 1906 г. Первым корреспондентом СПА в Токио стал Д.М. Позднеев, который в 1906 г. находился в Японии в научной командировке от Восточного Института. Как патриот, переживавший поражение России в войне с Японией, он видел свою задачу в том, «чтобы выяснить... важность Токио как центра Дальнего Востока». Срочные телеграммы отправлялись им в Санкт-Петербург непосредственно из Токио (тариф за слово тогда составлял 1 р. 40 коп.), а менее срочные сначала шли почтой во Владивосток, а оттуда телеграфом в Петербург.

Позднеев испытывал моральное удовлетворение от своей работы, поскольку его телеграммы «переводились, перепечатывались всем светом, ... влияли на биржи и на отношение к японским финансам»¹, но зарплаты в 3000 рублей в год, которую он получал от СПА, ему с семьей не хватало на жизнь. Тем не менее он оставил должность корреспондента только в 1910 г., завершив создание задуманных им работ по изучению японского языка и русско-японских отношений.

С 1 ноября 1910 г. СПА наняло в качестве корреспондента в Японии Г.Т.Назарова. Назаров знал японский язык и имел опыт работы корреспондентом в Японии до русско-японской войны. Ему был определен оклад в размере 6 000 рублей в год и выдано 2 000 рублей подъемных и прогонных денег. В качестве предпочтительных тем для телеграмм СПА хотело видеть сведения о предпринимаемых Японией реформах, направленных на расширение японского влияния на Дальнем Востоке, а также отношение японского общественного мнения и правительства к России. Сообщения корреспондента не должны были сопровождаться личными рассуждениями и выводами, а им следовало представлять возможно более точное изложение фактов. Для теле-

¹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1004, ЛЛ. 11-11 об. (7/20 декабря 1906 г.).

грамм с пометкой “Presse” применялся пониженный тариф в размере 66% от обычного¹.

Хотя СПА и являлось правительственным телеграфным агентством при Министерстве Иностранных Дел, финансовой поддержкой правительства оно пользовалось только в течение первых пяти лет работы. Это заставляло дирекцию соблюдать строгую экономию в распределении средств и постоянно искать новые возможности для пополнения своего бюджета.

Последняя тенденция нашла отражение в деятельности Директора-распорядителя агентства О.И.Ламкерта. Именно ему пришла в голову мысль о возможности посредничества СПА при передаче телеграфных известий между Европой и Дальним Востоком: относительная близость России к последнему позволяла использовать более дешевый тариф. Однако Ламкерт понимал, что эта комбинация могла стать успешной лишь в том случае, если российские телеграммы будут приходить быстрее, нежели телеграммы Рейтера. Своими соображениями он поделился с Г.Т. Назаровым².

В ответном письме Назаров пояснял, что поставленная задача может быть осуществлена при найме субагентов, которые поставляли бы ему информацию до того, как она появится в бюллетенях особого осведомительного бюро Liberal News Agency. Соответственно, он просил выделить дополнительные средства на наём субагентов. Соображения Назарова были приняты Советом Агентства и «на издержки, вызванные организацией осведомительной службы» было добавлено по 100 руб. в месяц.

3. «Кокусай цусинся» -- Японское Международное агентство новостей

В начале XX в. в сфере внимания японских телеграфных агентств доминировали события, происходившие внутри страны. Информация о международной жизни передавалась через Рейтер и Ассошиейтед Пресс. Однако сразу же после русско-японской войны в Петербург был направлен в качестве корреспондента газеты «Осака Майнити» Такаиси Сингоро, который пробыл в

¹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1004, ЛЛ. 131-132 об. (13 ноября 1910 г.).

² Там же, Л. 184 (16/29 августа 1911 г.).

России до сентября 1906 г. В газете было опубликовано пятьдесят его статей под общим заголовком «Послевоенная Россия». Хотя многие из них содержали довольно интересные обзоры русского общества и русско-японских отношений, доставка писем занимала около двух месяцев и статьи не могли быть использованы как оперативная информация.

В то же время политические деятели и бизнесмены Японии, убежденные в том, что с победой в войне с Россией Япония стала равноправным членом клуба мировых держав, были поражены, узнав во время своих путешествий за границу, как мало Япония была представлена в зарубежной прессе, а многие сообщения о ней носили пренебрежительный оттенок. Страна нуждалась в собственном агентстве новостей, которое представляло бы ее миру в нужном для самих японцев свете. Активным поборником этой идеи был известный бизнесмен Сибусава Эйити.

В 1910 г. Японию посетил Мелвиль Стоун, главный управляющий агентства Ассошиэтед Пресс, который навел японцев на мысль о создании собственного агентства новостей¹. Особенное впечатление встреча со Стоуном произвела на корреспондента Ассошиэтед Пресс в Японии Д.Р.Кеннеди, который вскоре отказался от работы в американском агентстве и посвятил последующие годы своей жизни созданию и деятельности японского агентства «Кокусай цусинся».

Если лично для Кеннеди решающими соображениями могли быть финансовый и престижный факторы, то для японцев стимулом к созданию собственного агентства стал принятый в 1913 г. Конгрессом Калифорнии закон, запрещавший этническим японцам приобретать землю в этом штате. Многие в Японии полагали, что причины подобной дискриминации заключаются в недостаточной осведомленности Запада о Японии и считали, что создание собственного агентства новостей способно изменить ситуацию.

В конце 1913 г. Японии удалось за 150 000 йен выкупить у Рейтера право поставлять информацию из Японии и в 1914 г. было

---

¹ S.Iwanaga, *Story of Japanese News Agencies: A Historical Account from Meiji Restoration (1868) to the End of World War II (1945)*. Institute of News Service Research, 1980, pp. 28-30.

учреждено агентство «Кокусай цусинся». Кеннеди стал его Генеральным управляющим с окладом в 15 000 йен в месяц, но по сути японское агентство продолжало состоять в зависимости от Рейтера, который сохранил свою агентуру в Японии и контролировал работу «Кокусай цусинся» другими способами. Месячная плата, которую Рейтер требовал за предоставление «Кокусай цусинся» права на распространение международных новостей, была столь огромна, что практически она чуть ли не равнялась всей сумме дохода, ожидаемого «Кокусай цусинся» от подписчиков. Японскому агентству с трудом удавалось выплачивать жалование сотрудникам, вносить плату за аренду помещения и содержать прочие атрибуты кампании¹.

4. П.Г. Васкевич и расширение сферы деятельности СПА/ПТА

В апреле 1914 г. между Японией и Россией успешно прошли переговоры о соединении сухопутных телеграфных линий в Маньчжурии, Корею и на Сахалине, благодаря чему плата за слово уменьшилась до 11 копеек.

Вместе с тем создание «Кокусай цусинся» стало одним из факторов, позволившим руководству СПА начать активную деятельность за ликвидацию монополии Рейтера. Важную роль в этом процессе сыграл П.Г. Васкевич, являвшийся в то время драгоманом Российского посольства в Японии. С декабря 1912 г. он стал также токийским корреспондентом СПА.

С наймом Васкевича, японоведа по образованию, агентство получало не только денежную экономию (его оклад был определен в 200 рублей), но и могло быть уверено в точности и достоверности передаваемой им информации. 28 сентября 1913 г. О.И. Ламкерт сообщил Васкевичу, что агентство Рейтер уже в принципе дало свое согласие на переход к такой организации службы, при которой оно пользовалось бы услугами российского агентства, и просил его принять все меры для быстрой и точной передачи информации². Васкевич самым тщательным образом собрал информацию о работе бюро Рейтера в Токио и заключил, что общая стоимость может обойтись российской сто-

¹ Цусинся си (История телеграфных агентств). Цусинся Си Канкокайхэн. 1958. С. 70-111.

² РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1004. ЛЛ. 196-196 об. (28 сентября 1913 г.)

роне в 3 840 йен в год. Дирекция СПА была довольна деятельностью своего агента.

5. Военный период

С конца 1914 г. СПА, переименованное с началом войны в ПТА, с согласия Рейтера стало посылать свои сообщения в Японию по адресу «Kokusai Токуо», и одновременно в бюро Рейтера в Лондон, а отправитель именовался «Вестник» (Westnik). Ни Ламкерт, ни Васкевич не находили никакого другого объяснения этим требованиям Рейтера, кроме как желания сохранять свою монополию. В Японии телеграммы ПТА перепечатывались газетами, выходящими на английском языке («Japan Times» и «Advertiser» и др.), и двумя газетами на японском «Хоти» и «Дзидзи симпо». Петроград надеялся, что в тот исторический момент, когда Россия и Япония шли по пути «закрепления тесных дружеских отношений и японское общество проявляло живой интерес к России», у японцев появится стремление к независимости от Рейтера и установлению непосредственного телеграфного общения с Россией¹.

Однако Васкевич отмечал курьезный факт, заключавшийся в том, что Императорское посольство в Токио рассылало в своих бюллетенях сведения из России газетам бесплатно, поэтому рассылка информации «Вестником», по его мнению, не имела смысла. Достойным большего внимания он считал вопрос о том, что японское правительство задалось целью снабжать русскую печать сведениями из Японии при помощи собственного телеграфного агентства и собственных корреспондентов. Организация этого дела была поручена Японо-русскому обществу, возглавляемому Гото Симпэй. Общество обратилось к русскому послу за содействием в деле распространении в русской печати через посредство «Вестника» его телеграмм. По мнению Васкевича, в подобном предложении было заинтересовано Японское правительство, стремившееся монополизировать информацию о Японии в иностранной печати.

Телеграммы Японо-русского общества стали появляться в русских газетах с 20 января/2 февраля 1916 г. с периодичностью примерно две телеграммы в месяц, тогда как телеграммы Васке-

¹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1006, ЛЛ. 12-120б. (18 марта 1915 г.)

вича появлялись каждый день и по несколько штук. Так, в период с 7 по 14 февраля 1916 г. он отправил 23 телеграммы, в последующие две недели – 30 телеграмм¹. Он освещал самые разнообразные аспекты японской жизни – от работы парламента до участия Японии в работе парижской экономической конференции.

6. Последний корреспондент – К.Б. Полынов

Весной 1917 г. было принято решение о переводе Васкевича на работу консулом в Дайрен². Вместо себя он предложил кандидатуры М.Н.Рамминга, которому предстояло работать драгоманом в посольстве, и К.Б.Полынова (Плансона). Рамминг не проявил заинтересованности к работе корреспондентом. Полынов же, наоборот, стремился к ней. Инженер по образованию, он проживал в Японии с 1905 г. в качестве политического эмигранта, зарабатывая на жизнь публикациями в различных газетных и журнальных изданиях как в России, так и в Японии. Его отличали хорошее знание японского языка, который он выучил самостоятельно, и японских реалий, в частности, в области коммерции и предпринимательства. Он был женат на японке и проживал в Йокогаме. По некоторым сведениям, Полынов оставался в Японии до начала 1920-х гг., а вернувшись в Россию, преподавал в Академии РККА³. Для нее им была написана «География Дальнего Востока», один только (сохранившийся) второй том которой составил 1 350 рукописных страниц.

ПТА определило ему оклад в 500 руб. в месяц. Дела от Васкевича он принял 19 августа/1 сентября 1917 г. и начал активно работать над составлением словаря часто употребляемых терминов, давая их в английской транскрипции. Сами телеграммы он тоже писал по-английски. Однако чрезвычайная «сжатость» текста и недостаточная «обработка» его для русских читателей делали его телеграммы неприемлемыми для использования в русских газетах. Учитывая большой литературный опыт Полынова, можно все же предположить, что со временем он мог бы

---

¹ Там же, л. 42.

² РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1006, ЛЛ. 59 (23 августа 1917 г.).

³ Савада Кадзухико. Хаккэй росиядзин то нихон бунка (Русские белоэмигранты и японская культура). Сэйбунся. 2007. С. 294.

стать хорошим корреспондентом, но в то время возникли сложности в работе телеграфа вообще.

В РГИА сохранилось предложение Полынова опубликовать «Письма из Японии», которые он представлял себе как справочник по стране, постоянно пополняемый и исправляемый во времени. Предполагаемое издание должно было состоять из отдельных карточек, нанизываемых «на металлические вилки с зажимами», очевидно, некое подобие современных папок. При смутности информации в рекламном листке, невольно встает вопрос, не являлись ли «Письма» детищем Японо-Русского общества. Агентство одобрило идею «Писем из Японии» в принципе, но заявило, что в настоящее время воздерживается от их издания по финансовым соображениям.

Любопытно заявление Полынова о том, что он посылает «сведения и сообщения не в интересах такого или иного правительства, той или иной партии, а в интересах широкого народа»¹.

Неизвестно, дошло ли в то смутное время до Полынова письмо из агентства от 11 декабря 1917 г., подписанное комиссаром Леонидом Старком, в котором он приглашал его оставаться работать в агентстве и просил информировать об отношении Японии к ходу переговоров о мире между Россией и Германией, о возможностях японского десанта и обо всем, что касается отношений Японии к происходящим событиям в России. Однако известно, что здание Петроградского Телеграфного Агентства стало одним из первых, взятых в октябре 1917 г. большевиками, хорошо понимавшими важность телеграфа.

7. Заключение

Следует признать, что на протяжении 1907-1917 гг. в России было создано телеграфное агентство, которое отвечало международному уровню и могло конкурировать с крупнейшими международными агентствами типа Рейтер. Его корреспондентами в Японии были люди, являвшиеся либо в силу своего образования, либо длительного пребывания в Японии, хорошими знатоками этой страны. Квалифицированная работа корреспондентов агентства во многом способствовала подписанию союзного договора в 1916 г. В 1917 г. российское агентство «Вестник» и япон-

---

¹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1006, л. 130, (17/30 ноября 1917 г.).

ское «Кокусай цусинся» стояли на пороге более тесной совместной работы. Летом 1917 г. Д.Р. Кеннеди писал Директору-распорядителю ПТА: «По прошествии почти трехлетней усиленной работы по созданию в Японии полезного телеграфного агентства, мы в настоящее время стоим на твердом фундаменте, на котором мы надеемся построить агентство, похожее на те крупные европейские телеграфные агентства, одним из лучших образцов которого является ваше» и испрашивал разрешения отправлять ему сведения¹. Таким образом, могла быть наконец достигнута цель, к которой так стремился О.И. Ламкерт. Однако А. Ловягин, возглавлявший агентство в недолгий период существования Временного правительства, не решился дать определенный ответ без консультации с агентством Рейтер. Тем не менее можно считать, что СПА/ПТА заложило техническую и организационную основу для деятельности советских телеграфных агентств в Японии. Когда в 1918 г. уже в Москве было создано агентство РОСТА, его телеграфный адрес звучал как «Москва-Вестник».

---

¹ РГИА, ф. 1358, оп. 1, д. 1006, ЛЛ, 65-67 (без даты).

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

150 лет революции Мэйдзи в Японии (сохранение традиций или мировое лидерство?)	(Филиппов А.В.)	3
--	-----------------	---

ГЛАВА 1. Корни Мэйдзи-исин

и исторические реалии мэйдзийской Японии

Революция Мэйдзи: 100 и 150 лет спустя (Н.И.Конрад и парадоксы его «прогресса»)	(Мещеряков А.Н.)	13	
Император и подданные в эпоху Хэйан в трудах ученых периода Мэйдзи: на примере воззрений Кумэ Кунитакэ	(Грачев М.В.)	24	
Образ легендарной государыни Дзингу в период Мэйдзи: актуализация мифа о «корейском походе»	(Дулина А.М.)	35	
Учебные пособия для военнослужащих как источники по идеологическому воспитанию солдат японской императорской армии (период Мэйдзи)	(Османов Е. М.)	40	
Эпоха Мэйдзи: годы просвещения	(Скворцова Е.Л.)	53	
Трансформации в японской исторической традиции новейшего времени	(Стрельцов Д.В.)	63	
Эволюция роли европейцев в модернизации Японии (Чижевская М.П.)		74	
Создание меньшинства: взгляды японских интеллектуалов и политика Японии в отношении айнов в XVIII–XIX вв.	(Щепкин В.В.)	83	
明治維新が造りだした「日本国民」という型枠	Рамки понятия «японская нация», сформированные революцией Мэйдзи	(КИМУРА Такаси)	97
Two diaries from Yokohama: a note	(Teresa CIAPPARONI LA ROCCA)	128	
The activity of Italian trader Giacomo Farfara and his trips in northern Japan during the Boshin War (1868-69) -Focusing on Italian and Japanese primary sources-	(Giulio Antonio BERTELLI)	135	

ГЛАВА 2. Преобразования Мэйдзи

и их место в японской культуре

Памятники эпохи Мэйдзи из коллекции Государственного Эрмитажа	(Боголюбов А.М.)	149
Традиционные искусства Японии как отражение социально-политической обстановки в стране	(Борисова А.А.)	156
Формирование категории «красота» в эпоху Мэйдзи. Архаические и новаторские представления	(Дьяконова Е.М.)	164
Основные тенденции цветовой культуры эпохи Мэйдзи	(Касимова В.Р.)	171
Музыкальный мир эпохи Мэйдзи. Модернизация в звуках	(Клобукова Н.Ф.)	179
«Путь Чая» в эпоху Мэйдзи – на перекрестке двух путей	(Кудряшова А.В.)	193
Первые рестораны европейской кухни в Японии в эпоху Мэйдзи	(Наливайко О.А.)	199

Развитие художественного образования в Японии 2-й пол. XIX в. в контексте идеи «Цивилизация и просвещение» (Паюк А.Ю.)	212
Герб кикю-мон до и после Революции Мэйдзи (Речкалова А.А.)	222
Оомия-коэн – литературно-парковое «открытие» Европы (Садокова А.Р.)	236
Кунэ дзукуси как японская игра в «города» (Симонова-Гудзенко Е.К.)	246
Реформы математического образования в эпоху Мэйдзи: место для японской математики в эпоху модернизации страны по европейской модели (Филиппов Е.А., Дружинин Н.Л.)	254
Географическая энциклопедия «Ети сиракю» Утида Масао. Особенности описания Японии (Шарова А.Б.)	268
Культура оформления японских канализационных люков (Шиманская А.С.)	278
Основные изменения в костюме японцев в эпоху Мэйдзи (Василиско Д.И.)	284
Art, Identity and the Creation of Tradition in Meiji-period Japan (Marco GRUBACIC)	295

ГЛАВА 3. Трансформация японского общества и динамика политических процессов

The life of Japanese woman: contradictions of Meiji period (1868-1912) (Иванова Ю.В.)	307
From Samurai to Otomen: 150 years of masculinity reform (Gergana Petkova)	319
Формирование основ конституционного права Японии эпохи Мэйдзи (Амара (Савинцева) М.И.)	331
Традиции, условия и формы перехода от эпохи Хэйсэй к эпохе нового императора Японии (Богоявленская Е.Д.)	341
«Аниме-туризм»: использование элементов мультипликационных фильмов субъектами туристической деятельности для развития внутреннего туризма в Японии (Гуленок П.А.)	354
Особенности формирования банковской системы Японии в последней трети XIX в. (Емельянова О.Н.)	362
Пространство модерна в старой столице – промышленные выставки в Киото в 1871-1895 гг. (Мельникова И.В.)	376
Особенности демографической политики Японии в начале XXI в. (Рогожина Ю.В.)	387
«Девять раз упасть, десять раз подняться»: эпизоды жизни Хироока Асако (Спицына К.А., Нестерова М.А.)	392

ГЛАВА 4. Литература Японии сквозь призму Мэйдзи-исин

Произведения гэсаку и литература периода Мэйдзи: разрыв или преемственность традиции? (на примере жанра коккэйбон) (Борькина А.Ю.)	403
Творчество драматурга Каватакэ Мокуами как новый этап в истории традиционного театра Кабуки (Богомолова Е.А.)	413
Судьба «маленького человека» в эпоху великих перемен (отражение эпохи Мэйдзи в японской литературе конца XIX в.) (Данилова Ю.Н.)	427

Образ интеллигента Мэйдзи в произведениях Нацумэ Сосэки (Индосова М.М.)	437
Эволюция отношений человека и собаки в Японии: от эпохи Хэйан до революции Мэйдзи (Кикнадзе Д.)	446
Занять подобающее место: PR-политика 18-го патриарха школы Тэндэй Рёгэн в его «Уложении в 26 статьях» (Левченко И.И.)	457
Реликты багё из сокровищницы храма Тодзи (Фесюн А.Г.)	462
Короткий рассказ в творчестве современного японского писателя Танака Синъя (Хронопуло Л.Ю.)	466
Исикава Такубоку и Василий Розанов: сходство несхожего в дневни- ковом жанре (Филимонов А.О.)	476
石川啄木と明治日本 — 「国民的性格」をめぐって— Исикава Такубоку и Мэйдзи-исин: к вопросу о «национальном характере» (ЯСУМОТО Такао)	483

ГЛАВА 5. Россия и Япония

О посольстве Н.П.Резанова в Японию 1804-1805 гг. (Климов В.Ю.)	491
И.Ф.Крузенштерн о Сахалине (Климов А.В.)	503
Японские адреса в Петербурге во времена японской эпохи Мэйдзи (на рубеже XIX–XX вв.) (Михайлова С.А.)	511
Ито Хиробуми в истории российско-японских отношений (Яковлева Ю.И.)	530
Визит Ито Хиробуми в Санкт-Петербург в 1901 г. (Рогов Е.О.)	544
Партия Сэйюкай и ее влияние на формирование отношения к России в японском обществе эпохи Мэйдзи (Широков В.В.)	553
Обучение российских японоведов (студентов, аспирантов, стажеров, практикантов) в Японии в эпоху Мэйдзи (Марахонова С.И.)	560
Дипломатическая деятельность Танака Токити – первого посла Японии в Советской России (1925-1930 гг.) (Кузнецов С.И.)	571
Коллекция Е.Г.Спальвина в собрании японских рукописей и ксилогра- фов ИВР РАН: опыт небольшого расследования (Маранджян К.Г.)	582
Russian Migrants in Japan and their Japanese Homes (Ksenia Golovina)	588

ГЛАВА 6. Японский язык сквозь призму Мэйдзи-исин

Японская лингвистика в эпоху Мэйдзи: синтез традиций (Алпатов В.М.)	602
Период Мэйдзи в рамках курса «История японского языка» (Бессонова Е.Ю.)	618
Исследования диалектов японского языка в послемэйдзийский период (Быкова С.А.)	623
Языковая политика Японии с периода Мэйдзи до наших дней (Васильева Л.В.)	630
Интеграция супraseгментной фонетики в преподавании грамматичес- кого блока на примере разработки онлайн-курса «Японский язык. Базовый уровень» (Ибрахим И.С.)	638
Женская речь в японском языке – реальность или миф, созданный в эпоху Мэйдзи? (Крнета Н.Д.)	647

Отражение на письме фонетических изменений в японском языке под влиянием заимствованных слов (Румак Н.Г.)	657
Эволюция когнитивной модели перевода русских художественных произведений на японский язык (на материале параллельных текстов 1892–2017 гг.) (Стрижак У.П.)	664
Эвфемизация современного японского языка как проявление политкорректности (Фролова Е.Л.)	676
Новая эпоха в развитии японского понимания языкового и культурного взаимодействия Японии с Западом (от Мэйдзи до наших дней) (Николова В.В., Живкова С.Т.)	686
新語としての明治時代の漢語 —「恋愛」— Канго в эпоху Мэйдзи как неологизм (АРАКАВА Ёсико)	699
ロシア人日本語学習者の作文における誤用と気づき —接続表現「とき、と、たら、てから、たあと」に注目して— Типология ошибок носителей русского языка в сочинениях на японском (анализ способов подчинительной связи для условно-временных придаточных предложений) (ОХИРА Рэйко)	706

ГЛАВА 7. Япония, открытая миру:

150 лет внешней политики

Некоторые современные подходы японских ученых к анализу внешней политики Японии: реализм и либерализм, международное сотрудничество и индивидуализм (Малашевская М.Н.)	715
От сабельного режима к культурному управлению и сфере совместного процветания Восточной Азии: трансформация методов колониального управления в Корею в периоды Мэйдзи, Тайсё и Сёва (1910-1945 гг.) (Овчинникова Л.В.)	726
Дипломатическая миссия фрегата «Эртогрул» в свете турецко-японских отношений (Колосова Д.И.)	743
Предпосылки и причины маньчжурского кризиса (Филинов А.В.)	752
The US-Japan alliance: does a new Japan status-quo imply challenge or regional stabilization? (Filomenko Alexandra)	765
Японо-северокорейские отношения в период «холодной войны» (Лобов Р.Н.)	774
К вопросу о расхождении внешнеполитических позиций Японии и Индии по основным международным проблемам в Азии в 1970-е гг. (Леленкова А.В.)	785
История международного сотрудничества Казахстана и Японии (Абдрахманова Г.С.)	800
Curse or bless: influence of Japanese outward direct investments on its exports (VARKENTIN Andrey)	807

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Образ России в Японии и Китае: Специфика изучения (Самойлов Н.А.)	819
Сведения об авторах: АФФИЛИАЦИЯ	827
Приложение: Телеграф и российско-японское сближение накануне и во время первой мировой войны (Михайлова Ю.Д.)	835

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЯПОНИЯ (150 лет революции Мэйдзи):

Исследования российских и зарубежных учёных,
посвящённые 150-ой годовщине революции Мэйдзи

Печатается в авторской редакции

ДИЗАЙН И ОРИГИНАЛ-МАКЕТ: В.В.Щепкин, А.В.Филиппов

Подписано в печать 26.02.2018 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,76. Тираж 230 экз.
Заказ № 26660

Отпечатано в «Изд-во "Art-xpress"»,
Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17, корп.3, оф.4
тел. 331-33-22
<http://art-xpress.ru/>

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

MONOGRAPH SERIES
«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения» №7

**ЯПОНИЯ:
150 лет революции Мэйдзи**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018